Шестой годъ.

Сибирскіе Вопросы

№№ 37-38

16 октября 1910 г.

П—39

СОДЕРЖАНІЕ:

1. „Сонная". *И. Емельянченко.*
2. Caveant consules!... *Тургайскаго.*
3. „Кобылка". *Статистика.*
4. Сказка про бѣлаго бычка. *Р-на.*
5. Еще о „проклятомъ островѣ" и рыбопромышленности на Дальнемъ Востокѣ. *А. Ленскаго.*
6. Сибирскія письма: 1) Тобольскъ, 2) Томскъ, 3) Иркутскъ.
7. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*
8. Край губернаторскаго произвола. *Якутскаго сторожила.*
9. Сибирскіе бурбоны. *Сурина.*
10. Изъ воспоминаній о Монголіи. *Нургали.*
11. Марево (Набросокъ). *Я. Полферова.*
12. Обозрѣніе русской жизни.
13. Хронина.
14. С.-Петербургское Сибирское Собраніе. *А. Х.*
13. Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.
16. Объявленія.

3279

Районно-центральная библіотека г. Тюмень

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

Отъ редакціи.

Редакція полагаетъ, что всѣ лица и общественныя учрежденія, кому дорого независимое слово въ борьбѣ за лучшее будущее Сибири, могутъ оказать журналу существенную поддержку, присылая статьи и корреспонденціи на тѣмы, какія въ данный моментъ наиболѣе интересуютъ сибирское населеніе.

Съ просьбой о такомъ содѣйствіи редакція обращается ко всѣмъ сибирякамъ, кто хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями журнала своими мыслями о текущихъ вопросахъ, явленіяхъ и фактахъ сибирской жизни.

Всѣ статьи и корреспонденціи оплачиваются.

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№№ 37-38

16 октября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стран.
1. „Сонная“. *И. Емельянченко.*	3—12
2. Caveant, consules! *Тургайскаго.*	12—15
3. „Кобылка“. *Статистика.*	15—17
4. Сказка про бѣлаго бычка. *Р-на.*	17—19
5. Еще о „проклятомъ островѣ“ и рыбопромышленности на Дальнемъ Востокѣ. *А. Ленскаго.*	19—24
6. Сибирскія письма: 1) Тобольскъ, 2) Томскъ, 3) Иркутскъ.	24—33
7. Очерки сибирской жизни. *Л. К.*	33—41
8. Край губернаторскаго произвола. *Якутскаго старожила.*	41—49
9. Сибирскіе бурбоны. *Сурина.*	50—54
10. Изъ воспоминаній о Монголіи. *Нургали.*	55—63
11. Марево (Набросокъ). *Я. Полферова.*	63—66
12. Обозрѣніе русской жизни.	66—72
13. Хроника.	72—73
14. С.-Петербургское Сибирское Собраніе. *А. Х.*	74—78
15. Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.	79—92
16. Объявленія.	93—95

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

„Сонная".

Въ первый разъ я ее увидѣлъ далеко отъ ея родины. Это случилось въ Женевѣ. На бурномъ собраніи русской молодежи, въ тѣсной, душной комнаткѣ небогатаго кафе она сидѣла среди другихъ сибирячекъ и, казалось, уснула, несмотря на то, что студентъ-ораторъ почти кричалъ, а его слушатели съ красными лицами и сверкавшими глазами шумѣли отъ негодованія. Еще-бы! Ораторъ звалъ: „примириться съ дѣйствительностью"!...

У многихъ кулаки сжимались отъ ярости, а она словно застыла у своего столика, и нельзя было опредѣлить: слушаетъ-ли она горячія пренія или подъ ихъ гулъ грезитъ о чемъ то далекомъ, тихомъ и свѣтломъ, какъ снѣжная поляна при лунномъ блескѣ.

Чуть наклонивъ прекрасно изваянную головку и прикрывъ красивой рукой глаза, она, казалось, защищала ихъ отъ шума, а не отъ свѣта, такъ какъ кафе освѣщалось лишь двумя тусклыми лампами.

Эта неподвижная, среди общаго возбужденія, дѣвушка меня очень заинтересовала.

„Студентка-медичка... Люба Ленская... Наша сонная Люба!"... вотъ все, что я получилъ въ отвѣтъ на свои разспросы. Къ сказанному одинъ изъ моихъ сосѣдей, лохматый студентъ тихимъ басомъ, прихлебывая свое пиво, добавилъ:

— Личность... въ общемъ... мало... интересная...

Едва онъ кончилъ свою коротенькую, но очень внушительно растянутую характеристику, какъ въ кафе вдругъ стихло. На русскихъ собраніяхъ это бываетъ: идетъ гуломъ волна, растетъ, кипитъ уже подъ самымъ небомъ, кажется, вотъ-вотъ захлеснетъ даже звѣзды и вдругъ—упала, разошлась, расползлась во всѣ стороны чуть журчащими струйками...

Ораторъ красный, потный усѣлся на свое мѣсто и пересталъ быть центромъ бури; разговоръ разбѣжался по отдѣльнымъ столамъ, заговорили всѣ, отдѣльными кучками, заговорили негромко, сдержанно, но съ бо́льшимъ присутствіемъ мысли въ словахъ. Въ эту-то минуту, среди тишины, прозвучали довольно громко вполнѣ спокойно сказанныя слова:

— Глупости... все глупости!

Это сказала Люба Ленская. Она, наконецъ, проснулась. Она была необыкновенно хороша. Въ строгомъ смыслѣ слова ее нельзя было назвать красавицей. Она была слишкомъ блѣдна, и это отчасти лишало ея лицо выразительности, но высокій лобъ изъ подъ скромной прически сіялъ разумомъ, а большіе сѣрые глаза ласкали всѣхъ необыкновеннымъ свѣтомъ...

Утренняя звѣзда сверкнула въ потемкахъ женевскаго кабачка...

Люба глядѣла сразу на всѣхъ и вдругъ, вспыхнувъ, какъ яркая сибирская зорька, стукнула кулакомъ по столу и страстно повторила:

— Даже подлыя глупости! трусливыя!..

Въ кафе стало еще тише. Люба поймала общее вниманіе врасплохъ, но не воспользовалось имъ. Нервно повернувшись, она расплатилась за чай, встала и, высоко поднявъ голову, словно чѣмъ-то оскорбленная, покинула собраніе. И было видно и чувствовалось, что „подлость“ и „глупость“ рѣчи глубоко и кровно ее обидѣли.

Послѣ ея ухода всѣмъ стало совершенно ясно, что разговаривать больше не о чемъ. И, когда отдохнувшій ораторъ снова поднялся, чтобы говорить, его не стали слушать. Лохматый студентъ громко пробасилъ:

— Глупости... мало интересныя глупости!..

Онъ тронулся къ выходу, а за нимъ и другіе, хотя ораторъ и кричалъ:

— Позвольте, господа, позвольте!...

Его оставили жестикулировть наединѣ съ толстымъ женевцемъ трактирщикомъ.

———

Прошло лѣтъ пять. Судьба меня забросила въ Сибирь, на родину Любы Ленской. Но, признаюсь, дѣвушка совершенно выскочила изъ моей головы. Однако люди, много видавшіе, знаютъ, что есть мгновенныя встрѣчи, оставляющія въ душѣ впечатлѣніе, что „эта встрѣча не послѣдняя“...

Именно такой характеръ носила встрѣча съ Любой Ленской. Я даже не пытался познакомиться съ ней, уѣхалъ изъ Женевы съ увѣренностью: гдѣ нибудь, когда нибудь я ее еще увижу. Но уидѣлъ я ее тамъ, гдѣ не ожидалъ.

в Однажды, въ началѣ зимы я ѣхалъ въ Заангарье чрезъ Балаганскъ. Я очень торопился, потому что боялся, что не успѣю во время переправиться черезъ Ангару: по словамъ моего ямщика, несмотря на сравнительно раннее время, рѣка была уже запружена густой, сплошной шугой.

Дорога къ Балаганску была отвратительная, первый снѣгъ легъ неровно, „съ вѣтромъ“, какъ говорятъ въ Сибири, гдѣ буграми, а гдѣ чуть-чуть прикрылъ жесткую, непріятно скрипѣвшую подъ полозьями почву.

Однако тройка сытыхъ, горячихъ коней быстро мчала меня впередъ. Я пообѣщалъ ямщику на водку, и онъ старался: его бичъ ежеминутно взвивался въ воздухѣ и ловко подстегивалъ подъ брюхо то одну, то другую пристяжную. Лошади мчались, кошева ныряла изъ ухаба въ ухабъ, норовила выбросить меня то вправо, то влѣво... Тѣмъ не менѣе, я подгонялъ:

— Эй, парень, поживѣй, зарабатывай бутылку!

Бичъ отъ такого поощренія обнаруживалъ чудеса ямщицкаго искусства; кошева обрывалась куда-то въ бездну, а сердце мое на мигъ замирало... Мы поѣхали тише лишь въ темныхъ сумеркахъ, когда замигали рѣдкіе огоньки Балаганска.

При въѣздѣ въ городъ мы обогнали другую тройку. Она трусила, не спѣша, и везла чью-то крупную, закутанную въ мѣха фигуру. Я мелькомъ и съ любопытствомъ оглядѣлъ ее, и проѣхалъ мимо.

— Прямо къ перевозу!—скомандовалъ я.

Мы подкатили къ выволоченной на снѣгъ большой черной лодкѣ; изъ сторожки на звонъ нашихъ бубенчиковъ вышли два перевозчика. По первому же-слову, они заявили, что переправа невозможна...

Рѣка была страшна не своимъ видомъ—вида она не имѣла никакого: мракъ и только. Но въ этомъ мракѣ, въ этой ледяной мглѣ, какъ въ широко раскрытой гигантской пасти, что-то страшно скрипѣло, хрустѣло...

Мнѣ стало жутко. Я уже хотѣлъ было ѣхать на квартиру и тамъ ждать болѣе удобной минуты для переправы, но въ это

время съ откоса скатилась та самая тройка, которую мы обогнали подъ городомъ.

Тройка стала рядомъ съ нами, и изъ кошевы вылѣзъ закутанный сѣдокъ.

— Эй, перевозчики!...—крикнулъ онъ густымъ басомъ.

Одинъ изъ нихъ выдвинулся впередъ.

— Переправы нѣтъ... шуга шибко большая!...

— Что о-о?!.. Нѣтъ переправы?!.. Спускай лодку!.. Я вамъ... лодыри!..

Перевозчики замялись: въ голосѣ пассажира звучала начальническая нотка.

— Кабы утромъ, а теперь... гибель...—замѣтилъ старшій перевозчикъ.

— Мо-о-олчать!—пропѣлъ басъ.—Спускай лодку... двѣ бутылки водки!... А не спустишь, я сейчасъ—къ исправнику...

Фигура осанисто повернулась на мѣстѣ. Старшій перевозчикъ опять хотѣлъ что-то возразить, но важный путешественникъ закрылъ ему ротъ:

— Спускай лодку... Четверть ставлю!.. спускай...

Перевозчики зачесали въ затылкахъ, посмотрѣли на рѣку, другъ на друга, пожали плечами...

— Что-же, весла и багры нести, что-ли?—нерѣшительно спросилъ младшій...

— Да... ужо... неси... попытаемъ...

Молодой побѣжалъ къ сторожкѣ. Я сталъ расплачиваться со своимъ ямщикомъ. Пріѣзжій обратился ко мнѣ:

— А вы не боитесь такой переправы?

Онъ махнулъ рукой на рѣку.

— Жутковато... но... у меня спѣшное дѣло...

— Хмъ!.. У васъ спѣшное... а вотъ у меня не спѣшное, даже очень не спѣшное, а я тоже долженъ рисковать... Вы только поглядите: темень какая!.. Слышите, какъ грызетъ... Бо-о-ольшая шуга!.. Того гляди, затретъ лодку, подъ себя подберетъ и... поплывемъ мы осетрами... Э-эхъ!..

Пока онъ говорилъ, весла и багры были принесены. Лодка скрипнула по снѣгу отъ толчковъ могучихъ плечъ, скользнула въ темную воду и чуть колыхнулась тамъ.

Я первый усѣлся, старшій перевозчикъ—за мной. Пришла очередь пріѣзжаго. Онъ подошелъ, остановился, повелъ головой, фыркнулъ и, наконецъ, сказалъ:

— Въ общемъ... путешествіе мало интересное...

Эти слова, ихъ тонъ словно ударили меня по головѣ, точно снопъ искръ освѣтилъ ея самые темные уголки, и я вдругъ вспомнилъ Женеву, бурное собраніе молодежи, „сонную“ Любу Ленскую и, наконецъ, лохматаго студента...

Да, это былъ онъ... Я съ любопытствомъ вглядывался въ его еле видное лицо. Онъ-же продолжалъ:

— Хмъ!.. Очень... мало интересное... Эй, старикъ, такъ ты говоришь: шуга большая?!

— Большая или нѣтъ, а ты садись, не задерживай!..

— Та-та-та!... Не задерживай!.. Я васъ и вовсе не пущу!.. Выволакивай свою посуду... Баста, не поѣду!.. Чего захотѣлъ, старый чортъ, людей топить!... Выволакивай!..

Старый перевозчикъ стоялъ въ лодкѣ съ багромъ въ рукѣ. Мнѣ казалось, что при неожиданномъ поворотѣ желаній басистаго проѣзжаго у перевозчика явилась мысль поднять багоръ и огрѣть его. Вскипѣлъ даже я и крикнулъ:

— Ну, старина, отчаливай, не хочетъ ѣхать—пусть остается, а что обѣщано, я самъ выставлю... постарайтесь!

Молодой парень вспрыгнулъ въ лодку. Она, сильно качнувшись, отошла отъ берега, а важный господинъ, взмахнувъ руками, гробовымъ голосомъ пропѣлъ намъ свое напутствіе:

— Пропадите-же!

Отвѣтомъ ему былъ лишь крѣпкій ударъ веслами по водѣ. Лодка медленно повернулась, берегъ остался у меня за спиной...

Еще разъ прозвучалъ басъ:

— Ну, чортъ съ вами... Однако скажите тамъ въ Малышевкѣ, пусть сообщатъ Любовь Николаевнѣ Ленской, что, молъ, Семенъ Иванычъ прибылъ въ Балаганскъ, но по отсутствію переправы...

— Держи по теченію! крикнулъ старикъ и помѣшалъ мнѣ разслышать остальныя слова. Сверху на насъ надвигался грозный клинъ шуги, и мы стали уходить отъ него внизъ по рѣкѣ.

Переправа длилась часа полтора. Мы принуждены были то подниматься по рѣкѣ, то отдавать себя на волю теченія. Гребцы выбились изъ силъ, и, когда мы, наконецъ, достигли берега Малышевки, старикъ истово перекрестился, потомъ, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Тяжелая, парень, твоя четверть вина, во второй разъ ужъ не поднять будетъ...

Съ чувствомъ спасеннаго отъ большой опасности я оглядывалъ

рѣку. Холодъ и нервная дрожь прошли у меня по тѣлу, когда я представилъ себѣ возможныя послѣдствія рискованной переправы...

Багажъ мой состоялъ изъ легкаго сака и, распрощавшись съ лодочниками, я пошелъ по направленію къ Малышевкѣ.

Итакъ, я былъ опять вблизи отъ Любы Ленской. Судьба!... Но при чемъ здѣсь лохматый бывшій студентъ, теперь Семенъ Ивановичъ, послужившій причиной того, что я все таки переправился, куда мнѣ нужно было, а самъ трусливо и смѣшно застрявшій въ Балаганскѣ.

— „Мужъ онъ ей“?..

Нѣтъ: она еще Ленская...

— „Женихъ“?...

Это казалось невѣроятнымъ.

Само собой разумѣется, что я самъ разыскалъ Любу Ленскую, когда-то студентку, а теперь „врачиху.“ Найти ее было не трудно. Вмѣсто прежней молоденькой дѣвушки, меня встрѣтилъ вполнѣ сформировавшійся человѣкъ съ очень спокойнымъ, красивымъ лицомъ и серьезными глазами. Отъ прежняго налета „сопливости“ и слѣда не осталось.

Она внимательно выслушала „порученіе“ Семена Ивановича и тихо спросила:

— Но вѣдь вы-же переправились?

— Да... но...

Она чуть-чуть улыбнулась, и отъ улыбки въ углахъ ея губъ такъ и осталась складка горечи.

— Я понимаю, конечно... вездѣ есть свое „но“... Однако зачѣмъ-же я васъ держу въ передней?.. Пожалуйте въ столовую, у меня чай готовъ... я ждала своего жениха... сяду за самоваръ съ вами! Пожалуйте, пожалуйте, не отказывайтесь... Вѣдь, если я не ошибаюсь,—мы уже гдѣ-то... очень давно встрѣчались?...

Она внимательно разглядывала меня, я напомнилъ ей Женеву. Она задумчиво покачала головой.

— Такъ, такъ!... Значитъ вы и Семена Ивановича тамъ видѣли... Ну, пожалуйте, пожалуйте!.. Поговоримъ, вспомнимъ старое...

Она прошла впереди меня въ свою столовую. За чаемъ я заговорилъ съ ней о Женевѣ и вообще о за-границѣ. Однако сразу-же почувствовалъ, что вспоминать старое ей не хочется. Она глядѣла на меня широко открытымъ взглядомъ, но сама молчала, не подавала никакихъ репликъ. Мнѣ стало какъ-то не по себѣ, я

внимательнѣе загляпулъ ей въ глаза и вдругъ умолкъ. Мнѣ показалось, что она смотритъ и не видитъ меня, слушаетъ и не слышетъ.

... „Уснула“! мелькнула у меня мысль, и я, остановившись на полуфразѣ, молча сталъ допивать свой чай. Наступившее внезапное молчаніе не заставило ее очнуться: наоборотъ, она глубже погрузилась въ свое переживаніе и, какъ въ Женевѣ на бурномъ собраніи, поднесла руку къ глазамъ.

Я молча продолжалъ пить чай. Вдругъ она встрепенулась, отвела руку отъ лица, глаза сверкнули, и, вся вспыхнувъ, она поднялась:

— Нѣтъ... это невозможно!..

Выйдя изъ-за стола и совершенно забывъ о моемъ присутствіи, она нервно стала ходить по комнатѣ и все повторяла:

— Невозможно!..

Она ходила, высоко поднявъ голову, какъ много лѣтъ тому назадъ въ кафе, и тотъ-же штрихъ глубокаго оскорбленія былъ замѣтенъ во всѣхъ ея движеніяхъ. Я любовался ею, а она вдругъ остановилась противъ меня.

— Вы меня извините: я не могу сейчасъ быть любезной хозяйкой... Но если вамъ нужно отдохнуть, располагайтесь здѣсь, какъ дома...

Она сдѣлала широкій жестъ рукой:

— По студенчески... безъ церемоній... Я скажу своей старушкѣ, она дастъ вамъ все, что нужно будетъ... Сама же я отправлюсь сейчасъ на ту сторону, въ Балаганскъ...

Я не успѣлъ и слова сказать, какъ она уже исчезла въ сосѣдней комнатѣ, и минутъ черезъ десять снова стояла передо мной, вполнѣ уже одѣтая, и протягивала мнѣ руку:

— Такъ безъ церемоній... какъ дома... Прощайте!

Опомнившись, я хотѣлъ удержать ее, но напрасно. Она сжала мою руку и, освободивъ свою, твердо пошла къ дверямъ. Накинувъ шубу, я поспѣшилъ за нею и все время, пока мы шли къ берегу, говорилъ о томъ, что переправа теперь—чистое безуміе, что на рѣкѣ царитъ одинъ ужасъ...

Она не убавляла шагу и только изрѣдка потрясала головой. Наконецъ, я замолчалъ: у меня мелькнула мысль—да какъ она поѣдетъ и съ кѣмъ?!..

На этомъ я успокоился и уже молча спустился за ней къ тому мѣсту, гдѣ мы причалили и гдѣ была наша лодка. Противъ

ожиданія около нея очутился одинъ изъ моихъ перевозчиковъ. Любовь Николаевна прямо подошла къ нему.

— Ты, Матвѣй?

— Я, Николавна!

— Спускай лодку...

— А до утра не погодимъ?..

— Нѣтъ.

— Боязно, Николавна!

— Спускай...

— Опять старика нѣтъ... въ кабакѣ застрялъ...

Матвѣй и самъ казался навеселѣ. Его можно было убѣдить. Мнѣ стало страшно.

— Безъ старика обойдемся... Ну-ка, берись!

И она своими красивыми руками ухватилась за обмерзшій бортъ тяжелой лодки.

Я успѣлъ только крикнуть:

— Что вы дѣлаете!.. Подумайте! Поглядите!..

– Ужо...—сказалъ Матвѣй, наддалъ плечомъ, и лодка въѣхала въ воду...—Съ тобой, Николавна, и потопуть, и то весело,—добавилъ онъ, прыгая вслѣдъ за нею въ лодку...

Они исчезли среди мрака, а я все стоялъ на берегу, стоялъ и слушалъ, какъ перемалывалась шуга въ холодныхъ струяхъ Ангары. Нѣкоторая зависть щекотала мое сердце, и думалось мнѣ:

— „Она умѣетъ любить, эта „сонная“ Люба“!...

Черную, глубокую пустоту я ощутилъ вокругъ себя, и досадно мнѣ было, когда я вернулся, наконецъ, подъ кровъ, такимъ широкимъ жестомъ гостепріимства предложенный мнѣ:

— „Но кого полюбила?!.. Кого?.. Того, кто о ней отозвался, какъ о личности, мало интересной!“...

На другое утро, скучный и недовольный всѣмъ на свѣтѣ, я поѣхалъ дальше по своему дѣлу...

Черезъ нѣсколько недѣль я былъ опять въ Малышевкѣ. Съ чувствомъ жгучаго интереса я прямо подъѣхалъ къ дому Любови Николавны. Меня встрѣтила та-же старушка, которая съ чисто материнской заботливостью укладывала меня спать подъ своимъ кровомъ, ибо „такъ приказывала Николаевна“.

— Нѣту... нѣту ея, батюшка, нашей звѣздочки... далеко ушла...—заговорила старушка.

Сердце дрогнуло у меня.

— То есть, какъ это?

— Да такъ: уѣхала... Какъ тогда ушла, такъ и уѣхала... Письмо было, да ужъ издалека... Съ Москвы, батюшка!... Да ты пройди въ горницу, тамъ Семенъ Иванычъ сидитъ... водку кушаетъ... Вотъ ужъ второй мѣсяцъ, какъ пріѣхалъ, все сидитъ и водку пьетъ... Пройди, пройди, батюшка, подвесели, разговори сердечнаго!..

Мнѣ стало стыдно за свои прошлыя чувства, и я, какъ въ святилище глубокой трагедіи, вступилъ за старушкой въ знакомую мнѣ небольшую столовую. Тамъ, за столомъ, полнымъ пьянаго безпорядка, сидѣлъ крупный Семенъ Иванычъ. Онъ былъ въ кальсонахъ, воротъ почной рубашки былъ растегнутъ и обнажалъ могучую волосатую грудь. По прежнему лохматая голова его тяжело опустилась на руки.

Передъ нимъ стоялъ полный стаканъ водки. Семенъ Иванычъ, видимо, не переварилъ еще своего большого горя. Старушка подошла къ нему и чуть-чуть встряхнула за плечо:

— Слышь, Семенъ Иванычъ, вотъ молодецъ пріѣхалъ, что тогда провожалъ Николавну...

Семенъ Иванычъ поднялся во весь ростъ и, взметнувши пудовыми кулаками, издалъ дико-бѣшенный крикъ:

— Аг... га!...

Онъ заскрежеталъ зубами, уставивъ на меня два страшныхъ, совершенно стеклянныхъ глаза.

— У-у-у-бью!...

Старушка въ ужасѣ попятилась. Она не ожидала такого эфекта отъ своего доклада. Я шагнулъ впередъ и, положивъ руку на плечо гиганта, усадилъ его.

— Не волнуйтесь... я только исполнилъ ваше порученіе. Любовь Николаевна сама тогда-же рѣшила отправиться въ Балаганскъ... Я думалъ: къ вамъ... и даже позавидовалъ...

Семенъ Иванычъ поникъ головой.

— Да... да... Вы—перстъ Божій... Вы—перстъ судьбы... Я же самъ васъ переправилъ... Кабы не я, вы тоже примерзли бы къ Балаганскому берегу... Проклятая судьба!..

Онъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, и часть водки изъ подпрыгнувшаго стакана выплеснулась на столъ, и напомнила о себѣ. Семенъ Иванычъ жадно схватилъ ее и одинымъ духомъ выпилъ. Блаженная улыбка расплылась по его лицу, и онъ нѣжно проговорилъ:

— А хороша она... Люба?..

— Хороша.

— А вѣдь я это ото всѣхъ таилъ, думалъ: спрячу, самъ возьму... Вотъ взялъ, получай! Бери... ду-ракъ!

Жалко было смотрѣть на него...

— Отъ другихъ утаилъ... мало интересная!!! Вѣдь вѣрили этому... А самъ тоже не взялъ... Прилипъ, а не взялъ... Два раза отрывалась она, бѣжала отъ меня... но настигалъ я ее... На колѣнкахъ ползалъ, руками ножки ей опутывалъ... Теперь кончено!.. Кончено!...

Онъ зарыдалъ, положивъ голову на столъ, но эти рыданія скоро стихли: „лобъ на столѣ, это—сонъ въ душѣ“...

Я поднялся, чтобы уйти. Случайно мой взглядъ упалъ на листокъ бумаги, валявшійся на столѣ, залитый не то слезами, не то водкой. Тамъ крупнымъ женскимъ почеркомъ было написано:

... „недостатокъ ума прощается, бѣшеный нравъ можно извинить... Гдѣ любовь, тамъ оправданіе... По одному нѣтъ прощенія: трусости... Прощай! Не гонись за мной!.. Хотѣла тебѣ все это лично въ Балагапскѣ сказать, но мою лодку, меня и Матвѣя шугой снесло верстъ за шестьдесятъ внизъ... Теперь пишу изъ Москвы... Не гонись! Примиренія не будетъ“...

Я тихо оставилъ столовую и спящаго, оставилъ, какъ гробницу, гдѣ вѣчнымъ сномъ уснуло чужое счастье...

И. Емельянченко.

Caveant, consules!..

„Голодъ грозитъ юго-западной полосѣ Сибири“... —еще лѣтомъ раздавались тревожныя заявленія степныхъ скотоводовъ. „Жутъ келеде“ (бѣдствіе надвигается) -испуганно твердятъ все время киргизы своему многочисленному, большому и малому начальству.

Чтобы понять эту тревогу, надо знать тѣ ужасныя послѣдствія, которыми грозитъ въ Сибири каждый недородъ травъ.

Киргизъ живетъ для скота, единственнаго источника, своего существованія. Всѣ его интересы группируются около стадъ, какъ около исключительной причины его матеріальнаго благосостоянія. Поэтому понятно, почему для киргиза охрана скота представляетъ главную, если не единственную, цѣль въ жизни. Какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ этому

привѣтствіе, съ которымъ, по степному этикету, киргизы обмѣниваются при встрѣчѣ: „малъ, джанъ, балашганъ аманъ ба"?, т. е. какъ благополучны: скотъ, душа и семья? Въ силу этого у киргиза развилась удивительная наблюдательность и чуткость ко всякаго рода метеорологическимъ проявленіямъ, ихъ малѣйшимъ колебаніямъ. Онъ не могъ не подмѣтить періодичности этихъ проявленій, ихъ приблизительно точной смѣны одного другимъ,—словомъ, нѣкоторую закономѣрность. Періодичность метеорологическихъ явленій, совершающихся въ киргизской степи съ извѣстной послѣдовательностью, легла въ основаніе киргизскаго лѣтосчисленія: оно подраздѣляется на 12-лѣтніе періоды, изъ которыхъ послѣдній годъ, „куянъ-жилъ", сопровождается засухами лѣтомъ, буранами и гололедицами зимой. По киргизскому исчисленію, нынѣшній годъ долженъ быть неблагопріятнымъ для произрастанія травъ, и многіе аулы еще съ весны начали принимать мѣры къ сохраненію камышевыхъ и тростниковыхъ зарослей, щадили весной зимнія пастбища, а лѣтомъ старались сдѣлать кое-какіе запасы сѣна. Но, къ сожалѣнію, послѣдняя наиболѣе раціональная мѣра оказалась невыполнимой: съ одной стороны, наступившая продолжительная засуха окончательно сожгла траву, показавшуюся было послѣ весенняго таянія снѣга, а съ другой—полная безпомощность киргиза-скотовода въ отношеніи необходимыхъ машинъ для уборки сѣна. Въ результатѣ, по частнымъ и оффиціальнымъ даннымъ, юго-восточныя и сибирскія степи дали ничтожный сборъ сѣна, а на пастбищахъ совершенно отсутствуетъ подножный кормъ, такъ какъ и лѣтомъ, и осенью не было дождей. Новоселы еще съ августа начали усиленно распродавать скотъ и лошадей, оставляя самую ничтожную долю рабочаго инвентаря, а киргизы наводняютъ своимъ худымъ скотомъ торжки и ярмарки, отдавая его за безцѣнокъ, такъ какъ по опыту знаютъ, что зимою скотъ все-равно погибнетъ отъ безкормицы.

Съ жуткимъ чувствомъ, съ сознаніемъ полной безвыходности вступаетъ и киргизъ, и переселенецъ въ зиму. Кругомъ безбрежная степь, радующая взоры въ хорошій урожайный годъ и жестокая въ годы недорода. Бураны, въ одну ночь уничтожающіе тысячи головъ скота, вынужденнаго всю зиму тебеневать; трескучіе тридцатиградусные мо-

розы, уносящіе сотни животныхъ; гололедица, сопровождающаяся массовыми выкидышами, низводящими иногда процентъ приплода до нуля—вотъ та обстановка, въ которой обречены прозябать и туземецъ, и новоселъ. Раньше, когда просторъ степей позволялъ скотоводамъ дѣлать перекочевки на сотни и тысячи верстъ, жутъ не былъ такъ страшенъ: кочевникъ-скотоводъ могъ найти участки, болѣе обильные травой. Теперь степь изрѣзали подъ переселенцевъ, кочеваніе сведено до радіуса въ десятки верстъ, и киргизъ лишился единственной, хотя и пассивной, мѣры борьбы со стихійнымъ бѣдствіемъ, а вмѣсто нея ничего не получилъ отъ начальства.

Правительство, упорно отказывающее Сибири въ широкомъ самоуправленіи, приняло на себя заботу объ окраинахъ и, надо отдать ему справедливость, тратитъ на нихъ милліоны народныхъ рублей. Но на что тратитъ?! На содержаніе окраинной сатрапіи, на стражниковъ, на представительство, на катанье чиновниковъ. На проведеніе же въ жизнь окраинъ болѣе раціональныхъ экономическихъ мѣропріятій не расходуется и рубля, и все предоставлено гдѣ Николаю Чудотворцу, а гдѣ—Аллаху. Правда, въ департаментахъ сотнями сочиняются всяческіе проекты о „поддержаніи“ и „поднятіи“ окраиннаго хозяйства, о превращеніи окраинъ въ „цвѣтущій садъ“, въ „страну Эльдорадо“, но все это—шалости пера. Окраинные сатраны иногда также разражаются какимъ-либо съ ногъ сшибательнымъ проектомъ и съ суворовскимъ напоромъ, получивъ благословеніе изъ Питера, начинаютъ проводить въ его жизнь. Такъ было съ пресловутыми сѣнными запасами. Сколько чернилъ и бумаги изведено, какихъ расходовъ на командировки потребовалось, какого колоссальнаго труда стоила киргизамъ эта мѣра!.. А въ результатѣ—жалкія сотни пудовъ плохого сѣна на районъ съ тысячами головъ скота, да и такіе запасы растаскивались въ концѣ зимы, а лѣтомъ совсѣмъ не пополнялись. Придетъ иногда какому нибудь администратору въ голову мысль провѣрить „казна-пшинъ“ (казенное сѣно, какъ называли киргизы сѣнные запасы), и командируютъ чиновниковъ. Тогда начинается горячка у ордынскихъ властей: нерѣдко тутъ же на глазахъ ревизора тащатъ на складъ сѣно изъ ближайшихъ ауловъ съ тѣмъ, чтобы по

отъѣздѣ снова водворить его на хозяйскомъ гумнѣ. Обыкновенно и случается такъ, что въ голодный годъ совсѣмъ нѣтъ сѣнныхъ запасовъ: въ концѣ зимы растаскали, а на лѣто—неурожай.

Не въ такихъ опереточныхъ мѣропріятіяхъ должна выражаться борьба съ „жутомъ“. Тутъ нужны иныя, болѣе раціональныя мѣры и прежде всего объединенное активное выступленіе мѣстныхъ силъ, оплодотворенныхъ самосознаніемъ и самодѣятельностью. А возможно это только при условіи широкаго мѣстнаго самоуправленія. Только въ такомъ случаѣ и осуществима та организація борьбы съ бѣдствіями, которая имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ земствахъ, только тогда и киргизъ, и переселенецъ перестанутъ смотрѣть на недородъ, какъ на неотвратимое и непобѣдимое стихійное бѣдствіе.

„Жутъ келеде“, голодъ надвигается, господа консулы, взявшіе на себя попеченіе о многомилліонномъ народѣ!..

Тургайскій.

„Кобылка“.

Лишь только „солнышко пригрѣетъ и зацвѣтетъ сирень“, какъ начинается усиленный отливъ чиновниковъ изъ петербургскихъ душныхъ канцелярій на просторъ и вольный воздухъ окраинъ. Это—своего рода отхожій промыселъ, но съ тою разницей, что чиновникъ, не выѣзжая, получаетъ уже солидную сумму денегъ, въ видѣ подъемныхъ, прогонныхъ и суточныхъ, изъ коихъ добрая половина, а то и больше, остается въ его карманѣ; да и по пріѣздѣ на мѣсто командировки онъ не несетъ тяжелой поденщины, а только покрикиваетъ на мѣстную власть, привыкшую видѣть въ каждомъ петербургскомъ чиновникѣ „ревизора съ подвохомъ“. Одинъ изъ членовъ думской финансовой подкомиссіи замѣтилъ, что до іюня кредиты нѣкоторыхъ учрежденій почти цѣлы, а къ сентябрю -отъ нихъ жалкіе остатки. Оно и понятно: кому охота зимой въ морозъ, а весной въ слякоть ѣхать въ какую-то Акмолинскую или Семипалатинскую область. Вотъ, то-ли дѣло въ маѣ или іюнѣ, когда и тепло, и кумыса много, и степи красивы...

Переселенческое управленіе побило рекордъ насчетъ ко-

мандировокъ. Все лѣто такъ и сыплются, точно изъ худого рѣшета, большіе и маленькіе чиновники. Сибирскій поѣздъ почти ежедневно выбрасываетъ изъ своихъ вагоновъ переселенческаго чиновника. И не даромъ сибирскій обыватель далъ такому чиновнику кличку „кобылка". Какъ извѣстно, кобылка -родъ саранчи, обитающей преимущественно въ средне-азіатскихъ степяхъ. Это—истинный бичъ земледѣлія, и многіе участки брошены переселенцами исключительно изъ-за кобылки: „повадилась кажный годъ, житья нѣтъ"...

И безъ того короткое сибирское лѣто, когда дѣйствительно день кормитъ цѣлую зиму, еще больше сокращается, благодаря слёту „кобылки". „Особливо, не дай Богъ, на тракту быть—замучаютъ"... „И откуда только берется такая прорва чиновниковъ"...—жалуются сибиряки, и жалуются не зря. Есть районы, какъ, напр., омскій, барнаульскій и др., гдѣ рѣдкій дворъ не несетъ въ лѣто той или другой повинности, всегда связанной съ обязательной потерей нѣсколькихъ дней, а если ѣдетъ важное начальство, какъ случилось въ нынѣшнее лѣто, то и цѣлыя недѣли приходится выкинуть изъ трудового года.

Положеніе инородца въ отношеніи нашествія „кобылки" еще безпомощнѣе. Раньше, до колонизаціонной горячки, туземецъ-скотоводъ ждалъ лѣта, какъ евреи манны небесной. Лѣтомъ онъ покрывалъ всѣ свои хозяйственныя прорухи, вызванныя невзгодами долгой зимы, оживалъ духовно. Теперь съ приближеніемъ весны туземца буквально одолѣваетъ лихорадка. Онъ съ первой дрожью начинаетъ учитывать новый пріѣздъ чиновниковъ, боится за свои угодья, а потому и не рѣшается откочевывать на джелау, а старается быть вблизи зимовокъ, представляющихъ наиболѣе лакомый кусокъ для колонизаторовъ. Правда, онъ по опыту знаетъ, что присутствіе его безполезно, разъ „кобылка" облюбовала его кстау, знаетъ, что всѣ доводы, просьбы, жалобы и слезы безплодны, тѣмъ не менѣе онъ остается. А это на руку чиновникамъ: рубрика „осѣдлыхъ киргизъ" въ отчетахъ переселенческаго управленія растетъ, ею козыряетъ правительство, доказывая, что излучина въ киргизскомъ быту въ сторону болѣе культурной формы хозяйства, въ сторону осѣдлости—не мифъ, а фактъ. О томъ же, что это на самомъ дѣлѣ переходная форма отъ средняго эконо-

мическаго благосостоянія къ джатачеству и нищетѣ, гг. бюрократы умалчиваютъ. И, вотъ, все лѣто проходитъ у киргизъ въ ожиданіяхъ, да проводахъ „кобылки", въ ухаживаніяхъ за нею, въ надеждѣ вызвать хоть каплю сочувствія къ себѣ.

Но служебными наѣздами дѣло не ограничивается: довольно часто „кобылка" навѣдывается и ради отдыха, удовольствія, при чемъ и такого рода нашествія обставляются оффиціальнымъ образомъ, а именно, „по службѣ" требуются лошади, конечно, безъ прогоновъ, понятые для... сопровожденія на охоту, рыбную ловлю. Безцеремонность и въ данномъ случаѣ безгранична: веселящейся, праздной „кобылкѣ" нѣтъ дѣла до того, что значитъ населенію отрываться отъ работъ, отнимать отъ страды лошадей. Слѣдующій случай ярко иллюстрируетъ эту безцеремонность „кобылки"

Два слѣдователя, прокуроръ, чиновникъ и студентъ собрались навѣстить одного золотопромышленника, посмотрѣть пріискъ и поохотиться въ окрестностяхъ. Три дня прожила компанія, очарованная пріемомъ радушнаго хозяина, три дня пользовалась лошадьми окреснаго населенія для своихъ выѣздовъ на охоту. Наконецъ, пора по домамъ. Дорога проходила черезъ глухой поселокъ. Пріѣхали ночью. Все населеніе почевало на полѣ, такъ какъ была горячая рабочая пора. Поселковый выборный обѣгалъ всѣ дворы, но лошадей не находилось. Тогда одинъ изъ слѣдователей распорядился ударить въ набатъ. Встревоженное населеніе съ испугомъ влетѣло въ поселокъ и... черезъ часъ двѣ тройки рабочихъ крестьянскихъ лошадей увозили компанію, обильно угостившуюся пріисковымъ шампанскимъ.

И долго еще „кобылка" будетъ совершать свои набѣги на безправную сибирскую глушь, долго еще населеніе будетъ безропотно нести рядъ натуральныхъ повинностей за счетъ безнаказаннаго произвола туристовъ съ кокардами...

Статистикъ.

Сказка про бѣлаго бычка.

Не успѣла Западная Сибирь и Степной край избавиться отъ чумы рогатаго скота, какъ снова приходится считаться съ этой гостьей въ Забайкальѣ, Семирѣчьѣ. Да одна-ли чума

подтачиваетъ хозяйство сибиряка-скотовода? Сибирь до сихъ поръ представляетъ собой обширную лабораторію для культивированія всевозможныхъ эпизоотій, которыя неуклонно понижаютъ экономическую кривую населенія, наносятъ огромный ущербъ промышленности и торговлѣ. Мѣръ же борьбы, конечно, раціональныхъ, не принимается.

И это въ то время, когда идутъ усиленные разговоры о необходимости поставить промышленную жизнь Сибири на правильные рельсы. Получается что-то нелѣпое: съ одной стороны, мы какъ будто слезы льемъ за нашу промышленную отсталость, а съ другой—не спѣшимъ съ радикальнымъ устраненіемъ серьезныхъ факторовъ, тормазящихъ промымышленное развитіе края. Въ результатѣ милліонные убытки въ торговомъ оборотѣ Сибири, полный застой въ промышленныхъ отрасляхъ скотоводческаго хозяйства. А все это обрушивается тяжестью на экономику населенія, и безъ того изнемогающаго отъ общаго хозяйственнаго кризиса въ краѣ.

Вся бѣда въ томъ, что дѣло борьбы съ повальными болѣзнями въ Сибири, какъ и всѣ мѣропріятія экономическаго характера, сосредоточено въ рукахъ россійской всезнайки—бюрократіи. По прежнему всесильный Питеръ руководитъ сложнымъ дѣломъ борьбы съ эпизоотіями на разстояніи 5—7 тысячъ верстъ, имѣя во главѣ ветеринарнаго департамента генералъ-ветеринара, вступившаго въ фазу старческой прострації. Съ жизнью, какъ она есть, съ ея требованіями по отношенію къ той или другой области народнаго труда, съ интересами населенія и края руководители ветеринарнаго дѣла не считаются. Они смотрятъ на это съ узкой ветеринарно-полицейской точки зрѣнія, какъ будто не ветеринарія призвана служить интересамъ края, а Сибирь, съ ея колоссальнымъ скотоводческимъ хозяйствомъ, съ богатыми торгово-промышленными перспективами, должна считаться съ интересами ветеринарной науки.

Только при такой точкѣ отправленія возможны опыты съ прививками, задерживающіе борьбу, отвлекающіе и безъ того скудныя спеціальныя силы отъ проведенія необходимыхъ мѣропріятій въ борьбѣ, какъ это и было во время чумы въ Степномъ краѣ. Только этимъ узкимъ взглядомъ можно объяснить карантины, прекращающіе совершенно торговую жизнь неблагополучнаго района, доводящіе мѣстное

скотоводство до голодовокъ. Скудость ветеринарнаго персонала, ослабляемаго еще постояннымъ отрываніемъ отъ дѣла ради непужныхъ совѣщаній, устраиваемыхъ генералъ-губернаторами во время своихъ, дорого стоющихъ казнѣ, но совершенно безполезныхъ краю, командировокъ, даетъ широкій просторъ для темныхъ дѣяній низшей ветеринарно-полицейской арміи, въ лицѣ фельдшеровъ и стражниковъ. Словомъ, получается впечатлѣніе, что милліоны народныхъ денегъ, щедро разсыпаемыхъ на излишнія командировки чиновниковъ-ветеринаровъ, но скудно отпускаемыхъ на организацію ветеринарнаго дѣла въ Сибири, уходятъ совершенно зря.

Въ этомъ случаѣ мысль невольно обращается къ земской организаціи, которой Сибирь лишена, но которую призваны отстоять депутаты этого края.

Но, пока солнце взойдетъ—роса очи выѣстъ, пока мечтанія о сибирскомъ земствѣ примутъ реальную жизненную форму, эпизоотіи, вопреки бюрократическимъ потугамъ, будутъ продолжать свое разрушительное дѣйствіе, способствуя тѣмъ самымъ обнищанію сибиряка. Поэтому необходимо теперь же увеличить наличность ветеринарныхъ врачей, отчасти за счетъ тѣхъ же командировокъ генералъ-ветеринаровъ, поглощающихъ ежегодно многія тысячи рублей, а главнымъ образомъ за счетъ той суммы, въ видѣ процентнаго сбора съ гуртового скота, которую Сибирь даетъ на содержаніе ветеринарнаго дѣла въ Россіи.

Впрочемъ, все это—истины старыя, пѣсня избитая, и пока у насъ живымъ дѣломъ будетъ руководить мертвенный департаментъ, съ своими затхлыми замашками, до тѣхъ поръ все это—сказка про бѣлаго бычка.

Р—въ.

Еще о „проклятомъ островѣ“ и рыбопромышленности на Дальнемъ Востокѣ.

Много уже говорилось и писалось о рыбныхъ богатствахъ нашего дальневосточнаго побережья и о халатномъ отношеніи къ рыбному промыслу нашихъ мѣстныхъ администраторовъ. Объ этомъ трактовали спеціальные съѣзды рыбопромышленниковъ, писали газеты и мѣстные знатоки рыбнаго дѣла вмѣстѣ съ учеными изслѣдователями. Стоитъ

хотя бы вспомнить недавній третій съѣздъ отечественныхъ рыбопромышленниковъ, гдѣ камчатскіе делегаты И. М. Эриксонъ и Г. А. Крамаренко нарисовали тяжелую картину безучастнаго отношенія администраціи къ русской рыбопромышленности на Дальнемъ Востокѣ, не могущей конкурировать съ японской. Можно не соглашаться съ предлагаемыми ими мѣрами улучшенія настоящаго положенія дальневосточной рыбопромышленности, но нельзя не признать того безпорядочнаго хозяйничанія, которое царитъ до сего дня подъ безучастнымъ взглядомъ мѣстной администраціи... Нарисованная ими картина — живая картина. Изъ каждаго мазка послѣдней глядятъ чиновничье равнодушіе, мундирное непониманіе и бюрократическая халатность. Къ тѣмъ же выводамъ приходятъ и лучшіе изслѣдователи рыбопромышленности по побережьямъ Татарскаго пролива, отдѣляющаго устье Амура отъ западнаго берега острова Сахалина.

Мало этого, за послѣднее время все чаще и настойчивѣе раздаются голоса объ упадкѣ рыбнаго промысла въ Россіи. „За періодъ времени отъ 1893 г. по 1902 г. уловъ рыбы сократился вдвое, а положеніе Россіи на міровомъ рынкѣ сдѣлалось еще болѣе неблагопріятнымъ, и рыбный промыселъ, можно сказать, пришелъ въ окончательный упадокъ“ *) Того же самаго надо ждать, по словамъ приморскаго депутата А. И. Шило, и для дальневосточнаго рыболовства, если существующее положеніе продлится еще 10—15 лѣтъ. Правда, теперь еще рыбный промыселъ на Дальнемъ Востокѣ развивается и даетъ все большее и большее количество рыбы, но „ничто не вѣчно подъ луной“, обезрыбится и наша окраина, если будутъ также употреблять на удобрительный тукъ богатѣйшія сокровища камчатской сельди.

О томъ же самомъ могъ бы сказать и я, много разъ бывавшій на „проклятомъ островѣ“, правда, еще до русско-японской войны и, значитъ, еще въ тѣ времена, когда на островѣ Сахалинѣ безраздѣльно царила наша тюремная администрація. Не измѣнилось ли положеніе дѣлъ послѣ знаменитаго раздѣла „соколинаго острова“? Можетъ быть все это было во времена давно прошедшія, „до конституціи“.

*) *И. Бородинъ.* „Современное положеніе рыбнаго промысла въ Россіи и обзоръ этой отрасли промышленности за 1908 годъ“.

ціонныя"? Такъ ли? Пусть на этотъ вопросъ отвѣтятъ сами рыбаки-переселенцы, приславшіе письмо и копію своей „докладной записки" завѣдывающему водвореніемъ переселенцевъ въ Николаевскомъ (на Амурѣ) подрайонѣ—члену Государственной Думы отъ Приморской области, А. И. Шило.

Переселившіеся изъ Астраханской губерніи въ 1908 г. авторы письма, пораженные рыбными богатствами дальневосточнаго приморья, отдаютъ послѣднему преимущество по сравненію съ ихъ родными мѣстами нижней Волги и Каспійскаго моря, но изъ прилагаемой копіи „докладной записки" видно, съ какимъ пренебреженіемъ мѣстная администрація относится къ ихъ настоятельнымъ нуждамъ. Иначе говоря, происходитъ то же самое, что говорили и говорятъ знатоки и изслѣдователи нашей далекой окраины: какъ всегда и вездѣ, бюрократизмъ одной рукой разрушаетъ то, что пытается создать другой. Съ одной стороны, происходитъ усиленное зазываніе переселенцевъ, „опытныхъ въ рыбномъ дѣлѣ", и заселеніе ими первобытныхъ почти береговъ острова Сахалина, а съ другой—не обращаютъ вниманія на ихъ просьбы, оставляютъ ихъ на произволъ судьбы на „проклятомъ островѣ", безъ всякихъ средствъ сообщенія съ материкомъ. Можно ли тутъ говорить о „твердыхъ надеждахъ" на скорую побѣду русскаго рыбнаго промысла надъ японскимъ, богатымъ капиталомъ и заботами? Правда, если посмотрѣть на географическую карту, то мы увидимъ, что за послѣднее время возникъ уже цѣлый рядъ поселеній на восточномъ берегу приморья и сѣверо-западной части острова Сахалина съ населеніемъ, занимающимся по преимуществу рыболовствомъ, напр., села: Иски, Куклы, Мысъ Вассэ (Рождественское), Пронгэ (Алексѣевское), Сабахъ, Алексѣевка, Фузп и др. Можно, пожалуй, подумать, какъ много и энергично работаетъ мѣстная администрація въ смыслѣ насажденія и развитія русской дальневосточной рыбопромышленности... Но отбросьте эту „видимость", загляните поглубже въ жизнь, и вы остановитесь въ недоумѣніи передъ мудростью чиновныхъ политико-экономовъ, думающихъ побѣдить японскихъ капиталистовъ-рыбопромышленниковъ простымъ фактомъ поселенія астраханскихъ рыбаковъ, не позаботившись даже о

средствахъ сообщенія послѣднихъ съ рынками, гдѣ они могли бы продавать „труды рукъ своихъ“.

Итакъ, наши „сахалинскіе культуртрегеры“, оказывается, совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра. Нѣтъ правильныхъ сообщеній ихъ селеній не только другъ съ другомъ, но даже съ Николаевскомъ и другими мѣстами сбыта, что тяжело отзывается на неокрѣпшемъ еще промыслѣ.

Въ копіи съ „докладной записки“ они указываютъ, что подобное положеніе дѣлъ тяжело отзывается на ихъ промыслѣ и на веденіи всего остального хозяйства. Сама истина говоритъ ихъ устами... Кто хоть разъ побывалъ на „проклятомъ островѣ“, тотъ уже знаетъ, что, несмотря на всѣ природныя богатства его, все нужное для хозяйства, начиная съ ложки и кончая скотомъ, солью, бочками и рыболовными принадлежностями,—все это приходится покупать на материкѣ. Единственнымъ сообщеніемъ съ послѣднимъ, по словамъ рыбаковъ, служили до сего времени двѣ „корейскія халки“ *), попасть на которыя было очень трудно, а сплошь и рядомъ даже и невозможно. Теперь и этихъ „удобствъ нѣтъ“. „Халки“, разбитыя штормомъ, безпомощно лежатъ на берегу рѣки Люги, и „рыба всего улова, какъ и другіе грузы крестьянъ остались зимовать“. Въ результатѣ—вѣрный убытокъ, убивающій первые ростки зарождающейся промышленности.

„Теперь уже,—пишутъ авторы „докладной записки“—приходится въ силу крайней нужды продавать кэту осенняго хода по 7 рублей за сотню, не имѣя сообщенія съ г. Николаевскомъ“.

Въ заключеніе своей „докладной записки“, авторы ея, обезсиленные безплодными просьбами, соглашаются даже самолично построить и оборудовать двѣ шхуны съ двигателями и грузоподъемомъ въ 5 и 7 тысячъ пудовъ, подъ условіемъ казенной ссуды съ „погашеніемъ ея въ нѣсколько лѣтъ и ежегодной субсидіи въ размѣрѣ $^1/_3$ части расхода на обѣ шхуны въ каждую навигацію“.

Трудно сказать, чѣмъ увѣнчаются просьбы сахалинскихъ поселенцевъ.

На Дальнемъ Востокѣ до сихъ поръ дѣйствуютъ „пра-

*) Большія парусныя лодки типа китайской „джонки“.

вила рыболовства“, изданныя генералъ-губернаторомъ, давно уже устарѣвшія и тормазящія развитіе рыбопромышленности. Мѣстное населеніе и мѣстные же рыбопромышленники, по словамъ депутата А. И. Шило, въ одинъ голосъ заявляютъ о желательности введенія новаго закона о рыболовствѣ, поступившаго еще въ первую сессію 3-й Государственной Думы и съ безчисленными измѣненіями прошедшаго всѣ Сциллы и Харибды „работоспособной“ коммиссіи по рыболовству, вплоть до 4-ой и послѣдней сессіи, когда имѣется въ виду внести этотъ „проектъ закона“ на обсужденіе общаго собранія членовъ Государственной Думы. Только одни „гастролеры рыбопромышленности“, пріѣхавшіе на Дальній Востокъ для быстрой наживы, только они противъ общаго рыболовнаго закона. Они „плачутъ и рыдаютъ“ о побѣдѣ японской рыбопромышленности, а сами въ то же время возятъ свою рыбу на рынки въ Хокодате. Они скорбятъ на 3-мъ съѣздѣ отечественныхъ рыбопромышленниковъ въ Петербургѣ о „спаиваніи камчадаловъ — японцами“, а въ то же время сами въ Камчаткѣ покупаютъ у камчадаловъ за 2 бутылки спирта хорошую медвѣжью шкуру и нагружаютъ рыбой большую японскую шхуну, стоящую около мѣсяца на „недозволенномъ мѣстѣ“ подъ видомъ ремонта.

Не менѣе интересный промыселъ создается на водахъ Дальняго Востока и изъ самой аренды рыболовныхъ участковъ: предпріимчивые „гастролеры“ передаютъ ихъ другимъ лицамъ, не приступая даже къ дѣлу.

Мнѣ извѣстно до шести случаевъ такого „переарендованія“, съ участіемъ даже переселенческаго чиновника и интенданта. Такая переуступка арендованныхъ участковъ происходитъ или по нотаріальнымъ довѣренностямъ, или по передаточной надписи.

Я сомнѣваюсь, чтобы администрація, не знала о всѣхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, какіе свили себѣ гнѣзда на зарождающемся дѣлѣ.

Должна она знать также и то, на сколько богатъ этотъ край лѣсными и водными сокровищами. Я не говорю уже о пушномъ, лѣсномъ и минеральномъ богатствѣ „проклятаго острова“: экспедиція инженера Тульчинскаго въ 1905 г. установила это безспорно. Если даже взять только водныя богатства, то и они должны бы побудить правительство къ

болѣе внимательному отношенію. Кромѣ кэты, появившейся уже на петербургскомъ, московскомъ и другихъ рынкахъ европейской Россіи,—къ услугамъ рыбаковъ: дельфины, нерпа, сельдь, горбуша, голецъ, треска, палтусъ, камбала, корюшка. Затѣмъ, всегда подъ руками у рыбаковъ—китобойное дѣло, трепанги, крабы, шримсы и морская капуста. Послѣдняя отрасль морского промысла (морская капуста), по словамъ доклада на 3-мъ Всероссійскомъ съѣздѣ рыбопромышленниковъ И. М. Эриксона, „по количеству продукта и общей стоимости годовой добычи занимала третье мѣсто (лососевыя породы первое, туковое производство—второе и китобойное дѣло—четвертое)".

Для иллюстраціи рыбныхъ богатствъ „проклятаго острова" и отношенія къ нимъ мѣстной администраціи я упомяну еще объ одномъ явленіи, о которомъ упоминаетъ и г. Эриксонъ въ своемъ докладѣ. Во время осенняго и весенняго хода сельди, густая полоса этой рыбы „идетъ" всегда близко у береговъ, спасаясь отъ хищниковъ. Во время сильнаго морского прибоя на пологіе берега острова выбрасывается волнами цѣлая серебристая полоса этой рыбы, которая погибаетъ въ громадномъ количествѣ на берегу во время отлива. Тысячи пудовъ этой дорогой рыбы, разлагаясь, гніютъ и заражаютъ окрестности. Администрація, вмѣсто утилизаціи этихъ даровъ моря, высылала цѣлыя партіи арестантовъ сбрасывать эти гнилые остатки въ море. Въ лучшемъ случаѣ эта селедка тысячами тоннъ нагружалась на японскія суда и увозилась въ Японію въ качествѣ удобрительнаго тука.

Примѣръ Волги и Каспійскаго моря долженъ былъ бы предостеречь нашихъ чиновныхъ рыбохозяевъ отъ опасности истощенія рыбныхъ богатствъ на Дальнемъ Востокѣ.

А. Ленскій

Сибирскія письма.

Тобольскъ (*Каторжный централъ*). Члену Государственной Думы, Н. Л. Скалозубову, сообщено о тѣхъ „реформахъ" въ нашемъ каторжномъ острогѣ, какія начались съ пріѣзда сюда новаго начальника тюрьмы г. Зиновьева.

Прежде всего, заключеннымъ объявили, что они могутъ

писать письма разъ въ мѣсяцъ и отправлять только одно письмо. Арестанты пробовали просить, заявлять, что они—не въ Россіи, гдѣ заключенные пользуются свиданіями и, слѣдовательно, менѣе нуждаются въ перепискѣ—все было напрасно... Затѣмъ у нихъ отобрали книги и тетради, какъ казенныя, такъ и свои... Обращеніе тюремной администраціи сразу измѣнилось, стало такъ грубо, возмутительно, что въ этомъ отношеніи, кажется, дальше идти некуда. Тонъ всему задаетъ, конечно, г. Зиновьевъ, между прочимъ, заявившій, что онъ „никого и ничего не боится, такъ какъ носитъ на себѣ панцырь“ (Хороша смѣлость!). Объ обращеніи на *ты*, легко усвоенномъ всѣми, и говорить нечего. Передъ надзирателями теперь нужно снимать шапки, вытягивать руки по швамъ... Обыски сдѣлались такимъ частымъ явленіемъ, что измучили не только заключенныхъ, но и надзирателей. Процедура обысковъ возмущаетъ и переворачиваетъ всю душу, тѣмъ болѣе, что ни къ чему не ведетъ и не вызывается никакой необходимостью.

Такъ, раздѣтому допага приказываютъ:

— Нагнись!

— Кашляй!

— Еще разъ кашляй!

И въ это время заглядываютъ въ задній проходъ...

Затѣмъ копаются во рту, тщательно осматриваютъ половой органъ...

Возмутительныя подробности этихъ осмотровъ не поддаются описанію...

„Выписка“ допускается только разъ въ мѣсяцъ, и не больше, какъ на три рубля, при чемъ покупать можно исключительно чай, сахаръ и хлѣбъ.

Стало голодно, тѣмъ болѣе, что всякая передача пищи изъ камеръ въ камеру, изъ корпуса въ корпусъ отмѣнена...

На утреннихъ и вечернихъ повѣркахъ прежде заключенные читали только одну молитву: „Отче Нашъ“, а теперь приказано пѣть еще „Спаси Господи“,—при чемъ требованіе это на первыхъ порахъ распространялось даже на евреевъ и другихъ инородцевъ... На протестъ политическихъ отвѣтили тѣмъ, что разсадили ихъ по камерамъ, гдѣ поютъ молитву, и объявили, что по распоряженію главнаго тюрем-

наго управленія на нихъ не будутъ распространены льготы возможныя по манифесту въ 1913 г., котораго ждутъ.

Всѣхъ каторжанъ разсадили по срокамъ и разрядамъ. „Вѣчниковъ“ заковали въ наручники и ни на какія работы не пускаютъ, вслѣдствіе чего, между прочимъ, бывшій членъ Государственной Думы Пьяныхъ съ больными ру-, ками опять закованъ и сидитъ въ общей камерѣ съ „вѣчниками“...

Каждое воскресенье на свиданіяхъ въ тюрьмѣ стоитъ плачъ и стонъ женъ и родственниковъ заключенныхъ, ибо каторжанъ немилосердно гонятъ вонъ и наказываютъ за не во-время снятую шапку, за жестикуляцію руками: руки нужно держать по швамъ...

Въ тюрьмѣ распространился слухъ, что у заключенныхъ отберутъ полотенца, платки и носки: „собственныхъ вещей имѣть не полагается“...

„На прогулку“ приказано выходить всѣмъ сразу; если остается хоть одинъ—всѣхъ гонятъ назадъ... Не пожелавшихъ воспользоваться прогулкой тащутъ къ доктору и затѣмъ наказываютъ, такъ какъ тюремный врачъ, въ угоду начальству, даже близкаго къ смерти арестанта готовъ признать здоровымъ... „На прогулкѣ“ нужно ходить парами, не разговаривать, не нагибаться, не поворачиваться, не размахивать руками (сначала требовали держать руки за спиной)...

Въ результатѣ всѣхъ этихъ „реформъ“ начались голодовки, порки, самоубійства... Уже шесть человѣкъ покончили съ собою...

На что надзиратели—и тѣ не выносятъ новаго режима г. Зиновьева и выходятъ въ отставку, мотивируя свой отказъ служить тѣмъ, что не въ состояніи присутствовать при истязаніяхъ... Въ силу того, что „начальникъ тюрьмы собственной властью имѣетъ право дать всякому арестанту сто розогъ“,—жестокія порки стали обычнымъ явленіемъ...

Томскъ (*О нѣкоторыхъ дѣяніяхъ нашихъ помпадуровъ*). Лавры гоголевскаго ревизора не даютъ, очевидно, спать попечителю западно-сибирскаго учебнаго округа г. Лаврентьеву. Имѣю въ виду не Хлестакова, не мнимаго ревизора, а настоящаго, который долженъ былъ инкогнито пріѣхать. Подобно этому ревизору, и г. Лаврентьевъ инкогнито уѣзжаетъ

изъ Томска, инкогнито пріѣзжаетъ въ разные города Западной Сибири, гдѣ находятся ввѣренныя его превосходительству учебныя заведенія, инкогнито, наконецъ, пріѣзжаетъ обратно въ Томскъ. Пріѣдетъ, какъ снѣгъ на голову, и начинается: „а подать сюда такого то" и т. п.

Конечно, эта игра въ инкогнито очень мила и забавна. Можно было-бы отъ души посмѣяться остроумной выдумкѣ его превосходительства, если бы не было оборотной стороны медали. Вѣдь попечитель, это—центръ, къ которому стягиваются всѣ нити учебной жизни даннаго округа. Нѣкоторые важнѣйшіе вопросы онъ самъ окончательно разрѣшаетъ, какъ высшая инстанція, нѣкоторые—черезъ него и съ его заключеніемъ восходятъ на разрѣшеніе стоящей надъ нимъ инстанціи—министерства народнаго просвѣщенія. Вопросы такого рода, требующіе санкціи попечителя или министра, возбуждаются непрерывно. Какова же ихъ участь въ то время, когда г. попечителю вздумается совершить путешествіе по округу инкогнито?

Полноправнаго и полновластнаго замѣстителя г. попечитель не оставляетъ. Одинъ изъ окружныхъ инспекторовъ, старшій по службѣ г. Поповъ, получаетъ полномочіе лишь на разрѣшеніе текущихъ маловажныхъ вопросовъ. Что же касается вопросовъ, болѣе или менѣе важныхъ, то они ждутъ своего движенія въ установленномъ порядкѣ до возвращенія г. попечителя въ Томскъ. Чего торопиться? „Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ".

И, въ самомъ дѣлѣ, что произойдетъ, если какое нибудь дѣло пролежитъ на столѣ въ попечительскомъ кабинетѣ недѣлю, двѣ недѣли или больше. Ровно ничего. И самъ его превосходительство, и подчиненныя ему должностныя лица по прежнему будутъ получать присвоенные оклады, чины, ордена, по прежнему будутъ писать, писать и писать бумаги вверхъ и внизъ отъ такого то числа и года за такимъ то №.

Но есть дѣла спѣшныя, не терпящія отлагательства. И, вотъ, страсть г. попечителя къ путешествіямъ инкогнито весьма чувствительно отражается на интересахъ тѣхъ лицъ и учрежденій, коихъ эти спѣшныя дѣла касаются.

Таково, напримѣръ, недавно возникшее дѣло объ открытіи въ Томскѣ высшихъ женскихъ курсовъ.

Я уже писалъ о злоключеніяхъ Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, задумавшаго открыть курсы. Злоключенія эти кончились тѣмъ, что на ходатайство объ утвержденіи устава курсовъ, въ самомъ концѣ каникулъ изъ министерства полученъ отвѣтъ такой: уставъ не утвержденъ, но министерство ничего не имѣетъ противъ открытія курсовъ; предлагаетъ открыть тѣ отдѣленія, которыя обезпечены преподавательскимъ персоналомъ и учебно-вспомогательными установленіями; предлагается составить временныя правила, руководясь присланными основными началами. Общество немедленно и энергично принялось за работу. Устроена была анкета. Оказалось, что уже есть около 80 слушательницъ, желающихъ поступить на естественно-историческое отдѣленіе. Рѣшено было открыть именно это отдѣленіе. Составлена смѣта. Нанята квартира. Намѣчены преподаватели. Намѣченъ директоръ (профессоръ Лаврскій). Составлены правила согласно съ основными началами, предложенными министерствомъ.

Въ серединѣ сентября все это было окончено. Всѣ были увѣрены въ томъ, что такъ какъ всѣ предъявленныя министерствомъ требованія исполнены, то со стороны попечителя препятствій къ открытію курсовъ не встрѣтится, и они въ 20-хъ числахъ сентября будутъ открыты. Но не тутъ-то было. Представители комитета Общества отправились въ канцелярію учебнаго округа. Узнаютъ, что попечителя нѣтъ въ городѣ.—„Гдѣ же?“—„А кто-жъ его знаетъ, какъ всегда, уѣхалъ инкогнито.“—„Скоро вернется?“ — „Да неизвѣстно. Никогда неизвѣстно. Можетъ быть, сегодня или завтра. А можетъ быть, черезъ недѣлю, черезъ двѣ. Неизвѣстно. Инкогнито.“ Проходитъ недѣля, другая. Нѣтъ попечителя. Въ городѣ начинаютъ циркулировать слухи—навѣрное, въ Петербургъ уѣхалъ; провѣдалъ, что какія нибудь перемѣны въ министерствѣ предстоятъ, и уѣхалъ. Когда пришло извѣстіе объ отставкѣ Шварца и назначеніи Кассо, слухамъ этимъ всѣ вѣрили. И, дѣйствительно, они подтвердились. Въ началѣ октября въ канцеляріи округа получена была телеграмма отъ попечителя изъ С.-Петербурга. Если въ С.-Петербургѣ, значитъ, вернется не скоро. Какъ же быть съ курсами? Обратились къ окружному инспектору Попову, объяснили, что все сдѣлано такъ, какъ предложило мини-

стерство; просили по телеграфу ходатайствовать о разрѣшеніи открыть курсы въ составѣ естественно-историческаго отдѣленія и допустить проф. Лаврскаго къ исполненію обязанностей директора. Получается отвѣтъ: „необходимо прежде утвердить правила курсовъ, согласно предложенія министра установить взаимоотношенія Общества къ курсамъ и узаконить комитетъ. Попечитель Лаврентьевъ“. Но вѣдь правила курсовъ выработаны согласно съ присланными изъ министерства основными началами; объ этомъ извѣстно управляющему округомъ инспектору Попову; утвержденіе ихъ зависитъ отъ мѣстной власти, т. е. отъ попечителя; въ правилахъ указаны взаимоотношенія между курсами и Обществомъ для доставленія средствъ; комитетъ Общества узаконенъ уставомъ Общества. Въ чемъ же дѣло? Послали вторую телеграмму. Получается 10 октября отвѣтъ: попечитель разрѣшаетъ проф. Лаврскому временно исполнять обязанности директора, разрѣшаетъ также открыть математическое отдѣленіе. Опять загадка: ходатайствовали о естественно-историческомъ отдѣленіи, а разрѣшено математическое!? Что сей сонъ значитъ? Ошибка? Невѣжество? Или умыселъ: математическое отдѣленіе разрѣшаю, а естественно-историческое не хочу? Общество склонно видѣть ошибку, а потому рѣшило открыть курсы въ концѣ октября.

Поживемъ—увидимъ, что будетъ дальше. Можетъ быть, дѣйствительно, ошибка, и курсы будутъ себѣ существовать. А можетъ быть, и не ошибка, и въ грядущемъ предстоятъ новыя столкновенія Общества съ попечителемъ: на какомъ основаніи открыто естественно-историческое отдѣленіе, когда разрѣшено математическое?

Это, конечно, предположеніе. Но предположеніе возможное, ибо дѣятельность помпадуровъ полна неожиданныхъ возможностей. Ясное тому доказательство—послѣднія дѣянія томскихъ губернскихъ помпадуровъ.

Управляющій губерніей вице-губернаторъ Штевенъ, вопреки ясному смыслу закона, разрѣшилъ отпускъ городскому головѣ купцу Некрасову безъ согласія и ходатайства объ этомъ городской думы. Дума постановила: принести жалобу въ сенатъ на противозаконныя дѣйствія г. Штевена. Объ этомъ уже сообщалось въ „Сибирскихъ Вопросахъ“. Сообщу теперь продолженіе исторіи съ отпускомъ город-

ского головы Некрасова. По закону, отъ усмотрѣнія городской думы зависитъ сохранить или не сохранить содержаніе за уѣзжающими въ отпускъ городскимъ головой и членами управы. Въ данномъ случаѣ дума постановила: не давать за время отпуска содержанія городскому головѣ Некрасову. Но губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе постановленіе это отмѣнило и предписало выдавать содержаніе Некрасову. Съ формальной стороны главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является управляющій губерніей, членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ тайный совѣтникъ г. Извѣковъ, какъ предсѣдатель губернскаго присутствія. Но въ городѣ упорно говорятъ, что первую скрипку игралъ совѣтникъ Ревякинъ. Это—новая птица, прилетѣвшая въ Сибирь изъ сѣверо-западнаго края. Тамъ г. Ревякинъ привыкъ дѣлать руссификаторскую политику. Съ намѣреніемъ дѣлать политику пріѣхалъ въ Томскъ. Нашелъ, что городская дума—гнѣздо крамолы. И вотъ предпринимается походъ противъ думы. Но, выступая въ походъ, нужно запастись достаточными силами. Объ этомъ забылъ г. Ревякинъ. Забылъ и г. Извѣковъ. Вѣдь законы—обязательны и для управляющаго губерніей, и для совѣтника губернскаго правленія. А если законы обязательны, то ихъ нужно знать. А гдѣ законы недостаточно ясны, такъ нужно знать и соотвѣтствующія сенатскія разъясненія. Это-то и упустили изъ виду гг. Ревякинъ и Извѣковъ, выступая въ походъ противъ городского управленія. И теперь получаютъ уроки отъ гласныхъ городской думы. Въ послѣднемъ засѣданіи городской думы (7 октября) постановлено: принести жалобу въ сенатъ на противозаконныя дѣйствія губернскаго присутствія, выразившіяся въ назначеніи содержанія городскому головѣ Некрасову за время его отпуска вопреки состоявшемуся по сему предмету постановленію городской думы.

Въ томъ же засѣданіи постановлено принести другую жалобу по другому поводу. Извѣстно, что установленіе новыхъ податей и повинностей возможно только законодательнымъ порядкомъ. Гг. томскіе помпадуры не прочь выступить и въ роли законодателей: губернское управленіе возложило на городскую думу отправленіе арестантско-этапной повинности. Предложеніе это дебатировалось въ думѣ въ одномъ изъ лѣтнихъ засѣданій и передано въ коммиссію

съ участіемъ городского юрисконсульта. Теперь доложено было заключеніе коммиссіи. Снова начались обсужденія вопроса. Оказалось, что томское городское управленіе платитъ земскихъ повинностей ежегодно свыше 46,000 рублей по раскладкѣ на 1909—1911 годы; что въ эту сумму входятъ и расходы по содержанію этаповъ; что раскладка земскихъ повинностей санкціонировала въ законодательномъ порядкѣ; что на основаніи городового положенія и согласно разъясненіямъ правительствующаго сената утвержденная раскладка не можетъ быть измѣняема губернскимъ правленіемъ. Постановлено: принести жалобу въ 1 департаментъ сената.

Итакъ, въ теченіе короткаго срока—три жалобы городского управленія на противозаконныя дѣйствія губернскихъ властей... Какъ будто бы „немножко много“. *Томскій.*

Иркутскъ (*Впечатлѣнія на первыхъ порахъ*). 22-го сентября сюда прибылъ новый генералъ-губернаторъ, г. Князевъ. Послѣ тяжелыхъ испытаній, пережитыхъ населеніемъ въ періодъ управленія краемъ А. Н. Селивановымъ, обыватели вздохнули свободнѣе и стали ждать даже снятія военнаго положенія.

— Военное положеніе—и гражданскій генералъ-губернаторъ! Да вѣдь это—изумительное противорѣчіе!—такъ мыслитъ обыватель и ждетъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, когда же, наконецъ, здѣсь снимутъ военное положеніе?

Среди мѣстныхъ обывателей есть такіе, которые высланы отсюда „на все время военнаго положенія“, и, оторванные отъ родного мѣста, отъ семей, отъ занятій,—они ждутъ не дождутся снятія этого безсмысленно жестокаго положенія... Есть и такіе, которые сосланы, напримѣръ, въ Туруханскій край „на все время военнаго положенія“. Но вѣдь въ это „гиблое мѣсто“ ссылаютъ только сильно скомпрометированныхъ лицъ, да и то лишь на 4—5 лѣтъ. А тутъ высланы на срокъ военнаго положенія: если послѣднее, во славу твердой власти, протянется еще десять лѣтъ,—значитъ, десять лѣтъ имъ нужно умирать медленной смертью. Кто же и когда вернетъ этихъ сибиряковъ изъ ссылки?

Всецѣло увлеченная „хуторами“, „отрубами“, высшая администрація жестоко ошибается, усматривая въ военномъ положеніи средство насажденія „патріотическихъ“ чувствъ.

Яркій примѣръ отрицательнаго значенія этого режима представляетъ бывшій генералъ-губернаторъ А. Н. Селивановъ, располагавшій всѣми аттрибутами чрезвычайныхъ полномочій.

Онъ распоряжался въ Сибири, какъ въ завоеванной странѣ; а завоеванные—развѣ питали къ нему хорошія чувства? Они дошли до такого состоянія, что имъ было даже все равно, если вмѣсто этого завоевателя явятся другіе...

— А что, вѣдь японцы подойдутъ, пожалуй, какъ-нибудь и къ Байкалу?—говорилъ, напримѣръ, одинъ обыватель другому.

— Все можетъ быть, и подойдутъ.

— То-то подымутся цѣны на квартиры въ Иркутскѣ!

И обывателя нельзя винить за такіе разговоры: для него не осталось въ Иркутскѣ никакой общественной дѣятельности; онъ деморализованъ и по уши погрязъ въ кинематографъ. Кинематографъ съ кафешантаномъ и цирковыми борцами—альфа и омега всей его жизни...

И, вотъ, теперь, когда новый генералъ-губернаторъ Князевъ сталъ ходить по улицамъ, одинъ, пѣшкомъ, изумленный обыватель протеръ глаза и проронилъ слезу умиленія.

— Не можетъ быть!..

— Что такое?

— Посмотрите—одинъ, пѣшкомъ!..

— Западомъ запахло...

Жадно раздувая ноздри, обыватель принюхивается ко всему, что, по его мнѣнію, пахнетъ Западомъ....

Вчера генералъ-губернаторъ отдалъ визитъ директору сибирскаго банка Жарникову и просидѣлъ у него до семи часовъ вечера: Жарниковъ былъ въ Тобольскѣ городскимъ головой въ то время, когда Князевъ былъ тамъ губернаторомъ,—передаютъ обыватели шепотомъ другъ другу, съ утра и до вечера.

— Повидимому, наступаетъ для Иркутска эпоха просвѣщеннаго абсолютизма,—сдѣлалъ предположеніе одинъ мѣстный интеллигентъ.

Всѣ чего-то ждутъ, на что-то надѣются.

Ждутъ, прежде всего, что будетъ снято военное положеніе, затѣмъ будетъ снова поднятъ и предложенъ на обсужденіе вопросъ о введеніи земства въ Сибири, что будетъ

ускорено собираніе свѣдѣній о числѣ присяжныхъ засѣдателей и т. д. и т. д.

Ждали много, подождемъ еще.

И. С.

Очерки сибирской жизни.

Даже „Новое Время“ забезпокоилось насчетъ неблагополучія съ кормами въ Киргизскихъ степяхъ, въ Акмолинской области и трехъ уѣздахъ Тобольской губерніи. „Позаботится-ли правительство относительно предстоящей явной безкормицы въ этихъ мѣстностяхъ, пока неизвѣстно“, но „мы, — пишетъ г. Носиловъ,—долгомъ своимъ считаемъ предупредить кого слѣдуетъ“, и такъ же, какъ сибирскіе депутаты, пугаетъ опасностью для экспорта масла. Извѣстно вѣдь, что у насъ только на „экспортъ“ и отзываются...

Въ Енисейской губерніи почти будетъ голодъ. Минусинскій уѣздъ ждетъ зимы со страхомъ. Сѣна накошено, какъ пишутъ „Сибири“, „едва-ли 60 процентовъ необходимаго количества“, а всѣ прежніе запасы соломы съѣдены и распроданы. Цѣны на рожь (молотую)—1 руб. 25 коп. за пудъ, пшеничная мука—1 р. 45 к. Въ Киренскомъ уѣздѣ, Иркутской губерніи, питаются ячменнымъ хлѣбомъ. Цѣны тамъ, по словамъ „Восточной Зари“, дошли до 2 р. 60 к. за пудъ. Даже Барнаульскій уѣздъ и тотъ не отмѣчаетъ нынче урожая выше, чѣмъ „средній“, а по большинству волостей значится: „очень плохой“.

Будетъ-ли что сдѣлано для мѣстностей, не участвующихъ въ „экспортѣ“, тоже пока неизвѣстно. За-то внѣ сомнѣній—удачный сборъ податей.

Въ селѣ Спасскомъ, Томскаго уѣзда, уже въ первыхъ числахъ сентября, хотя результаты урожая далеко еще не опредѣлились, а крестьяне еще не оправились отъ предыдущаго года, крестьянскій начальникъ приказалъ волостному правленію „собрать въ мѣсячный срокъ всѣ подати оклада 1910 года“. Оно, въ свою очередь, обязало подпискою старосту сдать ихъ къ 1 октября. Не уплатившимъ полностью,—а ими оказались всѣ домохозяева, за исключеніемъ двухъ-трехъ богачей,—была объявлена до взноса денегъ отсидка въ „каталажкѣ“. Для первой партіи помощникъ стар-

шины назначилъ сперва 40 человѣкъ, но, сообразивши, вѣроятно, что это многовато для размѣровъ каталажки, отобралъ изъ нихъ всего 15. Никакія просьбы подождать до зимняго пути,—говорятъ „Сибирскіе Отголоски“,—не помогли, и въ селѣ началась „настоящая податная горячка“, т. е. бабы тащили на базаръ своихъ куръ, мужики за-дешево сдавали „свои будущіе покосы мѣстнымъ Колупаевымъ“.—Въ Боровомъ-форпостѣ, Барнаульскаго уѣзда, по свѣдѣніямъ „Сибирской Жизни“, сборщика податей, крестьянина, „оштрафовали уже три раза по пяти рублей, а сельскаго старосту то и дѣло, что возятъ на „высидку“, хотя населеніе даже не вернуло нынче сѣмянъ и сильно бѣдствуетъ.

Однимъ словомъ, въ этомъ отношеніи все идетъ по-прежнему, но нельзя сказать, чтобы „по хорошему“...

Земельная сибирская неурядица, ярко выражавшаяся до сихъ поръ побоищами на западѣ—киргизовъ съ переселенцами, приняла тотъ же характеръ и на востокѣ: 26 августа, разсказываетъ „Забайкальская Новь“, между казаками с. Бичурскаго и крестьянами, къ которымъ отошла часть ихъ земель, произошла драка, при чемъ одинъ былъ убитъ, а трое увезены полуживыми.

Членъ Государственной Думы Н. Л. Скалозубовъ, въ замѣткѣ, напечатанной въ № 219 „Сибирской Жизни“, приводитъ любопытное объясненіе главнаго управленія землеустройства и земледѣлія по поводу кредитовъ, испрашиваемыхъ на осушительныя работы въ Томской губерніи и въ Барабинской степи.

На 12 участкахъ новоселовъ, въ бассейнѣ рѣки Тары, нужно осушить потому, что усадьбы и пашни весной заливаются, а это препятствуетъ земледѣлію, выѣзду изъ усадебъ и выгону скота въ поле. Еще бы не „препятствовало“!

На 5-ти старожильческихъ участкахъ предположено произвести осушеніе потому, что экономическое состояніе этихъ старожиловъ, „вслѣдствіе отхода подъ переселенческіе участки части бывшей въ ихъ пользованіи земли, значительно понизилось“, и осушить свои надѣлы по „недостатку средствъ“ они сами не могутъ.

Сажать однихъ на затопляемое мѣсто, пересаживать другихъ съ сухого на мокрое и потомъ уже осушать,—дѣйстви-

тельно, „остроумный способъ колонизаціи“, какъ ядовито замѣчаетъ г. Скалозубовъ.

Но недостатки переселенческой системы въ Западной Сибири все же скорѣе бросаются въ глаза, чѣмъ въ Восточной. Вѣрнѣе: тутъ больше глазъ, тутъ есть кому смотрѣть.

Нѣсколько иначе стоитъ дѣло тамъ. Люди куда-то ушли, гдѣ-то застряли, и голосъ ихъ доносится лишь изрѣдка, лишь въ такихъ выдающихся по бѣдствію случаяхъ, какъ имапское троекратное потопленіе.

А между тѣмъ, не очень утѣшительны, напримѣръ, впечатлѣнія одного изъ оффиціальныхъ изслѣдователей Приморской области, которыми онъ подѣлился съ представителемъ „Далекой Окраины“.

Исколесивъ всю область, побывавъ, по словамъ газеты вездѣ, куда только можно было проникнуть, онъ пришелъ къ выводу, что на развитіе въ краѣ земледѣлія трудно разсчитывать. Не много также шансовъ имѣютъ и лѣсные промыслы -въ виду отсутствія обширныхъ пристаней и недостатка перевозочныхъ средствъ у Китайско-Восточной дороги. Во всякомъ случаѣ, это потребуетъ огромныхъ расходовъ: каждый день простоя обходится океанскому пароходу въ 400 руб., а чтобы нагрузить его,—надо 360 вагоновъ. Наиболѣе подходящія статьи хозяйства, по мнѣнію этого лица, прямо не называемаго газетою, благодаря оффиціальности его положенія: пчеловодство, льноводство и скотоводство. Но и эти отрасли встрѣчаютъ пока большія препятствія. При нынѣшнемъ тарифѣ (5 руб. съ пуда до Москвы), о вывозѣ меда въ Россію, гдѣ на него всегда есть спросъ,—не можетъ быть и рѣчи. Посѣвы льна, безъ заводовъ для выработки масла, мало доходны. Въ скотоводствѣ же -старожилы недостаточно заинтересованы, а новоселы—слишкомъ слабы экономически.

Горное дѣло на Дальнемъ Востокѣ тормазится самимъ правительствомъ. „Въ какомъ государствѣ,— спрашиваетъ въ № 995 той же газеты инженеръ П. Н. Горловъ,—не допускается промышленныя заведенія устраивать возлѣ морей“? Вѣроятнѣе всего, конечно, что ни въ какомъ. У насъ же запретными землями для частной разработки остаются и до сихъ поръ: громадная часть Южно-Уссурійскаго уѣзда, часть побережья Сахалина и полоса шириною въ сто верстъ

„отъ Чукотскаго Носа до Кореи". Ревниво охраняя свои права, казна, однако, не торопится воспользоваться ими: Сучанская копь устраивалась 18 лѣтъ, съ 1888 по 1906 г., при чемъ взгляды правительства на способы ея эксплуатаціи не разъ мѣнялись,—то находили выгоднымъ производить разработку собственными силами, то сдавали копь въ аренду. Большимъ стѣсненіемъ, говоритъ г. Горловъ, является статья 311 горнаго устава, обязывающая промышленниковъ вырабатывать не менѣе опредѣленнаго „минимальнаго количества ископаемаго ежегодно". Есть спросъ на рынкѣ или нѣтъ, но изволь поставить лишнія машины, затрать лишнія деньги, хотя бы безъ всякой надежды вернуть ихъ полностью, въ виду порчи выработаннаго продукта отъ долгаго храненія. Сильно также затрудняетъ развитіе горнаго дѣла и отсутствіе геологическихъ картъ: до сихъ поръ еще въ ходу карты 60-хъ и 30-хъ годовъ. Новѣйшіе же изслѣдователи, сдѣлавши докладъ въ Петербургѣ, обыкновенно откладываютъ изданіе „подробнаго отчета" на многіе годы, такъ что, если онъ даже, наконецъ, и выйдетъ, то можетъ оказаться достаточно устарѣвшимъ для тѣхъ, кто нуждался въ немъ въ свое время.

„Не веселые везетъ съ собой отчеты", по словамъ „Восточной Зари" (№ 217), и московская торговая экспедиція, изслѣдовавшая районъ между Кяхтой и Калганомъ и заглянувшая въ Ургу. По крайней мѣрѣ, она „не замѣтила никакого прогресса въ русской торговлѣ", а даже наоборотъ: напр., „Кяхта становится похожей на кладбище",—комфортабельные дома, въ которыхъ выросло не одно поколѣніе сибирскихъ милліонеровъ, стоятъ заколоченными, Караванъ-Сарай опустѣлъ, жизнь замерла. Въ Ургѣ на 7 среднихъ русскихъ фирмъ насчитывается до 100 крупныхъ китайскихъ и русскихъ товаровъ почти не видно. Хорошо торгуетъ только Морозовская мануфактура въ Тянь-цзинѣ. Нѣсколько лучше идутъ дѣла съ сырьемъ, но московскіе мануфактурщики, по увѣренію участниковъ экспедиціи, не могутъ пока ждать успѣха въ своихъ начинаніяхъ.

По прежнему медвѣжьи услуги оказываетъ русской промышленности и русскому заселенію дальне-восточная таможня.

Недавно, какъ передаетъ „Уссурійская Окраина", на

станціи Никольскъ-Уссурійскъ былъ конфискованъ мѣшокъ руды. Таможенные чины не могли точно опредѣлить ея мѣсторожденіе, но все же открыли въ ней какіе-то признаки „иностраннаго происхожденія". На Иманѣ полуголодные,—а нынѣ и вовсе голодающіе—новоселы должны платить пошлину даже за кэту, если она окажется... „китайскаго происхожденія". Какимъ образомъ опредѣляется это, говоритъ газета, достовѣрно неизвѣстно, и тѣмъ не менѣе, 18 коп. съ пуда вынь да положь.

Экономическіе успѣхи Западной Сибири должна будетъ показать омская выставка. Но, по словамъ корреспондента „Сибири" (№ 200), много данныхъ на то, что экспонаты изъ-за Урала совершенно подавятъ чисто сибирскіе. „Выставочный комитетъ, вмѣсто того, чтобы популяризировать выставку по Сибири", занялся афишированіемъ ея „среди торгово-промышленныхъ круговъ Европейской Россіи и за-границы". Тѣ, конечно, охотно отозвались. При отсутствіи статистическихъ матеріаловъ, картограммъ и діаграммъ, къ собиранію которыхъ почти еще не приступили, всякая выставка утрачиваетъ большую половину своего значенія. Если же мѣстные экспонаты оказываются на ней лишь дѣломъ случая, такъ для знакомства съ краемъ—она уже не имѣетъ ровно никакого значенія. Въ Сибири такъ затруднительны внѣшнія условія и такъ мало подходящихъ работниковъ, что въ короткій срокъ, остающійся до открытія выставки (15 іюня 1911 года), пожалуй, ничего уже и не сдѣлаешь.

„Омскій Вѣстникъ" предлагаетъ воспользоваться ею въ интересахъ сибирской прессы.

Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, всѣ газеты пришлютъ на нее самыя лучшія силы, и отчего бы имъ не потолковать, кстати, о своихъ собственныхъ нуждахъ, о болѣе планомѣрной постановкѣ изученія Сибири, болѣе всесторонней разработкѣ имѣющихся въ ихъ распоряженіи матеріаловъ и прочихъ прекрасныхъ вещахъ. Это, конечно, очень соблазнительная мысль, и она уже встрѣтила горячій откликъ со стороны нѣкоторыхъ сибирскихъ органовъ. Но меланхолическое напоминаніе „Обской Жизни" о томъ, что все касавшееся правового положенія печати было исключено изъ

программы второго *всероссійскаго* съѣзда, должно нѣсколько охладить увлекшихся мечтателей...

Однако, намъ кажется, что для молодой сибирской прессы—даже и съ неизбѣжно изъятыми вопросами—съѣздъ былъ-бы не безполезенъ. Сибирь, дѣйствительно, вступила въ новую полосу экономической и политической жизни, требующей внимательнаго, вдумчиваго отношенія.

Кто станетъ возражать противъ важности кооперативовъ, а между тѣмъ,—при низкомъ уровнѣ развитія пользующихся ими—они могутъ сдѣлаться иногда обоюдоострымъ мечомъ. Мы всѣ свидѣтели необыкновеннаго успѣха сибирскаго маслодѣлія, но, въ то же время, каждый изъ насъ читалъ или слышалъ объ оскудѣніи питанія сибирскихъ ребятишекъ, вызваннаго именно его ростомъ. Такъ это или нѣтъ на самомъ дѣлѣ,—въ сущности, покрыто мракомъ неизвѣстности.

Съ одной стороны, трудно себѣ представить, чтобы, ради лишняго рубля, родители обрекли дѣтей на голодовку.

Но, если они, даже при изобиліи, считаютъ соску изъ жеванаго хлѣбнаго мякиша подходящимъ суррогатомъ материнскаго молока, то почему не замѣнить коровьяго—тюрей изъ кваса съ лукомъ? Наконецъ, если само правительство радуется вывозу необходимыхъ питательныхъ продуктовъ, отлично сознавая весь его вредъ, какъ можно быть увѣреннымъ, что сибирскій крестьянинъ окажется благоразумнѣе, дальновиднѣе? Во всякомъ случаѣ, для выясненія этого вопроса пока рѣшительно ничего не сдѣлано: мы можемъ подсчитать проданные пуды, вырученные за нихъ милліоны, но намъ неизвѣстно,—во сколько обошлись они дѣтскихъ жизней и обошлись ли даже?

Помимо того, найдется и еще кое-что, о чемъ не мѣшало бы хорошенько подумать. Наприм., хотя бы—какъ изгнать со страницъ сибирскихъ газетъ смѣсь пинкертоновщины съ порнографіей, вродѣ какого-нибудь „Вѣтропыльскаго болота". То вспыхивая, то потухая, эта зараза перекидывается изъ одного города въ другой. Наверху, въ „бель-этажѣ" иной газеты, случалось, все совершенно прилично, внизу же, подъ чертой—настоящій притонъ для всякаго отребья. Закрывшійся на № 187 „Амурскій Край", оглядываясь на прожитые имъ 11 лѣтъ, замѣчаетъ: „Амурскій Край" пере-

жилъ „эпоху Плеве, моментъ примиренія, дни свободы, конституціонный періодъ“ и 34 судебныхъ преслѣдованія, а доканали его „исключительныя положенія, когда нельзя предусмотрѣть, за что будешь оштрафованъ“ и понизившійся вкусъ публики, которая, вмѣсто „опредѣленнаго міровоззрѣнія“, теперь ищетъ въ газетѣ „чего-нибудь полегче, меньше бередящаго „проклятые вопросы“, даже пикантнаго, бульварнаго“.

Съѣздъ, конечно, не научитъ, какъ обходить подводные камни исключительныхъ положеній, но, быть можетъ, его дружный натискъ заставитъ уличные листки отодвинуться на болѣе приличную дистанцію и не мнить себя выразителями общественнаго мнѣнія, какъ мнитъ, наприм., малограмотный „Красноярскій Вѣстникъ“. Эта маленькая газетка, спускаясь со ступеньки на ступеньку, дошла не только до „Вѣтропыльскаго болота“, но даже, въ нѣкоторомъ родѣ, до „маніи величія“. Такъ, томскій корреспондентъ ея, говоря о переходѣ въ другія руки „Сибирскихъ Отголосковъ“, прибавляетъ по адресу другой мѣстной газеты: „Тоска охватываетъ обывателя при чтеніи подчасъ безграмотныхъ произведеній разныхъ мальчиковъ Огурцовыхъ, бывшихъ на побѣгушкахъ въ „Красноярскомъ Вѣстникѣ“ и имъ подобныхъ“ (№ 189). По отсутствію запятой, не совсѣмъ, положимъ, ясно— кто эти „подобные“: мальчики ли, газеты ли типа „Красноярскаго Вѣстника“, но развязность необычайная, ибо нѣсколькими строками ниже значится, что „Сибирская Жизнь“ якобы „опустилась до степени скучнаго уличнаго листка“.

Нѣтъ ничего дурного—вырости изъ „мальчиковъ на побѣгушкахъ“ въ газетные сотрудники, и весьма мало почтенно, поддѣлываясь подъ низменные вкусы толпы, печатать всякую дребедень съ „выразительными“ многоточіями...

Мечтать объ улучшеніи правового положенія печати въ странѣ, гдѣ не только городовой, но даже „временный техникъ“ можетъ чувствовать себя начальствомъ, конечно, безплодно.

Волостное правленіе тоже вѣдь власть, но вотъ какъ, напримѣръ, обращается съ однимъ изъ нихъ „временный техникъ Нарбутъ“, занимавшійся „землеустройствомъ“ въ Барнаульскомъ уѣздѣ.

Не получая, по его мнѣнію, слишкомъ долго отвѣта на

свои требованія, онъ говоритъ въ оффиціальной бумагѣ „остается предположить, что Николаевскому волостному правленію законъ не писанъ". Этого ему показалось мало,—онъ еще приказываетъ „сдѣлать соотвѣтствующее *внушеніе* и опредѣлить *наказаніе*" старостѣ за то, что тотъ задержалъ его работу, не доставивъ „къ назначенному времени ни рабочихъ, ни сохъ, ни матеріаловъ", прибавляя: „къ послѣднему прошу отнестись, какъ можно серьезнѣе и строже".

На случай,—если бы волостное правленіе вздумало снова промедлить,—приведена обычная угроза крестьянскимъ начальникомъ. Но, по словамъ „Алтайской Газеты", и это еще не все. Г. временный техникъ надписью поперекъ всего текста, сдѣланной цвѣтнымъ карандашомъ, увѣдомилъ волостное правленіе, что полученнымъ отъ него пакетомъ за № 2795 все относившееся къ первой части,—гдѣ говорилось, что законъ кой-кому не писанъ,—„уничтожается".

Мы были не правы, предполагая, будто томская дума не препятствовала отпуску своего головы. Онъ, оказывается, получилъ его не только безъ согласія ея, но даже вопреки ея желаній, обходнымъ путемъ.

Для „назначеннаго головы" это совершенно послѣдовательно: не они, молъ, меня выбирали, не они мнѣ и начальство.

И хотя мы остаемся при прежнемъ мнѣніи, что И. М. Некрасовъ Томску „ни къ чему", но и дума поступила вполнѣ резонно, подавши жалобу. Зачѣмъ, спрашивается, человѣкъ лѣзъ, если не желаетъ исполнять принятыя на себя обязанности? Зачѣмъ Томску голова, живущій въ Петербургѣ, въ Крыму, на Кавказѣ, за-границей, гдѣ угодно, кромѣ того города, въ которомъ надлежитъ ему жить? Совершенно „ни къ чему"! Не хочешь работать, такъ и уходи.

Вѣдь это, кажется, единственный логическій выводъ. Годъ уже на исходѣ, у томской думы масса завалявшихся дѣлъ, И. М. Некрасовъ „еще не отсчитался въ правильности израсходованія за 1907, 1908 и 1909 г.г." въ суммѣ „около $3^1/_2$ милліоновъ рублей общественныхъ денегъ". Отчетъ за 1907 г. свыше милліона рублей думой не утвержденъ. Наконецъ, самъ Иванъ Максимовичъ оказывается въ числѣ городскихъ

недоимщиковъ, но все это не мѣшаетъ ему пользоваться „преимуществами“ „назначеннаго головы“—уѣзжать съ разрѣшенія начальства, хотя его чуть не ловятъ за фалды. Это называлось въ свое время „дѣловой“ думою.

Л. К.

Край губернаторскаго произвола.

(Отвѣтъ г. Лелину).

Въ № 239 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ напечатана статья г. Лелина: „Крафтоѣдство „Сибирскихъ Вопросовъ“. Исходная точка статьи та, что напрасно „гг. Яковлевичи такъ усердно стараются порочить Крафта на страницахъ „оппозиціоннаго органа“, ибо это только „будетъ способствовать вящшему преуспѣянію г. Крафта по службѣ“. Поэтому „было бы вполнѣ понятно и *цѣлесообразно* (курсивъ нашъ), если бы г. Яковлевичъ съ документами въ рукахъ обнаружилъ печатно какія либо незакономѣрныя дѣйствія г. Крафта, какъ губернатора. Это было бы очень поучительно и могло бы привести къ какимъ нибудь *практическимъ* результатамъ“.

Итакъ, критика дѣйствій какого либо администратора должна имѣть цѣлью: или повредить ему по службѣ, или способствовать его карьерѣ. Съ этой точки зрѣнія, только единственной, и могутъ быть признаны цѣлесообразными всякія обличенія; только такія обличенія и могутъ повести къ практическимъ результатамъ. Но вѣдь на такую высоту можетъ подняться не всякій, и вполнѣ понятно, если г. Яковлевичъ, стоя на болѣе „низменномъ“ принципѣ, имѣетъ въ виду не тѣхъ, кто можетъ повысить или понизить г. Крафта по службѣ, а простого обывателя, которому и хочетъ помочь разобраться въ окружающихъ его явленіяхъ, ибо дѣятельность г. Крафта представляетъ изъ себя такую путаницу „либерально“-благородныхъ потугъ и безцеремоннаго административнаго произвола, что простой смертный не сразу возьметъ въ толкъ—что и къ чему. Тѣмъ болѣе это трудно, что у Крафта есть приспѣшники не только среди чиновниковъ, но и среди обывателей и даже инородцевъ. Вспомнимъ г. В. Никифорова, сначала мечтавшаго объ якутской республикѣ, а потомъ преподнесшаго его превосходительству

фотографическую группу за „необыкновенную чуткость къ нуждамъ инородцевъ“...

Вызовъ г. Лелина, брошенный г. Яковлевичу, мы принимаемъ, т. е. постараемся охарактеризовать фактами дѣятельность г. Крафта въ области „нуждъ инородцевъ“, къ которымъ онъ проявляетъ такую „необыкновенную чуткость“.

Въ г. Якутскѣ давно назрѣла необходимость въ сельско-хозяйственной школѣ 1-го разряда, и мѣстное Сельскохозяйственное Общество давно (чуть не 10 лѣтъ) занято этимъ вопросомъ. При участіи спеціалиста-агронома и представителей инородцевъ и крестьянъ оно выработало проектъ школы и смѣту, представило все это по начальству, потомъ вторично, по предложенію послѣдняго, пересмотрѣло и проектъ, и смѣту.

Что же сдѣлалъ г. Крафтъ? Онъ упразднилъ проектъ Сельско-хозяйственнаго Общества и предложилъ свой проектъ со смѣтой на меньшую сумму.

Мѣстное Сельско-хозяйственное Общество, желавшее имѣть дѣйствительно сельско-хозяйственную школу, а не суррогатъ съ этимъ названіемъ, билось нѣсколько лѣтъ, чтобы сократить смѣту, какъ того требовало министерство, и ничего не могло подѣлать, несмотря на всѣ старанія двухъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ областныхъ инженеровъ. Для г. Крафта же съ его знаніями, присвоенными мундиру, сдѣлать требуемое, конечно, очень легко, ибо бюрократъ „чиномъ отъ ума избавленъ“.

Приспѣшники г. Крафта козыряютъ открытіемъ въ г. Якутскѣ педагогическихъ курсовъ для подготовленія народныхъ учителей области.

Вѣрно. Но что это за курсы? Лекторами состоятъ исполняющіе обязанности учителей городского училища, судить о педагогическихъ познаніяхъ которыхъ можно уже по одному тому, что они до сихъ поръ путаютъ Кука, открывшаго въ 18 столѣтіи Новую Зеландію, съ нынѣ здравствующимъ авантюристомъ, заявившимъ претензіи на открытіе сѣвернаго полюса.

На „заселеніе Алданскаго края крестьянами съ верховьевъ Лены испрашивается субсидія отъ казны“.

Что это за „Алданскій край“, мы не знаемъ, да едва-ли

знаетъ и г. Крафтъ. Кто и когда изслѣдовалъ этотъ край въ отношеніи годности для земледѣльческой культуры и емкости для колонизаціи? Здѣсь есть свободныя земли, отобранныя у якутовъ, которые усиленно хлопотали и хлопочутъ о возвращеніи имъ этихъ необходимыхъ для нихъ угодій. Не о нихъ-ли идетъ рѣчь? Гдѣ же тогда „чуткость къ нуждамъ инородцевъ"?!. Впрочемъ, переселенческая политика г. Крафта потребовала бы очень много мѣста. Интересующихся этимъ вопросомъ мы отсылаемъ къ „Сибирскимъ Вопросамъ", гдѣ эта политика получила полное и всестороннее освѣщеніе.

„Назначеніе въ г. Якутскѣ второго врача для командировокъ, по спеціальности окулиста, который зимою будетъ завѣдывать глазною лѣчебницей, а лѣтомъ—разъѣзжать по улусамъ".

Въ этомъ ходатайствѣ особенно рѣзко сказывается „знаніе, присвоенное мундиру". Прежде всего, во сколько лѣтъ такой врачъ посѣтитъ хоть разъ каждый наслегъ того или иного улуса? Кромѣ того, болѣзнями глазъ страдаютъ по преимуществу якутскія женщины болѣе бѣднаго класса, и онѣ-то менѣе всего могутъ воспользоваться услугами врача-окулиста. Лѣтомъ имъ приходится доить коровъ четыре раза въ день. при чемъ коровы пасутся на обширныхъ выгонахъ, по открытымъ мѣстамъ, разбросаннымъ въ тайгѣ. Скотъ же отъ жары и слѣпней забирается въ лѣсъ, гдѣ разыскать его не особенно легко, во всякомъ случаѣ нужно время и время. Поэтому весь день лѣтомъ у якутскихъ женщинъ занятъ уходомъ за скотомъ.

Тутъ вся разгадка въ томъ, что г. Крафтъ пригласилъ на должность врачебнаго инспектора нѣкоего М., который исповѣдуетъ принципы черной сотни, издалъ нѣсколько скверныхъ брошюрокъ объ эпидемическихъ болѣзняхъ и носитъ по недоразумѣнію званіе „спеціалиста-окулиста", ибо 15 лѣтъ тому назадъ былъ въ глазномъ отрядѣ въ Тургайской области, гдѣ и свелъ дружбу съ „Иванъ Иванычемъ".

Правда, помимо приглашенія окулиста, увеличенъ персоналъ врачей въ Олекминскомъ округѣ и открытъ врачебный участокъ въ Якутскомъ.

Но зачѣмъ же г. Крафтъ предварительно разгромилъ медицинскій персоналъ г. Якутска и округовъ? Зачѣмъ было

увольнять изъ Олекмы единственнаго тамъ врача только за то, что при обыскѣ редакціи газеты „Якутская Мысль“ найдено его письмо, совершенно невиннаго содержанія, но обнаружившее его сношеніе съ ненавистной для администраціи независимой печатью?.. Уволенъ, кромѣ того, и за то же, помощникъ медицинскаго инспектора, Р. Годомскій, очень популярный въ г. Якутскѣ. Много-ли при такомъ отношеніи къ врачамъ найдется охотниковъ служить въ Якутской области? Сюда ѣдутъ или дослуживать пенсію, какъ Плавскій въ Вилюйскій округъ, еле двигающійся старикъ, совершенно непригодный для отправленія обязанностей врача, тѣмъ болѣе улуснаго, или же стипендіаты, т. е. невольные врачи, которые во что бы то ни стало стремятся уѣхать изъ области, какъ можно скорѣе. Если же среди нихъ встрѣчаются хорошіе врачи,—не чиновники, люди болѣе или менѣе независимые, то они непремѣнно впадаютъ въ немилость администраціи и вынуждены бываютъ оставить службу. Такъ было и съ врачемъ, самымъ популярнымъ среди инородцевъ области, не говоря уже про городскихъ жителей, медицинскимъ инспекторомъ Вонгродзскимъ. Теперь, вотъ уже нѣсколько лѣтъ. пустуетъ участокъ Якутскаго округа, Баягалтайскій, всего верстахъ въ 200 отъ города. Все это факты, показывающіе, какъ смотритъ г. Крафтъ на медицинскую помощь для инородцевъ.

„Крафтъ—сторонникъ просвѣщенія“, заявляютъ приспѣшники. Имъ учреждены для учащихся якутянъ стипендіи при Константиновскомъ межевомъ институтѣ, высшихъ женскихъ курсахъ, томскомъ университетѣ, при мѣстной фельдшерской школѣ, женской гимназіи, реальномъ училищѣ и иркутской учительской семинаріи.

Но почему же не могло легализироваться, а было „разъяснено“ и истреблено г. Крафтомъ организованное якутами „Общество просвѣщенія“, переименованное потомъ въ „Сырдыкъ“(Свѣтъ), а вмѣсто него было открыто (конечно, не по иниціативѣ инородцевъ) „Общество попеченія о народномъ образованіи“, куда вошли „интеллигентныя“ дамы и вкупѣ съ кавалерами избрали г. Крафта почетнымъ членомъ? Общество „Сырдыкъ“ не догадалось бы сдѣлать это, такъ какъ въ массѣ состояло изъ якутовъ, живущихъ, по словамъ г. Крафта, „звѣроподобнымъ образомъ“...

„Передача завѣдыванія метеорологическими станціями въ сѣверныхъ округахъ области учителямъ народныхъ школъ съ назначеніемъ имъ добавочнаго жалованья въ размѣрѣ 25 руб. въ мѣсяцъ изъ средствъ „Русскаго Географическаго Общества“.

Тутъ, кромѣ „знаній, присвоенныхъ мундиру“, обнаруживается еще и стремленіе распоряжаться средствами Географическаго Общества для награжденія „за усердіе“ *). Можетъ быть, это въ порядкѣ вещей среди бюрократіи: судить не намъ. Мы подчеркнемъ лишь „знанія“. Одно время спасеніе Россіи видѣли въ развитіи всякихъ культуръ и на народнаго учителя хотѣли возложить проведеніе этихъ культуръ при помощи школьныхъ огородовъ, садовъ, пасѣкъ и т. д. вплоть до разведенія шелковичныхъ червей. Педагоги-спеціалисты категорически высказались противъ этого. Они говорили, что если учитель будетъ выполнять лишь свои прямыя обязанности, и то—слава Богу: такъ сложны и обширны эти обязанности. Разумѣется, ничего нельзя сказать противъ, если учитель по собственному почину разведетъ при школѣ какую либо культуру.

Но педагоги спеціалисты г. Крафту не указъ. Ему нѣтъ дѣла до того, что здѣсь, среди инородческаго населенія, обязанности учителя еще сложнѣе. Кромѣ учительства въ собственномъ смыслѣ, на немъ въ Якутской области лежитъ еще наблюденіе за интернатомъ, безъ котораго по мѣстнымъ условіямъ не можетъ обойтись ни одна школа, а иногда вдобавокъ на немъ же лежитъ и содержаніе интерната.

„Проведеніе мѣръ для охраны лѣсовъ по берегамъ Лены“. Ничего не можемъ сказать, такъ какъ не знаемъ, отъ кого или чего будутъ охранять эти лѣса, а главное, не

---

*) Учителя и теперь имѣютъ право брать на себя обязанности наблюдателя на метеорологической станціи, входя въ непосредственныя сношенія съ „Географическимъ Обществомъ“ или съ „Физической Обсерваторіей“. Но г. Крафту не это нужно. Каковъ бы ни былъ учитель (лишь бы отличался „благонадежностью“), онъ по своему положенію долженъ имѣть право завѣдывать станціей. До сихъ поръ сплошь и рядомъ метеорологическими станціями въ Сибири завѣдывали политическіе ссыльные. Мало того, они получали полномочія учреждать такія станціи и для этого пользовались правомъ разъѣздовъ по области или губерніи.

знаемъ, въ чемъ будутъ состоять эти мѣры.

„Подвѣска второго провода на телеграфной линіи Якутскъ—Витимъ". Ничего не имѣемъ...

„Утвержденіе смѣты земской губернской повинности на трехлѣтіе 1909—1911 г. г.".

Подробное разсмотрѣніе и освѣщеніе этой смѣты было уже сдѣлано въ мѣстной газетѣ „Якутская Мысль", — поэтому обойдемъ ее сейчасъ молчаніемъ. Замѣтимъ только одно. Въ концѣ 1909 года на земскія средства отправлены въ Россію три инородца для изученія художественной рѣзьбы по кости. Допустимъ, что художественные таланты этихъ трехъ счастливцевъ оцѣнены г. Крафтомъ безошибочно, но достаточно ли его „знаній", или „чуткости" для рѣшенія вопроса, что составляетъ насущную потребность населенія: художественная рѣзьба по кости или что другое?..

Мы кончили задачу, предложенную г. Лелинымъ, но считаемъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ и о г. Лелинѣ, и о г. Крафтѣ,—о послѣднемъ тѣмъ болѣе, что онъ оставилъ область (хотя теперь ходятъ слухи, что онъ возвращается опять на постъ якутскаго губернатора), и такимъ образомъ можно какъ бы подвести итоги его дѣятельности.

Между прочимъ, г. Лелинъ говоритъ: „До такой степени читателю примелькалась въ журналѣ фамилія этого губернатора, что по полученіи новой книжки, каждый разъ, особенно если на обложкѣ стоитъ имя г. Яковлевича, читатель съ нѣкоторой брезгливостью думаетъ о томъ, какъ бы его опять не стали угощать Крафтомъ".

Мы не обладаемъ развязностью г. Лелина, говорящаго за всѣхъ читателей, но можемъ увѣрить его, что многіе мѣстные обыватели съ такимъ же чувствомъ ожидали наступленія каждаго слѣдующаго дня, думая какъ бы этотъ день опять не угостилъ его г. Крафтомъ, изобрѣтательность котораго по части всякихъ „мѣръ" поистинѣ неистощима. Г. Крафтъ пускался даже въ „литературу", посылалъ „опроверженія" въ мѣстныя газеты, но его отучили отъ этого несвойственнаго его превосходительству занятія, опровергая коряво написанныя „опроверженія" его же собственными документами.

А какъ богата дѣятельность г. Крафта по части истребленія „крамолы"! Просмотрите № 17—18 „Якутской Мысли"

и онъ вамъ дастъ цѣльное, опредѣленное представленіе о положеніи Якутской области подъ властью этого губернатора. „Уволенъ за подозрѣваемую близость къ изданію газеты „Якутская Мысль“ чиновникъ областного управленія Н. Н. Грибановскій“... „Уволенъ за удовлетвореніе требованій политическихъ ссыльныхъ... и за участіе въ качествѣ корреспондента въ газетѣ „Якутская Мысль“ управляющій Верхоянскаго округа Ѳ. М. Соловьевъ“. Предсѣдатель Сельско-Хозяйственнаго Общества С. Ф. Михалевичъ привлекался къ суду за то, что, будучи политическимъ ссыльнымъ, состоялъ членомъ и предсѣдателемъ Общества. Оправданный по суду, онъ высланъ г. Крафтомъ административно изъ города. Далѣе есть рубрики: „Мытарства Верхояоцевъ“, „Къ голодовкѣ въ мѣстной тюрьмѣ“, дѣло „Якутскаго Общества приказчиковъ“. (Правленіе Общества привлекалось къ суду за допущеніе въ число членовъ административно-ссыльныхъ. Теперь Общество въ немилости. Учащимся запрещено посѣщать дѣтскіе вечера и елки, устраиваемые этимъ Обществомъ); „увольненіе въ отставку“ (уволенъ медицинскій инспекторъ В. А. Вонгродскій, очень много сдѣлавшій для области); „Бюрократическое хозяйничанье“ (инородцы должны ожидать въ теченіе нѣсколькихъ дней въ городѣ, чтобы купить пороху, котораго отпускается только по фунту на человѣка) и т. д.

Но мартирологъ жертвъ крафтовскаго произвола еще не исчерпанъ: онъ продолжаетъ изгонять интеллигентныхъ работниковъ, почему либо не угодившихъ ему Такъ, уволенъ помощникъ областнаго ветеринара П. Л. Кондаковъ за „пристрастіе къ алкоголизму“. Остается ещемотивъ къ очищенію области отъ нежелательнаго элемента, это—незаконное сожительство, если не бояться размаха косой по собственнымъ ногамъ...

Въ настоящее время для якутскаго обывателя фигура г. Крафта выяснилась вполнѣ. Карьеристъ, всегда знающій, „который часъ“, онъ знаетъ, что теперь нужно давить всякую общественную инпціативу — и давитъ ее. То истребляетъ, это упраздняетъ, тамъ раззоряетъ, здѣсь разгромляетъ, созидая... дамскіе комитеты и шпіонажъ.

Насъ не удивитъ, если г. Крафтъ будетъ ходатайствовать о сельско-хозяйственной выставкѣ. Мѣстное сельско-хозяйствен-

ное Общество поставило этотъ вопросъ, сдѣлало уже нѣкоторые шаги къ его разрѣшенію, нашла свѣдующаго человѣка, въ лицѣ политическаго ссыльнаго А. К. Кузнецова-старика, нечаевца. А. К. Кузнецовъ устроился въ 18 верстахъ отъ Якутска и выработалъ планъ устройства показного поля и показного огорода вблизи города. Онъ высланъ теперь въ Хатынъ-Арынское селеніе (въ 130 верстахъ отъ Якутска). Оно и понято: развѣ возможна общественная инициатива, да еще при участіи политическаго ссыльнаго!

Когда то эти ссыльные привлекались здѣсь къ работамъ въ статистическомъ комитетѣ, къ экспедиціямъ, не говоря уже объ ихъ участіи въ дѣлахъ частныхъ обществъ; принимались даже на службу, въ качествѣ докторовъ, областныхъ инженеровъ. Теперь же областной инженеръ А. Кудрявцевъ уволенъ „по прошенію“ за знакомство съ двумя ссыльными, изъ которыхъ одинъ вернулся изъ правительственной экспедиціи.

Г. Крафтъ знаетъ, какое значеніе можетъ имѣть газета. Онъ не прочь даже самъ давать свѣдѣнія, необходимыя этой газетѣ, и давалъ ихъ (даже чрезъ посредство политическаго ссыльнаго, репортера газеты), но только подъ условіемъ, чтобы газета служила его видамъ. Когда же онъ убѣдился, что газета имѣетъ свои взгляды и не считается съ его взглядами, даже критикуетъ ихъ, онъ рѣшилъ задушить газету и добился своего. Его приближенные въ оправданіе его ссылаются на какой то тайный циркуляръ, будто бы обязавшій уничтожить зловредную газету, но мы сомнѣваемся, былъ-ли такой циркуляръ.

Г. Крафтъ знаетъ, что самое лучшее средство выслужиться при данныхъ условіяхъ—отысканіе новыхъ, „свободныхъ“ земель для поселенія, и онъ находитъ ихъ. Мало найденныхъ—найдетъ еще. Если будетъ нужно, то окажется, что у якутовъ есть лишнія земли, которыя не эксплуатируются, или что „кочевыхъ“ инородцевъ, какими считаются якуты, нужно превратить въ осѣдлыхъ землепашцевъ и тѣмъ „освободить“ цѣлыя территоріи. Для этого у г. Крафта есть и достойные сотрудники, въ лицѣ г.г. Маркграфа, Оленина и т. п.

Извѣстно, что требуется прочная связь края съ остальными частями имперіи и поднятіе его производительности, и

г. Крафтъ „разрабатываетъ“ проектъ пароходнаго сообщенія чрезъ Беринговъ проливъ, съ устройствомъ порта въ заливѣ, который отправленная на сѣверъ экспедиція, во главѣ съ г. Волосевичемъ, переходитъ пѣшкомъ. Маленькая незадача вышла, только благодаря тому, что экспедиція была организована въ Петербургѣ и не г. Крафтомъ, предполагавшимъ организовать ее здѣсь изъ „вполнѣ пригодныхъ для этой цѣли людей“...

Г. Крафтъ строитъ музей, г. Крафтъ устраиваетъ общественную библіотеку, для которой ему удалось получить огромную библіотеку политическихъ ссыльныхъ въ Колымскѣ. Такую же библіотеку ссыльныхъ въ г. Якутскѣ онъ хотѣлъ было конфисковать (къ счастью, не удалось) на томъ основаніи, что она партійная, хотя книги въ ней были только легальныя.

Г. Крафтъ пытался даже организовать отдѣлъ Географическаго Общества и открылъ въ мѣстномъ музеѣ запись членовъ. Записалось нѣсколько человѣкъ, но когда они, по дальнѣйшимъ записямъ, увидѣли назначеніе этого отдѣла, то вычеркнули свои имена.

Объ ученыхъ заслугахъ г. Крафта, какъ археолога, мы надѣемся поговорить особо. Укажемъ лишь, что „башни Якутскаго острога“, единственный памятникъ деревяннаго зодчества русскихъ XVII вѣка, при г. Крафтѣ горѣли нѣсколько разъ, бревна прясель единственной уцѣлѣвшей стѣны растаскивались и, что всего удивительнѣе, стѣна была прорублена въ срединѣ для кратчайшаго сообщенія поля... съ областнымъ правленіемъ и казначействомъ.

Сколько разъ археологическая коммиссія обращалась къ Крафту, чтобы онъ что либо сдѣлалъ для сохраненія памятниковъ старины, а башни разваливались, растаскивались, горѣли...

„Просвѣщенный“ г. Крафтъ, членъ археологическаго института, давшаго ему право носить нагрудный знакъ, не можетъ найти ни средствъ, ни времени что либо сдѣлать для памятниковъ старины, и имъ отъ г. Крафта-археолога не лучше, чѣмъ отъ его „чуткости“ инородцамъ...

Нѣтъ, не молчать надо о похожденіяхъ и дѣяніяхъ якутскаго „ташкентца“, а полнѣе очерчивать фигуру этого типичнаго въ наше время помпадура... *Якутскій старожилъ.*

Сибирскіе бурбоны.

Кончилось кокбектинское ущелье. Предъ глазами, утомленными отвѣсными скалами и узкой полосой бурливой Токмакъ-Су, развернулась широкая степная даль, слегка приподнятая по краямъ невысокими холмами. Шумитъ сѣдой ковыль, развѣвая свой пушистый султанъ... Струится марево, окаймляя горизонтъ зубчатой туманной дымкой... Одинъ причудливѣе другого вырисовываются миражи...

Я невольно вздохнулъ полной грудью. Джигитъ Ишмуханъ лихо заломилъ татарскую шапку. Лошади, весело фыркнувъ, бойко закачались, шелестя ногами по высокой травѣ. На горизонтѣ нѣжными силуэтами обрисовались кибитки.

— Ишмуханъ, это чьи джелау?—спросилъ я джигита, показывая нагайкой по направленію аула.

— Табынцевъ, таксыръ...

— Кто у нихъ уѣзднымъ?

— Каскабасъ... Россомахинъ по фамиліи...

— Рассомахинъ?! А гдѣ онъ теперь?

— На Аулье-Сай... Сорокъ верстъ будетъ...

Сорокъ верстъ для насъ, съ трехъ лѣтъ не разстававшихся съ сѣдломъ, не составляли особаго затрудненія, и мы круто повернули своихъ иноходцевъ на западъ.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда меня изъ центра Россіи выбросило на далекую окраину въ затерявшійся среди передвижныхъ песковъ степной городишко Бѣлогорскъ, нашъ кружокъ подневольныхъ гражданъ посѣщалъ юноша-письмоводитель уѣзднаго правленія. Съ малыхъ лѣтъ, по окончаніи школы, Россомахинъ терся въ канцеляріи, проходя суровую школу отъ мальчика-писарька до письмоводителя. Благодаря этому, въ немъ росла та робость, которая только и свойственна людямъ, не чувствующимъ подъ собой твердой почвы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вызывалъ къ себѣ симпатіи кружка за дѣловой практическій умъ, за доброе сердце. Мы его любили и за поразительную веселость, въ чемъ особенно нуждался нашъ пессими-

стически настроенный кружокъ. Съ годами кружокъ распался: разстерялись мы въ поискахъ лучшей жизни. Потянулся за нами и Россомахинъ. Но скоро я потерялъ его изъ виду: потонулъ онъ въ лабиринтахъ столичныхъ департаментовъ въ роли подшивателя входящихъ и исходящихъ. И вотъ онъ снова въ степи, но уже не робкимъ письмоводителемъ, а начальникомъ. Потянуло меня посмотрѣть, что сдѣлала жизнь съ этимъ человѣкомъ, богато одареннымъ природой, но съ пеленокъ брошеннымъ въ горнило мертвящей канцелярщины, безпросвѣтнаго пьянства и дикаго разврата.

Передо мной сидѣлъ пожилой, совершенно лысый (почему его и прозвали Каскабасомъ), маленькій, толстый мужчина, и только живые каріе глаза выдавали прежняго весельчака Россомахина, да задушевный голосъ остался...

— Теперь еще тяжелѣе служить въ степи... Тогда, какъ мы жили въ Бѣлогорскѣ, на степь мало обращали вниманія, и уѣзднымъ начальникамъ была дана широкая свобода въ дѣйствіяхъ. Правда, свободу эту они понимали по своему и превратили ее въ разнузданность и произволъ, но если попадался честный начальникъ, какъ, напримѣръ, помнится, Кунгуровъ, то сколько хорошаго можно было сдѣлать... А теперь степь стала какой то ареной для бурбоновъ - чиновниковъ, какимъ-то постоялымъ дворомъ: пріѣдутъ, накричатъ, поѣдятъ баранины, попьютъ кумыса и... айда дальше прогоны зарабатывать. При этомъ каждый норовитъ распекать тебя...

Киргизъ внесъ самоваръ, поставилъ на кошму и съ поклонами вышелъ изъ кибитки.

— Особенно тяжело лѣтомъ,—продолжалъ Россомахинъ, заваривая чай.—Безпрерывной вереницей тянутся чиновники и всѣмъ имъ нужно докладывать о положеніи дѣлъ въ степи; прослушаютъ, возьмутъ рапортъ, въ которомъ подробно излагается тотъ или другой вопросъ, смотря какой чиновникъ чѣмъ интересуется, и... до свиданья. А руководства или даже простого совѣта и не жди отъ нихъ. Да что отъ нихъ—отъ своего губернатора не услышишь добраго человѣческаго слова.

Пріѣхалъ въ это лѣто ко мнѣ губернаторъ и, не отвѣтивъ на поклоны собравшихся его встрѣтить чиновъ уѣзднаго правленія, прошелъ въ канцелярію и крикнулъ: «Карту уѣзда!» Я подалъ. Тыкая указательнымъ пальцемъ по кружкамъ, бурбонъ отрывисто началъ экзаменовать меня по географіи уѣзда.

— Это что такое?

— Поселокъ Никольскій, ваше превосходительство...

— А это?

— Проектируемый поселокъ, ваше превосходительство...

— Кого намѣчаютъ селить?

— Не могу знать...

— Лошади готовы?

— А о томъ, какія сомнѣнія у меня по части управленія уѣздомъ, какъ поступать въ томъ или иномъ вопросѣ—ни звука... Пусть онъ ровно ничего не понимаетъ въ гражданскихъ дѣлахъ, но все-таки относись къ своимъ помощникамъ, къ своимъ сотрудникамъ болѣе гуманно, а не какъ бурбонъ...

Россомахинъ залпомъ выпилъ чашку чая, вытеръ съ лысины потъ и продолжалъ:

— Ну мы туда-сюда, а вотъ обидно за народныхъ представителей, дѣйствительно, почтенныхъ людей. Съ ними господа губернаторы и залетные петербургскіе чиновники обращаются еще болѣе грубо, страшно третируютъ ихъ. Пріѣзжалъ сюда въ это лѣто директоръ департамента. Я его зналъ въ Петербургѣ—мягкій такой, деликатный, придетъ въ департаментъ — всѣмъ руку суетъ, сторожей и курьеровъ на «вы»... Такимъ я его и рекомендовалъ своимъ сослуживцамъ и подчеркивалъ: «вотъ посмотрите, что значитъ образованный человѣкъ, не то, что нашъ губернаторъ изъ юнкеровъ...» Народнымъ представителямъ говорилъ, что они могутъ смѣло выкладывать свои нужды, ихъ со вниманіемъ выслушаютъ. Словомъ, настроеніе было доброе, ждали пріѣзда, какъ праздника. Дошло до того, что нѣкоторые изъ чиновниковъ поспѣшили обновить свои мундирчики. Киргизы готовили обѣдъ, скачки,

борьбу... Пріѣзжаетъ. Съ перваго же взгляда я былъ пораженъ величественностью, вѣрнѣе, надменностью фигуры директора. «Да онъ-ли это, милѣйшій Иванъ Ивановичъ»—думаю себѣ. «Онъ, конечно, также заикается, также пощипываетъ бороду...» Отрапортовалъ. Не узналъ меня и руки не подалъ. Прищуреннымъ взглядомъ обвелъ онъ красивую пеструю толпу и спросилъ.

— Э-это кк-то?

— Народные представители, ваше-ство...

— Чч-то и-имъ нн-адо?..

— Желаютъ привѣтствовать ваше-ство и высказать свои нужды...

Киргизы разомъ сняли малахаи и отвѣсили поясной поклонъ.

— Кк-акія тт-акія нн-у-ужды?! Сслушайте-сь нн-а-ачальство, о-оно зн-а-аетъ, ччто-о дѣ-ѣлать...

Среди представителей было много киргизовъ съ среднимъ и даже университетскимъ образованіемъ. Къ одному изъ нихъ, бывшему одно время судебнымъ слѣдователемъ, директоръ обратился съ вопросомъ:

— Тты гра-амотный?

— Я окончилъ казанскій университетъ по юридическому факультету...

— Дда?.. А за-ачѣмъ же ха-алатъ но-осишь?

— Это одежда моего народа.

— На-арода? Ка-акого на-арода? Е-есть а-адинъ на-ародъ—ру-усскій... Сту-упайте...

— Я все это время точно на кострѣ горѣлъ: такъ мнѣ было стыдно за представителя высшей русской власти. Ну, какъ послѣ этого ждать какого то уваженія къ послѣдней, развѣ можно думать о сліяніи инородцевъ съ русскимъ элементомъ? А съ какимъ укоромъ смотрѣли на меня сослуживцы?! Лучше не вспоминать...

Въ кибитку вошелъ киргизъ и поклонился съ обычнымъ привѣтствіемъ: «аманспсъ-ба?» Россомахинъ подалъ ему руку и представилъ мнѣ «бывшаго слѣдователя» Досмагомета Сентова.

— Это вотъ онъ поразилъ питерскаго бурбона

тѣмъ, что университетски образованный человѣкъ носитъ какой-то халатъ. Досмагометъ улыбнулся, открывая свои бѣлые точеные зубы.

— Киргизы разсказываютъ,—проговорилъ онъ,—что на Исыкъ-Куль директоръ за что-то напалъ на бія, который тоже заикается. Бій съ перепуга едва слова выговаривалъ, а директоръ какъ побагровѣетъ, да крикнетъ: «ммм-е-ерзававцы!» Сѣлъ и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простившись. А невольный виновникъ генеральскаго гнѣва до того перепугался, что захворалъ.

Мы весело разсмѣялись, при чемъ Досмагометъ еще разъ повторилъ слово «мерзавцы», преувеличенно утрируя его...

— Вотъ такъ и служишь, ожидая со дня на день, что налетитъ какой - нибудь бурбонъ, оскорбитъ и прогонитъ тебя... Дотянуть бы до пенсіи, а тамъ Богъ съ ней и со службой... Только боюсь, что не дотяну. Недавно сюда въ ставку пріѣхали два питерскихъ чиновника особыхъ порученій, оба четвертаго класса. Шептали, шептали что-то промежъ себя, а потомъ, вдругъ, одинъ обращается ко мнѣ: «скажите, пожалуйста, какого взгляда вы держитесь на дальнѣйшее заселеніе степи?» Я высказался откровенно, а именно, что необходимо пріостановить колонизацію, такъ какъ киргизы въ данный моментъ не подготовлены къ тому, чтобы сразу перейти отъ исконнаго промысла, скотоводческаго, къ земледѣлію. Опять зашептали, и слышу довольно часто слово «сепаратистъ». Ну, думаю, влопался, кажется... Стоитъ только сказать нашему бурбону, что я исповѣдую и поддерживаю сепаратизмъ киргизовъ, какъ отъ титулярнаго совѣтника Россомахина и мокраго мѣста не останется...

Мы вышли изъ кибитки. Дали померкли. Гигантскія тѣни медленно наползали на раскинувшуюся безбрежнымъ моремъ степь. Шумъ аульной жизни переливался глухимъ эхомъ въ долинѣ.

«Много еще въ тебѣ свободы, раздолья, но скоро бурбоны полонятъ твой просторъ...» невольно подумалось мнѣ.

Суринъ.

Изъ воспоминаній о Монголіи.

Преданіе говоритъ, что у Чингисхана было девять главныхъ знаменъ (юссунъ-сульдэ), изъ которыхъ каждое имѣло свой цвѣтъ. Появленіе этихъ знаменъ наводило ужасъ повсюду. Эти знамена, по завѣщанію Чингисхана, были переданы его потомкамъ.

Я имѣю свѣдѣнія только о трехъ знаменахъ; гдѣ остальныя, — не могъ узнать. Одно черное — въ Ордосѣ, другое пестрое — гдѣ-то въ Восточной Монголіи и третье бѣлое хранится у князя Ло-гуна, владѣнія котораго находятся въ Ханъ-хухеѣ. Черезъ три года въ четвертый бываетъ праздникъ знамени.

Странствуя по Монголіи, я узналъ, что у Ло-гуна въ августѣ будетъ праздникъ бѣлаго знамени. Я еще не бывалъ въ Ханъ-хухеѣ и рѣшилъ отправиться туда.

Отправнымъ пунктомъ для экскурсіи былъ Улясутай. Этотъ городъ, находящійся приблизительно въ центрѣ Средней Монголіи, былъ для меня очень удобнымъ пунктомъ для остановокъ. Здѣсь можно было и отдохнуть, и запастись необходимыми припасами. Кромѣ того, въ Улясутаѣ была довольно обширная русская торговая колонія, было нѣсколько лицъ, изъѣздившихъ Монголію вдоль и поперекъ отъ Кукохото до Кяхты. Были и такіе, которые имѣли достаточныя свѣдѣнія въ литературѣ о Монголіи.

Я собралъ въ Улясутаѣ свѣдѣнія о дорогѣ, нанялъ провожатаго монгола и, распростившись съ знакомыми, направился на сѣверъ по берегу рѣчки Иро.

Дорога вверхъ по Иро прекрасная; это — трактъ, по которому идутъ торговыя сношенія Улясутая съ сойотами и съ русскими торговцами, живущими среди сойотъ. Иро неглубокая горная рѣчка, съ берегами, покрытыми рощами. То справа, то слѣва открываются цвѣтущія долины, гдѣ расположены войлочныя юрты монголовъ.

Мы двое сутокъ шли по Иро, затѣмъ повернули на сѣверо-западъ, вышли на травянистую степь, и на горизонтѣ увидѣли длинную синюю цѣпь Ханъ-хухея. Мы переночевали еще ночь по дорогѣ и на слѣдующій день вошли въ предгорья Ханъ-хухея. Мы двигались среди обнаженныхъ утесовъ; только кое-гдѣ встрѣчались въ долинахъ небольшія

заросли тальника, а по берегамъ ручьевъ, спадающихъ съ Ханъ-хухея, стали попадаться тополи. Вообще, въ Монголіи всѣ южные склоны бѣдны древесной растительностью. Выбравшись изъ предгорій, мы увидѣли буддійскій храмъ и около него нѣсколько построекъ. Это была ставка Ло-гуна.

Мы расположились на рѣчкѣ, разбили свои палатки, и къ намъ, какъ всегда, стали собираться монголы, а затѣмъ явился и русскій торговецъ и пригласилъ насъ остановиться у него. Оказалось, что мы пріѣхали какъ разъ во время: праздникъ Бѣлаго знамени долженъ былъ начаться на другой день. Чтобы не терять даромъ времени, мы рѣшили сдѣлать небольшую экскурсію въ восточный Ханъ-хухей. Князь, узнавъ объ этомъ, предложилъ намъ своихъ лошадей и провожатаго.

Лошади Ло-гуна славятся по всей Монголіи, и мы были рады дать отдохнуть нашимъ конямъ и верблюдамъ, сдѣлавшимъ съ нами болѣе тысячи верстъ

Цѣлью нашей экскурсіи въ Ханъ-хухей былъ осмотръ археологическихъ памятниковъ.

Провожатый повелъ насъ самой короткой дорогой. Намъ пришлось то подыматься на хребты, то спускаться въ долины. Добрые кони свободно взбирались по кручѣ и твердой, неторопливой поступью спускались по узенькимъ тропамъ.

Подъ руководствомъ Ло-гуновскаго конюха мы разыскали въ разныхъ мѣстахъ древнія могилы, каменныя изваянія, но самаго главнаго, камней съ рунообразными надписями,— не нашли. Съ этими поисками мы проѣздили въ горахъ до сумерекъ и поздно вечеромъ вернулись назадъ.

На другой день утромъ мы сидѣли за самоваромъ, когда къ намъ явился посланный отъ князя и доложилъ, что лошади готовы и пора ѣхать на праздникъ.

Церемонія должна была состояться въ степи.

Мы сѣли на коней. Женѣ моей дали чуднаго иноходца, а мнѣ—горячаго бодраго скакуна. За нами неслась цѣлая толпа всадниковъ. Мы проѣхали версты три и съ небольшого бугорка замѣтили въ степи какой-то таборъ.

— Вонъ тамъ будетъ праздникъ Цаганъ-сульдэ (Бѣлаго знамени),—указалъ плетью скакавшій рядомъ со мною монголъ.

На близкомъ разстояніи мы увидѣли что-то вродѣ степной ярмарки, какія устраиваются обыкновенно въ степи, за околицей селенія.

Передъ нами открылся рядъ юртъ и палатокъ, вытянувшихся въ два ряда другъ противъ друга.

Посреди этой улицы было выставлено что-то вродѣ аналоя, а впереди его стоялъ высокій шестъ съ громадной кистью изъ бѣлыхъ конскихъ волосъ.

— Это Цаганъ-сульдэ!—сказалъ намъ одинъ изъ провожавшихъ монголовъ.

Князь отвелъ намъ палатку какъ-разъ противъ знамени, чтобы удобнѣе видѣть церемонію.

У монголовъ всякій праздникъ (надамъ) начинается скачкой.

Около сотни лошадей выставили въ линію и стали равнять ее. Тутъ было много крика и шума.

Распорядители долго разъѣзжали вдоль линіи. Наконецъ, данъ былъ сигналъ, и вся линія всадниковъ бросилась впередъ. Долго смотрѣли всѣ, сдѣдя за скачущей толпой, и дѣлали разныя замѣчанія относительно той или другой лошади. Наконецъ, все скрылось изъ вида,—и насъ позвали въ палатку къ князю.

Князь человѣкъ средняго возраста, монгольскаго типа. Онъ разспросилъ меня о дорогѣ, съ какой цѣлью я путешествую, и нашелъ, что собирать свѣдѣнія о старинѣ—дѣло полезное, иначе народъ забудетъ все, что дѣлали его предки.

Когда мы вышли отъ князя, около Бѣлаго знамени стояло уже девять ассистентовъ. Всѣ они были одѣты въ бѣлыя полукафтанья, отороченныя по бортамъ и подолу голубой тесьмой, а къ голубымъ поясамъ были привѣшены мечи, нѣсколько напоминавшіе турецкіе ятаганы.

Вотъ, выступили ламы, загремѣли трубы, зазвенѣли металлическія тарелки. Когда музыка смолкла, начались приношенія знамени Чингисхана, а такъ какъ знамя было бѣлое, то и приношенія состояли изъ бѣлыхъ животныхъ. Сперва подвели къ знамени девять бѣлыхъ копей, затѣмъ бѣлыхъ верблюдовъ и другихъ животныхъ. Эти приношенія сопровождались пѣніемъ ламъ и музыкой. Послѣ конца церемоніи я подошелъ къ одному ламѣ и спросилъ, что означаютъ эти приношенія?

— Это—дань Богдо - Чингисхану отъ всѣхъ народовъ земли.

— Куда же поступитъ этотъ скотъ? Князю?

— Нѣтъ, его продаютъ и на деньги устраиваютъ праздникъ сульдэ.

Послѣ приношеній началась борьба, стрѣльба изъ лука, угощеніе бараниной, сухими фруктами и молочной водкой.

Среди пиршества вдругъ раздался крикъ съ высокаго бугра, гдѣ стояла группа людей, наблюдавшихъ за возвращеніемъ всадниковъ со скачки.

— Ѣдутъ, ѣдутъ назадъ! — заревѣла толпа и окружила бугоръ.

— Соловой конь впереди бѣжитъ!—закричали всѣ.

— Конечно, такъ и быть должно! Это вѣдь конь князя, его обгонять нельзя,—сказалъ одинъ изъ русскихъ.

— Сѣрый конь виситъ на хвостѣ у солового!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

— А все-таки гнѣдой перебѣжитъ сѣраго.

— Хочешь въ закладъ? Пять ланъ серебра на сѣраго! Впередъ сѣрый!

— Ладно! Давай деньги за руки!

Нѣсколько человѣкъ поскакало на встрѣчу всадникамъ, чтобы подгопять усталыхъ коней и тащить ихъ на поводу.

Вотъ выбѣжалъ впередъ соловой скакунъ князя, а за нимъ на два корпуса—сѣрый и гнѣдой.

— Ну, теперь начнутся перекоры и споры изъ-за того, чья лошадь пришла раньше... Поѣдемте домой, — сказалъ нашъ хозяинъ.

Мы сѣли на коней и тронулись въ путь.

— Ну, что, какъ понравилось вамъ сульдэ? — спросилъ меня одинъ изъ спутниковъ.

— Какъ вамъ сказать? Вѣдь, въ сущности, это—просто надамъ (праздникъ); только бѣлые богатыри съ ихъ мечами и снятіе знамени, когда его несутъ съ пѣніемъ, представляютъ нѣкоторый интересъ. Да и что для нынѣшнихъ монголовъ, которые всѣ въ рукахъ ламъ, можетъ представлять полководецъ Чингисханъ?—сказалъ я.

— Это правда. Теперь Монголія вмѣсто Чингисхана ждетъ какого-то Амурсану, — замѣтилъ другой спутникъ.

— Что это за Амурсана?

— Въ третьемъ году появился какой-то не то русскій калмыкъ, не то монголъ и выдавалъ себя за посланника Амурсаны. Много хлопотъ задалъ онъ и Улясутайскому старшинѣ, и китайцамъ, и нашему консульству, — сказалъ нашъ хозяинъ.

— Кто же все-таки этотъ Амурсана?

— Ну, это я разскажу дома.

Послѣ обычнаго угощенія нашъ хозяинъ приступилъ къ разсказу.

— Передъ вступленіемъ на престолъ богдыхановъ нынѣшней манчжурской династіи въ Монголіи царила полная неурядица: не было головы въ странѣ. Особенно плохо шли дѣла въ Восточной Монголіи. Князьямъ, потомкамъ Чингисхана, не хотѣлось подпасть подъ руку китайскому богдыхану.

Они составляли заговоры, клялись стоять другъ за друга и, чтобы клятва на вѣрность союзу была крѣпче, пили изъ чаши кровь чернаго козла, а сами, каждый въ отдѣльности, посылали гонцовъ къ китайцамъ, чтобы выдать своихъ товарищей и выслужиться этимъ въ Пекинѣ. Держалась только Западная Монголія, союзъ ойратскій или, проще сказать, калмыцкій. У нихъ было много энергичныхъ князей, и они дѣлали набѣги на Восточную Монголію: грабили князей и даже монастыри.

Но съ тѣхъ поръ, какъ на престолѣ богдыхановъ водворились манчжуры, борьба съ Китаемъ стала не по силамъ. Новая династія была энергична и воинственна. Покоривъ нынѣшній западный Китай, манчжуры напали на калмыковъ и раззорили ихъ до тла. Одинъ изъ калмыцкихъ князей Амурсана, видя, что ему не въ моготу бороться съ воинственными манчжурами, бросилъ свой хошунъ (удѣлъ) и убѣжалъ къ русскимъ. Его тамъ приняли, обласкали и поселили въ городѣ Ишимѣ; тамъ онъ прожилъ недолго и померъ отъ оспы. Но наша администрація сумѣла сдѣлать Амурсану безсмертнымъ. Въ бумагахъ канцелярій его называли „самъ секретнѣйшій азіанинъ“, и о смерти его запрещено было писать и говорить.

Благодаря этой таинственности, калмыки и урянхи, при всякомъ замѣшательствѣ, хотя бы не имѣющемъ никакого отношенія къ политикѣ русскаго или китайскаго правитель-

ства, начинаютъ думать, что, должно быть, скоро явится Амурсана. Явиться онъ долженъ со своими старыми сподвижниками, сѣдыми богатырями, и возстановитъ имперію Чингисхана.

До послѣдняго времени бывало такъ, что монголы поговорятъ-поговорятъ объ Амурсанѣ, а потомъ, не видя признаковъ появленія сказочнаго героя, и успокоятся.

Вдругъ въ позапрошломъ году распространился упорный слухъ, что въ Монголію прибылъ человѣкъ, монголъ или калмыкъ, съ какими-то порученіями отъ Далай-ламы. Изъ Тибета вообще много является разныхъ пословъ отъ Далай-ламы. Я въ это время пріѣхалъ въ Улясутай, и тамъ уже говорили объ этомъ...

Разъ какъ-то утромъ мы съ русскимъ старшиной Мининымъ вышли на базаръ и видимъ, что полицейскіе окружили какого-то человѣка, который кричитъ: „би Александріинъ албатэй“ (я—поддапный царя Александра).

Мининъ подошелъ къ полицейскимъ и спросилъ, на какомъ основаніи они арестуютъ русскаго.

— Мы почемъ же знаемъ, что онъ русскій,—отвѣтилъ полицейскій.

— Достаточно его заявленія, что онъ—русскій подданный; мы бы сами выяснили дѣло.

Полицейскій струхнулъ, но сумѣлъ вывернуться.

— Если онъ вашъ, русскій, такъ ты и возьми его къ себѣ на поруки,—предложилъ онъ.

— Хорошо, я беру этого человѣка къ себѣ,— сказалъ Мининъ.

У себя дома Мининъ спросилъ незнакомца.

— Скажи, пожалуйста, кто-ты?.. но говори правду.

— Я астраханскій калмыкъ—лама; пріѣхалъ въ Монголію изъ Тибета, гдѣ побывалъ у Далай-ламы, получилъ отъ него благословеніе и захотѣлъ посмотрѣть, какъ здѣсь живутъ люди. Я пріѣхалъ верхомъ одинъ, а мой багажъ за мной идетъ на двухъ верблюдахъ.

— Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь написаннаго тобой?—спросилъ Мининъ.

— Есть.

— Ну, такъ я пошлю нарочнаго и велю привести твоихъ верблюдовъ ко мнѣ,—сказалъ Мининъ.

Вѣсть о какомъ-то странникѣ разнеслась по городу, и къ Минину стало много являться людей посмотрѣть на посла отъ Далай-ламы съ какимъ-то особымъ порученіемъ. Посѣтители задавали пріѣзжему много вопросовъ, между прочимъ, спрашивали, не преслѣдуютъ-ли русскіе буддійской вѣры?—лама отвѣтилъ, что въ Россіи, недалеко отъ Монголіи, живутъ буряты и ихъ никто не притѣсняетъ; спрашивали, какую одежду носятъ монголы въ Россіи,—пріѣзжій сообщилъ, что носятъ такое-же платье, какъ и здѣсь.

Заходили къ Минину и ламы съ распросами,—нѣтъ-ли чего новаго въ Тибетѣ, какъ поживаютъ въ Лассѣ ихъ знакомые ламы. Загадочный гость давалъ самыя подробныя свѣдѣнія о тибетскихъ ламахъ, и изъ его отвѣтовъ ясно было, что онъ—какъ у себя дома, въ Лассѣ, Гумбунѣ и Лабранѣ.

— Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь для насъ отъ нашихъ ламъ?

— Какъ-же,—отвѣтилъ онъ,—я привезъ вамъ привѣтствія отъ нихъ и хадаки (шелковые шарфики съ изображеніями буддійскихъ святителей).

Желая испытать, на сколько калмыцкій лама твердъ въ законѣ, ему задавали вопросы изъ буддійской догматики и философіи, но и тутъ пріѣзжій не ударилъ лицомъ въ грязь.

Въ свою очередь, мѣстные ученые часто становились въ тупикъ надъ вопросами, которые задавалъ неизвѣстно откуда взявшійся мудрецъ.

Вообще, въ это время въ Улясутаѣ только и говорили, что о калмыцкомъ ламѣ, такъ что, наконецъ, имъ заинтересовался самъ Улясутайскій губернаторъ и послалъ за нимъ.

Когда лама и Мининъ пришли на аудіенцію, губернаторъ потребовалъ, чтобы лама поклонился ему въ ноги. Лама поклонился въ поясъ, отвѣтилъ на нѣкоторые вопросы и, откланявшись, вышелъ изъ пріемной.

— Какъ-же ты смѣлъ ослушаться губернатора! — стали укорять ламу чиновники, когда мы вышли на улицу.

— Въ нашей странѣ клапяются въ землю только царю, а для китайскаго чиновника достаточно и обыкновеннаго поклона,—отвѣтилъ лама.

Мы шли по улицѣ, окруженные толпой любопытныхъ, и всѣ спрашивали, правда-ли, что лама не поклонился амбаню.

Послѣ визита къ губернатору нашъ лама былъ на верху своей славы.

— Должно быть, большой человѣкъ, если не поклонился амбаню,—говорили въ толпѣ.

Мы добрались до квартиры и не успѣли оглянуться, какъ комната наполнилась кучей народа, и незваные гости лѣзли къ ламѣ съ разными вопросами. Одинъ хотѣлъ знать, есть-ли хорошія лошади у русскихъ калмыковъ; другой интересовался, есть-ли тамъ буддійскіе храмы и учителя.

— Спросите его, кто управляетъ калмыками?—крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Нами управляетъ тотъ, чье имя намъ запрещено произносить здѣсь,—отвѣтилъ лама.

Когда всѣ разбрелись, мы зашли съ Мининымъ въ комнату ламы.

— Ты знаешь, что я послалъ о тебѣ докладъ въ Ургу въ консульство; навѣрное, скоро получится бумага оттуда. Какъ-же ты думаешь поступить?—спросилъ старшина.

— Я только и жду, что скажетъ консульство... Началъ дѣло, надо кончать,—отвѣтилъ лама.

— Какая цѣль у тебя?

— Я разсчитываю, что съ моимъ пріѣздомъ въ Монголію народъ зашевелится, Россія вступится въ дѣло и поможетъ монгольскому народу освободиться отъ китайцевъ.

— Ну, на это ты напрасно надѣешься, мы знаемъ здѣшній народъ. Ничего не выйдетъ изъ этого.

— Ну, какъ-бы то ни было, а я все таки долженъ ѣхать въ Ургу и переговорить съ консуломъ.

Ждать ему пришлось не долго: на другой-же день явилась бумага изъ консульства, и авантюриста подъ конвоемъ увезли въ Ургу. Затѣмъ, ламу переслали въ Верхнеудинскъ, посадили въ тюрьму, и послѣ я уже ничего не слыхалъ о немъ.

— Что вы сами думаете объ этомъ?

— На сколько я знаю, такіе люди, какъ этотъ лама, всегда появляются, когда народъ находится въ угнетенномъ состояніи. И нынѣшнее положеніе монголовъ незавидно. Они—какіе-то пасынки китайской имперіи. Обираютъ ихъ чиновники и свои, и китайскіе. Народъ видитъ неправду, но помочь себѣ не можетъ. Знаетъ онъ, что у монголовъ были

когда-то свои независимые князья, которые умѣли защищать народъ и отъ внѣшнихъ враговъ, и отъ своихъ притѣснителей. Не надѣясь на нынѣшнихъ управителей страны, монголы и ждутъ какого-нибудь избавителя. Я мало знаю исторію, но помню кое-что о смутномъ времени и о самозванцахъ. Самозванцы бывали разные: одни были просто искатели приключеній, другіе искренніе люди и желали, дѣйствительно, помочь народу.

— А этого ламу за кого вы считаете?

— Кто его знаетъ, по моему, онъ былъ человѣкъ искренній, но малоопытный. По своему онъ думалъ, что, съ одной стороны, Далай-лама, а съ другой—русское правительство освободятъ Монголію отъ Китая.

Нургали.

Марево.

(Набросокъ).

Точно бѣлымъ пушистымъ покрываломъ одѣта степь ковылемъ, распустившимъ свои султаны. Въ ней нѣтъ яркихъ пестрыхъ красокъ, при созерцаніи далей ея не вырывается восторженнаго: „чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!“ Поразительная однотонность колорита самой степи и глубокой чашей опрокинутаго надъ ней небосклона... Здѣсь нѣтъ порывовъ удали, желанія натянуть поводья и летѣть въ безотчетную даль—какой-то дымкой грусти подернута степь и невольно опускаешь поводья, невольно уходишь въ быль сѣдой старины съ ея мирной пастушьей жизнью...

И струится переливчатое марево своими безконечными зигзагами, точно въ немъ вылилась современная жизнь степи, точно въ немъ разгадка тайны этого сфинкса, раскинувшаго свою безмолвную власть на тысячи верстъ, на десятки вѣковъ.

Ишмуханъ второй день сидитъ у входа своей кибитки и смотритъ выцвѣтающими глазами въ даль, гдѣ струится марево. Онъ никакъ не можетъ понять той тоски, которая его гложетъ, убиваетъ всякое желаніе ѣхать въ гости къ бію Нурмухамеду, куда сегодня отправились всѣ его одноаульцы. Тамъ праздникъ: красавецъ Чаушъ, единственный сынъ богача Нурмухамеда, женится

на газели Айтолканъ, дочери султана Каратая. Самъ губернаторъ обѣщалъ пріѣхать на торжество.

— Сколько лошадей, барановъ и коровъ зарѣжетъ Нурмухамедъ... Сколько турсуковъ кумыса выпьютъ гости... А мнѣ не хочется,—вслухъ думалъ Ишмуханъ.

Не мало удивились и одноаульцы, когда узнали, что Ишмуханъ отказался отъ поѣздки: вѣдь онъ такъ любилъ всѣ празднества, и никто вѣрнѣе не отгадывалъ, какъ Ишмуханъ, гдѣ и когда варится баранъ...

— Абу-Нирашъ тоже не поѣхалъ въ гости, а плететъ свою нить...—продолжалъ думать Ишмуханъ.

Пробѣжалъ вѣтерокъ, зашелестѣли пушистыя верхушки ковыля. Прошумѣлъ тяжелыми крыльями бѣлый лунь, догоняя суслика...

И случилось это съ нимъ весной, когда онъ ѣздилъ въ русскій поселокъ за мукой. Купилъ мѣшокъ муки, попилъ чая у тамыра и, довольный, возвращался въ свой аулъ, размышляя о томъ, какъ хорошо русъ придумалъ пшеницу сѣять—ужъ очень вкусныя лепешки изъ нея, вкуснѣе, чѣмъ изъ просяной! Сталъ переѣзжать балку, поросшую ежевичникомъ. Смотритъ — дѣвочка лѣтъ восьми цвѣты собираетъ. Волной нахлынула страсть, затуманила разумъ, и Ишмуханъ хорошо не помнитъ, какъ онъ приторочилъ дѣвочку къ сѣдлу, только въ ушахъ стоялъ раздирающій крикъ: „мама". Въ оврагѣ Тазъ-сай Ишмуханъ растлилъ дѣвочку и въ безумномъ сладострастіи не замѣтилъ, какъ она умерла. Сначала она билась въ судорогахъ, крича одно слово: „мама"., а потомъ затихла... Бросилъ Ишмуханъ теплый трупъ на дно оврага и поѣхалъ домой. Но въ тотъ моментъ, какъ послышался глухой звукъ отъ паденія тѣла, сердце сжалось въ мучительной тоскѣ, точно кто острыми когтями впился въ него.

— Говорятъ, что по Корану нужно убивать невѣрныхъ, что это не грѣхъ... Женщина создана для наслажденія мужчины, и трехъ правовѣрныхъ женъ можетъ имѣть каждый мусульманинъ, а наложницъ невѣрныхъ — сколько захочетъ. Русская дѣвка гяурка, души у нея нѣтъ, какъ у правовѣрныхъ... Такъ мулла Сафа мнѣ говорилъ,—въ сотый разъ размышлялъ Ишмуханъ, но легче отъ этой философіи у него на сердцѣ не было—по-прежнему что-то сосало, по-прежнему грызла тоска...

Вдругъ онъ вздрогнулъ — ему послышался крикъ: „мама!" Посмотрѣлъ кругомъ—ни души... Но лишь только взоръ его

снова устремился на марево, онъ привскочилъ съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ. Марево струилось быстрѣе и точно смѣялось...

— Абу-Ниронъ... — беззвучно шептали блѣдныя губы Ишмухана.

— Селямъ-алейкямъ, Ишмуханъ... Уши твои больны, что ты не слышишь своего пріятеля Сеита?

По плечу Ишмухана ударила нагайка и онъ, вздрогнувъ, быстро обернулся. Передъ нимъ, скаля желтые зубы, стоялъ старикъ-киргизъ. Въ поводу онъ держалъ худую лошаденку.

— Маликямъ-асселямъ... Самъ Аллахъ послалъ тебя сюда! — радостно проговорилъ Ишмуханъ, крѣпко пожимая костлявую руку пріѣзжаго.

— Развѣ пріятель боленъ, или кто изъ семейства, изъ скота?

— Да, мудрый даргеръ (врачъ), я боленъ... Скажи мнѣ, отчего тоскуетъ моя душа?

Долго Ишмуханъ разсказывалъ даргеру про свою болѣзнь, порой вскакивалъ съ мѣста, топтался около спдѣвшаго въ застывшей позѣ гостя, снова садился...

— Въ тебя вошелъ урусъ-шайтанъ, — глубокомысленно произнесъ Сейтъ, когда Ишмуханъ умолкъ.—Это не дѣвка была, а урусъ-шайтанъ... Когда наша степь не знала уруса, не было и урусъ-шайтана, а теперь ихъ много и хотятъ они погубить всѣхъ правовѣрныхъ. Узнаетъ такой шайтанъ, что больше всего любитъ какой-нибудь казакъ, тѣмъ и прикидывается. Хотѣлъ бій Мираля имѣть красиваго аргамака, купилъ у уруса, поѣхалъ въ гости, а конь и убилъ его. Захотѣлась тебѣ дѣвка—шайтанъ дѣвкой прикинулся...

— Вылѣчи меня!—съ надрывомъ въ голосѣ крикнулъ Ишмуханъ.—Я-подарю тебѣ жеребенка.

Даргеръ вынулъ изъ перометной суммы кобызъ и смычекъ, поплевалъ на волосяныя нити послѣдняго и присѣлъ рядомъ съ Ишмуханомъ.

Жалобные, скрипящіе звуки полились по безмолвной степи, неожиданно нарушивъ ея полуденный покой... Смычекъ бѣгалъ по струнамъ все быстрѣе и быстрѣе, рука музыканта сильнѣе надавливала его... Самъ играющій закрылъ глаза и передергивалъ плечами... Прошло минутъ десять. Къ звукамъ кобзы присоединился хриплый голосъ даргера: онъ умолялъ Аллаха исцѣлить больного и „разрѣшить данные ему трудные вопросы“; просилъ тѣни пророковъ помочь ему умолить Аллаха... Мотивъ напѣва рѣзко из-

мѣнился—изъ заупывнаго онъ сталъ какимъ то скачущимъ, а въ напѣвѣ слышны повелительныя нотки. Это даргеръ призывалъ своихъ духовъ— „фери“: „О! правду говорящій фери Джанбагай! О тебѣ я тоскую и жду тебя; пріѣзжай скорѣе сюда ко мнѣ на помощь, осѣдлавъ своего „чубараго“. Я жду тебя для изгнанія урусъ-шайтана изъ лучшаго моего друга Ишмухана“...

Игра и напѣвъ оборвались... Даргеръ въ конвульсіяхъ катался по травѣ, сильно икая... Ишмуханъ невольно поддался впечатлѣнію и тоже сталъ кататься... Вдругъ даргеръ съ радостнымъ крикомъ вскочилъ на ноги и сталъ размахивать ножемъ вокругъ ничкомъ лежавшаго Ишмухана, точно нанося кому-то удары...

— Урусъ-шайтанъ вышелъ изъ твоего сердца... Я изранилъ его ножемъ и прогналъ... Давай жеребенка!..

Лишь только силуэты Чауша и двухъ лошадей исчезли изъ поля зрѣнія Ишмухана, сердце его снова затосковало. Онъ взглянулъ на марево и хрипло проговорилъ:

— Смѣется... Скачетъ проклятый... Моей души хочетъ...

Когда домашніе вернулись съ празднества, то они нашли Ишмухана висѣвшимъ на волосяной веревкѣ, привязанной къ тундуку.

Я. Полферовъ.

Обозрѣніе русской жизни.

Первый предсѣдатель Первой Государственной Думы умеръ...

Безчисленные вѣнки, телеграммы, статьи, толпы народа, стоявшіе у дверей его квартиры и шедшіе за его гробомъ— лишь слабое выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя охватили Россію при извѣстіи о кончинѣ Сергѣя Андреевича Муромцева. Вѣдь вмѣстѣ съ нимъ она хоронитъ свою юность, свои лучшіе порывы, лучшія воспоминанія, вѣдь оплакивая его,— она оплакиваетъ свои разбитыя надежды...

Выдающійся ученый, выдающійся профессоръ, блестящій юристъ-практикъ, цѣнный земскій и городской дѣятель, талантливый публицистъ и редакторъ, онъ съ честью донесъ знамя Первой Думы до воротъ тюрьмы: онъ могъ бы, какъ и многіе, пройти „мимо нихъ“, могъ бы, но не захотѣлъ. Для него лично объ этомъ не могло быть даже никакого

вопроса, чему доказательствомъ служитъ вся его жизнь. И тотъ, кто оставался за тюремной стѣной, теперь, быть можетъ, съ тайнымъ стыдомъ и тоской говоритъ себѣ: „А я? гдѣ я былъ?“

Но С. А. Муромцевъ не только исполнилъ послѣдній свой долгъ: достоинство Думы всегда стояло у него на первомъ планѣ, и немыслимо представить, чтобы при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ онъ унизился до забѣганій, до угодничества, а его корректность, безпристрастіе всегда будутъ служить примѣромъ.

Съ именемъ Муромцева тѣсно связано Московское Юридическое Общество, закрытое за рѣчь его въ память Пушкина.

Будущій историкъ долженъ будетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ остановиться на тѣхъ годахъ, когда выходилъ подъ редакціей Муромцева органъ этого общества. Казалось бы, интересный лишь для спеціалистовъ, „Юридическій Вѣстникъ“ читался всѣми, кто сколько-нибудь слѣдилъ за печатью.

Русская публика бѣдна и туга на покупку книгъ—ей трудно собраться выписать даже „журналъ для домашняго чтенія“, и на приходѣ кассы, быть можетъ, это увлеченіе юридическими вопросами не особенно замѣтно отражалось. Но всѣ прикосновенные къ судебному міру помнятъ, какъ ихъ добрые знакомые растаскивали книжки „Юридическаго Вѣстника“.

Не пустовала и университетская аудиторія, когда читалъ Муромцевъ—это былъ одинъ изъ любимыхъ, уважаемыхъ профессоровъ.

Но, однако... въ его профессорской дѣятельности оказался перерывъ на цѣлыхъ 22 года!

Мы такъ бѣдны силами, талантами, и такъ, по истинѣ, безумно расточаемъ ихъ, зарывая живыми въ землю!

„Онъ скончался въ такую пору, когда едва-ли родина-мать воздастъ ему ту внѣшнюю честь, какая принадлежитъ по праву. Дай Богъ, чтобы надъ свѣжей могилой не раздавались слова вражды и поруганій“, — пишетъ сыну покойнаго никому не вѣдомый, но оказавшійся провидцемъ, швейцаръ Рѣшетовъ.

Отъ одесскаго ректора университета Левашева и его

единомышленниковъ ничего хорошаго ждать и нельзя было. Оно, конечно, нѣсколько странно, что въ университетской церкви,—существующей столько же для духовныхъ нуждъ студентовъ, сколько и для нуждъ профессорскаго персонала,—можно запретить панихиду. Но петербургская дума въ лицѣ 55 побила даже Левашевскій реккордъ: отказалась почтить даже вставаніемъ память усопшаго предсѣдателя Первой Думы.

Напрасныя старанія: она отъ этого не потускнѣетъ.

Каждая безтактная выходка только рѣзче подчеркнетъ: кто были вы и кто онъ. Народъ, обнажающій голову при видѣ гроба, не спрашиваетъ,—какого чина и званія лежитъ въ немъ человѣкъ. А вы надѣли шапки передъ трупомъ того, въ комъ воплощался символъ его власти. И это, конечно, не забудется исторіей.

Муромцевъ умеръ, а Шварцъ, не находившій „возможнымъ“ утвердить его вторичную профессуру, наконецъ, ушелъ.

Новый министръ, г. Кассо, въ смыслѣ какихъ-либо надеждъ и ожиданій, — уравненіе со многими неизвѣстными. Говорятъ, онъ родственникъ Крупенскаго... Это, нельзя сказать, чтобы плюсъ, но г. Шварцъ—такой минусъ, что, быть можетъ, хуже ужъ и не будетъ. Вѣдь все, что можно было разрушить, имъ уже разрушено.

Не приходится жалѣть также объ уходѣ г. Извольскаго: дипломатической ловкостью онъ не отличался, и Россія при немъ неоднократно оставалась безсильной зрительницей совершающагося. Впрочемъ, кой-какія заслуги за нимъ имѣются, хотя въ этомъ не послѣднюю роль игралъ и покойный король Эдуардъ: улучшились отношенія съ Англіей. Говорили еще о третьемъ министрѣ С. Н. Тимашевѣ, но, затѣмъ, слухи эти были опровергнуты. Печаловаться о немъ тоже основаній не имѣлось бы... Дальше рутинныхъ „воспособленій“ онъ не подвинулся, а всѣ разговоры о новыхъ рынкахъ такъ разговорами и остались.

По крайней мѣрѣ, на южно-русскомъ промышленномъ съѣздѣ, состоявшемся въ Одессѣ, всѣ докладчики „въ одинъ голосъ“ утверждали, что наша торговля съ Ближнимъ Востокомъ впередъ не подвинулась ни на шагъ, хотя крупныя

фирмы потратили на спеціальныя экспедиціи много сотенъ тысячъ рублей. Окончательно расклеилось дѣло и съ плавучей выставкой для Аргентины.

Курсы четвертаго министра,—изъ посторонняго вѣдомства—г. Рухлова, стоятъ, повидимому, довольно высоко.

Какія онъ откроетъ намъ перспективы на будущій годъ, въ подробностяхъ еще неизвѣстно, но реформа 2-го Департамента Государственнаго Совѣта, предложенная министрами путей сообщенія и финансовъ, является первымъ измѣненіемъ положенія о Государственной Думѣ. Реформа эта уже одобрена совѣтомъ министровъ и внесена на разсмотрѣніе.

Опубликованная объяснительная записка къ государственной росписи на 1911 г. отличается необыкновенно оптимистическимъ тономъ. По словамъ ея, наше бюджетное хозяйство „оправилось послѣ потрясеній, вызванныхъ тяжелыми обстоятельствами 1904—1906 г. г., и вступило на путь прочной устойчивости".

Увѣренность для такого категорическаго заявленія министръ финансовъ почерпаетъ, во-первыхъ, изъ нѣкотораго экономическаго подъема и, во-вторыхъ, изъ свободной наличности, которая къ концу текущаго года, по разсчетамъ министерства, должна дойти до 270—300 милліоновъ рублей.

Въ послѣдней панацеѣ г. Коковцовъ такъ убѣжденъ, что даже прибавляетъ: „Едва ли нужно доказывать государственное значеніе свободной наличности".

Ослѣпленный блескомъ накопленныхъ милліоновъ, онъ спокойно глядитъ впередъ, и ему уже кажется, что больше не придется „испытывать непосредственной зависимости отъ урожая каждаго отдѣльнаго года".

„Свободная наличность" 1904 г., по даннымъ, приводимымъ въ этой же самой объяснительной запискѣ, превышала ожидаемую на 1 января 1911 г., но, какъ напоминаютъ „Русскія Вѣдомости", она вѣдь исчезла „съ быстротой молніи"...

Допустимъ даже, что въ ближайшемъ будущемъ судьба будетъ милостива—не пошлетъ Россіи „чрезвычайныхъ обстоятельствъ" 1904—1906 г. Но сколько же у насъ, или, вѣрнѣе, у нашихъ министерствъ, нуждъ, удовлетвореніе которыхъ откладывается лишь по недостатку „свободной наличности"? Развѣ при видѣ этихъ 300 милліоновъ не раз-

горятся у нихъ аппетиты? И развѣ въ самой мотивировкѣ урѣзыванія отдѣльныхъ смѣтъ не лежитъ обѣщанія: дать больше, когда будутъ деньги? Хотя природа государственнаго хозяйства и не тождественна съ индивидуальнымъ, но общія черты имъ все же свойственны: чѣмъ больше въ кассѣ, тѣмъ труднѣе удержаться отъ лишнихъ тратъ.

Нѣкоторый экономическій „подъемъ“ не есть результатъ „устойчиваго“ положенія, а всего только—двухъ урожаевъ. Русскій крестьянинъ, конечно, не положилъ остатковъ отъ нихъ „на книжку“: что собралъ онъ, то и съѣлъ, отдалъ правительству. Поэтому, можетъ быть, на будущій же годъ его „покупательная способность“ сведется къ прежнему нулю, и вмѣстѣ съ нею сократится и податная платежность.

Новые косвенные налоги, какъ и повышенный желѣзнодорожный тарифъ (уже отмѣненный) далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Такимъ образомъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ поводовъ быть спокойнымъ—безъ урожая за цѣлость свободной наличности, а безъ коренного измѣненія основаній нашего бюджета—за подъемъ экономическаго благосостоянія страны.

И не только косвенные налоги, но „страшно сказать“: даже изъ нашего фундамента, изъ „монополіи“ произошла нѣкоторая „утечка“! По сравненію съ 1907 г., за 1909 г.—болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ милліона ведеръ; по сравненію съ 1908—свыше $1^1/_2$ милліоновъ. Первые шесть мѣсяцевъ текущаго года утечка эта не обнаружила тенденціи уменьшиться, а наоборотъ, возросла противъ того же періода прошлаго года. „Русское Слово“ объясняетъ это странное явленіе „новой тягой“, которую одинъ самарскій урядникъ въ своемъ докладѣ ближайшему начальству характеризовалъ такъ: „народъ, значитъ, пристращается къ умственности и все, значитъ, на счетъ обсужденія общественныхъ дѣловъ“...

Въ видахъ борьбы съ нежелательнымъ явленіемъ отвиливанія отъ поддержки доходовъ казны, министерство финансовъ проектируетъ поднять на водку цѣну. А кстати ужъ—повысить и таможенныя пошлины, которыя, по странной игрѣ судьбы, всегда подвертываются подъ руку.

Отсутствіе дефицита и накопленіе свободныхъ средствъ у казны немедленно вызываютъ въ россійскихъ обывателяхъ жажду передохнуть отъ налоговъ. Разъ государство не

только не нуждается, но даже получаетъ на капиталъ процентъ, то почему онъ, обыватель, долженъ платить за все втридорога, не доѣлать, не досыпать и ходить оборванцемъ?

Дабы не просыпались эти вредныя мысли, министерство финансовъ, вѣроятно, и исчисляетъ обыкновенные доходы почти безъ прироста, хотя бы даже имѣло всѣ шансы ждать въ общей суммѣ крупнаго повышенія, несмотря на всякія „утечки" по отдѣльнымъ статьямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, вышло нынче: за первые пять мѣсяцевъ обыкновенные доходы дали на 127 милліоновъ рублей больше противъ того же времени за прошлый годъ.

Англійскій крестьянинъ считаетъ себя бѣднякомъ, если ѣстъ мясо только три раза въ недѣлю, а у насъ и петербургскій чиновникъ не чаще его видитъ. Нигдѣ нѣтъ такъ бѣдно одѣтой толпы, какъ въ русскихъ городахъ, и чиновничьи жены раскрыли-бы ротъ отъ удивленія при видѣ парижскаго рабочаго въ „вельветиновой" блузѣ,—изъ той самой матеріи, которая составляетъ предметъ ихъ мечтаній и которую онѣ могутъ пріобрѣсти лишь на „дешевыхъ распродажахъ". То, что у насъ въ среднихъ классахъ городского населенія сходитъ за „роскошь", для французскаго блузника—лишь практичная вещь.

Какъ велика тяжесть русскихъ налоговъ, можно судить по разсчету А. Еропкина („Новое Время", № 12405), сколько долженъ приплачивать каждый изъ насъ на покрытіе однихъ лишь желѣзнодорожныхъ убытковъ. Оказывается: почти по рублю съ души, что, при семьѣ въ 4 -5 человѣкъ, составитъ 4—5 руб. въ годъ.

Ужъ если духовное вѣдомство стонетъ изъ-за „добровольныхъ" даяній, ускользающихъ отъ его церковной кружки, то что же долженъ сказать обыватель, который, какъ только открылъ кошелекъ, такъ отложи и на долю казны?

Святѣйшій синодъ поручилъ, напр., епархіальнымъ преосвященнымъ, по словамъ той же газеты, „незамедлительно выяснить, на какихъ основаніяхъ производятся" „мѣстные и общіе церковные сборы", вмѣнивъ въ обязанность: немедленно воспретить церковнымъ причтамъ давать на нихъ разрѣшеніе безъ согласія епархіальнаго начальства.

Это вызвано, какъ мы, кажется, уже и сообщали, ходатайствами самого духовенства, ссылавшагося на обиліе

благотворительныхъ сборовъ (иногда, говорятъ, обносятъ до 20-ти кружекъ заразъ), уменьшающихъ его личные доходы. То, жалуется оно, ходятъ съ тарелкою въ пользу слѣпыхъ, то нѣмыхъ, а намъ-то что-же, молъ, останется, если напустить ихъ всѣхъ...

Тяжела показалась синоду и поддержка духовно-учебныхъ заведеній.

Какъ передаетъ опять „Новое Время“ (№ 12424), синодъ «призналъ необходимымъ войти въ сужденіе по вопросу о немедленномъ сокращеніи процентныхъ отчисленій» въ ихъ пользу.

Ну, а къ кому же долженъ обратиться русскій плательщикъ налоговъ, чтобы воззрили и на его „житьишко“? Должно быть, къ Государственной Думѣ? Не вспомнитъ ли она, наконецъ, про него?..

Хроника.

— Намъ сообщаютъ, что на докладѣ депутата Н. В. Некрасова избирателямъ въ Томскѣ о дѣятельности Государственной Думы одинъ изъ присутствующихъ поднялъ **очень важный вопросъ**:

„Я позволю себѣ—сказалъ онъ,—сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно дѣятельности сибирской группы депутатовъ, признавая, конечно, за нею большія заслуги передъ страной.

„Дѣло въ томъ, что Сибирь, этотъ огромный край съ подавляющимъ большинствомъ русскаго населенія, по закону 3-го іюня, недостаточно представлена въ Государственной Думѣ и не имѣетъ *ни одного* представителя въ Государственномъ Совѣтѣ (даже поляки представлены нѣсколькими депутатами): интересы Сибири, конечно, до извѣстной степени страдаютъ отъ этого.

„Вотъ на эту вопіющую несправедливость дѣйствующаго закона по отношенію къ Сибири депутаты ея, мнѣ кажется, недостаточно энергично указываютъ въ засѣданіяхъ Думы и съ настойчивостью не добиваются измѣненія этого порядка въ желательномъ направленіи.

„Затѣмъ, относительно запросовъ, касающихся мѣстной жизни, сибирская группа проявляетъ недостаточно вниманія...

„Мы, обыватели, здѣсь, на мѣстахъ страдаемъ отъ полнѣйшаго произвола мѣстныхъ властей... Какъ на примѣръ, могу указать, что даже либеральный губернаторъ Гондатти въ прошломъ году, въ виду приближенія холеры, произвольно штрафовалъ и сажалъ въ тюрьмы мирныхъ обывателей Томска и Новониколаевска на основаніи лживыхъ полицейскихъ протоколовъ. Съ двухъ городовъ, Томска и Новониколаевска, онъ собралъ свыше 25.000 рубл. штрафовъ, въ одинаковой мѣрѣ штрафуя какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, а не имѣвшихъ денегъ, чтобы заплатить штрафъ, запиралъ въ тюрьмы вмѣстѣ съ грабителями и мошенниками...“

— Поставлены на очередь разсмотрѣнія бюджетной коммиссіи Государственной Думы **законопроекты, касающіеся Сибири.**

1. Министерства народнаго просвѣщенія: объ отпускѣ средствъ на изданіе „Словаря якутскаго языка“ (докладчикъ отъ коммиссіи народнаго образованія С. Н. Клочковъ и по бюджетной коммиссіи М. Я. Капустинъ).

2. Министерства иностранныхъ дѣлъ: объ учрежденіи Императорскаго россійскаго вице-консульства въ Чончжинѣ (докладчикъ отъ коммиссіи по направленію законодательныхъ предположеній Н. И. Антоновъ, по бюджетной коммиссіи П. Н. Крупенскій).

3. Министерства финансовъ: объ учрежденіи корчемной стражи по Амурской и Приморской областямъ (докладчикъ отъ коммиссіи по направленію законодательныхъ предположеній Л. Г. Люцъ, по бюджетной В. В. Жуковскій).

— 15 октября въ университетѣ состоялось второе въ нынѣшнемъ году **Собраніе Сибирскаго Научнаго Кружка.**

Какъ на фактъ отрадный, приходится указать на то, что въ дѣйствіяхъ „Кружка“ ясно замѣчается поворотъ отъ инертности и добродушной расплывчатости въ сторону дѣловитости и строгой обдуманности въ дѣйствіяхъ.

Въ этомъ отношеніи вполнѣ удовлетворилъ Собраніе докладъ ревизіонной коммиссіи, обстоятельно изслѣдовавшей положеніе дѣлъ „Кружка“.

Въ составъ новаго правленія на текущій годъ избраны студенты: Гинзбургъ, Гиттовтъ, Ковригинъ, Миткевичъ, Эповъ и кандидатомъ къ нимъ Карнаковъ.

С.-Петербургское Сибирское Собраніе.

Когда въ началѣ нынѣшняго года распространился слухъ объ открытіи въ Петербургѣ „Сибирскаго Собранія“ и когда 1-го апрѣля „Сибирское Собраніе“ было открыто, то для большинства петербургскихъ сибиряковъ открытіе это явилось полной неожиданностью. „Собраніе“ возникло какъ-то вдругъ; его открытію не предшествовали, какъ это обычно бываетъ, оживленные дебаты, и вопросъ этотъ, кажется, совсѣмъ не былъ затронутъ въ печати.

Тѣмъ съ большимъ интересомъ пришлось отнестись къ уже совершившемуся факту. Всѣмъ хотѣлось знать, что изъ себя представляетъ „Сибирскій Клубъ“, какова его физіономія, что онъ будетъ дѣлать, а главное, что новаго внесетъ „Клубъ“ въ жизнь петербургской колоніи сибиряковъ?

Конечно, за короткій промежутокъ времени нельзя требовать, чтобы физіономія и характеръ „Клуба“ были твердо намѣчены, нельзя ожидать, чтобы сразу же „Клубъ“ окрѣпъ и началъ развиваться. Цѣлью нашей замѣтки является лишь желаніе выдвинуть нѣсколько вопросовъ, съ которыми, кажется, „Клубъ“ уже столкнулся и разрѣшить которые ему неизбѣжно придется теперь же.

Жизнь „Клуба“, какъ она сейчасъ намѣчается, должна сложиться на первое время, приблизительно, такъ:

Прежде всего здѣсь, какъ при всякомъ „Клубѣ“, будетъ организована библіотека-читальня. Уже сейчасъ получаются „Собраніемъ“ многія сибирскія газеты; впослѣдствіи, возможно, здѣсь будетъ хорошо представлена вся сибирская пресса.

При „Клубѣ“, далѣе, предположено образовать бюро, гдѣ будутъ наводиться, по порученію сибирскихъ городовъ, различныя справки, будутъ даваться совѣты, имѣютъ въ виду обратиться къ нѣкоторымъ юристамъ, чтобы обставить эту помощь сибирскимъ городамъ возможно лучше и полнѣе. Города откликнулись на это и, говорятъ, многіе изъ нихъ уже внесли въ свои смѣты соотвѣтственныя ассигновки.

Значитъ, это дѣло можетъ быть жизненнымъ, оно можетъ окрѣпнуть.

Но насъ интересуетъ здѣсь не эта, такъ сказать, пассивная сторона дѣятельности „Клуба“. Эта сторона при самой

лучшей своей постановкѣ не можетъ (особенно для сибиряковъ-петербуржцевъ) дать тѣхъ результатовъ, ради которыхъ только и можно было бы привѣтствовать появленіе въ Петербургѣ особаго сибирскаго „Клуба".

Конечно, хорошо, что здѣсь будутъ выписываться сибирскіе журналы и газеты, хорошо, что со временемъ образуются читальня и библіотека, но все же однимъ этимъ въ Петербургѣ удивить и особенно обрадовать нельзя.

Съ одной стороны, здѣсь среди библіотекъ есть и такая (Императорская Публичная), гдѣ можно достать всѣ, въ частности, сибирскія газеты, а съ другой,—если вспомнить, что читаетъ сибирскія газеты и готова бѣжать за ними въ читальню почти исключительно молодежь, то нужно учесть и то, что библіотека-читальня „Клуба" помѣщается далеко, не въ центрѣ того района, гдѣ ютится эта самая молодежь: она помѣщается вдали отъ всѣхъ учебныхъ заведеній. И если, такимъ образомъ, эта сторона дѣятельности „Клуба" не обѣщаетъ, особенно для петербуржцевъ, никакихъ широкихъ перспективъ, то съ тѣмъ большимъ интересомъ приходится всматриваться въ другую сторону ожидаемой работы „Клуба".

Что будетъ дѣлать „Сибирское Собраніе"? Съ какими лозунгами вступаетъ оно на арену нашей общественной жизни? Будетъ ли „Сибирскій Клубъ", какъ безчисленное множество другихъ россійскихъ клубовъ, устраивать только вечеринки и вечера, концерты и маскарады, или у него есть другая, болѣе серьезная программа?

Намъ кажется, что мы не ошибемся, если скажемъ, что въ первомъ случаѣ самое открытіе „Клуба" было бы совершенно праздной затѣей.

Въ самомъ дѣлѣ, открывать въ Петербургѣ новый клубъ, создавать новую организацію, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, только для правильной постановки танцовальныхъ вечеровъ—все это кажется намъ дѣломъ вообще не нужнымъ, а для сибиряковъ въ Петербургѣ вдвойнѣ неподходящимъ.

А между тѣмъ такія предложенія „Клубу" уже дѣлаются, „среды у сибиряковъ" уже кажутся многимъ чѣмъ-то желаннымъ, заманчивымъ, „Каширская Старина" уже готовится къ постановкѣ.

И, вотъ, если „Клубъ“ станетъ на эту дорогу—это будетъ досадная и жалкая ошибка.

Танцуютъ въ Петербургѣ много; очень много! Не менѣе другихъ и сибиряки. Танцуютъ, встрѣчая Новый годъ, танцуютъ, провожая старый; танцуютъ „для объединенія“ на вечеринкахъ земляческихъ, „для благотворительности“ на традиціонныхъ сибирскихъ балахъ. Танцуютъ на Антона съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ и на Ониуфрія.

И, казалось бы, не тутъ нужно приложить свою энергію „Сибирскому Собранію“, не сюда нужно направить ему свои молодыя силы! Онъ ничего не сумѣетъ дать цѣннаго ни здѣсь, ни въ постановкѣ „Каширской Старины“.

Конечно, при достаточной затратѣ силъ, времени и энергіи, можно воскресить вещь, еще болѣе запыленную и забытую, чѣмъ „Каширская Старина“,—но при чемъ здѣсь *сибирскій* „Клубъ“? Развѣ у него нѣтъ другихъ, болѣе почтенныхъ задачъ? Развѣ онъ не можетъ взяться за другое болѣе достойное и живое дѣло? Намъ кажется, что можетъ, даже больше: „Клубъ“ долженъ за это дѣло взяться. Иначе ему нечѣмъ будетъ оправдать свое возникновеніе, а дѣло, для котораго „Клубъ“, казалось бы, созданъ, по прежнему будетъ ждать лучшихъ временъ.

Если мы посмотримъ на то, что изъ себя представляетъ петербургская колонія сибиряковъ, съ одной стороны, и чѣмъ она живетъ въ области своихъ сибирскихъ интересовъ, чѣмъ она съ Сибирью связана съ другой, но мы увидимъ картину, полную несообразности.

Рѣзко бросается въ глаза, что чуть-ли не большую, а во всякомъ случаѣ болѣе живую и подвижную часть нашей сибирской колоніи даетъ намъ наша учащаяся молодежь, и что вся эта молодежь, разбросанная по разнымъ учебнымъ заведеніямъ и угламъ Петербурга, распыленная, какъ, впрочемъ, и вся сибирская колонія, живетъ жизнью и интересами, отъ Сибири совершенно оторванными.

Кромѣ „традиціонныхъ“ баловъ, вечеровъ и земляческихъ вечеринокъ,—нѣтъ ничего общаго; въ Петербургѣ не устраивается ни чтеній, ни докладовъ на сибирскія темы. Духовные запросы сибиряковъ удовлетворяются скупо и случайно.

Есть здѣсь „Общество изученія Сибири и улучшенія ея быта“, но оно имѣетъ свои задачи: ему некогда, а пожалуй,

и не кстати устраивать популярныя лекціи (тѣ же, что оно устраиваетъ, разсчитаны на его членовъ).

Студенческому „Кружку изученія Сибири при университетѣ“ это не по силамъ. А между тѣмъ трудно предположить, чтобы среди сибиряковъ совершенно отсутствовало желаніе познакомиться съ Сибирью болѣе близко, уяснить себѣ лучше многія изъ особенностей ея политической и соціальной жизни.

И вотъ тутъ-то помощь „Сибирскаго Клуба“ была бы какъ нельзя болѣе кстати. Это дѣло ждетъ его, къ нему оно протягиваетъ руки!

Здѣсь, какъ ни въ какой другой области, „Клубъ“ могъ бы сыграть видную и благородную роль. Онъ могъ бы познакомить петербургское общество съ особыми теченіями сибирской мысли, съ наиболѣе животрепещущими вопросами въ области общественныхъ интересовъ Сибири. Кто не слыхалъ, напримѣръ, о грозномъ (и безобидномъ по существу) сибирскомъ сепаратизмѣ, объ областническихъ тенденціяхъ, неизмѣнно связанныхъ съ именемъ Г. Н. Потанина, кому такъ или иначе не приходилось сталкиваться съ вопросомъ объ особомъ „областномъ сибирскомъ типѣ“? И кто вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ всѣ эти вопросы на столько, чтобы обсужденіемъ ихъ не заинтересоваться еще разъ, чтобы не придти въ „Клубъ“, чтобы не отозваться такъ или иначе на ихъ постановку? Конечно, многіе улыбнулись (и весьма кстати, прибавимъ), когда при открытіи „Клуба“ въ числѣ „элементовъ сибирскаго единенія“ упоминалось чуть-ли не объ особой „сибирской школѣ“ живописи, но все же существуетъ особая сибирская литература, существуетъ особая поэзія, вдохновленная красотой сибирской природы. Или, напримѣръ, въ жизни общественной, въ высшей степени своеобразно сложилась и прошла въ Сибири послѣдняя политическая борьба.

Все это — вопросы громаднаго интереса, и безусловно петербургскіе сибиряки откликнулись бы на эти вопросы; обсужденіе ихъ, можно ручаться, прошло бы съ большимъ подъемомъ, съ большой пользой. „Клубъ“ могъ бы стянуть вокругъ себя цвѣтъ нашей сибирской интеллигенціи въ Петербургѣ.

Кстати, о рефератахъ въ „Клубѣ“ была рѣчь; предпола-

гался, между прочимъ, рефератъ Локотя-Водовозова. Теперь вопросъ о немъ, кажется, затихъ, да и къ лучшему! Богъ съ нимъ, съ г. Локоть! Каждый долженъ дѣлать свое дѣло. Сибирскій Клубъ, по самой природѣ своей, долженъ знакомить сибиряковъ, а если удастся, и болѣе широкіе круги общества не съ эволюціей въ міровоззрѣніи г. Локотя (кстати, весьма понятной и незамысловатой), а съ интереснѣйшими и весьма важными явленіями въ области общественной жизни Сибири.

При этихъ условіяхъ и такой работѣ, „Клубъ“ могъ бы сдѣлаться (по скольку дѣло касается Сибири) центромъ духовной жизни петербургскихъ сибиряковъ.

Онъ могъ бы выдвинуть и освѣтить много интересныхъ вопросовъ, могъ бы познакомить съ Сибирью даже самихъ сибиряковъ (невѣжество наше въ этой области безграничнo!); въ рядѣ лекцій и докладовъ могли бы быть освѣщены наиболѣе животрепещущіе вопросы. Другое дѣло, захочетъ-ли петербургское „Сибирское Собраніе“ за это дѣло взяться, т. е., другими словами, захочетъ-ли оно встать на надлежащій путь.

Въ зависимости отъ того должно опредѣлиться и отношеніе сибиряковъ къ „Клубу“. Оно будетъ имъ полно самаго живого интереса, или... если дѣло ограничится вечерами и „Каширской старины“, упадетъ до степени глубокаго безразличія.

А. Х.

Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.

9 Марта, при разсмотрѣніи смѣты расходовъ управленія желѣзныхъ дорогъ, произнесъ рѣчь **Н. В. Некрасовъ:**

Гг. члены Государственной Думы. Министръ путей сообщенія въ своей рѣчи сказалъ вамъ, что онъ не желаетъ портить впечатлѣнія, которое имѣется у Государственной Думы подъ вліяніемъ хорошаго сведенія бюджета безъ дефицита. Къ моему глубокому прискорбію, я не могу послѣдовать на этомъ пути за г. министромъ,—не портить впечатлѣнія Государственной Думы отъ его оптимистической рѣчи. Несомнѣнно, и этого я прежде всего отрицать не буду, что 1909 г. въ лѣтописяхъ русскаго желѣзнодорожнаго хозяйства будетъ болѣе благопріятенъ, чѣмъ предшествующіе годы, и я сразу же, во избѣжаніе упрековъ въ односторонности моихъ замѣчаній, хотѣлъ бы сказать, что я при-

знаю извѣстный поворотъ въ вѣдомствѣ; я признаю, что съ той мертвой точки, на которой раньше стояло министерство путей сообщенія, оно сошло и начинаетъ двигаться въ сторону улучшенія хозяйства. Но, гг., все это лишь начало, которое можно привѣтствовать и къ которому можно относиться хорошо, но на которомъ остановиться никакъ невозможно. Съ другой стороны я думаю, что министръ путей сообщенія достаточно развилъ предъ вами положительную сторону дѣятельности министерства, путей сообщенія для того, чтобы мнѣ была надобность на ней останавливаться. Поэтому, да проститъ мнѣ Государственная Дума, если я остановлюсь исключительно на отрицательныхъ сторонахъ дѣятельности, какъ онѣ мнѣ представляются.

Прежде всего, я долженъ нѣсколько коснуться оптимистическихъ выводовъ министра путей сообщенія относительно результатовъ желѣзнодорожнаго хозяйства за 1909 г. Несомнѣнно, эти результаты гораздо болѣе благопріятны по формѣ, чѣмъ предшествующіе годы. Они благопріятны въ отношеніи расходовъ, въ томъ смыслѣ, что мы на этотъ разъ не имѣемъ дѣла съ тѣми ужасными перерасходами, съ которыми приходилось считаться въ прежніе годы. Но, гг., вѣдь этому есть и объясненіе, и объясненіе довольно простое: вѣдь министръ путей сообщенія сравнивалъ цифры отчетнаго 1909 г. съ цифрами смѣтными 1909 же года; онъ совершенно не коснулся сравненія между 1909 г. и предшествующими годами, которые, какъ извѣстно, были чрезвычайно печальны въ смыслѣ масовыхъ перерасходовъ. А что результатъ въ этомъ отношеніи получился бы гораздо менѣе благопріятный, этому доказательство вы легко получите. Возьмите только докладъ бюджетной коммиссіи по смѣтѣ нынѣшняго года и посмотрите въ концѣ приложенія. Вы увидите тамъ по цѣлому ряду желѣзныхъ дорогъ, по всѣмъ дорогамъ казенной сѣти рядъ таблицъ, въ которыхъ приведены сравнительныя данныя по отчету 1908 г. и по смѣтѣ 1910 г. Здѣсь приведены цифры стоимости каждой отдѣльной единицы работы. Вотъ возьмите и перелистайте эти цифры, начиная съ стр. 170, и если вы изъ десяти цифръ найдете одну такую, которая будетъ по отношенію къ 1910 г. давать болѣе выгодные результаты, чѣмъ отчетъ 1908 г., то я скажу, что вы правильно прочитали эту вѣдомость. Дѣйствительно, по цѣлому ряду статей расхода стоимость единицы работъ по сравненію съ отчетомъ 1908 г. въ смѣтѣ 1910 г. не только не уменшилась, но увеличилась. Съ другой стороны, гг., есть еще второе обстоятельство, которое весьма серьезно съ формальной стороны вліяетъ на кажущееся улучшеніе нашего желѣзнодорожнаго хозяйства. Это та кампанія, которую ведетъ неукоснительно нашъ нынѣшній министръ финансовъ въ смыслѣ повышенія всевозможныхъ тарифовъ. Въ той запискѣ, которую министерство финансовъ представило въ Государственную Думу о постановкѣ тарифнаго дѣла, имѣется указаніе на то, какими цифрами дохода выразились результаты этого повышенія тарифа.

Оказывается, гг., что если принять во вниманіе только то повышеніе тарифовъ, которое было произведено, начиная съ 1905 г., то въ смѣтѣ 1909 г. въ доходахъ должно оказаться не менѣе 30.000.000 р., излишне переплаченныхъ по этимъ повышеннымъ тарифамъ тѣми, кому приходится перевозить свои грузы по желѣзнымъ дорогамъ. Понятно, г.г, что при такихъ условіяхъ финансовый результатъ хозяйства съ формальной стороны—я подчеркиваю это—долженъ получится болѣе благопріятный, чѣмъ если бы эти 30.000.000 р. не были уплачены. Но по существу, гг., я спрошу васъ: развѣ не все равно плательщику налоговъ, вноситъ ли онъ эти 30.000.000 р. непосредственно въ государственное казначейство въ формѣ какихъ-нибудь косвенныхъ или прямыхъ налоговъ, или же онъ ихъ пропускаетъ, такъ сказать, черезъ кассы желѣзныхъ дорогъ? Вѣдь реальнаго улучшенія хозяйства въ этомъ усмотрѣть, разумѣется, невозможно. Между тѣмъ, гг., если мы остановимся на результатахъ желѣзнодорожнаго хозяйства 1909 г. по сравненію съ предшествовавшими, то врядъ ли улучшеніе финансовыхъ результатовъ выразится суммой много большей 30.000.000 р. Итакъ, съ этой точки зрѣнія, мы вынуждены признать, что большого улучшенія въ нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ по существу не произошло, и утѣшаться этимъ кажущимся видимымъ результатомъ не приходится. Затѣмъ, гг., на 1909 г. повліяло еще одно обстоятельство, о которомъ много уже говорилось во время преній по бюджету, это обстоятельство—нашъ знаменитый урожай 1909 г. Самъ министръ путей сообщенія привелъ вамъ данныя, которыя показали, на сколько возросла перевозка хлѣба, благодаря этому урожаю, и какіе вслѣдствіе этого доходы получили желѣзныя дороги. Но я все-таки не могу согласиться съ министромъ путей сообщенія въ той его характеристикѣ работы желѣзныхъ дорогъ, которую онъ привелъ вамъ въ отношеніи залежей. Онъ ссылался предъ вами на сравнительно небольшія залежи, но вѣдь эти залежи въ дѣйствительности были весьма значительны; правда, я долженъ это сказать, желая быть объективнымъ, что частныя желѣзныя дороги въ этомъ году дали гораздо большую цифру залежей, чѣмъ казенныя. На первомъ мѣстѣ стоитъ Владикавказская ж. д. съ колоссальными залежами, затѣмъ Юго-Восточная, Рязанско-Уральская и только, обыкновенно, на третьемъ и четвертомъ мѣстѣ оказываются казенныя желѣзныя дороги, какъ-то: Сызрано-Златоустовская, Ташкентская и др. Но, съ другой стороны, гг., не слѣдуетъ преуменьшать, какъ это дѣлаетъ министръ путей сообщенія, значенія той мѣры, о которой онъ вамъ говорилъ здѣсь, мѣры закрытія станцій для пріема грузовъ. Онъ привелъ вамъ цифры, и я только на этихъ цифрахъ и буду базпроваться. Онъ сказалъ вамъ, что общее число дней, въ которые были закрыты станціи,—3.900, при этомъ онъ указалъ, что такихъ закрытыхъ станцій на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ было 89 и на частныхъ -96, итого 185. Но если вы возьмете среднюю цифру по станціямъ, а не по каждымъ отдѣльнымъ за-

крытіямъ, какъ бралъ министръ путей сообщенія, то вы получите, что на каждую станцію въ среднемъ приходится 21 день, т. е., изъ этихъ 185 станцій каждая была закрыта въ среднемъ 21 день. Что же это значитъ, гг.? Вѣдь это значитъ, что нѣкоторыя станціи были, вѣроятно, полтора мѣсяца закрыты, а можетбыть, и больше. Я думаю, что на этихъ цифрахъ человѣку, разбирающемуся въ нихъ, никоимъ образомъ успокоится невозможно. Далѣе, ссылаются на то, что эти залежи объясняются въ значительной степени недостаточнымъ техническимъ оборудованіемъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ этомъ есть извѣстная доля истины, отрицать этого невозможно. Наши желѣзныя дороги, къ сожалѣнію, приспособлены весьма хорошо въ такихъ мѣстахъ, гдѣ возятъ очень мало, а тамъ, гдѣ дѣйствительно большая потребность въ перевозкахъ, тамъ, оказывается, это устройство совершенно не удовлетворяетъ нуждамъ. Это есть результатъ того отсутствія планомѣрности, съ которымъ велось желѣзнодорожное хозяйство въ прошлые годы Но, съ другой стороны, что же дѣлается со стороны министерства для того, чтобы упорядочить это положеніе? Вотъ вы услышите въ преніяхъ по параграфамъ смѣты весьма горячіе разговоры о томъ, что бюджетная коммиссія лишаетъ министерство путей сообщенія чрезвычайно существенной потребности: она отказываетъ министерству въ заказѣ 31 паровоза сильнаго типа. Министерство, конечно, будетъ чрезвычайно горячо доказывать совершенную необходимость этихъ паровозовъ и совершенную свою подготовленность къ тому, чтобы эти паровозы надлежащимъ образомъ использовать. Я готовъ вѣрить министерству. Но что же подѣлать, гг.? Вотъ предо мною текстъ доклада, который, повидимому, въ присутствіи же министра путей сообщенія былъ сдѣланъ весьма дѣльнымъ инженеромъ и спеціалистомъ по желѣзнодорожному хозяйству въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, Пагродскимъ. Здѣсь я текстуально читаю слѣдующее (*читаетъ*):

„Для примѣра сообщу, что недавно одна дорога, заказывая паровозы тремъ заводамъ и желая въ нихъ имѣть нѣкоторыя части тождественныя, должна была затратить три мѣсяца труда, чтобы этого добиться, такъ какъ каждый заводъ строитъ паровозы одного и того же типа, но по разнымъ чертежамъ. Типъ этотъ, измѣненный восточно-китайскій—т. е. тѣ самые паровозы, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь—утвержденъ инженернымъ комитетомъ и особой коммиссіей. Паровозы строятся три года, но детальная разработка частей еще не поспѣла, благодаря чему на сѣти опять будетъ продолжаться разнотипность, противорѣчіе, измѣняемость частей".

Вотъ, гг., безпристрастный совершенно человѣкъ, признанный достаточно компетентнымъ для того, чтобы по порученію министерства путей сообщенія знакомить общество съ порядками желѣзнодорожнаго хозяйства, и вотъ какой отзывъ приводитъ этотъ спеціалистъ. При такихъ условіяхъ позволительно усомниться въ

томъ, чтобы министерство путей сообщенія дѣйствительно было совершенно подготовлено къ той реформѣ, которая затронута въ настоящее время и въ принципіальной полезности которой—я подчеркиваю это—не приходится сомнѣваться.

Вторая сторона дѣла, гг., съ которой приходится намъ сталкиваться, это—хозяйственность, хозяйственность въ использованіи тѣхъ кредитовъ, которыми располагаетъ вѣдомство и которые оно само признаетъ это—въ послѣдніе годы отпускаются съ гораздо большей щедростью, чѣмъ это было ранѣе. Здѣсь первый вопросъ, который предъ вами встаетъ, это—вопросъ топлива, больной, гг., вопросъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ прошломъ году нашъ уважаемый докладчикъ по смѣтѣ управленія желѣзныхъ дорогъ П. Л. Марковъ высчитывалъ, какое громадное количество топлива требуется на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, и онъ указалъ тогда уже, какіе крупные дефекты въ этомъ дѣлѣ снабженія топливомъ желѣзныхъ дорогъ замѣчаются. Уважаемый докладчикъ нынѣшняго года, Д. И. Герценвицъ сегодня предъ вами, на основаніи личнаго опыта и личнаго участія въ анкетной коммиссіи, указывалъ, какъ неблагополучно обстоитъ съ этимъ дѣломъ на мѣстахъ въ матеріальныхъ службахъ дорогъ.

Но я долженъ сказать, что въ центрѣ, откуда руководятъ этими поставками,—въ управленіи желѣзныхъ дорогъ, тоже не замѣчается умѣлаго руководительства этимъ дѣломъ. Правда, министерству путей сообщенія нынѣшняго состава приходится считаться съ тяжелымъ наслѣдствомъ, которое было оставлено ему прежнимъ составомъ, съ зависимостью отъ могущественнаго синдиката, отъ знаменитаго „Продуголя“, во власть котораго попало министерство благодаря неумѣлой прежней политикѣ. Нынѣшнее министерство пытается бороться съ этимъ синдикатомъ; въ прошломъ году были сдѣланы попытки освободиться изъ-подъ его власти. Министерство путей сообщенія обратилось къ, такъ называемымъ, дикимъ углепромышленникамъ, но здѣсь, повидимому, организовать дѣло надлежащимъ образомъ не удалось, такъ какъ со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы, что этотъ уголь, который представляется дикими, отчасти недостаточно хорошъ, а отчасти, будто бы, эти дикіе не могутъ его поставить, потому что не обладаютъ достаточнымъ количествомъ копей.

Идетъ даже разговоръ о томъ, что эти дикіе вынуждены были обратиться къ тому же самому синдикату „Продуголь“ и вступить съ нимъ въ соглашеніе, а что это весьма правдоподобно это доказывается исторіей съ поставкой угля морскимъ путемъ, которая разыгралась въ концѣ 1908 г. и въ началѣ 1909 г. и послужила главной причиной отставки прежняго министра путей сообщенія. И тогда этотъ самый синдикатъ „Продуголь“, благодаря пропущенному министерствомъ моменту, успѣлъ вступить въ соглашеніе съ дикими фирмами, которыя первоначально хотѣли вступить непосредственно въ договоръ съ министерствомъ, и въ результатѣ произошелъ сговоръ на торгахъ. Я надѣюсь, впрочемъ,

что эта сторона дѣла будетъ выяснена тѣмъ безпристрастнымъ судебнымъ разслѣдованіемъ, которое въ настоящее время, повидимому, по этому дѣлу ведется, и этого я болѣе подробно касаться не буду. Я бы сказалъ лишь одно, что зависимость министерства путей сообщенія отъ синдиката въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ снабженіе желѣзныхъ дорогъ топливомъ, является недопустимой. Я думаю, что совѣтъ министровъ вмѣстѣ съ министромъ путей сообщенія долженъ пойти на самыя рѣшительныя мѣры для того, чтобы избавиться отъ этой зависимости. Я знаю, что весьма печальна мѣра разрѣшенія безпошлиннаго ввоза заграничнаго угля, но я думаю, что когда дѣло пойдетъ о государственныхъ интересахъ, то совѣтъ министровъ не остановится передъ этимъ радикальнымъ средствомъ для того, чтобы разрушить власть синдиката, отъ котораго будутъ страдать въ будущемъ не только наше государственное хозяйство, но и частная промышленность.

Я не коснусь подробно частнаго вопроса о личномъ составѣ, который затронулъ Д. И. Герценвицъ, который затѣмъ былъ затронутъ въ весьма содержательныхъ рѣчахъ нашихъ товарищей слѣва, соціалъ-демократа Кузнецова и депутата Дзюбинскаго, такъ какъ онъ ими уже освѣщенъ въ значительной степени, но я хотѣлъ бы только отвѣтить министру путей сообщенія на его соображенія, которыми онъ доказывалъ отсутствіе возможности скоро пойти на сокращеніе личнаго состава и добиться въ этомъ отношеніи сколько-нибудь существенныхъ результатовъ.

Вы знаете всѣ о существованіи, такъ называемой, высшей желѣзнодорожной анкетной коммиссіи. Я далеко не поклонникъ ея, но долженъ сказать, что кое-что доброе изъ ея нѣдръ уже вышло, и это доброе заключается, главнымъ образомъ, въ тѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, которыя подъ руководствомъ инженеръ-генерала Петрова были произведены его сотрудниками.

На одно изъ такихъ изслѣдованій я и буду имѣть честь ссылать ся. Называется оно: „О числѣ служащихъ и рабочихъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ“. И здѣсь, на стр. 42, я читаю слѣдующее (*читаетъ*): „Итакъ, соображая все сказанное по поводу трехъ главныхъ службъ относительно численности служащихъ и рабочихъ, бывшихъ на казенныхъ дорогахъ 1904—1906 г., равнымъ образомъ приходится заключить, что представляются весьма вѣроятнымъ излишніе расходы, исчисляемые нѣсколькими и довольно многими милліонами рублей. Въ настоящее время при повышенной противъ прежнихъ лѣтъ заработной платѣ неосторожное содержаніе мелкихъ служащихъ и рабочихъ должно выражаться еще болѣе лишними расходами“. Я, гг., вовсе не думаю, чтобы это сокращеніе личнаго состава привело непосредственно, такъ сказать бухгалтерски, къ сбереженію расходовъ; наоборотъ, я думаю, что при сокращеніи штатовъ неизбѣжно придется увеличивать расходы на каждаго отдѣльнаго служащаго, такъ какъ совершенно недопустимъ тотъ низкій уровень заработка, которымъ пользуются въ настоящее время низшіе служащіе на желѣзныхъ

дорогахъ, что въ прошломъ году, гг., предъ вами засвидѣтельствовалъ въ своей бюджетной рѣчи и самъ министръ путей сообщенія. Я и думаю поэтому, что сбереженія намъ придется искать въ другомъ; что въ будущемъ вознагражденіе низшаго состава служащихъ будетъ гораздо болѣе обезпечено, будетъ возможность улучшить его подборъ и, болѣе того, будетъ устранена та гнетущая иногда необходимость прибѣгать къ некорректнымъ поступкамъ, которая, къ сожалѣнію, существуетъ, благодаря несоразмѣрно низкому вознагражденію. Я думаю, далѣе, что въ отношеніи къ личному составу министерства путей сообщенія начальникъ управленія желѣзныхъ дорогъ, конечно, совершенно правъ, и я затруднялся бы порицать его за то, что онъ въ оффиціальномъ сообщеніи, опубликованномъ на дняхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", стремится всячески очистить своихъ подчиненныхъ отъ того тяжкаго обвиненія, которое на нихъ взводится. Я въ этомъ отношеніи охотно присоединяюсь къ начальнику управленія желѣзныхъ дорогъ. Я сказалъ бы слѣдующее: несомнѣнно для меня существованіе злоупотребленій на низшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы желѣзнодорожныхъ служащихъ, но эти злоупотребленія, въ силу того несчастнаго ихъ положенія, съ которымъ приходится неизбѣжно считаться, я бы сказалъ, гораздо менѣе тяжко вмѣняются, чѣмъ тѣ, съ которыми приходится считаться на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы. Вы слышали, гг., вчера, во время рѣчи моего товарища Скороходова, указаніе на цѣлый рядъ злоупотребленій въ вѣдомствѣ внутреннихъ водныхъ путей сообщенія, и вы слышали, что тамъ до сихъ поръ привлекаются къ отвѣтственности лишь особы ниже IV класса; что по отношенію къ особамъ IV класса и выше власть министра путей сообщенія оказывается ограниченной или, по крайней мѣрѣ, онъ не располагаетъ достаточнымъ авторитетомъ для того, чтобы непосредственно наложить на нихъ руку. Я думаю, что именно на эту сторону дѣла и слѣдовало бы обратить свое особое вниманіе министру путей сообщенія. Я хотѣлъ бы, чтобы министръ путей сообщенія меньше занимался такими вопросами, какъ, напр., правилами о порядкѣ увольненія служащихъ, признанныхъ неблагонадежными, правилами, разработанными чрезвычайно детально и тщательно. Я хотѣлъ бы, чтобы министра путей сообщенія покинула забота о томъ, что нѣкоторое количество, такъ называемыхъ, инородцевъ существуетъ на желѣзныхъ дорогахъ: что эти инородцы могутъ повышаться по службѣ. Я хотѣлъ бы, чтобы министръ путей сообщенія опровергнулъ тѣ свѣдѣнія, тѣ слухи, довольно, впрочемъ, достовѣрные, которые распространяются въ заинтересованныхъ кругахъ и которые говорятъ о томъ, что данъ извѣстнаго рода лозунгъ по линіи о томъ, чтобы, напр., поляковъ не повышали въ должностяхъ. Я знаю, что на Сибирской дорогѣ этотъ слухъ произвелъ настоящую панику, и я, гг., какъ инженеръ путей сообщенія, помнящій, что сдѣлали для нашего инженернаго дѣла Журавскій, Кербердзъ,

Ясинскій хотѣлъ бы, чтобы министръ путей сообщенія не прибѣгалъ къ такого рода мѣрамъ. Я думаю, что у него найдется достаточно работы, достаточно дѣла въ другой области, болѣе близкой къ нему.

Несомнѣнно, что министръ путей сообщенія занялся уже обновленіемъ состава министерства путей сообщенія. Я знаю о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчаетъ на этомъ пути, но я думаю, что средства, которыя выбираются для борьбы съ этими злоупотребленіями, недостаточно сильны для того, чтобы онъ могъ добиться желаннаго результата.

Гг., мы не поклонники, такъ называемыхъ, сенаторскихъ ревизій: мы не считаемъ, чтобы эти ревизіи были панацеей отъ всѣхъ золъ, но мы считаемъ, что въ извѣстномъ случаѣ независимый человѣкъ, облеченный достаточными полномочіями и имѣющій возможность входить въ существо дѣла, а не только въ бумажный его распорядокъ, сдѣлаетъ, несомнѣнно, больше и скорѣе, чѣмъ это сдѣлаетъ бумажная ревизія. Мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи министра путей сообщенія не должны останавливать ни высокій рангъ, ни высокія связи; мы думаемъ, что сейчасъ уже въ его распоряженіи имѣются достаточныя данныя для того, чтобы энергично выступить въ этомъ дѣлѣ и съ своей стороны, а не ограничиться тѣмъ, чтобы передать судебной власти чиновниковъ болѣе мелкихъ и надѣяться, что эта судебная власть сама разыщетъ болѣе крупныхъ. Я думаю, что министру путей сообщенія слѣдовало бы взять въ этомъ отношеніи инициативу на себя; что въ отношеніи мѣстныхъ учрежденій онъ располагаетъ такими несравненно болѣе могущественными средствами, чѣмъ отдѣльные ревизоры, какъ сенаторская ревизія. Правда, гг., анкетная коммиссія не сочла возможнымъ присоединиться къ особому мнѣнію нашихъ двухъ товарищей, но я думаю, что рѣшеніе анкетной коммиссіи было скорѣе извѣстнаго рода деликатностью, извѣстнаго рода осторожностью въ обращеніи съ постороннимъ вѣдомствомъ, и я думаю, что министру путей сообщенія слѣдовало бы эту деликатность своего рода оцѣнить и, съ своей стороны, принять извѣстные шаги къ болѣе энергичному раскрытію злоупотребленій.

Я заканчиваю свою рѣчь тѣмъ же пожеланіемъ, которое было сдѣлано мною въ прошломъ году и которое, я долженъ признать, министръ путей сообщенія въ извѣстной степени осуществилъ: больше мѣста общественному контролю, г. министръ, и въ той борьбѣ, которую вы начали, вы можете выйти побѣдителемъ (*Рукоплесканія въ центрѣ и слѣва*).

---

10 марта, при обсужденіи смѣты министерства торговли и промышленности, произнесъ рѣчь **В. И Дзюбинскій:**

Гг. члены Государственной Думы. Я не имѣю намѣренія вступать въ оцѣнку дѣятельности и политики министерства торговли и промышленности, цѣлесообразности его дѣйствій, или тѣхъ задачъ, которыя оно преслѣдуетъ. Я намѣренъ коснуться, вскрыть

здѣсь только одинъ уголокъ дѣятельности министерства торговли и промышлевности, тѣмъ болѣе, что этотъ уголокъ не затронутъ никѣмъ изъ предыдущихъ ораторовъ. Министръ торговли и промышленности въ своей программной рѣчи сегодня указалъ на свою задачу, между прочимъ, обратить вниманіе на положеніе профессіональнаго образованія, именно, какъ на увеличеніе числа школъ, такъ и на улучшеніе ихъ постановки. Дѣйствительно, пора развить у насъ повсемѣстно какъ общее, такъ и профессіональное и техническое образованіе. Всѣми уже признано, что число учебныхъ заведеній всѣхъ видовъ крайне незначительно. Между тѣмъ, бывшій министръ торговли и промышленности въ послѣднее время принялъ одно распоряженіе, которое безусловно своимъ послѣдствіемъ будетъ имѣть значительное сокращеніе числа учебныхъ заведеній: я говорю о циркулярѣ, послѣдовавшемъ 6 ноября 1909 г. за № 4970 и подписанномъ бывшимъ министромъ торговли и промышленности Тимирязевымъ. Этотъ циркуляръ вводитъ довольно опредѣленную политику, преслѣдуемую въ нынѣшнее время нашимъ объединеннымъ правительствомъ, какъ уже здѣсь ее называли боевую національную политику, и вызоветъ довольно рѣзкое пониженіе числа учащихся, которое будетъ имѣть вліяніе на всю постановку учебнаго дѣла профессіональныхъ школъ, главнымъ образомъ, коммерческихъ училищъ. Этотъ циркуляръ устанавливаетъ новую норму для еврейскихъ дѣтей въ коммерческихъ училищахъ. Какъ извѣстно, до того времени правилами пріема въ коммерческія училища еврейскихъ дѣтей устанавливалась 50% норма, въ циркулярѣ же 6 ноября опредѣлена не только въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя содержатся на средства казны, но также и на общественныя и частныя средства, норма еврейской осѣдлости 15% и внѣ черты еврейской осѣдлости—10%.

Развитіе коммерческаго образованія у насъ началось сравнительно недавно. Еще десять лѣтъ тому назадъ коммерческія школы насчитывались единицами, и только за послѣднее время коммерческое образованіе развилось, приняло на столько значительные размѣры, что въ настоящее время число коммерческихъ учебныхъ заведеній достигаетъ уже почти цифры 200. Правда, этому способствовали и тѣ особыя обстоятельства, которыя придали особый характеръ общественности этимъ учебнымъ заведеніямъ. Нужно сказать, что къ участію въ жизни коммерческихъ учебныхъ заведеніи допущены общественные элементы—не только общественныя учрежденія, но и частныя лица. Это участіе общества придало коммерческимъ училищамъ новую жизнь, обезпечило ихъ правильное развитіе и осуществляло практически проведеніе принципа общественной самодѣятельности въ школьное дѣло. При коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ образованы попечительные совѣты, состоящіе изъ представителей тѣхъ общественныхъ единицъ, которыя принимаютъ участіе въ расходахъ по содержанію учебнаго заведенія, и совѣтамъ этимъ ввѣрено за-

вѣдываніе не только хозяйственною частью этихъ заведеній, но въ значительной степени и учебно-воспитательная сторона, (напр., выборъ завѣдывающаго школой), и предоставлено даже по многимъ учебнымъ вопросамъ давать свои заключенія. Вотъ это участіе общественныхъ элементовъ въ учебныхъ заведеніяхъ министерства торговли и промышленности вызвало то, что эти учебныя заведенія значительно росли въ числѣ, и, несмотря на значительный ихъ бюджетъ, содержатся почти исключительно на частныя пожертвованія, на общественныя и земскія субсидіи, участіе же казны въ нихъ очень незначительно. Изъ оффиціальнаго отчета („Статистическія свѣдѣнія по учебному отдѣлу министерства торговли и промышленности за 1906 -1907 гг.“) мы видимъ, что бюджетъ коммерческихъ училищъ простирается свыше 5.000.000 р., казна участвуетъ въ расходахъ всего только въ суммѣ нѣсколько больше 16.000 р., т. е, $0{,}_3{}^0/_0$.; между тѣмъ плата за ученье составляетъ 3.000.000 р. съ лишнимъ, т. е. около $60{,}_{75}{}^0/_0$ Пособія обществъ, пособія частныхъ лицъ въ значительной степени, разумѣется, превышаютъ затраты казны. Затѣмъ, стоимость зданій и сумма капиталовъ, вложенныхъ въ коммерческія училища за этотъ періодъ, простирается свыше 14.000.000 р. Эти огромныя суммы собраны исключительно благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ, благодаря тому сочувствію, которое къ этимъ учебнымъ заведеніямъ встрѣчается у общества. И вотъ, когда общественная энергія, направленная въ извѣстную сторону, способствовала развитію учебнаго дѣла, министерство торговли и промышленностя въ этотъ моментъ ставитъ свое veto и говоритъ, что дальше развиваться это дѣло не должно. Издается циркуляръ, который такъ или иначе, но безусловно будетъ имѣть огромное значеніе для жизни этихъ учебныхъ заведеній. А намъ здѣсь заявляютъ, что министерство сочувствуетъ развитію учебныхъ заведеній.

Какой результатъ въ этомъ дѣлѣ будетъ имѣть циркуляръ— обратимся къ фактамъ.

Послѣ изданія этого циркуляра почти во всѣхъ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ были созваны педагогическіе совѣты. Цѣлымъ рядомъ педагогическихъ совѣтовъ возбуждены ходатайства предъ министерствомъ торговли и промышленности объ оставленіи прежней нормы, такъ какъ введеніе нормы, ограничивающей евреевъ до 10—$15^0/_0$, будетъ грозить окончательнымъ закрытіемъ учебныхъ заведеній. Вотъ, наприм., Кременецкое семиклассное коммерческое училище, въ Волынской губ. (*Голоса справа*: слыхали). Совѣтъ пишетъ слѣдующее: къ 1 января 1910 г. числилось по спискамъ 372 ученика, въ томъ числѣ 187 христіанъ и 185 евреевъ. Какъ видите, христіанъ больше. Изъ 187 христіанъ за истекшее полугодіе освобождено было отъ платы за право ученія 132, т. е. $70{,}_{58}{}^0/_0$. Эти ученики составляютъ $35{,}_{48}{}^0/_0$ всего числа учащихся, жертвователями же являются преимущественно частныя лица и по преимуществу— евреи.

Здѣсь, гг., раздавались слова о томъ, что при распредѣленіи пособій не всегда соблюдается справедливость, и справедливость эта нарушается въ пользу евреевъ передъ элементомъ христіанскимъ. Здѣсь вы видите, на сколько эти заявленія справедливы: наоборотъ, если справедливость и была нарушена, то только въ ущербъ евреямъ, и это даже въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя содержатся исключительно на средства евреевъ; изъ 187 христіанъ—132 освобождены отъ платы за право ученія, это—знаменательный фактъ. На содержаніе Кременецкаго училища въ теченіе пяти лѣтъ получено субсидіи отъ частныхъ лицъ и обществъ 20.000 рублей.

Выводъ изъ всѣхъ указанныхъ фактовъ вытекаетъ такой: введеніе 15%-ной нормы для евреевъ грозитъ училищу неизбѣжнымъ закрытіемъ, за недостаткомъ средствъ, при чемъ постепенность введенія, которая рекомендуется циркуляромъ, разумѣется, не можетъ спасти это училище: это поведетъ лишь къ тому, что оно будетъ постепенно только замирать. Такъ какъ училище черпаетъ свои средства исключительно изъ платы за право ученія, то съ прекращеніемъ полученія этой платы, это училище должно умереть само собой, или это должно повести къ тому, что министерство войдетъ въ Государственную Думу съ представленіемъ ассигнованія пособія этому училищу.

Вотъ, гг., и попечительный совѣтъ Витебскаго коммерческаго училища въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ заявляетъ слѣдующее (*читаетъ*): „христіанское населеніе города исключительно состоитъ изъ чиновниковъ и военныхъ, изъ которыхъ только менѣе состоятельные соглашаются отдавать дѣтей въ коммерческое училище, такъ какъ всѣ, разумѣется, предпочитаютъ отдавать своихъ дѣтей въ тѣ заведенія, которыя пользуются всѣми правами, откуда широкій доступъ въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія, такъ что главный контингентъ христіанскихъ дѣтей въ этомъ коммерческомъ училищѣ составляютъ исключительно дѣти бѣднѣйшихъ родителей; они, отдавая сюда дѣтей, разсчитываютъ здѣсь на право безплатнаго обученія. Итакъ,—заключаетъ совѣтъ,—введеніе 15%-ной нормы повлечетъ финансовый крахъ училища; постепенное же введеніе этой нормы поведетъ къ тому же постепенному умиранію".

Эти характерныя черты ярко выражены далѣе въ жизни тѣхъ коммерческихъ училищъ, гдѣ еврейское населеніе составляетъ сравнительно еще незначительный процентъ по отношенію къ населенію христіанскому. Но мы знаемъ, гг., что есть города въ чертѣ еврейской осѣдлости, въ которыхъ еврейское населеніе является преобладающимъ. Возьмемъ, наприм., г. Бердичевъ, гдѣ еврейское населеніе составляетъ почти 90%. И вотъ, гг., если въ Бердичевскомъ коммерческомъ училищѣ установить 15%-ную норму, то что мы получимъ? Гдѣ найдется контингентъ для пополненія состава учащихся въ немъ дѣтей? Очевидно, что это училище также неизбѣжно должно закрыться.

Я обращаю вниманіе новаго министра торговли и промышленности на это чрезвычайной важности обстоятельство, такъ какъ думаю, что министръ торговли, заявившій съ этой трибуны, что въ его заботы входятъ развитіе профессіональнаго и техническаго образованія, не только увеличеніе числа школъ, но и лучшая постановка дѣла, онъ обратитъ вниманіе на этотъ циркуляръ, изданный его предшественникомъ, и употребитъ съ своей стороны все вліяніе для того, чтобы пагубныя послѣдствія этого циркуляра, по возможности, были ослаблены, и самъ циркуляръ въ недалекомъ будущемъ будетъ отмѣненъ *(Рукоплесканія слѣва)*.

---

12 марта, при обсужденіи смѣты расходовъ Горнаго Департамента, произнесъ рѣчь **Ѳ. Н. Чиликинъ**:

Я, гг., хотѣлъ остановить ваше вниманіе на одной отрасли добывающей промышленности, которой до сихъ поръ Дума совершенно не удѣляла ни времени, ни вниманія. Эта отрасль добывающей промышленности носитъ очень характерныя черты. Во-первыхъ, она не знаетъ перепроизводства, для нея не существуетъ больного, безпокойнаго вопроса о рынкѣ, затѣмъ она не знаетъ предпринимательской конкуренціи. Я говорю о нашей золотопромышленности. А между тѣмъ мы въ программной рѣчи новаго министра торговли и промышленности не слышали, чтобы онъ остановился на положеніи и недугахъ этой отрасли добывающей промышленности. Я, гг., являюсь представителемъ Амурской обл., въ которой получается четверть всего золота, добываемаго въ Россіи. Поэтому я считаю своимъ долгомъ (къ сожалѣнію, срокъ моей рѣчи ограниченъ десятью минутами) отмѣтить нѣкоторыя стороны вопроса о положеніи современной золотопромышленности. Надо имѣть въ виду, что золотопромышленность въ общей экономіи для государства занимаетъ не послѣднее мѣсто. Вѣроятно, вамъ извѣстно, что всего золота добывается въ Россіи 2.400 пуд., на сумму около 50.000.000 р., и $^3/_4$ всего этого количества приходится на Восточную Сибирь и Приамурье. Золотопромышленность въ этой Восточной Сибири и Приамурьѣ играетъ огромную роль въ экономической жизни. Я скажу о колонизаціонномъ значеніи этой отрасли добывающей промышленности. Золотопромышленный районъ представляется очень выгоднымъ внутреннимъ рынкомъ для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. И въ этомъ колонизаціонная роль золотопромышленности. Между прочимъ, по картѣ, напр., Амурской обл. можно видѣть, какъ золотопромышленность постепенно углубляется въ тайгу и въ то же время притягиваетъ и ведетъ за собою эти пункты производства сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Мы видимъ, напр., что новые переселенческіе участки въ Амурской обл. тянутся по Селенгѣ и по Зеѣ именно въ сторону пріисковыхъ районовъ. Съ появленіемъ золотопромышленности въ тайгѣ, появляются и дороги, вырастаютъ даже города: я укажу на Зейскую пристань и на новый растущій пунктъ Дамбуки, выше Зейской пристани, тотъ пунктъ,

черезъ который естественнымъ образомъ направляется путь на Якутскъ, который связывается такимъ живымъ этапомъ съ Амуромъ. Для многихъ изъ васъ, вѣроятно, будетъ совершенно новостью, если я, напр., укажу на такую проніо въ таежныхъ пустыняхъ, какъ существованіе телефона, идущаго отъ Зейской пристани, развѣтвляющагося и соединяющаго цѣлую сѣть пріисковъ и проникающаго въ Якутскую обл. на многія сотни верстъ. И вотъ, слѣдовательно, золотопромышленность, проникающая въ эти таежныя пустыни и дебри, представляетъ, такъ сказать, своего рода колонизацію нашей далекой окраины. Поэтому положеніе золотопромышленности должно бы было въ особенности интересовать и народное представительство, и министерство торговли и промышленности. Позволю себѣ обратить ваше вниманіе на то, что въ Приамурскомъ краѣ мы имѣемъ всѣ основныя условія для блестящаго развитія этой отрасли промышленности, а именно въ видѣ уже изслѣдованныхъ и констатированныхъ значительныхъ запасовъ золота въ нѣдрахъ; такъ что уже очень скептически отнеслись къ Приамурью, къ его цѣнности и къ его будущности авторы извѣстной книги „Приамурье“, сотрудники общеземской организаціи. Они, между прочимъ, въ своей книгѣ говорятъ: огромные не тронутые еще запасы золота Амурскаго края по приблизительному, скорѣе уменьшенному разсчету опредѣляются для мѣстностей съ существующей уже промысловой добычей золота въ круглыхъ цифрахъ въ 250.000 пуд. Это, значитъ, приблизительно на сумму въ 5.000.000.000 р., т. е. разсыпного золота Приамурской обл. можетъ хватить болѣе чѣмъ на 100 лѣтъ годовой добычи на всю Россію, и это, не считая Иркутскаго, Охотскаго, Уссурійскаго края, Сахалина, Камчатки и Чукотскаго носа, и въ то же время не считая рудпаго золота, залегающаго часто на недоступныхъ глубинахъ. А между тѣмъ на развитіи нашей золотопромышленности лежатъ путы Горнаго Устава и представляютъ полный анахронизмъ. Тамъ много такого, что совершенно нецѣлесообразно, излишне путаетъ и тормазитъ развитіе залотопромышленности. Два года тому назадъ само министерство торговли вынуждено было признать, что нашъ уставъ, наши правила о золотопромышленности устарѣли, что они нуждаются въ измѣненіи, и нужно пожелать, чтобы этотъ процессъ пересмотра не затянулся на цѣлые годы, чтобы, какъ можно скорѣе, въ Государственную Думу былъ внесенъ реформированный уставъ о золотопромышленности. Цѣлый рядъ еще назрѣвшихъ нуждъ, которыя вовсе не требуютъ жертвъ со стороны государства, подачекъ и т. д., а требуютъ извѣстнаго рода законодательныхъ нормъ, это, напр., вопросъ о легализаціи мелкихъ золотопромышленниковъ, такъ называемыхъ хищниковъ или вольныхъ пріискателей. Они являются первыми открывателями золота, и потомъ, благодаря цѣлому ряду формальностей, ихъ трудами, результатами ихъ трудовъ, пользуются иныя ловкія руки. Вопросъ о легализаціи этой такъ называемой хищнической золото-

промышленности вольныхъ пріискателей—вопросъ тоже неотложный. Разрѣшеніе этого вопроса будетъ содѣйствовать и интенсивному развитію золотопромышленности. Между прочимъ, мы видимъ, что часто въ эту область вторгаются и такіе тормазящіе факторы, какъ распоряженія мѣстной администраціи.

Я, гг., укажу на больной вопросъ въ Приамурьѣ въ настоящее время—на гоненіе, поднятое на пріисковыхъ корейцевъ. Ст. 661 Уст. Горн. предоставляетъ въ Амурской и Приморской областяхъ допускать наемъ рабочихъ иностранцевъ, ограничиваясь лишь одними китайцами; прочіе же иностранцы допускаются по отдѣльному каждый разъ разрѣшенію Приамурскаго генералъ-губернатора. И вотъ, пользуясь этой статьей, мѣстный генералъ-губернаторъ предпринялъ выселеніе пріисковыхъ корейцевъ. Мѣра эта могла бы быть одобрена, если бы здѣсь преслѣдовались интересы, такъ сказать, труда русскихъ рабочихъ, но вѣдь въ то время, когда китайцы остаются, эти главные конкуренты русскихъ пріисковыхъ рабочихъ, корейцы, несравненно болѣе желательные, чѣмъ китайцы, выселяются, ихъ же вакансіи или замѣщаются китайцами, или совершенно не замѣщаются, такъ какъ они работаютъ на такихъ пріискахъ, на которые русскіе не всегда пойдутъ, и потому пріиски закрываются. Это дѣлается въ то время, когда сама администрація не даетъ примѣра пользованія трудами русскихъ рабочихъ, когда всѣ казенныя работы, въ томъ числѣ и крѣпостныя сооруженія, производятся трудами китайцевъ; администрація не допускаетъ рабочихъ на нѣкоторые промыслы: напр., допускаетъ на лѣсные промыслы, а на рыбные не допускаетъ. Вмѣсто того, чтобы ограничить пріемъ иностранныхъ рабочихъ, казна сама ихъ беретъ, а частнымъ лицамъ ограничиваетъ пріемъ ихъ и русскихъ рабочихъ не береть. Здѣсь нѣтъ никакой борьбы съ конкуренціей; если ужъ начать борьбу съ конкуренціей, то съ того, чтобы сама казна подавала примѣръ, чтобы она сначала пользовалась трудами русскихъ рабочихъ, а потомъ уже принимала частныхъ предпринимателей.

Я, гг., къ сожалѣнію, не могъ какъ слѣдуетъ освѣтить этотъ вопросъ за сокращеніемъ срока для меня. Я закончу только такимъ пожеланіемъ. Я указывалъ вамъ, какую цѣнность представляютъ наши далекія окраины и какую роль играетъ въ нихъ золотопромышленность. Я думаю, что развитіе золотопромышленности, ничѣмъ не стѣсняемое, можетъ быть, вывело бы Россію съ третьяго мѣста, на которомъ она сейчасъ находится по добычѣ золота, даже на первое, впереди Америки. Но, гг., сейчасъ нѣтъ одного условія, необходимого для нормальнаго развитія тамъ и золотопромышленности, и другихъ отраслей промышленности, нѣтъ спокойной атмосферы. Обвиненія предпринимателей Приамурья, что они снимаютъ пѣнки, что они хищничествуютъ, что эта культура тамъ хищническая,—эти обвиненія, можетъ быть, и справедливы, но кто можетъ рѣшиться вводить гидраты въ работахъ и другія усовершенствованные способы на пріискахъ, если

нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ? Я, къ сожалѣнію, кончаю, но вернусь къ этому вопросу, когда у насъ будетъ законопроектъ, касающійся золотопромышленности (*Рукоплесканія слѣва*).

(Стенографическій отчетъ).

Издатель В. П. Сукачевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

Съ Ноября 1910 года будетъ выходить

новая ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ общественно-педагогическая

ГАЗЕТА

„ШКОЛА и ЖИЗНЬ“

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ число сотрудниковъ газеты вошли, между прочимъ, нижепоименованныя лица:

Айхенвальдъ, Ю. И.
Алчевская, Х. Д.
Ананьинъ, С. А.
Анзиміровъ, В. А.
Анучинъ, Д. Н., акад.
Балаевъ, Н. В.
Балталонъ, Ц. П.
Барановъ, В. Г.
Батюшковъ, Ф. Д., проф.
Бередниковъ, С. Г.
Беренштейнъ, А. Н.
Бехтеревъ, В. М., акад.
Бодуэнъ де Куртенэ, И. А., проф.
Бодуэнъ де Куртенэ, Р. Р.
Воргманъ И. И., проф.
Бороздинъ, А. К., проф.
Бунинъ, Ю. А
Быкова, А. Ф.
Быковъ, А. Н.
Бѣлоконскій, И. П.
Вагнеръ, В. А., проф.
Вартановъ, В. И., проф.
Васильевъ, А. В., проф.
Вахтерова, Э. О.
Вахтеровъ, В. П.
Великопольскій, А. А. (Арк. Велскій),
Венгеровъ, С. А., проф.
Вернадскій, В. И., акад.
Владиславлевъ, А. В.
Волькенштейнъ, О. А.
Вольтеръ, Э. А.
Галабутскій, Ю. А.
Гартвигъ, А. Ф.
Гатлихъ, А. Ф.
Генкель, А. Г.
Герверъ, А. В., проф.
Гердъ, В. А.
Гермоніусъ, А. К.
Глинка, И. В.
Голубевъ, В. С.
Гориневскій, В. В.
Градовскій, Г. К.
Гревсъ, И. М., проф.
Гредескулъ, Н. А., проф.
Грибоѣдовъ, А. С.
Григорьевъ, Г. М.
Гриммъ, Д. Д., проф.
Гриммъ, Э. Д., проф.
Грузинскій, А. Е.
Гуревичъ, Я. Я.
Диксонъ, К. И.
Дриль, Д. А., проф.
Душечкинъ, Я. И.
Дьяконовъ, М. А., акад.
Езерскій, Н. Ф.
Елачичъ, Е. А.
Журавская, З. Н.
Звягинцевъ, Е. А.
Знаменскій, С. Ф.
Золотаревъ, С. А.
Зѣлинскій, Ѳ. Ф., проф.
Ивановскій, В. В., проф.
Игнатьевъ, В. Е.
Исаевъ, А. А., проф.
Кабановъ, Н. А.
Каблуковъ, Н. А., проф.
Калантаръ, А. А.
Каптеревъ, П. Ф., проф.
Карѣевъ, Н. И., проф.
Кизеветтеръ, А. А., проф.
Ковалевскій, М. М., проф.
Колюбакинъ, А. М.
Кольцовъ, Н. К.
Кони, А. Ф., акад.
Коробка, Н. И.
Кострома, В. С.
Котельниковъ, В. Г.
Котляревскій, Н. А., акад.
Котляревскій, С. А., проф.
Крогіусъ, А. А.
Кузьминъ-Караваевъ, В. Д., проф.
Ланге, Н. Н., проф.
Лапшинъ, И. И.
Лебедевъ, А. И.
Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ю., проф.
Левицкій, С. А.
Левшинъ, Д. М.
Линдъ, В. Н.
Липовскій, А. Л.
Лозинскій, Е. Е.
Лосскій, Н. О.
Лучицкій, И. В., проф.
Мазингъ, К. К.
Максимова (Зенькович), З. І.
Малиновскій, Н. А.
Малыгинъ, П. П.
Мальчевскій, П. Л.
Мацкевичъ, Н. И.
Мертваго, А. П.
Метальниковъ, С. И.
Мижуевъ, П. Г.
Милюкова, А. С.
Милюковъ, Н. К.
Милюковъ, П. Н.
Мирманова, С. С.
Мировичъ, З. С.
Михайловъ, Н. Ф.
Муринова, А. М.
Муриновъ, В. Я.
Нечаевъ, А. П., проф.
Овсянико-Куликовскій, Д. Н., акад.
Озеровъ, И. Х., проф.
Ольденбургъ, С. Ф., акад.
Ольденбургъ, Ф. Ф.
Орловъ, П. А., проф.
Острогорская (Малкина), А. Я.
Острогорскій, А. Н.
Павловъ, И. П., акад.
Пантелѣевъ, Л. Ф.

Петражицкій, Л. І., проф.
Петрищевъ, А. Б.
Петрункевичъ, И. И.
Погодинъ, А. Л., проф.
Покровскій, В. И.
Половцевъ, В. В., проф.
Полянскій, И. И.
Поповъ, И. И.
Посниковъ, А. С., проф.
Поссе, В. А.
Поссе, К. А., проф.
Приселковъ, М. Д.
Пропперъ, А. Н., проф.
Реформатскій, А. Н., проф.
Родичевъ, Ф. И.
Россолимо, Г. И.
Рубакинъ, Н. А.
Рубашкинъ, В. Я.
Рудневъ, В. В.
Румянцевъ, Н. А.
Русова, С. Ф.
Фонъ-Рутценъ, Л. Н.
Рѣпина, Е. П.
Саккетти, Л. А., проф.
Самсоновъ, Н. В.
Сахаровъ, И. Н.
Святловскій, В. В., проф.
Севрукъ, Л. С.
Скворцовъ, Н. А.
Смирновъ, В. А.
Смирновъ, С. Г.
Смирновъ, С. Д.
Соболевскій, В. М.
Соколова, М. Д.
Стаховичъ, А. А.
Стаховичъ, М. А.
Сыромятниковъ, Б. И.
Сѣрополко, С. О.
Тарле, Е. В., проф.
Тихомировъ, Д. И.
Тихомировъ, М. Ф.
Толстой, И. И. графъ.
Туганъ-Барановскій, М. И., проф.
Тулуповъ, Н. В.
Тыркова, А. В.
Тютрюмовъ, А. М.
Улановъ, В. Я.
Фальборкъ, Г. А.
Фортунатовъ, А. Ф., проф.
Франкъ, С. Л., проф.
Хижняковъ, В. В.
Хлопинъ, Г. В., проф.
Цитронъ, М. А.
Чарнолуская, Е. М.
Чарнолускій, В. И.
Чехова, М. А.
Чеховъ, Н. В.
Чижевскій, П. И.
Шахматовъ, А. А., акад.
Шестаковъ, П. М.
Шимкевичъ, В. М., проф.
Шингаревъ, А. И.
Шорохъ-Троцкій, С. И.
Щегловъ, А. Л.
Щерба, Л. В.
Эрнъ, Ф. А.
Якобсонъ, А. Е.
Яковенко, В. И.
Яковлевъ (Богучарскій) В. Я.
Янжулъ, Е. Н.
Янжулъ, И. И., акад.
Янсонъ, А. К.
и мн. др.

„Школа и Жизнь"—названіе одной изъ незабвенныхъ статей П. И. Пирогова, столѣтіе дня рожденія котораго мы чествуемъ въ этомъ году, и мы съ благоговѣніемъ заимствуемъ это названіе для нашей газеты; нашъ лозунгъ—основная мысль этой статьи: „школа и жизнь есть одно неразрывное цѣлое". Прогрессъ нашей сложной жизни немыслимъ безъ школы; школа строится совокупностью условій жизни. Въ частности, наша школа можетъ быть организована лишь совмѣстными усиліями общества и педагоговъ.

Наша цѣль—заставить самые широкіе круги общества признать первенствующее и рѣшающее значеніе образованія для всей дальнѣйшей судьбы нашей родины. Для этого у общей печати нѣтъ въ достаточной мѣрѣ ни мѣста, ни времени, ни сконцентрированныхъ силъ, и изданіе съ этою цѣлью спеціальной общественной газеты намъ кажется вполнѣ обоснованнымъ и своевременнымъ.

Могущественнѣйшее средство для всемѣрнаго распространенія и развитія образованія мы усматриваемъ въ единствѣ школы, въ преемственной связи всѣхъ ея трехъ ступеней, и подъ этимъ знаменемъ мы вступаемъ въ жизнь.

Школа есть достояніе и явленіе культуры и, какъ таковая, должна стоять внѣ партій и политики; поэтому и наша газета будетъ строго безпартійной. Признаніе права всѣхъ національностей на свой родной языкъ въ школѣ мы считаемъ существеннѣйшимъ признакомъ здороваго національизма, и національная школа въ этомъ широкомъ смыслѣ встрѣтитъ въ насъ горячихъ защитниковъ.

Въ предстоящей работѣ по организаціи школы совершенно необходимо ознакомленіе общества съ матеріалами, накопившимися въ наукѣ и въ опытѣ всемірной школьной жизни. Это ознакомленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно развивать интересъ къ школѣ и дѣлать самую работу по ея организаціи и болѣе интенсивной, и болѣе плодотворной.

Принципъ неразрывности школы и жизни предрѣшаетъ и вопросъ о подчиненности школы, она должна находиться въ зависимости отъ общественныхъ организацій и, прежде всего, отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія мы признаемъ и чрезвычайное значеніе частной иниціативы какъ въ школьномъ, такъ и во внѣшкольномъ образованіи.

Признавая для высшей школы безусловную необходимость автономіи,

подъ руководствомъ профессорской корпораціи, мы будемъ всемѣрно защищать и проводить эту идею во имя интересовъ науки и нашей родины.

Наконецъ, посильное освѣщеніе получатъ въ нашей газетѣ и всѣ текущіе вопросы педагогики, методики обученія, психологіи и философіи.

Этими основными положеніями мы будемъ руководиться въ предстоящей намъ работѣ и въ этомъ направленіи открываемъ у себя самый широкій просторъ всякому честному и искреннему слову.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Руководящія статьи, по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики.

2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія.

3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризирующій различныя стороны знанія.

4) Обзоръ общей печати.

5) Хроника образованія, въ которой первое мѣсто будетъ удѣлено дѣятельности законодательныхъ учрежденій, правительства, мѣстнаго самоуправленія и т. д.

6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей.

7) Обозрѣніе спеціальной литературы русской и иностранной.

8) Справочный отдѣлъ, съ подъотдѣломъ отвѣтовъ редакціи на запросы подписчиковъ.

9) Объявленія.

Въ ежемѣсячныхъ книжкахъ, объемомъ въ 6 — 7 печатныхъ листовъ каждая, будутъ помѣщаться, по возможности, законченныя произведенія русскихъ и иностранныхъ авторовъ, по вопросамъ образованія и педагогики и соприкасающихся съ нею наукъ.

Газета будетъ выходить въ Петербургѣ и въ мѣстностахъ на разстояніи 24-хъ часовъ почтоваго сообщенія отъ него—по понедѣльникамъ.

Подписная цѣна на газету и приложенія къ ней съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другія мѣста Имперіи — 6 рублей въ годъ, 3 рубля въ 6 мѣс. и 2 руб. въ 3 мѣс.

Для учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ допускается разсрочка по 1 руб. за каждые два мѣсяца.

Цѣна отд. № въ розничной продажѣ (безъ приложеній)—5 коп.

Лица, подписавшіяся до 1 января 1911 года, получатъ всѣ №№ газеты за 1910 г., начиная со дня подписки.

Адресъ редакціи и главной конторы: СПБ. Кабинетская ул., домъ Губернскаго Земства, № 18.

Редакторъ **Г. А. Фальборкъ.**

Издатели: **Н. В. Мѣшковъ** и **Г. А. Фальборкъ.**

СИБИРСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО ВЪ МОСКВѢ, пораженное преждевременной кончиной председателя Первой Государственной Думы С. А. МУРОМЦЕВА, рѣшило увѣковѣчить память его учрежденіемъ при Сибирскомъ Землячествѣ СТИПЕНДІИ ЕГО ИМЕНИ.

Смерть С. А. всколыхнула всю Россію — каждый ощутилъ эту незамѣнимую утрату и сохранилъ самую лучшую память о покойномъ. Эта память дорога одинаково какъ Россіи, такъ и Сибири.

Поэтому мы надѣемся, что Сибирское Общество поможетъ намъ создать въ томъ городѣ, гдѣ покойный жилъ, работалъ и умеръ, въ томъ городѣ, гдѣ онъ былъ избранъ въ первое Народное Законодательное учрежденіе Россіи, гдѣ только что сотни тысячъ народа провожали его въ могилу, ЛУЧШІЙ ПАМЯТНИКЪ С. А. – СТИПЕНДІЮ ЕГО ИМЕНИ ДЛЯ УЧАЩАГОСЯ.

Пожертвованія просимъ направлять на имя ректора Московскаго Университета въ фондъ стипендіи при Сибирскомъ Землячествѣ ИМЕНИ С. А. МУРОМЦЕВА.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ

„Сибирскіе Вопросы"

ВЪ 1910 г. (ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕНЪ РАЗРАБОТКѢ МѢСТНЫХЪ ВОПРОСОВЪ и выходитъ КАЖДУЮ НЕДѢЛЮ въ размѣрѣ трехъ печатныхъ листовъ

ЗНАЧЕНІЕ ЖУРНАЛА МОЖЕТЪ ВЪ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ВОЗРАСТИ, ЕСЛИ ВСѢ ЛИЦА И ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ, КОМУ ДОРОГО НЕЗАВИСИМОЕ СЛОВО ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЛУЧШІЕ БУДУЩЕЕ СИБИРИ, БУДУТЪ ПРИСЫЛАТЬ ВЪ РЕДАКЦІЮ СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦІИ НА ТЕМЫ, КАКІЯ ВЪ ДАННЫЙ МОМЕНТЪ НАИБОЛѢЕ ИНТЕРЕСУЮТЪ СИБИРСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ.

Всѣ корреспонденціи и статьи оплачиваются.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. №—15 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписныя деньги и статьи просятъ направлять по адресу: Петербургъ, Сергіевская, 3.

Городская подписка принимается только въ конторѣ типографіи Ф. Н. Альтшулера—С.-Петербургъ, Фонтанка, 96.

Въ Сибири подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ Томскѣ — Посохина и Макушина, въ Иркутскѣ—Макушина и Посохина, въ Тюменя — О. Ф. Невской, въ Тобольскѣ—А. С. Суханова, въ Красноярскѣ—М. Н. Григоровской, въ Читѣ—гг. Цепелева и Борисова.

Сборники „Сибирскіе Вопросы" за 1905 г.: № 1-й (400 стр.)—2 р. и № 2-й (330 стр.)—1 р. 50 к.; всѣ шесть книгъ журнала „Сибирскіе Вопросы" за 1906 г. (700 стр.)—3 р., 3 ежемѣсячныхъ и 36 еженедѣльныхъ номеровъ 1907 г. (2000 стр.)—4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1908 г.—4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1909 г., въ виду ограниченнаго количества оставшихся экземпляровъ,—6 р.

Подписавшіеся сразу на весь 1910 годъ могутъ получить любой годъ журнала БЕЗПЛАТНО, уплативъ стоимость пересылки или принявъ на себя таковую наложеннымъ платежомъ.

Издатель В. П. Суначевъ. Редакторъ **А. И. Иванчинъ-Писаревъ.**

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№ 39

24 октября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **Изъ сибирскихъ скитаній:** III. Пушникъ.—IV. Обшинникъ. *Яковлевича.*
2. **Сибирское правосудіе.**
3. **Сибирскія письма:** 1) Омскъ, 2) Томскъ, 3) Красноярскъ.
4. **Очерки сибирской жизни.** *Л. К.*
5. **Нотаріусъ Гергардтъ и его жертвы.**
6. **Хроника.**
7. **Обозрѣніе русской жизни.**
8. **А. П Щаповъ и М. В. Загоскинъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

Отъ редакціи.

Редакція полагаетъ, что всѣ лица и общественныя учрежденія, кому дорого независимое слово въ борьбѣ за лучшее будущее Сибири, могутъ оказать журналу существенную поддержку, присылая статьи и корреспонденціи на темы, какія въ данный моментъ наиболѣе интересуютъ сибирское населеніе.

Съ просьбой о такомъ содѣйствіи редакція обращается ко всѣмъ сибирякамъ, кто хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями журнала своими мыслями о текущихъ вопросахъ, явленіяхъ и фактахъ сибирской жизни.

Всѣ статьи и корреспонденціи оплачиваются.

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№ 39

24 октября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. Изъ сибирскихъ скитаній: Ш. Пушникъ.—IV. Общинникъ. *Яковлевича* . . . . . 3—12
2. Сибирское правосудіе. . . . . 12—15
3. Сибирскія письма: 1) Омскъ, 2) Томскъ, 3) Красноярскъ . . . . . 15—21
4. Очерки сибирской жизни. *Л. К.* . . . . . 21—29
5. Нотаріусъ Гергардтъ и его жертвы. . . . . 29—33
6. Хроника. . . . . 33—35
7. Обозрѣніе русской жизни. . . . . 35—40
8. А. П. Щаповъ и М. В. Загоскинъ . . . . . 40—52

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

Изъ сибирскихъ скитаній.

III.

Пушникъ.

Пароходъ «Николай Черныхъ», грузно шлепая колесами, держался средины Иртыша. Рѣзкій низовой вѣтеръ мѣшалъ ходу. Сѣрыя клочковатыя, точно вата, облака низко пробѣгали вдоль рѣки, обдавая сырымъ туманомъ. Временами моросилъ мелкій, точно сѣялъ сквозь сито, дождь. Было холодно. На палубѣ подъ натянутымъ брезентомъ жались переселенцы, сумрачно посматривая на желтыя волны хмурой рѣки. Капитанъ въ рубкѣ перебранивался съ лоцманомъ.

Въ каютѣ насъ было трое: я, «всюду шатающійся вольный человѣкъ», какъ аттестовалъ меня новому уѣздному начальнику завѣдывающій полицейскою частью города Степнаго-Пропадинскаго; пушникъ, ѣхавшій въ Барнаулъ на ярмарку, и депутатъ-сибирякъ.

Пообѣдали. Пробовали уснуть—не удалось. Сыграли по маленькой въ преферансъ. А время шло убійственно медленно. Больше всѣхъ волновался депутатъ.

— Вотъ она Сибирь-то... Будь желѣзная дорога — въ полдня проскочили бы, а тутъ тащись по водѣ десять верстъ въ часъ...

— Чугунка, что и говорить, дѣло хорошее, только кому какъ... Вотъ намъ, къ примѣру сказать, она не подходяща,—поглаживая бороду, проговорилъ пушникъ.

— Странно, что вы, дѣловой человѣкъ, и такъ разсуждаете. Вѣдь пора понять, что чѣмъ быстрѣе капиталъ оборачивается, тѣмъ большій процентъ онъ даетъ. Да, наконецъ, для дѣловыхъ людей каждый часъ, проведенный въ дорогѣ, потерянъ безъ пользы. Не даромъ англичане говорятъ, что время—деньги...

— Можетъ быть, можетъ быть, господинъ депутатъ. Только для насъ пароходъ любезнѣе чугунки... Вотъ, къ примѣру сказать, мы сколько годовъ водой свой товаръ отправляемъ въ Ирбитъ и Нижній и еще, слава Богу, менѣе двадцати процентовъ въ годъ не имѣли, а въ хорошій годъ и до сорока брали. Кто же съ чугункой дѣло имѣетъ, тотъ и десяти радъ, да еще руки потираетъ: «славный, говоритъ, годокъ выдался»...

— Вы все съ точки зрѣнія собственнаго кармана, а я имѣю въ виду интересы всего края...

Депутатъ начиналъ волноваться.

— Такъ-съ..—улыбаясь, произнесъ пушникъ. — А позвольте узнать, какую пользу народъ имѣетъ отъ чугунки? Раньше, до чугунки-то, сколь народу питалось извозомъ, а теперь и того нѣтъ. Правда, изъ Сибири вагоны тащутъ много добра, а въ Сибирь пустые гремятъ. Это что доказываетъ? А то, что изъ Сибири добро насосомъ выкачиваютъ, а въ Сибирь, сибирскому народу-то, ничего не даютъ.

— Да вѣдь если изъ Сибири тащутъ, значитъ въ Сибири деньги остаются, вмѣсто сырья всякаго.

— Охъ, остаются-ли!.. Слыхали вы что про сибирское масло? На милліоны рублей вывозится, въ государственномъ балансѣ значится, а населеніе, что масло вырабатываетъ, богатѣетъ?

— Я думаю... Если бы не было выгодно, то и не занимались бы маслодѣліемъ...

— Вы такъ думаете? А вотъ спросимъ господина статиста. Вы какъ думаете?—обратился пушникъ ко мнѣ.

— Вы правы: до богатства далеко, напротивъ, благосостояніе, по даннымъ статистики, понижается и главнымъ образомъ въ округахъ съ наиболѣе развитымъ производства масла. Кромѣ того, наблюдается пониженіе питанія дѣтей, такъ какъ молоко до капли поступаетъ на заводъ.

— Вотъ-съ, что наука показываетъ...

— Ну, это вопросъ спорный...

Разговоръ оборвался. Вѣтеръ гудѣлъ въ вентиляціонной трубѣ. Депутатъ закурилъ сигару.

— Что и говорить,—снова началъ пушникъ:—желѣз-

ная дорога—вещь преполезная, да надо ее съ разумомъ строить, и еще пуще умѣть управлять. Я въ Англіи былъ по пушнымъ дѣламъ—вотъ тамъ народецъ дошлый, все понимаетъ...

Пушникъ замолчалъ, положилъ на диванъ подушку и, громко зѣвнувъ, плашмя бросился на него, такъ что пружины суетливо застонали... Но, очевидно, сонъ бѣжалъ отъ купца, и онъ, облокотившись, опять заговорилъ:

— Вспомнилъ про англичанъ, и сейчасъ въ памяти встала исторійка съ однимъ сэромъ, по нашему, съ господиномъ, значитъ... Пріѣхалъ это онъ агентомъ отъ крупной фирмы сюда за соболями... На ярмаркахъ въ томъ году соболя мало было, да и тотъ плохой: москвичи изъ первыхъ рукъ лучшій-то товаръ стали забирать. Снарядили это мы три тройки—въ одной сами втроемъ: я, сэръ и мой подручный, въ другой—имущество и провизія, а въ третьей—угощеніе всякое...

— Спиртъ, конечно,—перебилъ депутатъ.

— Какъ водится, потому звѣроловъ выпить не дуракъ. Да и то сказать: пошарь на морозѣ-то за звѣремъ недѣлю-другую безъ передыху, такъ запросишь чѣмъ душу согрѣть.

Пріѣхали на первый наслегъ, куда звѣроловы свозятъ свою добычу. Мы сейчасъ тары-бары, а англичанинъ только слушаетъ, да руки отогрѣваетъ у камелька...

Сторговались, а англичанину сказали, что невыгодно... Поѣхали дальше—тамъ тоже самое... Такъ и доскакали до Вилюйска. Англичанинъ, не привыкшій къ нашимъ сибирскимъ морозамъ, только и дѣла дѣлалъ, что отогрѣвался и Христомъ Богомъ молилъ меня поменьше ѣхать и лишь только вечеръ—ночевать... Закупили мы всѣхъ соболей, что попадались, а англичанину говоримъ все, что несходно. Изъ Вилюйска повернули назадъ.

Англичанинъ, какъ узналъ—волкомъ взвылъ: «я, говоритъ, чуть не замерзъ, и теперь всѣ мои лишенія напрасны, не одной шкурки не купилъ»... «Ничего, говорю я, на обратномъ пути купимъ, хотя и дороже,

потому пушнины въ этомъ году мало совсѣмъ»... Ну и купилъ, только отъ меня ужъ и по сходной цѣнѣ—процентиковъ сорокъ взялъ. Съ тѣхъ поръ ни-ни къ намъ въ Сибирь. А будь чугунка-то, кажинную бы зиму сюда таскались, да у насъ изъ подъ носа товаръ перебивали бы...

– Вы все сводите къ своему карману, а то, что сибирякъ бѣднѣетъ, тонетъ въ косности и невѣжествѣ, до этого вамъ, доморощеннымъ коммерсантамъ, дѣла нѣтъ! —желчно проговорилъ депутатъ, смотря въ окно, по которому сбѣгали струйки воды.

— Напрасно гнѣваетесь, сударь... Мы не про то, что совсѣмъ желѣзной дороги не надо... Всему свое время, такъ и чугункѣ. Надо народъ-то сибирскій научить, какъ со своимъ добромъ обращаться, а то дай ему сейчасъ дорогу—онъ все свое богатство задарма и отдастъ англичанину. На десятокъ-другой годковъ хватитъ, а тамъ, смотришь, надѣвай торбу, да подъ окно «Христа ради». Англичанинъ—тотъ шкуру сапогомъ по дорогѣ-то отправляетъ, желѣзо--топоромъ, машиной всякой, шерсть—сукномъ, а мы валимъ все сырьемъ за безцѣнокъ. Заводовъ, фабрикъ всякихъ надо побольше строить сначала, школъ разныхъ, чтобы научить народъ, какъ съ Божьимъ добромъ обращаться, всяческую пользу и выгоду изъ него извлекать...

— Что и говорить: въ глуши, куда въ три года не доскачешь, удобнѣе спаивать коснаго туземца и на всякую дрянь забирать его добро...

— Это кто какъ, сударь... Всяко бываетъ: кто по божески даетъ за товаръ, а кто, и вѣрно, спиртомъ накачиваетъ и гнилымъ ситцемъ платитъ. Да только это чаще дѣлаютъ просвѣщенные народы и тамъ, куда въ три дня доскачешь...

— Гдѣ же это?

— Да вотъ на Камчаткѣ и за Якутскомъ... Въ прошломъ году пробрался я туда, насчетъ соболей нужно было. Пріѣхалъ это я, спрашиваю пушнины—нѣтъ... Я въ другое мѣсто—тоже. Я въ третье—ни шкурки.. Все закупили американцы. Спрашиваю про цѣну—въ потъ даже ударило меня, какъ услышалъ. По 5 долларовъ

соболь пошелъ, песецъ за долларъ шелъ, да не деньгами, а порохомъ, дробью, пуще же всего спиртомъ платили... Напали мы въ бухтѣ «Провидѣнье» на партію соболей, лисицъ и песцовъ, заплатили дешево по нашему, а они, звѣроловы-то, во всѣ глаза смотрѣли и думали, что мы дураки, что-ли, коли такія цѣны платимъ... Вотъ онъ, сударь, и просвѣщенный народъ, американцы, и въ день отъ Аляски до Камчатки доѣзжаетъ, по пяти разъ въ годъ капиталъ оборачиваетъ, а чище нашего народъ-то обпраетъ, да опаиваетъ... Да-съ...

Разговоръ на минуту оборвался.

— Вотъ для кого желанная статья чугунка — такъ это для чиновниковъ питерскихъ, да для всякой администраціи! —снова началъ пушникъ. — Раньше, годовъ съ двадцать тому назадъ, въ кои-то поры какой фазанъ залетитъ, любопытно даже посмотрѣть на него, а нынче по этой чугункѣ и какъ лѣто, отбоя нѣтъ, не даромъ ихъ, чиновниковъ-то, „кобылкой“ теперь прозвали... А что толку-то отъ этого? Одно безпокойство, да расходъ лишній, а переселенцемъ этимъ такъ всю Сибирь испортили...

Пароходъ заунывно загудѣлъ. Мы подошли къ пристани.

IV.

Общинникъ.

Въ каюту спустился, кряхтя подъ тяжестью большой корзины, матросъ, а за нимъ, звонко стуча высокими каблуками въ ботфортахъ, вкатилась небольшая фигурка въ форменномъ сюртукѣ.

— Честь имѣю кланяться!—звонко проговорилъ новый пассажиръ.

— Наше почтенье!—весело откликнулся пушникъ и приподнялся съ своего дивана. Мы привѣтствовали своего компаніона по каютѣ легкимъ наклоненіемъ головъ.

— Ну и погодка, сибирская... Лошади противъ вѣтра становятся, не ѣдутъ... А у васъ тутъ тихо, благодать... Фу... усталъ! Всю спину разломило...

— А вотъ попейте со мной чайку съ ромомъ—все пройдетъ-съ...—любезно предложилъ пушникъ.

— Съ удовольствіемъ...

Черезъ часъ наша каюта была полна звонкимъ голосомъ новаго пассажира, которому вторилъ иногда раскатистый смѣхъ пушника.

— Служилось мнѣ хорошо. Жалованье порядочное, а работы никакой—знай, разъѣзжай по волостямъ и ауламъ, да разводи философію насчетъ почитанія властей... И такъ было до самой революціи. Съ этой поры все вверхъ дномъ пошло...

Пассажиръ отпилъ изъ стакана, крякнулъ, похвалилъ ромъ и продолжалъ:

— Пріѣзжаю это я въ деревню Студеный-Ключъ, подкатываю къ крыльцу станціи и требую лошадей.—«Сичасъ»—грубо такъ отвѣчаетъ хозяинъ. «Ты это что?»—вскипѣлъ я. «Ничаво»—ухмыляясь, процѣдилъ сквозь зубы и лѣниво пошелъ къ сараю за лошадьми. Запрягли. Сѣлъ я въ тарантасъ и крикнулъ: «съ Богомъ...» Ямщикъ ни съ мѣста. «А прогоны, господинъ?..»—слышу я, говоритъ хозяинъ «Да ты развѣ не знаешь, кто я?»—вскипѣлъ я.—«Какъ не знать, вѣстимо переселенскій...»—«Такъ какъ же ты смѣешь прогоны требовать?» «Теперь, господинъ, наша пора настала... Давай, а то выпрягу лошадей». Каюсь, не изъ храбрыхъ я—струхнулъ легонько. Вынулъ и отдалъ. Ну, думаю, и у насъ, въ Сибири неладное начинается... Прожилъ я въ киргизской степи съ недѣлю. Ѣду домой и опять чортъ дернулъ ѣхать черезъ разбойничій Студеный-Ключъ. Гоголемъ подкатилъ къ станціи и, какъ ни въ чемъ не бывало, велю подавать лошадей. День былъ праздничный. Смотрю- собирается народъ къ станціи. Окружили мой тарантасъ и о чемъ-то переговариваются. Струхнулъ я маленько, но все-таки вышелъ на крыльцо и громко спросилъ: «вы что это, почтенные, моимъ тарантасомъ любуетесь? Хорошій, а?.. Казанскій... Полтыщи заплатилъ»...—кричу это съ крыльца, а у самаго сердце екаетъ. «Не спроста они, варнаки, собрались» думаю себѣ. Смотрю, подходитъ къ крыльцу одинъ старикъ съ самой богомерзкой ро-

жей—крпвой, корявый... «А мы вотъ что, господинъ, почтенный, надумали—продадимъ твой коробокъ..»—«Какъ продадите? Что вы пьяны, что ли?..“—кричу я, а самъ пячусь къ дверямъ. „Нѣтъ, баринъ, не пьяны, а продадимъ, потому ты намъ долженъ»—«Какъ долженъ»?—«А такъ вотъ: сколько годовъ ѣздишь и другіе чиновники, а деньги за проѣздъ не платите, вотъ мы и порѣшили міромъ: какъ какой чиновникъ проѣдетъ—сейчасъ съ него долгъ взыскивать...» Я было сталъ грозить имъ тюрьмой, да куда тутъ—смѣются. Такъ и продали мерзавцы за 30 руб. и тутъ же деньги пропили...

— Здорово!.. Ай да народецъ!..

Пушникъ весело расхохотался.

— Да, народецъ, я вамъ скажу. Нюхнулъ онъ этой самой свободы-то, точно тигра лютая крови... Не подступись!.. Смотришь,—щенокъ какой-нибудь, а фордыбачитъ...

— А вы теперь куда же изволите направляться?—спросилъ пушникъ.

— Въ Барнаулъ... На новое мѣсто служенія—слѣдователемъ.

— Такъ-съ... По переселенію-то прискучило?

— Ха-ха-ха! – весело засмѣялся слѣдователь:—прискучило?! Едва ноги утащилъ...

— Это любопытно-съ...

— Исторія съ отрубами вышла... Слышали вы насчетъ отрубовъ и хуторовъ? Такъ вотъ и на мою долю выпало насаждать хуторское хозяйство. Выбралъ сначала самую лядащую партію,—однимъ словомъ, гольтепа не приведи Богъ... Собрались всѣ, стоятъ—въ носахъ ковыряютъ, да въ затылкахъ чешутъ. Я имъ давай растолковывать, въ чемъ хуторское хозяйство состоитъ. Смотрятъ и молчатъ.—«Ну, что же, братцы,—спрашиваю—какъ вы насчетъ этихъ самыхъ хуторовъ»?—«А покажи, говоритъ одинъ изъ нихъ, государеву печать и подпись, что надо переселенцевъ хуторами селить»... Ну, конечно, я не могъ показать ни того, ни другого. Какъ загалдитъ моя гольтепа, да ко мнѣ: «а, кричатъ, ты обманомъ хочешь насъ всѣхъ разселить, да потомъ

промежду насъ новыхъ поселить... Намъ самимъ земли мало, а ты еще чужихъ хочешь»... Я давай руками махать: «что вы, братцы, я самъ несогласенъ съ этимъ, живите такъ, какъ жили на родинѣ, а начнете по новому—съ толку собьетесь»...

...Черезъ годъ потребовали отъ меня свѣдѣнія, сколько въ моемъ районѣ поселилось на отрубахъ и хуторами. Я отвѣтилъ, что «мой районъ строго придерживается общинныхъ началъ». Потребовали по начальству. Смотритъ грозно и съ разстановкой спрашиваетъ: «Такъ вы общинникъ по убѣжденіямъ?»—Никакъ нѣтъ, ваше-ство...—«Въ такомъ случаѣ почему въ вашемъ участкѣ нѣтъ ни одного случая выхода изъ общины? –«Не желаютъ, ваше-ство»...—«Наши крестьяне еще не выросли до того, чтобы желать или не желать. Сумѣйте сдѣлать такъ, чтобы ваше желаніе было для нихъ закономъ. Но вы этого сдѣлать не можете, потому что вы—общинникъ, я это вижу по вашимъ глазамъ... Совѣтую подать въ отставку»...

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день...—вскрикнулъ, заливаясь смѣхомъ, пушникъ,—хошь-не-хошь, а отрубниковъ подавай...

— А вы дѣйствительно по убѣжденію общинникъ?—спросилъ депутатъ.

— Какой къ чорту общинникъ... Ни общинникъ, ни подворникъ я. Да вы всю Россію обскачите и не найдете никого, кто бы по совѣсти вамъ сказалъ, какъ онъ думаетъ на этотъ счетъ. Какъ велятъ—вотъ и все. Когда мы только что назначались сюда, въ Питерѣ напутствовали насъ такъ: «помните, что общинное землевладѣніе, основа нашего государства»... Ну—мы и помнили сей завѣтъ, пока въ департаментахъ общинники верховодили. Теперь иная полоса пошла хуторская. Ну, и чиновники стали распинаться за хуторское хозяйство... Хорошо еще, что я сразу оборвалъ насчетъ отрубовъ и больше уже не мѣшался въ распорядки крестьянъ—селись, какъ тебѣ пріятнѣй. Вотъ мой девизъ... А каково приходится теперь ярымъ исполнителямъ всякихъ циркуляровъ и приказовъ. Сосѣдъ мой, Телеутинъ, сначала все общину насаждалъ: какъ но-

вый поселокъ, такъ на «самыхъ широкихъ началахъ общиннаго землевладѣнія», а теперь сунулся съ отрубами—ему новоселы-то и говорятъ: «ты что же это, господинъ, насъ дурачишь: годъ тому назадъ все про общину толковалъ, сколько штрафовалъ, да въ клоповникъ сажалъ, а теперь насчетъ отрубовъ пошелъ...» Въ одномъ поселкѣ чуть-чуть не избили. Уговорилъ онъ разселиться хуторами, пообѣщалъ и колодцы, и дороги, а ничего этого не устроилъ: денегъ не отпустили. «Ты, кричатъ хуторяне, обманулъ насъ, деньги казна дала, да ты ихъ себѣ взялъ»... Едва ноги унесъ...

— Словомъ, порядку мало,—поддержалъ пушникъ.

— Былъ бы порядокъ, если бы поменьше начальства. А то просто бѣда—своего областного съ излишкомъ, а тутъ еще питерское валомъ валитъ, только диву даешься, откуда это они берутся. Да каждый изъ нихъ норовитъ большую особу изобразить, требуетъ поклоненія и дарового проѣзда съ почетомъ. Каждый распоряжается по своему, а сунулся бы пожить тутъ съ сибирскимъ народомъ, тогда и запѣлъ бы Лазаря. А то хорошо имъ, фазанамъ залетнымъ, указывать, не понимая уклада сибиряка...

— Вотъ Государственная Дума подправитъ дѣла...

Сказавъ это, пушникъ посмотрѣлъ на депутата, который дремалъ, откинувшись въ уголъ дивана.

— Эхъ, Дума... Пока солнце взойдетъ—роса очи выѣстъ... Пока отъ звонкихъ рѣчей къ дѣлу перейдутъ—отъ Сибири останутся рожки да ножки... Всю ея ширь заселятъ, всѣ ея богатства расхитятъ, и будутъ вмѣсто ковыльныхъ степей пески сыпучіе, вмѣсто лѣсовъ—пни гнилые...

Я вышелъ на палубу. Вѣтеръ стихъ. По небу неслись обрывки сѣрыхъ облаковъ, сквозь которыя прорывался блѣдный неполный кругъ луны. Иртышъ болѣе покойно, но по прежнему величаво катилъ свои мутныя воды. Колеса ритмично хлопали. Скрипѣла рулевая цѣпь.

Берега черными контурами убѣгали назадъ.

Запртышье безмолвнымъ просторомъ лежало вблизи,

точно очарованное немолчнымъ рокотомъ красавицы рѣки.

— И будутъ вмѣсто ковыльной степи—пески-сыпучіе, вмѣсто лѣсовъ—пни гнилые!—беззвучно повторялъ я слова слѣдователя, и сердце невольно сжалось отъ этой печальной перспективы...

Яковлевичъ.

Сибирское правосудіе.

Сибирь во всѣхъ смыслахъ—страна огромныхъ разстояній: даже ея правосудіе далеко еще отъ „суда скораго, праваго и милостиваго, а тѣмъ болѣе—равнаго для всѣхъ".

По странному сибирскому кодексу, не только допустимо нарушеніе законовъ человѣческихъ, но и законовъ природы: напр., тѣ же самыя разстоянія могутъ произвольно укорачиваться и удлиняться, въ зависимости отъ того, кто замѣшанъ въ дѣлѣ: баринъ или мужикъ, человѣкъ ли „свободнаго состоянія", или ссыльный, въ особенности—политическій ссыльный. Въ послѣднемъ случаѣ, фактическія пять верстъ получаютъ свойство превращаться въ пятьдесятъ, выходить за границы сеченій, волостей, уѣздовъ, чуть ли не губерній...

Въ замѣткѣ „Сибирь и политическіе ссыльные" мы уже иллюстрировали кой-какими штрихами изъ жизни вольныхъ и подневольныхъ обитателей с. Ялани, — сибирскую беззащитность, а теперь имѣемъ возможность дополнить картину рядомъ дѣлъ, разбиравшихся 17 сентября, при выѣздѣ въ вышеупомянутое село мирового судьи 1 участка, Енисейскаго уѣзда, г. Сливака.

Судились: двое по уголовному дѣлу (кража и растрата), одинъ за оскорбленіе фельдшера, нѣсколько человѣкъ за „шумъ" и драку, а затѣмъ, административно-ссыльный А. С. Костеринъ, 22-хъ лѣтъ, по 38 и 63 ст. ст., т. е. „за нарушеніе общественной тишины и спокойствія" и „за нарушеніе законныхъ распоряженій полиціи". Послѣднее выразилось въ „самовольной отлучкѣ съ мѣста приписки", подводимой, согласно установившейся практикѣ, къ „побѣгу".

При разбирательствѣ дѣла о дракѣ, собственно, выяснилось, что дрался не подсудимый, а урядникъ Клепиковъ и

„надзиратель за политическими ссыльными“ Кольчинскій. Но это выяснилось лишь для присутствовавшей на судѣ публики - судья же никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы стороны помѣнялись ролями, какъ бы слѣдовало по всей справедливости.

На первый вопросъ: „признаете ли вы себя виновными?“— всѣ обвиняемые отвѣтили отрицательно. Тогда судья сказалъ:

— Мнѣ все равно: сознаете вы, или нѣтъ... Только вѣдь доказано, что вы шумѣли, и вамъ все равно придется платить. А сколько именно,—отъ васъ зависитъ: если сознаетесь, я назначу самое малое наказаніе и не стану допрашивать свидѣтелей. Не сознаетесь,—я ихъ допрошу, и, въ такомъ случаѣ, вы ужъ подороже заплатите.

Обвиняемые на нѣсколько мгновеній растериваются: „Какъ *доказано*? кто же доказалъ, когда разбирательства дѣла еще не было, свидѣтели не допрошены“?!.

А судья все твердитъ:

— Больше заплатите... Допрошу, такъ больше заплатите...

Двое—Колесниковъ и Шабалинъ—начинаютъ сдаваться: ужъ если все равно платить, такъ лучше меньше, чѣмъ больше.

— Ну, вотъ, видите,—обращается г. Сливакъ къ третьему, Александрову:- они, вотъ, сознались. Вы говорите, что урядникъ васъ ударилъ? Прекрасно! вы можете жаловаться на урядника его начальству, а меня это не интересуетъ... Такъ, какъ хотите: чтобы я васъ на три рубля оштрафовалъ, или на десять? Ну что же: допрашивать свидѣтелей?

Дрогнулъ и этотъ...

— Ну, что жъ... все равно, пишите!— произноситъ онъ, наконецъ, и лицо его подергивается.

Четвертый, Обыденныхъ, стоялъ на своемъ: не ругался, не шумѣлъ, не дрался, „извольте, г. судья, допросить такихъ-то“.

Начинается допросъ свидѣтелей. Ихъ нескладныя, но опредѣленныя рѣчи, вродѣ: „извѣстно, по пьяному дѣлу, ревѣлъ, по не шибко, а ругаться не ругался“, „шуму никакого не было“, „даже, когда г. Кольчинскій его ударилъ, то крику не поднялъ, а только заплакалъ“ -мировой судья переводилъ на собственный языкъ, по которому все выхо-

дило, что Обыденныхъ чуть ли не самъ себя побилъ. Свидѣтели говорятъ одно, а судья все прибавляетъ: „мнѣ не интересно, кто его ударилъ". И приговоръ готовъ...

Дѣло крестьянина Я. Нестерова — объ оскорбленіи фельдшера Ипатова, при исполненіи послѣднимъ обязанностей, т. е. при пріемѣ больныхъ, особенно характерно.

На судѣ они высказали намѣреніе помириться, но *мировой* судья этого не допустилъ: какъ такъ? обругать „должностное" лицо и не быть за это наказаннымъ?!

— А и вышло-то все изъ-за какихъ-то 30-ти копѣекъ!—заявилъ при разбирательствѣ другой фельдшеръ, г. Рубацкій.

По дѣлу Костерина о нарушеніи общественной тишины и спокойствія единственнымъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія является ночной сторожъ, шестнадцатилѣтній мальчикъ. „Нарушеніе тишины" состояло въ томъ, что Костеринъ ночью пѣлъ, аккомпанируя на балалайкѣ.

Допросъ и этого обвиняемаго велся г. Сливакомъ по принятой разъ навсегда схемѣ: „сознавайтесь", „доказано", „допрошу свидѣтелей, такъ хуже будетъ" и т. д.

Десятскіе заявляютъ, что при нихъ Костеринъ не шумѣлъ; Кольчинскій твердитъ:—Нѣтъ, онъ пѣлъ громко!—А мальчикъ-обходной просто ужъ:—Да, пѣлъ.

И нетерпѣливый мировой судья произноситъ съ укоризною въ голосѣ, обращаясь къ подсудимому:

— Ну къ чему же вы все это завели?

Т. е., зачѣмъ онъ заставилъ его продѣлать столь нелюбимую имъ процедуру допроса свидѣтелей. Обезкураженный окриками, Костеринъ только успѣлъ пробормотать:

— Праздникъ былъ... огни горѣли... я пѣлъ съ балалайкой...

Костеринъ, идя на судьбище, запасся выпискою изъ „Сборника кассаціонныхъ рѣшеній" Таганцева по дѣлу Арефьева, судившагося въ 1899 г. въ красноярскомъ окружномъ судѣ, гдѣ значится, что „самовольной отлучкою административно ссыльнаго, подходящей подъ 63 ст. уст. наказ., налаг. мировыми судьями, не слѣдуетъ считать передвиженіе ссыльнаго не только въ предѣлахъ волости, но и всего стана". Но оправданіе Арефьева Костерину не помогло: быстрота натиска г. Сливака сбила обвиняемаго съ толку, оборвала нить его мыслей, и выписка осталась неиспользованной. Потомъ, въ

частной бесѣдѣ, г. Сливакъ ему сказалъ: —„Почему же вы не защищались? Сами и виноваты, что не показали сразу кассаціоннаго рѣшенія по дѣлу Арефьева. Вы въ первый разъ были на судѣ? Ну, это и видно".

Очень многіе судятся „въ первый разъ", даже большинство, и почти всѣ растерываются отъ непріятной роли обвиняемаго. Если же съ ними обращаться такъ, какъ обращается г. Сливакъ (напр., „я вѣдь съ вами не по-турецки говорю"), то очень мало будетъ выходить изъ камеры оправданныхъ.

Какъ врачу и педагогу (онъ, дѣйствительно, врачъ и преподаватель), ему должно быть извѣстно, сколь угнетающе дѣйствуютъ „окрики" на психику вообще, подсудимыхъ же въ частности. А какъ мировому судьѣ, ему не слѣдуетъ забывать, что допросъ свидѣтелей—его обязанность и ссылка на нихъ—право подсудимыхъ.

Мягкость наказаній, налагаемыхъ г. Сливакомъ, во всякомъ случаѣ не можетъ искупить ихъ несправедливости...

Сибирскія письма.

Омскъ (*Полицеймейстеръ Бутлеръ и трактирщикъ Малаховъ*). Любопытную картинную галлерею типовъ можно было бы составить изъ разнаго начальства сибирской окраины. Какъ солнце въ малой каплѣ водъ, отразилась бы въ этой галлереѣ вся жизнь современнаго обывателя во всѣхъ отросляхъ его дѣятельности. Ужъ какъ онъ ни старается, никакъ угодить не можетъ! Взять хотя бы содержателя „Европейской гостинницы" въ г. Омскѣ, Павла Александровича Малахова, и нашего полицеймейстера Бутлера. Г. Малаховъ въ своей жалобѣ на имя степного генералъ-губернатора пишетъ: „Идя на встрѣчу современнымъ требованіямъ публики, я безкорыстно желалъ составить о себѣ хорошее мнѣніе общества" и... чтобы торговать въ своемъ ресторанѣ до трехъ часовъ ночи и замашивать къ себѣ публику трактирными пѣвицами и танцовщицами,—онъ „выбралъ торговыхъ свидѣтельствъ и документовъ 1-го разряда на 4.000 рублей"... Вдругъ г. полицеймейстеръ сталъ ему поперекъ дороги и добился, что г. Малахову разрѣшили торговать только до двухъ часовъ ночи, когда другіе рестораны торгуютъ до

трехъ, и усилили эту кару еще запрещеніемъ развлекать публику пѣвицами и танцовщицами.

За что же свалились такія напасти на голову г. Малахова? А вотъ за что:

24 января текущаго года, около 10 часовъ вечера, въ ресторанъ явился Бутлеръ „въ весьма нетрезвомъ видѣ и безъ шашки, въ сопровожденіи двухъ приставовъ, своей сожительницы еврейки Лёли, принявшей впослѣдствіи (?) православіе, и еще одной непзвѣстной дамы, и потребовалъ напитки". При этомъ поведеніе начальства было довольно шумное, обращавшее на себя вниманіе остальной публики.

Кутежъ тянулся до двухъ часовъ ночи, когда для предупрежденія публики о скоромъ закрытіи ресторана потушили въ залѣ главную люстру. Полицеймейстеръ вознегодовалъ на это и потребовалъ, чтобы люстру снова зажгли и подали ему опять „напитковъ". Изъ подражанія начальству, потребовала напитковъ и публика. Но что можно полицейскому чину, то безусловно нельзя другимъ гостямъ трактира: Бутлеръ „приказалъ немедленно прекратить торговлю и *самъ лично* сталъ тушить огни и изгонять публику изъ ресторана"... Но „благодаря нетрезвости своего состоянія,—добавляетъ Павелъ Александровичъ, - не могъ согласоваться съ дѣйствительностью, и у него произошли столкновенія"... съ штабсъ-капитаномъ Михайловскимъ, чиновникомъ Степановымъ, адъютантомъ Ножинымъ.

Вотъ это-то сложное приключеніе или, вѣрнѣе, похожденіе полицеймейстера Бутлера и послужило причиной кары, постигшей г. Малахова.

Горько жалуется онъ на убыточное распоряженіе начальства, увѣряя, что если поздняя торговля въ трактирѣ и бывала, „то только тогда, когда г. полицеймейстеръ самъ производилъ кутежи въ обществѣ шансонетныхъ пѣвицъ, просиживая до утра, пока ему не нужно было ѣхать съ утреннимъ рапортомъ". Ставить же это въ вину содержателю „Европейской гостиницы" нельзя, потому что,—какъ онъ справедливо замѣчаетъ: „это происходило по приказу Бутлера, коему я, по своему зависимому положенію не могъ не подчиняться".

Для большей убѣдительности жалобы г. Малаховъ сообщаетъ генералъ-губернатору о другихъ грѣхахъ и упу-

щеніяхъ полицеймейстера Бутлера, и въ особенности о тягчайшемъ преступленіи по нынѣшнему времени: оказывается, „г. полицеймейстеръ покровительствовалъ евреямъ, не имѣющимъ права жительства внѣ черты еврейской осѣдлости“ Малаховъ раскрываетъ артистическіе псевдонимы разныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ и нагоняетъ ужасъ на степного генералъ-губернатора именами; Вулахъ, Коганъ, Кацъ и пр.

Надо думать, что изъ всѣхъ грѣховъ г. Бутлера этотъ послѣдній можетъ, чего добраго, рѣшить его судьбу. Но выиграетъ-ли отъ этого г. Малаховъ, увѣряющій, что порядочность его поведенія „установлена путемъ наведенія справокъ и сборомъ о немъ свѣдѣній при самомъ разрѣшеніи къ открытію ресторановъ“, это—большой вопросъ. Рвеніе, а особенно полицейское, сплошь и рядомъ находитъ себѣ оправданіе и поощреніе въ глазахъ начальства, такъ что, пожалуй, г. Малаховъ напрасно усердствуетъ. Онъ сообщаетъ, что г. полицеймейстеръ въ загородномъ лѣтнемъ саду „своими оргіями неоднократно заслуживалъ даже аплодисменты со стороны запоздавшей публики“... Ну какъ, и на этотъ разъ, въ концѣ концовъ, раздадутся тоже аплодисменты?..

Томскъ (*Гоненіе на евреевъ*). Неизвѣстно, чѣмъ вызванное, но въ настоящее время въ Томскѣ, въ управленіе губерніей тайнаго совѣтника Извѣкова, замѣчается несомнѣнно усиленное гоненіе на евреевъ. Высылаются изъ Томска евреи, прожившіе въ немъ 6, 10, 15 и даже 25 лѣтъ. Конечно, евреи, захваченные врасплохъ, пишутъ слезницы губернатору, но ничто не помогаетъ. Говорятъ, правая рука губернатора, совѣтникъ Еремѣевъ, прямо заявилъ нѣкоторымъ изъ этихъ просителей, что „у меня-де въ Томскѣ никого изъ евреевъ не останется, кромѣ мѣстныхъ мѣщанъ“. На сколько справедливъ этотъ слухъ—неизвѣстно, но онъ весьма характеренъ: въ немъ явно сквозитъ и брыжжитъ вся полнота власти, даже нѣкоторое ею упоеніе. И съ евреями не церемонятся: представилъ еврей паспортъ для прописки,—паспортъ отбираютъ, и полиція предлагаетъ выѣхать изъ города въ трехъ, семидневный и много-много двухъ-недѣльный срокъ. Пусть высылаемые имѣютъ прочное хозяйство или какое-нибудь дѣло, торговлю, мастерскую и т. д., съ этимъ

мало считаются, хотя скоропалительная ликвидація имущества или предпріятія влечетъ за собой почти разореніе.

Чѣмъ вызвано это выселеніе, повторяю, неизвѣстно, но, очевидно, послѣдовало нѣкоторое вполнѣ опредѣленное распоряженіе изъ центра. Объ этомъ можно судить потому, что иногда при объявленіи о выѣздѣ соблюдается нѣкоторый своего рода decorum, т. е. указываются законы, разъясненія сената, циркуляры, при чемъ во всѣхъ толкованіяхъ ясно проводится твердо ограничительная тенденція.

Основой гоненія на евреевъ служитъ параграфъ 11-й приложенія къ статьѣ 68 уст. о пасп., изд. 1903 года, гдѣ говорится: „Пріѣздъ и водвореніе въ Сибири евреямъ воспрещается“... Съ точки зрѣнія этого параграфа и „разъясняются“ въ настоящее время всѣ законы, которые прежде, казалось, представлялись совершенно ясными. Такъ, какъ извѣстно, 25 іюля 1867 года еще былъ изданъ законъ, согласно которому евреямъ — нижнимъ чинамъ прежняго рекрутскаго набора и ихъ потомкамъ предоставлено право на *повсемѣстное* проживаніе, и до послѣдняго времени многострадальные „николаевскіе“ солдаты-евреи со своими семействами спокойно проживали въ Сибири, будучи твердо увѣрены, что купленное дорогою цѣною право на повсемѣстное жительство, а въ томъ числѣ и въ Сибири, не можетъ быть у нихъ отнято.

Однако оказалось какое-то „послѣднее“ разъясненіе министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ говорится, что хотя законъ 1867 г. и предоставляетъ евреямъ право на повсемѣстное жительство, но на Сибирь не распространяется... Судя по этому разъясненію, можно подумать, что законъ 25 іюля 1867 года потому не имѣлъ въ виду Сибирь, что она до этого момента и не входила въ составъ Россійской Имперіи, что Ермакъ, это—мифъ, и празднованіе трехсотлѣтія Сибири—одно недоразумѣніе, а что на самомъ дѣлѣ Сибирь „аннексирована“ только въ настоящемъ году въ родѣ того, какъ Японіей Корея.

Затѣмъ, существуетъ совершенно ясный законъ, параграфъ 17-й прилож. къ ст. 68 уст. о пасп., изд. 1903 г., который евреямъ-ремесленникамъ также предоставляетъ право на повсемѣстное проживаніе. Но и тутъ разыскано какое-то разъясненіе сената, изложенное въ указѣ на имя иркутскаго

генералъ-губернатора отъ 30 октября 1901 г. за № 9627, и трактующее Сибирь также съ точки зрѣнія аннексіи въ этомъ году.

Намъ понятны еще строгости и, быть можетъ, даже жестокости, которыя чинитъ Японія надъ покоренной только что страной, но сравнивать Сибирь съ Кореей—болѣе чѣмъ странно. *Славяновъ.*

Красноярскъ (*По поводу сенаторскихъ ревизій*). По Сибири работаютъ сенаторы Глищинскій и Медемъ. Оба сенатора со своими обширными канцеляріями, не покладая рукъ, ищутъ и ловятъ взяточниковъ и казнокрадовъ и стараются очистить и привести въ порядокъ Авгіевы конюшни, называемыя интендантскимъ и желѣзно-дорожнымъ вѣдомствами. Все это сопровождается обильными обысками, выемками и арестами съ преданіемъ и безъ преданія суду. Какъ фонъ всей этой очистительной работы, кое-гдѣ пожары складовъ, документовъ, кое-гдѣ самоубійства, бѣгство и пр.

Для новаго и непривычнаго человѣка вся эта грандіозная эпопея сенаторскихъ ревизій, обнажившая истинную изнанку обычной чиновничьей формулы: „все обстоитъ благополучно“, казалось бы, должна была всколыхнуть общественное сознаніе, сосредоточить на себѣ общее вниманіе и привести въ ужасъ отъ тѣхъ ископи установившихся „истинно бытовыхъ“ нашихъ условій, которыя ведутъ къ этимъ гомерическимъ хищеніямъ.

Такъ это и должно было быть гдѣ нибудь въ другой странѣ, но не у насъ, въ Россіи, а особенно въ Сибири.

Сибирь—страна прославленаго хищничества, самодурства, „страна курьезовъ и анекдотовъ“. Со временъ Сперанскаго она была такой и мало измѣнилась къ лучшему.

Послѣдніе годы генералъ-губернаторства Селиванова и компадурства такихъ лихихъ администраторовъ, какъ енисейскій Гиресъ, томскій Нолькенъ, якутскій Крафтъ, тобольскій Гагенъ, — здѣсь въ Сибири ничего не измѣнилось къ лучшему, а, наоборотъ, все приняло худшую окраску.

Обыватель хорошо видѣлъ и зналъ всю эту беззастѣнчивую оргію хищеній, взяточничества, произвола, жестокости и пр. Вся кампанія интендантскихъ подвиговъ тыла прошла передъ его глазами. Онъ видѣлъ и зналъ, какъ лихо воруютъ, какъ открыто берутъ взятки; онъ называлъ фамиліи

и имена и примирился съ тѣмъ, что противъ установившихся исконныхъ порядковъ ничего не подѣлаешь. Противъ рожна не попрешь.

Выдающіеся факты были у всѣхъ на устахъ, всѣ говорили о нихъ открыто, но мѣстныя газеты молчали, ротъ ихъ былъ закрытъ штрафами, ссылкой редакторовъ и пр.

Наприм., въ Красноярскѣ Селивановъ сослалъ подъ рядъ трехъ редакторовъ мѣстной кадетской газеты, закрылъ типографію и предалъ еще двоихъ суду.

При такихъ условіяхъ, имѣя селивановскую узду и нагайку, трудно ожидать общественнаго протеста и гласности.

Съ другой стороны, хищники всякаго рода чувствуютъ себя здѣсь, какъ за каменной стѣной, и открыто и безъ стѣсненія воруютъ.

Наприм., при губернаторѣ Гирсѣ оргія взяточничества свила себѣ прочное гнѣздо въ Красноярскѣ. Всѣ въ городѣ знали, кто беретъ, сколько и черезъ кого. Знали роль Блица, Грушки, Копонова и др. Но всѣ молчали, прятались и только шушукались у себя дома при запертыхъ ставняхъ и потушенныхъ огняхъ.

Надо было возгорѣться ссорѣ между двумя соперничавшими въ хищничествѣ вѣдомствами, чтобы выплыли на свѣтъ Божій векселя Гирса и обнажилась вся атмосфера, въ которой работалъ этотъ администраторъ.

Въ общественномъ собраніи можно было видѣть ежедневно гг. интендантовъ, хранителей желѣзнодорожныхъ матеріальныхъ складовъ и др., которые ночи проспиживали за макашкой, оперировали за карточнымъ столомъ тысячами, и все открыто и при всѣхъ, когда всѣмъ извѣстно, какое скромное жалованіе и оклады получаютъ эти господа.

Всѣ знали, на какія деньги играютъ гг. интенданты и желѣзнодорожники.

Грандіозными памятниками періода хищеній въ тылу въ періодъ японской войны у насъ, въ Красноярскѣ навсегда останутся двухъ и трехъ-этажные дома, украшающіе теперь главныя улицы города. Всѣ эти роскошныя постройки принадлежатъ лицамъ, тѣмъ или инымъ образомъ прикосновеннымъ къ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ.

И не мудрено. Извѣстны случаи, когда тутъ же въ залѣ

торговъ передавались взятые подряды въ другія руки и получались грандіозныя суммы за передачу.

Достаточно было открыться строптельству винныхъ монополій—и подрядчики теперь считаются въ тысячахъ и строятъ свои трехъ-этажные дома.

И такъ было, такъ и будетъ. Сенаторскія ревизіи не измѣнятъ ничего. Вмѣсто однихъ хищниковъ, займутъ мѣста новые хищники.

И все это будетъ повторяться до тѣхъ поръ, какъ сказка про бѣлаго бычка, пока общій строй нашей жизни не измѣнится радикально къ лучшему.

Темнота, отсутствіе гласности, бюрократическій произволъ и безотвѣтственность, подавленіе общественной самодѣятельности—все это, какъ навозные парники для разсады,—чудная среда для пышнаго роста казнокрадства, хищничества и взяточничества. И гг. сенаторы тутъ ничего не подѣлаютъ.

Очерки сибирской жизни.

Картежная игра въ Сибири всегда процвѣтала: по „сотой“, „двухсотой“, просто „такъ“—на одинъ „мѣлокъ“, съ двумя-тремя „входящими“ или даже съ „болваномъ“—почтенные отцы и матери семействъ „винтили“ почти на-пролетъ, если не по двое сутокъ къ ряду.

Всегда же, конечно, одновременно съ преферансомъ, „винтомъ“ и копѣечными проигрышами существовали какіе-нибудь „стуколки“, „мушки“, „банчишки“, „желѣзки“, за которыми люди спускали сотни и тысячи рублей.

Не особенной рѣдкостью бывало также появленіе въ городахъ шулеровъ, то „доморощенныхъ“, то шулеровъ-гастролеровъ. Но успѣхи ихъ оказывались обыкновенно эфемерными: послѣ трехъ-четырехъ „сеансовъ“ игра заканчивалась „бакенбардами“ или „подсвѣчникомъ“, и „артистъ“ перекочевывалъ въ другое мѣсто.

Теперь не то. Теперь шулера спокойно могутъ обзаводиться женой, дѣтьми, квартирой. Даже не потому, чтобы ихъ „пріемы“ стали тоньше, неуловимѣе,—вовсе нѣтъ: шулерство,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ,—сдѣлалось почти что признанной профессіей.

Раскройте, напримѣръ, № 209 „Уссурійской Окраины“,

и вы прочтете, что совѣтъ старшинъ одного владивостокскаго собранія „вошелъ въ соглашеніе со спеціалистами-шулерами“. Такихъ „спеціалистовъ“, по словамъ газеты, у совѣта трое и, чтобы болѣе или менѣе замаскировать плутовство, они чередуются. Пропускъ „въ секретныя игорныя комнаты“ они получили благодаря рекомендаціи старшинъ, за что и дѣлятся съ ними „барышами“.

Въ № 212 той же „Уссурійской Окраины“ имѣется уже цѣлыхъ двѣ замѣтки о шулерской игрѣ въ самомъ Никольскъ-Уссурійскѣ (гдѣ выходитъ эта газета).

„Наконецъ-то,—начинается одна изъ нихъ,—дошло до свѣдѣнія военнаго губернатора о безпрерывной азартной игрѣ въ Соединенномъ собраніи, какъ извѣстно, игрѣ шулерской“. Но изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ, что губернаторское предупрежденіе о закрытіи собранія въ случаѣ обнаруженія азартныхъ игръ лишь усилило предосторожности: послѣ него стали пускать „въ игорные аппартаменты только при хорошей рекомендаціи, установлены секретные звонки и т. д.“.

Вторая замѣтка озаглавлена: „За диффамацію“. Въ ней сообщается, что редакторъ этой газеты, вызывавшійся въ камеру судебнаго слѣдователя „для примирительнаго разбирательства“ по дѣлу съ совѣтомъ старшинъ Общественнаго собранія, не явился. Хотя „Уссурійская Окраина“ обвиняла ихъ въ допущеніи шулерской игры, но привлечь ее по 1535 статьѣ, т. е. за клевету, старшины сочли для себя неудобнымъ: при 1535 статьѣ можно доказывать фактъ свидѣтельскими показаніями, при 1039—объ оглашеніи „позорящихъ обстоятельствъ“ доказывать нечего: тутъ человѣкъ просто расписывается въ своемъ позорѣ, получая взамѣнъ право мести.

Мы не совсѣмъ увѣрены, что въ данномъ случаѣ „соединенное“ и „общественное“—два различныхъ учрежденія: оба названія могутъ относиться къ одному и тому же. Но это дѣла не мѣняетъ: и одинъ игорный домъ имѣть городу совершенно излишне. Впрочемъ, если вспомнить, что въ Никольскъ-Уссурійскѣ подвизался г. Тауцъ, то нечему будетъ удивляться, окажись ихъ тамъ даже десятокъ. Его „традиціи“ даютъ вѣдь себя знать и до сихъ поръ: еще всего 24 сентября, какъ передавала та же мѣстная газета (№ 208),

полицейскій надзиратель Новицкій, сдавая, по случаю своего увольненія, дѣла приставу, „на глазахъ присутствующей публики“, положилъ его расписку въ карманъ, не уплативъ денегъ, стоявшихъ въ описи. Когда приставъ, „вскочивъ, какъ ужаленный, вскрикнулъ: „А деньги?!“—г. Новицкій „похлопалъ по боковому карману и цинично отвѣтилъ: „У меня имѣется ваша расписка“...

Любопытно, что его уволили, между прочимъ, въ виду отдачи подъ судъ за покровительство владивостокскимъ тайнымъ „банковкамъ“ и опіекурильнямъ. Покровительство это, разумѣется, далеко было не безкорыстное, о чемъ краснорѣчиво говорятъ четыре дома во Владивостокѣ и пятый въ Никольскъ-Уссурійскѣ, нажитые за $4^1/_2$ года службы въ общей сложности. Но, благодаря, вѣроятно, тому, что допросъ свидѣтелей-китайцевъ велся на судѣ черезъ переводчиковъ, г. Новицкій попалъ въ число оправданныхъ.

А теперь, послѣ „экспропріаціи“ у сослуживца, выйти сухимъ изъ воды ему будетъ, пожалуй, ужъ потруднѣе.

Бывшій иркутскій околоточный надзиратель Василенко, приговоренный къ арестантскимъ ротамъ, послѣ отказа на прошеніе о помилованіи, бѣжалъ изъ города и черезъ недѣлю очутился въ Барнаульскомъ уѣздѣ, устроившись, по чьей-то рекомендаціи, стражникомъ при сборщикѣ казенныхъ винныхъ лавокъ, г. Лачигинѣ. Однако, служба эта была непродолжительна: въ первую же поѣздку, г. Лачигинъ едва успѣлъ отстрѣляться и ускакать отъ своего тѣлохранителя, который вмѣстѣ съ грабителями пытался его обезоружить.

Не Богъ знаетъ на какую защиту должны разсчитывать сибирскіе обыватели и со стороны полицейскихъ, не состоящихъ даже атаманами разбойничьихъ шаекъ.

Перваго октября, какъ разсказываетъ „Омскій Вѣстникъ“, многочисленная публика на омской пристани Русско-Китайскаго товарищества была свидѣтельницею избіенія одного молодого человѣка переселенческимъ чиновникомъ Ч., при содѣйствіи помощника пристава. Недоразумѣніе возникло, собственно, съ пароходной администраціей—изъ-за оплаченнаго, но не полученнаго мѣста. Вмѣшавшись почему-то въ разговоръ, переселенческій чиновникъ, „ударомъ въ грудь“,

сшибъ съ ногъ молодого человѣка и принялся „тузить“ его, а пока онъ „тузилъ“, помощникъ пристава держалъ за руки. Вдругъ оказывается, что избиваемый — „горный инженеръ, ученый палеонтологъ, командированный для научныхъ изслѣдованій въ Сибирь отъ академіи наукъ“.—„Простите, я думалъ, вы—студентъ“,—говоритъ тогда полицейскій чинъ, искренно полагая, очевидно, что „студентовъ“ бить разрѣшается...

„Подлости нашего времени“, по опредѣленію „Сибирской Жизни“, не выдержалъ даже помощникъ тюремнаго инспектора, Савицкій.

О самоубійствѣ его сообщалось еще лѣтомъ, но въ этихъ сообщеніяхъ мотивы оставались неясны, хотя и приводилось содержаніе оставленнаго имъ письма.

Карьеристъ, „всегда прислушивающійся къ велѣніямъ верховъ“, „относительно жестокій человѣкъ“, Савицкій, съ переходомъ въ тюремное вѣдомство, быстро пошелъ въ гору: началъ съ простыхъ писцовъ, а кончилъ помощникомъ тюремнаго инспектора. И кончилъ добровольно, не захотѣвъ стать взяточникомъ. Нынѣшней весной его назначили завѣдующимъ каторжными работами на Амурской дорогѣ, гдѣ онъ „сразу же столкнулся съ предложеніемъ одного вліятельнаго лица - дѣлить между собою казенныя деньги“. Отказъ Савицкаго, какъ теперь можно судить по тогдашнимъ сообщеніямъ другихъ газетъ, повлекъ за собою задержку въ выдачѣ ассигновокъ, присылкѣ продовольствія и пр.

Положеніе получилось не изъ завидныхъ: человѣкъ онъ былъ, конечно, нелюбимый арестантами, и всякій недочетъ въ питаніи ставился, вѣроятно, ему въ вину. Не видя для себя выхода, Савицкій застрѣлился, „оставивъ безъ средствъ жену и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей“.

Это довольно рѣдкая эпитафія для служившихъ по тюремному вѣдомству...

Постройка Амурской дороги вообще отмѣчена суровой судьбой, чего только тамъ не было? Въ данный моментъ администрація ея опять въ тревогѣ: 600 рабочихъ, оставшись подъ открытымъ небомъ, по словамъ „Сибирскихъ Отголосковъ“, на ст. Стрѣтенскъ „для костровъ разбираютъ казенные сараи и службы“. Несомнѣнное преступленіе, только вопросъ: чье? Людей привезли, забросили и будутъ

судить за то, что они не согласились замерзнуть, какъ стадо барановъ...

Даже тамъ, гдѣ есть полная возможность отправить ихъ дальше, имъ приходится сидѣть и ждать. Напримѣръ, на недостатокъ мѣстъ въ поѣздѣ № 11 Забайкальской дороги указываетъ „Восточная Заря“: въ Иркутскѣ отъ № 11 ежедневно остается до 300 человѣкъ, за уменьшеніемъ состава поѣздовъ, хотя теперь-то именно усиленный разъѣздъ рабочихъ съ билетами прямого сообщенія 4-го класса. Въ Омскѣ къ нимъ присоединяются еще переселенцы-обратники, и „въ вагонахъ отъ тѣсноты нельзя даже сидѣть“. Многіе изъ пассажировъ, — пишетъ „Омскій Телеграфъ“,—ѣдутъ, стоя по суткамъ и болѣе“, за невозможностью присѣсть даже на полу. На просьбы „прицѣпить вагонъ, начальство „чертыхается лишь, и только“. За-то, какъ сообщаетъ въ № 226 та же „Восточная Заря“, 2 октября по линіи всей Сибирской дороги разослана „важная служебная телеграмма“, сообщающая, что „со скорымъ поѣздомъ № 2, въ особомъ вагонѣ международнаго общества II класса, прослѣдуетъ“ „артистка Вяльцева, сопровождаемая нѣсколькими лицами“.

Желѣзнодорожнымъ телеграфистамъ строжайше воспрещено, подъ угрозой вычетовъ изъ жалованья, переговариваться по своимъ надобностямъ съ сосѣдними станціями, а загромождать телеграфъ особою г-жи Вяльцевой можно. На то вѣдь оно и „управленіе“.

Желѣзнодорожное вѣдомство не могло, конечно, остаться въ сторонѣ отъ современныхъ теченій, въ результатѣ чего явился циркуляръ главнаго управленія, рекомендующій, въ числѣ прочихъ, и Сибирской дорогѣ заботиться созданіемъ среди служащихъ, а также членовъ ихъ семействъ, „всякаго рода организацій, какъ-то: обществъ, кружковъ, пѣвческихъ, гимнастическихъ, спортивныхъ и т. д.“.

„Интересно знать,—спрашиваютъ „Сибирскіе Отголоски“, - какъ будетъ проведенъ въ жизнь этотъ циркуляръ?“

А зачѣмъ его и проводить? Мало-ли что существуетъ „на бумагѣ“? Также будутъ существовать и гимнастическія желѣзнодорожныя общества. Напримѣръ, для господъ стрѣлочниковъ или машинистовъ, не слѣзающихъ по 24 часа въ сутки съ паровоза. Впрочемъ, этотъ разрядъ служащихъ, можетъ быть, исключается циркуляромъ. Но недуренъ будетъ

и помощникъ начальника станціи, бѣгающій по платформѣ съ мандолиною, или конторская барышня, вокализирующая въ тактъ постукиванью „Ундервуда“. Прямо идиллическая картина!

Особенные успѣхи въ жизни по циркуляру ждутъ владивостокскихъ депутатовъ. Не тѣхъ, понятно, что засѣдали въ „республиканскихъ совѣтахъ“ 1905 г., а „почетныхъ“, назначаемыхъ для присутствованія при выемкѣ изъ вагоновъ желѣзнодорожныхъ пакетовъ съ дневной выручкой мелкихъ станцій и для провѣрки ея.

Въ Харбинѣ, гдѣ правомъ на „почетъ“ (оно дается окладомъ не менѣе, какъ въ 900 руб.) пользуются около 800 человѣкъ, такъ что тягота его не замѣтна. Во Владивостокѣ же, несмотря на „уступку“ (уже при окладѣ до 720 руб.), наскребли всего на-всего 22 депутата. Откидывая въ мѣсяцъ хотьдвухъ на больныхъ, мы получимъ дежурство черезъ каждые 20 сутокъ. Но служащіе Уссурійской линіи не получаютъ ни казенныхъ квартиръ, ни квартирныхъ денегъ и живутъ, поэтому, по окраинамъ города. Такъ какъ поѣзда со станціонной выручкой прибываютъ въ 7 ч. утра, а депутатъ, согласно инструкціи, долженъ являться за часъ до прихода поѣзда, то, по разсчету „Желѣзнодорожной Жизни на Дальнемъ Востокѣ“ (№№ 36 — 37), несчастный депутатъ долженъ выйти изъ дому, по крайней мѣрѣ, въ 5 часовъ. Со введеніемъ же зимняго расписанія, когда поѣздъ съ выручкой будетъ приходить въ часъ ночи, депутату „надлежитъ выйти изъ дому не позже 11 ч. ночи“. Но, прибавляетъ авторъ замѣтки, —„это только легко сказать: „выйти“, потому что „идти ночью изъ какой-нибудь Куперовской пади или Рабочей слободки, значитъ, идти на вѣрную смерть, или, самое меньшее—обрекать себя на ограбленіе“. Что это не преувеличеніе, приводятся въ доказательство правила для извозчиковъ, изданныя владивостокской городской управою: въ нихъ прямо сказано, что извозчики ни въ одну изъ окраинъ ночью ѣздить не обязаны, а потому не установлена и такса.

Ну, вотъ, чтобы сохранить свою жизнь или кошелекъ, владивостокскіе „депутаты“ и могутъ, дежуря круглыя сутки на станціи, заниматься гимнастическими упражненіями. Послѣднія особенно пригодятся, если, напр., вокзалъ окажется уже запертъ или въ Голубиной пади нападутъ разбойники.

Но владивостокскимъ депутатамъ, конечно, не до шутокъ: они съ удовольствіемъ бы отказались отъ такого „почета", особенно женщины...

Сибирская ревизія почти что кончилась, а отголоски ея все еще звучатъ.

Такъ, сенаторомъ Глазунскимъ установлено, по словамъ „Современнаго Слова", что съ поставщика инженера П. Г. Михайловскаго интендантами тыла была получена взятка въ 200 тысячъ рублей. А „Земщина" передаетъ, будто, по прибытіи въ Петербургъ, сенаторъ намѣренъ ходатайствовать о продленіи ревизіи съ расширеніемъ своихъ полномочій, въ виду многомилліонныхъ убытковъ казны въ Приамурскомъ краѣ.—По дорогѣ ему пытались, разумѣется, подпустить „краснаго пѣтушка", только неудачно: подъ Иманомъ какъ разъ загорѣлась крыша того самаго вагона, гдѣ находились бумаги и дѣла, относившіяся къ ревизіи, но огонь былъ скоро потушенъ.

Графъ Медемъ тоже, вѣроятно, найдетъ нужнымъ продолжить очистку сибирскихъ дорогъ. По крайней мѣрѣ, „Русскому Слову" уже телеграфировали, что въ бесѣдѣ съ однимъ изъ чиновъ, близко стоящихъ къ ревизіи, онъ заявилъ: на станціи Красноярскъ столько открыто злоупотребленій, мошенничествъ и кражъ, что, для детальной разработки ихъ, потребуется спеціальное разслѣдованіе. По сообщенію „Красноярскаго Вѣстника" (№ 192), напр., сенаторской ревизіей установлена причастность желѣзнодорожныхъ служащихъ къ кражѣ 600 пудовъ серебра, на сумму 400 слишкомъ тысячъ рублей, произведенной въ 1906 г. между станціями Иркутскъ—Канскъ.

Не очень пріятныя открытія дѣлаютъ также ревизоры городскихъ учрежденій Сибири.

Думская коммиссія по провѣркѣ дѣятельности и отчетовъ иркутскаго городского ломбарда за 1908—1909 г.г., между прочимъ, вотъ что констатировала.

1) Драгоцѣнныя вещи, стоимостью на сотни тысячъ рублей, хранились въ открытыхъ деревянныхъ ящикахъ и комодахъ безъ замковъ. 2) Нѣкоторые кліенты ломбарда почему-то пользовались особенными симпатіями пріемщиковъ, благодаря чему получили за вещь, стоющую 2 руб.,—50 руб. Одинъ изъ такихъ любимцевъ заложилъ 77 вещей, на сумму

2898 руб., при чемъ 49 его залоговъ, оцѣненные ломбардомъ въ 2107 руб., по заявленію постороннихъ экспертовъ, стоили всего 572 руб. Большая ихъ часть осталась за ломбардомъ.

Дальше ужъ мы перечислять не станемъ, потому что, по регистраціи „Восточной Зари“, остается еще четыре длиннѣйшихъ пункта. Отмѣтимъ только, что деньги ломбарда хранились „въ нижнемъ ящикѣ деревяннаго комода“, а служащіе закладывали всякое барахло, получая подъ него крупныя ссуды. Такъ, пѣкая г-жа Серебренникова за корзину, съ книгами, среди которыхъ находились безплатныя приложенія къ „Нивѣ“, путеводители, прейсъ-куранты и т. п., получила 247 руб. 68 коп. Ревизіонная же коммиссія оцѣнила ее со всѣмъ содержимымъ—въ 5 руб.

Въ томъ же родѣ оказывалось „обезпеченіе“ ссудъ остальныхъ ломбардныхъ дамъ и кавалеровъ. Въ залоговой квитанціи значится, напр., „слоновой кости“, „брилліантъ“, въ дѣйствительности—копѣечная имитація, стеклушка; у часовъ, вмѣсто золотой или серебряной крышекъ, одна почему-то превращалась въ мѣдную и пр., и пр., до выдачи обратно залоговъ безъ возврата ссуды.

Безпорядковъ другого сорта въ ломбардѣ тоже не оберешься.

Не лучше и въ другихъ мѣстахъ.

Такъ, якутское городское управленіе, „идя на-встрѣчу“ нуждающимся жителямъ, открыло торговлю керосиномъ. Но, какъ оказалось на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій думы, керосиновый городской бакъ далъ за минувшій годъ „утечку“ въ 242 пуда. Если взять нормальную для Якутска цѣну—5 руб. за пудъ, то убытокъ равняется 1,110 рублямъ. Интересно, говоритъ „Сибирь“,—„въ чьи фляги „вытекаетъ“ злополучный керосинъ?“

„Потрясающее впечатлѣніе“ на томскую думу произвелъ докладъ врача И. В. Соколова по ревизіи городской аптеки.—„Это отвальное мѣсто!“—воскликнулъ одинъ изъ гласныхъ.—„Это какой-то гнойникъ, нарывъ!“ — заявлялъ другой.—„Да вѣдь послѣ такого доклада никто изъ нея не будетъ брать лѣкарствъ!“ — ужасался третій („Сибирская Жизнь“, № 224).

Но опять-таки... всего не перечесть, что было, есть и будетъ въ городскихъ учрежденіяхъ. До тѣхъ поръ, пока

будутъ хозяйничать въ нихъ люди, совершенно равнодушные къ благу согражданъ и разумному употребленію общественныхъ денегъ.

Л. К.

Нотаріусъ Гергардтъ и его жертвы.

Въ 1908 г. нотаріусъ тобольскаго окружнаго суда, Фердинандъ Карловичъ Гергардтъ, запродалъ, при посредствѣ своего агента, двумъ переселенцамъизъ Могилевской губ. Николаю Тимофееву Стасенкову и Павлу Васильеву Потапкову участокъ земли, находящійся въ Тобольскомъ уѣздѣ, Карачинской волости, въ количествѣ 333 десятинъ, за три тысячи рублей. Тысяча рублей была получена Гергардтомъ при подписаніи запродажной записи, 4 августа 1908 г., а остальную сумму покупатели обязались уплатить не позже 1 января 1909 г., съ условіемъ, чтобы купчая крѣпость была совершена въ теченіе одного года, со дня продажи. Того же 4-го августа почетный гражданинъ Фердинандъ Карловичъ Гергардтъ выдалъ Стасенкову и Потапкову обязательство, что онъ предоставляетъ имъ на правахъ собственниковъ распоряжаться участкомъ „по ихъ усмотрѣнію, т. е. рубить лѣсъ, косить сѣно, сѣять хлѣбъ,—словомъ, никакихъ претензій въ этомъ отношеніи къ покупщикамъ не имѣетъ, въ чемъ и подписуется".

Словомъ, все идетъ какъ слѣдуетъ: по закону составлена запродажная запись, дано за подписью и печатью почетнаго гражданина и нотаріуса обязательство, и проданный участокъ ждетъ своихъ владѣльцевъ, такъ какъ вся сдѣлка совершается по перепискѣ. Въ качествѣ нотаріуса, естественно, составленіе купчей беретъ на себя Ф. К. Гергардтъ. Но дѣло у него почему-то не спорится. И, вотъ, уже 13 сентября, слѣдовательно, черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, онъ пишетъ своимъ покупателямъ на ст. Иглино, Уфимской губ., гдѣ въ то время находились Потапковъ и Стасенковъ: „началъ хлопотать о купчей вашей и будетъ она готова въ ноябрѣ. Вышлите мнѣ 500 руб. на расходы или сколько есть, деньги страшно нужны". 27 сентября нужда въ деньгахъ обостряется, и нотаріусъ Гергардтъ требуетъ уже присылки тысячи рублей, „такъ какъ эти деньги,—поясняетъ онъ,—нужны мнѣ

на разные расходы, чтобы я могъ приготовить бумаги къ вашему пріѣзду. Когда бумаги будутъ готовы, я васъ увѣдомлю, а деньги 1.000 р. сейчасъ переведите, чтобы не было задержки въ бумагахъ. Въ ожиданіи денегъ и отвѣта, уважающій васъ Ф. Гергардтъ".

13 октября 1908 г., въ виду такого настоятельнаго требованія, деньги были высланы; однако 24 ноября г. Гергардъ, несмотря на полученныя уже двѣ тысячи рублей, сообщаетъ, что документы врядъ ли будутъ готовы раньше февраля 1909 г. Въ январѣ же 1909 года онъ опять проситъ перевести ему по телеграфу въ счетъ оставшейся тысячи еще 500 рублей и обѣщаетъ уже больше не безпокоить. „Остальные 500 руб.,—пишетъ онъ,—вы уплатите, когда мы будемъ совершать купчую крѣпость, о чемъ я и забочусь, а вы выѣзжайте прямо на заимку въ Подрѣзово. Итакъ, я жду денегъ, которыя мнѣ очень нужны".

Новые владѣльцы въ началѣ 1909 года, дѣйствительно, пріѣхали на заимку, и съ началомъ весны у нихъ закипѣла работа. Были построены два деревянныхъ одноэтажныхъ дома съ тесовыми крышами, два такихъ же амбара, хлѣвъ, расчищена земля, подготовлена пашня и въ свое время засѣяна. Счастливымъ поселенцамъ оставалось только дожидаться урожая, чтобы реализовать плоды своихъ трудовъ.

Но вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное: 27 августа 1909 года, по иску довѣреннаго татаръ Тахтамышевыхъ-Абульхазановыхъ къ Гергардту, въ размѣрѣ 450 руб., все ихъ имущество съ постройками и засѣянными полями описывается по исполнительному листу отъ 19 августа 1909 г., выданному довѣренному Николаю Малышеву мировымъ судьей 1-гоу участка. Опись составляетъ приставъ 1-го стана Піонтко при отставномъ чиновникѣ Николаѣ Малышевѣ и Ф. К. Гергардтѣ, заявляющемъ, что „при составленіи описи присутствовалъ и подписка объ оцѣпкѣ имѣнія *мого* мнѣ предъявлена 27 августа 1909 г.". Стасенковъже и Потанковъ участвуютъ въ качествѣ понятыхъ, при чемъ по ихъ безграмотности за нихъ расписывается какая-то Марія Романовская. Въ заключеніе Николай Малышевъ, Фердинандъ Гергардтъ и приставъ Піонтко ходатайствуютъ „передъ тобольскимъ окружнымъ судомъ, чтобы описанное недвижимое имѣніе было назначено въ продажу въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1909 года

во всемъ цѣломъ его составѣ и продажа его была поручена судебному приставу г. Тобольска".

Одураченные такимъ образомъ, переселенцы возбуждаютъ, естественно, тяжбу. Безграмотные и безпомощные, они избираютъ себѣ довѣреннаго Никиту Андреевича Родіончика, своего родственника и односельчанина, и на этого домороценнаго юриста обрушиваются всѣ мытарства судебной волокиты. Прежде всего, онъ ходатайствуетъ о признаніи „права бѣдности" за своими довѣрителями, чтобы избавить ихъ отъ непосильныхъ гербовыхъ пошлинъ. Мировой судья 2 участка этого права за Стасенковымъ и Потапковымъ не признаетъ, такъ какъ „ему лично извѣстно", что у нихъ „имѣются хорошія хозяйства". Тщетно они увѣряютъ, что на эти хорошія хозяйства наложено запрещеніе, что имъ ѣсть нечего, и что они возбудили искъ о взысканіи съ Гергардта уплаченныхъ ему кровныхъ 2.500 руб., потому что, какъ наивно поясняетъ Родіончикъ, „даромъ не смѣетъ никто обогащаться на чужой счетъ", но мировой судья остался непреклоннымъ. Онъ обѣщалъ выдать свидѣтельство, если они представятъ удостовѣреніе о бѣдности отъ своего поселка. Засвидѣтельствовать удостовѣреніе имъ надо было въ волости или у нотаріуса. Весь поселокъ въ волость вызвать было нельзя, во-первыхъ, потому, что между ними разстояніе 40 верстъ, а во-вторыхъ, не всѣ согласны были ѣхать для оказанія этой услуги: пришлось доставить нотаріуса на свой счетъ въ поселокъ. Для предстоявшаго расхода они продали лошадь, нотаріуса привезли, за проѣздъ и работу его заплатили, и въ концѣ концовъ мировой судья въ свидѣтельствѣ все-таки отказалъ. „А теперь и продавать нечего, — пишетъ Родіончикъ, добиваясь свидѣтельства о бѣдности, - осталось на 19 душъ 2 коровы да 2 лошади и дѣти маленькія, и кормиться нечѣмъ".

Исторія нотаріуса Гергардта, его похожденія составили бы благодарную тему для уголовнаго романа. Но какъ герой романа, почетный гражданинъ и нотаріусъ Гергардтъ въ заключительной главѣ понесъ бы достойное наказаніе, въ дѣйствительной же жизни нотаріусъ Гергардъ благоденствуетъ, и Стасенковъ и Потанковъ—не первыя его жертвы. Довѣренный Родіончикъ въ прошеніи на имя старшаго предсѣдателя омской судебной палаты разсказываетъ прямо ка-

кія-то сказки. Оказывается, по его словамъ, въ Тобольскѣ существуетъ цѣлая организація, живущая на счетъ переселенцевъ. Душою ея является мѣстный нотаріусъ Гергардтъ, завѣдующій продажей завѣдомо чужихъ участковъ. У шайки имѣется агентъ, нѣкій Егоръ Эммануиловичъ Александровъ, заманивающій желающихъ купить участокъ. Мало-по-малу вымуживаются всѣ деньги, и легковѣрные крестьяне оказываются въ такомъ же положеніи, какъ и кліенты Родіончика.

Но бѣда была бы еще не такъ велика, если бы на нотаріуса Гергардта можно было найти управу. Счастливая звѣзда оберегаетъ его, однако, отъ всякихъ напастей: начальство, по словамъ Родіончика, особенно покровительствуетъ ему и грозитъ всѣмъ, кто рѣшается разоблачить его похожденія. Такъ, вице-губернаторъ пригрозилъ Родіончику, что „выселитъ его на родину за то, что онъ не жалѣетъ Гергардта и разговариваетъ о немъ, не какъ о величинѣ". Поэтому-то и вышло, что, когда потерпѣвшіе просили привлечь Гергардта и его шайку къ отвѣтственности, прошеніе ихъ даже не разсматривалось и дѣло было прекращено. Родіончикъ проситъ судебную палату отобрать дѣла о Гергардтѣ „изъ вѣдѣнія тобольскаго окружнаго суда, для того, чтобы уже не было больше сомнѣній въ правосудіи и вліяніи", и чтобы „законами, какъ картами, не играть и масть къ масти не подбирать".

Но, какъ видно изъ дальнѣйшихъ мытарствъ Родіончика, просьба эта не подѣйствовала. Дружба и покровительство вице-губернатора, прокурора и прочихъ власть имущихъ не дали добраться правосудію до Гергардта, и, исчерпавъ всю судебную іерархію, Родіончикъ обращается къ послѣднему средству—къ П. А. Столыпину. Ему въ пространномъ вопіѣ онъ опять излагаетъ все сначала, говоря, между прочимъ, что ждалъ ревизіи, но слухъ о прекращеніи ревизій вообще повергъ ихъ всѣхъ въ полное отчаяніе. Всѣ жалобы на Гергардта разбиваются, какъ волны на песчаномъ берегу, натыкаясь всюду на дружбу и покровительство Гергардту. Дошло до того, что писаря отказываются даже жалобы на него писать, другой нотаріусъ, бывшій въ Тобольскѣ, не хотѣлъ свидѣтельствовать копій съ документовъ. „Гергардтъ уже хвалился мнѣ самъ тѣмъ, что у него въ карманѣ и предсѣдатель, и прокуроръ, и губернаторъ, и слѣдователь,

и судьи, а секретари и прислужники ему ни по чемъ",— пишетъ Родіончикъ г. Столыпину и молитъ премьера остановить высылку его съ семьей изъ мѣста жительства, что неминуемо ждетъ его за неустанную и дерзкую тяжбу съ всесильнымъ нотаріусомъ.

Въ концѣ-концовъ все же не безсудна вѣдь русская земля: то ли рѣшили поступиться дружбой съ Гергардтомъ власти, то ли премьеръ-министръ внялъ кровнымъ слезамъ и мольбамъ пострадавшихъ, но въ началѣ октября членомъ Государственной Думы Н. Л. Скалозубовымъ получена отъ Родіончика телеграмма: „Присудили съ Гергардта 2000. Въ остальномъ искѣ отказали. Уголовныя дѣла прекратили. Заступитесь".

Такимъ образомъ, репутація Гергардта, можно сказать, нисколько не пострадала. Поступки, носившіе явный характеръ уголовщины, остались не наказанными,

Родіончикъ писалъ предсѣдателю совѣта министровъ: „законы тутъ понимаются разно: для моихъ вѣрителей и меня инако, чѣмъ для Гергардта". И, вотъ, результатъ такого разнаго толкованія: съ одной стороны—раззоренные поселенцы, у которыхъ отнято все, вплоть до хлѣба на корню, а съ другой—торжествующій почетный гражданинъ нотаріусъ Гергардтъ...

Хроника.

— Въ какое отчаяніе пришли киргизы, благодаря переселенческой маніи правительства, можно видѣть изъ прошенія-вопля киргизъ Акмолинской области, поданнаго на имя предсѣдателя Государственой Думы. Ужъ одно это—прямое обращеніе къ предсѣдателю Думы 3-го іюня показываетъ, что все, что возможно было предпринять въ смыслѣ прошеній, исчерпано, и лишенные представительства инородцы совершенно растерялись въ виду неминуемаго раззоренія. Дума, хотя и октябристская и съ явными націоналистическими тенденціями большинства, является той соломенкой, за которую инстинктивно хватаются экономически гибнущіе „цари степей", стѣсненные уже до такой степени, что не только пасти скотъ, а и кибитки скоро поставить не гдѣ будетъ.

Представитель отъ киргизъ Акмолинской области, Шаймерданъ Кащегуловъ, въ сентябрѣ текущаго года въ своемъ прошеніи предсѣдателю пишетъ: „мы не видимъ со стороны правительственной власти огражденія предоставленнаго намъ закономъ. Всѣ наши просьбы и жалобы объ устройствѣ и огражденіи насъ остаются гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ".

Современная программа переселенческой политики, усердіе чиновниковъ проявляется лишь въ томъ, чтобы переселить возможно большее количество людей все равно куда, лишь бы имѣть возможность сообщить высшему начальству, что нарѣзано и роздано столько-то переселенческихъ участковъ, и эта программа сулитъ еще болѣе печальныя перспективы кочевникамъ. **„Спрашивается теперь, чѣмъ должны жить киргизы,**—говоритъ г. Кащегуловъ:—спеціальное ихъ занятіе скотоводство, къ хлѣбопашеству киргизъ не подготовленъ, да если бы и былъ способенъ, то для хлѣбопашества удобной земли у киргизъ нѣтъ, имъ оставили только солончаки".

Въ Котуркульской волости, Кокчетовскаго уѣзда, откуда раздается этотъ вопль 17 тысячъ кибитковладѣльцевъ, отнята уже вся удобная земля, отняты сѣнокосы и водопой. Проектированіе же новыхъ участковъ все продолжается.

Представитель киргизъ обращается къ предсѣдателю Государственной Думы съ просьбой о „защитѣ справедливости". Но какая же можетъ быть справедливость, разъ дѣло касается инородцевъ? Развѣ интересы чиновниковъ переселенческаго управленія не важнѣе интересовъ какихъ нибудь нѣсколькихъ десятковъ тысячъ киргизъ, обреченныхъ на гибель со своими стадами среди безплодныхъ солончаковъ, что оставили имъ эти самые чиновники въ своихъ заботахъ о русскихъ переселенцахъ?..

— Якутское областное правленіе обратилось въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія съ ходатайствомъ **объ учрежденіи въ г. Якутскѣ низшей сельскохозяйственной школы I разряда** и представило на утвержденіе проектъ ея устава. Ходатайство и уставъ школы были переданы на заключеніе учебнаго бюро ученаго комитета.

Не располагая достаточными данными для всесторонняго освѣщенія возникшихъ при разсмотрѣніи ходатайства во-

просовъ, какъ-то: цѣлесообразности устройства въ указанномъ пунктѣ сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія, его типѣ, задачахъ и организаціи, учебное бюро не признало возможнымъ принять окончательное рѣшеніе по настоящему дѣлу помимо участія въ его обсужденіи лицъ, близко знакомыхъ съ условіями Якутской области и потребностями мѣстной сельскохозяйственной жизни, и обратилось къ члену Государственной Думы, Н. Л. Скалозубову, съ просьбою указать лицъ, которыя могли бы оказать содѣйствіе учебному бюро въ надлежащемъ освѣщеніи и правильномъ рѣшеніи вопроса объ учрежденіи и организаціи проектируемаго къ устройству въ г. Якутскѣ сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія.

Н. Л. Скалозубовъ въ качествѣ свѣдущихъ лицъ рекомендовалъ: В. М. Іонова и Э. К. Пекарскаго.

Обозрѣніе русской жизни.

Въ вопросѣ о чествованіи памяти перваго предсѣдателя „большая“ Дума пошла по стопамъ „маленькой“, какъ называютъ теперь въ отличіе петербуржцы учрежденіе съ желтой пожарной каланчей. Да будетъ и той, и другой „тріумфъ!“

Смерть Муромцева заслонила мелкія событія тѣхъ дней, хотя среди нихъ были заслуживающія вниманія по своему симптоматическому значенію. Къ числу таковыхъ относится, напр., исторія Сырокомля-Сопоцьки.

Этому „студенту“, по словамъ извѣстнаго Г. С. Петрова, должно быть уже лѣтъ сорокъ, а то и сорокъ съ большимъ хвостикомъ. Солидное брюшко—бѣда-бъ еще не велика: наукѣ, какъ любви, „всѣ возрасты покорны“. Худо одно: что наука-то не покоряется... Господинъ Сопоцько хочетъ при трахеотоміи сдѣлать разрѣзъ поперекъ, а профессора приходятъ въ ужасъ: „Милостивый государь, что вы дѣлаете?! вѣдь вы ребенка зарѣжете!“ И „студентъ“ Сопоцько сердится, споритъ, не хочетъ уходить отъ экзаменаціоннаго стола, требуетъ переводнаго балла. „А все-таки она вертится!“ восклицаетъ новый Галилей „Русскаго Знамени“:— „Я же и уволенный буду твердить: а все-таки бедренная артерія лежитъ по выходѣ изъ подъ пупартовой связки не *подъ*, а *на* широкой фасціи“. Сбѣгавши въ чайную русскаго

народа, Сопоцько вернулся успокоенный: „что-жъ то, что профессоръ Делицынъ двадцать пять лѣтъ преподавалъ въ академіи, я за-то—Галилей“.

И онъ былъ правъ: во 1-хъ, ему назначили вторую переэкзаменовку, а когда закончится слѣдствіе по поводу новаго на ней провала, назначатъ третью. Къ этому времени профессора, быть можетъ, одумаются, т. е. согласятся зарѣзать парочку-другую ребятъ по способу студента Сырокомля-Сопоцька Галилеевича, во 2-хъ, академическое-то начальство подало уже въ отставку... А еще говорятъ, будто въ Россіи не умѣютъ беречь „молодежь“!

Этому, конечно, немножечко противорѣчитъ другая исторія—въ институтѣ восточныхъ языковъ, о которой сообщаетъ „Русское Слово“.

Тамъ ужъ три или четыре года тому назадъ преподаватель и въ же время инспекторъ института, С. И. Тандовъ, изобрѣлъ „легчайшій способъ“ для овладѣванія тонкостями французскаго языка. Если читать какого-нибудь Вольтера, Расина, Дидро, то, дескать, слушатели, пожалуй, задремлютъ. Но, допуская даже, что нѣтъ, что, наоборотъ, заинтересуются,—такъ опять-таки: зачѣмъ это имъ? Кто-жъ говоритъ нынче языкомъ Дидро? при томъ—о „высокихъ матеріяхъ“? Съ ресторанными француженками нужно что-нибудь поострѣе, попикантнѣе... Сказано-сдѣлано: четвертый годъ „г. Тандовъ разсказываетъ на урокахъ анекдоты легкаго свойства“. Думая, что преподаватели должны заботиться не только о научномъ образованіи, но и о духовномъ развитіи учащихся, послѣдніе подали заявленіе въ совѣтъ, прося „оградить ихъ отъ педагога г. Тандова, оказывающаго на нихъ развращающее вліяніе“.

Но директоръ, какъ передавали „Русскому Слову“, уговариваетъ взять это заявленіе обратно, обѣщая уладить дѣло „домашними мѣрами“.

Однако, родители учащихся не желаютъ его замять, а намѣрены „подать протестъ противъ „воспитательныхъ пріемовъ“ г. Тандова“...

Модный вопросъ о гимнастикѣ въ народныхъ школахъ на земскихъ собраніяхъ встрѣчаетъ рѣзкій отпоръ со стороны гласныхъ-крестьянъ. Напр., въ только что закрывшемся петергофскомъ уѣздномъ собраніи они заявляли, что, по ихъ мнѣнію, „гимнастика въ деревнѣ ненужная и вредная

затѣя*, такъ какъ физическаго труда у крестьянскихъ дѣтей и безъ того довольно: они „съ 8-ми лѣтъ рубятъ дрова, копаютъ картошку“ и пр.,—а, вотъ, „на обученіе грамотѣ времени такъ мало, что тратить его на занятіе гимнастикой—не дѣло“ („Русскія Вѣдомости“, № 236). И это общій ихъ отзывъ, да другого и быть не можетъ.

Смерть Муромцева, какъ всякое экстраординарное событіе, подчеркнула лишній разъ безправное положеніе печати. О провинціи упоминать нечего: что она думаетъ, какъ реагируетъ на то или другое—въ доподлинности всегда было извѣстно только цензору. Но мѣра, примѣненная къ редактору „Русскаго Слова“, Ѳ. И. Благову, показываетъ, что и въ столицахъ не легче.

8 октября, т. е. на другой день послѣ похоронъ предсѣдателя первой Думы, къ Ѳ. И. Благову явился приставъ и представилъ постановленіе московскаго градоначальника объ арестѣ его на 3 мѣсяца „за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности должностныхъ лицъ“, которое и было немедленно приведено приставомъ въ исполненіе.

Въ чемъ заключались эти „ложныя свѣдѣнія“, редакція узнала лишь изъ неприличнаго выпада „Голоса Москвы“.

При описаніи шествія похоронной процессіи по узкой части Моховой улицы въ „Русскомъ Словѣ“ было сказано: „Порядокъ образцовый. Полиціи въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ нѣтъ и не видно“.

— Помилуйте, заявилъ „Голосъ Москвы“, въ дѣйствительности „на Моховую улицу былъ командированъ слѣдующій нарядъ полиціи: 1 приставъ, 6 помощниковъ, 16 околоточныхъ, 100 городовыхъ и 4 конныхъ городовыхъ“.

Не удовлетворившись простымъ возстановленіемъ факта, совершенно не измѣнявшимъ, впрочемъ, сказаннаго „Русскимъ Словомъ“, такъ какъ инкриминируемая фраза относилась къ „части“ Моховой улицы, къ „узкому мѣсту“ ея,—полицейско-октябристская газета прибавляетъ: „Изъ тона всего отчета усматривается явная тенденція въ томъ смыслѣ, что полиція только мѣшала порядку процессіи, и что ея вмѣшательство вовсе не было нужно“.

Указавъ въ ближайшемъ же номерѣ на допущенныя „Голосомъ Москвы“ передержки, „Русское Слово“ спрашиваетъ: а что же обиднаго для полиціи, если можно было обходиться безъ ея вмѣшательства, т. е. если „московскіе

граждане вели себя прилично на похоронахъ"? На сколько удобно заниматься „систематическимъ издѣвательствомъ надъ административной властью", видно изъ того, говоритъ газета, что съ марта редакція была оштрафована 6 разъ по 500 рублей, при чемъ или за простую перепечатку изъ провинціальныхъ изданій о фактахъ, ставшихъ предметомъ судебнаго разслѣдованія, или же—за собственныя сообщенія, которыя могутъ быть подтверждены документами.

Если считать это „издѣвательствомъ", то какъ же „Голосъ Москвы" долженъ относиться къ ревизующимъ сенаторамъ? По его мнѣнію, имъ, вѣроятно, мало бы даже казни?..

Несмотря на штрафы, которыми администрація донимаетъ газеты, несмотря на прямыя подчасъ заявленія редакцій, что при всемъ своемъ желаніи, онѣ въ данномъ случаѣ не могутъ „пропечатать" обидчиковъ, русскій обыватель все не утрачиваетъ вѣры въ силу печатнаго слова.

Объ очень оригинальномъ примѣрѣ ея разсказываетъ въ № 233 „Русскихъ Вѣдомостей" извѣстный беллетристъ, не чуждый публицистики, Ѳ. Д. Крюковъ.

Утѣсняемый мелкимъ представителемъ власти, одинъ казакъ обошелъ съ жалобами всѣ, возможныя для него, инстанціи, но изъ этого ничего не вышло: жалобы его, „въ порядкѣ установленнаго слѣдованія", возвращались, повидимому, къ тому же самому лицу, отъ котораго ему суждено было претерпѣвать. Придя, наконецъ, въ отчаяніе, обыватель-казакъ „рѣшилъ прибѣгнуть къ гласности": онъ описалъ часть дѣяній своего притѣснителя и въ воскресный день приклеилъ свое произведеніе къ воротамъ церковной ограды".

- „Что же, помогло?"—спросилъ его г. Крюковъ.

Тотъ махнулъ рукой:—„Чуть, было, не стрескалъ!"

Но изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что все-же вѣра его не была напрасной:

— „Взволдырялъ, было,—куды-ы!.. „Подъ судъ отдамъ!" — Я этого и ищу,—говорю... Красный весь сталъ, разгорѣлся, — такъ, думаю, градусовъ 80 жару было въ немъ.—„Я тебя высеку административнымъ порядкомъ".—А я объ вашихъ дѣлахъ въ газетахъ отнесусь... Вотъ, пока не трогаетъ"...

Одна сторона русской жизни почти совершенно не поддается воздѣйствію печати—это: административный гнетъ по отношенію къ ссыльнымъ. Тутъ, повидимому, все считается

дозволеннымъ и даже одобряемымъ высшимъ начальствомъ, тутъ его мелкихъ агентовъ ни отъ чего уже въ „80-ти градусный“ жаръ не броситъ.

Нелѣпое и незаконное распоряженіе о запретѣ ссыльнымъ выходить на улицу позже извѣстнаго часа, напримѣръ, отдается и до сихъ поръ какъ въ Сибири, такъ въ Россіи. Еще надняхъ, по словамъ „Рѣчи“, въ Усть-Цыльмѣ, Архангельской губерніи, объявлено „частнымъ образомъ“, что печерскій исправникъ воспрещаетъ имъ выходить изъ дому послѣ 9-ти часовъ вечера. Въ прошломъ году отъ нихъ пытались отобрать въ этомъ даже подписку, а нарушителей предписанія хлестали нагайками.

Долго жданный „баринъ“, Дума, не торопится „разсудить“ ихъ обиды: для нея онѣ „не спѣшны“. Какъ и многія другія, отъ которыхъ приходится тяжко самымъ „благонадежнымъ“ людямъ.

Объ одной изъ нихъ напоминаетъ „Русское Слово“: загрязненіе рѣкъ.

О немъ толкуютъ Богъ знаетъ съ какихъ поръ, отъ него въ фабричныхъ центрахъ житья не стало, но это никого не интересуетъ.

Еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, говоритъ вышеупомянутая газета, водою изъ рѣки Уводи, протекающей черезъ Иваново-Вознесенскъ, можно было писать, какъ чернилами, а лѣтъ шесть тому назадъ какой-то шутникъ „поджегъ эту знаменитую рѣку, и она горѣла дня три“.

Съ Волгой до этого пока не дошло, но уже въ началѣ 90-хъ годовъ чай на волжскихъ пароходахъ иногда приходилось сильно сдабривать лимономъ, чтобы отбить запахъ керосина, а знаменитую стерляжью уху почти нельзя было ѣсть, такъ она пахла нефтью.

По берегамъ же фабричныхъ рѣченокъ трава не растетъ, дохнетъ скотъ и птица, чахнутъ люди, потому что вода ихъ превратилась въ кисель изъ фабричныхъ отбросовъ.

Министерству торговли и промышленности пришла, было, благая мысль поднять вопросъ о загрязненіи фабриками и заводами питьевой воды, но изъ нея пока ничего не вышло, кромѣ конфликта съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: это васъ не касается, заявило оно. Иначе сказать: загрязнять, по обязанностямъ службы, вы можете,—ибо цѣлью вашей должно быть развитіе промышленности,—но заботы о разве-

деніи птицы, скота и здоровьи населенія, пожалуйста, оставьте: для нихъ существуютъ „главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и главное врачебное управленіе". Конфликтъ дошелъ до того, что послѣднія даже отказались прислать своихъ представителей на предполагавшееся междувѣдомственное совѣщаніе.

Характерный случай изъ такихъ же междувѣдомственныхъ „треній" приведенъ въ № 283 „Рѣчи".

Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ разъяснено всѣмъ провинціальнымъ губернаторамъ, что „по закону евангельскимъ христіанамъ разрѣшается хоронить мертвыхъ на общихъ христіанскихъ кладбищахъ". Но „этотъ циркуляръ,—говоритъ газета,—очевидно, еще не дошелъ до Петербурга", потому что 14 октября, при похоронахъ одного изъ членовъ общины евангелистовъ, надзиратель кладбища сперва не впускалъ процессію въ ворота, потомъ „отказался дать лопаты для засыпки могилы и веревки для опусканія гроба".

Выручили изъ затруднительнаго положенія ужъ извозчики, добывъ откуда-то веревки, а, можетъ, и снявъ возжи; могилу же-пришлось „засыпать руками".

Не ясно-ли, что законъ, министерское разъясненіе—существуютъ сами по себѣ, а духовное вѣдомство съ кладбищенскимъ надзирателемъ—тоже сами по себѣ и ничѣмъ обоюдно не связаны...

А. П. Щаповъ и М. В. Загоскинъ.

(*Н. Н. Козьминъ.* Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. С.-Петербургъ. 1910 г. Ц. 1 р.).

„Уже давно не появлялось въ Сибири крупныхъ работъ монографическаго характера,—говоритъ Н. Н. Козьминъ, авторъ новой книги „Очерки прошлаго и настоящаго Сибири, – а, между тѣмъ, областныя изученія должны вносить крупный вкладъ въ общія историческія построенія, не говоря объ интересѣ и значеніи областной сибирской исторіи для сибиряка, котораго судьба дѣлаетъ сознательнымъ гражданиномъ страны".

Авторъ питаетъ надежду, что его очерки, „быть можетъ, до нѣкоторой степени послужатъ толчкомъ къ оживленію въ области сибирскихъ историческихъ изученій".

Послужатъ или нѣтъ,—покажетъ будущее. Съ нашей точки зрѣнія эти очерки могутъ принести пользу всѣмъ, кто интересуется вопросомъ о развитіи сибирской общественности и недостаточно знакомъ съ дѣятельностью сибиряковъ, отмѣтившихъ лучшія страницы нашей областной исторіи.

Давно чувствуется потребность въ болѣе широкомъ ознакомленіи читающей публики съ сибирскими дѣятелями: въ однихъ случаяхъ они забываются, въ другихъ, преимущественно молодежѣ почти неизвѣстны.

Въ книгѣ г. Козьмина встрѣчаются, между прочимъ, два біографическихъ очерка, посвященныхъ А. П. Щапову и М. В. Загоскину. На основаніи ихъ мы позволимъ себѣ привести характерныя особенности этихъ дѣятелей, какъ историческихъ примѣровъ, освѣщающихъ до нѣкоторой степени близкіе намъ вопросы современности.

Среди коренныхъ, чистокровныхъ сибиряковъ, честно послужившихъ общему дѣлу русскаго народа, чтимыхъ и цѣнимыхъ всею Россіей, имя Афанасія Прокопьевича Щапова, несомнѣнно, занимаетъ первенствующее мѣсто. Его происхожденіе, среда, гдѣ онъ родился и жилъ съ ранняго дѣтства, а главное, историческія особенности, при которыхъ эта среда сложилась, все это самымъ опредѣленнымъ образомъ отразилось на его литературной дѣятельности и на всей его жизни.

Афанасій Прокопьевичъ Щаповъ родился 18 января 1830 года, въ селеніи Ангѣ, Верхоленскаго уѣзда, въ 210 верстахъ отъ Иркутска. Отецъ его былъ дьячекъ, мать—бурятка. Семейная обстановка отличалась поразительной бѣдностью.

На десятомъ году Афанасій Прокопьевичъ поступаетъ учиться въ Иркутскую бурсу. Весь ужасъ жизни бурсаковъ, среди голода, холода и побоевъ, ярко изображенъ Помяловскимъ въ „Очеркахъ бурсы“. Единственными свѣтлыми точками на этомъ мрачномъ фонѣ являлись для Щапова поѣздки на каникулы, такъ поэтично описанныя имъ впослѣдствіи.

Несмотря на всѣ невзгоды, соединенныя съ разными лишеніями, Афанасій Прокопьевичъ въ 1846 году блестяще оканчиваетъ бурсу, переходитъ въ духовную семинарію, въ 1852 г. успѣшно оканчиваетъ и ее и, какъ лучшій ученикъ, отправляется на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію. Здѣсь онъ попадаетъ уже въ несравненно болѣе бла-

гопріятную обстановку для научныхъ занятій. Измѣнившаяся въ эти годы жизнь русскаго общества чувствуется и здѣсь. Появляются свѣтскіе образованные профессора, благотворно вліяющіе на студентовъ.

Уже въ академіи Щаповъ обращаетъ на себя вниманіе открытымъ и смѣлымъ характеромъ. „Искренность его,—по словамъ Рождественскаго, бывшаго воспитанника академіи,—соединялась съ необыкновенной смѣлостью и отвагой; онъ говорилъ одинаковымъ тономъ со сторожемъ, съ товарищемъ, съ ректоромъ и на экзаменахъ—и тутъ не было ни заносчивости, ни желанія выставиться передъ другими; смѣлость эта прямо вытекала изъ убѣжденія, изъ чистаго сердца".

Въ своихъ работахъ Щаповъ главное вниманіе обращалъ на сущность предмета, его увлекала самая работа, объ остальномъ онъ забывалъ и почти никогда не успѣвалъ сдать работу къ сроку. Занятый по 17 часовъ въ сутки, онъ избѣгалъ всякихъ развлеченій и рѣдко выходилъ даже изъ академіи.

„Строго исполняя по внѣшности правила академической жизни,—говоритъ Калатузовъ,—онъ не проникался сознаніемъ необходимости этихъ правилъ: точно они были составлены не для него, и опутанъ онъ ими былъ по ошибкѣ".

Вмѣстѣ съ сосредоточенностью и замкнутостью у Щапова уживались страстность и впечатлительность натуры.

Доминирующимъ чувствомъ было чувство кровной связи съ народомъ, съ чернымъ рабочимъ людомъ. Этимъ отчасти и объясняется предпочтительное его занятіе русской исторіей Живя въ эпоху повышеннаго интереса къ народу, къ народному быту, Щаповъ съ жадностью набрасывался на литературу по интересовавшему его вопросу. Разразившаяся крымская война раскрыла всѣ темныя стороны русской жизни, что также не могло не повліять на впечатлительнаго Афанасія Прокопьевича. Эта же война оказала неожиданную услугу всѣмъ студентамъ академіи и въ частности Щапову. Въ Казань была перевезена библіотека Соловецкаго монастыря, осажденнаго англичанами. Ректоръ академіи поручилъ студентамъ составить опись рукописямъ. Нечего и говорить, какой богатый историческій матеріалъ доставили эти рукописи Щапову. Наука, научныя занятія стали цѣлью его жизни.

Весь послѣдній годъ студенчества Щаповъ былъ поглощенъ магистерской диссертаціей.

Его первый трудъ „Русскій расколъ старообрядства" страдалъ нѣкоторой двойственностью, явившейся результатомъ, съ одной стороны, клерикально-монашескаго преподаванія, а съ другой — научно-литературныхъ интересовъ, которые возбуждались свѣтскими профессорами, внѣшними событіями и вѣяніями русской жизни.

Благодаря своимъ демократическимъ симпатіямъ, Щаповъ съ трудомъ получилъ степень магистра и былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по кафедрѣ русской исторіи.

Теперь онъ съ жаромъ принимается за подготовленіе курса русской исторіи, начавъ его съ церковной исторіи.

„Русскую церковную исторію ему хотѣлось излагать не съ общихъ византійскихъ началъ,—говоритъ біографъ и слушатель Щапова,—и не по опредѣленнымъ рамкамъ, какъ дотолѣ ее писали: онъ желалъ выдвинуть на первый планъ отличительныя черты русской церкви и ея вліянія на народъ, со всей жизненной средой и обстановкой, съ умственнымъ, нравственнымъ и экономическимъ уровнемъ развитія нашего отечества". Для выполненія этой задачи молодому профессору приходилось изучить массу источниковъ, вводя и слушателей въ кругъ интересныхъ вопросовъ и новыхъ идей. А такъ какъ оффиціальная программа сильно стѣсняла его задачу, то онъ искалъ нѣкотораго выхода въ періодической печати, сотрудничая въ новомъ органѣ академіи, въ „Православномъ Собесѣдникѣ", выходившемъ подъ редакціей ректора о. Іоанна.

Въ своихъ трудахъ, на ряду съ нравственнымъ значеніемъ древне-русской церкви, Щаповъ начинаетъ выдвигать ея колонизаціонное значеніе. Съ теченіемъ времени мысль о колонизаціонно-поступательномъ движеніи русскаго народа, о распространеніи русской земледѣльческой культуры на пространствѣ восточно-европейской Россіи становится основной идеей Аѳанасія Прокопьевича.

Въ жизни областей Щаповъ различалъ двѣ „послѣдовательно-преемственныя формы". Первичная, древняя форма—„особно-областная" и вторая историческая форма—„соединенно-областная". Щаповъ рисовалъ заманчивыя картины земской жизни областныхъ земель, ихъ самоуправленія, проявленій дружественныхъ отношеній одной области къ

другой, въ видѣ общихъ Совѣтовъ, взаимной посылки депутацій и т. д.,—что обозначалось имъ терминомъ: „народосовѣтіе“.

Въ русской старинѣ онъ видѣлъ самобытное, естественное развитіе гражданскаго порядка на естественныхъ родныхъ началахъ самоуправленія и самоустроенія.

„Міръ,—говорилъ онъ,—начинаясь съ малыхъ круговъ, внутренно самобытныхъ и въ себѣ закопченныхъ міровъ сельскихъ, связуя ихъ общинною, естественно-бытовою связью съ мірами городскими, также внутренно-самобытными и въ себѣ закопченными, и смыкая тѣ и другіе по землѣ и водѣ вмѣстѣ въ самостоятельные земскіе міры, посредствомъ федеративной совокупности послѣднихъ, естественно возрастаетъ и расширяется, такимъ образомъ, во всенародный русскій земскій міръ“.

Отсюда Щаповъ дѣлалъ выводъ, что всѣ реформы нужно начинать снизу.

Сдѣлавшись сразу виднымъ профессоромъ, Аѳанасій Прокопьевичъ не преобразился въ сухого кабинетнаго изслѣдователя старины. Лекціи его,—по отзыву его слушателя Аристова, впослѣдствіи ставшаго тоже профессоромъ—„всегда отличались простотой и задушевностью. Его впечатлительная натура отзывалась горячо на всѣ вопросы современности“. Его бесѣды со студентами въ свободное время все сильнѣе возбуждали въ нихъ интересъ къ изученію исторіи.

Съ 1860 года, когда въ Казанскомъ университетѣ освободилась каѳедра русской исторіи, Щаповъ, по рекомендаціи своего предшественника Н. А. Попова, приглашенъ былъ занять ее.

Съ первой же вступительной лекціи, несмотря на предубѣжденіе студентовъ къ „семинаристу“, онъ покорилъ аудиторію.

„Лекція—по словамъ Аристова, — представляла мастерскій очеркъ и совершенно самобытный обзоръ исторической русской жизни съ древняго времени до освобожденія крестьянъ“.

„Съ этихъ поръ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ другой изъ его университетскихъ слушателей, — Щаповъ сдѣлался идоломъ студенческой массы. Пока занималъ каѳедру русской исторіи, онъ царилъ въ университетѣ;

каждое его появленіе на каѳедрѣ было своего рода тріумфомъ".

Наступившій 1861 годъ не прошелъ безслѣдно для Щапова. Въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи, крестьяне, введенные въ заблужденіе раскольничьимъ начетчикомъ Григорьемъ Петровымъ отказались признать манифестъ 19 февраля за „настоящій". Были призваны войска, стрѣляли въ безоружную толпу, не мало человѣкъ убили и ранили. Взволнованная этимъ происшествіемъ молодежь рѣшила отслужить панихиду по убіеннымъ и пригласила на нее Щапова. Болѣе всѣмъ сердцемъ за народъ, онъ горячо отозвался на это бѣдствіе въ страстной и пылкой рѣчи послѣ панихиды. Результатомъ такого отрицательнаго отношенія его къ распоряженію властей явилась высылка Щапова въ Петербургъ, гдѣ его водворили въ Ш-е отдѣленіе. Здѣсь, изъ уваженія къ таланту извѣстнаго профессора, къ нему отнеслись снисходительно и, вмѣсто показаній на слѣдствіи, предложили написать подробное объясненіе. Съ обычной прямотой Афанасій Прокопьевичъ изобразилъ въ своей запискѣ тяжелую исторію русскаго народа и указалъ, какъ на неизбѣжность протеста съ его стороны, такъ и на ошибочность толкованія этого протеста, какъ бунта. Тутъ же онъ привелъ и мотивы своего личнаго участія въ панихидѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ взялъ Щапова на поруки, назначилъ чиновникомъ своего министерства по раскольничьимъ дѣламъ и предоставилъ ему право, не стѣсняясь обязанностями службы, заниматься своими научными трудами.

Но чиновничья атмосфера была на столько чужда страстной кипучей натурѣ ученого, что, несмотря на предоставленныя ему льготы, онъ органически не могъ выносить канцелярскаго духа, и вскорѣ былъ отчисленъ отъ министерства.

Теперь Афанасію Прокопьевичу оставалось заняться лишь работой журналиста, но она ученому изслѣдователю пришлась далеко не по душѣ.

Всѣ эти неудчи, въ соединеніи съ появившимся пристрастіемъ къ вину, сдѣлали жизнь Щапова какимъ-то кошмаромъ. Знакомства же съ прогрессистами, находившимися подъ подозрѣніемъ, неосторожныя рѣчи создали ему дурную репутацію въ полицейскихъ кругахъ, и въ концѣ концовъ онъ попалъ въ ссылку.

Незадолго до постигшей его кары Щаповъ познакомился съ О. И. Жемчужниковой. Молодая дѣвушка, страстно желая спасти гибнувшій талантъ, вышла за него замужъ и въ 1864 году отправилась за нимъ въ Иркутскъ, въ мѣсто его подневольной жизни.

Въ Иркутскѣ Афанасій Прокопьевичъ постарался заняться мѣстной научной работой. Въ это время сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества снаряжалъ экспедицію для изслѣдованія Туруханскаго края. Щаповъ присоединился къ ней въ качествѣ этнографа. Результаты его изслѣдованій были очень богаты, но Отдѣлъ не имѣлъ средствъ напечатать его рукопись на свой счетъ. Не дождалась она и лучшихъ временъ, такъ какъ при Иркутскомъ пожарѣ 1879 года сгорѣла... Щаповъ производилъ этнографическія изслѣдованія и въ Верхолепскомъ краѣ.

По вопросамъ исторіи Сибири Афанасій Прокопьевичъ составилъ обширную брошюру: „Сибирское Общество до Сперанскаго", и помѣстилъ большую статью въ „Отечественныхъ Запискахъ": „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества".

Оригиналенъ взглядъ Афанасія Прокопьевича на значеніе Сибири для русскаго общественнаго развитія. По его мнѣнію, присоединеніе Сибири расширило умственный кругозоръ русскаго народа, пробудило въ немъ духъ предпріимчивости; это сказалось, между прочимъ, и въ томъ, что Петръ Великій пригласилъ западно-европейскихъ ученыхъ для изслѣдованія Сибири и первый поставилъ вопросъ о естественно-научномъ изученіи края.

Въ ученой дѣятельности Щапова необходимо отмѣтить еще увлеченіе его естествознаніемъ.

„Щаповъ хотѣлъ приложить къ русской исторіи,—говорится въ его некрологѣ,—естественно-научный методъ, и съ жадностью прочитывалъ выходившія въ свѣтъ изданія по естественнымъ наукамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы онъ оставался профессоромъ по каѳедрѣ исторіи, имѣлъ обезпеченное матеріальное положеніе, время и средства, то, рано или поздно, онъ справился-бы съ этою огромною задачею".

При незаконченности научныхъ трудовъ Щапова, что обусловливалось отсутствіемъ нужныхъ для него матеріаловъ,—его заслуги, какъ историка, все-таки громадны. Онъ

возбудилъ много новыхъ идей, открылъ массу новаго неизвѣстнаго матеріала, благодаря чему разныя явленія прошлаго получили болѣе правильное освѣщеніе. Его мысль о значеніи историко-географической основы разселенія русскаго народа и образованія областныхъ единицъ замѣтно отразилась въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ историческихъ изслѣдованіяхъ.

Въ Иркутскѣ Афанасій Прокопьевичъ съ женой очутился въ очень тяжелыхъ условіяхъ. За отсутствіемъ здѣсь не только подходящаго матеріала для работъ, но и хорошей библіотеки, онъ принужденъ былъ браться за разработку довольно искусственныхъ темъ, отчего его работы выходили дѣланными и мало интересными, а это отражалось и на заработкѣ. Вначалѣ подспорьемъ были уроки О. П. Щаповой въ женской гимназіи. Но вскорѣ Ольга Ивановна тяжело захворала и проболѣла до самой смерти. 13 марта 1874 г. она скончалась.

Звено, связывавшее Афанасія Прокопьевича съ жизнью, порвалось. Потрясенный горемъ, онъ заболѣлъ. Остатокъ его жизни былъ ужасенъ: онъ нерѣдко голодалъ и 27 февраля 1876 года умеръ отъ чахотки.

Современникъ А. П. Щапова, Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ, сыгралъ большую роль въ исторіи развитія сибирской общественности.

М. В. Загоскинъ родился въ 1830 году въ семьѣ сельскаго священника. Раннее дѣтство его протекаетъ на лонѣ природы, но съ 10 лѣтняго возраста онъ, какъ и А. П. Щаповъ, поступаетъ въ бурсу, затѣмъ проходитъ курсъ семинаріи и заканчиваетъ свое образованіе въ Казанской духовной академіи.

Получивъ ученую академическую степень, Михаилъ Васильевичъ избираетъ педагогическую дѣятельность и сразу становится однимъ изъ выдающихся преподавателей въ Иркутскѣ.

М. В. Загоскинъ былъ учителемъ по призванію. Когда позднѣе преподавательская дѣятельность въ правительственныхъ школахъ для него закрылась, онъ удалился на свой хуторъ вблизи Иркутска, открылъ тамъ безплатное училище для дѣтей сосѣдней деревни и среди своихъ учениковъ пользовался нѣжной любовью и симпатіями.

Призваніе учителя въ широкомъ смыслѣ слова привело

его и на публицистическое поприще, куда онъ вступилъ вполнѣ сформировавшимся общественнымъ дѣятелемъ, полнымъ силъ и энергіи. Передъ нимъ открылся не легкій путь для достиженія поставленныхъ цѣлей, путь, усѣянный терніями.

Первые шаги Михаила Васильевича на этомъ пути счастливо совпали съ интереснымъ временемъ пробужденія общественныхъ силъ въ Восточной Сибири. Во главѣ управленія этимъ краемъ тогда стоялъ самый видный и талантливый послѣ Сперанскаго генералъ-губернаторъ, Н. Н. Муравьевъ. Его дѣятельность была направлена, главнымъ образомъ, на присоединеніе къ Сибири Приамурья, побережья Тихаго Океана, на пріобрѣтеніе доступа къ открытому морю. Такая наступательная политика Муравьева встрѣтила со стороны передовыхъ элементовъ общества горячее сочувствіе. Рисовались самыя блестящія перспективы.

Въ частности и для Иркутска это время было временемъ общественнаго подъема и широкаго интереса къ общественно-политическимъ вопросамъ.

Теперь, какъ нельзя болѣе кстати, возникаетъ въ Иркутскѣ изданіе первой газеты въ видѣ неоффиціальной части „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Первымъ редакторомъ ея былъ Н. А. Спѣшневъ, а вскорѣ, послѣ его отъѣзда, М. В. Загоскинъ.

Гонитель взяточничества и всякихъ злоупотребленій мѣстнаго чиновничества, Муравьевъ предоставилъ нѣкоторую свободу нападкамъ и обличеніямъ въ газетѣ.

Скоро редакція „Губернскихъ Вѣдомостей“ сдѣлалась центромъ, куда посыпались обличительныя корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстъ не только Восточной, но и Западной Сибири. Газета громила взяточниковъ и казнокрадовъ и пользовалась большимъ вліяніемъ, такъ какъ генералъ-губернаторъ обращалъ особенное вниманіе на помѣщаемыя въ ней разоблаченія.

Наряду съ обличеніями въ газетѣ шла энергичная пропаганда разныхъ просвѣтительныхъ и образовательныхъ предпріятій.

Въ первый же годъ изданія неоффиціальной части „Губенскихъ Вѣдомостей“ М. В. Загоскинъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей по крестьянскому вопросу: изученію его онъ посвятилъ значительную часть своей жизни.

Къ сожалѣнію, дружескія отношенія между генералъ-губернаторомъ и редакціей газеты продержались недолго. Человѣкъ властный, нетерпимый, Муравьевъ сталъ раздражаться нападками на его любимцевъ. Къ этому еще присоединился происшедшій въ обществѣ расколъ.

Въ интересахъ большей независимости печатнаго слова, группа интеллигентныхъ сибиряковъ съ Загоскинымъ во главѣ рѣшила основать частную газету „Амуръ", подъ редакціей Михаила Васильевича.

Генералъ-губернаторъ, взявшій на себя цензуру газеты, относился къ ней очень пристрастно, въ особенности къ статьямъ объ Амурѣ. Смѣнившій графа Муравьева генералъ-губернаторъ Корсаковъ еще больше стѣснилъ газету. Однако, когда издатели, раздосадованные постоянными репрессіями администраціи, рѣшили закрыть свой органъ,—Корсаковъ, самолюбію котораго льстило существованіе въ краѣ газеты, не только просилъ ихъ продолжать изданіе, но и ассигновалъ на поддержанія его изъ спеціальныхъ суммъ 800 рублей въ годъ.

Сдѣлавшись субсидируемой, газета не измѣнила своего направленія, такъ какъ редактировалъ ее по прежнему Загоскинъ,—она только значительно сократилась въ объемѣ. Тѣмъ не менѣе, на Михаилъа Васильевича посыпались нареканія, что онъ будто-бы перешелъ на сторону муравьевской партіи. Недовольные упустили изъ виду, что этимъ путемъ Загоскинъ спасъ единственную частную газету въ Сибири и, что еще важнѣе, сохранилъ ея прежній характеръ.

Но „Амуръ" просуществовалъ не долго. Въ 1861 году въ изданіи принялъ участіе Б. А. Милютинъ. Скоро между нимъ и Загоскинымъ возникли разногласія, и газета закрылась въ 1862 году.

Попытка М. В. Загоскина создать мѣстную журналистику, во всякомъ случаѣ, дала положительные результаты. Газета сообщала массу свѣдѣній о жизни края, его нуждахъ, заставляла сознательно относиться ко всѣмъ явленіямъ мѣстной жизни, предъявлять извѣстныя требованія и способствовала выработкѣ мѣстной общественно-политической программы. Газета для Михаила Васильевича была не профессіей, не „кускомъ хлѣба", а средствомъ объединенія общества и борьбы.

Со времени закрытія „Амура", Загоскинъ начинаетъ при-

нимать дѣятельное участіе въ мѣстномъ Отдѣлѣ Географическаго Общества. Вмѣстѣ со своими единомышленниками онъ выдвигаетъ на очередь вопросы научно-прикладного значенія. Кромѣ того, онъ участвуетъ въ мѣстномъ отдѣленіи техническаго Общества и въ его предпріятіяхъ. Наряду со всѣми этими занятіями онъ старательно изучаетъ интересующій его крестьянскій вопросъ.

По мѣрѣ роста сознательныхъ общественныхъ силъ на очередь выдвигаются требованія самоуправленія, общественной самодѣятельности; является потребность въ просвѣщенныхъ образованныхъ людяхъ, сознается необходимость сибирскаго университета. Въ это время петербургскій кружокъ сибиряковъ съ Г. Н. Потанинымъ и Н. М. Ядринцевымъ во главѣ, чтобы возобновить и освѣжить сибирскія связи, начинаютъ хлопотать о какомъ нибудь связующемъ органѣ-газетѣ, посвященной сибирскимъ вопросамъ. Они завязываютъ сношенія съ Иркутской группой Загоскина и Вагина.

Общими усиліями имъ удается пріобрѣсти у инженера Клиндера издававшуюся имъ въ Иркутскѣ газетку „Сибирь".

Вмѣстѣ съ появленіемъ новаго органа, на него сейчасъ же начинаютъ обрушиваться разныя невзгоды. Лишь только получилось утвержденіе новаго редактора газеты, какъ у него и лицъ, близко стоящихъ къ редакціи, произвели обыскъ по подозрѣнію въ политическомъ преступленіи. Затѣмъ, мѣстная администрація продолжаетъ придумывать разныя козни, чтобы повредить газетѣ, отъ запрещенія статей до обысковъ въ редакціи. Несмотря на все это, черезъ полтора года, газета имѣла уже шестьсотъ подписчиковъ, и съ ней стала считаться столичная пресса.

Въ 70-хъ годахъ на литературномъ и ученомъ поприщѣ выдвинулся рядъ даровитыхъ и образованныхъ людей, какъ Щаповъ, Потанинъ, Ядринцевъ. Вопросъ объ основаніи сибирскаго университета былъ рѣшенъ окончательно. Въ обществѣ появилось повышенное настроеніе: читались лекціи, дѣлались научныя сообщенія. Наступила эпоха реформъ: было введено новое городовое положеніе, и оба общественныхъ дѣятеля, Загоскинъ и Вагинъ, въ качествѣ гласныхъ думы приняли дѣятельное участіе въ городскомъ самоуправленіи. Въ газетѣ появились отчеты о думскихъ засѣданіяхъ.

Въ 1878 году издательство „Сибири" перешло въ руки

А. П. Нестерова, отвѣтственнымъ редакторомъ сталъ чиновникъ Тюменцевъ, а фактическимъ редакторомъ по прежнему остался Загоскинъ.

Лѣтомъ 1879 года, послѣ большого Иркутскаго пожара, Михаилъ Васильевичъ, потерявшій все свое имущество, выѣхалъ изъ города на арендованную имъ близъ деревни Грановщины землю, гдѣ приступилъ къ постройкѣ дома. Вдругъ въ августѣ сюда нагрянула полиція, и Загоскинъ былъ арестованъ и отвезенъ въ иркутскій острогъ. Обыскамъ и арестамъ подверглись и другіе сотрудники газеты.

Поводомъ къ разгрому послужило возбужденіе „политическаго дѣла" противъ случайнаго корреспондента „Сибири", сельскаго учителя. Въ силу обычной неразборчивости, гг. охранители „пріобщили къ дѣлу" и весь редакціонный кружокъ. Дѣло тянулось долго, и только въ періодъ „диктатуры сердца", по распоряженію графа Лорисъ-Меликова, „всѣ привлеченные оставлены свободными, по неимѣнію какихъ бы то ни было данныхъ къ обвиненію".

Но на этомъ не кончились злоключенія „Сибири". Къ началу 1880 года, когда газета въ матеріальномъ отношеніи стала поправляться и явилась даже возможность завести собственную типографію,—вдругъ вспыхнулъ пожаръ, и „всѣ надежды редакціи, по выраженію Г. Н. Потанина, улетѣли съ дымомъ на воздухъ".

Устройство собственной типографіи вызвало цѣлую уйму сплетенъ и доносовъ. Подозрительная администрація занялась перевѣшиваніемъ типографскихъ шрифтовъ, что породило новую сплетню о преступныхъ замыслахъ редакціи, желавшей пожаромъ уничтожить слѣды преступленія. Въ результатѣ Нестеровъ былъ посаженъ въ тюрьму, а Загоскинъ подвергнутъ домашнему аресту.

Черезъ два мѣсяца А. П. Нестеровъ былъ освобожденъ и, какъ казакъ, обратился въ штабъ за разъясненіемъ этого дѣла. Картина сразу измѣнилась. Все дѣло получило на столько иное освѣщеніе, что губернскій судъ представилъ его губернатору съ заключеніемъ о преданіи суду слѣдователя, производившаго дознаніе о пожарѣ.

Это обстоятельство, въ концѣ концовъ, имѣло благопріятное послѣдствіе для Загоскина: онъ былъ утвержденъ редакторомъ газеты.

Какъ публицистъ, Загоскинъ продолжалъ работать и

надъ крестьянскимъ вопросомъ. На лицо было „безправіе, царящее въ деревнѣ, отсутствіе скораго, правильнаго и дешеваго суда и совершенная безотвѣтственность крестьянина".

„Крестьянское самоуправленіе въ Сибири,—говоритъ въ одной изъ своихъ статей Загоскинъ,—представляетъ самую жалкую неприглядную картину". При той страшной темнотѣ и невѣжествѣ, какія царятъ въ деревняхъ, „надо еще дивиться,—говоритъ Загоскинъ въ своей статьѣ „Сибирскіе крестьяне",—какъ нашъ крестьянинъ совсѣмъ не одичалъ подъ такими условіями".

При разработкѣ вопроса о равномѣрномъ распредѣленіи среди земледѣльческаго населенія земельныхъ фондовъ, Загоскинъ захотѣлъ сдѣлать опытъ практическаго примѣненія своихъ взглядовъ. Переселившись въ деревню, онъ склонилъ крестьянъ передѣлить землю, и опытъ удался. „Меня пригласили,—писалъ онъ,—бывать на сходахъ и помочь раскладкѣ и правильному записыванію въ особую книгу новыхъ надѣловъ на каждую семью. Въ четыре схода дѣло было закончено: кромѣ записи надѣловъ въ книгу, каждому домохозяину выданъ былъ точный бланкъ его надѣльной земли съ показаніемъ урочища и смежныхъ владѣтелей".

Въ 1887 году „Сибирь" была пріостановлена. Теперь Михаилъ Васильевичъ, ничѣмъ не связанный съ городомъ, безвыѣздно поселяется на своемъ хуторѣ близъ деревни Грановщины. Здѣсь онъ учитъ грамотѣ дѣтей, лѣчитъ и даетъ совѣты сосѣдямъ-крестьянамъ.

Въ итогѣ дѣятельности М. В. Загоскина мы видимъ передъ собой человѣка, всецѣло посвятившаго себя служенію обществу и идеямъ высшаго порядка, человѣка, не знавшаго честолюбія, личныхъ интересовъ. Вся его жизнь—непрерывная цѣпь самопожертвованія, борьбы, огромнаго и плодотворнаго труда.

Скончался Михаилъ Васильевичъ 11 сентября 1904 года, наканунѣ захлестнувшей всю Россію волны освободительнаго движенія.

Издатель В. П. Суканевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ

„Сибирскіе Вопросы"

ВЪ 1910 г. (ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕНЪ РАЗРАБОТКѢ МѢСТНЫХЪ ВОПРОСОВЪ и выходитъ КАЖДУЮ НЕДѢЛЮ въ размѣрѣ трехъ печатныхъ листовъ.

ЗНАЧЕНІЕ ЖУРНАЛА МОЖЕТЪ ВЪ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ВОЗРАСТИ, ЕСЛИ ВСѢ ЛИЦА И ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ, КОМУ ДОРОГО НЕЗАВИСИМОЕ СЛОВО ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ СИБИРИ, БУДУТЪ ПРИСЫЛАТЬ ВЪ РЕДАКЦІЮ СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦІИ НА ТЕМЫ, КАКІЯ ВЪ ДАННЫЙ МОМЕНТЪ НАИБОЛѢЕ ИНТЕРЕСУЮТЪ СИБИРСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ.

Всѣ корреспонденціи и статьи оплачиваются.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. №—15 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписныя деньги и статьи просятъ направлять по адресу: **Петербургъ,** Сергіевская, 3.

Городская подписка принимается только въ конторѣ типографіи Ф. П. Альтшулера—С.-Петербургъ, Фонтанка, 96.

Въ Сибири подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ **Томскѣ** — Посохина и Макушина, въ **Иркутскѣ** —Макушина и Посохина, въ **Тюмени**— О. Ф. Невской, въ **Тобольскѣ**—А. С. Суханова, въ **Красноярскѣ**—М. П. Григоровской, въ **Читѣ**—гг. Цепелева и Борисова.

Сборники „Сибирскіе Вопросы" за 1905 г.: № 1-й (400 стр.)—2 р. и № 2-й (330 стр.)—1 р. 50 к.; всѣ шесть книгъ журнала „Сибирскіе Вопросы" за 1906 г. (700 стр.)—3 р., 3 ежемѣсячныхъ и 36 еженедѣльныхъ номеровъ 1907 г. (2000 стр.)—4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1908 г.— 4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1909 г., въ виду ограниченнаго количества оставшихся экземпляровъ,—6 р.

Подписавшіеся сразу на весь 1910 годъ могутъ получить любой годъ журнала БЕЗПЛАТНО, уплативъ стоимость пересылки или принявъ на себя таковую наложеннымъ платежомъ.

Издатель **В. П. Сукачевъ.** Редакторъ **А. И. Иванчинъ-Писаревъ.**

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№№ 40-41

9 ноября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **Степныя дали.** *Я. Полферова.*
2. **Объ открытіяхъ Сибири.** *Владиміра Анучина.*
3. **Въ таврическомъ дворцѣ.** *Депутата.*
4. **Еще объ Амурской дорогѣ.**
5. **Сибирскія письма:** 1) Омскъ, 2) Семипалатинскъ, 3) Томскъ, 4) Красноярскъ, 5) Киренскъ. 6) Николаевскъ на Амурѣ.
6. **Очерки сибирской жизни.** *Л. К.*
7. **Переселенческіе участки въ Енисейскомъ уѣздѣ.** *В. П.*
8. **По очередному вопросу.** *М. Яценко.*
9. **Обозрѣніе русской жизни.**
10. **Изъ исторіи „октябрьскихъ дней" въ Сибири.** *А. Х.*
11. **Кампанія закончена.** *Статистика.*
12. **Хроника.**
13. **Женщина-Геростратъ.**
14. **Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„Сибирскіе Вопросы"

ВЪ 1911 г. (СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ),

издаваемый **В. П. Сукачевымъ** подъ редакціею **А. И. Иванчина-Писарева.**

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕНЪ РАЗРАБОТКѢ МѢСТНЫХЪ ВОПРОСОВЪ и при участіи **ПРЕЖНИХЪ СОТРУДНИКОВЪ** выходитъ **КАЖДУЮ НЕДѢЛЮ** въ размѣрѣ трехъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. №—15 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписка принимается

ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ СИБИРИ и РОССІИ

по цѣнѣ редакціи безъ всякой надбавки. Въ пріемѣ денегъ подписчику выдается безплатно расписка.

Кромѣ того, въ Сибири подписка принимается и продаются отдѣльные номера журнала въ книжныхъ магазинахъ: въ **Томскѣ**—Посохина и Макушина, въ **Иркутскѣ**—Макушина и Посохина, въ **Тюмени**—О. Ф. Невской, въ **Тобольскѣ**—А. С. Суханова, въ **Красноярскѣ**—М. И. Григоровской, въ **Читѣ**—гг. Цепелева и Борисова.

Сборники „Сибирскіе Вопросы" за 1905 г.: № 1-й (400 стр.)—2 р. и № 2-й (330 стр.)—1 р. 50 к.; всѣ шесть книгъ журнала „Сибирскіе Вопросы" за 1906 г. (700 стр.)—3 р., 3 ежемѣсячныхъ и 36 еженедѣльныхъ номеровъ 1907 г. (2000 стр.)—4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1908 г.— 4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1909 и 1910 года—по 6 рублей.

Подписавшіеся сразу на весь 1911 годъ могутъ получить любой годъ журнала БЕЗПЛАТНО, уплативъ стоимость пересылки или принявъ на себя таковую наложеннымъ платежомъ.

Адресъ редакціи, куда просятъ направлять корреспонденціи и статьи, **С.-Петербургъ, Сергіевская ул., 3.**

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№№ 40-41

9 ноября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран
1.	Степныя дали. *Я. Полферова.*	3— 9
2.	Объ открытіяхъ Сибири. *Владиміра Анучина.*	9—15
3.	Въ таврическомъ дворцѣ. *Депутата.*	16—18
4.	Еще объ амурской дорогѣ.	18—19
5.	Сибирскія письма: 1) Омскъ, 2) Семипалатинскъ, 3) Томскъ, 4) Красноярскъ, 5) Киренскъ, 6) Николаевскъ на Амурѣ.	19—33
6.	Очерки сибирской жизни. *Л. К.*	33—39
7.	Переселенческіе участки въ Енисейскомъ уѣздѣ. *В. И.*	39 44
8.	По очередному вопросу. *М. Яценко.*	44—50
9.	Обозрѣніе русской жизни.	50—55
10.	Изъ исторіи „октябрьскихъ дней“ въ Сибири. *А. Х.*	56—75
11.	Кампанія закончена. *Статистика.*	75—77
12.	Хроника.	78—83
13.	Женщина-Геростратъ.	83—86
15.	Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.	86—96

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Степныя дали.

Мягкія тѣни наполнили степь. Воздухъ, за день напоенный ароматомъ травъ, точно застылъ, и только изрѣдка набѣгала струя вѣтра, едва слышно шелестя пушистымъ султаномъ ковыля. Луна блѣдно-голубымъ свѣтящимся пятномъ красиво выдѣлялась на фонѣ глубокаго темносиняго неба, а млечный путь едва уловимой дымкой, точно сплетенный изъ тончайшихъ паутинокъ, опоясывалъ его. Мягкимъ брилліантовымъ свѣтомъ переливали созвѣздія „Медвѣдицы“ и „Креста“.

Апанасъ бросилъ поводья и, закинувъ высоко голову, любовался волшебной ночью. Умный „Маркусъ“, поддавшись настроенію сѣдока, и также очарованный дивной ночью, мягко ступалъ по высокой травѣ, боясь нарушить покой степи.

Наступила эта ночь послѣ знойнаго трудового дня, убаюкала она здоровымъ сномъ всѣхъ работниковъ, и только Апанасъ не могъ побороть въ себѣ какого-то неопредѣленнаго желанія уѣхать подальше отъ хутора. Онъ не могъ видѣть измученныхъ людей, не въ состояніи слушать ихъ сонное сопѣніе: раздолье манило на широкій просторъ.

— Эхъ, силы-то, силы сколько! Такъ и рвется наружу, а дѣвать некуда...

Апанасъ потрясъ въ воздухѣ руками.

Потянуло прохладной струей. Послышалось звонкое ржанье, на которое Маркусъ откликнулся тихимъ, едва слышнымъ вздрагиваніемъ губъ.

Въ отлогой лощинѣ пасся табунъ. Лошади, весь день простоявшія въ камышевыхъ зарослях, прячась отъ зноя и мухъ, жадно срывали траву, и слышно было, какъ сочно жевали ее. Огромное сплошное пятно тѣни двигалось по лощинѣ, принимая

странныя причудливыя очертанія. На изволокѣ неподвижными изваяніями стояли верховые киргизы съ пиками въ рукахъ. Волкодавы лежали у ногъ.

Апанасъ натянулъ поводья, пришпорилъ Маркуса и стрѣлой врѣзался въ табунъ. Испуганныя неожиданнымъ появленіемъ верхового, лошади шарахнулись въ сторону, а одинъ косякъ, головъ въ десять, голопомъ вырвался изъ лощины и затопалъ по степи. Апанасъ погналъ его впереди себя, гикая и свистя.

Пастухи подняли тревогу... Аулъ, невдалекѣ разбившій свои кибитки, засуетился... Крики: „барымта!.. барымта!..“ сливались съ лаемъ собакъ, плачемъ дѣтей, ревомъ верблюдовъ...

Прижавъ испугано уши, трубой распустивъ хвостъ, карьеромъ несся косякъ, а за нимъ по пятамъ летѣлъ Маркусъ, кусая за крупъ первую нагнанную имъ лошадь. Апанасъ не переставалъ свистѣть, чѣмъ еще болѣе усиливалъ и безъ того бѣшеную скачку. Но вотъ онъ услышалъ за собой далекій глухой топотъ погони. Съ каждой минутой разстояніе уменьшалось. Апанасъ оглянулся назадъ—черными мелькающими силуэтами обрисовывалась группа всадниковъ. Косякъ круто повернулъ въ сторону. Маркусъ пронесся мимо. Апанасъ пригнулся къ лукѣ. Сзади гулко раздался выстрѣлъ, и надъ ухомъ Апанаса что-то прожужжало. „Пуля“—мелькнуло въ его головѣ, и нѣжные бока Маркусса почувствовали боль отъ стремянъ. Скакунъ несся быстрѣе вѣтра. Топотъ погони постепенно затихалъ и скоро совсѣмъ замеръ.

Впереди блеснула полоса рѣки. Маркусъ, тяжело поводя боками, перешелъ въ иноходь и жадно втянулъ въ разгорѣвшіяся ноздри струю холоднаго воздуха. Переѣхавши въ бродъ, Апанасъ соскочилъ съ сѣдла, закинулъ на луку поводья и потянулся, расправляя затекшія отъ быстрой ѣзды ноги.

Плесъ рѣки, точно зеркало, отражалъ въ себѣ и темно-синее небо, и склонившіяся заросли тальника, а струившіеся лучи луннаго свѣта тонкими нитями искрились по водѣ. Ни звука, ни шелеста листьевъ, ни вздоха степи... Все слилось въ безмолвномъ очарованіи чудной степной ночью и точно боялось очнуться отъ волшебной иллюзіи... Въ эти мгновенія невольно отрѣшаешься отъ всего земного, отъ только что пережитаго суетнаго дня, отъ всего, что такъ еще недавно волновало, мучило, до боли заставляло напрягать нервы... Мысль рвется туда, въ звѣздную высь, витаетъ въ невѣданныхъ мірахъ, желая проникнуть въ ихъ тайны...

Апанасъ вспомнилъ лѣтнія ночи на далекой родинѣ, тамъ, гдѣ остались бѣлыя хатки съ соломенной крышей, съ низенькими завалинками, съ тѣнистыми дубами. Вспомнилъ свое дѣтство, полное беззаботныхъ игръ въ старыхъ левадахъ, таинственный шепотъ которыхъ навѣвалъ на него сказки сѣдой старины, уносилъ дѣтскія мысли въ иной міръ, въ иное царство. Но скоро трудовая жизнь оторвала отъ этихъ грезъ и сжала въ своихъ тискахъ... И только здѣсь, на широкомъ просторѣ вольныхъ степей, его грудь снова полна какихъ-то неясныхъ желаній, манящихъ въ даль томительныхъ чувствъ, рвущихся наружу безъ опредѣленныхъ цѣлей. Не разъ онъ, обуреваемый ими, бросался въ траву, царапалъ руками твердый, какъ камень, дернъ, рвалъ зубами жесткій ковыль... А то вскакивалъ на Маркуса и безъ сѣдла и безъ узды носился въ бѣшеной скачкѣ, наскаку срывая руками пушистыя верхушки ковыля... Все чаще и чаще манилъ его просторъ степи, притягивалъ своей таинственной далью. Сегодня онъ уѣхалъ съ хутора съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться больше.

— „А что теперь Айтолконъ дѣлаетъ? спитъ или ждетъ своего Апанаса... Славная дѣвка!.. Красивая... Такой не видалъ... А какъ любитъ меня“...

Апанасу вдругъ страстно захотѣлъ сейчасъ прижать Айтолконъ, чувствовать, какъ бьется ея сердце, накручивать на пальцы ея черныя, змѣйками спадающія по спинѣ, косы... Чувство одиночества проникло въ грудь, Апанасу стало жутко.

Черезъ полчаса онъ подъѣзжалъ къ аулу Сарбаса. Собаки съ лаемъ набросились на него. Изъ кибитки стали показываться фигуры въ халатахъ. Высокій худой старикъ вплотную подошелъ къ пріѣзжому и, нахмуривъ брови, спросилъ:

— Панасъ?.. Аманъ-ба?

— Я... Отгони собакъ...

Киргизы разошлись по кибиткамъ. Они давно знали Апанаса, привыкли къ его частымъ наѣздамъ. Къ связи его съ дочкой Сарбаса сначала относились недружелюбно („гяуръ осквернилъ казачку“), но потомъ и съ этимъ свыклись, когда узнали, что Апанасъ—смѣлый джигитъ. Только самъ Сарбасъ не мирился съ этой связью и больше изъ-за того, что пришлось вернуть богатый калымъ жениху, отказавшемуся отъ „собаки-дѣвки“. Но трусливый Сарбасъ боялся запретить дочери видѣться съ отчаяннымъ урусомъ: „скотъ угонитъ... самого зарѣжетъ“...

— Не знаю, Панасъ, какой ты человѣкъ,—гнусавилъ Сарбасъ, поправляя въ комелькѣ кизякъ.—Отецъ твой богатый, много скота держитъ, много работниковъ имѣетъ, а ты вотъ туда-сюда, шалтай-балтай...

— А ты жизнью доволенъ, Сарбасъ?

— Слава Аллаху!.. Маханъ всегда есть, кумысъ тоже... Скотъ есть, лошадь есть, баранъ есть, жена есть...

— И собака довольна, когда маханъ есть...

Сарбасъ обидѣлся. Плотнѣе запахнулъ грязный халатъ и съ ожесточеніемъ бросилъ въ камелекъ кусокъ сухого кизяка. Снопъ искръ и столбъ горячей золы обдалъ лицо Апанаса.

— Не злись, старая собака, ашай махапъ, да другихъ не трогай!—глухо произнесъ Апанасъ, вытирая рукавомъ обожженное лицо...

Сарбасъ съежился и началъ тихимъ, вкрадчивымъ гололосомъ:

— Зачѣмъ ты меня собакой зовешь? Я—старый бай, меня весь аулъ почитаетъ... Я не собака, а человѣкъ, казакъ...

— Человѣкъ?!—презрительно произнесъ Апанасъ. — А гдѣ у тебя душа? Душѣ не надо махапа... Да и какой ты казакъ?! Чекалка ты...

— Ой, опромой!.. Зачѣмъ ругаешься? Я честный казакъ, знаю Коранъ и Магометъ милостивъ къ моей кибиткѣ.

— Брешешь ты, ханжа старая!.. Ты и Коранъ, и Магомета, и самого Аллаха на кусокъ махана промѣняешь...

— Ай-ай! Зачѣмъ ругаешь стараго бая...

Сарбасъ укоризненно покачалъ головой. Глаза его блестѣли ненавистью.

— Когда Панасъ калымъ будешь платить? — заискивающе спросилъ Сарбасъ.

— Калымъ?! Какой калымъ? Что я тебѣ —нехристь, что-ль? Ахъ ты, паршивая собака!..

— А за дѣвку... Она твоя жена стала...

— Такъ ты думаешь, что я замужъ ее возьму? Мухоѣданку-то? Ха-ха-ха... Нѣтъ, братъ, не надѣйся!..

— Она твою вѣру приметъ, она тебя такъ любитъ...

— Вѣру? А родилась-то она отъ кого? Отъ тебя вѣдь,—поганаго мухоѣданца-маханника...

Апанасъ съ гадливостью сплюнулъ въ сторону.

— Ты вотъ что, Сарбасъ, — глухимъ голосомъ произнесъ

онъ.—Я уѣзжаю далеко и, можетъ быть, надолго. Ты Айтолконъ не обижай, а то вернусь, тогда плохо будетъ... Голову оторву! Слышишь?!

Апанасъ вышелъ. Сарбасъ проводилъ его злобнымъ взглядомъ и заскрипѣлъ челюстями.

— Убить бы тебя, русскую собаку!..—прошепталъ старикъ.

Апанасъ спустился къ ручью, весело журчащему по каменистымъ уступамъ небольшого оврага. Внизу мелькнула тѣнь.

— Айтолконъ!—тихо произнесъ Апанасъ.

— Панаска... — послышался стыдливый окликъ. Въ таинственный шепотъ джунглей страстной нотой ворвался поцѣлуй. Шаловливѣй зашелестѣлъ травой порывами набѣгавшій вѣтерокъ...

Апанасъ крѣпко сжималъ въ своихъ объятіяхъ красавицу Айтолконъ, которая съ страстной лаской обвила руками шею любимаго Панаски и шептала: „ты мой богъ... мой мѣсяцъ золотой“...

Звѣзды, рѣзче оттѣненныя синевою полуночнаго неба, обливали блѣднымъ свѣтомъ степь.

— Панаска милый, ты знаешь эту звѣзду?—спросила Айтолконъ, показывая на одну изъ блестящихъ звѣздъ въ созвѣздіи Медвѣдицы.

— Нѣтъ, Айтолка,—отвѣтилъ Апанасъ, слѣдя взоромъ за рукой Айтолконъ.

— А я знаю, это—Фатьма...

— Ну такъ что-же?

— Фатьма—покровительница любящихъ... Разсказать?

— Разскажи, моя звѣздочка, про звѣздочку...

— Давно это было, когда еще только пришли сюда наши первые казаки. Былъ джигитъ Али-храбрый, какъ левъ, красавецъ, какъ самый красивый беркутъ, но былъ онъ бѣденъ. Полюбилъ онъ самую красивую на землѣ дѣвушку Фатьму. Она тоже полюбила его. Послалъ джигитъ сватовъ къ отцу Фатьмы. Гордый Магомбетъ прогналъ сватовъ и сказалъ: „пусть вашъ женихъ приготовитъ калымъ, который былъ бы богаче, чѣмъ мои табуны“... А табуны у Магомбета были по всей степи, и не было его богаче на свѣтѣ... Вышла Фатьма въ степь и зарыдала. Поднялся вихрь и подхватилъ на своихъ крыльяхъ дѣвушку. Принесъ онъ ее на могилу великаго Рустана-батыря...

Царитъ вокругъ ночная тьма. Рокочетъ Сыръ-Дарья. Къ могилѣ

батыря Фатьма стремится, грусть тая. Внимая трепетной рѣкѣ, она зоветъ въ тоскѣ Рустана и плачетъ, какъ дитя. Фатьма къ могилѣ подошла и робко смотритъ въ даль; ей сердце жалитъ, какъ пчела, завѣтная печаль. Но вотъ блеснулъ въ могилѣ свѣтъ...

Склонивши гибкій станъ, Фатьма зоветъ: „приди, Рустанъ! молю: о, дай совѣтъ! Али мой бѣденъ, но уменъ, прекрасенъ и могучъ, свое копье бросаетъ онъ, какъ молнію изъ тучъ. Али сердечно мной любимъ... Во снѣ и наяву я звонкимъ голосомъ своимъ его къ себѣ зову. Но мой отецъ и гордъ, и сѣдъ, онъ гонитъ бѣдняка; любви и чувства больше нѣтъ въ груди у старика. Увы!—я смерти только жду. Молить отца нѣтъ силъ. Онъ беку старому въ орду продать меня рѣшилъ!“... Но вотъ рѣдѣетъ ночи тьма, замолкнулъ плескъ Дарьи...

—„Сдержи, влюбленная Фатьма, рыданія свои!“ Засіяли звѣзды блескомъ перламутра—среди нихъ явилась новая звѣзда... Храбрые джигиты выбились изъ силы и Фатьму все ищутъ около могилы. Самъ отецъ почтенный тоже ищетъ дочку... Гдѣ жъ Фатьма-бѣдняжка?..—Знаетъ только почка!

Перестыя облачка, нѣжно обнявши на востокѣ небосклонъ, заалѣли... Въ зарослях чирикнула птичка...

— Ну, прощай, моя звѣздочка Фатьма! — произнесъ Апанасъ, крѣпко стискивая голову дѣвушки и страстно цѣлуя ея лицо.

— Подожди еще...

— Прощай надолго... Ѣду въ далекій путь...

— Куда?—тревожно спросила Айтолконъ.

— Куда?!. Спроси вотъ у вѣтерка: откуда онъ и куда бѣжитъ? Такъ и я...

Айтолконъ, предчувствуя разлуку навсегда, съ рыданіями бросилась на грудь Апанасу и умоляла его взять съ собой.

— Нѣтъ, Айтолка... Если я возьму, я разлюблю тобя, ты мнѣ постыла станешь... А такъ издали я буду любить тебя и, когда станетъ не въ моготу—пріѣду къ тебѣ... Жди!

Вдѣвая ногу въ стремя, Апанасъ ласково сказалъ дѣвушкѣ, обнявшей шею Маркуса:

— Айтолка! Если у тебя родится сынъ, назови его Али и сдѣлай изъ него храбраго джигита, а если дочка—назови Фатьмой... Я привезу за нее калымъ богаче Магомбетова...

Отдохнувшій Маркусъ сразу взялъ карьеромъ, быстро унося Апанаса въ степную даль...

Айтолконъ смотрѣла въ слѣдъ, пока всадникъ не скрылся въ предразсвѣтныхъ тѣняхъ... Она упала на землю и улавливала съ бьющимся сердцемъ частый топотъ лошади...

Глухія рыданья покинутой дѣвушки были заглушены звонкой пѣсней жаворонка, взлетѣвшаго въ голубую высь изъ подъ самой головы Айтолконъ...

Я. Полферовъ.

Объ открытіяхъ Сибири.

Всѣмъ извѣстно о новомъ открытіи Сибири министрами. Страна эта — исключительная. Америка, Австралія, всякія Африканскія и иныя земли — всѣ открыты по одному разу. Сибирь счастливѣе ихъ. Она завоевана одинъ разъ, а открывалась многократно, продолжаетъ открываться и, конечно, еще много разъ будетъ открыта.

Со временъ завоеванія въ ней перебывало много правителей, но каждый, пріѣзжая сюда (въ первый разъ въ жизни, конечно), неизмѣнно усваивалъ двѣ истины: край великъ и богатъ — золотое дно! — а порядки — хуже быть не могутъ, точно вчера завоеванъ. И пріѣзжій начиналъ заводить свой порядокъ во вновь открытой имъ странѣ...

Въ послѣднія десятилѣтія, когда изъ особаго вниманія къ Сибири провели въ ней желѣзную дорогу для ея процвѣтанія и пріобщенія къ культурному центру, откуда льется на нее живительный свѣтъ, т. е. чтобы привести въ боевое положеніе Востокъ и облегчить вывозъ сибирскихъ богатствъ и колонизацію, — какъ сказка о бѣломъ бычкѣ, повторилась та же исторія открытій. Отъ времени до времени сюда является какая нибудь „важная персона“, уже попавшая во всемірную исторію благодаря изобрѣтенію какого-либо благодѣтельнаго мѣропріятія для Россіи, или же посланные ею ревизоры, и въ результатѣ—восхищеніе богатствами края, огорченіе неустройствомъ управленія и... выводъ: нужно созидать сначала. Таково происхожденіе всѣхъ великихъ реформъ Сибири: лѣсоохранительной, судебной, врачебной, о крестьянскихъ начальникахъ и становыхъ приставахъ, объ урядникахъ и т. д.

И, вотъ, несмотря на недавнее еще обновленіе Сибири, оказывается, что и теперь она, по прежнему, только завоеван-

ная страна и ничего больше: золотое дно, а порядки—заводи сначала... Таково послѣднее по времени открытіе Сибири министрами. Теперь, стало быть, нужно ждать какой-нибудь реформы. И она уже предуказана. А въ будущемъ—опять то же: новое высокопоставленное лицо и т. д...

Изъ строгой повторяемости этихъ фактовъ слѣдуетъ заключить, во-первыхъ, объ опредѣленномъ отношеніи къ Сибири, такъ какъ каждый реформаторъ старается увѣковѣчить въ ней свое имя, и, во-вторыхъ, о полномъ провалѣ каждаго... Послѣднее явленіе давно отмѣчено въ Сибири, какъ неизбѣжное слѣдствіе извѣстныхъ причинъ.

Реформамъ въ образѣ хотя бы „Временныхъ правилъ“ всегда сопутствуютъ обусловливающіе ихъ успѣхъ повые штаты, оклады, усиленныя подъемныя, прогонныя и т. п. Затѣмъ, на мѣста прибываютъ для работы на новой нивѣ „младшія пріѣзжія лица“ по выбору, или назначенію „главныхъ пріѣзжихъ лицъ“. Является такое лицо и сейчасъ же отмѣчаетъ: „край—золотое дно, а порядки“... И начинаетъ творить волю пославшаго, насаждать культуру... Но странно! съ каждымъ пріѣзжимъ повторяется одно и то же. Съ теченіемъ времени, яркость его культурныхъ начинаній блѣднѣетъ въ собственныхъ глазахъ, силы его слабѣютъ. Пріѣзжій истощаетъ, наконецъ, казавшуюся неистощимой энергію и... ждетъ-не дождется, пока пройдутъ положенные закономъ три года, чтобы опять получить подъемныя, прогонныя... А дождавшись, улетаетъ обратно, какъ синица, не зажегшая моря... Его заступаетъ новое пріѣзжее лицо. И такъ далѣе... Сверху все прибываетъ новое, а внизу, въ народѣ, все остается по старому. Видно, сибирское населеніе не очень-то проникается привозными культурными начинаніями...

Но почему? да потому, что не видитъ отъ нихъ ничего хорошаго, даже не можетъ видѣть при всемъ желаніи. Развѣ оно можетъ считать благомъ административное управленіе, очень близкое къ организованному безпорядку, а судомъ—состояніе, близкое къ организованному безсудію и т. д.?

Мѣняются установленія, мѣняются лица и курсъ, тѣсно связанный съ ними, но сущность остается одна, все это—чуждое, не только лишнее, но мѣшающее жить, а нужнаго все нѣтъ, какъ и не было раньше. И Сибирь, конечно, остается прежней Сибирью. Она изкривляется, какъ дерево, опутан-

ное всякими хитроумными приспособленіями, слабѣетъ отъ производимыхъ надъ нею опытовъ, но сущность ея не измѣняется, жизнь ея зиждется на прежнихъ идеалахъ и идетъ, хотя и съ задержками, по своему прежнему руслу.

„Сибирь богата". „Сибирь—золотое дно". Откуда это и—только это? Вѣдь золото достается со дна, только тогда оно и богатство. Богатство не въ дарахъ природы, видныхъ изъ окна министерскаго вагона или съ сидѣнья мягкорессорнаго экипажа, а въ человѣческомъ трудѣ, требующемъ благопріятныхъ условій. Кто этого теперь не понимаетъ? Только „главныя проѣзжающія лица" и, не понимая, они стремятся перенести въ Сибирь плоды своего канцелярскаго творчества въ духѣ исконныхъ началъ. А отъ этого, конечно, и послѣдствія тѣ же, что и въ Россіи. Россія истощилась, изъ богатой сдѣлалась бѣдной. Бѣднѣетъ и Сибирь. И съ тѣхъ поръ, какъ участились наѣзды „высокихъ туристовъ", а слѣдомъ за ними — реформы, обѣднѣніе усилилось. Небывалые здѣсь раньше соціальные бичи—война и голодъ,—увы! уже не новинка для Сибири. Она живетъ подъ угрозой ихъ. Въ одно десятилѣтіе, съ 1894 по 1904 годъ, она вынесла три мобилизаціи (даже одну—ратниковъ ополченія!) и двѣ войны, изъ коихъ вторая—сплошной ужасъ... Жизнь даже въ деревняхъ за послѣднее десятилѣтіе вздорожала вдвое-втрое (про города и говорить нечего), а мѣстами укрѣпился даже голодъ, и крестьяне получаютъ пособіе... Развѣ это было раньше?..

Легко, кажется, убѣдиться, что всѣ мѣропріятія, построенныя на заключеніяхъ главныхъ проѣзжающихъ лицъ о золотомъ днѣ и порядкахъ, требующихъ радикальныхъ преобразованій, ведутъ Сибирь по пути, совершенно обратному ихъ цѣлямъ и ожиданіямъ...

Въ виду этого не лучше-ли обратиться къ самимъ сибирякамъ и спросить ихъ:

— Господа, научите, какъ сдѣлать, чтобы золото вышло со дна на берегъ, и чтобы въ странѣ вашей водворился, наконецъ, порядокъ?

И они съ жаромъ великой любви къ родинѣ и ея благу обнаружатъ доскональное пониманіе нуждъ.

— Наша Сибирь,—скажутъ они,—не поля орошенія, а страна, гдѣ живетъ народъ, имѣющій свое прошлое, свои запросы,

жаждущій лучшаго устройства жизни. Онъ, прежде всего, никогда не желалъ и не хочетъ ссориться ни съ кѣмъ изъ своихъ сосѣдей. Добропорядочныя съ ними отношенія въ теченіе 350 лѣтъ привили ему убѣжденіе, что миръ съ ними—благо для него. Напрасно непрошенные просвѣтители стараются доказать, что источникъ такихъ воззрѣній—дикое невѣжество, что благосостояніе страны только и возможно, когда въ ней изъ десяти лицъ пятеро умѣютъ воевать и, обвѣшенные оружіемъ, стоятъ несмѣтною ратью при пулеметахъ и пушкахъ въ городахъ и на военныхъ корабляхъ, съ угрозой подстерегая моментъ. Напрасно стараются увѣрить его, что недавній военный разгромъ, это—только неудача: „вотъ погодите! понатужимся, пріумножимся и приготовимся,—тогда увидите"! Скорбя о напрасной потерѣ дорогихъ сыновъ, накопленныхъ долгимъ трудомъ достаткахъ и времени, онъ затаилъ въ душѣ неискоренимое недовольство просвѣтителями и не отказался отъ мысли: какъ бы вернуть прочный миръ съ сосѣдями прежнихъ временъ, т. е. миръ безъ договорныхъ обѣщаній и возмѣщеній, этихъ замаскированныхъ подходовъ къ кровавой дракѣ.

Также жаждетъ народъ и мира внутренняго, видя въ немъ главный нервъ хорошей жизни и вѣрнѣйшій путь къ благосостоянію. Онъ понимаетъ его по-своему,—какъ отсутствіе междоусобицы и разногласій съ власть имущими. Взглядъ его на людей, выработавшійся вѣками, простъ: передъ внѣшней природой всѣ люди равны, трудись и получай, что тебѣ нужно. А если всѣ равны передъ природой, то не должно быть неравенства и между собою. Въ этомъ смыслѣ только и нуженъ писанный законъ, чтобы предупреждать и сглаживать рѣзкости неравенства совмѣстной жизни. Отсюда и высокая, по его взглядамъ, задача чиновника: онъ—слуга закона и долженъ быть другомъ народа, а не вредить его интересамъ.

Ясно, что съ такими взглядами, чистокровный демократъ-сибирякъ не можетъ усвоить самую, повидимому, простую теорію россійскаго происхожденія о черной и бѣлой кости, о красной и голубой крови; онъ никогда не пойметъ, что вести темную народную массу по пути культуры—историческая миссія благороднаго сословія, какимъ прежде были помѣщики-душевладѣльцы, а теперь чиновники-дватцатники;

не пойметъ, что именно эти послѣдніе—цвѣтъ народа и соль земли, и увеличеніе ихъ арміи ведетъ къ народному счастью. Отъ этой теоріи вѣетъ на него чуждымъ „россійскимъ“ началомъ, вѣковѣчной личной зависимостью, наслѣдіемъ татарщины. Наслѣдственный же инстинктъ сибиряковъ—отвращеніе отъ крѣпостной неволи. Въ этомъ сказываются и потомки бѣглецовъ, искавшихъ воли изъ-подъ власти барства, солдатчины, заводскаго ярма и т. п., и весь историческій процессъ образованія страны.

Нужно было видѣть изумленіе крестьянъ, когда лѣтъ 10 назадъ появились настойчивые слухи о проектѣ насажденія среди нихъ дворянскаго землевладѣнія, и заговорили о „заповѣдныхъ участкахъ“.

— Россійскіе помѣщики!—говорили они:—да здѣсь они съ голоду помрутъ, на нихъ вѣдь работать никто не станетъ, у каждаго земли довольно,—и вышучивали эту затѣю.

Тотъ же инстинктъ породилъ въ народѣ опредѣленное отношеніе и къ реальному чиновнику. Величая его „барином“, оказывая ему, какъ умѣетъ, внѣшніе знаки почтенія, народъ смотритъ на него съ точки зрѣнія временной пользы или вреда, прибѣгая въ нужныхъ случаяхъ къ вѣрнѣйшему со временъ татарщины средству—„подмазкѣ“ и „отступному“, но не вѣритъ ему и не уважаетъ.

Мелькнуло, было, иное отношеніе къ чиновнику на самое короткое время, когда появился новый „баринъ“—крестьянскій начальникъ. Народъ представилъ себѣ его роль по-своему: онъ хотѣлъ видѣть въ немъ отца-заступника отъ чиновничьихъ притѣсненій, благодѣтеля и устроителя. Но скоро понялъ, что „крестьянскій“—просто опекунъ-надзиратель, старая сущность въ новой формѣ для большей прочности исконнаго порядка.

Разладъ между идеалами сибиряка и дѣйствительностью, благодаря внутренней политикѣ, достигъ небывалыхъ размѣровъ со времени проведенія желѣзной дороги. Нахлынувшая армія чиновниковъ полонила жизнь, лишивъ ее возможности проявлять общественную самодѣятельность. Изъ двухъ началъ, встрѣтившихся на одной дорогѣ, „свое“ и „россійское“, второе стало игнорировать первое, угнетать его, и жизнь раздѣлилась на два теченія: верхнее — оффиціальное и нижнее—свое, народное. Японская война ускорила ходъ розни.

Смерчъ войны взбудоражилъ всю Сибирь до самыхъ глубинъ, всюду обнаружилась рѣшимость избавиться отъ „россійскаго", т. е. чиновничьяго режима, но... явились карательныя экспедиціи... Надежды рушились, но Сибирь осталась съ прежними запросами къ жизни. Даже крестьяне давнымъ-давно видятъ свою отсталость и умственную, и хозяйственно-экономическую. Безграмотность и процвѣтаніе на этой почвѣ старо-русскаго кулачества во всѣхъ видахъ—давнишнія бѣльма на глазахъ, просящихъ свѣта. Также давно сознается и причина общей неурядицы въ частной жизни, давно выросшей изъ архаическихъ одеждъ отечественныхъ гражданскихъ законовъ (напр., непризнаніе гражданскаго брака, существующаго издавна въ сознаніи и дѣйствительности). Далѣе, сибирякъ — по преимуществу сельскій хозяинъ, городская жизнь только-только развивается. Вопросъ о правѣ на землю общества хлѣбопашцевъ и государства — давнишній вопросъ въ Сибири. Раньше онъ не имѣлъ остроты, потому что земли было сравнительно много, а съ увеличеніемъ переселенія онъ попалъ въ первую очередь. Рядомъ съ нимъ ждутъ разрѣшенія вопросы сельскаго хозяйства. А чрезмѣрный ростъ населенія и вмѣстѣ съ нимъ, благодаря измѣненію къ худшему матеріальныхъ условій жизни,—быстрое обѣднѣніе народныхъ массъ породило и новые вопросы, напр., рабочій. И т. д.

Гдѣ же справиться со всей вереницей этихъ вопросовъ чуждымъ народу русскимъ чиновникамъ?

Давно вопіетъ Сибирь: откройте доступъ къ просвѣщенію каждому, сдѣлайте возможной борьбу съ кулачествомъ, устройте правосудіе и пересмотрите гражданскіе законы, учредите же, наконецъ, земство и т. д., и т. д. Въ отвѣтъ на всѣ эти просьбы и мольбы — новыя „проѣзжающія лица" и ихъ реформы, въ которыхъ Сибирь видитъ лишь старое, вывороченное на новый ладъ...

Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ дать ей нахлынувшаяся на нее многочисленная русская полиція, состоящая изъ пріѣзжихъ изъ-за Урала чиновъ, натасканныхъ для новыхъ пріемовъ успокоенія? Народъ видитъ, что по прежнему нѣтъ личной безопасности и чувствуетъ безпокойство за будущее... Что могутъ дать реалисткѣ-Сибири, просящей просвѣщенія, церковно-приходскія школы, классическія гимназіи въ придачу къ семинаріямъ и вообще вся средняя школа

съ „футлярными людьми“, ограниченіе доступа въ лучшіе университеты? И развѣ признаютъ сибиряки, давно жаждущіе справедливости, что лучшій судъ, это—судьи, пріѣзжіе со стороны, въ чиновничьей формѣ, въ цѣпяхъ, знающіе лишь свое начальство, свои канцеляріи и бумажныя дѣла? Нѣтъ. Они хотятъ видѣть судьями лицъ, выбранныхъ изъ своей среды, хорошо знающихъ мѣстное населеніе, мѣстныя особенности быта и условій жизни.

Такъ же и съ земствомъ. Въ Сибири знаютъ, что нѣтъ ничего легче, какъ устроить его. Населеніе—вездѣ однородное, одно земледѣльческое сословіе, общіе общественные интересы... Выбирай администрацію въ духѣ самоуправленія, распредѣляй функціи и принимайся за дѣло. Сибирякъ отказывается понять, что учрежденіе земства въ Сибири, это—такой огромный и сложный вопросъ, что для рѣшенія его нужны вѣка, а пока—коммиссіи и коммиссіи, собирающія матеріалы, груды матеріаловъ, раньше земства нужно заселеніе свободныхъ пространствъ. Пусть сибиряки думаютъ, что вся земля принадлежитъ имъ, что свободной земли нѣтъ, а если и будетъ со временемъ отвоевана у тайги, то для потомковъ старожиловъ... Земля принадлежитъ Главному Переселенческому Управленію, оно можетъ распоряжаться ею по своему... А что касается антагонизма между старожилами и переселенцами въ настоящемъ и толковъ о лѣсномъ и земельномъ голодѣ въ будущемъ, все это—выдумки...

И отъ такихъ мѣръ устроители Сибири ожидаютъ процвѣтанія ея и водворенія въ ней гражданскаго порядка! Нѣтъ, получается только сумятица и растетъ глухая, скрытая вражда между сибиряками и „россійскими“ людьми; вмѣсто обновленія жизни, получается обостреніе прежней розни и ненависть къ чиновничьимъ насажденіямъ.

Золото выступитъ со дна на берегъ и водворится порядокъ въ Сибири, только когда исчезнетъ эта рознь между „сибирскимъ“ и „россійскимъ“, между „сибиряками“ и „россійскими“. А это возможно лишь тогда, когда Сибирь избавится отъ чиновничьей опеки и сама станетъ заботиться о себѣ. Только тогда.

Владиміръ Анучинъ.

Въ Таврическомъ дворцѣ.

ФИНАНСОВАЯ КОММИССІЯ. Два первыхъ засѣданія финансовой коммиссіи Государственной Думы были посвящены вопросамъ, близко затрагивающимъ интересы Сибири.

Въ первомъ засѣданіи 16 октября коммиссія обсуждала заявленіе 35 членовъ Государственной Думы „объ обращеніи къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и торговли и промышленности, въ порядкѣ ст. 40 учр. Государственной Думы, съ вопросомъ по поводу неустановленія правильнаго расписанія рейсовъ пароходовъ Добровольнаго флота по Охотскому и Беринговому морямъ и гибели 11 рыбаковъ вслѣдствіе незахода парохода „Антунгъ“ въ Камбальную“. Отвѣты представителей вѣдомствъ оказались неполными, противорѣчивыми, и коммиссія постановила слушаніе дѣла отложить, предложивъ вѣдомствамъ представить дополнительныя объясненія.

Вторымъ шелъ вопросъ объ организаціи каботажнаго плаванія въ нашихъ дальневосточныхъ моряхъ. Министры внутреннихъ дѣлъ и торговли и промышленности предложили законопроектъ въ такой редакціи: „Приамурскому генералъ-губернатору предоставляется, срокомъ по 1 октября 1913 года, разрѣшать, въ исключительныхъ случаяхъ, иностраннымъ паровымъ судамъ отдѣльные въ прибрежныхъ къ Приамурскому краю водахъ каботажные рейсы; въ теченіе того же срока генералъ-губернаторъ уполномачивается допускать, на прежнихъ основаніяхъ, участіе въ каботажныхъ перевозкахъ отъ границы Кореи до залива Святой Ольги иностранныхъ парусныхъ судовъ“.

Эта льгота въ пользу иностраннаго каботажа въ представленіи министровъ мотивируется исключительно потребностями русскаго населенія далекой окраины, опасеніемъ, что при крайне слабомъ развитіи русскаго каботажа мѣстное населеніе можетъ оказаться въ чрезвычайно трудномъ положеніи. Большинство финансовой коммиссіи, принимая во вниманіе сообщенія нѣкоторыхъ членовъ ея о томъ, что генералъ-губернаторы правомъ своимъ въ исключительныхъ случаяхъ разрѣшать плаваніе иностраннымъ судамъ до самаго послѣдняго времени пользовались слишкомъ широко и неосмотрительно въ ущербъ интересамъ русскаго судо-

ходства, усматривая, что при этихъ льготныхъ условіяхъ правительствомъ сдѣлано слишкомъ мало для организаціи на Дальнемъ Востокѣ русскаго каботажа, постановило высказаться за отклоненіе законопроекта. Законопроектъ признанъ срочнымъ, и можно думать, что въ недалекомъ будущемъ онъ поступитъ на разсмотрѣніе общаго собранія Государственной Думы.

Въ засѣданіи 19 октября та же коммиссія обсуждала законопроектъ министерства торговли и промышленности „о пересмотрѣ нѣкоторыхъ временныхъ таможенно-тарифныхъ постановленій". Подъ этимъ скромнымъ заголовкомъ кроется проектъ чрезвычайной важности, особенно, для сибиряка-земледѣльца, проектъ о введеніи и повышеніи пошлинъ на сельско-хозяйственныя машины и принадлежности къ нимъ. Какъ извѣстно, таможенная коммиссія и междувѣдомственное совѣщаніе большинствомъ голосовъ высказались за введеніе и повышеніе пошлинъ на эти предметы. Это рѣшеніе вызвало энергичную борьбу со стороны представителей сельскохозяйственной промышленности, и министерству торговли и промышленности пришлось балансировать, изыскивая средства удовлетворить аппетиты заводчиковъ и успокоить тревогу сельскихъ хозяевъ. Выходъ найти оказалось далеко не такъ легко, и министерство предпочло вопросъ отсрочить. Въ законодательныя учрежденія внесено предложеніе продлить срокъ дѣйствующаго льготнаго тарифа, истекающій 1 января 1911, до 1 іюля 1912 года. Финансовая коммиссія предложеніе это приняла, но срокъ дѣйствія льготнаго тарифа сократила до 1 апрѣля 1912 года. Мотивъ чрезвычайно любопытенъ. Большинство подчеркнуло, что въ іюлѣ 1912 года, междодумье, къ этому сроку полномочія третьей Думы окончатся, четвертая не будетъ еще собрана. Если дать этотъ срокъ, то правительство легко можетъ въ порядкѣ 87 ст. ввести такой тарифъ, который для законодательныхъ учрежденій будетъ непріемлемъ. Какъ видимъ, тамъ, гдѣ затропуты шкурные интересы, и большинство третьей Думы умѣетъ найти средства для отстаиванія ихъ..

При бѣгломъ просмотрѣ постановленій таможенной коммиссіи промышленникъ В. А. Карякинъ предложилъ было немедленно ввести пошлину на шпагатъ (бечеву для снопо-

вязалокъ). Какъ набросились на него думцы землевладѣльцы! Какая горячая схватка разыгралась! Прообразъ того, что будетъ въ Думѣ при обсужденіи вопроса во всей полнотѣ. Землевладѣльцы не только изъ октябристовъ, а націоналисты, самъ Марковъ 2-ой забыли свои лозунги о покровительствѣ національной промышленности и горячо стояли за иностранныя сельскохозяйственныя машины.

Депутатъ.

Еще объ Амурской дорогѣ.

Членъ Государственной Думы, Ѳ. Н. Чиликинъ, въ газетѣ „Рѣчь“ сообщаетъ о постройкѣ пресловутой Амурской дорогѣ, какъ водится, невеселыя вѣсти. Постройка идетъ черепашьимъ шагомъ и тѣ, кто настаивалъ на этомъ многомилліонномъ и ненужномъ пока предпріятіи, могутъ воочію убѣдиться теперь, какъ основательны были всѣ доводы ихъ пламенныхъ рѣчей, когда они требовали немедленно санкціонировать начатую уже, и безъ санкціи законодательныхъ учрежденій, постройку. Камергеръ Гондатти, „путешествуя верхомъ и пѣшкомъ вдоль строющейся линіи“, и даже командированный по высочайшему повелѣнію изъ Петербурга г. Вурцель, хотя и сильно интересовались причинами замедленія, но дѣлу не помогли.

Членъ Государственной Думы избралъ болѣе правильный путь для изслѣдованія причинъ царящей неурядицы. Онъ обратился за собираніемъ свѣдѣній къ своимъ избирателямъ, и они, конечно, дали болѣе опредѣленное объясненіе всему происходящему.

Оффиціальныя сферы все сваливаютъ на весеннюю забастовку, между тѣмъ, она послужила на пользу инженерамъ и подрядчикамъ: они, благодаря ей, стали добиваться права нанимать отъ 15 до 20% китайскихъ кули, въ противовѣсъ повышеннымъ якобы требованіямъ русскихъ рабочихъ.

Какъ только дѣло касается кармана, патріоты наши забываютъ о раздуваемой ими при случаѣ „желтой опасности“. Нужды нѣтъ, что, по словамъ депутата Ѳ. Н. Чиликина, одинъ слухъ, „что на Амурскую дорогу нанимаютъ 15—20% китайцевъ, вызоветъ такую волну эмиграціи, которая заполнитъ, не умѣстившись въ норму 15—20%, и тайгу, и деревни, и города“.

Лишь бы не зависѣть отъ русскихъ рабочихъ, устраивающихъ забастовки,—къ слову сказать, вызываемыя все тѣми же неурядицами, царящими на постройкѣ. Уже одно то, что такое грандіозное предпріятіе не вызвало даже появленія крупныхъ подрядчиковъ, съ солидными капиталами, показываетъ, какъ смотрятъ на условія постройки серьезные предприниматели. А та мелочь, что довольствуется какими бы то ни было барышами, выколачиваетъ эти барыши изъ рабочихъ, эксплуатируя ихъ на всевозможные лады.

И вмѣсто того, чтобы „верхомъ и пѣшкомъ“ искать причинъ неурядицъ, надо было бы прежде всего урегулировать положеніе этихъ многихъ тысячъ „смоленцевъ, могилевцевъ, орловцевъ“, привезенныхъ съ ихъ далекой родины и вынужденныхъ прибѣгнуть къ забастовкѣ въ виду невыносимаго матеріальнаго положенія и эксплуатаціи.

Но забастовка—жупелъ, и передъ нимъ не можетъ устоять карающая рука администратора. Поэтому и весенняя забастовка, „благодаря нелѣпымъ пріемамъ вмѣшательства забайкальскаго губернатора“, окончилась „уходомъ съ работъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ“.

Это, конечно, проще... для забайкальскаго губернатора. Нужды нѣтъ, что „если разрѣшеніе затрудненій при постройкѣ Амурской дороги усмотрятъ въ томъ, чтобы допустить китайскихъ кули,—то эта мѣра приведетъ къ еще большему окитаянію Приамурья“.

Лишь бы это не имѣло вида уступки забастовщикамъ. А китайцевъ... Китайцевъ, если они вздумаютъ окитаять Приамурье... шапками закидаемъ.

Сибирскія письма.

Омскъ (*Дѣла „Союза русскаго народа“*). Не везетъ нашимъ истинно-русскимъ „дѣятелямъ“ и незавидно положеніе омскаго отдѣла „Союза русскаго народа“, несмотря на довольно-таки энергичную поддержку со стороны высшей мѣстной администраціи, какъ свѣтской (особенно военной), такъ и духовной, въ лицѣ владыки Гавріила. Смерть унесла Домнина. Пріостановился жалкій листокъ „Голосъ Сибири“,—столько-же, надо полагать, отъ недостатка сотрудниковъ, сколько и отъ истощенія денежныхъ средствъ; не помогли

ему субсидіи (напримѣръ, за печатаніе экземпляровъ для мѣстныхъ воинскихъ частей), и какъ областная, такъ и штабная типографія, гдѣ листокъ печатался, понесли убытки. Въ настоящій моментъ во главѣ отдѣла стоитъ инспекторъ городского училища Куминовъ. На послѣднемъ собраніи отдѣла онъ сообщилъ, что съѣздилъ въ Томскъ, гдѣ узналъ, что и тамъ „Союзъ“ въ упадкѣ. Затѣмъ заявилъ, что все-таки попытается воскресить газетку. На этомъ малолюдномъ собраніи почти не было духовенства, несмотря на разосланное преосвященнымъ требованіе, чтобы каждый священникъ записался въ „непремѣнные члены“ „Союза“.

Всего невыгоднѣе для „Союза“ то обстоятельство, что въ числѣ его членовъ (съ самаго возникновенія) были субъекты нравственно скомпрометированные, вродѣ убѣжавшаго съ чужой шубой дьякона Б—рова, о которомъ, между прочимъ, упоминалось въ одной изъ корреспонденцій „Сибирскихъ Вопросовъ“. Этой осенью Б—ровъ (бывшій одно время правой рукой саратовскаго Гермогена) вновь заставилъ говорить о себѣ: снова пріѣхавъ въ Омскъ, уже священникомъ, онъ устроилъ кутежъ съ женскимъ поломъ въ гостинницѣ „Россія“ (послѣ чего, говорятъ, послалъ счетъ въ мѣстную консисторію, издѣваясь надъ нею), а потомъ перешелъ въ расколъ... Но гораздо чувствительнѣе для „Союза“ новый скандалъ съ бывшимъ главаремъ его, племянникомъ архіерея, протоіереемъ Голосовымъ, которому не даютъ спать „лавры“ о. Восторгова. Уже давненько подкапывался онъ подъ законоучителя мужской гимназіи о. Алерскаго, желая и тамъ захватить уроки (такъ же, какъ ранѣе отнялъ онъ мѣсто у законоучителя 2-й женской гимназіи, о. Гусева). Недавно о. Алерскому удалось доказать неосновательность доноса Голосова, будто-бы онъ былъ на танцахъ на вечерѣ женской гимназіи. Такъ какъ со стороны Голосова, при его упорствѣ и беззастѣнчивости, надо было ожидать новыхъ козней, то о. Алерскій прибѣгнулъ къ такому средству. Онъ раздобылъ нѣсколько компрометирующихъ Голосова посланій къ гимназисткамъ; подлинныя послалъ къ попечителю округа, а копіи—въ синодъ, съ просьбой прислать для слѣдствія чиновника изъ Петербурга, такъ какъ мѣстное духовенство терроризировано Голосовымъ, близкимъ къ архіерею. Попечитель переслалъ письма директору Курочкину, кото-

рый и ведетъ слѣдствіе. Одновременно являлась, говорятъ, къ архіерею мать одной изъ задѣтыхъ гимназистокъ съ жалобой на Голосова, но ей было отвѣчено: „Прости его! Онъ намъ необходимъ“. Таковы толки. А мѣстныя газеты, конечно, молчатъ. Недавно г. Шмидтъ призывалъ редакторовъ и потребовалъ, чтобы они ничего не печатали ни о сенаторской ревизіи, ни о немъ, генералъ-губернаторѣ, когда онъ, напримѣръ, посѣщаетъ то или иное учрежденіе въ городѣ. Поводомъ послужила, говорятъ, замѣтка о посѣщеніи генералъ-губернаторомъ городской больницы, на нужды которой было имъ пожертвовано три рубля; но, конечно, о замѣткѣ этой не было упомянуто при личномъ внушеніи. Лѣтомъ, въ отсутствіе г. Шмидта, „Омскій Телеграфъ“ давалъ много свѣдѣній о ревизіи.

Семипалатинскъ (*„За Богомъ молитва, за царемъ служба—не пропадаютъ“*). Извѣстно, сколько волненій, сколько тревогъ вызываютъ экзамены на аттестатъ зрѣлости!. Экзамены въ здѣшней гимназіи подвигались уже къ концу, что очень радовало воспитанниковъ, истомленныхъ физически и духовно. На очереди стоялъ предпослѣдній экзаменъ по нѣмецкому языку. Для подготовки къ нему дано было всего три дня, и въ этотъ короткій срокъ нужно было вызубрить грамматику, испещренную склоненіями, спряженіями и всякими исключеніями. Вдругъ получилось извѣстіе, что въ гимназіи будетъ генералъ-губернаторъ Шмидтъ.

Положеніе гимназистовъ сразу стало отчаяннымъ, такъ какъ къ усиленной подготовкѣ къ экзамену присоединилась ежедневная „маршировка“ по волѣ директора, пожелавшаго встрѣтить начальника края по военному. Военныя упражненія отнимали у гимназистовъ до 5 часовъ времени въ день, послѣ чего, усталые, они брались за свои учебники. При такомъ положеніи дѣла нельзя было и думать объ обстоятельной подготовкѣ, и нѣкоторые уже ждали печальнаго исхода на предстоявшемъ экзаменѣ... Но судьбѣ угодно было распорядиться по своему.

Наканунѣ пріѣзда г. Шмидта директоръ гимназіи произнесъ своимъ воспитанникамъ рѣчь. Въ ней онъ трогательно просилъ ихъ не осрамиться при выполненіи военныхъ упражненій, относительно же экзаменовъ намекнулъ, что „за Богомъ молитва, за царемъ служба даромъ не пропадутъ“...

Послѣднія слова директора запечатлѣлись глубоко въ сердцахъ гимназистовъ и подавали не малую надежду на счастливый исходъ экзаменовъ. Ожиданія сбылись. Въ день пріѣзда г. Шмидта гимназисты съ 7 часовъ утра и до 3 часовъ дня обнаруживали передъ генералъ-губернаторомъ не только свои познанія въ воѣнномъ искусствѣ, но и терпѣніе выслушивать его безконечныя приторныя рѣчи... Экзаменъ по нѣмецкому языку былъ отложенъ на вечеръ. Слова директора сбылись: „за царемъ служба даромъ не пропала"—экзаменъ у всѣхъ сошелъ отлично; говорятъ даже, что нѣкоторые гимназисты, только благодаря церемоніальному маршу передъ лицомъ генералъ-губернатора, получили аттестатъ зрѣлости...

Томскъ (*Торжество культуры*). Двадцать шестого октября состоялось торжественное открытіе новаго разсадника высшаго образованія въ Сибири — первыхъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Нельзя не признать весьма удачной мысль организаторовъ этого дѣла — пріурочить торжество ко дню сибирскаго праздника.

26 октября 1582 года вольная дружина во главѣ съ Ермакомъ Тимофеевичемъ вошла въ покинутую ханомъ Кучумомъ столицу сибирскаго царства Искеръ. Этотъ день—26 октября—считается днемъ сибирскаго праздника. Съ этого дня начинается непрерывное движеніе русскаго народа за Уральскій хребетъ. Присоединяется къ Россіи сначала западная Сибирь, позже и вся восточная Сибирь; и русскіе проникаютъ въ глубь Азіи до естественной границы—до береговъ Великаго Океана. Такое расширеніе русской территоріи на счетъ громадныхъ пространствъ, то совсѣмъ не заселенныхъ, то мало населенныхъ стоящими на первобытной ступени культурнаго развитія сибирскими инородцами, ставятъ передъ русскими людьми высокую историческую миссію—здѣсь, въ Азіи: они призваны быть носителями западно-европейской культуры, призваны пріобщить Сибирь къ западно-европейской культурѣ.

Съ грустью приходится признать, что эта задача разрѣшалась весьма неудовлетворительно. Впрочемъ, нельзя этому удивляться. Жизнь колоніи зависитъ отъ условій жизни метрополіи. И если европейская Россія шла въ хвостѣ общемірового прогресса, то кто же упрекнетъ Сибирь въ отста-

лости? Но законы исторіи непреложны. Раньше или позже свѣтъ западно-европейской культуры долженъ озарить Сибирь. Слава тѣмъ русскимъ людямъ, которые въ полномъ сознаніи лежащей на нихъ миссіи, разводятъ въ Сибири очаги свѣта. Одинъ изъ такихъ очаговъ—первые Сибирскіе Высшіе Женскіе Курсы, открытые въ Томскѣ 26 октября 1910 года.

Торжество открытія началось молебномъ, отслуженнымъ въ помѣщеніи курсовъ профессоромъ богословія Томскаго университета, протоіереемъ Я. Галаховымъ. Послѣ молебна о. протоіерей сказалъ привѣтственное слово учащимъ и учащимся, въ которомъ подчеркнулъ, что съ точки зрѣнія христіанской религіи нѣтъ различія между мужчиной и женщиной, что нѣтъ и не можетъ быть антагонизма между наукой и вѣрой, что наука убиваетъ суевѣріе, но не вѣру.

Послѣ этого торжество перенесено было въ болѣе обширное помѣщеніе Общественнаго Собранія. Къ 1 часу дня громадный залъ Общественнаго Собранія былъ буквально переполненъ: всѣ мѣста и всѣ проходы были заняты; многіе, не попавшіе въ залъ, толпились въ коридорахъ.

На эстрадѣ помѣстились члены комитета доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ во главѣ съ товарищемъ предсѣдателя (и. об. предсѣдателя) бывшимъ директоромъ Технологическаго Института Е. Л. Зубашевымъ (въ числѣ членовъ—Г. Н. Потанинъ) и члены Педагогическаго Совѣта Курсовъ во главѣ съ первымъ директоромъ, проф. А. В. Лаврскимъ.

Представитель учебнаго вѣдомства, окружной инспекторъ А. В. Поповъ объявилъ курсы открытыми и обратился съ привѣтствіемъ къ учащимъ и учащимся.

Послѣ г. Попова на каѳедру вошелъ Е. Л. Зубашевъ, встрѣченный громкими аплодисментами. Онъ познакомилъ присутствующихъ съ исторіей возникновенія курсовъ, подчеркнулъ, что курсы — результатъ частной иниціативы, что долгъ мѣстнаго общества—поддержать начатое дѣло.

Директоръ курсовъ проф. Лаврскій произнесъ рѣчь на тему о значеніи научнаго образованія. Одинъ изъ преподавателей курсовъ профессоръ университета Н. Ѳ. Кащенко прочиталъ первую лекцію по зоологіи на тему „о живомъ тѣлѣ“.

Объявленъ перерывъ. Послѣ перерыва происходило че-

ствованіе организаторовъ и устроителей курсовъ. Личныя привѣтствія были принесены отъ имени Томскаго городского управленія, совѣта Томскаго университета, совѣта Томскаго технологическаго института, начальницы одной частной гимназіи, томскихъ обществъ—естествоиспытателей и врачей, техническаго, педагогическаго, сибирскихъ инженеровъ, взаимопомощи учащимся, отъ студентовъ университета, отъ вольнослушательницъ университета, отъ студентовъ технологическаго института, отъ редакціи и сотрудниковъ газеты „Сибирская Жизнь“, отъ цѣлаго ряда студенческихъ организацій—отъ студенческаго пироговскаго общества при университетѣ, отъ философскаго кружка при университетѣ, отъ техническаго кружка при институтѣ, отъ сибирскихъ землячествъ и др. Письменныя привѣтствія присланы отъ разныхъ общественныхъ организацій и частныхъ лицъ изъ Томска и другихъ городовъ Сибири. Наконецъ, получено около 100 телеграммъ изъ Сибири и Европейской Россіи — отъ высшихъ учебныхъ заведеній, городскихъ управленій, органовъ печати, частныхъ лицъ.

Торжество вышло поистинѣ грандіознымъ, величественнымъ и знаменательнымъ. Собравшаяся на торжество томская интеллигенція демонстрировала свое настроеніе и свои симпатіи. Казалось, какіе-то невидимые электрическіе токи соединяютъ всѣхъ сидѣвшихъ и стоявшихъ въ залѣ съ тѣми, которые находились на эстрадѣ. Живой откликъ находили въ сердцахъ слушателей раздававшіяся съ эстрады рѣчи о наукѣ, просвѣщеніи, культурѣ. Были моменты, когда публика съ особенной силой подчеркивала свое сочувствіе тому, что видѣла и слышала. Одно появленіе на каѳедрѣ „опальнаго“ Зубашева было привѣтствовано громкими аплодисментами. Точно также было привѣтствовано громкими аплодисментами одно упоминаніе (въ привѣтствіи представителя редакціи „Сибирской Жизни“) имени другого „опальнаго“ Потанина. Бурные взрывы аплодисментовъ вызывали тѣ привѣтствія, въ которыхъ звучала бодрая вѣра въ свѣтлое будущее, въ торжество правды и справедливости.

На торжествѣ были и оффиціальные представители вѣдомствъ: управляющій губерніей тайный совѣтникъ Извѣковъ, окружный инспекторъ Поповъ, инспекторъ по дѣламъ печати Виноградовъ и др. Для нихъ торжество было

своего рода поучительнымъ урокомъ нагляднаго обученія. Они должны были воочію убѣдиться въ томъ, какъ далеко расходятся—канцелярская и общественная точка зрѣнія.

Въ тотъ же день, позже, въ томъ же помѣщеніи былъ „Сибирскій вечеръ", устроенный въ пользу томскаго Общества попеченія о народномъ образованіи. Г. Н. Потанинъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о томъ, какъ праздновали въ разное время сибиряки день 26 октября въ Петербургѣ, Москвѣ, Иркутскѣ и Томскѣ. Чрезвычайно любопытный—цѣнный докладъ прочиталъ профессоръ томскаго университета М. И. Боголѣповъ на тему „объ успѣхахъ матеріальной культуры". Докладъ этотъ былъ какъ бы связующимъ звеномъ между сибирскимъ вечеромъ и дневнымъ торжествомъ. Докладчикъ широкими штрихами нарисовалъ картину успѣховъ матеріальной культуры, достигнутыхъ разными народами; указалъ на отсталость культурную Россіи и въ частности Сибири; остановился на перспективахъ будущаго: центръ имѣющихъ міровое значеніе экономическихъ отношеній переносится на Востокъ; Россія близко стоитъ къ этому центру; Сибирь является аванпостомъ; для того, чтобы Россія могла воспользоваться выгодами своего положенія, нужны мѣры, направленныя на развитіе культуры въ Сибири.

Томскій.

Красноярскъ (*Условія труда топографовъ переселенческаго управленія*). Минуло лѣто, а вмѣстѣ съ нимъ кончились и черновыя работы по образованію переселенческихъ участковъ на мѣстахъ. Топографы переселенческаго управленія съѣхались въ Красноярскъ и радостно потираютъ руки въ ожиданіи приличной денежной награды, повышенія по службѣ, представленія къ чину или къ ордену за усердіе. Они и вправѣ разсчитывать на особое вниманіе со стороны начальства, потому что рѣдкій изъ нихъ представилъ управленію результаты своихъ лѣтнихъ трудовъ въ размѣрѣ 5—10 тысячъ десятинъ. У большинства эта цифра достигаетъ 25—30 и даже 40 тысячъ. Цифры говорятъ сами за себя, и какъ же въ такомъ случаѣ не выразить особой признательности топографамъ за проявленное усердіе къ дѣлу переселеній?

Но обратимся къ другой половинѣ тружениковъ переселенческаго управленія—къ рабочимъ. Правда, они люди

не чиновные, безграмотные, часто грубые, но вѣдь ихъ мозолистыя руки и даютъ топографу тѣ 30—40 тысячъ десятинъ, за которыя онъ съ трепетомъ ожидаетъ награды.

Торгашескій порядокъ найма, низкая поденная плата и утомительно длинный рабочій день—всѣ эти обычныя язвы рабочаго класса сопровождаются еще и другими, такъ сказать, „спеціальными“ лишеніями.

Начнемъ съ найма. Топографъ, пріѣзжая въ деревню, обычно черезъ старосту, оповѣщаетъ крестьянъ, что ему нужны рабочіе. Черезъ часъ у квартиры „инженера“ толпа крестьянъ, всѣ хотятъ получить работу, но топографу изъ этой массы свободныхъ рукъ нужно выбрать только 7 или 8 человѣкъ. Начинается обычная торговля „съ запросомъ“. Остается тотъ, кто соглашается дешевле. Хотя у топографовъ и бываютъ справочныя цѣны, посылаемыя имъ волостными правленіями, но „инженеры“ пользуются этими документами лишь тогда, когда требуется доказать, что запрашиваемую рабочими плату принять нельзя вслѣдствіе ея дороговизны.

— Нельзя дать вамъ такую плату,—обычно говорятъ они.—У насъ есть бумага изъ волости съ указаніемъ цѣнъ, и больше того, что тамъ сказано, платить нельзя. Сами знаете, дѣло казенное, контроль и пр.

— Да мы, баринъ, понимаемъ, вѣстимо, дѣло казенное,— уступчиво говорятъ рабочіе и вскорѣ соглашаются на предложенную плату.

Минувшимъ лѣтомъ рабочій день, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій, оцѣнивался отъ 1 руб. 20 до 1 руб. 80 к. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ платили и по 1 руб., а высшій размѣръ платы примѣнялся только въ теченіе 2—3-хъ недѣль горячей страдной поры, да и то лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Что касается продолжительности рабочаго дня, то онъ бываетъ отъ зари до зари. А это въ переводѣ на цифры для лѣтнихъ мѣсяцевъ выразится 15—18 часами, исключая обѣденное время.

Относительно продолжительности рабочаго дня одинъ топографъ (у котораго, какъ исключеніе, условія работы лучше) сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Теперь еще хорошо, стемнѣло—и кончаешь работу. А

вотъ лѣтъ семь тому назадъ пріѣхалъ какъ-то ко мнѣ на линію ревизоръ въ сумерки и удивился, что я кончилъ работу. „Вѣшекъ не видно“, говорю ему.

— А вы попробуйте,—отвѣчаетъ онъ,—работать съ фонарями. Повѣсьте на двѣ послѣднія вѣхи по фонарю, и тогда видно будетъ. Попробуйте, попробуйте и тогда убѣдитесь, что можно работать...

Но топографъ все-таки не примѣнилъ рекомендованный способъ.

Къ области „спеціальныхъ“ лишеній относятся главнымъ образомъ тѣ, которыя возникаютъ во время передвиженій въ періодъ работъ и при храненіи провіанта.

Нужно сказать, что въ большинствѣ случаевъ работы по образованію переселенческихъ участковъ производятся за нѣсколько верстъ отъ той деревни, гдѣ топографъ остановился и нанялъ рабочихъ. Это разстояніе иногда бываетъ верстъ въ 25—30 и заходы въ тайгу дѣлаются дней на 25—30, а иногда и дольше. 2—3-хъ лошадей, которыя имѣются у топографа, бываетъ далеко не достаточно для того, чтобы рабочіе могли взять съ собой желаемую провизію. Приходится довольствоваться лишь сухарями, да и то въ крайне ограниченномъ количествѣ. Но и эта скудная пища, благодаря экономіи переселенческаго управленія, часто дѣлается негодной къ употребленію. За недостаточностью брезентовъ крестьянскіе мѣшки съ сухарями нерѣдко попадаютъ подъ дождь, и содержимое въ этихъ мѣшкахъ превращается въ мѣсиво, годное скорѣе для домашняго скота, нежели для человѣка. Самъ топографъ, конечно, избавленъ отъ подобнаго несчастія. У него имѣются казенныя кожаныя суммы и, кромѣ того, просторная палатка, гдѣ онъ не только самъ спасается отъ дождя, но и хранитъ свой багажъ. А рабочіе, тѣ и провизію не могутъ укрыть, и самимъ нечѣмъ укрыться. Если дождь идетъ всю ночь, и они мокнутъ всю ночь. А утромъ, чуть перестало капать, мокрые и полуголодные, они отправляются на линію рубить въ теченіе 7—8 часовъ безъ перерыва.

Остановка табора, гдѣ рабочіе обѣдаютъ и ночуютъ, бываетъ въ зависимости отъ воды и дѣлается иногда версты за 3—4 отъ мѣста работъ. Переходъ отъ работъ до табора и обратно совершается за счетъ свободныхъ часовъ рабо-

чаго. Такъ-что фактическій отдыхъ значительно сокращается, ибо сдѣлать по тайгѣ четыре перехода въ 3—4 версты каждый, потребуется, по меньшей мѣрѣ, три часа.

Кромѣ всего сказаннаго, необходимо упомянуть еще и объ отношеніи топографовъ къ рабочимъ. Это отношеніе на столько грубое, что описывать его какъ-то даже не удобно. Если есть сравненіе: „ругается, какъ извозчикъ", то съ успѣхомъ его можно было бы измѣнить словами: ругается, какъ топографъ. Самая отборная, не цензурная ругань несется по адресу рабочихъ все время, пока топографъ на линіи. Но этого мало. Онъ ругаетъ рабочаго, когда тотъ спитъ, ѣстъ, пьетъ чай, идетъ на работу...

Одинъ топографъ Б. въ порывѣ злобы на рабочихъ какъ то выпалилъ:

— Большую ошибку сдѣлалъ Александръ II, что освободилъ васъ, дураковъ, отъ крѣпостной зависимости.

„Образованный" человѣкъ въ приступѣ словесной дезентеріи даже забылъ и то, что Сибирь крѣпостного права не знала.

Переселенческому управленію надо бы принять какія нибудь мѣры для улучшенія условій жизни рабочихъ у топографовъ.

Прежде всего необходимо урегулировать рабочій день, сокративъ его до возможнаго минимума. Установить праздничный отдыхъ для рабочихъ, которые находятся въ тайгѣ 25—30 дней безвыходно (теперь праздниковъ не существуетъ). Снабдить топографовъ достаточнымъ количествомъ брезентовъ для сохраненія провизіи рабочихъ въ ненастное время, а для самихъ рабочихъ выдать вторую палатку или же брезентъ. Принять мѣры къ устраненію торгашескаго способа найма хотя-бы установленіемъ опредѣленныхъ цѣнъ рабочаго дня. Это главное. Что же касается болѣе или менѣе вѣжливаго отношенія топографовъ съ рабочими, то мы думаемъ, въ этомъ случаѣ предписанія управленія не подѣйствуютъ. Это вопросъ культурнаго воспитанія человѣка...

В. И.

Киренскъ (*Чрезмѣрная предусмотрительность*). У насъ нѣсколько лѣтъ существуетъ женская прогимназія. Какъ всѣ прогимназіи, она не отличалась-бы ничѣмъ особеннымъ, если бы ея начальницей не была г-жа Кулешъ... Эта поч-

тенная дама пользуется большой популярностью, благодаря педагогическимъ талантамъ, энергіи и въ особенности заботливости о благополучіи своихъ ученицъ. Для иллюстраціи этой заботливости можно привести фактъ, относящійся къ самому послѣднему времени.

Пріѣхалъ въ нашъ городъ зубной врачъ. Добрая четверть жителей сейчасъ же побѣжала къ нему лѣчить зубы, не получавшіе раньше пзцѣлѣнія по отсутствію въ городѣ врача-спеціалиста. И среди ученицъ прогимназіи нашлось, конечно, достаточно дѣвочекъ, желавшихъ избавиться отъ зубной боли, но онѣ встрѣтили на пути непреодолимое препятствіе: начальница прогимназіи отдала строжайшій приказъ, чтобы ея воспитанницы ни въ какомъ случаѣ не обращались за помощью къ зубному врачу, и грозила всякими карами за неисполненіе этого распоряженія. Причина столь заботливаго отношенія къ дѣтямъ скрывалась въ томъ, что зубной врачъ—политическій ссыльный, хотя и не лишенный права заниматься врачебной практикой, „крамола“ же, какъ извѣстно, легче всего прививается дѣтямъ при посредствѣ боръ-машины и разныхъ пломбъ... Гораздо безопаснѣе вовсе не видѣть ученицъ въ прогимназіи изъ за ихъ зубной боли, или видѣть ихъ за партами въ слезахъ, съ повязанными щеками, лѣчить ихъ креозотомъ, — чѣмъ пускать къ зубному врачу съ клеймомъ политической неблагонадежности... Пробывалъ было разсѣять страхъ начальницы прогимназіи мѣстный протоіерей, убѣждалъ, доказывалъ, что зубной врачъ—не кустъ, а она—не ворона, но г-жа Кулешъ, блѣдная отъ потери сознанія, твердила все одно:

— Нѣтъ, о. протоіерей, неудобно... Знаете, политическій... Какъ бы чего не вышло...

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній она пошла на компромиссъ, чтобы больныя ученицы ходили къ зубному врачу лѣчиться подъ конвоемъ... о. протоіерея...

Точно съ цѣлью держать г-жу Кулешъ въ постоянномъ страхѣ за судьбу ея воспитанницъ, въ нашемъ городишкѣ водворили извѣстную „бабушку“, Е. К. Брешковскую, приговоренную С.-Петербургской Судебной Палатой къ ссылкѣ на поселеніе. Сначала ей отвели было для жительства глухое село Нижне-Илимское, но мѣстный приставъ, располагающій только однимъ урядникомъ, категорически отказался

принять ее подъ надзоръ, когда познакомился съ ея статейнымъ списком и другими сопроводительными документами, гдѣ предписывается „неукоснительно слѣдить и всѣми мѣрами препятствовать возможному побѣгу важной государственной преступницы“... 70 лѣтъ отъ роду.

Теперь Е. К. Брешковская живетъ въ Киренскѣ и находится подъ спеціальнымъ надзоромъ приставленныхъ къ ней городового и жандарма. Бдительные стражи посѣщаютъ ее и днемъ, и ночью,—чѣмъ, несомнѣнно, достигается спокойствіе какъ петербургскихъ властей, такъ и начальницы нашей прогимназіи, г-жи Кулешъ...

Николаевскъ на Амурѣ (*Выборы гласныхъ. Квартальный Шкуратовъ и пикурный вопросъ николаевскихъ китайцевъ*). Къ думской избирательной кампаніи у насъ готовились давно. Но мѣстонахожденіе Николаевска „у чорта на куличкахъ“, за три-девять земель отъ крупныхъ умственныхъ центровъ, не могло не наложить своеобразнаго отпечатка на пріемы предвыборной агитаціи. Впрочемъ, не могъ также не сказаться и духъ времени... Въ результатѣ такой коллизіи—комбинировались пріемы патріархальной николаевской старины съ топкою дипломатіей и ближайшимъ содѣйствіемъ мѣстныхъ первостатейныхъ юристовъ.

Еще съ осенней распутицы, вдохновитель и начетчикъ стародумской партіи г. А—цъ, лѣтъ пять тому назадъ вышедшій въ отставку, но до сихъ поръ еще щеголяющій въ формѣ интендантскаго чиновника со всѣми аттрибутами, включая и казацкую шашку, — устраивалъ среди городскихъ избирателей попроще большія попойки, въ цѣляхъ снисканія себѣ и своей партіи широкихъ симпатій... Нерѣдко можно было видѣть почтеннаго „полковника“ выползавшимъ на четверинькахъ изъ пріятельскаго дома, гдѣ только что состоялось подъ его предсѣдательствомъ предвыборное собраніе въ миніатюрѣ. Однако агитація „полковника“ и ему подобныхъ не привела къ значительнымъ успѣхамъ. Крупная игра въ карты и постоянные кутежи кандидата стародумцевъ въ городскіе головы г. А—го въ связи съ его полной нравственной и умственной несостоятельностью, какъ общественнаго дѣятеля; затѣмъ—прямо таки духовное убожество другого кандидата стародумцевъ, члена управы г. П—на; далѣе, почти пого-

ловная безграмотность, непониманіе своихъ обязанностей большинствомъ „отцовъ города“—до того надоѣли николаевскимъ обывателямъ, что копившееся все время глухое озлобленіе прорвалось на выборахъ дружнымъ бойкотомъ всѣхъ главарей стародумской партіи. Но тутъ на помощь стародумцамъ явилась обычная болѣзнь: *людей нѣтъ*... Хочешь—не хочешь, а для полнаго комплекта гласныхъ все-же пришлось выбрать почти половину стародумскаго состава.

Къ хорошимъ результатамъ новыхъ выборовъ надо отнести избраніе въ число гласныхъ нѣсколько вполнѣ интеллигентныхъ людей. Это уже значительный шагъ впередъ. Дума прежняго состава, въ большинствѣ состоявшая изъ банщиковъ, писцовъ городской управы, приказчиковъ и т. п.—какъ уже сказано, отличалась своею безграмотностью. Былъ случай, отмѣченный мѣстной печатью, когда одинъ изъ гласныхъ г. Ти—ко поднялъ въ думѣ вопросъ о проведеніи „безвоздушнаго“ телеграфа... Городъ до сихъ поръ не имѣетъ благоустроенной больницы потому лишь, что большинство гласныхъ пребывало въ увѣренности, что при хорошей больницѣ „только народъ болѣть больше будетъ... Разбалуется, подлецъ... Отцы наши безъ больницы обходились; обойдемся, Богъ дастъ, безъ нея, и мы“...

Попавшая въ новый составъ думы часть стародумцевъ выдвинула кандидатомъ въ городскіе головы извѣстнаго у насъ черносотенца купца Исидора И—ва, прославившагося своимъ прямо живодерскимъ отношеніемъ къ рабочимъ на своихъ рыбныхъ промыслахъ и травлей ненавистныхъ ему евреевъ.

Въ расцвѣтъ Дальне-Восточной эпопеи, въ бытность адмирала Алексѣева намѣстникомъ Дальняго Востока, г. И—въ, совмѣстно съ другимъ николаевскимъ купцомъ г. В—ымъ, обезсмертили свои имена подачею петиціи намѣстнику о необходимости немедленнаго выселенія всѣхъ евреевъ изъ Николаевска и предоставленіи занятыхъ ими рыболовныхъ участковъ только „русскимъ“ („истинно“—тогда въ ходу еще не было) рыбопромышленникамъ... Къ счастью, петиція эта осталась въ области благихъ пожеланій нашей черной сотни.

На выборахъ г. И—въ провалился.

На смѣну ему стародумцы выдвинули тоже черносотенца, фельдшера Ржеп—аго, „потомственнаго дворянина“, прославившагося погромомъ лавки китайца Чжанлейфу... Но и этотъ „кандидатъ“ канулъ въ Лету, едва собравъ даже три голоса...

Послѣ провала Ржеп—аго произошла заминка. Своихъ людей не хватило, а изъ интеллигенціи стародумцы не хотѣли выбирать .Тогда пошли на компромиссъ и остановились на г. Шав—ко. Сей почтенный кандидатъ сталъ извѣстенъ среди Николаевцевъ только благодаря своему... геморрою! Страдая 10 лѣтъ отъ этой бюрократической болѣзни, г. Шав—ко первый въ Николаевскѣ рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію хирурга и, возвратившись въ Николаевскъ послѣ удачной операціи, сразу сталъ популярнымъ... Однако геморрой не помогъ г. Шав—ко получить на шею почетную серебряную цѣпь городского головы На выборахъ и его провалили.

Опять произошла заминка. Городъ сталъ вдвойнѣ безголовымъ, ибо оставленная передъ тѣмъ умершимъ головою Г. Н. Курбатовымъ должность городского головы въ теченіе послѣдняго года лишь замѣщалась временно г. Ан—имъ.

Въ концѣ концовъ, все это повело къ лучшему, ибо на вторичныхъ выборахъ оказался избраннымъ въ городскіе головы докторъ медицины Кацепеленбогенъ, который, хотя и не пользуется популярностью среди черносотенной части населенія, но, какъ человѣкъ интеллигентный, несомнѣнно, имѣетъ болѣе данныхъ, чтобы сознательно и съ пользою для города нести обязанности головы.

Выборы гласныхъ на столько увлекли николаевскихъ обывателей, что довольно крупное событіе, отставка безъ прошенія и отдача подъ судъ полицейскаго надзирателя Шкуратова, прошло почти незамѣченнымъ. Этотъ администраторъ избралъ полемъ своей дѣятельности такъ называемую „китайскую слободку“, китайскія лавки въ самомъ городѣ и прибывающихъ на пароходахъ китайцевъ.

Съ энергіей, не уступавшей проявленной „героями тыла“ въ Манчжуріи, откуда г. Шкуратовъ попалъ къ намъ въ квартальные,—онъ на собственномъ „тюмбери“ леталъ по городу, собирая обильную дань съ желтолицыхъ...

Неподатливые „ходи“ отчасти избивались собственноручно,

отчасти-же ввергались въ узилище, гдѣ подвергались вымогательству уже со стороны арестантовъ... Къ счастью для китайцевъ, царить не въ мѣру энергичному квартальному, пришлось недолго. Едва успѣлъ онъ купить на бойкомъ мѣстѣ города усадебный участокъ и выстроить на немъ два дома, какъ сломалъ голову на китайскомъ лавочникѣ Хосунтаѣ, съ котораго угрозами и побоями вымогалъ 500 рублей. Тутъ-же обнаружилась продѣлка г. Шкуратова съ векселемъ на 500 рублей нѣкоего Гармаева... Предстоящій процессъ раскроетъ довольно пикантную страничку въ исторіи нашего полицейскаго управленія.

Очерки сибирской жизни.

26 октября въ Томскѣ открылись высшіе женскіе курсы. Если открытіе ихъ совпало съ днемъ общесибирскаго праздника случайно, то „нельзя не сказать, что совпаденіе удачное и знаменательное“, пишетъ „Сибирская Жизнь“ въ своемъ привѣтствіи новому разсаднику просвѣщенія.

Какъ-то невольно хочется этому вѣрить... Комитетъ по устройству курсовъ въ сравнительно короткое время собралъ, помнится, свыше 7 тыс. руб., кромѣ того, на „фундаментъ“ ихъ будущаго зданія пожертвовано: П. И. Макушинымъ—3 тыс. руб. и г. Фуксманомъ—500 руб.

Это, конечно, маленькія деньги для большого дѣла, но, надо надѣяться, что ими симпатіи сибиряковъ не исчерпаются...

Вѣдь даже такой крошечный городокъ, какъ Березовъ, внесъ свою лепту: отъ спектакля, устроеннаго Ф. А. Несговоровой, очистилось въ пользу курсовъ 49 руб. да собрано пожертвованій—95 руб. 144 руб.—для Березова крупная сумма. Неужели же не отзовутся остальные города, неужели дадутъ захиреть молодымъ росткамъ? Сибирь въ значительной мѣрѣ обязана сама себѣ своимъ единственнымъ университетомъ, пусть же укрѣпитъ она хоть основу для высшаго женскаго образованія — пусть не дастъ разрушиться тому, что уже создано. Пора признать за женщиной, если не право на жажду знанія, такъ хоть право на жизнь, которая, безъ обезпеченія образованіемъ, сплошь и рядомъ—тяжкое раб-

ство, изъ котораго нѣтъ другого выхода, кромѣ смерти или позора.

Въ Россіи уже примелькались и публикаціи „барышень", умоляющихъ дать какую-нибудь работу, и самая гибель ихъ. Но Сибирь еще не утратила свѣжести чувствъ, ее еще волнуютъ покинутыя съ дѣтьми жены и дѣвочки-гимназистки, которымъ ничего больше не остается, какъ флаконъ съ уксусной эссенціей; Сибирь поднимаютъ вокругъ нихъ „шумъ", устраиваетъ имъ сборы, тащитъ съ кладбища, старается вернуть къ жизни. Такъ, въ Томскѣ недавно спасена была г-жа Л.

Этотъ случай любопытенъ финаломъ. Спустя нѣкоторое время, ей было прислано, —по словамъ „Сибирской Жизни",— черезъ участокъ извѣщеніе томской духовной консисторіи, что „она приговаривается къ семилѣтнему церковному покаянію за покушеніе на самоубійство".

Не правда-ли: истинно-христіанская отзывчивость?..

Почти такою же отличается и гимназическое начальство, о чемъ говоритъ рядъ самоубійствъ учащихся: въ Омскѣ, въ Семипалатинскѣ, въ Иркутскѣ, при томъ по нѣсколько случаевъ. Въ Иркутскѣ было четыре: гимназистъ, ученикъ промышленнаго училища и двѣ гимназистки. Одна изъ нихъ въ предсмертномъ письмѣ своемъ къ подругамъ заявляетъ: „Умираю я ради своего заиканія. Вы видѣли за французскимъ мои слезы... ужели я бы не знала, что такое „un". Я отлично знала, но не могла сказать". Дѣвочка, повидимому, была способная, потому что ее освободили отъ платы за ученіе. Но доглядѣть за какимъ-то глупымъ „un", стоившимъ ей жизни, въ гимназіи оказалось, очевидно, некому.

Эти четыре самоубійства, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, сильно взволновали иркутянъ, а тогда ужъ зашевелилось и начальство. Оно у насъ, положимъ, всегда „опаздываетъ"...

Опоздало и съ заботами насчетъ чумы. Зима не спасла Востока Сибири отъ эпидемій: у его сосѣдей ихъ всегда имѣется достаточный запасъ, и относительно нашихъ средствъ борьбы тоже всегда приходится отмѣчать „съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія", что всѣ напоминанія печати „пропали даромъ".

Пароходъ „Тунгусъ", въ числѣ 800 пассажировъ, какъ

значилось по судовымъ документамъ, или 1054, какъ оказалось въ дѣйствительности, привезъ во Владивостокъ пять человѣкъ холерныхъ, да трое умерло у него отъ этой болѣзни по дорогѣ.

Для „обсерваціи", пассажировъ размѣстили частью на баржахъ, частью въ карантинныхъ баракахъ на санитарно-наблюдательной станціи. Но „обсервація" эта оказалась столь же губительной, какъ и „тунгусскіе" порядки.

„Тунгусъ" такъ былъ набитъ, что „китайцы и корейцы помѣщались на бочкахъ съ рыбою", пролеты между которыми служили для отправленія естественныхъ надобностей, и весь грузъ -74 тыс. пудовъ кэты, послѣ долгихъ пререканій съ пароходной администраціей, все же рѣшено было уничтожить.

Но, перейдя подъ наблюденіе санитарной станціи, пассажиры „Тунгуса" попали, какъ говорится, „изъ огня да въ полымя".

Станція разсчитана, по словамъ „Далекой Окраины" всего на 100—150 человѣкъ, при чемъ: изоляціи больныхъ отъ здоровыхъ „нѣтъ никакой"; ухаживаютъ за заболѣвшими „охотники", т. е. тѣ изъ пассажировъ, которые еще не свалились сами, оффиціально же уходъ возложенъ на 3 фельдшеровъ; „на станціи нѣтъ воды, нѣтъ повара и всякій готовитъ по своему". О скученности въ баракахъ уже и говорить нечего: нѣкоторые больные „лежатъ на полу, обильно посыпанномъ известью". И, наконецъ, среди обсервируемыхъ „стали учащаться оспенныя заболѣванія".

„Не помрутъ отъ холеры, такъ помрутъ отъ оспы",—резюмировалъ положеніе въ своемъ докладѣ санитарный врачъ.

Въ амурскомъ Николаевскѣ, при огромномъ %-тѣ смертности (за первую недѣлю, съ 22 по 30 сентября, изъ 16 заболѣвшихъ умерло 14), „за неимѣніемъ гробовъ, которые,—какъ слышало „Восточное Поморье" (№ 112),—еще не были изготовлены ко 2 октября, остаются не погребенными свыше 10 труповъ, изъ коихъ иные лежатъ уже третій день".

Впрочемъ, тутъ неизвѣстно даже—что лучше: сейчасъ-ли хоронить, ждать-ли заморозковъ...

По описанію той-же газеты, николаевцы премудро выбрали мѣсто и для холернаго кладбища: вверху, надъ городомъ, такъ, что и весеннія, и осеннія воды, стекающія съ

него въ Амуръ, частью идутъ подъ землей, частью пробиваются наружу, „попадая и въ колодцы городскихъ обывателей". Конечно, привычка великое дѣло, но все же пользоваться кладбищенской, да еще холерно-кладбищенской водою—нѣсколько рисковано.

Другая, болѣе страшная гостья, легочная чума -еще менѣе встрѣтитъ препятствій для своего распространенія, что и доказывается каждодневными телеграммами.

По свѣдѣніямъ „Новой Жизни" (№ 273), въ глубинѣ Монголіи она „свирѣпствуетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ предполагали". Ею поражены цѣлыя кочевья, большинство обитателей которыхъ, въ разсчетѣ „на помощь русскихъ докторовъ", устремляется къ русскимъ границамъ, все болѣе усиливая надвигающую опасность. И опять таки „съ горечью приходится сознаться", что мы къ ней не подготовлены. „Никому даже въ голову не приходила мысль о возможности появленія чумы въ Сибири",—напоминаетъ „Сибирская Жизнь".

А между тѣмъ, ее всегда можно было опасаться,—разъ она постоянно вспыхиваетъ среди тарабагановъ, то отчего ей не переходить и на охотниковъ за ними. Такъ было и на этотъ разъ. Одному изъ корреспондентовъ „Новой Жизни" удалось собрать свѣдѣнія, что чума появилась именно среди ловцовъ тарабагановъ и что часть ихъ вернулась въ Манчжурію черезъ станцію того же имени, а затѣмъ—Хайларъ и Цаганъ. Надежды, что жертвами новой эпидеміи станутъ одни китайцы, были, разумѣется, не основательны: среди нихъ есть уже и медицинскій персоналъ, не только просто „русскіе". Какъ телеграфпровали отъ 29 октября „Русскому Слову" изъ Иркутска, вблизи Петровскаго завода было два чумныхъ заболѣванія, и рѣчь уже идетъ не объ одномъ поселкѣ „Манчжурія", но объ Харбинѣ, о Читѣ, о всемъ Забайкальѣ, если не о всей Сибири.

Какимъ образомъ справится она съ бѣдой при ужасающемъ недостаткѣ врачей даже для обычнаго времени? Вѣдь даже теперь на джалайнорскомъ обсерваціонномъ пунктѣ (см. ту же телеграмму „Русскаго Слова") „находится болѣе 1.000 человѣкъ, подвергнутыхъ обсерваціонному карантину". А что же будетъ дальше, по мѣрѣ движенія эпидеміи на востокъ и на западъ? Если сейчасъ еще можно откоманди-

ровывать иркутскихъ докторовъ въ Петровскій заводъ, харбинскихъ или читинскихъ на станціи, то еще не значитъ, что они не потребуются въ мѣстахъ ихъ постояннаго жительства. Не пора-ли уже послать на подмогу имъ также отсюда? Пока не поздно... по крайней мѣрѣ, для самой-то Россіи, если не для Сибири. На какую помощь могутъ разсчитывать желѣзнодорожные пассажиры,—которымъ, конечно, и суждено развозить по Сибири чуму,—показываетъ случай, описанный въ № 232 „Восточной Зари".

Ѣхалъ человѣкъ съ постройки Амурской дороги, чѣмъ-то заболѣлъ и былъ снятъ на станціи Иннокентьевской для сдачи въ желѣзнодорожную больницу. Но ни тамъ, ни въ пріемномъ покоѣ его не приняли, и „въ концѣ концовъ, носильщики бросили больного съ носилками на улицѣ".

Вѣдь это былъ еще не чумной, а чумнаго-то, пожалуй, сразу вывалятъ подъ первый заборъ...

Сибирь не можетъ разсчитывать справиться собственными силами, объявленіе же той или другой мѣстности „неблагополучною" по чумѣ нисколько не гарантируетъ отъ дальнѣйшаго развитія заболѣваній, что обыкновенно мы и наблюдаемъ. Изволь, въ самомъ дѣлѣ, одинъ врачъ осмотрѣть ежедневно по тысячѣ человѣкъ или трое фельдшеровъ ухаживать за сотней холерныхъ...

Метрополія знаетъ Сибирь довольно плохо, больше по книжкамъ, да и то значительно устарѣвшимъ, изъ-за чего получаются иногда нелѣпости.

Примѣромъ можетъ служить исторія минусинскаго моста.

Въ виду того, что по географіи Минусинскъ значится на Енисеѣ, протока его считается министерствомъ путей судоходною, и оно разрѣшило постройку моста лишь „подъ непремѣннымъ условіемъ устройства разводной части". Городъ самъ выстроить его не могъ, а частное лицо, за постройку выговорившее себѣ право взимать извѣстную плату, поставило мостъ, но безъ этой разводной части, и теперь между нимъ и думою идутъ пререканія: одни говорятъ, что она должна быть, другіе—зачѣмъ, дескать, ее, когда лѣтомъ „вода изъ проточной обращается въ стоячую", покрываясь „узорами зеленоватой плѣсени, которая въ сухую погоду сплошь затягиваетъ" ее.

Вопросъ объ улучшеніи питьевой воды былъ для минусинцевъ сыздавна жгучимъ, но до сихъ поръ всѣ попытки въ этомъ направленіи „разбивались, какъ волны о скалу, о косность и инертность отцовъ города". Только нынѣшней осенью они додумались, наконецъ, прокопать въ верхнемъ теченіи рукава канаву, которая поддерживала бы притокъ свѣжей воды, но канаву „маленькую", чтобы обошлось подешевле. А между тѣмъ, „маленькую" — такъ же, какъ настоящее русло,—можетъ опять занести пескомъ и галькою, и, слѣдовательно, деньги окажутся выброшенными совершенно даромъ. Но съ теперешнимъ составомъ гласныхъ минусинцамъ вообще далеко не уѣхать.

Когда врачъ указывалъ, напр., на вѣроятность появленія весной тифовъ, одинъ изъ думцевъ, „выражая мнѣніе многихъ, укоризненно замѣтилъ: „Учатся, учатся и возмечтаютъ! Да развѣ можно про это загодя толковать: вѣдь это планида Божія" („Сибирь", № 232).

Немногимъ лучше по своимъ результатамъ, чѣмъ вѣра въ „планиды", оказалось и равнодушіе переселенческаго управленія къ сообщеніямъ сибирской печати о прошлогоднемъ минусинскомъ неурожаѣ. Несмотря на то, что всѣ признаки указывали ясно невозможность прожить своимъ хлѣбомъ даже наличному населенію, въ Минусинскій уѣздъ съ самой весны были направлены новыя партіи переселенцевъ, а затѣмъ... ихъ пришлось вернуть обратно.

Совмѣстивъ въ своемъ лицѣ всѣ вѣдомства, взявъ на себя всю отвѣтственность,—не очень, впрочемъ, страшную если не передъ кѣмъ отвѣчать,—оно сдѣлалось распорядителемъ не только судебъ переселяемыхъ, но и самой Сибири въ лицѣ ея старожиловъ-крестьянъ. Это „государство въ государствѣ", по словамъ „Сибирскихъ Отголосковъ", успѣло даже обзавестись собственной столицею, при чемъ, по свойственной переселенческому вѣдомству эксцентричности, для его столицы, хотя она носитъ громкое имя „Славгородъ", не нашлось лучше мѣста, какъ „въ безлюдномъ и безводномъ районѣ Кулундинской степи".

Отсутствіе въ составѣ вѣдомства тѣхъ, кому надлежитъ тамъ быть, т. е. сибиряковъ, не перестаетъ и никогда не перестанетъ сказываться. Отсюда рядъ непоправимыхъ оши-

бокъ, увеличивающихъ съ каждымъ годомъ число „обратниковъ".

Изъ западной Сибири бѣгутъ отъ безводья, изъ восточной—отъ дождей.

Въ деревнѣ Хмѣльницкое, разсказываетъ „Далекая Окраина", дожди шли чуть съ первыхъ чиселъ іюля лили почти непрерывно и довели новоселовъ до полнаго отчаянія. Вдругъ во время одной сходки крестьянинъ Иванъ Савостьяновъ заявляетъ, что онъ открылъ причину дождливой погоды: „Весь секретъ въ учительскомъ дождемѣрѣ,—въ дождемѣрѣ этомъ есть магнитъ, который притягиваетъ дождь". И сходъ, разумѣется, сейчасъ же постановляетъ—уничтожить вредную машину, а вслѣдъ затѣмъ немедленно отправляется приводить свой приговоръ въ исполненіе. Если бы не проѣзжавшій черезъ деревню агентъ компаніи Зингеръ, то, быть можетъ, разыгралась бы довольно непріятная исторія, такъ какъ учителя не было дома, но этому случайному человѣку удалось наглядно доказать толпѣ, что въ дождемѣрѣ нѣтъ никакого магнита и что ни учитель, ни метеорологическая станція въ крестьянскихъ бѣдствіяхъ не повинны.

До какой грани нищеты дошли „обратники", показываютъ все учащающіеся факты оставленія по дорогѣ дряхлыхъ стариковъ, больныхъ отцовъ, матерей, родственниковъ и даже дѣтей. Еще недавно описывалось, напримѣръ, путешествіе мальчика, брошеннаго было умирать въ какой-то переселенческой больницѣ, но выздоровѣвшаго, а теперь „Омскій Телеграфъ" разсказываетъ про глухонѣмую дѣвушку, бродившую нѣсколько дней безъ пріюта на станціи Омскъ: ѣхала съ братомъ, въ Сибири не устроились, на родинѣ тоже не осталось ни кола, ни двора, братъ взялъ и потихоньку укатилъ дальше... Но вѣдь не съ легкимъ же сердцемъ.

Л. К.

Переселенческіе участки въ Енисейскомъ уѣздѣ.

Какъ-то минусинскій корреспондентъ газеты „Русское Слово", описывая крайне тяжелыя условія переселенцевъ этого края, говорилъ приблизительно слѣдующее: ужъ если на столько безотрадна участь переселенцевъ въ такъ назы-

ваемой житницѣ Сибири, то какова же ихъ жизнь въ другихъ мѣстахъ, гдѣ климатическія и топографическія условія для переселенія несравненно хуже.

Автору этихъ строкъ въ теченіе двухъ прошедшихъ лѣтъ пришлось близко стоять къ дѣлу образованія переселенческихъ участковъ въ мѣстѣ, противоположномъ тому, о которомъ писалъ корреспондентъ „Русскаго Слова“: въ сѣверной части Енисейскаго уѣзда.

Кругомъ своей колонизаціонной дѣятельности въ этомъ краѣ переселенческое управленіе избрало главнымъ образомъ Бѣльскую, Казачинскую и Маклаковскую волости. Что касается самаго сѣвернаго края — Анциферовской волости, то въ ней минувшимъ лѣтомъ производились лишь предварительныя и крайне поверхностныя почвенно-ботаническія изслѣдованія.

Изъ всѣхъ волостей, которыхъ коснулось переселеніе въ Енисейскомъ уѣздѣ, можно считать удовлетворительной для земледѣлія лишь Бѣльскую волость. Значительно большая, по сравненію съ другими волостями, площадь удобной для обработки земли, болѣе или менѣе сносныя климатическія условія, выгодное географическое положеніе деревень — все это создаетъ у новосела иллюзію, покрайней мѣрѣ, безбѣднаго существованія.

Но жизнь сурова. Она безжалостно разбиваетъ волшебные замки переселенца и ставитъ его лицомъ къ лицу съ холодомъ и голодомъ.

Даже въ Бѣльской волости, несмотря на упомянутыя преимущества, все же новоселамъ приходится испытывать тяжелую борьбу за существованіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за отсутствіемъ перелоговъ, отведены участки исключительно на лѣсной площади и на... болотѣ. Для того, чтобы начать земледѣлие, необходимо прежде всего произвести значительные расходы по разчисткѣ и осушкѣ мѣста, убить время и потерять здоровье не только отцовъ или сыновей, но и внуковъ.

Достаточныхъ средствъ на предварительную разчистку лѣса и осушеніе болотъ у новосела нѣтъ и взять ихъ негдѣ. И въ этомъ случаѣ отсутствіе земства въ Сибири чувствительно отзывается на всемъ переселенческомъ организмѣ. За отсутствіемъ льготнаго кредита новоселъ остав-

ляетъ свой надѣлъ и въ силу необходимости отступаетъ отъ своей прямой цѣли — земледѣлія и начинаетъ поиски средствъ существованія въ другомъ трудѣ, частью въ рыболовствѣ и въ звѣроловствѣ. Но въ Бѣльской волости этими статьями дохода существовать нельзя. Рыбная ловля и охота здѣсь могутъ быть, лишь какъ развлеченіе, а не главный заработокъ. Что же остается новоселу дѣлать? Если онъ ремесленникъ, то еще, пожалуй, найдетъ для себя пропитаніе, но и то лишь для себя, а семейство должно пустить въ оборотъ обычное русское „авось“ и „какъ нибудь“. Но и на ремесленниковъ здѣсь спросъ тоже можетъ быть ограниченъ, и даже четвертая часть переселившихся сюда врядъ-ли сможетъ приложить на дѣлѣ свою профессію. Вслѣдствіе этого, хотя и единичные случаи, но уже встрѣчаются, что новоселъ, поставленный переселеніемъ на новое мѣсто съ неизбѣжностью голодной смерти, идетъ работать къ спбиряку-старожилу. Такимъ образомъ, начинаютъ показываться первые побѣги того, что можетъ быть названо батрачествомъ. И это всего лишь на второй годъ послѣ переселенія!

Не лучше условія жизни новоселовъ и въ другихъ мѣстахъ Енисейскаго уѣзда. Въ Казачинской и Маклаковской волостяхъ, гдѣ тоже началось переселеніе, они, пожалуй, еще хуже. При неудобной для пашни землѣ эти мѣстности отличаются отъ Бѣльской волости еще и болѣе суровымъ климатомъ. Въ то время, какъ въ Бѣльской волости въ началѣ сентября мѣсяца еще производятся полевыя работы, на побережьи р. Енисея и Ангары, гдѣ расположены Казачинская и Маклаковская волости, нерѣдко уже выпадаетъ снѣгъ. Переселенцамъ этихъ волостей остается одно: бросить надежду на добываніе средствъ отъ продуктовъ земледѣлія и обратить свои взоры на „безпредѣльный Енисей“ и такую же безпредѣльную тайгу, занимаясь исключительно охотой или рыболовствомъ, что, между прочимъ, является здѣсь значительно доходной статьей въ бюджетѣ и старожила-крестьянина.

Къ неудобствамъ чисто экономическаго характера, слѣдуетъ добавить еще и тотъ душевный гнетъ, который испытываетъ новоселъ отъ своихъ сосѣдей старожиловъ. Отношеніе къ новоселамъ коренного крестьянскаго населенія

Сибири въ указанныхъ мѣстностяхъ крайне недружелюбное, а иногда и прямо враждебное.

Сказанное выше объ условіяхъ жизни переселенцевъ въ Бѣльской и Казачинской волостяхъ частью являются уже post factum. Образованные въ этомъ районѣ участки признаны коммиссіей при Переселенческомъ Управленіи вполнѣ удобными для заселенія, и переселеніе въ нихъ уже началось.

Но въ Маклаковской волости есть уголокъ, гдѣ образованіе переселенческихъ участковъ производилось нынѣшнимъ лѣтомъ. Предстоящей зимой эти участки подлежатъ утвержденію коммиссіи, и если будутъ признаны годными, то будущимъ лѣтомъ, навѣрное, ихъ предложатъ ходокамъ. Объ этихъ-то участкахъ и необходимо сказать нѣсколько подробнѣе.

Находятся они по правому берегу р. Енисея и Ангары при устьи послѣдней и занимаютъ площадь къ сѣверо-востоку на протяженіи болѣе 10 тысячъ десятинъ.

Если обратиться къ цифрамъ, то топографія указанной мѣстности представится приблизительно въ слѣдующемъ видѣ. На 60 верстъ межевой просѣки болѣе чѣмъ 40 верстъ тайги. Остальныя-же 12—15 верстъ хотя и проходятъ по „бѣлякамъ“, но въ значительной части захватываютъ каменистую почву. Не отраднѣе получается картина, если взглянуть на результаты полной топографической съемки указанной площади. Почти пять шестыхъ съемочнаго визира проходитъ по площади тайги, болота и овраговъ, то-есть по мѣсту, совершенно негодному для земледѣлія. И если развернуть планшафтъ вновь образованныхъ участковъ (ихъ проектируется шесть: Гавриловскій, Климовскій, Согринскій, Разгарки, Горенюхинскій и Краснокаменскій), то мы замѣтимъ на немъ удобную для посѣва землю въ видѣ узкой полосы, въ нѣсколько саженъ, которая тянется по берегу рѣки на протяженіи 7—10 верстъ. Все же остальное мѣсто состоитъ изъ тайги и болота.

Добавлять къ вышеуказанному что-либо о климатическихъ условіяхъ значило-бы ломиться въ открытую дверь. Достаточно лишь указать еще на одно явленіе, чтобы непригодность для поселенія описываемыхъ участковъ стала внѣ всякихъ сомнѣній. Когда приходилось копать межевыя

ямы на пахотныхъ мѣстахъ, отошедшихъ въ незначительномъ количествѣ отъ земель крестьянъ села Стрѣловскаго, то черноземный пластъ, не превышая 3—4 вершковъ, смѣнялся глиной, вынимать которую удавалось лишь съ помощью кайлы.

Отсюда становится вполнѣ понятнымъ то удивленіе, которое выражали крестьяне Маклаковской волости, узнавъ о мѣстѣ, гдѣ образовались переселенческіе участки. Кто-же туда поѣдетъ?—спрашивали они. Вѣдь тамъ „споладпвая“ тайга.

И, дѣйствительно, трудно допустить, чтобы на этихъ участкахъ поселился кто нибудь по доброй волѣ. Переселенецъ, поселившійся здѣсь, будетъ принужденъ къ этому необходимостью, безвыходностью своего положенія.

Но мы склонны быть оптимистичнѣе. Мы думаемъ, что если члены коммиссіи при Переселенческомъ Управленіи, на рѣшеніе которыхъ поступитъ вопросъ о пригодности для заселенія означенной земельной площади, отнесутся къ дѣлу вполнѣ безпристрастно, то они столкнутся съ необходимостью признать указанную мѣстность не годной для переселенія. Признать не годной... Но вѣдь участки уже образованы, на это произведены расходы? — удивленно могутъ спросить насъ.

Да,—отвѣтимъ мы,—участки образованы, расходы произведены... Но все это сдѣлано благодаря крайне халатному отношенію къ дѣлу нѣкоторыхъ чиновъ Переселенческаго Управленія, на обязанности которыхъ лежитъ предварительная рекогносцировка мѣстности и добросовѣстное изслѣдованіе ея. Такого предварительнаго изслѣдованія указанной площади, какъ намъ извѣстно, не было.

Лица, на которыхъ лежала эта обязанность, не желали портить своихъ мундировъ въ непролазной тайгѣ и пачкать ихъ въ грязи болотъ, а предпочитали наслаждаться личной жизнью въ полномъ смыслѣ этого слова, преступно забывая о долгѣ службы...

Многіе деффекты во вновь образованныхъ переселенческихъ участкахъ Енисейскаго района, конечно, не имѣли бы и мѣста, если-бъ въ дѣятельности Переселенческаго Управленія было заложено зерно, не говорю уже творчества, а хотя-бы здоровой инпціативы, если-бы въ этой дѣятельности

видно было стремленіе принести пользу государству какъ совокупности гражданъ, а не какъ штату чиновниковъ.

Но—каково дерево, таковы и плоды. Переселенческое Управленіе сравнительно юное дѣтище русской бюрократіи, но, несмотря на свою юность, оно вполнѣ унаслѣдовало всѣ тѣ общіе недостатки, которые свойственны каждому бюрократическому твореніо. Переселенческое Управленіе въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ разсадило своихъ чиновниковъ на сибирской почвѣ. Иные изъ нихъ, чувствуя себя господами положенія, совершенно махнули рукой на нужды переселенцевъ, другіе къ тому еще страдаютъ поразительной маніей величія.

Автору неоднократно приходилось наблюдать интересныя картины пріема ходоковъ въ селѣ Казачинскомъ. Большой двухъ-этажный домъ съ парадньмъ подъѣздомъ. Это—квартира и контора чиновниковъ особыхъ порученій при Переселенческомъ Управленіи. Нѣсколько крестьянъ съ тощими котомками на спинѣ обступили крыльцо и ожидающе смотрятъ на дверь. Проходитъ часъ-два-три, а крестьяне все стоятъ и ждутъ, стоически перепося лѣтній полуденный зной. Но вотъ на балконѣ верхняго этажа появилась важная дама. Уставшіе крестьяне встрепенулись, сняли фуражки... Нѣкоторые кланяются, иные хотятъ что-то сказать. Но не успѣваютъ они произнести двухъ-трехъ словъ, какъ съ балкона доноспгся рѣзкій и властный голосъ: „Что собрались! Безпокоите только!.. Уйдите съ крыльца“!

Ошеломленные ходоки молча отходятъ отъ параднаго подъѣзда въ сторону, къ мосту. А важная дама, смотря имъ въ слѣдъ, какъ-бы произноситъ:

„Нашъ не любитъ оборванной черни“!..

В. И.

По очередному вопросу.

Въ г. Ялуторовскѣ, благодаря содѣйствію бывшаго въ то время правительственнаго агронома Н. Л. Скалозубова, въ 1903 году открылся Отдѣлъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства. Кромѣ членскихъ взносовъ, никакихъ другихъ источниковъ средствъ онъ не имѣлъ. Въ то время въ Сибири распространеніе даже уборочныхъ машинъ было ничтожно. Уборка хлѣба изъ за этого затягивалась часто до

снѣга, и потери для населенія отъ этого были весьма значительны. Сельско-хозяйственныхъ складовъ было немного, да и тѣ, за дальностью разстоянія, для массы населенія были недоступны. Благодаря кредиту частныхъ фирмъ, Отдѣлъ открылъ складъ въ г. Ялуторовскѣ и вскорѣ основалъ цѣлую сѣть мелкихъ складовъ по селамъ и деревнямъ, приблизивъ такимъ образомъ машину къ потребителю. Эта дѣятельность Отдѣла была какъ нельзя болѣе своевременна. Періодъ войны, отвлекшій лучшихъ работниковъ изъ деревни, грозилъ тѣмъ, что урожай хлѣбовъ можетъ остаться неубраннымъ. И, дѣйствительно, только съ этого времени уборочныя машины нашли себѣ широкій сбытъ среди населенія и дали ему возможность кое-какъ справиться съ урожаемъ тѣхъ годовъ.

За 1904 и 1905 гг. Отдѣломъ было продано до 600 уборочныхъ машинъ.

Это время было періодомъ оживленной дѣятельности Отдѣла. Хотя цѣны на машины были назначены низкія (ниже существующихъ цѣнъ въ настоящее время), но все же складъ давалъ значительныя средства Отдѣлу.

Отдѣлъ сдѣлалъ попытку къ культурной работѣ: было устроено опытное поле, рядъ показательныхъ посѣвовъ, бесѣдъ по сельскому хозяйству съ демонстрированіемъ разныхъ орудій и машинъ, открытъ складъ улучшенныхъ сѣмянъ, сдѣланы попытки распространенія травосѣянія въ уѣздѣ (и весьма удачныя), открыты зерноочистительные пункты, случной пунктъ—для улучшенія молочнаго скота, сдѣланы опыты съ примѣненіемъ искусственныхъ удобреній, устроено было нѣсколько сѣменныхъ выставокъ, основана была текущая сельско-хозяйственная статистика и стали выпускать періодическое изданіе подъ названіемъ „Труды Отдѣла“, которые по своему содержанію представляли популярный, приноровленный къ мѣстнымъ условіямъ хозяйства, сельско-хозяйственный журнальчикъ. Когда средства позволили, Отдѣлъ сталъ издавать и газету общаго характера подъ названіемъ „Крестьянская Газета“.

Для культурной работы Сибирь еще непочатый уголъ. Всякое культурное начинаніе быстро прививается среди экономически сильнаго населенія Сибири. Нужны только культурные работники и средства.

Къ сожалѣнію, культурная дѣятельность ялуторовскаго Отдѣла скоро замерла. Причиной тому послужило полное отсутствіе средствъ Отдѣла. Складъ машинъ пересталъ служить источникомъ дохода, такъ какъ образовавшійся американскій синдикатъ „Международная К°“ уборочныхъ машинъ открылъ собственные склады, а тутъ еще пожаръ, принесшій болѣе 20 тысячъ убытку, заставилъ и вовсе прекратить расходованіе средствъ на культурныя цѣли. Въ настоящее время дѣятельность Отдѣла сводится главнымъ образомъ къ операціямъ сельско-хозяйственнаго клада при немъ.

Хотя эта дѣятельность и является узкою для Сельскохозяйственнаго Общества, но значеніе ея все же очень крупное, въ особенности въ виду конкуренціи Отдѣла съ синдикатомъ „Международная К°“.

Цѣны на машины и условія платежа диктуетъ американскій синдикатъ. Переселенческое Управленіе не могло отстоять своей самостоятельности въ дѣлѣ торговли уборочными машинами,—хотя переселенческіе казенные сельско-хозяйственные склады являются очень крупнымъ покупателемъ на уборочныя машины. Годовой оборотъ складовъ Переселенческаго Управленія превышаетъ пять милліоновъ рублей.

Казалось бы, что при крупномъ заказѣ можно было бы занять самостоятельное положеніе въ торговлѣ машинами и, не преслѣдуя коммерческихъ интересовъ, явиться регуляторомъ цѣнъ, понижая ихъ до возможныхъ предѣловъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ первоклассныхъ заводовъ уборочныхъ машинъ не вступили въ синдикатъ и заинтересованы въ конкуренціи. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Переселенческое Управленіе стало въ подчиненное положеніе въ отношеніи къ синдикату. Склады Переселенческаго Управленія обязаны назначать цѣны на уборочныя машины *не ниже* цѣнъ синдиката. Такимъ образомъ „Международная К°“ застрахована отъ пониженія цѣнъ. Очутившись господиномъ положенія, Международная К° сильно подняла цѣны на машины.

Въ виду этого Отдѣлъ снова открылъ торговлю уборочными машинами, на этотъ разъ, шведскаго производства, кстати сказать, на дѣлѣ не уступающими лучшимъ американскимъ. Это заставило складъ „Международной К°“ въ г. Ялуторовскѣ понизить цѣны болѣе, чѣмъ на 20 рублей на ма-

шину, т. е. до цѣнъ Отдѣла, что составляетъ экономію для населенія одного Ялуторовскаго уѣзда въ нѣсколько тысячъ рублей, которыя иначе ушли бы въ бездонные американскіе карманы.

Такъ какъ опытъ уже показалъ всю необходимость для Отдѣла, въ интересахъ населенія, поддерживать операціи своего склада, расширяя районъ его обслуживанія, то Обществу приходится очень бережно относиться къ прибыли, получаемой отъ дѣятельности склада, употребляя ее на расширеніе и укрѣпленіе своихъ торговыхъ операцій.

Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ году Отдѣлъ предпринялъ на свои средства интересную и важную, какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, работу.

Воспользовавшись тѣмъ, что земляныя работы по линіи строющейся Тюмень-Омской желѣзной дороги, оставляя открытыми канавы и выемки, позволяютъ прослѣдить и изучить какъ типы почвъ, ихъ морфологію, строеніе, такъ и переходный характеръ почвъ,—Отдѣлъ пригласилъ съ этой цѣлью ассистента при каѳедрѣ почвовѣдѣнія Московскаго Института г. Григорьева съ помощникомъ-ботаникомъ.

Г. Григорьевъ въ настоящее время закончилъ работы по собранію сырого матеріала почвенно-ботаническаго изслѣдованія.

На почвенныя изслѣдованія Отдѣлъ израсходовалъ уже болѣе 700 руб. Правда, онъ надѣется, что департаментъ земледѣлія вернетъ ему большую часть потраченныхъ средствъ, такъ какъ недостатокъ средствъ заставилъ Отдѣлъ уклониться отъ ряда агрономическихъ мѣропріятій, являющихся острыми, очередными вопросами экономической жизни населенія.

Такъ, отъ крестьянъ поступаютъ постоянныя требованія то на сѣмена травъ, хлѣбовъ, то пожеланія объ устройствѣ показательнаго посѣва, случнаго пункта для улучшенія молочнаго скота, объ открытіи зерночистительныхъ и зеносушильныхъ пунктовъ. Въ сырую осень отсутствіе зеносушительныхъ пунктовъ является настоящимъ бѣдствіемъ. Были годы, когда сырая осень такъ понижала натуру зерна, что скупщики хлѣба отказывались покупать его.

Трудно учесть, какія потери несетъ земледѣльческое населеніе Сибири отъ полнаго отсутствія агрономической по-

мощи, но, несомнѣнно, потери крупныя, имѣющія и общегосударственное значеніе. Какъ ни плохо въ общемъ поставлена агрономія и въ земскихъ губерніяхъ Россіи, но, по сравненію съ Сибирью, она представляетъ идеалъ, о которомъ мы можемъ только мечтать. Тамъ затрата въ нѣсколько десятковъ тысячъ на агрономическія мѣропріятія въ уѣздѣ—частое явленіе, здѣсь на уѣздъ, который, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по производительности, во много разъ превышаетъ земскіе уѣзды,—въ буквальномъ смыслѣ слова не тратится ни гроша. Правда, въ губерніи имѣется одинъ правительственный агрономъ и 5 инструкторовъ по молочному хозяйству, но ихъ агрономическими дѣятелями не приходится считать. Губернскій агрономъ играетъ роль представителя министерства земледѣлія, связь котораго съ мѣстной жизнью чисто бумажная, инструктора же заняты исключительно контролемъ производства артельныхъ маслодѣльныхъ заводовъ и тоже не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстному сельскому хозяйству.

Чтобы судить о значеніи земледѣлія въ Ялуторовскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, возьмемъ оффиціальныя данныя, составленныя со словъ крестьянъ въ цѣляхъ раскладки податей. Эти данныя, несомнѣнно, страдаютъ очень сильнымъ уменьшеніемъ противъ дѣйствительности и, тѣмъ не менѣе, исключая посѣвныя сѣмена и на прокормъ семьи по 25 пуд. зерна на каждую душу обоего пола,—все же остается излишекъ въ 3.668.619 пуд. зерна для вывоза изъ уѣзда.

Подъ посѣвомъ главныхъ хлѣбовъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, находится 179.581 казенная десятина, при чемъ съ десятины въ среднемъ, исключая посѣвныя сѣмена, получается 46 пудовъ, что при хорошей, еще не истощенной землѣ, очень немного. Если бы агрономическая организація уѣзда увеличила урожайность хлѣбовъ только на 1 пудъ на десятину, то, считая по 50 коп. пудъ, это дало бы экономію населенію въ 90 тысячъ рублей въ годъ.

Уѣздъ даетъ государству земельной подати 151,524 р., а отъ государства не получаетъ взамѣнъ ничего для подъема своего источника существованія—земледѣлія.

Необходимо и справедливо было бы оказывать помощь Сельско-хозяйственнымъ Обществамъ Сибири.

Департаментъ земледѣлія въ разсылаемомъ по Сельско-

хозяйственнымъ Обществамъ циркулярѣ, озаглавленномъ: „Сельско-хозяйственнымъ Обществамъ и земскимъ управамъ", — указываетъ, что онъ ассигновываетъ средства на разныя сельско-хозяйственныя мѣропріятія въ зависимости отъ ассигновокъ на тотъ же предметъ самихъ учрежденій, ходатайствующихъ о субсидіи. Эта же мысль была высказана и въ сельско-хозяйственной коммиссіи Государственной Думы.

Такая постановка вопроса совершенно невѣрна. Брать за одни скобки земскія управы и Сельско-хозяйственныя Общества, значитъ не считаться съ условіями дѣйствительности, или не знать ихъ, что для коммиссіи Государственной Думы непростительно.

Если въ Европейской Россіи Сельско-хозяйственныя Общества очень часто получаютъ матеріальную поддержку отъ земства, то въ Сибири они предоставлены исключительно собственнымъ силамъ.

Членскіе взносы, изъ которыхъ составляетсябюджетъ Общества, въ суммѣ такъ ничтожны, что являясь недостаточными даже на канцелярскіе расходы.

Другихъ же поступленій нѣтъ.

Правда, напримѣръ, ялуторовскій Отдѣлъ находилъ источникъ средствъ въ операціяхъ сельско-хозяйственнаго склада; агрономическія мѣропріятія производилисьимъ изъ этихъ доходовъ; но сама по себѣ дѣятельность склада имѣетъ на столько важное значеніе для населенія что не слѣдуетъ обезсиливать торговыя и посредническія операціи Общества расходованіемъ средствъ склада на другія нужды.

Какимъ образомъ при такихъ условіяхъ Сельско-хозяйственное Общество въ Сибири можетъ брать на себя 1/2 расходовъ на культурныя мѣропріятія, какъ этого требуетъ и коммиссія Государственной Думы, и департаментъ земледѣлія?

Если Сибири не даютъ земства, то надо проявлять больше внимательности хотъ къ ея Сельско-хозяйственнымъ Обществамъ.

Надо дать имъ возможность, путемъ ассигнованія нужныхъ средствъ, выступить на путь культурной работы

Нѣкоторыя Общества получаютъ пособія отдепартамента земледѣлія, но они носятъ случайный характеръ, для

планомной же, культурной дѣятельности необходимъ постоянн, опредѣленный бюджетъ.

Меж тѣмъ возбуждаемыя Обществами ходатайства о постоянй субсидіи неизмѣнно остаются безъ удовлетворенія. акъ, наприм., нѣсколько уже лѣтъ ялуторовскій Отдѣлъезуспѣшно возбуждаетъ ходатайство о постоянной субсидъ въ суммѣ 3 тысячъ рублей въ годъ на агрономическія ропріятія.

На здъ, дающій казнѣ ежегодно одной земельной подати бе 450 тысячъ рублей, это очень немного. Но тѣмъ не мен ходатайство до сего времени остается безъ удовлетворен

Въ ихъ уѣздахъ Россіи ставится на очередь вопросъ о организаціи участковой агрономіи, а въ Сибири на губсію, размѣрами въ Европейское государство, имѣется одинъ ономъ.

Такигнорированіе интересовъ Сибири тормазитъ экономическрость ея и наноситъ значительный ущербъ хозяйству сны.

М. Яценко.

Обозрѣніе русской жизни.

9 ноября.

Сдня Льва Николаевича Толстого опустятъ въ моги.

Омъ же можно больше думать, о комъ говорить, кромего? Какъ охватить въ короткой, бѣглой замѣткакое громное явленіе, какимъ былъ Толстой? На чь остановиться, что выбрать, когда въ немъ все важнвсе равноцѣнно? Когда хочется сказать такъ многс словъ такъ блѣдны, безсильны? И когда такъ еще ра боль утраты...

Обылъ нашимъ солнцемъ, нашей гордостью, славой, намъ казалось, что наше солнце должно сіять вѣчно Какъ можетъ быть, чтобы не стало Толстого, когдаъ всегда былъ съ нами! И до самой послѣдней

минуты въ душѣ каждаго изъ насъ теплилась надежда, что онъ, воплотившій въ себѣ чуткую совѣсть многомилліоннаго народа своей родины, не будетъ отнятъ у нея. Люди держали въ рукахъ телеграммы и все еще не вѣрили: „Неправда, ошибка! Вѣдь она уже разъ случилась, а это вѣрная примѣта, что человѣку суждено долго жить“...

Очень многіе не раздѣляли его взглядовъ, для очень многихъ онъ—лишь великій художникъ. Но чѣмъ тогда объяснить то волненіе, ту печаль, которыя въ эти тяжкіе дни связали братскими узами весь мыслящій земной шаръ съ Россіей? Какимъ бы глубокимъ психологомъ ни былъ Толстой, все-таки, какъ беллетристъ, онъ не могъ быть вполнѣ понятенъ иностранцамъ: для нихъ навсегда останется скрытымъ то, что для насъ полно въ немъ чарующей прелести,—русскій бытъ, и они совершенно уже пройдутъ мимо картинъ природы, весьма рѣдкихъ у Толстого, чуть намѣченныхъ двумя-тремя короткими штрихами, но удивительно яркихъ, потому что мы сроднились съ этой природой отъ колыбели. Развѣ, напр., геніальнѣйшее изъ его произведеній — „Война и миръ“—не заключаетъ въ себѣ больше отрицательныхъ элементовъ для зарожденія близости между русскими и французами, чѣмъ положительныхъ? Вѣдь вовсе не нужно даже быть бонапартистомъ, чтобы сказать: „да, это одинъ изъ самыхъ скорбныхъ страницъ исторіи Франціи, и намъ больно, что онѣ раскрыты вражеской рукой“. И, однако, — кто усомнится въ искренности чувствъ парижанъ, толпившихся у дверей редакціи? Къ обаянію художественнаго таланта Толстого присоединялось нѣчто болѣе сильное, стоявшее внѣ условій времени и пространствъ. Этимъ „нѣчто“— была его душа, неустанно мятущаяся въ поискахъ истины, въ жаждѣ подвига любви, и потому такая близкая всѣмъ, чей сонъ хоть изрѣдка смущаютъ зло и несправедливость жизни. Мы только „думали“, только „хотѣли“, а онъ *дѣлалъ*, *говорилъ* громко, во всеуслы-

шанье... Онъ не поколебался отказаться отъ всѣхъ приманокъ міра: отъ славы, отъ почестей, отъ громкаго титула, отъ богатства, роскоши, удобствъ, которые намъ, толпѣ, кажутся такими заманчивыми. Его „слова“ расходились съ его „дѣлами“ лишь постолько, посколько онъ былъ человѣкъ, которому „ни что человѣческое не чуждо“. Мы же, въ своей гордости имъ, требовали, чтобы онъ исполнилъ все до конца, отказался отъ всѣхъ привязанностей, ушелъ чуть ли не въ пустыню и „жилъ трудами рукъ своихъ“. И онъ, слабый, больной старецъ, исполнилъ наше жестокое требованіе... Гордясь стройнымъ аккордомъ, завершившимъ его жизнь, не говоримъ ли мы себѣ съ тайной тоской: „Ахъ, зачѣмъ это случилось! какъ мы не уберегли его! Зачѣмъ послушался онъ насъ и себя? зачѣмъ ушелъ?..“

Толстой такъ много далъ Россіи, что ея чувства къ нему не уменьшились бы ни на іоту, если бы онъ умеръ тамъ, гдѣ и жилъ: развѣ насъ не охватывалъ испугъ при каждой вѣсти объ его заболѣваніи? Но астаповская трагедія запечатлѣла неизгладимыми чертами образъ великаго человѣка.

Всѣ его ошибки, всѣ заблужденія—были только исканіемъ истины. Всегда, кажется, и во всемъ недовольный собой, строгій къ себѣ, онъ еще восемнадцатилѣтнимъ юношею пишетъ въ дневникѣ: „Перемѣна въ образѣ жизни должна произойти, но нужно, чтобы эта перемѣна не была произведеніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но произведеніемъ души“.

И, дѣйствительно: какими „внѣшними обстоятельствами“ можемъ мы объяснить всѣ многообразныя „перемѣны“ этого человѣка, рожденнаго для бездумнаго существованія? Ихъ не было на его пути. Севастопольская кампанія? Но это только эпизодъ изъ жизни многихъ. Правда, онъ не остался для него безслѣднымъ: тамъ, на стѣнахъ Севастополя, зародилась ненависть Толстого къ безсмысленной войнѣ-войнѣ, къ большимъ и маленькимъ Наполеонамъ, но такъ-же

окрѣпъ въ немъ и патріотъ, какимъ онъ, несомнѣнно, является еще въ „Войнѣ и мирѣ“.

„Внѣшнихъ обстоятельствъ“ не было, и все-таки Толстой пришелъ къ „всечеловѣчеству“, къ братству народовъ.

Это-то лучшее „произведеніе“ или проявленіе его души и оплакиваютъ сегодня въ лютеранскихъ кирхахъ, въ еврейскихъ синагогахъ, въ мусульманскихъ мечетяхъ...

Раввины молятся о „гоѣ“, муллы—о „гяурѣ невѣрномъ“, нѣмы уста однихъ русскихъ священниковъ...

Ему моленья ихъ и не нужны: онъ вѣрилъ въ Христа, не въ синодъ. Но сердце тѣхъ, кто не разстался съ обрядами, съ горестнымъ изумленіемъ внимало жестокимъ словамъ духовныхъ отцовъ: о немъ нельзя молиться? а объ иновѣрцѣ—католикѣ, лютеранинѣ—можно? Вѣдь Христосъ, Богъ любви, Богъ всепрощенья, не отвернулся же отъ трижды отрекшагося Петра...

Не скажутъ ли когда-нибудь эти вѣрующіе своимъ духовнымъ отцамъ: отчего васъ не было съ нами въ дни нашей печали? отчего вы заставили насъ стучаться въ двери чужихъ храмовъ, слушать дорогія нашему сердцу слова утѣшенья на чуждомъ, непонятномъ языкѣ? Какъ могло случиться, что пасторъ, мулла и раввинъ стали намъ близки, а вы—далеки?

Не только „когда-нибудь“ скажутъ, но уже сказали.

Въ часъ дня 8 ноября состоялось экстренное засѣданіе фракціи октябристовъ, на которомъ графъ Капнистъ заявилъ: „мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы русскимъ людямъ было воспрещено молиться за упокой души Толстого. Будутъ молиться лютеране, католики и евреи, а православнымъ этого нельзя. Духовныя стремленія русскаго народа должны быть удовлетворены“. Крестьянинъ Кузовковъ просилъ подумать о русской деревнѣ, которой запрещеніе это покажется страннымъ, и фракція единогласно постановила: просить графа Капниста, М. В. Родзянко и попъ-

Апрепа немедленно отправиться къ предсѣдателю совѣта министровъ П. А. Столыпину и митрополиту Антонію съ настойчивымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи панихидъ.

Ходатайство ихъ успѣхомъ не увѣнчалось...

Распоряженіе синода должно поставить въ полное недоумѣніе всю деревенскую Россію. Запрещаютъ вредное, дурное, а развѣ могутъ эти понятія относиться къ „молитвѣ“? Ни въ какомъ случаѣ, молитва всегда благостна, и обо всякомъ умершемъ молиться необходимо. Развѣ молитвы нужны за святыхъ? Нѣтъ, они въ нихъ не нуждаются. Молятъ за грѣшныхъ, и чѣмъ грѣшнѣе человѣкъ, тѣмъ неотступнѣй, жарче, пламеннѣй должны быть слова молящихся. Какъ мать передъ отцомъ заступается за провинившагося ребенка, такъ и мы вмѣстѣ съ церковью: „Прости его, по великой милости твоей!“ „Молитесь за меня—великій я грѣшникъ,“—говоритъ и до сихъ поръ умирающій русскій крестьянинъ, терзаемый муками ада въ виду содѣяннаго на землѣ. И это деревнѣ совершенно понятно. А за Толстого, говорятъ ей, молиться не слѣдуетъ, не надо. Такъ что же, — значитъ, онъ праведникъ, не нуждающійся въ молитвахъ?..

Г. Меньшиковъ говоритъ, подчеркивая: „онъ былъ *праведникомъ*, однимъ изъ немногихъ искреннихъ людей, искавшихъ вѣчной жизни и боровшихся съ препятствіями на пути къ ней; въ характерѣ Толстого была самая драгоцѣнная черта святости: онъ не былъ собой доволенъ, онъ стремился быть лучше себя“, такъ для деревни.

Если же двухъ отвѣтовъ быть не можетъ: либо тотъ, либо другой, то лишь послѣдній выводитъ ее изъ тумана противорѣчій.

Развѣ этого добивался синодъ?..

„Отлученіе“ Толстого отъ церкви не можетъ поколебать вѣры народа въ силу молитвы. О немъ могутъ говорить,—не надѣясь, впрочемъ, быть услышанными,—

„правые“ Государственной Думы. Но для Россіихъ мнѣніе совершенно безразлично: она знаетъ наперед, что они скажутъ и что сдѣлаютъ. Если бы дая не было никакого „отлученія“, у нихъ оставалось бѣще въ запасѣ: онъ „отвергалъ собственность“, то-ес' то, что имъ, главнымъ образомъ, почти единствен, и дорого, чего они никому не уступятъ. Одного того уже вполнѣ бы оказалось достаточно, чтобъ объять чествованіе памяти Толстого „неумѣстной противосударственной демонстраціей“...

Но ихъ оцѣнка разошлась съ оцѣнкой Государя, написавшаго на докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ:

„Душевно сожалѣю о кончинѣ великаго писателя, воплотившаго во времена расцвѣта своего талант въ твореніяхъ своихъ, родные образы одной изъ славнѣйшихъ годинъ русской жизни. Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судіей“.

„Земные судьи“ не остановились передъ его земными страданіями. Въ то время, когда всѣ силы нашей души устремлялись на маленькую станцію Рязанско-Уральской желѣзной дороги, гдѣ догорала эта праведная, долгоцѣнная жизнь, началось что-то тяжелое, кошмарно

„Откажись отъ того, что ты считалъ истиной, и поклонись тому, что звалъ ложью“, „старикъ, развѣ ты не видишь смерти? Говори же, пока не сомкнулись вон уста“, „если это не нужно тебѣ, то нужно намъ, чтобы не умалилась, а увеличилась наша сила и власть“... Но онъ, отдѣленный стѣною, къ счастью, не слышалъ этихъ жесткихъ, какъ камень, сухихъ, какъ безплодный песокъ пустыни, монашескихъ словъ. Ни у живого, ни у мертваго они не вырвали невѣрныхъ нотъ.—„Не выразилъ ли онъ желанія быть погребеннымъ по обряду, не раскаялся ли въ своемъ упорствѣ“?—„Нѣтъ, не выразилъ, нѣтъ не раскаялся“. И хотя никто не сомнѣвается, что другого бы отвѣта не могло и быть, все же изъ груди многихъ вырвался облегченный вздохъ. Монашескія надежды на возможность аберраціи, на невольный, безсознательный подмѣнъ чужого своимъ личнымъ -разсѣяны...

Изъ исторіи „октябрьскихъ дней“ въ Сибири.

Въ далекомъ Давосѣ, на гордыхъ и безучастныхъ Швейцарскихъ Альпахъ недавно вышла книга, горячая искренна; книга, посвященная тому, чѣмъ еще такъ недавно вс мы жили, вдохновлялись; что мы любимъ такою печальні любовью еще теперь. Въ этой книгѣ разсказывается яво и непосредственно, разсказывается очевидцемъ, до извѣной степени участникомъ событій—эпоха 1905 года. Называея эта книга „Изъ пережитаго“, принадлежитъ она бывшемчлену 2-ой Государственной Думы отъ г. Иркутска, Виктор Мандельбергу.

Кіевлининъ по рожденію и образованію, человѣкъ безо всякихъполитическихъ убѣжденій, прочитавшій за все время студенчтва лишь двѣ-три случайно попавшихся нелегальныхъ брюрки, онъ предупредительно, точно нарочно, правительсомъ Плеве былъ сосланъ въ Сибирь.

Сибнь была для него, какъ и для многихъ другихъ, новымъ университетомъ, на этотъ разъ такимъ, гдѣ, по собственноу признанію г. Мандельберга, изъ его „не вполнѣ ясныхъ стремленій, тенденцій—выросло убѣжденіе“, гдѣ изъ назнаго культуртрегера сложился вполнѣ сознательный соіалъ-демократъ.

Интеесно бросала жизнь бывшаго иркутскаго депутата, всюду онъ попадаетъ въ самый бурный моментъ; обо всемъ сохранятся въ его книгѣ яркій слѣдъ непосредственнаго наблюдаія и участія: Кіевъ, сибирская ссылка, 2-ой съѣздъ россійсой соціалъ-демократической рабочей партіи, періодъ банкетоъ въ Петербургѣ, 9 января, снова Сибирь, на этотъ разъ уже добровольно, октябрьскіе дни въ Иркутскѣ, московское востаніе, снова Иркутскъ и, наконецъ, депутатское кресло во 2-ой Государственой Думѣ—вотъ тотъ интересный и отвѣтственный путь, который привелъ В. Мандельберга къ сознаніи, что ему необходимо запечатлѣть все то, „чему, по собсвенному его выраженію, его Господь свидѣтелемъ поставилъ“.

Трудно въ небольшой журнальной статьѣ передать хотябы незначительную часть этихъ, полныхъ захватывающаго интереса юспоминаній изъ нашего „прекраснаго далека“, еще труднѣе передать тотъ характеръ непосредственности, ту перв-

ную живость, которыми дышетъ книга В. Мандельберга и потому, передавая здѣсь нѣкоторые эпизоды „Изъ пережитаго“, мы будемъ, въ интересахъ цѣльности впечатлѣнія, пользоваться собственными словами автора.

Октябрьскіе дни и октябрьская забастовка въ Иркутскѣ и вообще въ Сибири, помимо общихъ причинъ, которыми порождена была эпоха 1905 года, имѣли еще свои особыя, мѣстныя причины. Война съ Японіей продолжалась; Россія вся стонала подъ непосильнымъ бременемъ войны; двойной тяжестью легла война на Сибирь: желѣзнодорожный путь, эта единственная артерія, связывающая Сибирь съ Европейской Россіей, удовлетворяетъ теперь только нужды войны; нужды Сибири оттѣснены; заброшены; мобилизація становится для Сибири тѣмъ болѣе непосильной, что едва только закончились „русско-китайскія недоразумѣнія“ со своей мобилизаціей, а кромѣ того вліяніе войны у насъ, въ Сибири безконечно усиливалось еще тѣмъ, что у насъ все время шло наглядное демонстрированіе всей гнили, всего неустройства всей нашей государственной машины; она у насъ, такъ-сказать, на глазахъ банкротилась.

„Мы воочію видѣли всю неорганизованность нашей арміи; мы видѣли неумѣніе, неопытность; мы видѣли всѣ тѣ злоупотребленія, которыя совершались вокругъ войны; мы видѣли тѣхъ авантюристовъ, казнокрадовъ, что подобно стаѣ коршуновъ носились надъ арміей, надъ ея тыломъ, что за-счетъ народнаго несчастья строили свое благополучіе; у насъ же на глазахъ шла настоящая оргія, шабашъ и безумные кутежи, потому что все это казнокрадство вѣдь совершалось безъ стѣсненія, о немъ не только всѣ говорили, оно дѣлалось почти на виду; и чѣмъ выше чиномъ былъ казнокрадъ, тѣмъ мѣньше онъ стѣснялся.

А рядомъ съ этимъ мимо насъ безостановочно тянулись *туда*, на поля Манчжуріи, поѣзда, полные людей,—и также безостановочно тянулись *оттуда* санитарные поѣзда, полные обломковъ людей, калѣкъ, больныхъ; и именно это параллельное теченіе этихъ двухъ людскихъ потоковъ, такъ ужасно непохожихъ другъ на друга,—производило особенно сильное впечатлѣніе; казалось, что эти именно калѣки только недавно проѣхали туда здоровые, полные силъ, и казалось, что разорви мы эту цѣпь, прекрати мы это теченіе туда,— мы остано-

вимъ, прекратимъ это ужасное теченіе оттуда. И если въ Россіи обо всемъ этомъ тоже *знали*, все это *чувствовали*, то здѣсь, въ Сибири мы все это *видѣли*, и безостановочно будилъ насъ, бередилъ насъ и не давалъ покоя этотъ безконечный потокъ людей *туда* и *обратно*"...

Вполнѣ понятно, что именно среди желѣзно-дорожныхъ рабочихъ и служащихъ, обслуживающихъ это движеніе и, слѣдовательно, какъ бы помогающихъ ему, должна была родиться и стать очень популярной мысль: прекратить обслуживаніе дороги, *забастовать*, чтобы этой забастовкой заставить правительство прекратить войну...

Самая забастовка въ Иркутскѣ была объявлена неожиданно. По лозунгу, данному изъ Петербурга, отъ Всероссійскаго Союза желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, забастовка, точно по мановенію волшебнаго жезла, перекинулась по всей Сибири; въ Иркутскѣ она разлилась со страшной быстротой; въ два—три дня забастовало все: закрылись магазины и учебныя заведенія; канцелярія окружнаго суда и телеграфъ, забастовали извозчики и правительственныя учрежденія.

Къ 17 числу жизнь замерла повсюду; кипѣла она только въ одномъ мѣстѣ; къ одному только пункту обращались взоры цѣлаго города, туда присылались делегаціи, оттуда ждали директивъ, распоряженій. Туда обращались съ просьбами и начальникъ службы движенія желѣзныхъ дорогъ, и представители города. Жизнь Иркутска была въ однихъ рукахъ и ими были „Иркутскія Народныя Собранія". Авторитетъ и сила ихъ все болѣе росли, они царили надъ всѣмъ; городъ находился въ ихъ (иначе, въ своемъ собственномъ) распоряженіи.

А гдѣ же были въ это время власти? Гдѣ господинъ губернаторъ и генералъ-губернаторъ? Вѣдь съ ихъ именами мы привыкли, особенно въ Сибири, соединять представленіе о всей безграничности власти, о всемъ всемогуществѣ грозныхъ нашихъ областныхъ вице-королей?

Гдѣ же они? — Увы! На этотъ разъ изначальныя „традиціи Сибири" были поколеблены; нарушены самымъ жестокимъ образомъ! Власти сидѣли смирно. „Они были здѣсь, но какъ-бы парализованные, какъ въ летаргіи. Генералъ-губернаторъ перевелъ къ себѣ во дворецъ юнкеровъ, единственный надежный элементъ, забаррикадировался въ немъ

и, точно загипнотизированный такъ неудержимо разливающейся забастовкой, старался какъ можно меньше напоминать о себѣ“.

И невольно хочется спросить: почему же пришлось дойти до этого? Развѣ раньше не было пороха въ пороховницахъ? Развѣ малодушіе и страхъ могутъ проникнуть даже въ генералъ-губернаторское сердце?—Нѣтъ!

В. Мадельбергъ даетъ на это отвѣтъ, на нашъ взглядъ болѣе правильный и болѣе глубокій. Онъ даетъ психологію момента и, исходя изъ нея, опредѣляетъ, что „пачался этотъ полупараличъ провинціальныхъ властей со времени провозглашенія эпохи „довѣрія“.—Съ этого момента онѣ начали терять почву подъ ногами. До того времени имъ было все ясно и опредѣленно, онѣ отлично понимали свои обязанности; знали, что они существуютъ для того, чтобы давить всякое проявленіе самодѣятельности, всякій намекъ на нее,—но „довѣріе“ сразу затуманило эту ясность. До какой степени „довѣріе“? Кому? Въ какихъ случаяхъ? Пріученныя и привыкшія все дѣлать, прислушиваясь къ дуновеніямъ въ высшихъ сферахъ, онѣ тщетно искали тамъ опредѣленныхъ ясныхъ указаній. И именно эта неопредѣленность вносила необыкновенный хаосъ въ ихъ дѣятельность.

И чѣмъ дальше, тѣмъ шло все хуже“!

Жизнь останавливается, забастовка идетъ впередъ; собираются „Народныя Собранія“, а администрація безсильно мечется „между боязнью дать слишкомъ много воли и еще большей боязнью перусердствовать“; отсюда нерѣшительность, неувѣренность.

Но этотъ полу-параличъ власти длился недолго.

Неожиданно выкинувъ лозунгъ всеобщей забастовки и, осуществивъ его, жизнь какъ-то сразу, говоритъ В. Мандельбергъ, уперлась въ тупой уголъ.

Что дѣлать дальше? До какихъ поръ бастовать? Можетъ быть, тамъ въ Россіи уже перевернулась страница исторіи, можетъ быть, уже напрасна и лишней является эта забастовка, которая отрѣзаетъ Сибирь отъ Европы и мѣшаетъ узнать, что дѣлается тамъ?

Отсюда неувѣренность и колебанія однихъ, проходитъ и исчезаетъ безслѣдно растерянность другихъ; она смѣняется

готовностью „дѣйствовать“, генералъ-губернаторъ стягиваетъ войска.

Настроеніе въ городѣ падаетъ, идетъ на убыль; жизнь входитъ въ обычное русло; стачка прекращается, идутъ аресты. Всюду войска, настроеніе властей бодрое, увѣренное и вдругъ... новые слухи, какіе-то еще болѣе странные, еще болѣе непонятные; говорятъ о какой-то телеграммѣ, полученной изъ Томска; упоминаютъ манифестъ... Слухи идутъ, ширятся, волненіе растетъ, дѣлается таинственно радостнымъ; увѣреннѣе становятся голоса, „а въ арестахъ какая-то заминка; съ репрессіями пріостановка... Наконецъ, пришла телеграмма. Сомнѣнія не было: мы имѣли манифетсъ 17 октября“. Красивыя сцены рисуетъ далѣе г .Мандельбергъ: красивою была въ этотъ день жизнь въ Иркутскѣ. Сбылась мечта, хотя и на короткій мигъ, но люди жили общей жизнью. Радость дня стала радостью народа.

„Мы бѣжимъ въ клубъ. А на улицахъ необычное оживленіе; вездѣ группы народа, читающія, обсуждающія манифестъ; знакомые, незнакомые кричатъ другъ другу поздравленія; многіе тутъ же на улицѣ обнимаются, цѣлуются, и все это тянется въ клубъ, на собраніе“.

А тамъ—тамъ открывается *первый свободный митингъ свободныхъ гражданъ*.

„Прошлое умерло и нѣтъ ему возврата“.

Но этотъ отрывокъ изъ исторіи жизни Иркутска не былъ бы полнымъ, если бы мы упустили одинъ, весьма кстати зарисованный г. Мандельбергомъ штрихъ; онъ оттѣняетъ и вполнѣ правильно, что тутъ же во всемъ этомъ былъ еще одинъ моментъ, который останется для Иркутска особенно дорогимъ воспоминаніемъ, будетъ его гордостью, дипломомъ его интеллигентности и политической зрѣлости.

Въ томъ гордость и счастье Иркутска, „что эти первые весенніе дни нашей свободы, эти отдающіе такой наивностью, такимъ одушевленіемъ юношескіе дни свободы,—они въ Иркутскѣ не были, какъ въ громадномъ большинствѣ городовъ Россіи, осквернены погромами“. — Въ Иркутскѣ полиція совершенно бездѣйствовала!

Но не въ однихъ только городахъ Россіи осквернены погромами былъ великій день рожденія россійской консти-

туціи. И у насъ, въ Сибири, иначе, чѣмъ Иркутскъ, отозвался на нашу хартію вольности городъ Томскъ.

Не такъ радостно обстояло дѣло и въ Красноярскѣ, куда В. Мандельбергъ пріѣхалъ послѣ только что пережитыхъ здѣсь очень бурныхъ дней октябрьской забастовки.

„Вообще, говоритъ онъ, будущему теоретику революцій и народныхъ движеній наша октябрьская забастовка можетъ дать очень богатый матеріалъ для изученія: желѣзнодорожная и почтово-телеграфная забастовки разорвали всю необъятную Россію на цѣлый рядъ отдѣльныхъ совершенно самимъ себѣ предоставленныхъ центровъ,—и каждый изъ нихъ на свой особый ладъ рѣшалъ поставленную ему задачу.

Забастовка пришла такъ неожиданно, къ ней такъ не были подговлены, что, понятно, не могло быть и рѣчи о заранѣе выработанномъ планѣ; а опыта тоже никакого не было.

И вотъ, въ зависимости отъ состава населенія, отъ степени сознательности руководящихъ группъ, — различныя формы и теченіе принимала какъ сама забастовка, такъ и жизнь въ тѣ первые дни „свободы“, когда растерявшаяся администрація предоставила населенію полную свободу устраиваться по своему“.

Красноярскъ въ этомъ отношеніи представлялъ по сравненію съ Иркутскомъ двѣ особенности: небольшой городокъ съ 30 тысячами населенія, онъ имѣлъ, въ отличіе отъ столицы Сибири, до 5.000 однихъ только желѣзно-дорожныхъ рабочихъ; среди этихъ рабочихъ еще задолго до октябрьскихъ дней пустила глубокія корни соціалъ-демократическая пропаганда; они и явились въ Красноярскѣ главнымъ нервомъ движенія.

Съ другой стороны, въ Красноярскѣ было много черносотенцевъ; они сумѣли рано и прочно сорганизоваться, и, если бы не энергичный отпоръ, данный имъ со стороны рабочихъ при первой же ихъ погромной попыткѣ,—здѣсь неизбѣжно было бы повтореніе томской катастрофы.

Жизнью города во время забастовки управляли въ Красноярскѣ два органа. Однимъ изъ нихъ, подчиненнымъ, былъ такъ называемый Рабочій Комитетъ, состоявшій изъ представителей различныхъ цеховъ и профессій. Комитетъ этотъ былъ безпартійный и занятъ онъ былъ, главнымъ образомъ,

проведеніемъ въ жизнь цѣлаго ряда мѣръ, связанныхъ съ улучшеніемъ положенія рабочихъ. Сперва желѣзно-дорожнымъ рабочимъ удается въ своихъ мастерскихъ, завладѣвъ гудкомъ, установить 8 часовой рабочій день; потомъ удается это и рабочимъ другихъ отраслей. Всюду повышаются расцѣнки, улучшается матеріальное положеніе трудящихся.

А высшимъ органомъ надъ „Рабочимъ Комитетомъ", апелляціонной инстанціей на него, являлись и здѣсь, какъ и въ Иркутскѣ, самодержавныя народныя собранія.

Кромѣ нихъ и, по мнѣнію автора цитируемой книги, гораздо болѣе интересными, чѣмъ они, были собранія рабочихъ въ мастерскихъ желѣзной дороги, которыя созывались въ экстренныхъ случаяхъ.

„Я помню,—говоритъ г. Мандельбергъ,—экстренное собраніе, созванное по случаю первой попытки правительства Витте примѣнить военный судъ.

По желѣзно-дорожному телеграфу (правительственный тогда бастовалъ) мы получили извѣстіе, что на станціи Кушкѣ Средне-Азіатской желѣзной дороги преданы военному суду инженеръ и нѣсколько служащихъ за участіе въ желѣзно-дорожномъ Союзѣ и за свою дѣятельность во время забастовки. Намъ телеграфпровали, что имъ грозитъ смертная казнь, что необходимо дѣйствовать быстро и рѣшительно, чтобы спасти обреченныхъ на смерть. Центральный Комитетъ желѣзно-дорожнаго Союза и собранія рабочихъ въ Москвѣ, Самарѣ и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ желѣзно-дорожныхъ узлахъ послали тогдашнему вице-президенту Витте и военному министру требованіе немедленно телеграфнымъ путемъ отмѣнить преданіе обвиняемыхъ военному суду; они назначили опредѣленный срокъ и заявили, что если до указаннаго часа не послѣдуетъ требуемаго ими распоряженія,—они немедленно объявятъ желѣзнодорожную забастовку. Копіи своихъ телеграммъ они разослали по всѣмъ желѣзно-дорожнымъ станціямъ. Мы рѣшили созвать экстренное собраніе рабочихъ, вывѣсивъ по всѣмъ мастерскимъ полученныя нами телеграммы. Рабочихъ извѣстіе это сильно взволновало; они понимали, что это надвигается старое (то, что потомъ, дѣйствительно, пришло); они понимали, что необходимо дать рѣзкій отпоръ; что нужно попытаться вырвать у Витте нѣсколько молодыхъ жизней:

мы тогда еще не привыкли къ смертнымъ казнямъ, и на насъ еще вѣяло ужасомъ отъ мысли о возможности ихъ примѣненія. Рабочіе въ громадномъ числѣ быстро явились на собраніе. Ознакомившись съ обстоятельствами дѣла, собраніе единогласно постановило поддержать требованіе объ отмѣнѣ предапія привлеченныхъ военному суду. Мы тутъ же составили соотвѣтствующую телеграмму; послали ее Витте, а копіи разослали въ Москву и во всѣ крупные желѣзнодорожные центры Сибири и Россіи. Мы заявили Витте, что, если къ назначенному сроку онъ не исполнитъ требованія, то и Красноярскъ забастуетъ.

Такъ какъ срокъ истекалъ черезъ нѣсколько часовъ, то рѣшено было не расходиться и ждать здѣсь же, въ собраніи. Собраніе продолжалось, каждыя 10—15 минутъ прямо изъ телеграфа намъ приносили телеграммы, извѣщавшія о ходѣ кампаніи; телеграфъ работалъ безостановочно; съ разныхъ концовъ Европейской Россіи и Сибири получали мы извѣстія, что въ настоящій моментъ вездѣ происходятъ такія же рабочія собранія и что всѣ они присоединяются къ выставленному требованію.

Соединенныя въ одно, собранія ожидали всѣ отвѣта правительства.

Все пришло въ напряженіе; все ждало. Пчувствовалось, какую громадную силу представляла въ то время организація.

Витте это понялъ. Онъ уступилъ Не дождавшись наступленія ультимативнаго срока, онъ отмѣнилъ постановленіе о предапіи обвиняемыхъ военному суду.

Собраніе разошлось съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Намъ удалось вырвать у смерти нѣсколько человѣческихъ жизней. Съ этимъ, расходясь по домамъ, поздравляли другъ друга рабочіе, счастливые одержанной побѣдой.

И мы не знали тогда, что пройдетъ годъ,—и смертная казнь станетъ обычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ, и начнется мрачная эпоха безчисленныхъ смертныхъ казней, и до сихъ поръ тяжелымъ кашмаромъ нависшая надъ страной“...

Что же дѣлали во время этихъ народныхъ и экстренныхъ собраній краспоярскія власти? Гдѣ были онѣ? Онѣ,

какъ и въ Иркутскѣ, были на лицо, но старались, усиленно старались оставаться въ тѣни. И обвинять ихъ за это нельзя. „Дѣйствовать“ онѣ, какъ и всѣ россійскія власти, привыкли только однимъ „изначальнымъ“ способомъ россійскихъ властей, а для такого дѣйствія время было, пожалуй, не совсѣмъ подходящее: „въ казармахъ,—сообщаетъ г. Мандельбергъ,—открыто читали вслухъ наши прокламаціи, которыя тутъ же на глазахъ у офицеровъ раздавали наши распространители; вечерами солдаты распѣвали революціонныя пѣсни и были очень усердными посѣтителями всѣхъ нашихъ митинговъ и собраній. Ясно, что съ этими солдатами нельзя было начать борьбу съ нами,—и потому губернаторъ намъ не мѣшалъ“.

Въ такомъ положеніи прошелъ въ Красноярскѣ почти весь ноябрь, а къ концу его В. Мандельбергъ снова попадаетъ въ Иркутскъ, какъ разъ наканунѣ знаменитой въ Иркутскѣ солдатской забастовки. Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ о ней авторъ и подробно освѣщаетъ роль и участіе въ ней иркутскихъ революціонныхъ организацій.

Страшно озлобленные всѣми перенесенными ими во время войны лишеніями, солдаты въ послѣднее время пришли въ особое возбужденіе по поводу того, что ихъ не отпускаютъ домой, не отправляютъ въ запасъ; начальство свое они презирали и ненавидѣли; и, вотъ, среди нихъ образовалась организація, имѣвшая довольно широкія развѣтвленія среди всего Иркутскаго гарнизона, рѣшившая по данному сигналу захватить винтовки съ патронами, перебить всѣхъ генераловъ, офицеровъ, разгромить склады, магазины, и съ оружіемъ въ рукахъ искать правды. Унтеръ-офицеръ обратился къ революціоннымъ организаціямъ съ просьбой помочь ему направить это солдатское движеніе по руслу сознательной борьбы.

Организаторы познакомились съ заговорщиками, начали посѣщать казармы и вести пропаганду; они старались объяснить солдатамъ всю сумасбродность ихъ плана, который имъ никакой пользы не принесетъ, а только вызоветъ лишнее кровопролитіе.

Вскорѣ мысль объ избіеніи офицеровъ и грабежѣ уступила мѣсто мысли о борьбѣ съ правительствомъ за осуще-

ствленіе своихъ требованій; въ выработкѣ этихъ требованій, формулированій ихъ и помогали солдатамъ революціонеры.

А когда эта черновая, такъ сказать, закулисная работа формулированія болѣе сознательныхъ элементовъ была закончена, — для окончательнаго обсужденія всѣхъ наболѣвшихъ солдатскихъ вопросовъ былъ созванъ, съ разрѣшенія начальства, солдатскій митингъ въ городскомъ театрѣ.

„Необыкновенное зрѣлище представлялъ театръ; весь онъ, сверху до низу, вся галлерея, всѣ ложи, весь партеръ биткомъ были набиты солдатами; на сценѣ за длиннымъ столомъ сидѣлъ стачечный комитетъ; здѣсь было 4—5 солдатъ, 1 казакъ и два-три офицера; предсѣдательствовалъ унтеръ-офицеръ, предсѣдатель стачечнаго комитета. Рѣчи говорили только солдаты.

Всѣ требованія были единогласно приняты и посланы къ начальству съ заявленіемъ, что отвѣтъ долженъ быть данъ въ теченіе 24 часовъ.

Требованія, главнымъ образомъ, касались условій солдатской жизни: улучшенія пищи, увеличенія жалованія, вѣжливаго обращенія съ подчиненными, передачи въ распоряженіе солдатъ „экономическихъ“ суммъ, сокращенія срока военной службы, немедленнаго отпуска запасныхъ и т. п. Но были и обще-политическія требованія: „созывъ учредительнаго собранія“ и „вся земля крестьянамъ“.

На завтра другой митингъ; вмѣсто отвѣта начальства— простая отписка; требованія не удовлетворены, объявляется забастовка. Но что это значитъ?

Какъ будутъ бастовать солдаты?

Что они будутъ дѣлать? Предсѣдатель митинга такъ формулируетъ смыслъ этого рѣшенія:

— Мы, значитъ, объявляемъ,—говорилъ онъ,—что съ этого момента все наше начальство смѣщено со своихъ постовъ. Мы выбираемъ себѣ новаго начальника гарнизона, новаго коменданта города; каждая рота выбираетъ себѣ новаго командира; казацкая рота выберетъ новаго начальника. Отнынѣ мы исполняемъ приказанія только своихъ новыхъ начальниковъ? Согласны?

Гулъ одобренія.

Съ большими трудностями (движеніе было исключительно солдатское, офицеровъ среди забастовавшихъ почти

совсѣмъ не было) были произведены выборы новыхъ, своихъ начальниковъ. Новый начальникъ гарнизона немедленно даетъ приказъ: идти въ казармы, взять свои винтовки и ждать дальнѣйшихъ приказаній.

Началась забастовка.

Солдаты перестали исполнять приказанія „законнаго" начальства; они не препровождали обвиняемыхъ арестантовъ въ судъ; не несли караульной службы, кромѣ той, которую имъ назначало ихъ новое начальство.

Отъ имени забастовочнаго комитета появилась прокламація, приглашавшая населеніе къ спокойствію и предупреждавшая, что всякая попытка къ безпорядку и нарушенію спокойствія будетъ немедленно подавлена вооруженной силой.

По улицамъ появились вооруженные патрули забастовавшихъ солдатъ, слѣдившіе за порядкомъ.

И въ тѣ нѣсколько дней, когда длилась забастовка, населеніе было особенно увѣрено въ своей безопасности.

У смѣщеннаго начальника генерала Ласточкина войскъ почти не было, одна или двѣ роты; а у новаго—весь гарнизонъ города вмѣстѣ съ сотней казаковъ и явное сочувствіе всего населенія.

И, если бы оно захотѣло, то легко могло бы заарестовать генерала Ласточкина, генералъ-губернатора и всѣ власти.

Нѣкоторые изъ наиболѣе молодыхъ и рѣшительныхъ и предлагали ему это сдѣлать, но никакихъ агрессивныхъ шаговъ не было предпринято.

Трудно сказать, почему.

Во всякомъ случаѣ и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ сила случайно оказывалась на сторонѣ революціи, имѣла мѣсто та же, типичная для такихъ моментовъ въ пережитый періодъ революціи, пассивная политика, политика нерѣшительности, точно нѣкоторой растерянности.

И эта политика,—по объясненію г. Мандельберга,—обусловливалась не личной нерѣшительностью или слабостью, а причинами, лежащими глубже, въ степени зрѣлости самого освободительнаго движенія. Это видно изъ того, что вездѣ, гдѣ только, благодаря тѣмъ или инымъ случайно благопріятнымъ комбинаціямъ условій, революція становилась госпожей положенія, вездѣ она проявляла ту же полную не-

способность къ наступленію. Такъ было въ Одессѣ съ „Потемкинымъ“; такъ было во Владивостокѣ, когда въ теченіе нѣсколькихъ дней лучшій портъ, полный массы боевого матеріала, былъ въ рукахъ революціи; такъ было въ Читѣ съ ея громаднымъ арсеналомъ оружія; такъ было въ Красноярскѣ и т. п.

Вылившись въ формѣ того или другого взрыва, революція затѣмъ ограничивалась обороной, защитой; она созрѣла для забастовки, для обороны, для пассивнаго сопротивленія, но не созрѣла для атаки, для нападенія, для творчества. А между тѣмъ каждый день былъ дорогъ. Дорогъ особенно потому, что среди нестойкой массы забастовавшихъ солдатъ такая нерѣшительность производила очень дурное впечатлѣніе; она свидѣтельствовала о слабости, а это всегда дезорганизуетъ, отпугиваетъ слабыхъ, шаткихъ, т. е. массу.

Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, забастовщики устроили митингъ вмѣстѣ съ горожанами, и отъ всѣхъ присутствующихъ послана была депутація къ генералу Ласточкину. Но изъ этого хожденія ничего не вышло. Генералъ окружилъ себя ротой пьяныхъ солдатъ, которые, при приближеніи депутаціи и сопровождавшей ее толпы народа, взяли ружья на прицѣлъ; стоявшіе тутъ же казаки-забастовщики тоже взяли на прицѣлъ; уже щелкнули замки у ружей, — еще минута—и произошло бы страшное кровопролитіе, такъ какъ стрѣляли бы почти въ упоръ; но, къ счастью, все обошлось... И забастовка начала слабѣть. Подошли свѣжія войска постепенно одна рота за другой отпадали; какъ-то незамѣтно, безъ всякаго столкновенія забастовка растаяла, сошла на нѣтъ. А когда генералъ Ласточкинъ достаточно окрѣпъ, онъ арестовалъ начальниковъ, зачинщиковъ, нѣкоторымъ удалось скрыться... Закрывается эта страница исторіи, и г. Мендельбергъ ѣдетъ въ Петербургъ на партійный съѣздъ.

Живо и увлекательно передаетъ онъ ту картину, какую представляла изъ себя въ данный моментъ наша сибирская желѣзная дорога. Проѣхавъ ее нѣсколько разъ на пространствѣ Иркутскъ—Красноярскъ и обратно, В. Мандельбергъ ѣдетъ теперь дальше въ Петербургъ, и вполнѣ

понятно, имѣетъ возможность, изучитьэту дорогу, подмѣтить и сообщить намъ многое.

А представляла желѣзная дорога въ это время въ высшей степени любопытное и необыкновенное зрѣлище. Это была картина полной анархіи и неустройства во всѣхъ отношеніяхъ.

На ней не существовало никакого авторитетнаго начальства, ни желѣзнодорожнаго, ни воинаго,—находилась она въ полномъ владѣніи солдатскихъ эшелоновъ, возвращавшихся на родину изъ Манчжуріи.

Эти солдатскіе эшелоны не признавали надъ собой никакой власти; они не только не обращали вниманія на желѣзно-дорожное начальство, но и своихъ офицеровъ они ставили ни во что; никакой дисциплины у нихъ не было.

Обыкновенно съ эшелономъ ѣхали одинъ-два офицера, и то самые молодые, безобидные: солдаты меньше ненавидѣли, чѣмъ старыхъ, но за то совсѣмъ ихъ не слушались. Старые же офицеры подъ всевозможными предлогами старались отстать отъ своихъ эшелоновъ и биткомъ набивали пассажирскіе поѣзда.

Эти молодые, неавторитетные офицеры, ѣхавшіе съ эшалонами, обыкновенно прятались въ свои вагоны и никогда никуда не показывались, не мѣшая солдатамъ распоряжаться. Дѣлали они это даже охотно, такъ какъ и сами отъ этого солдатскаго хозяйничанья выигрывали, а хозяйничанье заключалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы не позволить ни одному поѣзду обогнать себя.

Для этого вагоны отцѣпляются собственными силами эшелоновъ, локомотивы перекатываются ими и прицѣпляются къ своимъ поѣздамъ; хаосъ на желѣзной дорогѣ царитъ полный, но онъ объяснялся „не однимъ только самоуправствомъ солдатъ,—въ еще большей степени,—говоритъ г. Мандельбергъ,—намъ приходилось терпѣть отъ несовершенства желѣзно-дорожнаго хозяйства и неумѣлости, злоупотребленій желѣзно-дорожной администраціи. Локомотивовъ было мало, а изъ тѣхъ, что были, многіе оказались испорченными, износились. Вагоновъ было недостаточно, а наплывъ пассажировъ громадный".

Съ прекращеніемъ войны, кромѣ массы солдатъ, отставшихъ отъ своихъ эшелоновъ, двинулась сразу на западъ въ

Россію масса мастеровыхъ, прикомандированныхъ къ различнымъ службамъ во время войны, рабочихъ, добровольцевъ, подрядчиковъ, купцовъ, авантюристовъ и прочаго темнаго люда, жившаго на счетъ войны. И желѣзнодорожная администрація оказалась совершенно не подготовленной къ этому наплыву. Недѣлями приходилось ожидать возможности попасть въ поѣздъ; были такіе, которымъ приходилось ожидать съ семьями; люди проѣдались, мерзли, голодали. Когда поѣздъ подходилъ къ станціи, начиналась настоящая битва; озлобленные, остервенѣлые люди устремлялись въ вагоны, толкали другъ друга, дрались, ругались: вагоны приходили уже набитые людьми. И счастливы были тѣ, кому удавалось найти мѣсто въ вагонѣ или на площадкѣ, гдѣ можно было ѣхать стоя - и такъ стоя ѣхали они дни и ночи. Ѣхали медленно. На станціяхъ въ ожиданіи свободныхъ локомотивовъ подолгу простаивали вмѣстѣ съ сосѣдними эшелонами. И за эти двѣ недѣли путешествія г. Мандельбергу удалось перезнакомиться со многими солдатами эшелоновъ, со многими изъ нихъ онъ велъ продолжительныя бесѣды.

„И въ нашихъ разговорахъ съ ними почти постоянной темой было, понятно, ихъ „самоуправство“ на желѣзной дорогѣ, ихъ нежеланіе пропустить впередъ нашъ поѣздъ—и едва ли можно было найти какой-либо аргументъ противъ нихъ“.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія на войнѣ, послѣ безконечнаго оттягиванія отправки домой, объусловленнаго возмутительной хозяйственной неурядицей, наконецъ, доходитъ очередь до нихъ, и ихъ везутъ, но везутъ медленно, отвратительно. А домой они страстно рвутся. До нихъ туда, на поля Манчжуріи доходили смутные слухи и о забастовкѣ, и о крестьянскихъ безпорядкахъ; извѣстія приходили только въ видѣ смутныхъ слуховъ, письма рѣдко кому удавалось получать: вѣдь мы знаемъ, какъ работала военная почта. И они такъ истомились по семьѣ, по роднымъ, по дому, что готовы были на всякія столкновенія, лишь бы выгодать часъ.

А тутъ мимо нихъ хотятъ проѣхать, хотятъ ихъ обогнать люди, ничего не перенесшіе, жившіе дома, когда они тамъ мерзли, голодали, умирали. Почему эти люди имѣютъ право ѣхать быстрѣе, чѣмъ они? Вѣдь они не были оторваны отъ

семьи, отъ родины на два года? Только потому, что у нихъ карманъ толще?!. Что они имѣютъ, чѣмъ заплатить?!. Такъ вѣдь это не справедливо!

И говорили они это со страшной ненавистью. Они ненавидѣли всѣ пассажирскіе поѣзда, а особенно, если замѣчали въ нихъ офицеровъ; тогда случалось, что въ такой поѣздъ летѣли и камни.

Авторъ часто присутствовалъ при ихъ разговорахъ и замѣтилъ: двѣ характерныхъ черты ненависть къ офицерамъ и къ сестрамъ милосердія.

Особенно поражало, что о сетрахъ милосердія они иначе не говорили, какъ съ презрѣніемъ, и любимѣйшіе ихъ анекдоты были анекдоты, описывающіе всякіе амурныя похожденія сестеръ.

И, когда авторъ спрашивалъ: „Вѣдь и хорошія были сестры"?—они отвѣчали:—„Не видали такихъ, а вотъ такихъ видали", и слѣдовалъ новый отвратительный анекдотъ.

Объясняется это тѣмъ, дѣйствительно, громаднымъ наплывомъ авантюристокъ, какой замѣчался въ эту войну. Чистый образъ сестры милосердія съ ея готовой на самопожертвованіе любовью къ солдату, сохранившійся у насъ въ литературѣ и въ воспоминаніяхъ послѣ Русско-Турецкой войны,—былъ почти вытѣсненъ въ эту войну типомъ сестры съ завитушками, духами, шелковыми юбками и т. п. И злобу, съ какой солдаты говорили объ этихъ, слѣдуетъ объяснить возмущеніемъ. что эти оказались такъ непохожи на тѣхъ, кого они привыкли такъ ласково называть „сестрица".

„Прожили мы въ поѣздѣ,—говоритъ г. Мандельбергъ,—отъ Иркутска до Москвы около трехъ недѣль.

И это была любопытная жизнь.

Совершенно различные, не похожіе другъ на друга, изъ различныхъ классовъ общества, очутившись всѣ вмѣстѣ заключенными въ одну общую подвижную квартиру, медленно двигались мы посреди хаоса и анархіи.

Главнымъ образомъ, публику составляли офицеры различныхъ степеней и различнаго рода оружія; кромѣ нихъ было два-три купца, двѣ сомнительной репутаціи разряженныя дамы и я со спутницей.

Всѣ эти офицеры въ большей или меньшей степени

были черносотенцы; были среди нихъ скрытые черносотенцы, но были и явные, злобные. Особенно выдавался одинъ казацкій офицеръ, который открыто похвалялся, что везетъ съ собой пули думъ-думъ, „самыя подходящія для революціонеровъ“.

Мы со спутницей держались въ сторонѣ. Сказалъ ли имъ кто-нибудь, кто мы такіе, или же они догадались объ этомъ по нашему поведенію, потому, что мы на остановкахъ разговаривали съ солдатами и рабочими, а съ ними не вступали въ разговоры,—по вскорѣ, какъ передавалъ намъ одинъ иркутскій купецъ, помѣщавшійся въ одномъ купэ съ думъ-думскимъ офицеромъ, о насъ иначе не говорили, какъ объ опасныхъ революціонерахъ.

И любопытно было наблюдать, какъ измѣнялось ихъ поведеніе и отношеніе къ намъ по мѣрѣ движенія нашего поѣзда на западъ.

Спрятавшись по своимъ купэ, боясь показываться на станціяхъ, ѣхали офицеры, пока мы находились въ царствѣ солдатской анархіи,—и видно было, очень они насъ тогда опасались.

Но по мѣрѣ движенія на западъ, все слабѣе и слабѣе становилось анархическое самоуправство солдатъ; постепенно мы начинали встрѣчать станціи, занятыя регулярными войсками: это съ запада на востокъ медленно двигался корпусъ свѣжихъ дисциплинированныхъ войскъ.—И смѣлѣе становились офицеры, чаще показывались на станціяхъ.

Наконецъ, самоуправство солдатъ кончилось; очереди отправки поѣздовъ устанавливаетъ уже станціонное начальство; быстрѣе поѣхали мы, обгоняя солдатскіе эшелоны и пассажирскіе поѣзда,—и совсѣмъ ожили офицеры: дерзко и нагло смотрѣли они на насъ, и дерзки были ихъ шутки въ столовой.

Но, вотъ, мы перевалили черезъ Уральскій хребетъ, мы въ Россіи,—и тутъ начинаютъ встрѣчать насъ смутные слухи о какомъ-то московскомъ возстаніи, и грознымъ призракомъ нависаетъ надъ нами желѣзно-дорожная забастовка. Объ ея возможности, ея неминуемости говорятъ на всѣхъ станціяхъ; одни говорятъ громко, другіе тихо въ полголоса; но ее ожидаютъ съ часа на часъ. Мы все же продвигаемся

еще впередъ, но мы уже послѣдніе: за нами она уже грозно разливается.

И опять присмирѣли офицеры, и рѣже стали показываться на станціяхъ.

А мы все движемся впередъ, все ближе къ Москвѣ.

Свѣдѣнія изъ Москвы все грознѣе; тамъ идетъ сраженіе, тамъ стрѣляютъ по народу изъ пушекъ; тамъ баррикады.

Вотъ, мы и въ Тулѣ. Въ Москвѣ все еще неспокойно, но уже прорвался одинъ поѣздъ, и насъ уже не задерживаютъ.

А вездѣ только и разговору, что о Москвѣ; купленныя нами въ Тулѣ газеты тоже полны Москвой; разсказываютъ и пишутъ объ отрядахъ дружинниковъ, останавливающихъ поѣзда, обезоруживающихъ офицеровъ, разстрѣливающихъ сопротивляющихся; разсказываютъ и пишутъ о разстрѣлахъ народа семеновцами, драгунами, разстрѣлахъ тутъ же на улицѣ, безъ суда, по подозрѣнію или по первому доносу.

И въ этой атмосферѣ разсказовъ обо всѣхъ этихъ ужасахъ, въ это царство ужасовъ мчится нашъ поѣздъ. Куда несетъ онъ насъ? Въ чьи руки?

Кто побѣдилъ?

Мы не знали. Но я нисколько не сомнѣвался, что если насъ остановитъ отрядъ патріотическихъ семеновцевъ, то думъ-думскій офицеръ на насъ со спутницей донесетъ; а я видѣлъ, что онъ увѣренъ, что, если мы попадемъ къ дружинникамъ,—я разскажу имъ, зачѣмъ онъ везетъ пули думъ-думъ.

Вотъ и Москва!

Мы всѣ у оконъ. Мы ѣдемъ мимо разрушенныхъ домовъ, опрокинутыхъ, сброшенныхъ на улицу вагоновъ; трупами лежащихъ телеграфныхъ столбовъ. Но не видно людей, не видно баррикадъ.

И тихо, спокойно на вокзалѣ, куда медленно подошелъ нашъ поѣздъ".

— Спокойно уже у васъ?—спрашиваетъ г. Мандельбергъ извозчика, везущаго его съ курскаго вокзала (куда онъ пріѣхалъ) на николаевскій, откуда отходятъ поѣзда въ Петербургъ.

— Еще не совсѣмъ! Слышите?

Бухъ! Бухъ!

— Что это?

— Это изъ пушекъ по Прѣснѣ стрѣляютъ!

Шелъ еще разстрѣлъ Прѣсни. А потомъ, потомъ долетаютъ первые отзвуки надвигающейся реакціи. „Успокоеніе“ еще далеко, но мертвящее дыханіе его уже замѣтно. Съѣздъ отложенъ мѣсяца на два, на три; неизвѣстно, на сколько. Ожидать въ Петербургѣ нѣтъ смысла, и снова приходится будущему иркутскому депутату ѣхать въ Сибирь.

Другой видъ представляла теперь Сибирская желѣзная дорога, на другія мысли она наводила.

„Движеніе возстановилось; но что это было за движеніе?! Мы дѣлали не больше 100—150 верстъ въ день; теперь намъ уже не мѣшали солдатскіе эшелоны: „успокоеніе“ было уже по всей линіи; намъ мѣшало полное разрушеніе всего желѣзно-дорожнаго хозяйства; часами простаивали мы на станціяхъ въ ожиданіи паровоза, а тутъ же рядомъ они стояли длинными рядами, искалѣченные, испорченные во время усиленной эксплуатаціи и во время забастовокъ“.

„Однажды утромъ,—пишетъ авторъ,—мы узнали, что ночью насъ обогналъ скорый поѣздъ; я былъ въ претензіи на кондуктора, почему онъ меня не предупредилъ, что скорые поѣзда уже ходятъ; я думалъ пересѣсть изъ нашего пассажирскаго поѣзда на скорый, доплативъ, что полагается, и неоднократно съ нимъ объ этомъ разговаривалъ.

— На этотъ скорый пассажировъ не берутъ; это—карательный поѣздъ,—сообщилъ онъ мнѣ.

Тогда это мнѣ еще мало, что сказало.

А между тѣмъ съ этимъ поѣздомъ проѣхалъ знаменитый покоритель Сибири Меллеръ-Закомельскій.

Мы ѣхали теперь слѣдомъ за нимъ; мы проѣзжали тѣми станціями, гдѣ онъ „дѣйствовалъ“. Къ нашему пріѣзду, очевидно, все успѣвали прибрать, но я видѣлъ, что на станціяхъ всѣ ходятъ, движутся, какъ въ туманѣ; не было ни смѣха, ни шума, ни пѣсенъ.

Царствовалъ ужасъ...

Вскорѣ на одной станціи я встрѣтилъ знакомаго, ѣхавшаго изъ Иркутска.

Увидѣвъ меня, онъ пришелъ въ ужасъ, точно я былъ выходецъ изъ другого міра.

— Вы? Куда?

— Ѣду въ Иркутскъ!—отвѣчаю.

Но отъ этого отвѣта онъ пришелъ въ еще большій ужасъ.

И онъ началъ разсказывать мнѣ про покореніе Сибири Меллеръ-Закомельскимъ; про подвиги Ренненкампфа.

Всѣ, чѣмъ нибудь проявившіе себя во время пережитыхъ событій, арестованы, есть казненные,—и онъ настоятельно совѣтовалъ мнѣ вернуться.

Но полагая, что онъ преувеличиваетъ, я рѣшилъ все же ѣхать дальше.

Чѣмъ ближе къ Иркутску—тѣмъ мрачнѣе, тѣмъ больше подавленности.

Пріѣхалъ я въ Иркутскъ ночью.

Всѣ разсказы моего знакомаго оказались правильными...

Въ Иркутскѣ какъ разъ въ это время чинилъ судъ Ренненкампфъ; на станціи стоялъ его карательный поѣздъ.

Въ городѣ царила паника.

Пришлось скрыться".

Мы не будемъ дальше слѣдить за полной интереса скитальческой жизнью нашего перваго иркутскаго депутата; собственно, здѣсь ставится точка надъ мотивами спеціально сибирскими.

Дальше пойдутъ иные, „всероссійскіе напѣвы", иныя еще болѣе грустныя картины. Снова, покрытыя густымъ, траурнымъ флеромъ прошлаго пройдутъ передъ нами недавнія и столь далекія событія нашей политической жизни.

Пройдетъ картина выборовъ въ Иркутскѣ, воскреснутъ двѣ первыя Думы, полнѣе—вторая „Дума народнаго гнѣва". Раздастся еще разъ призывъ къ „законности" среди вакханаліи репрессій и затѣмъ начнется наша „обновленная" жизнь.

И начало этой иной, „успокоенной" и вошедшей въ обычное русло жизни мы не смогли бы охарактеризовать лучше, чѣмъ приведя подлинныя слова „Изъ пережитаго":

„Зашевелились гады, пышнымъ цвѣтомъ развился доносъ, прекратились проповѣди „истиннаго христіанства",—и опять все сжалось, сократилось"...

Успокоеніе разлилось по лицу земли русской.

Хорошая книга вышла въ Давосѣ. Оторванный отъ любимаго дѣла, выброшенный далеко за предѣлы Россіи, въ

глуши швейцарской деревушки, подъ грустные напѣвы альпійскаго вѣтра, не разъ вѣрно вспоминалъ иркутскій депутатъ нашу гостепріимную Сибирь, которая дала ему, чужеземцу и инородцу, пріютъ, привѣтъ и высокое довѣріе, и, вспоминая это, онъ до конца и честно выполнилъ высокую миссію народнаго представителя: своимъ избирателямъ онъ далъ подробный и всесторонній отчетъ.

А. Х.

Кампанія закончена.

(**Киргизское хозяйство въ Акмолинской области.** Повторное изслѣдованіе. Пять томовъ. Изданіе Переселенческаго Управленія Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. С.-Петербургъ, 1910 г.).

Передо мной лежатъ пять увѣсистыхъ томовъ повторнаго изслѣдованія киргизскаго хозяйства въ Акмолинской области—по одному тому на уѣздъ, выпущенныхъ Переселенческимъ Управленіемъ.

Пять тяжелыхъ плитъ на могилѣ хозяйства киргиза-аборигена степи, чтобы „встать онъ изъ гроба не могъ"!..

По выходѣ перваго тома, въ статьѣ „За страхъ" („Сибирскіе Вопросы" № 5, 1910 г.) я далъ общую характеристику этого пресловутаго „повторнаго изслѣдованія", а потому въ настоящей замѣткѣ отмѣчу только новыя любопытныя детали статистической подтасовки, новые выводы, построенные согласно опредѣленной задачѣ департамента у Синяго моста.

„... Съ этого момента (съ момента русской колонизаціи) началась постепенная переформировка киргизскаго хозяйства. Прежде всего образовалась группа лицъ, выдѣлившаяся преимущественно изъ бѣдныхъ хозяйствъ, которая стала заниматься разнаго рода промыслами и въ короткое время достигла значительныхъ размѣровъ".

Какіе же это промыслы? Оказывается, что „сельское хозяйство и скотоводство", „рубка и продажа дровъ", „торговые промыслы" составляютъ главныя занятія киргизовъ-промышленниковъ. Эта незначительная, но для непосвященнаго въ дѣйствительное положеніе вещей въ киргизскихъ степяхъ довольно доказательная, статистическая передержка мѣняетъ истинный колоритъ, маскируетъ ту язву, которая

разъѣдаетъ экономику туземца. Здѣсь въ рубрику промышленниковъ занесены исключительно „джатаки", т. е. попросту тѣ лица, которыя въ экономическомъ отношеніи доведены до нуля и вынуждены батрачить въ роли пастуховъ, дровосѣковъ, работниковъ-возчиковъ и т. п. Съ понятіемъ о промышленникѣ у читателя является представленіе о сравнительной обезпеченности. У кузнецовскаго же „промышленника" (всѣ изслѣдованія произведены подъ общимъ руководствомъ казеннаго статистика В. К. Кузнецова) совершенно не обезпеченъ завращній день, какъ у всякаго батрака, и онъ обреченъ на полуголодное существованіе.

Не менѣе своеобразно толкованіе тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ измѣненіе состава и группировка ауловъ и земельныхъ общинъ. По мнѣнію казенныхъ статистиковъ, увеличеніе родовыхъ группъ, по нѣкоторымъ уѣздамъ почти вдвое, свидѣтельствуетъ объ ослабленіи родового начала—„этого всеобъемлющаго принципа примитивной жизни", который „на всѣхъ пунктахъ отступаетъ передъ побѣдоноснымъ шествіемъ современной культуры". На самомъ же дѣлѣ, это дробленіе ауловъ есть вполнѣ опредѣленное слѣдствіе того экономическаго паденія кривой туземца, которое вызвано изъятіемъ изъ его пользованія земель подъ колонизацію. Ограниченіе, и во многихъ районахъ полное прекращеніе кочеванія побудило аулы сократить свои стада, а отсюда разбиться на болѣе мелкія единицы, чтобы имѣть возможность приспособиться къ новому насильственному хозяйственному режиму. Такимъ образомъ, тутъ рѣчь идетъ не о „побѣдоносномъ шествіи культуры", а объ экономическомъ гнетѣ, не объ „ослабленіи родового начала", а объ искусственномъ разрываніи бытового симбіоза, окрѣпшаго на вполнѣ опредѣленныхъ хозяйственныхъ устояхъ.

По даннымъ повторнаго изслѣдованія, киргизское земледѣліе растетъ не по днямъ, а по часамъ и достигло по нѣкоторымъ уѣздамъ, какъ, напр., по Атбасарскому, до 70% общаго числа ауловъ. Если мы обратимся къ цифрамъ того же изслѣдованія, то увидимъ, какъ ничтожна посѣвная площадь: по Атбасарскому уѣзду засѣяно всего 7.000 дес. съ урожайностью въ 42.000 пудовъ, по Акмолинскому—2.294 дес. Это на площади въ 4—5 млн. десятинъ! Кромѣ того, всѣ

киргизскіе посѣвы, на которыхъ повторное изслѣдованіе строитъ свои выводы о „побѣдоносномъ шествіи культуры“, не являются промысломъ позднѣйшаго времени, а существовали давно, и рѣдкій киргизъ не засѣвалъ куска земли просомъ, такъ какъ „куже“ составляетъ главное блюдо кочевника; только это не регистрировалось, какъ и вообще всякая отрасль киргизскаго хозяйства. Теперь же, подъ давленіемъ колонизаціи, отнявшей у киргизовъ значительную часть лучшихъ земель, площадь такихъ посѣвовъ сократилась, но за то увеличились посѣвы отдѣльныхъ киргизовъ, играющихъ роль кулаковъ, или просто подставныхъ лицъ. Больше всего посѣвная площадь расширяется вблизи русскихъ поселковъ. Гг. казенные статистики видятъ въ этомъ „прогресъ земледѣлія среди кочевого населенія, начинающаго подъ вліяніемъ колонизаціи сознавать преимущества осѣдлой жизни“. На самомъ же дѣлѣ причина тутъ другая. Русскіе колонизаторы, пользуясь экономическимъ угнетеніемъ туземца, за безцѣнокъ арендуютъ его участки, а тамъ, гдѣ это, по Степному Положенію, невозможно или просто рискованно, входятъ въ сдѣлку съ группой киргизовъ, которые и отдаютъ свою фирму посѣвщиковъ русскимъ эксплуататарамъ. Тоже самое необходимо сказать и относительно роста осѣдлости. Киргизъ, напуганный ежегодными изъятіями изъ его пользованія угодій, не рѣшается откочевывать отъ своихъ кстау, на которыя давно зарится Переселенческое Управленіе. Своимъ присутствіемъ на зимовыхъ стойбищахъ кочевникъ надѣется отстоять этотъ послѣдній клокъ земли и тѣмъ самымъ отдалить перспективу голодной смерти. Сознательнаго же перехода отъ полукочевого хозяйства къ осѣдлому земледѣльческому нѣтъ и не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока политика „землеущемленія“ по праву сильнаго, которой держится департаментъ у Синяго моста, не смѣнится политикой „землеустройства“ на началахъ строгой справедливости.

Все это наталкиваетъ на мысль, что многотомная работа, пестрящая цифровыми выкладками, бьющая въ глаза поразительными выводами, сдѣлана исключительно за страхъ, на дѣйствія же за совѣсть намека нѣтъ.

Статистикъ.

Хроника.

— **Междувѣдомственное совѣщаніе о борьбѣ съ голодомъ въ Сибири.** Въ текущемъ году, какъ извѣстно, неурожай травъ и хлѣбовъ захватилъ огромную полосу Западной и Восточной Сибири—преимущественно Тобольскую, Томскую, Семипалатинскую и Енисейскую губерніи. Этотъ фактъ признало, наконецъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ. Уступая настойчивымъ заявленіямъ мѣстныхъ властей и требованіямъ курганскаго и омскаго биржевыхъ комитетовъ, въ министерствѣ состоялось междувѣдомственное совѣщаніе „о порядкѣ оказанія въ текущую продовольственную кампанію населенію пораженныхъ неурожаемъ травъ мѣстностей Енисейской и Тобольской губерніи помощи въ пріобрѣтеніи кормовъ".

Ходатайства съ мѣста опредѣленно указываютъ на необходимость „установленія особо льготнаго и даже безплатнаго тарифа" на перевозку кормовъ въ пораженные неурожаемъ районы. Однако, совѣщаніе съ такой постановкой вопроса не согласилось, такъ какъ „въ практикѣ прошлыхъ кампаній при примѣненіи льготнаго тарифа замѣчены значительныя неудобства и затрудненія, а равно обнаружены случаи злоупотребленія льготными свидѣтельствами", а потому признало болѣе цѣлесообразнымъ замѣнить льготный тарифъ доплатой, при выпискѣ кормовъ, части стоимости перевозки кормовъ, какъ это имѣло мѣсто въ продовольственныя кампаніи 1908—1909—1910 гг. Размѣръ такой доплаты установленъ для указанныхъ губерній въ 7 коп. съ пуда сѣна и соломы. Операцію по производству доплатъ совѣщаніе нашло необходимымъ подчинить ближайшему надзору губернскихъ присутствій.

По отношенію къ Томской губеніи, совѣщаніе постановило разрѣшить томскому губернатору израсходовать изъ остатковъ отъ истекшей кампаніи общаго по Имперіи продовольственнаго капитала на организацію продажи пострадавшему отъ неурожая населенію хлѣба по заготовительной цѣнѣ 144,910 руб. и просить его при выборѣ пунктовъ продажи хлѣба войти предварительно въ соглашеніе съ губернаторомъ Семипалатинской области, съ тѣмъ, чтобы устраиваемые склады могли обслуживать одновременно сосѣдніе уѣзды названной области, также пострадавшіе отъ неурожая. Что

же касается вопроса о дальнѣйшихъ ассигнованіяхъ на указанный предметъ и на организацію общественныхъ съ продовольственною цѣлью работъ, то таковой совѣщаніе признало оставить открытымъ, впредь до выясненія результатовъ производящагося нынѣ экономическаго изслѣдованія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей.

На производство общественныхъ съ продовольственною цѣлью работъ въ Семипалатинской области ассигновано 27.200 руб. Такимъ образомъ, сложный вопросъ организаціи помощи населенію пострадавшихъ отъ неурожая районовъ Сибири разрѣшенъ совѣщаніемъ довольно просто—ассигновать нѣкую сумму, довольно ничтожную по размѣрамъ вообще, совершенно мизерную по сравненію съ охватившей половину Сибири нуждой. Какъ населеніе, лишенное мѣстнаго самоуправленія, справится съ бѣдствіемъ, какая возможна организація борьбы, откуда пострадавшіе сибиряки возьмутъ необходимое количество хлѣба и кормовъ?—на этомъ гг. опекуны продовольственнаго дѣла въ Сибири не остановили своего благосклоннаго вниманія.

— Членъ Государственной Думы Т. О. Бѣлоусовъ получилъ отъ Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ **списокъ мѣстностей, гдѣ предполагается открыть почтовыя учрежденія** (по проекту развитія сѣти) **въ Сибири.**

ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБ.

Минусинскій уѣздъ: Бійское, Идринское, Коптыревское, Шелаболинское.

Канскій уѣздъ: Долгій Мостъ, Рождественское, Троицко-Заозерковское.

Нарва, *Красноярскаго уѣзда.*

ИРКУТСКАЯ ГУБ.

Усть-Орда, *Иркутскаго уѣзда.*

Киренскій уѣздъ: Преображенское, Головское.

ТОМСКАЯ ГУБ.

Барнаульскій уѣздъ: Баева, Ключи, Панкрушиха.

Каинскій уѣздъ: Камышевское, Шипицинское, Юдино.

Змѣиногорскій уѣздъ: Красноярское, Ново-Шульбинское, Ново-Егорьевское, Угловая, Риддерское.

Кузнецкій уѣздъ: Борисовское, Усть-Искитимское.

Литвиново, *Томскаго уѣзда.*

АКМОЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Акмолинскій уѣздъ: Алексѣевское, Новочеркасское, Черниговское.

Кійминское, *Атбасарскаго уѣзда.*

Кокчетавскій уѣздъ: Каменское, Маріинское.

Омскій уѣздъ: Александровское, Борисовское, Павлоградское, Украинское.

Петропавловскій уѣздъ: Новопокровское, Явленское.

ТОБОЛЬСКАЯ ГУБ.

Ишимскій уѣздъ: Армизонское, Бердюжское.

Тоборинское, *Туринскаго уѣзда.*

Тюкалинскій уѣздъ: Куликовское, Любимское.

Мокроусовское, *Ялуторовскаго уѣзда.*

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Усть-Кяхта, *Троицкосавскаго уѣзда.*

Примѣчаніе: по Семипалатинской, Якутской, Амурской, Приморской, Камчатской и Сахалинской областямъ къ 1-му января 1910 года свѣдѣній не было представлено.

— Въ №№ 37—38 „Сибирскихъ Вопросовъ“ напечатана корреспонденція изъ Тобольска, гдѣ приведено содержаніе письма одного изъ заключенныхъ въ каторжной тюрьмѣ на имя члена Государственной Думы, Н. Л. Скалозубова, о „реформахъ“ въ каторжномъ централѣ со времени назначенія туда начальникомъ г. Зиновьева. Излишне повторять возмущающія душу подробности этихъ нововведеній. И авторъ письма, и членъ Государственной Думы, получившій его, естественно приписывали ихъ усердію новаго начальника, желающаго создать себѣ служебную карьеру, не и допускали мысли, что г. Зиновьевъ исполняетъ распоряженія, исходящія отъ высшаго начальства: такъ велико было ихъ заблужденіе относительно гуманности главнаго тюремнаго управленія... Н. Л. Скалозубовъ передалъ содержаніе письма, полученнаго изъ Тобольска, начальнику главнаго тюремнаго управленія, г. Хрулеву, и 26 октября за № 31995 получилъ отъ него вотъ какой отвѣтъ:

„Милостивый государь, Николай Лукичъ! Вслѣдствіе письма отъ 12 сего октября увѣдомляю Васъ, что большинство изъ жалобъ заключеннаго въ Тобольской каторжной тюрьмѣ на введенныя въ этой тюрьмѣ ея администраціей произвольныя притѣсненія не справедливо: запрещеніе

писать письма чаще одного раза въ мѣсяцъ основано на п. 15-омъ циркуляра главнаго тюремнаго управленія отъ 9 августа 1908 года за № 61; частые и самые тщательные обыски производятся также по настоянію главнаго управленія, при чемъ осмотру должны подвергаться и самыя сокровенныя части тѣла, такъ какъ практика показала, что арестанты нерѣдко прибѣгаютъ къ сокрытію разныхъ запрещенныхъ предметовъ, напримѣръ, стальныхъ пилокъ, денегъ и проч. именно въ этихъ частяхъ тѣла; порядокъ выписки на собственныя или заработанныя деньги и размѣръ расхода на нее предусмотрѣнъ также п. 13 упомянутаго циркуляра; размѣщеніе каторжныхъ по срокамъ и разрядамъ и наложеніе ручныхъ оковъ на приговоренныхъ къ безсрочной каторгѣ основано на статьѣ 177 уст. сод. страж. и статьяхъ 285, 286 и 287 устава о ссыльныхъ, а воспрещеніе имѣть собственную одежду, бѣлье и обувь—на статьѣ 191 уст. сод. страж.; соблюденіе строгаго порядка въ средѣ выводимыхъ на прогулку арестантовъ является однимъ изъ существенныхъ условій тюремнаго режима.

Что же касается указываемыхъ авторомъ письма отобранія у заключенныхъ книгъ и тетрадей, грубаго обращенія администраціи и стражи, запрещенія пріобрѣтать что-либо, кромѣ сахара, чая и хлѣба, объявленія о предстоящемъ лишеніи заключенныхъ льготъ по манифесту 1913 года и предстоящемъ отобраніи у нихъ полотенецъ и платковъ, то по этому поводу мною будетъ сдѣлано сношеніе съ тобольскимъ губернаторомъ.

При этомъ долгомъ считаю присовокупить, что по имѣющимся въ главномъ тюремномъ управленіи свѣдѣніямъ въ текущемъ году въ мѣстахъ заключенія г. Тобольска былъ только одинъ случай самоубійства, и онъ имѣлъ мѣсто въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, а не въ каторжной тюрьмѣ (повѣсился приговоренный къ смертной казни Вилковъ), и что, согласно сообщенію тобольскаго губернатора отъ 29 минувшаго сентября, бывшій членъ Государственной Думы второго созыва *Пятых*, въ виду обостренія его хронической болѣзни, по распоряженію тюремнаго инспектора, временно освобожденъ отъ ношенія кандаловъ".

Такимъ образомъ оказывается, что нужно снять всякія подозрѣнія въ карьеризмѣ съ г. Зиновьева: онъ творитъ

волю пославшаго, и жалоба заключеннаго въ тобольской каторжной тюрьмѣ, и обращеніе къ г. Хрулеву члена Государственной Думы есть лишь результатъ простого обывательскаго невѣдѣнія, что циркулярныя распоряженія главнаго тюремнаго управленія только соперничаютъ съ хитростями самихъ арестантовъ...

Г. начальникъ главнаго тюремнаго управленія очень обстоятельно отвѣтилъ на всѣ жалобы заключеннаго, умолчавъ лишь объ его сообщеніи, что сами тюремные надзиратели не выдерживаютъ примѣненія на практикѣ фантастическихъ циркуляровъ главнаго управленія и то и дѣло выходятъ въ отставку. Не служитъ-ли этотъ фактъ доказательствомъ, что если изобрѣтательность тюремнаго управленія по части осмотра „самыхъ сокровенныхъ частей тѣла“ арестанта возбуждается находчивостью заключенныхъ, то все-таки эта изобрѣтательность находится въ противорѣчіи съ самыми элементарными требованіями человѣческаго достоинства даже тюремныхъ надзирателей, и должна быть направлена въ другую сторону?..

— Членъ Государственной Думы Н. В. Некрасовъ при посѣщеніи имъ нѣсколько времени тому назадъ Томска, имѣлъ случай убѣдиться, что **административно-ссыльный І. Ф. Маціевскій (по дѣлу курскихъ с.-р.) боленъ туберкулезомъ** Надняхъ Н. В. Некрасова извѣстили, что состояніе здоровья Маціевскаго еще ухудшилось. 28 октября томскій депутатъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпину съ телеграммой слѣдующаго содержанія:

„Административно-ссыльный І. Ф. Маціевскій, получившій разрѣшеніе выѣхать изъ Нарымскаго края за границу, по состоянію здоровья своего не можетъ выдержать переѣзда этапнымъ порядкомъ, такъ какъ боленъ туберкулезомъ въ сильной степени и даже въ Нарымскій край ѣхалъ по ходатайству тульскаго губернатора на свой счетъ. На мое обращеніе къ директору департамента полиціи о разрѣшеніи Маціевскому выѣхать за-границу съ проходнымъ свидѣтельствомъ получился отказъ, мотивированный опасной революціонной его дѣятельностью. Какую опасность можетъ представить проѣздъ тяжело больного чахоткой человѣка—не понимаю. Обращаюсь къ вамъ съ усердной просьбой не уничтожать фактически допущенной уже льготы и разрѣ-

шить Маціевскому выѣздъ за границу съ проходнымъ свидѣтельствомъ".

3 ноября Н. В. Некрасовъ получилъ увѣдомленіе отъ директора департамента полиціи о томъ, что министромъ внутреннихъ дѣлъ разрѣшенъ Маціевскому выѣздъ за границу по проходному свидѣтельству. О томъ же телеграфно извѣщенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и томскій губернаторъ.

Женщина-„Герострат ъ".

„Безумный грекъ Герострат ъ" захотѣлъ сохранить свое имя на скрижаляхъ исторіи и достигъ этого тѣмъ, что сжегъ великое произведеніе искусства—храмъ богини Діаны Ефесской. Современные Герострат ы мужского и женскаго пола довольствуются менѣе грандіозными предпріятіями, но не менѣе безумнаго грека мечтаютъ объ исторіи.

Взять хотя бы Александру Герасимовну Кудашеву, вдову войскового старшины Оренбургскаго казачьяго войска. Кто бы зналъ о ней, если бы она оставалась скромнымъ но почтеннымъ счетоводомъ, получающимъ рѣдкій для женщины окладъ—1.200 руб. на Восточно-Китайской дорогѣ въ Харбинѣ. Но, какъ сообщаетъ сама А. Г. Кудашева,

много лѣтъ уже меня упорно преслѣдовала мысль совершить путешествіе огромнаго протяженія верхомъ. Поѣхать въ Петербургъ или куда-бы то ни было, только очень далеко и непремѣнно—одной.

Хотѣлось испытать свою силу и выносливость.

Но „по волѣ житейской бури", она очутилась въ Харбинѣ на Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ, и, какъ она пишетъ:

изъ женщины кавалериста—о, иронія судьбы!—я превратилась въ женщину-чиновника, въ служащую желѣзнодорожнаго управленія...

Но великая мечта не погибла и осуществилась въ маѣ 1910 года, когда А. Г. Кудашева въ казацкомъ костюмѣ, на мужскомъ сѣдлѣ, имѣя подъ собой историческаго отнынѣ коня „Монголика", выѣхала изъ Харбина. Смѣлая наѣздница, скромно умалчиваетъ о проводахъ: нельзя же предполагать что ихъ не было... и, вотъ черезъ три мѣсяца, въ сентябрѣ, она уже въ Томскѣ, откуда и начинаетъ свой дорожный журналъ.

Цѣль поѣздки г-жа Кудашева формулируетъ такъ:

Я рѣшила фактически доказать выносливость и смѣлость русской женщины вообще, въ частности же явить способность казачки сдѣлать самостоятельно пробѣгъ огромнаго протяженія верхомъ, а также и опытность въ отношеніи ухода за лошадью въ длительномъ походѣ.

Прежде всего, „фактически“ доказывать „выносливость и смѣлость русской женщины вообще“—нечего. Тому „мы тьму примѣровъ видимъ“, и въ областяхъ, гораздо болѣе почтенныхъ и трудныхъ, чѣмъ верховая прогулка, предпринятая для удовольствія и въ чаяніи будущихъ благъ. А во вторыхъ, г-жа Кудашева далеко не первая женщина, совершающая трудное путешествіе въ сѣдлѣ. Жены нашихъ путешественниковъ проводили верхомъ и среди лишеній не мало мѣсяцевъ, а англичанка миссъ Мерсдепъ, объѣздившая одна верхомъ Якутскую область въ уходѣ за прокаженными, являетъ примѣръ, недосягаемый для г-жи Кудашевой съ провожатыми „отъ селенія до селенія“.

Къ словамъ Александры Герасимовны ея секретарь и до извѣстной степени импрессаріо прибавляетъ:

Такимъ образомъ, являясь по существу экскурсіей исключительной смѣлости въ области спорта, идея путешествія въ значительной степени родственна феминистскимъ теченіямъ, которыя въ настоящее время охватили прекрасную половину рода человѣческаго на Западѣ.

Феминистки всѣхъ странъ, пожалуй, будутъ не мало удивлены этой своеобразной разновидностью пропаганды своей идеи. Но напрасно стали бы мы приписывать отважной путешественницѣ только идейный интересъ въ ея предпріятіи. Это далеко не такъ. Почтенная туристка уже заранѣе позаботилась извлечь доходы изъ своей будущей славы.

Для этого она прежде всего завела себѣ секретаря и рекламера Людовика Витольдовича Игнатовича, разсылающаго во всѣ редакціи повременныхъ изданій условія помѣщенія извѣстій объ отважной путешественницѣ: за помѣщеніе снимковъ—5 руб., за печатную строчку „въ виду обширной матеріальной стоимости рэйда, крайней рискованности и трудности путешествія 3 коп.“ Это—оцѣнка самой героини. При этомъ „репродукція снимковъ, а равно и перепечатка дневника безъ письменнаго разрѣшенія секретаря или почтовой квитанціи въ высылкѣ стоимостей воспрещается“.

Очевидно, ожидается большой интересъ публики къ пред-

пріятію. Уже фиксируется время прибытія г-жи Кудашевой въ Петербургъ, чтобы подготовить общественное мнѣніе.

Помнится, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, съ того же Далекаго Востока, черезъ Московскую заставу, прибылъ піонеръ этихъ далекихъ верховыхъ прогулокъ, поручикъ Пѣшковъ. Ему устроили встрѣчу съ аркой и, кажется, даже съ музыкой. Г. Пѣшковъ и его лошадь нѣсколько дней не сходили со страницъ ежедневныхъ газетъ. Лошадь его купилъ какой-то оригиналъ и заплатилъ за нее большія деньги.

Для доказательства своей смѣлости и выносливости,—сообщаетъ секретарь г-жи Кудашевой, — „рѣшительная путешественница“ „нарочно разсчитала такъ, чтобы захватить и самое суровое время года“, т. е. прибудетъ въ Петербургъ въ февралѣ или мартѣ.

Неизвѣстно, разсчитываетъ ли г-жа Кудашева на арку и на встрѣчу съ музыкой въ Петербургѣ, но пока путь ея не сопровождается тріумфомъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ того-же секретаря, она „очень терпитъ отъ грубаго и опаснаго трактоваго сибирскаго крестьянства“.

Въ № 36 „Сибирскихъ Вопросовъ“ сообщалось уже, какъ „отважная путешественница“ ѣдетъ „одна“. Управленіе Китайско-Восточной дороги оказалось весьма услужливымъ кавалеромъ и въ поощреніе необыкновенной дамской фантазіи, снабдило г-жу Кудашеву открытымъ листомъ, вслѣдствіе чего ей „даются отъ селенія до селенія провожатые“.

Если принять во вниманіе, что это происходило въ горячую рабочую пору, да еще на разстояніи между селеніями туда и обратно въ 80—100 верстъ, то станетъ понятно, почему „сибирское крестьянство“ не встрѣчаетъ эту даму съ распростертыми объятіями, оказывается менѣе учтивымъ, чѣмъ управленіе Китайско-Восточной дороги.

Еще одна „безкорыстная“ мечта таится въ душѣ почтенной Александры Герасимовны. Она

надѣется удостоиться разрѣшенія поднести своего испытаннаго дорожнаго товарища, коня „Монголика“, на долю котораго выпало сдѣлаться столь исключительною лошадью, для конюшни августѣйшаго младенца—его императорскаго высочества, наслѣдника цесаревича.

Такъ подготовляетъ тріумфъ героинѣ ея импрессаріо-секретарь. Впрочемъ, онъ не забываетъ и себя, и въ концѣ своей рекламы печатаетъ мелкимъ шрифтомъ:

Стоимость напечатанія самой замѣтки безъ помѣщенія фотографіи —

7 к. отъ Вашей строки, каковыя деньги благоволите выслать переводомъ: Благовѣщенскъ, Людвику Витольдовичу Игнатовичу. Изданія, пожелавшія печатать дневникъ г-жи Кудашевой или воспроизвести ея фотографію, могутъ помѣстить настоящую замѣтку безплатно.

„Безумный“ грекъ Геростратъ былъ хоть безкорыстенъ, а наши современные ухитряются и на обухѣ рожь молотить.

Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.

13 марта, при обсужденіи смѣты департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ, произнесли рѣчи А. Г. Мягкій и Т. О. Бѣлоусовъ.

А. Г. Мягкій. Я, гг., не надолго займу ваше вниманіе, хотя здѣсь выражено было большое недовольство по поводу того, что я, крестьянинъ, которымъ выгнанъ былъ въ отдаленныя мѣста Сибири нуждой безземелья, вышелъ сказать нѣсколько словъ. Я не надолго, повторяю, займу ваше вниманіе.

По смѣтѣ государственныхъ земельныхъ имуществъ на текущій 1910 г. исчислено 21.399.347 р. Въ прошломъ, 1909 г., было только 15.288.000 р. Какъ видно, это ассигнованіе слишкомъ бѣшеннымъ скачкомъ идетъ впередъ. Изъ этого видно, что на дѣло по размежеванію, скажу, крестьянской земли какъ правительство, такъ и Государственная Дума не скупятся на народныя средства. Правительство стремится дѣлать то дѣло, которое оно называетъ землеустройствомъ. Что же понудило правительство и русскихъ помѣщиковъ, большинство которыхъ сидитъ въ третьей Государственной Думѣ, это дѣлать? Вопросъ ясенъ. Ихъ понудили это дѣлать крестьянскія волненія, вызываемыя безысходной нуждой безземелья. Въ 1905 г. почти вся Россія была охвачена аграрными безпорядками. Какъ видно, помѣщикамъ, а также правительству, ясно было, что дальше бороться нельзя. На первый разъ, можетъ быть и добросовѣстно, было рѣшено надѣлить безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ землею. По этому поводу былъ изданъ манифестъ 3 ноября 1905 г., гдѣ говорилось объ улучшеніи благосостоянія и объ облегченіи положенія крестьянскаго населенія. Въ отношеніи малоземельныхъ крестьянъ было рѣшено расширить площадь ихъ землепользованія. Удовлетвореніе нуждъ малоземельнаго сельскаго населенія признано неотложнымъ. Несмотря на это, гг., мы этого не видимъ до настоящаго времени; мы не видѣли начатковъ надѣленія до созыва первой Государственной Думы. Первая Государственная Дума, въ большинствѣ своемъ, призванная отъ россійскаго общества и населенія, прежде всего стремилась удовлетворить ту безысходную нужду государства, которую вызывала сама жизнь, сами потребности жизни. Но Государственная Дума была распущена. Послѣ роспуска первой Государственной Думы, когда русское крестьянство, которое не было

еще совсѣмъ подавлено „съ Божьей помощью“, какъ любитъ выражаться бюрократія, въ своемъ аграрномъ движеніи, крестьянскія волненія вызвали опять высочайшій указъ. Было издано 27 августа высочайшее повелѣніе, въ которомъ было признано необходимымъ дать нуждающимся въ землѣ крестьянамъ свободныя казенныя земли. Тогда, видно, еще правительство желало прекращенія аграрныхъ безпорядковъ, а нисколько не удовлетворенія крестьянской нужды. Итакъ, повторяю, желаніе у правительства не изсякло, оно все еще якобы стремилось что-нибудь сдѣлать. Про эти заботы ясно говорится: объ удовлетвореніи земленуждающихся говорится въ изданномъ указѣ 4 октября 1906 г., что нужно облегчить крестьянамъ пріобрѣтеніе земель частновладѣльческихъ, удѣльныхъ, а также и казенныхъ. Это было передъ созывомъ второй Государственной Думы. Правительство этимъ хотѣло показать, что оно не забыло главной нужды крестьянъ, что оно стремится все-таки продолжать обѣщанное дѣло, и когда въ коммиссіи второй Государственной Думы было высказано (я долженъ сказать, что въ коммиссіи было большинство крестьянъ, а также общественныхъ дѣятелей, которые безусловно поддерживали крестьянъ (*голосъ справа*: какіе тамъ дѣятели) и за принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, тогда предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ съ этой трибуны,—это было 10 мая 1906 г.,—что торопиться, молъ, съ этимъ не нужно, этимъ мы дѣлаемъ не слишкомъ хорошее дѣло, за счетъ однихъ надѣлять другихъ невозможно; но теперь же, онъ повторилъ, надлежитъ немедленно браться за незамѣтную черную работу, надлежитъ сдѣлать учетъ тѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, которые живутъ земледѣліемъ. Придется всѣмъ этимъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельнаго запаса на льготныхъ условіяхъ такимъ количествомъ земли, которое для нихъ необходимо. Когда здѣсь представители народныхъ интересовъ заявили, что на надѣленіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ потребуется изъ земельнаго фонда 57.000.000 десятинъ земли, то предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ, что запасы фонда только 10.000.000 дес., и прибавилъ: „Гг., мы недавно только взялись за эту черную работу и то у насъ есть 10.000.000 дес., а что же будетъ дальше“. Съ этого времени прошло четыре года, и, однако, мы въ настоящее время не видимъ совершенно ничего, мы не видимъ до сихъ поръ, чтобы Государственная Дума, а также и правительство стремилось что-нибудь создать, и въ прошломъ 1909 г. въ коммиссіи представитель министерства земледѣлія уже не указывалъ на 10.000.000 десятинъ земельнаго фонда, а указывалъ только на 700.000 дес. Итакъ, что же сдѣлано землеустроительными коммиссіями для надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ землей? Я не буду считаться съ тѣмъ, что мы тоже оплачиваемъ наше центральное управленіе по землеустройству, которое безусловно съ установленіемъ землеустроительныхъ коммиссій увеличилось; мы

оплачиваемъ не только это дѣло нашего землеустройства и земле-мѣрную часть, но и изъ смѣты по департаменту государственныхъ земельныхъ имуществъ приходится платить около 19.000.000 р. пособія для землеустроительныхъ коммиссій, для того только, чтобы онѣ врывались въ собственную крестьянскую землю и ее межевали. По крайней мѣрѣ, до настоящаго времени мы видимъ, что большинство этихъ работъ производится на крестьянскихъ земляхъ, которыя дорогою цѣною крестьянами добыты и оплачены кровью и потомъ. Такъ вотъ правительство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Государственная Дума считаютъ это землеустроиствомъ. Въ коммисіи въ прошломъ году представитель министерства земледѣлія высказался прямо: да, мы дѣйствительно постановили въ первую очередь разверстать земли надѣльныя, во вторую очередь банковскія и затѣмъ казенныя. Тогда признавалось ихъ 700.000 дес. Но, какъ мы видимъ, въ настоящемъ году (это видно ясно изъ обзора по уѣзднымъ землеустроительнымъ коммиссіямъ) къ продажѣ назначено только 251.000 дес. съ лишнимъ. Но продано слишкомъ мало,—я послѣ скажу, сколько продано. Конечно, тутъ оказывается, что продано мало потому, что арендная стоимость стоитъ гораздо ниже, чѣмъ проценты, которые должны уплачивать покупщики; стоимость казенной земли на столько высока, что имъ удобнѣе платить аренду, чѣмъ проценты съ той цѣны, въ которую оцѣнена земля. Мы видимъ, что забота правительства прекрасна въ оцѣнкѣ этой земли для людей русскаго государства. Для кого же работали въ прошломъ году эти землеустроительныя коммиссіи? Въ прошломъ году онѣ вовсе почти не разверстывали ни казенной, ни банковской земли; онѣ разверстали 150.000 дес. надѣльной крестьянской земли для надѣленія 14.000 домохозяевъ. Этой разверсталной надѣльной земли крестьянамъ въ среднемъ приходится по 11 дес. на дворъ. Оказывается, что тутъ тоже надѣляли не безземельныхъ, а, какъ видите, многоземельныхъ, болѣе сильныхъ, какъ правительство говоритъ намъ съ этой трибуны, и больше тѣхъ людей, на которыхъ, оно прекрасно знаетъ, русскій помѣщикъ можетъ опереться. Но мнѣ хотѣлось бы знать, что хочетъ дѣлать правительство и въ особенности Государственная Дума съ тѣми малоземельными... (*Голосъ справа*: съ Мягкимъ). Не съ Мягкимъ, съ Мягкимъ, конечно, она уже выразила, что дѣлать, одно только появленіе его на трибунѣ вызываетъ опасеніе, что, можетъ быть, онъ скажетъ слово не такъ складное, не такъ шлифованное, но правдивое. Но я спрашиваю, что вы намѣрены дѣлать съ тѣми малоземельными, которые не имѣютъ совсѣмъ земли или имѣютъ очень мало и все таки питаются на ней по мѣрѣ силъ, по мѣрѣ возможности, но которыхъ недостача земли, дѣйствительно, нужда заставляетъ идти на аграрное движеніе въ изысканіи себѣ земли для того, чтобы приложить къ ней руки. Я не буду приводить какихъ-нибудь особыхъ цифръ, я приведу цифры по свѣдѣніямъ статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ за 1905 г. Но

этимъ свѣдѣніямъ видно, что до одной десятины въ среднемъ имѣютъ 236.729 дворовъ, а если мы разверстаемъ землю на души, то по тѣмъ же свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ мы увидимъ, что цифра душъ будетъ болѣе милліона. Значитъ, болѣе милліона душъ совершенно почти безземельныхъ, и на эти болѣе милліона душъ землеустройство не распространяется вовсе, т. е. этотъ милліонъ душъ не выдѣляется; развѣ выдѣляется съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ обезземелиться и продать послѣдній клочекъ, гдѣ, можетъ быть, ихъ насильно заставятъ выдѣлиться, потому что другіе болѣе сильные люди заставятъ это сдѣлать своимъ экономическимъ превосходствомъ надъ этими людьми. Затѣмъ далѣе указывается, что 2.856.950 дворовъ имѣютъ до 5 дес. въ среднемъ; конечно, тутъ нужно сказать, что около 2.000.000 и безусловно до 2.000.000 не имѣютъ земли; значитъ тутъ тоже оказывается армія безземельныхъ въ 15.000.000 душъ. Затѣмъ до 10 дес. имѣютъ 5.071.000 дворовъ (*Голосъ справа:* тоже безземельные). Кажется, я ясно сказалъ. Оказывается, что такія хозяйства, у которыхъ земля не достигаетъ 11 дес. на дворъ, имѣютъ болѣе 40.000.000 душъ и только какихъ-нибудь 20.000.000 душъ превышаетъ 10-ти-десятинную норму на дворъ. Слѣдовательно, мы видимъ, для кого работаютъ коммиссіи; но дальше говорится,—насъ немножко гладятъ по шерсти или, по крайней мѣрѣ, хотятъ погладить,—здѣсь указано въ томъ же обзорѣ землеустроительныхъ коммиссій, что 21% надѣляются безземельныхъ. Или еще прежде сказано, что коммиссіи отдали предпочтеніе, во-первыхъ, недостаточно обезпеченымъ землею и, во-вторыхъ, не отбившимся отъ земледѣлія. И, вотъ, я повторяю, здѣсь указывается, что землеустроительныя коммиссіи имѣли въ виду надѣлить землею и безземельныхъ, и вотъ ихъ указано здѣсь 21% совсѣмъ безземельныхъ, далѣе 38%—до 3 дес. земли, 20%—отъ 3 до 6 дес., 10%—отъ 6 до 9 и 11% болѣе 9.

Но теперь, если мы обратимся къ разверстанію общинной земли, вы увидите, что для выдѣленія все-таки не указываются тѣ, которые имѣютъ меньшее количество земли, чѣмъ 11 дес., а въ среднемъ 11 дес. съ лишнимъ приходится. Слѣдовательно, изъ арміи, которая выдѣляется развѣ только для того, чтобы продать и уйти въ городъ, выдѣляются люди, болѣе обезпеченные землей. И изъ продажи земли банкомъ намъ видно, что банки посредствомъ этихъ землеустроительныхъ коммиссій продаютъ землю болѣе обезпеченнымъ людямъ, потому что они отдаютъ предпочтеніе тѣмъ, кто выходитъ на отруба и хутора. Коммиссіи безусловно отдавали предпочтеніе тѣмъ, которые выходили на отруба и хутора. Вы можете сказать, что выходятъ на отруба и хутора тѣ, которые вовсе не имѣютъ земли; такихъ слишкомъ мало, и само вѣдомство указываетъ, что тормазитъ дѣло раздѣлъ на отруба и выдѣлъ земли въ личную собственность лицамъ болѣе малоземельныхъ. Если мы согласимся съ вѣдомствомъ, что оно отдаетъ предпочтеніе малоземельнымъ, то мы здѣсь во вся-

комъ случаѣ ошибемся, потому что оно въ другомъ мѣстѣ указываетъ, что оно видитъ, кто тормазитъ выдѣлъ на отруба; тормазятъ безземельные, затѣмъ тормазятъ арендаторы и мелкіе купцы. Вотъ кто, указываетъ оно, тормазитъ. Я приведу маленькую справку: напр., хуторамъ банковской земли продано на 36.000 дворовъ—383.000 дес., а обществамъ и товариществамъ на 32.500 дворовъ—113.316 дес. Намъ указывали здѣсь, что въ процентномъ отношеніи они надѣляютъ безземельныхъ, но ясно, что безземельные ничего не получаютъ, потому что они остаются въ общинахъ.

Затѣмъ приведу нѣкоторую справку о развертаніи изъ того же обзора: хуторамъ приходится на одинъ дворъ почти 11 дес., общинамъ и товариществамъ менѣе десяти дворовъ—по 7 дес., болѣе десяти дворовъ—уже 5 дес., а обществамъ только $1_{,15}$ дес. Здѣсь оговариваются, впрочемъ, что такія общества, которыя имѣютъ у себя до 10 дес., покупаютъ землю только, будто бы, для уничтоженія чрезполосицы. Я прямо скажу, что представители помѣщиковъ и дворянъ для уничтоженія чрезполосицы дѣлаютъ просто: разъ большинство ихъ состоитъ въ коммиссіяхъ или они сами изъ себя представляютъ коммиссіи и разъ земля не нужна помѣщикамъ, они прекрасно ее навязываютъ общинамъ, и такимъ родомъ они обходятся.

Но я вамъ напомню еще одинъ фактъ, какъ продаются казенныя земли. Здѣсь еще болѣе яркая картина. Кто является покупщикомъ и кому землеустроительныя коммиссіи продаютъ земли? Напр., за 1909 г., какъ исчислено, продано 54.837 дес., покупщиковъ было всего 18.955 домохозяевъ. 45.255 дес. продано 3.163 домохозяевамъ. Оказывается, что пришлось по $14,_3$ дес. на дворъ. Когда мы обратимся къ другимъ товариществамъ и общинамъ, то мы увидимъ совсѣмъ другую картину. Товарищество болѣе мелкое—$2^1/_2$ дес., крупное—$1^1/_2$ дес. на дворъ, а на общества и $^1/_2$ дес. не могло купить. Можетъ быть, скажутъ, что тутъ предпочтеніе было отдано болѣе сильнымъ, или, какъ любятъ выражаться и вѣдомство, и уважаемые думскіе помѣщики, что съ общинъ, купившихъ землю, нельзя требовать правильнаго платежа, потому что между ними есть слабые и сильные и между ними есть радивые и нерадивые плательщики, а тутъ являются безусловно радивые плательщики. Но я скажу, что ради общины вы этого не дѣлаете, вы здѣсь отдаете предпочтеніе единоличному хозяйству, вы для него расходуете десятки милліоновъ народныхъ средствъ, которыя тянемъ мы, или тянете вы со всего народа, не считаясь съ тѣмъ, бѣденъ ли онъ или богатъ, силенъ ли или слабъ. Вамъ каждый отрубъ, хуторъ стоитъ 300 р., и безусловно вы впослѣдствіи, устроивши эти хутора, будете имъ все-таки пособлять. И я скажу, что васъ заставляетъ такъ дѣйствовать не то, что вы хотите создать сильное хозяйство. Безусловно, у Россіи хватило бы земли на созданіе этого хозяйства; земля, если бы она не лежала придавленной въ рукахъ помѣщиковъ, которые сами ее не

обрабатываютъ и нерадиво къ ней относятся, относятся какъ къ доходной статьѣ, которая даетъ имъ доходъ отъ сдачи въ аренду тому же безземельному населенію, если бы эта земля была въ рукахъ крестьянъ, то, безусловно, при настояніи государственнаго правленія, которое должно слѣдить за тѣмъ, чтобы государственное хозяйство развивалось,—не то бы было, а было бы совсѣмъ другое. Я понимаю, гг., когда съ этихъ правыхъ скамей говорили: они признаютъ, что если крестьянину дать землю, то крестьянинъ отъ того, что получитъ землю, погибнетъ. Они берутъ заключеніе отъ того знакомаго Маркова 2, который погибъ только потому, что пашился квасу. Но когда правительство это дѣлаетъ, то мнѣ рисуется совсѣмъ другая картина. Говоря откровенно, то, что у насъ называется землеустроительной коммиссіей, землеустроительной коммиссіей назвать нельзя, и то, что называютъ землеустройствомъ, землеустройствомъ назвать я не рискну, потому что я долженъ сказать истину, которая есть истина. Напрасно мой уважаемый товарищъ, который здѣсь приводилъ, можно сказать, плачъ народный, напрасно онъ сказалъ: если бы вы прочли всѣ тѣ прошенія, которыя поступаютъ, всѣ тѣ слезы, то пришли бы въ ужасъ; но большинство не придетъ отъ этого въ ужасъ, оно прекрасно знаетъ, что оно дѣлаетъ. Вотъ я все таки спрошу васъ, гг., что вы хотите сдѣлать съ тѣмъ милліономъ душъ, которыя не имѣютъ одной десятины, а все-таки ютятся на этой части, на маленькомъ клочкѣ земли, что вы думаете дѣлать въ дальнѣйшемъ съ этими людьми? Я бы просилъ, если никто изъ васъ не отвѣтилъ на это, я бы просилъ представителя вѣдомства отвѣтить (**Новицкій 2**, *съ мѣста*: и никто съ вами разговаривать не хочетъ). Хотите совсѣмъ разорить или, можетъ быть, помочь? Я къ этому еще приведу цитату, сказанную съ этой трибуны предсѣдателемъ совѣта министровъ 10 мая 1907 г. во второй Думѣ, который тогда еще видѣлъ не столь успокоенной страну; онъ отчасти высказалъ свое желаніе, желаніе правительства, удовлетворить землею малоземельныхъ и безземельныхъ. Онъ говоритъ: „Государство у насъ хвораетъ самой больной и самой слабой частью, которая хираетъ, которая завядаетъ,—этой частью является крестьянство. Всѣ части государства должны придти на помощь той его части, которая является слабѣйшей". То ли мы, гг., въ настоящее время видимъ и дѣлаемъ? Нѣтъ. Избавившись отъ этого аграрнаго движенія, которое „съ Божьей помощью" вы подавили, вы теперь тѣмъ же самымъ занимаетесь—общимъ обезземеленіемъ народа. Вы создали правительственное аграрное движеніе и направили его только въ другую сторону. Вы, вмѣсто того, что бы дать работу крестьянину, желавшему работать, который искалъ себѣ землю, вы взялись этого крестьянина сдѣлать совсѣмъ батракомъ, отбираете у него ту землю, которую онъ добылъ кровью и потомъ. Вы теперь создали чиновниковъ землеустроительныхъ учрежденій, вы назначили имъ жалованье, вы создали цѣлыя сѣти нотаріусовъ, и когда

крестьянинъ хочетъ продать этотъ клочокъ земли, онъ долженъ продавать послѣднее, чтобы его пустили на порогъ къ этому нотаріусу. У крестьянъ отъ этого штаны дерутся, какъ не стѣсняясь высказались съ правой стороны помѣщики. Вотъ что вы дѣлаете. Я вамъ говорю, что крестьянъ гнала нужда искать себѣ землю, а вы, чтобы создать подпору помѣщику изъ сельскихъ кулаковъ и обезземелить крестьянъ, отдаете имъ то, что крестьяне многими годами заработали себѣ для пропитанія своего семейства. Вы не щадите, вы берете съ крестьянъ деньги, вы берете съ крестьянъ средства для того, чтобы создать себѣ опору въ томъ, чтобы будущее аграрное движеніе уже подавлялось кулаками съ полиціей, на которую вы берете съ народа милліоны, и чтобы это движеніе самъ народъ подавлялъ, тотъ, который въ настоящее время еще этому не сочувствуетъ. Вы думаете, что его доведете до этого. Можетъ быть, вамъ удастся довести, и вы сдѣлаете свое дѣло до конца, но народъ свое возьметъ (*Рукоплесканія слѣва*).

Т. О. Бѣлоусовъ. Господа. Изъ плоскости критики цифръ количества хозяевъ, выдѣлившихся изъ общины, а также изъ плоскости кредитовъ, которые идутъ на землеустроиство, я хотѣлъ бы перевести вопросъ совершенно въ другую плоскость: я хотѣлъ бы перевести этотъ вопросъ въ плоскость итоговъ прошедшаго и учета будущаго.

Несомнѣнно, гг., землеустройство само по себѣ, какъ таковое, мѣропріятіе разумное, полезное и въ высшей степени цѣлесообразное. Несомнѣнно также, гг., что примѣненіе научныхъ усовершенствованныхъ способовъ къ обработкѣ земли, а также отсутствіе передѣловъ и передвижекъ во владѣніе хозяина, также отсутствіе чрезполосицы и дробности въ полосѣ хозяина, наличность независимости воли хозяина отъ воли коллектива—современной общины всѣ эти факторы даютъ возможность улучшенія хозяйства. Повторяю, эти истины несомнѣнны. Но, съ другой стороны, гг., вѣдь несомнѣнно также и еще одно обстоятельство. Именно: наличность среди крестьянства требованія расширенія площади ихъ землевладѣнія. Вопросъ о расширеніи площади землевладѣнія крестьянъ, какъ вамъ извѣстно, былъ одно время и есть вопросъ для даннаго времени не только вопросомъ для крестьянства, но былъ вопросомъ также и для „сферъ". Какъ вамъ извѣстно, онъ трактовался въ помѣщичьихъ слояхъ, извѣстно и то, что вырабатывался генералъ-маіоромъ Треповымъ проектъ манифеста о принудительномъ отчужденіи земли: также вамъ извѣстно, что и правительствомъ вырабатывался законопроектъ объ этомъ же отчужденіи. Эти факты слѣдуетъ учитывать, поставивши ихъ рядомъ съ тѣми несомнѣнными истинами, которыя я вначалѣ перечислилъ. Несомнѣнно, эти факты даютъ возможность думать, что въ крестьянскомъ хозяйствѣ нашей страны имѣются такія застарѣлыя язвы, которыя, посредствомъ лекцій о травосѣяніи и о пользѣ примѣненія удобрительныхъ туковъ, ни въ

всемъ случаѣ не вылѣчишь. Эти язвы сельскаго хозяйства, конечно, создали тѣ аграрныя программы нашего общества, которыя въ данное время начинаютъ почему-то многими слоями заволакиваться туманомъ (*Шумъ справа; звонокъ Предсѣдательствующаго*). Такова аграрная программа партіи кадетовъ о принудительномъ отчужденіи, такова аграрная программа соціалъ-демократовъ о конфискаціи помѣщичьихъ и частновладѣльческихъ земель, такова программа также и нашей мирной думской партіи, партіи прогрессистовъ. Но, какъ вамъ извѣстно, вмѣсто манифеста о принудительномъ отчужденіи земли вышелъ декретъ, гласящій: ни пяди нашей земли, ни хворостинки нашихъ лѣсовъ, ни песчинки нашихъ полей. Единственными же мѣрами для поднятія производительности сельскаго хозяйства были признаны размежеваніе и уничтоженіе чрезполосицы, продажа земель казенныхъ и крестьянскаго банка, укрѣпленіе принудительно надѣльной земли въ личную собственность, хуторское и отрубное хозяйства, уничтоженіе семейственной собственности и переселеніе на окраины. Программа эта была сочтена единственно возможной и пригодной для разрѣшенія этого мучительнаго, огромнаго, жгучаго вопроса въ странѣ. Такимъ образомъ, былъ оставленъ нетронутымъ экономическій строй нашей страны. Таково современное положеніе этого дѣла.

Три съ лишкомъ года, гг., прошло съ начала проведенія этой реформы, и, надо сказать откровенно, что переворотъ въ укладѣ сельскаго быта этой реформой былъ сдѣланъ огромный. Въ дѣлѣ реализаціи своихъ мѣропріятій правительство развило maximum энергіи и работоспособности. Были подняты всѣ силы наличнаго административнаго механизма, были расходуемы огромныя средства, а также и предполагается и въ будущемъ расходовать еще большія средства. Далѣе. Факты современной жизни и увеличивающееся количество судебныхъ процессовъ въ деревнѣ, увеличивающееся количество споровъ и пререканій въ деревнѣ, увеличивающееся количество пролетаріата въ деревнѣ,—всѣ эти факты говорятъ намъ за то, что результаты проведенія мѣропріятія правительства были огромные: и сдвигъ соотношенія силъ деревни, сдвигъ въ экономической жизни ея тоже огромны. И намъ, сторонникамъ другой аграрной программы, констатирующимъ эти факты современной экономической жизни деревни, невольно приходится поставить вопросъ: несутъ ли съ собой этотъ сдвигъ эти мѣропріятія, эти реформы снятіе съ очереди земельной проблемы, или они несутъ ея углубленіе? Такой вопросъ мы, соціалъ-демократы, ставимъ предъ обществомъ и предъ Государственной Думой. Тотъ, кто знакомъ съ нашимъ методомъ изученія общественныхъ явленій, тотъ не скажетъ, что мы свою аграрную программу строили, приспособляясь къ психологіи темнаго мужика, ждущаго и вопіющаго о прирѣзкѣ землицы: наша программа построена на основаніи точнаго, серьезнаго изученія историческаго прошлаго экономической жизни страны и учета ея со-

временнаго положенія. Доказательствомъ этого можетъ служить вамъ наше голосованіе вмѣстѣ съ партіей центра по вопросу о характерѣ владѣнія отрубного участка. Вы тамъ видѣли, что мы не боялись обвиненія насъ въ томъ, что мы забываемъ интересы крестьянъ, а голосовали за *собственность* этихъ участковъ. Такъ вотъ я повторяю, что нашъ методъ изученія общественныхъ явленій, во всякомъ случаѣ, объективенъ, и съ этимъ объективнымъ методомъ я попробую подойти къ учету прошедшаго и къ учету современнаго землеустроенства. Нужно сказать, что данныхъ для объективнаго и всесторонняго учета того, что въ настоящее время творится въ деревнѣ, того сдвига, который производится землеустроительными мѣропріятіями правительства, данныхъ для этого не особенно много, кромѣ сообщеній правительства въ его органѣ о землеустройствѣ и кромѣ скудныхъ, отрывочныхъ, скажу, подчасъ тенденціозныхъ, сообщеній газетъ о жизни деревни. Личнаго соприкосновенія съ деревней, конечно, у насъ тоже нѣтъ. Поэтому приходится по этимъ скуднымъ, отрывочнымъ даннымъ дѣлать этотъ учетъ. Прежде всего слѣдуетъ констатировать одно обстоятельство, которое было уже учтено и констатировано во время преній по указу 9 ноября: что одной даже самой главной цѣлью введенія закона о выдѣлѣ изъ общины и объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность было созданіе буферовъ между безземельнымъ крестьянствомъ и помѣщичьей землей и укрѣпленія такимъ образомъ прежнихъ позицій частныхъ собственниковъ. И вотъ, гг., наблюдая современную жизнь такъ, какъ она до насъ доходитъ, приходится остановиться на такомъ любопытномъ обстоятельствѣ, бросающемся въ глаза. То мѣропріятіе, на которое возлагалось столько надеждъ, является, въ свою очередь, потрясателемъ тѣхъ же самыхъ устоевъ, которые предполагалось защитить этими мѣропріятіями. Эти мѣропріятія становятся условіемъ и причиной для низведенія роли помѣстнаго дворянства на роль обыкновенныхъ гражданъ. И этимъ обстоятельствомъ, этими послѣдствіями введенія этой реформы, уже помѣстное дворянство озабочивается. Достаточно просмотрѣть и внимательно изучить отчетъ Государственнаго Совѣта по преніямъ о выходѣ изъ общины, достаточно изучить программу, подготовляющуюся для новаго съѣзда объединеннаго дворянства, и вы увидите, что вопросъ о защитѣ дворянскихъ интересовъ, которымъ грозятъ послѣдствія указа 9 ноября, поставленъ на очередь и поставленъ остро. Вотъ эти обстоятельства я и считаю пока необходимымъ и нужнымъ констатировать.

Далѣе. Что слѣдуетъ сказать о положеніи другой массы крестьянъ, которой нѣтъ возможности купить банковскія земли, для которыхъ нѣтъ возможности покупать удобрительныя туки, для которыхъ нѣтъ возможности быстро поправить свое хозяйство? Для нихъ—какова перспектива будущаго при проведеніи этихъ мѣропріятій? Остается переселеніе въ Сибирь. Но, какъ вамъ извѣстно,

переселеніе—съ одной стороны, оружіе обоюдострое, съ другой же стороны, переселеніемъ невозможно даже исчерпать естественнаго прироста населенія. Такимъ образомъ, остается хозяйствовать на парцеллахъ, доставляя этимъ самымъ дешевыя рабочія руки для сельскохозяйственныхъ экономій, для фабрикъ и заводовъ. Это есть естественное слѣдствіе капиталистическаго хода промышленности. Но, гг., поставьте рядомъ съ этимъ естественнымъ слѣдствіемъ современное положеніе нашей промышленности. О современномъ положеніи нашей промышленности здѣсь уже неоднократно говорили и констатировали, что надеждъ на ея развитіе и процвѣтаніе нѣтъ. Такимъ образомъ тотъ пролетаризирующій слой крестьянства, что онъ долженъ дѣлать, благодаря современному положенію промышленности въ странѣ? Это тоже вопросъ. Далѣе, тѣ новые, сильные и крѣпкіе, пока они выкупятъ свою банковскую землю, пока они устроятся на хуторахъ, пока они свое хозяйство исправятъ, до тѣхъ поръ тоже воды весьма много должно утечь. Такимъ образомъ, грубыми штрихами набрасывая современное хозяйство въ странѣ, въ связи съ введеніемъ современныхъ мѣропріятій по землеустроенству, приходится только сказать, что особенныхъ измѣненій въ экономической жизни крестьянскаго населенія ожидать не приходится, и вотъ, на этихъ общихъ положеніяхъ я и заканчиваю свои соображенія вообще о значеніи указа 9 ноября, какъ мѣропріятія для рѣшенія земельной проблемы, и, заканчивая ими, я считаю необходимымъ поставить предъ крестьянскимъ населеніемъ такой вопросъ: находитъ ли оно, что землеустроительныя работы правительства окончательно подорвали разумность его требованія конфискаціи частновладѣльческихъ земель: что это требованіе есть плодъ фантазіи, а не неумолимое требованіе, вытекающее изъ условій его прошлой и современной жизни; что лучшаго выхода, кромѣ мѣропріятій правительства, крестьянскому населенію нѣтъ надобности вырабатывать,—или же, несмотря на землеустроительный сдвигъ, произведенный этими мѣропріятіями, огромное, первой важности дѣло въ странѣ, дѣло обезпеченія землей нуждающагося населенія по прежнему виситъ надъ страной со всей его остротой? Такой вопросъ мы, соціалъ-демократы, ставимъ предъ крестьянскимъ населеніемъ, пользуясь смѣтой департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ. Въ данный моментъ мы остаемся при своихъ прежнихъ взглядахъ и къ смѣтѣ департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ, а также къ землеустроительнымъ мѣропріятіямъ правительства относимся отрицательно. Мы считаемъ, что современное землеустройство (повторяю старое наше выраженіе), современное землеустройство въ рукахъ правительства играетъ только политическую роль. Своимъ землеустройствомъ правительство желаетъ отдѣлить отъ огромной массы крестьянской бѣдноты незначительный консервативный слой. Осуществленіе землеустройства передано въ руки бюрократіи и въ руки дворянства, защищающихъ интересы лишь

сильныхъ, а не слабыхъ; хуторская политика правительства не имѣетъ почвы въ нашихъ русскихъ условіяхъ, и единственно проблемой для крестьянской бѣдноты и пролетаріата аграрной программой является наша программа—безвозмездное отчужденіе земель частновладѣльческихъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ. На этомъ я и заканчиваю свои объясненія по смѣтѣ департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ (*Слѣва рукоплесканія и голоса*: браво).

(Стенографическій отчетъ).

Издатель В. П. Сукачевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

Отъ редакціи.

Редакція полагаетъ, что всѣ лица и общественныя учрежденія, кому дорого независимое слово въ борьбѣ за лучшее будущее Сибири, могутъ оказать журналу существенную поддержку, присылая статьи и корреспонденціи на темы, какія въ данный моментъ наиболѣе интересуютъ сибирское населеніе.

Съ просьбой о такомъ содѣйствіи редакція обращается ко всѣмъ сибирякамъ, кто хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями журнала своими мыслями о текущихъ вопросахъ, явленіяхъ и фактахъ сибирской жизни.

Всѣ статьи и корреспонденціи оплачиваются.

По постановленію С.-Петербургскаго Комитета по дѣламъ печати наложенъ арестъ на №№ 40—41-й журнала „Сибирскіе вопросы“ (отъ 9-го ноября с. г.); редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ привлекается къ отвѣтственности по п. I-му ст. 129 Угол. Улож. и ст. 1034[5] Ул. о наказаніяхъ.

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№№ 42-43

24 ноября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **Свора.** *Г. Гребенщикова.*
2. **Судоходство къ устью р. Енисея.** *В. Миронова.*
3. **Объ изученіи мертвой и живой старины въ Сибири.** *Профессора І. Малиновскаго.*
4. **Сибирскія письма:** 1) Тобольскъ, 2) Барнаулъ, 3) Туринскъ, 4) Омскъ, 5), Енисейскъ, 6) Изъ Приангарья, 7) Иркутскъ, 8) Владивостокъ.
5. **Изъ Омской жизни** (Замѣтки обывателя).
6. **Очерки сибирской жизни.** *Л. К.*
7. **Хроника.**
8. **С.-Петербургскомъ Сибирскомъ Собраніи.**
9. **Два доклада объ Якутской области.**
10. **Обозрѣніе русской жизни.**
11. **Толстой въ письмахъ.** *Петра Толскаго.*
12. **Любопытная встрѣча и любопытный разговоръ.**
13. **Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.**
14. **Отъ редакціи журнала „Сибирскіе Вопросы“.**
15. **Объявленія.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка. 96.
1910.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„Сибирскіе Вопросы"

ВЪ 1911 г. (СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ);

издаваемый **В. П. Суначевымъ** подъ редакціею **А. И. Иванчина-Писарева.**

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕНЪ РАЗРАБОТКѢ МѢСТНЫХЪ ВОПРОСОВЪ и при участіи **ПРЕЖНИХЪ СОТРУДНИКОВЪ** будетъ выходить **КАЖДУЮ НЕДѢЛЮ** въ размѣрѣ трехъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. № 15 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписка принимается

ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ СИБИРИ и РОССІИ

по цѣнѣ редакціи безъ всякой надбавки. Въ пріемѣ денегъ подписчику выдается безплатно расписка.

Кромѣ того, въ Сибири подписка принимается и продаются отдѣльные номера журнала въ книжныхъ магазинахъ: въ **Томскѣ**—Посохина и Макушина, въ **Иркутскѣ**—Макушина и Посохина, въ **Тюмени**—О. Ф. Невской, въ **Тобольскѣ**—А. С. Суханова, въ **Красноярскѣ**—М. И. Григоровской, въ **Читѣ**—гг. Цепелева и Борисова.

Сборники „Сибирскіе Вопросы" за 1905 г.: № 1-й (400 стр.)—2 р. и № 2-й (330 стр.)—1 р. 50 к.; всѣ шесть книгъ журнала „Сибирскіе Вопросы" за 1906 г. (700 стр.)—3 р., 3 ежемѣсячныхъ и 36 еженедѣльныхъ номеровъ 1907 г. (2000 стр.)—4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1908 г.—4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1909 и 1910 года—по 6 рублей.

Подписавшіеся сразу на весь 1911 годъ могутъ получить любой годъ журнала БЕЗПЛАТНО, уплативъ стоимость пересылки или принявъ на себя таковую наложеннымъ платежомъ.

Адресъ редакціи, куда просятъ направлять корреспонденціи и статьи, **С.-Петербургъ, Сергіевская ул., 3.**

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№№ 42-43

24 ноября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
1.	Свора. *Г. Гребеньщикова.*	3— 9
2.	Судоходство къ устью р. Енисея. *В. Миронова.*	9—16
3.	Объ изученіи мертвой и живой старины въ Сибири. *Профессора І. Малиновскаго.*	16—24
4.	Сибирскія письма: 1) Тобольскъ, 2) Барнаулъ, 3) Туринскъ, 4) Омскъ, 5) Енисейскъ, 6) Изъ Приангарья, 7) Иркутскъ, 8) Владивостокъ.	24—46
5.	Изъ Омской жизни (Замѣтки обывателя).	47—52
6.	Очерки сибирской жизни. *Л. К.*	52—59
7.	Хроника.	59—63
8.	Въ С.-Петербургскомъ Сибирскомъ Собраніи.	63—65
9.	Два доклада объ Якутской области.	65—67
10.	Обозрѣніе русской жизни.	67—73
11.	Толстой въ письмахъ. *Петра Толгскаго.*	73—79
12.	Любопытная встрѣча и любопытный разговоръ.	79—83
13.	Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.	83—94
14.	Отъ редакціи журнала „Сибирскіе Вопросы“.	94—96
15.	Объявленія.	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Свора.

Наше село, какъ и всѣ заурядныя сибирскія села.

Въ срединѣ, на пригорочкѣ, нарядная, мірскимъ усердіемъ воздвигнутая, церковь, а напротивъ—съ раскрашенными ставнями, поповскій домъ. Солидный и большой, окруженный массою прочныхъ службъ, онъ говоритъ о большой хозяйственности обитателя и объ еще большей его предусмотрительности: ворота крѣпкія, засовы желѣзные, а на заборахъ—цѣлая щетка длинныхъ гвоздей...

Недалеко отъ дома безмолвно зеленѣетъ крыша новой школы, а въ другомъ концѣ села чопорно возвышается, какъ бы надзирая за кучей сѣрыхъ избъ, новый двухъ-этажный домъ торговца и церковнаго старосты Максима Ѳедотыча.

Въ глубинѣ одной изъ улицъ поетъ одинокая пѣсня пьянаго мужика, часто прерываемая его же безпричинной руганью. Ей отвѣчаетъ старая собака лѣнивымъ лаемъ, да гдѣ-то близко раскудахталась курица.

И надъ всѣмъ этимъ, въ чистой лазури, маячитъ ярко пылающій на солнцѣ церковный крестъ.

А кругомъ, вдали, тоскуютъ золотыя осеннія поля, уставшія за знойное лѣто...

Анна Гавриловна, только что принявшая школу въ селѣ, совсѣмъ еще молодая, съ довѣрчивымъ лицомъ и прекрасно-наивной вѣрой въ то, что ея свѣтильникъ будетъ неугасимо горѣть въ холодной тьмѣ деревни,—только что вошла въ курсъ новаго для нея дѣла, только что успѣла полюбить его и отдаться ему со всей горячностью святого безкорыстія.

Когда она собиралась сюда, ее увѣряли, что она сбѣжитъ отъ

скуки, что деревенскіе ребятишки извѣдутъ ее, измочалятъ нервы, что грубое, грязное мужичье отобьетъ у нея охоту даже видѣть деревню.

— Ничего подобнаго!—весело говорила себѣ Анна Гавриловна послѣ утомительныхъ рабочихъ часовъ.—Все наоборотъ: крестьяне относятся ко мнѣ отлично, скуки нѣтъ, потому что для нея нѣтъ времени, а ребятишки, это же—одна прелесть!..

И ей представляется пестрая, голосистая и суетливая орава въ шестьдесятъ малышей, съ черными, бѣлыми, красными и желтыми головками, въ цвѣтныхъ рубашкахъ, отцевскихъ поддевкахъ и женскихъ кофточкахъ. Они такъ забавно утопаютъ въ нихъ и на вопросы на-перерывъ протягиваютъ грязныя ручонки и сами тянутся черезъ парты, сгорая нетерпѣньемъ отвѣчать...

Всѣ такіе смѣшные и милые!.. Его спрашиваешь: „Какъ тебя зовутъ?“—А онъ головку скривитъ, кусаетъ языкъ, сопитъ и пальцами перебираетъ смущенно по партѣ и вдругъ скажетъ, швыркнувъ носомъ:—Его-орко-ой!..

„А фамилія твоя?“... Но вмѣсто отвѣта онъ голубыми чистыми глазенками уставится прямо въ лицо и долго, серьезно вглядывается, какъ бы удивляясь: Такъ вотъ она какая учительша-то бываетъ!.. И, забывъ, о чемъ его спрашивали, просто переспроситъ:—Чего ты говоришь?..

Такіе милые и такіе смѣшные!..

И всѣ свои цвѣтущія силы и чистую любовь отдавала Анна Гавриловна этой пестрой кучкѣ будущихъ кирпичей „почетнаго фундамента“, умѣя понять ихъ и все окружающее.

И теперь, стоя у огромной кадки съ тощимъ олеандромъ, въ свѣтлой и уютной гостиной поповскаго дома, она довѣрчиво ждала отвѣта на свой простой и ласковый вопросъ:

— Отецъ Семенъ, вы меня звали?

Отецъ Семенъ, бывшій консисторскій писецъ, высокаго роста, очень подвижной, сидѣлъ у ломбернаго стола и проворно набивалъ папиросы.

— Здравствуйте, Анна Гавриловна!—стараясь улыбнуться, поспѣшно заговорилъ онъ и подвинулъ собесѣдницѣ стулъ.—Да, звалъ... вы, конечно, извините меня... У насъ это просто, знаете ли...

Онъ сѣлъ и, положивъ ногу на ногу, отчего длинная, обтянутая короткимъ и узкимъ подрясникомъ, фигура его напомнила большого кузнечика—„складня“, продолжалъ набивать папиросы, затыкая ихъ мелкими кусочками оберточной бумаги. Хотя

сухое съ длиннымъ носомъ и большими черными зубами лицо его какъ будто и выражало доброжелательство и даже дружбу, но зловѣще мелькавшія въ желтыхъ глазахъ зеленоватыя искорки предательски выдавали его душевное расположеніе къ собесѣдницѣ...

— Видите-ли, Анна Гавриловна!.. Вы меня извините... А только все-таки такъ нельзя...

— Что такое?..—весело спросила учительница.

— Да какъ же! Вы даете ученикамъ читать газеты?!...

— Ну такъ что же?

— Какъ „что же“?—стараясь быть любезнымъ, взвизгнулъ попъ и впился въ нее желтыми глазами.

Учительница смутилась и отвѣтила просто:

— Я даю свою газету только одному ученику... газета умѣренная и при томъ мальчикъ по себѣ беретъ ее, а для чтенія отцу, который приходилъ ко мнѣ самъ. Правда, отецъ неграмотный, но очень хорошій, любознательный такой... Я выписываю газету и по прочтеніи...

— Ха!..—перебилъ ее о. Семенъ:—„любознательный“!... Вотъ въ этомъ-то и дѣло, матушка моя! Сначала отецъ любознательный, а потомъ сынъ, а потомъ и всѣ ребятишки... Не всякая любознательность, знаете-ли, умѣстна!.. Я прихожу сегодня, а ихъ ужъ тамъ не двое, не трое, а цѣлыхъ семеро... Мальченка читаетъ, а мужики слушаютъ да ржутъ... Я пришелъ—они не замѣтили даже: вотъ какъ увлеклись!..

— Но позвольте, отецъ Семенъ!—хочетъ успокоить его Анна Гавриловна, и ея чистые сѣрые глаза смотрятъ на него съ довѣрчивой лаской: — Видите-ли... вѣдь, собственно, дурного же здѣсь ничего нѣтъ... Я никакъ не могу понять, что собственно васъ волнуетъ!.. И потомъ...

— Ахъ, Боже мой!.. Что волнуетъ!..—оттолкнувъ съ досадой папиросы, воскликнулъ о. Семенъ. — Какъ же не волноваться, когда, знаете, нынче всякій мальчишка умнѣе тебя становится... Вѣдь вы посмотрите, во что „они“ нашего брата ставятъ?! Въ грошъ не ставятъ! Никакого уваженья ни къ чину, ни къ возрасту... А откуда это взялось, скажите, пожалуйста? Не съ неба же свалилось... Вотъ отъ этихъ самыхъ газетъ-съ... Да!.. Прихожу сегодня, а они ржутъ... Мальченка читаетъ, а мужики хохочутъ... И знаете—надъ чѣмъ? Надъ тѣмъ, что гдѣ-то исправникъ съ городовыми кошку своей жены разыскивалъ... Вы понимаете?.. Злорадство!..

— Такъ развѣ не смѣшно, отецъ Семенъ? — улыбаясь спросила дѣвушка.

Отецъ Семенъ поднялся во весь свой ростъ и хлопая длинными руками по сухимъ бедрамъ, качалъ головой:

— Ай, ай, ай! Ну, вотъ, видите и вы сами!.. Ну развѣ жъ это можно!.. Нѣтъ, нѣтъ, Анна Гавриловна, такъ нельзя!..

— Да почему, отецъ Семенъ?

— И вы спрашиваете еще? Да подумайте хорошенько: если мужики будутъ смѣяться надъ властью, — что же тогда будетъ?!... Нѣтъ, вы просто... я просто... гм... теряюсь... Ну, хорошо, ну, скажемъ: вы сдѣлали это по неопытности, по молодости, не съ злымъ умысломъ, и пока все это между нами — это еще ничего... Ну, а если вынесется „туда“?—онъ ткнулъ пальцемъ куда-то въ пространство,—если вынесется? Вѣдь тогда и мнѣ, знаете-ли, скажутъ: что же ты смотришь, какъ ты пасешь свое стадо?... А?... Вы объ этомъ-то подумали или нѣтъ?...—И о. Семенъ, сложивъ свои костлявыя руки на животѣ, широко разставилъ длинныя ноги передъ дѣвушкой.

Анна Гавриловна, потупивъ глаза, уже не улыбалась и, будто попявъ что-то, вдругъ притихла и смущенно теребила поднятый ею съ пола полузавядшій цвѣтокъ герани...

— Нѣтъ, я васъ спрашиваю: если узнаетъ начальство?... А?...

Вошла съ повязанной щекой желтолицая матушка, только что вернувшаяся съ тремя возами собранной ею руги, и сказала, опускаясь на стулъ:

— Умаялась не на милость Божью! Экій, Господи прости, народъ-то нынче сталъ: всѣ, какъ одинъ человѣкъ, зарядили: „не намолотили еще, матушка“, а войдешь въ амбаръ—полные сусѣки... Такъ я къ каждому въ амбаръ-то и заходила, а ихъ триста амбаровъ, ну-ка полазай по нимъ!.. Тамъ, кажется, чай на столѣ! Идите-ка чай пить. Будетъ вамъ тары-бары-то разводить... О-охъ, и умаялась... Ну, и народецъ нынче! Господи прости!

Качая головою, о. Семенъ выслушалъ попадью и, обращаясь къ Аннѣ Гавриловнѣ, многозначительно произнесъ:

— Вотъ вамъ!.. Это уже подъ вліяніемъ „любознательныхъ“! Н-непремѣнно!.. Нѣтъ, „они“ гра-а-мотны нынче стали... Придешь къ нимъ съ крестомъ, такъ они и пятаки-то даютъ самые плохіе: стертые да непохожіе... А особенно эти россійскіе подхалимы!..

Анна Гавриловна неопредѣленно пожала плечами и, какими-то новыми глазами взглянувъ на о. Семена, медленно пошла въ столовую.

— Нѣтъ, Анна Гавриловна, вы не знаете мужика!.. А отвѣчать-то въ случаѣ чего мнѣ вѣдь доведется... Меня вѣдь спросятъ: какъ ты, скажутъ, пасешь свое стадо? А?.. И потянутъ меня, голубчика... И васъ не пощадятъ!..

Въ столовую вошелъ Максимъ Ѳедотычъ.

Переселившійся въ Сибирь лѣтъ десять назадъ, онъ успѣлъ не только обзавестись хорошимъ хозяйствомъ и торговлей, но и отростить себѣ большое брюхо и солидную бороду...

Подойдя къ иконамъ, онъ истово помолился, раболѣпно подошелъ подъ благословленіе къ о. Семену, низко поклонился матушкѣ и снисходительно протянулъ жирную руку Аннѣ Гавриловнѣ.

— Милости просимъ, Максимъ Ѳедотычъ!—радушно привѣтствовалъ его о. Семенъ.— Проходи-ка, садись чай кушать... Проходи!..

Церковный староста, степенно поглаживая жирные волосы, скромно отвѣтилъ:

— Спаси Христосъ, батюшка!.. Было дѣло ужо!..

— Ну, ну, не толкуй, пожалуйста!.. Садись, садись, Максимъ Ѳедотычъ!..

— Не спѣсивьтесь, Максимъ Ѳедотычъ! Съ вареньицемъ-то... Съ медкомъ-то вотъ!..—вставила и матушка и умолкла, заинтригованная разговоромъ, гдѣ напугало ее слово „потянутъ“...

Максимъ Ѳедотычъ сѣлъ, не торопясь, на краешекъ стула,— сѣлъ, какъ пришелъ въ тепломъ кафтанѣ, только шапку бережно отнесъ на лавочку.

— А ну-ка, скажи мнѣ, Максимъ Ѳедотычъ,—началъ весело и громко о. Семенъ, потрепавъ по плечу старосту:—какъ по твоему: можно мужику давать читать газеты всякія, или нельзя, а?..

Максимъ Ѳедотычъ придвинулъ дымившійся стаканъ чая, узенькими синими глазками быстро скользнулъ по присутствующимъ и уловилъ, какъ о. Семенъ, улыбаясь, скосился на Анну Гавриловну; нельзя было не понять и тона о. Семена: ясно было, что ему нуженъ отрицательный отвѣтъ.

Съ свойственной ему медлительностью Максимъ Ѳедотычъ сначала кашлянулъ въ руку, затѣмъ, поглаживая толстымъ и краснымъ пальцемъ краешекъ бѣлой скатерти, уклончиво отвѣтилъ:

— Мужикъ мужику рознь!.. Всякіе мужики бываютъ... Примѣрно будемъ говорить: я — мужикъ и Ефимка Оглашенный — мужикъ... Опо и я не казистый, а все же рядомъ меня съ Ефимкой, поди, не поставятъ, потому какъ я не укралъ ничего, не сбругалъ никого, ни что либо такое... Живу, примѣрно будемъ говорить, по правилу, по Божьему закону...

— Вотъ, вотъ!— поддакнулъ о. Семенъ.—Н-ну-съ?!..

Максимъ Оедотычъ, еще болѣе съузивъ глаза, взглянулъ на дѣвушку и уже болѣе увѣренно продолжалъ:

— Опять же, будемъ говорить, и газеты эти самыя всякихъ сортовъ бываютъ... Иныя и ладно пишутъ, супротивъ начальства не идутъ и, какъ-бы сказать, вѣру святую помнятъ, а иныя-то будто все въ счетъ всякія осужденья... Вродѣ какъ ревизоры какіе...

— Вотъ именно!—уже болѣе осязательно ударилъ по плечу гостя о. Семенъ:— насмѣшки надъ начальствомъ!.. Разныя идеи тамъ проповѣдуютъ!..—подсказалъ опъ.

Максимъ Оедотычъ, воодушевленный собственнымъ краснорѣчіемъ и поощренный о. Семеномъ, продолжалъ, немного повысивъ тонъ и ускоривъ ритмъ:

— Какъ же имъ теперича, значитъ, всякимъ вахлакамъ, газеты давать читать, коли они, прости Богъ, всякую совѣсть потеряли, стыдъ, такъ будемъ говорить... Ни молитвы они путемъ сотворить не могутъ, ни почтенья какъ слѣдуетъ воздать, ни што!.. Вотъ мнѣ, почитай, вся деревня задолжалась, а никто не платитъ... Да ихъ, варнаковъ, розгами сѣчь надо, а не газету имъ!..

— Вотъ, именно!.. Вотъ, именно!—сорвался съ мѣста о. Семенъ и жадно закурилъ папироску...—Вотъ именно!—еще разъ повторилъ онъ въ экстазѣ и большими шагами заходилъ по столовой, взглядывая на Анну Гавриловну уже съ нескрываемой злобой.

Максимъ Оедотычъ воодушевлялся все больше, повышая тонъ и ускоряя ритмъ. Узенькіе глазки его смотрѣли уже прямо на Анну Гавриловну и смотрѣли такъ, будто во всемъ она виновата: и въ томъ, что мужики ему не платятъ, и въ томъ, что онъ затруднилъ себя этимъ разговоромъ...

Дѣвушка испуганно смотрѣла то на длиннаго и чернаго о. Семена, то на лоснящееся красное лицо церковнаго старосты, и ей казалось, что вотъ-вотъ не выдержитъ она и плеснетъ въ ихъ наглые прищуренные глаза горячимъ чаемъ...

Но сидѣла, придавленная, и не смѣла ни сойти съ мѣста, ни

сказать ни одного слова. Только чистые довѣрчивые глаза ея расширялись, темнѣли и говорили о неизъяснимой душевной боли...

Георгій Гребеньщиковъ.

О судоходствѣ къ устью р. Енисея.

Недавно въ Красноярскѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора происходило совѣщаніе по вопросу о передачѣ казенной Енисейской флотиліи въ частныя руки,—совѣщаніе мѣстныхъ „болѣе солидныхъ“ предпринимателей, приглашенныхъ губернаторомъ въ порядкѣ выполненія принятыхъ Государственной Думой заключеній финансовой и бюджетной коммиссій: въ этомъ именно смыслѣ была редактирована заключительная часть разосланнаго частнымъ предпринимателямъ губернаторскаго приглашенія, указывавшаго также, что заключенія совѣщанія послужатъ матеріаломъ для новаго законопроекта, который будетъ внесенъ въ осеннюю сессію Государственной Думы.

Вопросъ о судоходствѣ въ низовьяхъ р. Енисея—старый и большой вопросъ, интересующій не только Енисейскую губ., но косвенно и всю Сибирь. Его исторія, уходящая далеко въ прошлое столѣтіе, является длиннымъ перечнемъ всевозможныхъ проектовъ, изысканій, совѣщаній, ходатайствъ... новыхъ проектовъ, опять изысканій и совѣщаній и т. д. сначала и до конца, и опять сначала. Данное совѣщаніе — только лишняя варіація на старую тему. Въ результатахъ его или, точнѣе, въ характерѣ будущаго законопроекта едва ли можно сомнѣваться. Казенная флотилія ежегодно сводитъ свой бюджетъ съ огромнымъ убыткомъ болѣе 100.000 руб., и естественно, что казна далеко не прочь освободиться отъ него, если не въ полной мѣрѣ, то хотя бы отчасти. И разъ вопросъ поставленъ въ самомъ началѣ на эти рельсы, то уже по закону простой инерціи иначе онъ разрѣшиться не можетъ. Это—съ одной стороны. Съ другой—частныхъ предпринимателей, желающихъ подкормиться около той или иной „субсидіи“, всегда непочатый уголъ; и если такъ долго приходилось ихъ ждать въ данномъ случаѣ, то это объясняется просто: чѣмъ дольше казна ведетъ дѣло, тѣмъ оно стано-

вится безнадежнѣе, тѣмъ выгоднѣе поэтому для частныхъ предпринимателей условія передачи.

Но вопросъ не въ этомъ, ибо съ рѣшеніемъ его тѣмъ или инымъ изъ поставленныхъ предъ совѣщаніемъ способовъ совсѣмъ не рѣшается вопросъ о наиболѣе раціональной постановкѣ судоходства по р. Енисею вообще въ интересахъ развитія мѣстной промышленности и въ интересахъ всего края.

Дѣло въ томъ, что обширная сѣверная часть Енисейскаго уѣзда, и въ частности гиблый Туруханскій край, какъ это достаточно извѣстно, хранятъ въ себѣ огромныя богатства, до сихъ поръ въ большинствѣ своемъ лежащія такъ же спокойно, какъ и во второй день міросданія. Нѣтъ благоустроенныхъ средствъ сообщенія, и доставка ихъ въ мѣста сбыта обходилась бы гораздо дороже ихъ рыночной стоимости. Естественно поэтому, что великолѣпный графитъ и едва ли не богатѣйшіе въ мірѣ каменный уголь и желѣзная руда остаются до сихъ поръ почти нетронутыми; а огромныя корабельныя деревья, вырванныя и унесенныя теченіемъ рѣки, образовали удивительно высокія и своеобразныя горы въ устьѣ Енисея. Единственныя изъ богатствъ края, такъ или иначе привлекающія населеніе и поддерживающія замѣтное промысловое оживленіе, это — рыба и пушнина. И тотъ, и другой промыселъ могъ бы имѣть будущее и стать фундаментомъ промышленной дѣятельности населенія, несомнѣнно, втягивая въ круговоротъ промышленной жизни и всѣ прочія богатства края. Но и тотъ, и другой застыли въ своемъ развитіи на той экономической стадіи, которая именуется стадіей „первоначальнаго накопленія“. И хотя накопленіе въ отдѣльныхъ случаяхъ все-таки происходитъ изумительно быстро и продуктивно, но характерные признаки „первоначальнаго“ процвѣтаютъ и попыпѣ во всей своей силѣ. Беззастѣнчивая эксплуатація производителей-инородцевъ и хищничество уже привели къ упадку пушной промыселъ. Привлекая къ себѣ вниманіе мірового рынка, онъ отнюдь не пользуется таковымъ же на мѣстѣ, по скольку это относится, конечно, къ постановкѣ и регулированію промысла въ цѣломъ въ интересахъ его развитія, а не упадка. Многіе звѣри становятся рѣдкостью, и ростъ цѣнъ на пушные товары не можетъ объясняться исключительно однимъ ростомъ потребленія.

Точно такъ же и рыболовство. Хищничество, прадѣдовскіе пріемы лова и заготовленія въ прокъ, отсутствіе однихъ и дороговизна другихъ припасовъ и матеріаловъ, и пр. и пр... И въ результатѣ—рынокъ сбыта въ сравненіи съ прежнимъ почти не раздвинулся дальше предѣловъ своей губерніи.

Но во всякомъ случаѣ, если не пушнина, то рыболовство вполнѣ могло бы постепенно вызвать къ жизни нетронутыя до сихъ поръ богатства. Это тѣмъ болѣе допустимо, что по количеству ежегоднаго улова данный промыселъ не оставляетъ сомнѣнія хотя и въ медленномъ, но неуклонномъ ростѣ: съ 14.000 пудовъ въ 1862 г. вывозъ рыбы изъ Туруханскаго края дошелъ до 128.000 пудовъ въ 1907 г. *), т. е. уловъ увеличился въ 9 разъ. Правда, такой, казалось бы, огромный скачокъ растягивается на цѣлыхъ 45 лѣтъ, средній же годовой приростъ въ этомъ случаѣ будетъ не выше 5%; но даже и этотъ сравнительно весьма скромный темпъ развитія, по отношенію къ условіямъ, въ которыхъ совершается промыселъ, долженъ разсматриваться, какъ обѣщающій.

Нижній плесъ Енисея до сихъ поръ населенъ едва ли гуще, чѣмъ въ эпоху Кучума и Ермака, и на 1000 верстъ отброшенъ отъ ближайшаго торговаго пункта. Доставка припасовъ и матеріаловъ для промысла чрезвычайно поэтому затруднительна и нерегулярна, и особенно чувствительно ложится на мелкихъ и среднихъ рыбопромышленниковъ, унося значительную долю прибыли. Не говоря уже о томъ, что періоды лова, какъ и самая навигація, продолжаются въ лучшемъ случаѣ $3^1/_2$ мѣсяца, а быстрое теченіе Енисея съ трудомъ преодолѣвается малосильными сибирскими пароходами.

Развитіе пароходства поэтому являлось первой и насущной потребностью рыбопромышленности, какъ со стороны своевременности начала и окончанія промысла, такъ и со стороны удешевленія фрахтовъ на припасы и результаты улова. Яркимъ доказательствомъ такой тѣсной зависимости между рыболовствомъ и пароходствомъ представляется намъ то характерное обстоятельство, что крупные рыбопромышленники Туруханскаго края являлись въ то же время и первыми пароходовладѣльцами на Енисеѣ.

*) В. Исаченко и Лавровъ „Матеріалы по изслѣдованію рѣки Енисея".

Но это же самое обстоятельство, оказавшись на моментъ весьма благопріятнымъ факторомъ въ развитіи промысла, постепенно становилось затѣмъ однимъ изъ главныхъ его тормазовъ. Рыбопромышленникъ-пароходовладѣлецъ съ момента этого совмѣстительства неизбѣжно превращается въ того двуликаго Януса, каждое лицо котораго существуетъ въ ущербъ другому: заинтересованный въ качествѣ судовладѣльца въ развитіи промысла, а слѣдовательно, и привлеченіи къ нему возможно широкаго круга предпринимателей, онъ въ то же самое время, въ качествѣ рыбопромышленника, неизбѣжно становится на иную позицію,—и на сколько въ первомъ случаѣ онъ склоненъ, въ интересахъ мелкихъ и среднихъ промышленниковъ, къ пониженію фрахтовъ, на столько же противится этому, какъ крупный скупщикъ-предприниматель, естественно желающій устранить конкуренцію. Самымъ ходомъ вещей поставленный въ такое непримиримое противорѣчіе, онъ оказывается осужденнымъ на бездѣйствіе. А такъ какъ рыбопромышленность, пока что, является единственнымъ оправданіемъ существованія нижне-Енисейскаго пароходства, а послѣднее, тоже пока что, служитъ однимъ изъ главныхъ факторовъ его развитія,—то такое, близкое и, казалось бы, наиболѣе выгодное совмѣстное существованіе ихъ, естественно привело къ тому, что ни то, ни другое не могутъ похвалиться своимъ прогрессомъ и если все таки идутъ въ томъ или иномъ отношеніи впередъ, то не быстрѣе хода черепахи, и скорѣе *несмотря* на совмѣстное бокъ-о-бокъ существованіе, чѣмъ *благодаря* ему.

Показатели средняго ежегоднаго прироста вывезенной съ промысловъ рыбы какъ нельзя лучше иллюстрируютъ это положеніе:

въ періодъ	1863—72 г.	средній ежегодный	приростъ улова—	7,1 %
„	73—82	„	„	1,3 „
„	83—95	„	„	1,1 „
„	—96	„	„	27,0 „
„	—97	„	„	32,0 „
„	98—906	„	„	2,8 „
„	—907	„	„	52,3 „

Двинувшаяся замѣтно впередъ въ первое десятилѣтіе (послѣ перваго въ 1862 г. пароходнаго рейса), рыбопромышленность въ слѣдующія затѣмъ 25 лѣтъ даетъ такія цифры,

которыя едва ли даже и можно считать показателями развитія: рыбопромышленники пароходовладѣльцы, вѣроятно, сыграли въ этомъ случаѣ не послѣднюю роль.

Но за то нѣкоторые годы (не періоды, а именно годы) въ приведенномъ сопоставленіи сразу и далеко выталкиваютъ промыселъ изъ привычной сонливой нормы—это 1896—97 и 1907 г. г. Чрезвычайно рѣзкіе скачки ихъ показателей на столько необычны за всѣ 45 лѣтъ, что заставляютъ предполагать наличность въ эти годы какихъ то особыхъ исключительныхъ причинъ для ихъ оправданія.

И такія причины, какъ мы знаемъ, дѣйствительно, въ указанные годы имѣли мѣсто. Въ 1896 -97 гг. существовало высочайше утвержденное временное положеніе о льготномъ провозѣ чрезъ устье Енисея нѣкоторыхъ товаровъ. Въ 1907 же году, въ связи съ ожидавшимся таковымъ же положеніемъ (въ отвѣтъ на ходатайство о немъ мѣстныхъ промышленниковъ), оказало несомнѣнное воздѣйствіе на промыселъ также и установленіе срочныхъ обязательныхъ рейсовъ казенной флотиліи къ устью Енисея.

Отсюда ясно, въ чемъ собственно заключаются интересы развитія рыбопромышленности, а за нею и края, и какое важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ вопросъ объ установленіи обязательныхъ рейсовъ внизъ по теченію; въ особенности если эти рейсы, путемъ ли обязательной нормировки фрахтовъ въ казенномъ пароходствѣ, или путемъ развитія конкуренціи пароходныхъ компаній, создадутъ благопріятныя условія для среднихъ и мелкихъ промышленниковъ. Послѣдніе на Енисейскомъ съѣздѣ въ 1909 г. выразили по этому поводу весьма опредѣленныя пожеланія, и, между прочимъ, объ оставленіи Енисейской флотиліи въ рукахъ именно казны, а не частныхъ предпринимателей. Для нихъ это во всякомъ случаѣ далеко не безразлично, такъ какъ частные пароходы за доставку улова до Енисейска и продуктовъ до устья берутъ до 50 коп. съ пуда, противъ 25—30 к. казенныхъ.

Не безразлично это и вообще, какъ интересная принципіальная проблема: можетъ ли казенное пароходство стать однимъ изъ важныхъ факторовъ развитія мѣстной промысловой жизни, или же удѣлъ его сойти на положеніе корыта для частныхъ предпринимателей, аппетиты которыхъ никогда

не будутъ удовлетворены никакими обильными субсидіями? Несомнѣнно, что частные предприниматели весьма охотно скушаютъ казенное пароходство „на условіяхъ, выработанныхъ министерствомъ путей сообщенія“; и не только какъ аппетитный кусъ, но, пожалуй, охотнѣе какъ конкурента. Но выиграетъ ли отъ этого край и даже казна—это едва ли теперь возбуждаетъ какія либо сомнѣнія. При передачѣ казна будетъ платить ежегодно не менѣе 30.000, а чрезъ десять лѣтъ отдастъ въ собственность и весь судовой составъ, стоющій минимумъ полмилліона. Это составитъ не менѣе 100 тысячъ ежегоднаго безвозвратнаго расхода, т. е. столько же, сколько она приплачиваетъ и теперь. Но теперь она, по крайней мѣрѣ, заставляетъ частныхъ пароходовладѣльцевъ быть внимательнѣе къ пассажирамъ и грузамъ. А тогда?.. Можно ли разсчитывать, что культурно-экономическая цѣль, поставленная казной, приблизится хоть сколько-нибудь въ теченіе этихъ назначаемыхъ 10 лѣтъ? Разумѣется, нѣтъ. Единственное, за что можно поручиться, это—за то, что субсидированіе не окончится и по истеченіи срока, потому что субсидіи, какъ и регаліи, имѣютъ тенденцію къ наростанію и безконечности.

Казенное пароходство на Енисеѣ, какъ и всякое казенное предпріятіе, поставлено плохо, даже изъ рукъ вонъ плохо: за три года существованія здѣсь его управленіе сумѣло безвозвратно утопить два, едва не самыхъ лучшихъ, парохода, и еще одинъ вывести изъ строя; три остальные терпятъ непрерывныя дорого стоющія аваріи, хотя несравненно болѣе приспособлены и оборудованы для плаванія въ низовьяхъ, чѣмъ частныя: болѣе быстроходны и сильны. Береговой составъ службы, высокооплачиваемый (и даже съ „адмираломъ“ во главѣ) вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается совершенно непригоднымъ для постановки этого по характеру коммерческаго предпріятія. Привлекши вниманіе пассажировъ и грузоотправителей въ самомъ началѣ своего появленія здѣсь, и тѣмъ самымъ внеся замѣтное оживленіе въ товарообмѣнъ и рыбопромышленность, теперь оно сходитъ почти на нѣтъ: грузоотправители послѣ тщетныхъ поисковъ береговой агентуры вынуждены часто сдавать грузы случайно идущимъ на „низъ“ частнымъ пароходамъ, а пассажиры, обезкураживаемые формальной придирчивостью и

начальнической грубостью „адмирала“, пользуются услугами казеннаго пароходства лишь при отсутствіи одновременнаго частнаго рейса. И казенная флотилія, технически болѣе совершенная, чѣмъ частныя на Енисеѣ, и несравненно болѣе приспособленная къ плаванію въ нижнемъ плесѣ этой огромной рѣки, приноситъ казнѣ, какъ мы говорили, ежегодные стотысячные убытки, и чуть ли не главный доходъ свой черпаетъ отъ „льготной“ перевозки казеннаго вина въ среднемъ плесѣ между Енисейскомъ и Красноярскомъ.

А между тѣмъ, при нѣсколько иной постановкѣ, она имѣла бы передъ частными компаніями всѣ преимущества для существованія сравнительно мало убыточнаго. Можно заранѣе поручиться, что при этомъ условіи убытокъ казны былъ бы въ худшемъ случаѣ не большимъ, чѣмъ ежегодная субсидія при передачѣ въ частныя руки.

Единственнымъ условіемъ, при которомъ проектируемая передача, не являясь постоянной безрезультатной обузой для казны, гарантировала бы въ то же время и развитіе мѣстной промышленной жизни — было бы открытіе устья Енисея для иностранныхъ судовъ и льготный провозъ ими нужныхъ для края товаровъ. Но тогда и передача утеряетъ всякій смыслъ, такъ же какъ и самое существованіе флотиліи, потому что пониженіе фрахтовъ и прогрессъ пароходнаго дѣла явится необходимымъ выводомъ конкуренціи. При этомъ условіи (какъ уже много разъ доказывалось сибирской печатью, изслѣдователями вопроса, многими литературными трудами, и въ такой же степени часто подчеркивалось мѣстными совѣщаніями и ходатайствами) неизбѣжно само собою создастся положеніе, выгодное для эксплуатаціи непочатыхъ пока огромныхъ богатствъ—лѣса, графита, каменнаго угля. Въ качествѣ обратнаго груза они, несомнѣнно, обезпечили бы себѣ сбытъ на міровомъ рынкѣ и тѣмъ самымъ могли бы создать изъ себя цѣль выгоднаго приложенія мѣстныхъ капиталовъ.

По отношенію къ интересамъ спаиваемыхъ и обираемыхъ хищниками инородцевъ это было бы тоже наиболѣе цѣлесообразной и радикальной мѣрою: отрѣзанные отъ рынка, они неизбѣжно оказываются въ полной и тяжелой зависимости отъ скупщиковъ; и никакія правила и предписанія избавить ихъ отъ этой зависимости не въ силахъ; точно

также, слѣдовательно, не избавятъ они отъ обнищанія и вымиранія, пока край искусственно отгораживается отъ общемірового экономическаго оборота.

Но при данныхъ условіяхъ мѣстной жизни, не располагающей возможностью самоопредѣленія, при существующемъ общемъ политическомъ положеніи выполненіе намѣченныхъ пожеланій кажется на столько безнадежнымъ и на столько утопичными сами пожеланія, что отпадаетъ всякая охота формулировать ихъ болѣе подробно. А вопросъ о судоходствѣ на Енисеѣ, поставленный совѣщанію въ данной формѣ: оставить ли флотилію въ казнѣ или подарить въ частныя руки,—можно формулировать такъ: практически является вполнѣ безразличнымъ, получитъ ли перевѣсъ мнѣніе, защищающее передачу или обратное: практическіе результаты для края и мѣстной промышленности будутъ одинаковы и въ томъ, и въ другомъ случаѣ; разница лишь та, что настоящій руководитель флотиліи, казна, *не сможетъ* поставить надлежащимъ образомъ это дѣло, а возможный будущій руководитель, „частныя руки“ *не пожелаютъ*. И если-бы необходимость заставила насъ сейчасъ выбирать то или иное изъ двухъ рѣшеній, то мы, конечно, высказались бы за оставленіе пароходства въ рукахъ казны; но это было бы лишь принципіальное предпочтеніе безъ всякой примѣси практическихъ иллюзій, предпочтеніе, по условіямъ мѣста и времени, меньшаго зла большему.

В. Мироновъ

Объ изученіи мертвой и живой старины въ Сибири.

(Докладъ, читанный въ собраніи „Сибирскаго кружка“ студентовъ Томскаго университета 19 октября 1910 г.).

Задача Сибирскаго кружка, объединившаго студентовъ-сибиряковъ нашего университета,—всестороннее изученіе Сибири. Укажу на одну сторону этого изученія, на мой взглядъ, весьма важную,—на изученіе исторіи Сибири и живой старины въ Сибири.

Нѣтъ надобности много распространяться на тему о пользѣ и значеніи исторической науки. Достаточно лишь констатировать ту безспорную истину, что познаніе прошлаго не-

обходимо для пониманія настоящаго. И если члены Сибирскаго кружка стремятся къ пониманію и уясненію настоящаго Сибири для того, чтобы способствовать по мѣрѣ силъ и возможности ея лучшему будущему, то для нихъ изученіе сибирской исторіи, изученіе прошлыхъ судебъ Сибири должно быть обязательнымъ, неотложнымъ дѣломъ, ибо настоящее порождено прошлымъ и въ свою очередь чревато будущимъ.

Что же значитъ изучать сибирскую исторію?

Это значитъ, во первыхъ, знакомиться съ исторической литературой о Сибири.

Нельзя сказать, что литература эта богата и обильна. Здѣсь мы встрѣчаемъ прежде всего старыя книги: „Описаніе сибирскаго царства“ Миллера и „Сибирскую исторію“ Фишера. Книги эти, изданныя еще въ XVIII вѣкѣ, не имѣютъ въ наше время научнаго значенія, но важны потому, что заключаютъ въ себѣ цѣнный историческій матеріалъ. Далѣе, обращаютъ на себя вниманіе: прекрасный научный трудъ сибиряка-патріота Словцова „Историческое обозрѣніе Сибири“, написанный въ первой половинѣ XIX вѣка,—и полезная книга Щеглова „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири“.

Для полноты прибавимъ еще малоцѣнную „Исторію Сибири“ генерала Андріевича. Вотъ и все, что имѣется по исторіи Сибири вообще. Кромѣ того, есть рядъ монографій и небольшихъ статей по исторіи отдѣльныхъ явленій сибирской жизни. Таковы: работы проф. Буцинскаго, Щапова, Шашкова, Ядринцева, Семевскаго, Вагина и др.

Изучать сибирскую исторію это значитъ, во вторыхъ, знакомиться съ памятниками сибирской исторіи, съ историческими матеріалами, касающимися Сибири.

Собираніе историческихъ матеріаловъ, касающихся Сибири, началось давно. Еще въ 1716 году Петръ Великій далъ научную командировку въ Сибирь доктору Мессершмидту, ему было поручено заниматься изученіемъ всего достопримѣчательнаго и, въ частности, изученіемъ памятниковъ сибирской старины. Въ 1733 г. снаряжается въ Сибирь научная экспедиція Беринга. Въ составъ членовъ экспедиціи входитъ академикъ Миллеръ.

Десять лѣтъ провелъ Миллеръ въ Сибири; собралъ массу

свѣдѣній статистическихъ, этнографическихъ и другихъ; осмотрѣлъ архивы въ Тобольскѣ, Тарѣ, Томскѣ, Енисейскѣ, Красноярскѣ, Илимскѣ, Нерчинскѣ, Верхотурьѣ, Чердынѣ и собралъ много историческихъ матеріаловъ.

Въ XIX вѣкѣ дѣятельность русскихъ ученыхъ историковъ и любителей историческихъ знаній по сохраненію письменныхъ памятниковъ старины идетъ довольно быстрымъ темпомъ. Открываются спеціальныя ученыя учрежденія въ цѣляхъ собиранія, сохраненія и обнародованія историческихъ матеріаловъ.

Появляются архивы, появляются научныя изданія историческихъ матеріаловъ. Изъ архивовъ особенное значеніе для интересующихся исторіей Сибири имѣетъ московскій архивъ министерства юстиціи, въ которомъ хранится богатѣйшее собраніе историческихъ матеріаловъ о Сибири.

Нужно прибавить, что пользованіе этими матеріалами не сопряжено съ затрудненіями. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ русскихъ ученыхъ архивистовъ Оглоблинъ напечаталъ капитальный трудъ свой (увѣнчанный премією нашимъ, Томскимъ, университетомъ): „Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа". Этотъ трудъ Оглоблина является незамѣнимымъ руководствомъ при занятіяхъ сибирской исторіей въ московскомъ архивѣ министерствѣ юстиціи.

Что касается печатныхъ изданій историческихъ памятниковъ, то цѣнные матеріалы, касающіеся исторіи Сибири, можно найти въ очень многихъ изданіяхъ: и въ „Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", изданномъ на средства извѣстнаго мецената русской исторической науки графа Румянцева, и въ „Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи", въ изданіяхъ Императорской Археографической Коммиссіи и др.

Такимъ образомъ имѣется богатое неиспользованное еще вполнѣ учеными изслѣдователями собраніе печатныхъ историческихъ матеріаловъ о Сибири въ различныхъ научныхъ изданіяхъ, имѣется такъ же богатѣйшее собраніе архивныхъ матеріаловъ о Сибири въ Московскомъ Архивѣ министерства юстиціи. И тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что дѣло собиранія, сохраненія и обнародованія касающихся Сибири матеріаловъ находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Въ Европейской Россіи существуютъ:

Археографическая Коммиссія въ Петербургѣ, историческія общества въ университетскихъ городахъ, архивныя коммиссіи и архивы во многихъ губернскихъ городахъ, Археографическая Коммиссія на Кавказѣ, Виленская археографическая коммиссія и Виленскій Центральный Архивъ въ сѣверо-западномъ краѣ, Кіевская Археографическая Коммиссія и Кіевскій Центральный Архивъ въ югозападномъ краѣ. Въ Сибири нѣтъ ни ученыхъ историческихъ обществъ, ни Археографическихъ Коммиссій и Центральныхъ Архивовъ, ни Архивныхъ Коммиссій и Губернскихъ Архивовъ.

Другими словами, нѣтъ спеціальныхъ учрежденій, которыя заботились бы о судьбѣ историческихъ матеріаловъ о Сибири. И эти матеріалы, находящіеся въ частныхъ рукахъ, а также въ церквахъ, монастыряхъ и различныхъ учрежденіяхъ, постепенно пропадаютъ для науки, уничтожаются отчасти по винѣ человѣка, отчасти безъ его вины, то вслѣдствіе пожаровъ и другихъ стихійныхъ несчастій природы, то вслѣдствіе небрежности, халатности и другихъ проявленій человѣческаго невѣжества. Правда, еще въ половинѣ XIX вѣка открытъ былъ сибирскій отдѣлъ Императорскаго Географическаго Общества, коему предоставлено, между прочимъ, и собираніе свѣдѣній о мѣстныхъ архивахъ. Но отдѣлъ, преслѣдуя разнообразныя научныя задачи, не имѣетъ возможности удѣлить должное вниманіе архивному дѣлу.

Итакъ, историческая литература о Сибири небогата, историческіе матеріалы о Сибири гибнутъ. Что же дѣлать? Во первыхъ, необходимо приступить къ собиранію и сохраненію, описанію и постепенному печатанію сохранившихся въ различныхъ мѣстахъ Сибири историческихъ матеріаловъ. Во вторыхъ, необходимо научное изученіе и научная обработка тѣхъ матеріаловъ, которые уже напечатаны, тѣхъ архивныхъ матеріаловъ, пользованіе которыми не представляетъ затрудненія.

Вотъ тѣ задачи, которыя предстоитъ разрѣшить въ области историческаго изученія Сибири. Какую же изъ этихъ задачъ можетъ взять на себя Сибирскій кружокъ?

Я сказалъ, что, во-первыхъ, необходимо собираніе историческихъ матеріаловъ, касающихся Сибири. Какъ приступить къ такому собиранію матеріаловъ? Нужно прежде всего произвести, такъ сказать, предварительныя развѣдки. Члены

кружка могли бы, мнѣ кажется, съ успѣхомъ выполнить эту роль предварительныхъ развѣдчиковъ. Пусть каждый изъ васъ во время каникулъ на мѣстѣ своего пребыванія соберетъ точныя свѣдѣнія о томъ, какіе тамъ имѣются архивы и какой матеріалъ находится въ этихъ архивахъ. Располагая такими свѣдѣніями, можно будетъ впослѣдствіи принять возможныя мѣры по собиранію, охраненію и печатанію архивныхъ матеріаловъ.

Не думайте, что я предлагаю вамъ неинтересную, второстепенную или третьестепенную роль. Роль эта весьма интересная и важная. Вотъ свѣжій примѣръ, подтверждающій мою мысль. Одинъ изъ вашихъ товарищей истекшимъ лѣтомъ отыскалъ въ архивѣ Якутскаго Областного правленія любопытный документъ, относящійся къ исторіи русскихъ финансовъ второй половины XVIII в. Документъ будетъ напечатанъ въ „Извѣстіяхъ“ нашего университета.

Нельзя приступать къ исполненію этой роли безъ всякой подготовки. Нужно познакомиться съ исторической литературой о Сибири, нужно познакомиться и съ печатными изданіями памятниковъ, относящихся къ исторіи Сибири. Знакомиться съ литературой и памятниками безъ опредѣленной цѣли—дѣло неблагодарное и скучное. Я предложилъ бы такой планъ. Кружокъ намѣчаетъ нѣсколько темъ историческаго содержанія. На эти темы пишутся и, затѣмъ, читаются въ собраніи кружка рефераты. Авторъ реферата долженъ будетъ для его написанія познакомиться и съ литературой даннаго вопроса, послужившаго темой реферата, и съ необходимыми памятниками. Въ меньшемъ объемѣ должны сдѣлать то же самое другіе члены кружка, желающіе сознательно отнестись къ реферату товарища. Я думаю, что писаніе рефератовъ и бесѣды по поводу рефератовъ будутъ серьезной подготовкой для будущихъ архивныхъ разысканій.

Въ тѣсной связи съ изученіемъ сибирской исторіи стоитъ изученіе обычнаго права русскаго и инородческаго населенія Сибири.

Общее направленіе исторіи права всѣхъ народовъ заключается въ томъ, что въ древности отношенія общежитія регулируются обычаями; постепенно появляются законы; за-

коны вступаютъ въ коллизію съ обычаями: въ этой коллизіи побѣда остается за законами; обычаи вытѣсняются, и законъ становится господствующей нормой права. У насъ, въ Россіи, въ настоящее время законъ—господствующая норма права. Но допускается и примѣненіе обычая, допускается въ довольно обширномъ объемѣ: обычаями регулируются, напримѣръ, нѣкоторыя стороны крестьянской жизни; а инородцы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ руководятся почти исключительно нормами обычнаго права.

Отличительная особенность обычнаго права—большая консервативность. Нормы обычнаго права, живущія въ народной средѣ въ наше время, могутъ указывать на порядки, засвидѣтельствованные памятниками древнѣйшаго права. Это—живая старина, „обломокъ исторіи", по выраженію одного нѣмецкаго ученаго. Въ болѣе населенныхъ центрахъ Европейской Россіи, въ особенности въ центрахъ фабричной и заводской промышленности и вблизи большихъ городовъ, патріархальный образъ жизни „по старинѣ" разрушается, обычное право уступаетъ мѣсто писанному закону. Можно предполагать, что на окраинахъ Европейской Россіи, а равно въ Сибири, въ средѣ русскихъ переселенцевъ патріархальный образъ жизни сохраняется долѣе, сохраняются и старинные юридическіе обычаи. Изученіе этихъ юридическихъ обычаевъ, представляющихъ большой научный интересъ, составляетъ обязанность юристовъ, живущихъ въ Сибири.

Большой научный интересъ представляетъ также обычное право сибирскихъ инородцевъ. Наука знаетъ весьма немногое о начальной эпохѣ исторіи культуры вообще и исторіи права въ частности. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыми располагаетъ историческая наука, свидѣтельствуютъ о томъ, что культурныя завоеванія дѣлались человѣчествомъ задолго до временъ историческихъ. На первой стадіи своего историческаго бытія человѣчество является уже съ извѣстной государственной организаціей и съ извѣстными юридическими институтами, происхожденіе которыхъ таится въ глубинѣ доисторическихъ вѣковъ. Какой же источникъ свѣта можетъ освѣтить начальную эпоху развитія культуры и одного изъ ея элементовъ—права? Недостатокъ историческихъ памятниковъ до нѣкоторой степени восполняется тѣми

свѣдѣніями, которыя собраны о современномъ бытѣ народовъ, стоящихъ на первобытной ступени культурнаго развитія. Исходя изъ того общаго положенія, что человѣческая природа съ ея основными свойствами и потребностями одинакова у всѣхъ людей и что законы историческаго развитія одни и тѣ же у всѣхъ народовъ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что современные дикари переживаютъ то состояніе, которое когда то переживали отдаленные предки современныхъ культурныхъ народовъ, что, слѣдовательно, строй юридическихъ понятій современныхъ дикарей характеризуетъ первоначальную стадію въ развитіи права; такимъ образомъ, обычное право современныхъ дикарей является однимъ изъ источниковъ древнѣйшей исторіи права. Съ этой точки зрѣнія изученіе обычнаго права сибирскихъ инородцевъ имѣетъ большое значеніе для исторіи права вообще. И изученіе обычнаго права сибирскихъ инородцевъ слѣдуетъ включить въ число спеціальныхъ задачъ юристовъ, живущихъ въ Сибири.

Какъ для архивныхъ разысканій, такъ и для собиранія матеріаловъ обычнаго права нужна предварительная подготовка. Подготовка должна заключаться въ ознакомленіи съ тѣмъ, что уже сдѣлано въ области изученія обычнаго права вообще въ Россіи и въ особенности обычнаго права въ Сибири. Много сдѣлано Географическимъ Обществомъ и его сибирскими отдѣлами. Въ трудахъ Общества можно найти цѣнныя изслѣдованія и матеріалы по обычному праву.

Не могу не указать здѣсь на цѣнный трудъ Е. И. Якушкина „Обычное право русскихъ инородцевъ“. Это—тщательно составленный перечень сочиненій, статей и замѣтокъ по обычному праву русскихъ инородцевъ, вообще, и, въ частности, сибирскихъ инородцевъ. Иногда авторъ ограничивается только названіемъ сочиненія, но очень часто приводитъ подробное его содержаніе, при чемъ дѣлаетъ выдержки наиболѣе важныхъ и характерныхъ мѣстъ, указываетъ даже страницы, относящіяся къ тому или иному вопросу... Авторъ воспользовался матеріалами, напечатанными въ изданіяхъ Географическаго Общества, а равно—матеріалами, помѣщенными въ изданіяхъ различныхъ учрежденій,—въ журналахъ, газетахъ, отдѣльныхъ сочиненіяхъ и т. д. Трудъ Якушкина долженъ быть

настольной книгой для лицъ, интересующихся изученіемъ обычнаго права.

И въ данномъ случаѣ—знакомство съ изслѣдованіями и матеріалами по обычному праву безъ опредѣленной системы и намѣченной цѣли было бы дѣломъ неблагодарнымъ. Я предложилъ бы тотъ же планъ: писаніе рефератовъ на темы по обычному праву и, затѣмъ, обсужденіе этихъ рефератовъ въ собраніи кружка. Такое писаніе и обсужденіе рефератовъ можетъ познакомить васъ подробно и детально съ нѣкоторыми сторонами юридическаго быта, регулируемаго обычаями, ввести васъ во вкусъ занятій обычнымъ правомъ и, слѣдовательно, подготовить къ выполненію серьезной задачи—самостоятельнаго собиранія юридическихъ обычаевъ.

Приступая къ самостоятельному собиранію обычаевъ, необходимо имѣть опредѣленную программу. Такія программы имѣются. Онѣ составлены авторитетными представителями юридическихъ наукъ. Лучшія изъ нихъ изданы Географическимъ Обществомъ въ Петербургѣ и Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ. Программа московская начинается введеніемъ, состоящимъ изъ двухъ статей: этнографа Харузина и извѣстнаго русскаго криминалиста, покойнаго профессора Кіевскаго университета Кистяковскаго. Заключительными словами послѣдней статьи, обращенными къ университетской молодежи, я закончу свой докладъ. „Мы желали бы, говоритъ профессоръ Кистяковскій, чтобы на нашу программу отозвалось учащееся университетское юношество, въ особенности посвятившее себя великой наукѣ правовѣдѣнія. Германское университетское юношество давно усвоило достойный высокаго вниманія обычай: употреблять вакаціонный досугъ на путешествія въ одиночку, а чаще товариществами какъ съ цѣлью пріятнаго отдыха и удовольствія, такъ и съ цѣлью полезнаго знакомства съ различными сторонами быта своей отчизны. Много бы выиграло въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи русское университетское юношество, если бы оно употребляло, тѣмъ и другимъ образомъ, нѣкоторые часы своего вакаціоннаго досуга на изученіе различныхъ сторонъ народнаго быта и, между прочимъ, на изученіе юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній на тотъ или иной вопросъ права. Такое изученіе

принесло бы существенную пользу юношеству. Оно послужило бы въ высшей степени полезною приготовительною школою для терпѣливаго, стойкаго, столь же высокаго, сколько и скромнаго, служенія отечеству и народу. Оно пріучило бы его къ экспериментальному методу изученія правовѣдѣнія, путемъ опыта и наблюденія. Оно заставило-бы его отказаться отъ той консервативной ли, либеральной ли, или радикальной метафизики, которая, закрывая глаза на дѣйствительность, бредитъ какими то фантастическими теоріями. Оно бы служило ему повѣркою и одухотвореніемъ тѣхъ отвлеченныхъ теорій, которыя юношество усваиваетъ въ университетскихъ аудиторіяхъ. Оно пріучило бы будущихъ служителей отчизны, еще на студенческой скамьѣ, относиться къ жизни народа съ глубокимъ уваженіемъ, тѣмъ, которое столь же чуждо идолопоклонства, какъ и кастическаго презрѣнія, которое внимательно къ самымъ свѣтлымъ и къ самымъ неприглядным сторонамъ жизни народа, которое умѣетъ снисходить, а не проклинать, улучшать, а не порицать и только презирать. Оно бы спасло будущихъ дѣятелей кабинетовъ и канцелярій, высшей и низшей народной политики и земства, отъ поползновеній къ ломкѣ народной жизни и постройкѣ ея только по теоретическимъ шаблонамъ, а не въ силу знанія, соотвѣтствующаго дѣйствительнымъ потребностямъ народа".

Проф. І. Малиновскій.

Сибирскія письма.

Тобольскъ (*„Общественная жизнь"*). Съ Божьей помощью и по волѣ высшаго начальства нашъ помпадуръ фонъ-Гагманъ по прежнему продолжаетъ управлять ввѣренной его попеченію губерніей. Съ начала года упорно ходили слухи, что его пошехонскому управленію приходитъ конецъ. И надо сказать правду, что многіе этого боялись.

— Какъ назначатъ по нынѣшнему времени вмѣсто этого пошехонца истинно-русскаго,—вспомянешь! Посмотрите,—говорили его поклонники:—развѣ можетъ такой немощный совершить какой нибудь энергичный шагъ самостоятельно? Онъ въ губернское управленіе никогда не ѣздитъ, доклады и просьбы можетъ выслушивать только до завтрака... Все,

что дѣлается кругомъ его, это—дѣло рукъ его близкихъ и приближенныхъ...

Какъ бы то ни было, съ вѣдома или нѣтъ главы губерніи изъ Могилева, но только пути управленія остаются прежними. Могилевцы, обыкновенно уволенные на родинѣ, для пользы службы и, конечно, на счетъ казны переселяются сюда по прежнему. И, кажется, во всѣхъ городахъ обширной губерніи есть уже свой могилевскій глазъ. А въ столицѣ-Тобольскѣ—цѣлые „могилевскіе уголки“.

И могилевцы, зная себѣ цѣну, очень требовательны. Такъ, напр., Жевлачковъ, выписанный спеціально для устройства спектаклей и музыкальныхъ вечеровъ подъ управленіемъ генеральши, не ограничился предназначенной ему должностью писца губернскаго управленія, а потребовалъ мѣста дѣлопроизводителя, а такъ какъ при губернскомъ управленіи театральнаго отдѣленія еще не имѣется, то пришлось поручить ему дѣлопроизводство крестьянскаго отдѣленія. Не все ли равно?!.

Чиновникъ особыхъ порученій Финкъ держалъ экзаменъ на классный чинъ и никакъ не могъ выдержать. Оказалось: быть чиновникомъ особыхъ порученій легче, чѣмъ сдать экзаменъ въ предѣлахъ программы городского училища. На его претензію, что его экзаменуютъ строго, а ему нуженъ экзаменъ только на классный чинъ, одинъ изъ экзаменаторовъ скромно замѣтилъ: „мы здѣсь чиновъ не раздаемъ, а только провѣряемъ ваши знанія“,—Финкъ обидѣлся и даже захворалъ. Пришлось тѣмъ, кто его выписалъ, дать ему отпускъ съ сохраненіемъ жалованія. И это только послѣ года службы и полученія прогонныхъ, подъемныхъ и иныхъ пособій.

Не больше года „трудился“ здѣсь и могилевскій полицеймейстеръ Ларченко. Получивъ за трудъ брантмейстера Георгія (см. „Сиб. Вопросы“ № 1, т. г.), онъ такъ усталъ отъ угрызенія совѣсти, что ему понадобился отпускъ даже на Кавказъ. Щеголяя тамъ въ полицейскомъ мундирѣ и съ Георгіемъ въ петлицѣ, этотъ молодой человѣкъ производилъ такое впечатлѣніе, что ждетъ—не дождется перевода на Кавказъ съ повышеніемъ, и опять, конечно, съ подъемными и иными прибавленіями. Его перевода могилевцы ждутъ съ часу на часъ

и хвастаютъ: „нашего героя вызываютъ Зелимъ Хана ловить!..“

Высокій тонъ внутренняго управленія, взятый съ выселенія нѣсколькихъ сотъ политическихъ ссыльныхъ изъ Тобольска, проживавшихъ при бывшемъ губернаторѣ Гондатти благополучно по нѣскольку лѣтъ, — не спадаетъ. Но такъ какъ нынѣ ссыльныхъ въ губернскій городъ не пускаютъ, а евреевъ, не имѣющихъ вещественныхъ доказательствъ своего права проживать въ Тобольскѣ, не много,—то избытокъ энергіи губернской власти приходиться тратить по пустякамъ. Городъ тихій, крамолы не сыщешь съ огнемъ. Неожиданная смерть предсѣдателя первой Государственной Думы прошла здѣсь совершенно, какъ бы, незамѣченной. И только два крамольныхъ факта занесены въ протоколъ. Московская группа сибирскаго землячества обратилась оффиціально съ просьбой въ городскую думу о пожертвованіи на стипендію имени С. А. Муромцева, прося пожертвованіе направить на имя ректора университета. Дума единогласно постановила внести посильную лепту. На утро городской голова былъ вызванъ къ начальнику губерніи, и въ результатѣ единогласное рѣшеніе публичнаго собранія думы изчезло безъ всякаго протеста. Святая простота!..

Другой крамольный фактъ—похороны С. А. Муромцева на экранѣ кинематографа. Не успѣлъ одинъ электро-театръ показать преступную картину, какъ отъ другого уже появился анонсъ: „похороны С. А. Муромцева сняты по распоряженію полиціи“. Но такъ какъ въ первомъ электро-театрѣ значительная часть публики уже заразилась крамолой, то прежде, чѣмъ подвергнуть наказанію виновныхъ, его превосходительство рѣшилъ самъ удостовѣриться въ степени заразы. Посмотрѣлъ и мудро рѣшилъ: „портретъ снять, похороны допустить“. Резонно!.. Муромцева знаетъ всякій, а похороны какой нибудь умникъ, авось, приметъ за похороны „истинно-русскаго“, вродѣ Дубровина...

Такіе же трагикомическіе случаи повторились и послѣ смерти великаго писателя земли русской. Передъ очередными вопросами засѣданія городской думы 11-го ноября городской голова предложилъ почтить память великаго учителя милліоновъ людей Л. Н. Толстого вставаніемъ. Всѣ

встали. На другой день секретарь былъ вызванъ къ телефону полицеймейстеромъ.

— Какіе дебаты были въ думѣ по поводу Толстого?

— Никакихъ...

— Неправда. Губернатору извѣстно, что были...

Сразу городская дума попала подъ подозрѣніе.

Въ день смерти Льва Николаевича Толстого антрепренеръ театра пытался объявить о великой потерѣ и для сцены, но дежурный приставъ усомнился въ значеніи Толстого для театра („и какое касательство Толстой имѣлъ къ театру?"), а могилевскій полицеймейстеръ категорически запретилъ. Слѣдующій спектакль былъ отмѣненъ дирекціей безъ объявленія причинъ. Одинъ изъ артистовъ вышелъ на эстраду и сказалъ: „мы почтили память Льва Николаевича отмѣной спектакля". Негромко произнесенныя слова, какъ громомъ, поразили дежурнаго пристава. Онъ сталъ угрожать протоколомъ и объявилъ громогласно, что о такомъ „демонстративномъ" выступленіи онъ немедленно доложитъ по начальству. Публика невольно стала смѣяться надъ перепуганнымъ могилевцемъ, но, вѣроятно, вспомнивъ послѣднія обязательныя постановленія, предпочла разойтись...

Извѣстно, что всѣ помпадуры любятъ составлять обязательныя постановленія. Не лишенъ этой страсти и нашъ. Не успѣли обыватели усвоить, какъ слѣдуетъ, изданныхъ 10-го іюня обязательныхъ постановленій, какъ вышли уже новыя съ дополненіями въ родѣ такого: „Воспрещаются демонстративно-дерзкія выходки по отношенію къ чинамъ полиціи". И тутъ же угроза штрафомъ до 500 руб. Въ томъ же номерѣ мѣстной газеты, гдѣ приведенъ этотъ пунктъ обязательныхъ постановленій, помѣщено краткое сообщеніе о томъ, что на постояломъ дворѣ „у околодочнаго вышло столкновеніе съ пьяными возчиками; обороняясь отъ одного изъ нихъ, онъ ударилъ его по шеѣ тупымъ концомъ шашки; крестьянинъ упалъ мертвымъ". Это— уже смертная казнь, а не штрафъ...

Извѣстій подробныхъ объ этомъ кровавомъ происшествіи нѣтъ, перепуганные возчики молчатъ, а взволнованные обыватели склонны приписать его неумѣлому обращенію съ оружіемъ и, не потерявъ окончательно вѣры въ благожелательное отношеніе власти, — они надѣются, что будутъ

изданы обязательныя постановленія и для чиновъ полиціи или, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующія разъясненія къ такимъ параграфамъ, какъ приведенный выше. Что нужно разумѣть, напримѣръ, подъ „демонстративно-дерзкими выходками?..“

Есть у насъ городская аудиторія—единственное мѣсто для театральныхъ представленій, излюбленное мѣсто тобольской полиціи. Появленіе полнаго состава полиціи въ городской аудиторіи началось съ того момента, когда обнаружились эстетическія наклонности у семейства губернатора. Но, появившись здѣсь по велѣніямъ служебнаго долга, они рѣшили посѣщать театръ и для своего удовольствія. И обыватель такъ привыкъ къ этому, что если ему встрѣчается надобность въ полицейскомъ чинѣ, онъ идетъ не въ участокъ, а въ городскую аудиторію. Но дѣло не въ этомъ. Мы уже привыкли къ тому, что, начиная съ семейства губернатора съ его дальними и близкими и кончая чинами полиціи и ихъ приближенными, всѣ получаютъ эстетическія наслажденія безплатно, но въ послѣднее время, одновременно съ изданіемъ обязательнаго постановленія о привилегированномъ положеніи полиціи, у ней явилась новая страсть—публично, на глазахъ всѣхъ цѣлой оравой напиваться до положенія ризъ и не платить за это денегъ. И вотъ тутъ-то и могутъ выйти недоразумѣнія на почвѣ не точно опредѣленнаго понятія: „демонстративно-дерзскія выходки“. Спитъ на глазахъ собравшейся публики дежурный полицейскій чинъ въ полной аммуниціи и со стаканомъ въ рукѣ—и никто не рѣшается его разбудить, боясь учинить демонстративно-дерзскую выходку. Буфетчикъ вопитъ: „опять не заплатили!“... А его никто не слушаетъ, показывая на обязательное постановленіе.

Могилевская полиція и мѣстные подражатели ей распоясываются и распоясываются, и скоро будутъ ходить, пожалуй, совсѣмъ нагишемъ, не только съ оружіемъ, а обыватель по прежнему дремлетъ. Не могутъ его разбудить и развлечь даже усиленно рекламируемые танцовально-музыкально-картежные вечера, устраиваемые еженедѣльно семействомъ помпадура въ казенномъ помѣщеніи управленія государственными имуществами за счетъ государственнаго казначейства...

— (*„Кормленіе“ въ казенныхъ учрежденіяхъ*). Надо сказать, что въ Тобольской губерніи около казеннаго пирога ютятся не одни могилевцы и не только чиновники, но есть люди всякаго званія и мѣста причисленія. Есть прокутившіеся купеческіе „сынки“, раззорившіеся помѣщики и проч., и проч.

Еще совсѣмъ недавно прибылъ въ Тобольскъ одинъ изъ прокутившихся въ Ставропольской губерніи купеческихъ сынковъ, нѣкій Сырицынъ. Поступилъ было онъ на службу въ губернское управленіе, но такъ какъ въ губернскомъ управленіи въ то время въ фаворѣ были не „ставропольцы“, а „могилевцы“, то догадливый „сынокъ“ сталъ узнавать, гдѣ въ Тобольскѣ „ходъ ставропольцамъ“. Оказалось, что „ставропольцамъ“ ходъ въ управленіи государственными имуществами. Тамъ нашелся землякъ и пріятель, лѣсной ревизоръ, который и потянулъ „ставропольца“, какъ говорится, „за уши“. Такъ же, какъ и въ губернскомъ управленіи, дали „ставропольцу“ двойное противъ другихъ писцовъ жалованье, а черезъ два мѣсяца назначили бухгалтеромъ. Какъ бухгалтеръ, Сырицинъ принужденъ былъ заняться счетоводствомъ, знакомство съ которымъ ему пришлось имѣть только два раза въ жизни: первый разъ онъ считалъ, когда получилъ отцовское наслѣдство, а второй—когда, прокутивши его, онъ, какъ Митрофанушка, высчитывалъ, сколько бы оно, будучи непрокученнымъ, могло давать ему процентовъ.

Съ такой школой въ счетоводствѣ, вновь испеченный бухгалтеръ, составляя за 1908 годъ денежный отчетъ по управленію государственными имуществами, навралъ ни много, ни мало, какъ на шестьдесятъ тысячъ рублей *).

Нѣтъ тамъ толку, гдѣ сапожникъ берется за пироги и наоборотъ, но у насъ въ Тобольскѣ выходитъ все какъ-то такъ, чтобы именно не было никакихъ надеждъ на толкъ: разсказчика анекдотовъ заставляютъ вершить крестьянскія дѣла, прокутившагося купеческаго „сынка“ дѣлаютъ бухгалтеромъ. Словомъ, какъ нарочно—все наоборотъ. Вотъ еще, напримѣръ, какъ бы вы думали, чѣмъ должны заниматься переселенческіе топографы и экзекуторы? Казалось

*) См. Отчетъ управл. госуд. имущ. въ контрольную палату, отъ 28 іюля 1910 г. за № 7731.

бы, что топографъ лѣтомъ долженъ дѣлать съемки, проводить границы, а зимой чертить, экзекуторъ же завѣдывать хозяйствомъ казеннаго учрежденія, а, вотъ, у насъ наоборотъ: переселенческій топографъ Федотовъ служитъ экзекуторомъ, а экзекутора Зимтинга заставили чертить.

Что за глупости, подумаете вы, но это—не глупости! Какъ увидите сейчасъ, тутъ есть нѣкоторая доля сообразительности. Видите ли, въ чемъ дѣло! Каждому топографу за лѣтній періодъ полагаются особыя довольно солидныя разъѣздныя и суточныя деньги. Такъ вотъ, если онъ будетъ заниматься съемкою, эти деньги всѣ израсходуетъ, а если онъ будетъ экономомъ (тоже, что экзекуторъ), то полностью ихъ съэкономитъ не для казны, конечно, а для себя. Топографъ Федотовъ милѣе всѣхъ другихъ топографовъ начальственному сердцу. Онъ, кажется, тоже землякъ и кумъ.

„Какъ не порадѣть родному человѣчку“.

Барнаулъ (*По поводу городскихъ выборовъ*). Даже тѣ ничтожныя права, что сохранило за обывателями видоизмѣненное городовое положеніе 1892 г., они должны усиленно оберегать, чтобы не лишиться и этихъ жалкихъ остатковъ...

Такому покушенію на ограниченіе правъ городского населенія, и, по обыкновенію, удавшемуся, подверглись барнаульскіе обыватели при послѣднихъ выборахъ въ городскую думу. Воспользовавшись пунктомъ 8 ст. 33, лишающимъ права участія въ выборахъ лицъ, за коими числятся недоимки по городскимъ сборамъ свыше полугодового оклада этихъ сборовъ, городская управа исключила изъ списковъ 57 человѣкъ, и опубликовала общій списокъ избирателей за двѣ недѣли до вторичнаго печатанія списка, послѣ чего никакія поправки уже не допускаются.

Какъ всегда, судьба устраиваетъ такъ, что выключенными бываютъ именно тѣ, кто непріятенъ заправиламъ; а таковыми являются обыкновенно интеллегенты. Барнаульская городская дума не составляетъ, конечно, исключенія. Интереснѣе всего то, что въ первый опубликованный въ Барнаулѣ списокъ управа внесла всѣхъ избирателей, въ томъ числѣ и недоимщиковъ.

Въ спискѣ же, посланномъ въ Томскъ на утвержденіе, всѣ недоимщики оказались вычеркнутыми, и въ опублико-

ванномъ губернскимъ присутствіемъ ихъ не оказалось. Между тѣмъ, среди вычеркнутыхъ, 57 человѣкъ пополнили свои недоимки послѣ опубликованія перваго списка еще въ Барнаулѣ. Но городской голова такъ торопился послать свѣдѣнія въ губернское присутствіе, что и не подумалъ не только включить этихъ 57 человѣкъ въ списокъ, но и не отправилъ даже дополнительнаго увѣдомленія объ этомъ. Нѣкоторые изъ недоимщиковъ, уплатившихъ деньги еще въ первой половинѣ сентября, съ тревогой спрашивали, попадутъ ли они въ списокъ. Городской голова, г. Страховъ, всѣхъ успокаивалъ, что своевременно дастъ знать въ губернское присутствіе, и сдѣлалъ это только 30 сентября, почти наканунѣ опубликованія оффиціальнаго списка (3 октября) присутствіемъ.

Популярность г. Страхова мало выиграла отъ этого куисштюка. Успѣхъ томскаго городского головы г. Некрасова не даетъ покоя барнаульскому г. Страхову, и онъ хочетъ остаться головою на новое четырехлѣтіе, хотя бы цѣною такихъ неблаговидныхъ пріемовъ, какъ незаконное лишеніе 57 обывателей ихъ законнѣйшихъ правъ.

Правда, ужъ очень заманчиво быть лордъ-мэромъ, хотя бы и въ Барнаулѣ! Будь г. Страховъ, напримѣръ, простымъ обывателемъ, развѣ онъ стоялъ бы за полутора-милліонный заемъ, уже рѣшенный старой думой? Онъ бы понималъ, что заемъ тяжело ляжетъ на его же обывательскія плечи. А въ качествѣ головы, онъ его добивается и, чего добраго, проведетъ...

Однако, пока что, выборы не особенно радуютъ нашихъ заправилъ. Несмотря на вычеркнутыхъ 57 человѣкъ, въ большинствѣ проходятъ прогрессисты; управа же со своими аппетитами остается въ меньшинствѣ... Не помогло, видно, желаніе угодить кому нужно исключеніемъ „безпокойныхъ элементовъ“. И послѣднія усилія г. Страхова, выдвинувшаго на линію свой „патріотизмъ“, надо надѣяться, не будутъ имѣть успѣха, если не вмѣшается „добрый геній“, спасшій томскаго г. Некрасова.

Туринскъ (*Заботы о просвѣщеніи*). Число среднихъ учебныхъ заведеній въ Тобольской губерніи крайне не значительно. Ихъ безъ труда можно перечесть по пальцамъ—всего-навсего семь. Это при общемъ населеніи губерніи въ

1.681.753 души обоего пола! Да еще при нашихъ разстояніяхъ между такими населенными пунктами, какъ города.

На Тобольскъ, какъ городъ губернскій, приходится большая часть изъ общаго числа средне-учебныхъ заведеній—четыре изъ семи. Оставшіяся три распредѣляются между остальными девятью уѣздными городами. И распредѣляются весьма просто: два въ Тюмени (реальное училище и женская гимназія) и одно въ Кургапѣ (женская гимназія). Прочіе семь городовъ остаются не причемъ—ихъ должны обслуживать указанные выше учебные центры. Но какъ обслуживать, если между Тобольскомъ и Сургутомъ, напр., 800 верстъ, а между тѣмъ же Тобольскомъ и Березовымъ свыше тысячи?..

Между тѣмъ, Сибирь растетъ съ каждымъ годомъ... Съ каждымъ годомъ все болѣзненнѣе ощущается необходимость хотя бы въ среднемъ образованіи для подрастающаго поколѣнія,—главнымъ образомъ, конечно, въ городахъ, гдѣ скудость средствъ или иныя причины препятствуютъ обзавестись своими средне-учебными заведеніями. Длинную и тернистую дорогу проходятъ они въ этомъ направленіи.

Взять хотя бы нашъ Туринскъ. Правда, городокъ маленькій—жителей всего три тысячи съ небольшимъ. Но за нимъ стоитъ уѣздъ съ населеніемъ около девяпосто тысячъ.

Средне-учебныхъ заведеній въ городѣ, конечно, нѣтъ. Имѣются только низшія — кромѣ начальныхъ школъ, женская прогимназія и городское училище. Пожаловаться на недостатокъ учащихся оба эти заведенія не могутъ. Поступаютъ же въ нихъ не только изъ города, но и изъ уѣзда. Иногда верстъ за сто отъ города... Мало того. До сихъ поръ прогимназія поставляла главнымъ образомъ учительницъ для начальныхъ школъ. Такимъ образомъ, значеніе ея важно не только для города, но и для уѣзда. Скажу больше—для цѣлаго края... Но она оставалась низшимъ учебнымъ заведеніемъ. И продолженіе образованія связывалось непремѣнно съ отъѣздомъ изъ Туринска. Приходилось ѣхать либо въ Ирбитъ (60 верстъ), либо въ Тюмень (180 верстъ). При такихъ условіяхъ закончить хотя бы среднее образованіе далеко не всякому по карману, а интелигентные работники нужны хотя бы въ тѣхъ же школахъ... Во всей Тобольской губерніи

нѣтъ ни учительской семинаріи, ни института, и школьное дѣло поставлено здѣсь, въ общемъ, скверно...

Городъ, въ лицѣ своихъ представителей-уполномоченныхъ созналъ необходимость обзавестись собственнымъ средне-учебнымъ заведеніемъ. Уже давно было задумано мѣстную прогимназію преобразовать въ полную гимназію. Въ прогимназіи классъ за классомъ открывался постепенно. Съ открытіемъ пятаго класса въ ея жизни должна была начаться новая эра: прогимназія переставала быть низшимъ учебнымъ заведеніемъ. Это былъ первый шагъ къ полной гимназіи. Торжество пріурочивалось къ переходу прогимназіи въ новое помѣщеніе, каковое и состоялось прошлымъ лѣтомъ. Пятый же классъ долженъ былъ начать функціонировать съ текущаго учебнаго года. Даже ученицы для него были готовы...

Въ мечтахъ все это было очень хорошо и очень просто. На практикѣ же вышло не такъ: „случился случайный случай“...

„Случай“ этотъ имѣетъ свою исторію, при этомъ очень характерную.

При прогимназіи существуетъ попечительный совѣтъ, въ составъ котораго входятъ также и представители отъ города. Предсѣдательствуетъ же въ совѣтѣ г. Каргаполовъ, „учитель-инспекторъ“ мѣстнаго городского училища, фактически являющійся высшимъ учебнымъ начальствомъ въ уѣздѣ...

Особой солидарностью попечительный совѣтъ никогда не отличался... Недоразумѣнія происходили преимущественно на почвѣ хозяйственныхъ интересовъ прогимназіи: попечительный совѣтъ составляетъ смѣту и контролируетъ ея исполненіе...

Тутъ-то и происходили разногласія, зачастую мелкія, часто переходившія въ придирчивость. И всегда ясно сказывалась шаткость позицій представителей города, облеченныхъ большими полномочіями на бумагѣ (вплоть до смѣщенія начальницы и членовъ педагогическаго персонала по ихъ ходатайству). На дѣлѣ же они находились въ полной зависимости отъ г. Каргополова, вершавшаго дѣла по своему...

Противъ открытія пятаго класса г. Каргополовъ ничего не имѣлъ. По крайней мѣрѣ, наружно этого не выказывалъ...

Суммы, ассигнованныя на оборудованіе пятаго класса, составились слѣдующимъ образомъ: а) экономія въ триста рублей-жалованье для учителя искусствъ, какого досихъ поръ прогимназія не имѣла; б) плата за право ученіе съ учащихся, вступившихъ въ пятый классъ и в) помощь отъ города. Послѣдняя обѣщана лишь въ томъ случаѣ, когда классъ будетъ уже открытъ. Главными источниками являлись такимъ образомъ экономія отъ жалованья учителя искусствъ и плата за право ученія.

Такъ какъ необходимо было пригласить новую учительницу съ высшимъ образованіемъ, то педагогическій персоналъ прогимназіи, дабы уменьшить на первый годъ расходы, согласился заниматься съ ученицами пятаго класса безплатно...

Словомъ, противъ открытія пятаго класса въ попечительномъ совѣтѣ не раздалось ни одного голоса. Было послано ходатайство попечителю западно-сибирскаго учебнаго округа... Все шло, какъ по маслу.

Пока ждали отвѣта отъ попечителя, случилось маленькое происшествіе, имѣвшее большія послѣдствія...

Еще передъ началомъ учебныхъ занятій состоялось засѣданіе попечительскаго совѣта. Въ числѣ другихъ вопросовъ въ повѣсткѣ засѣданія значился и вопросъ о приглашеніи въ прогимназію учителемъ искусствъ г. Силина, но былъ вычеркнутъ. На это никто не обратилъ вниманія, и о г. Силинѣ не было сказано на засѣданіи ни одного слова.

Необходимо добавить, что вопросъ о приглашеніи г. Силина ставится не первый разъ. Г. Силинъ преподаетъ рисованіе въ городскомъ училищѣ. Попечительный же совѣтъ прогимназіи нашелъ его неподходящимъ для своего учебнаго заведенія и не пригласилъ. Съ тѣхъ поръ утекло много воды, и г. Силинъ вступилъ въ законный бракъ съ теперешней начальницей прогимназіи.

Начались занятія... Отвѣтъ попечителя учебнаго округа затянулся... Каково же было удивленіе членовъ попечительнаго совѣта, когда пришло разомъ *два* отвѣта на *два* ходатайства... Одинъ отвѣтъ утверждалъ г. Силина учителемъ искусствъ въ мѣстной прогимназіи, другой — отказывалъ въ открытіи прогимназіи за недостаткомъ средствъ (экономіи на жалованьѣ учителя искусствъ не оказалось). Что касается

предложенія членовъ педагогическаго персонала безвозмездно заниматься во вновь открывающемся классѣ, то попечитель не нашелъ возможнымъ возложить на нихъ лишній трудъ...

Попечительный совѣтъ всполошился... Назначеніе г. Силина явилось для него полной неожиданностью. Вспомнили о повѣсткѣ съ зачеркнутымъ вопросомъ и обратились за разъясненіями къ предсѣдателю совѣта г. Каргополову.

Оказалось, произошло маленькое недоразумѣніе... Г. Каргополовъ, считая приглашеніе г. Силина очень важнымъ, хотѣлъ этотъ пунктъ на повѣсткѣ подчеркнуть... Вмѣсто этого нечаянно, какъ признавался самъ на засѣданіи попечительнаго совѣта, вычеркнулъ совсѣмъ... Этимъ объясненіемъ г. Каргополовъ и ограничился... Какимъ образомъ состоялось назначеніе г. Силина, разъ въ попечительномъ совѣтѣ этотъ вопросъ не обсуждался, —остается открытымъ.

Послѣ такого объясненія въ засѣданіи совѣта произошелъ скандалъ, и одинъ изъ представителей города ушелъ изъ состава совѣта...

Пятый классъ открытъ не былъ, а г. Силинъ началъ преподаваніе въ прогимназіи... Казалось бы, вопросъ о пятомъ классѣ покончепъ... Но не тутъ-то было... Попечительный совѣтъ, выждавъ нѣкоторое время, возбудилъ новое ходатайство предъ г. попечителемъ по телеграфу. Первый отвѣтъ пришелъ къ началу учебнаго года. Теперь же шли уже занятія, и долгая переписка была невозможна... Второй отвѣтъ оказался скорымъ и милостивымъ: открытіе пятаго класса было разрѣшено. О недостаточности средствъ (хотя часть и ушла на уплату жалованья г. Силину) не упоминалось...

Видимыхъ причинъ такой быстрой смѣны соображеній на открытіе пятаго класса нѣтъ... Развѣ только та, что во время отправки телеграммы дѣлами округа вмѣсто г. Лаврентьева, попечителя, завѣдывалъ его помощникъ, г. Поповъ... Невольно напрашивается вопросъ: а если бы г. Поповъ не замѣщалъ г. Лаврентьева?

Омскъ (*Заботы администраціи о печати*). За послѣднее время администрація удѣляетъ сугубое вниманіе мѣстной прессѣ, въ особенности газетѣ „Омскій Вѣстникъ“.

Редакторы этой газеты и въ прежнее время неодно-

кратно вызывались для бесѣдъ мѣстными „помпадурами“. Теперешній редакторъ имѣлъ удовольствіе побывать у нихъ три раза.

Въ первой половинѣ октября вице-губернаторъ Акмолинской области Кандидовъ вызвалъ къ себѣ издательницу „Омскаго Вѣстника“ и въ бесѣдѣ съ ней указалъ на „вредное направленіе газеты и на особый подборъ редакторовъ ея“.

— У васъ какой-то странный подборъ редакторовъ: одинъ былъ высланъ, какъ политически-неблагонадежный (Муромцевъ), другой теперь сидитъ въ тюрьмѣ и привлекается по политическому дѣлу 1905 года (Гладышевъ) и, наконецъ, теперешній (Соловьевъ) судился въ качествѣ политическаго преступника. Неужели вы не можете найти не опороченныхъ людей?

— Что ни статья, то криминалъ-информація только изъ лѣвыхъ листковъ!—печаловался онъ дальше.

Въ заключеніе бесѣды пригрозилъ, что будетъ давить штрафами, если не перемѣнится курсъ газеты, и очень скорбѣлъ о томъ, что издательница, женщина не Богъ вѣсть какая богатая, позволяетъ себя „опутывать какимъ-то проходимцамъ“.

— Кто это у васъ пишетъ?—допытывался онъ.

Въ тотъ же день редакторъ Соловьевъ, разобиженный словами вице-губернатора, поѣхалъ къ нему объясняться. Послѣдній повторилъ свои слова о вредномъ направленіи газеты, но уже не касался личности редакторовъ и предложилъ въ будущемъ всегда имѣть передъ глазами обязательное постановленіе относительно печати.

Въ другой разъ тому же редактору пришлось быть у генерала Тихменева, который отъ имени генералъ-губернатора предложилъ мѣстнымъ газетамъ не касаться вопросовъ о передвиженіи и расквартированіи войскъ, а также не печатать данныхъ сенаторской ревизіи графа Медема, впредь до направленія всѣхъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ судебному слѣдователю...

Захотѣлъ ознакомиться съ представителями мѣстной прессы и вновь прибывшій губернаторъ, Невѣровъ, который пригласилъ редакторовъ „Омскаго Вѣстника“, „Омскаго Телеграфа“ и „Строки“. Прибывшимъ онъ заявилъ, что не

является врагомъ печати, и предложилъ свое любезное содѣйствіе въ дѣлѣ провѣрки корреспонденцій и матеріаловъ, такъ какъ, по его мнѣнію, нѣкоторые факты, сообщаемые прессой, не соотвѣтствуютъ истинѣ. Предложеніе его было отвергнуто.

Большой переполохъ среди мѣстной администраціи надѣлала замѣтка, помѣщенная въ № 226 „Омскаго Вѣстника“ о прирѣзкѣ земли къ станицѣ Атбасарской. Въ виду ея интереса привожу полностью:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникло любопытное дѣло, ярко рисующее положеніе казаковъ среди другихъ сословій, сидящихъ на землѣ. Казаки станицы Атбасарской возбудили ходатайство о прирѣзкѣ къ ихъ землямъ. Мотивировали они свою просьбу недостаткомъ удобной земли для хлѣбопашества. Такъ какъ въ настоящее время всѣ свободныя земли предоставляются въ распоряженіе Главнаго Управленія землеустройства и земледѣлія для цѣлей переселенія, то вопросъ этотъ долженъ былъ быть рѣшенъ совмѣстно съ чинами переселенческаго управленія.

Высочайшей грамотой 23 апрѣля 1906 г. за Сибирскимъ казачьимъ войскомъ была закрѣплена такъ называемая 10-ти верстная полоса и казачьи земли обмежеваны. Существованіе свободныхъ земель, по мнѣнію администраціи, еще не могло служить основаніемъ къ тому, чтобы казаки просили прирѣзки, и совѣщаніе 30 августа 1907 года признало возможнымъ сдѣлать прирѣзку къ землямъ Атбасарской станицы 15,000 десятинъ, лишь съ условіемъ отдачи въ обмѣнъ 6 верстной полосы возлѣ Ишима, но отрѣзанной отъ воды.

Казаки взглянули на дѣло иначе: на совѣщаніи въ мартѣ 1908 г. они отказали дать какія-либо земли въ обмѣнъ. Въ то-же время возникло сомнѣніе въ самой надобности прирѣзки. И, въ самомъ дѣлѣ, Атбасарская станица владѣетъ 31,000 десятинъ, изъ нихъ удобной 17,000; это на 481 душу. Зачетъ земель самый льготный: свыше 30 десятинъ нормы, въ мѣстахъ мало удобныхъ $5^1/_2$ десятинъ за 1, за каждую недостающую десятину покоса (норма 6 десятинъ на душу) $3^2/_3$ дес. пахотной земли. Такое надѣленіе было понятно въ то время, когда Атбасарская станица представляла изъ себя глухой уголокъ. Въ настоящее время она является административнымъ центромъ огромнаго уѣзда, торгово-промышлен-

ное значеніе ея быстро возрастаетъ; въ ней одна изъ первыхъ въ краѣ ярмарка, приносящая большіе доходы станицѣ и позволяющая отдѣльнымъ хозяевамъ заниматься торговыми оборотами.

По сравненію съ другими мѣстами, эта часть Атбасарскаго уѣзда обладаетъ удобными для хлѣбопашества землями. Переселенческое Управленіе зачисляетъ переселенцамъ десятина за десятину при 12 десятинахъ на душу; въ частности, земли казаковъ прекрасно орошены, сѣнокосы хорошіе (пай стоитъ 50—60 руб.). Казалось бы, зачетъ долженъ былъ быть нормаленъ, а между тѣмъ во многихъ мѣстахъ онъ непомѣрно вздутъ. Напр., въ участкѣ Мамундъ почвовѣдъ опредѣлилъ 12 десятинный душевой надѣлъ, по казачьей оцѣнкѣ 165 десятинъ на душу, т. е. въ 14 разъ больше!

Основываясь на этомъ, междувѣдомственная коммиссія, которой былъ порученъ этотъ вопросъ, а затѣмъ совѣщаніе въ августѣ 1909 года рѣшили изъять изъ казачьихъ земель въ обмѣнъ за прирѣзанную землю 11 верстную полосу по теченію рѣки Ишима.

На это казаки отвѣтили рѣшеніемъ: „Вслѣдъ за удовлетвореніемъ ходатайства о прирѣзкѣ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о возвращеніи казакамъ въ порядкѣ милости предполагаемой отрѣзки“.

Создана была вторично коммиссія, получившая уже опредѣленныя директивы. Въ то время, какъ первая коммиссія требовала агрономовъ для рѣшенія вопроса о цѣнности земель, второй коммиссіей вопросъ этотъ былъ совершенно снятъ, и максимальная норма для исчисленія принята была въ 60 десятинъ согласно Казнаковской инструкціи.

На совѣщаніи въ Омскѣ 30 апрѣля и 17 мая 1910 года эти рѣшенія были приняты.

Чины Переселенческаго Управленія настаивали на томъ, что въ 1) земли станицы Атбасарской по доходности своей выше нормальной; 2) что оцѣнка земли представителями казачьихъ интересовъ далеко ниже дѣйствительности; 3) что послѣ обмежеванія казачьихъ земель можно просить не о прирѣзкѣ, а лишь объ обмѣнѣ, и предлагали за 25 верстъ берега Ишима 18,000 десятинъ, за 6 верстъ—3½ и т. д. Но представители переселенческой организаціи остались въ

меньшинствѣ и подали особое мнѣніе, въ которомъ, между прочимъ, указывали, что послѣ прирѣзки Атбасарская станица будетъ владѣть 52,745 десятинами, изъ которыхъ 32,623 удобной по 106 десятинъ на душу (въ $5^1/_2$ разъ больше киргизской нормы, по Кузнецову).

На этомъ дѣло пока остановилось, какой будетъ конецъ — угадать не трудно. Въ концѣ концовъ казаки добьются своего. Между тѣмъ, вопросъ этотъ имѣетъ важное, принципіальное значеніе. Не особенно давно представитель казачьяго войска исчислялъ излишки казачьихъ земель въ 1,000,000 десятинъ, изъ коихъ болѣе половины удобной, а между тѣмъ, ходятъ слухи, что вслѣдъ за благопріятнымъ рѣшеніемъ вопроса объ Атбасарской прирѣзкѣ казаки намѣрены возбудить вопросъ о прирѣзкѣ къ ихъ землямъ еще 500,000 десятинъ, якобы имъ недостающей. Въ то время, какъ Переселенческое Управленіе тратитъ громадныя деньги на отысканіе годныхъ земель для нуждъ колонизаціи, включаетъ часто земли мало пригодныя въ колонизаціонный фондъ, казаки владѣютъ лучшими въ краѣ землями и имѣютъ еще намѣреніе отнять послѣдніе запасы земель. Не сегодня-завтра запасъ этотъ изсякнетъ, тогда, быть можетъ, встанетъ вопросъ о болѣе нормальномъ распредѣленіи земель между казачествомъ и другими слоями населенія".

Данныя, сообщаемыя этой замѣткой, не предназначались для печати и попали въ нее раньше, нежели къ тѣмъ, для кого предназначались. Генералъ-губернаторъ отдалъ приказъ завѣдующему переселенческимъ райономъ Акмолинской области, чтобы къ 4 часамъ авторъ замѣтки былъ найденъ. Начались допросы, распросы, заподазриванія и все-таки автора не нашли. Такой же переполохъ произошелъ и въ войсковомъ хозяйственномъ правленіи.

Г. Енисейскъ (*Капризы г. Окулича*). На сколько судьба городовъ зависитъ иной разъ отъ каприза того или иного губернскаго „начальства", показываетъ слѣдующій фактъ.

Второй годъ зимуетъ въ Енисейскѣ моторное судно „Омуль", принадлежащее управленію государственными имуществами Енисейской губ. Весною прошлаго года судно это сохранялось отъ ледохода въ пунктѣ развѣтвленія рѣчного

взвоза на двѣ дорожныя полосы для проѣзда, и хотя избранное командиромъ судна мѣсто было неудобно, но въ виду кратковременнаго пребыванія его здѣсь, городское управленіе не протестовало.

Нынѣ командиръ судна вздумалъ опять поставить его на прежнее мѣсто. Когда городской голова воспрепятствовалъ этому, на томъ основаніи, что судно болѣе чѣмъ на полгода стѣснитъ движеніе по взвозу, гдѣ производится подвозъ воды съ Енисея, а по субботнимъ днямъ бываетъ конный и посудный базаръ, и предложилъ любое изъ сосѣднихъ мѣстъ отъ дороги,—командиръ телеграфировалъ своему начальству въ Красноярскъ о нежеланіи, якобы, города отвести удобное мѣсто для зимней стоянки судна.

На это управляющій государственными имуществами г. Окуличъ, помимо телеграммы городскому головѣ съ просьбой не препятствовать помѣщенію судна на избранномъ участкѣ обратился еще къ содѣйствію полиціи и къ одному изъ лично извѣстныхъ ему гласныхъ,—угрожая, что противодѣйствіе города можетъ вызвать пересмотръ вопроса объ открытіи въ Енисейскѣ рыбацкой школы, уже намѣченной къ открытію въ высшихъ сферахъ.

Такимъ образомъ, отъ простого несогласія исполнить фантазію командира поставить его судно именно тамъ, гдѣ онъ желаетъ, отъ личнаго, допустимъ даже, произвольнаго распоряженія городского головы, можетъ зависить судьба будущей школы, предназначенной служить дѣлу культурнаго развитія рыболовства въ Туруханскомъ краѣ, гдѣ она должна быть.

Пусть школа будетъ открыта лучше въ разстояніи двухъ тысячъ верстъ отъ рыболовства, хотя-бы въ Минусинскѣ, лишь-бы не появилась въ „препятствующемъ нраву начальства“ Енисейскѣ...

Изъ Приангарья (*Два открытія*). Ссыльно-поселенецъ Курносовъ и административно-ссыльный Калико ѣхали на лодкѣ по р. Чадобцу внизъ отъ деревни Яркиной. Верстахъ въ 15 — 20 отъ деревни на лѣвомъ берегу рѣки они пристали къ заимкѣ Милетія Рукосуева. Сынъ хозяина сообщилъ имъ, что на днѣ ихъ рѣки встрѣчаются кости мамонта и, можетъ быть, другихъ ископаемыхъ; часть костей добыта и находится въ ихъ амбарѣ.

Въ амбарѣ оказалось цѣлая груда костей. Среди нихъ особенно выдѣлялись: черепъ какого-то животнаго съ рогами въ длину человѣческой руки, но значительно толще ея; два коренныхъ зуба, вѣсомъ болѣе двухъ пудовъ; клыки въ сажень длинною и больше пяти вершковъ въ діаметрѣ; было еще много костей, анатомическое значеніе которыхъ молодые люди не могли опредѣлить.

Крестьяне не захотѣли подѣлиться свѣдѣніями о мѣстонахожденіи костей и условіяхъ ихъ добычи. Стало извѣстно только, что они продаютъ ихъ торговцамъ пушниной и, между прочимъ, продали одинъ клыкъ вѣсомъ до семи пудовъ за шесть рублей чиновнику Переселенческаго Управленія, г. Б.

Случайно молодымъ людямъ все-таки удалось узнать, что крестьяне находятъ кости или во время лученія рыбы, или когда спеціально отправляются за ними въ дождливую пору, неудобную для обычныхъ работъ. Весной послѣ убыли воды кости собираютъ по берегамъ по мѣрѣ того, какъ ихъ вымываетъ половодьемъ; со дна рѣки ихъ достаютъ при помощи остроги и веревки: прозрачная вода позволяетъ опредѣлить мѣсто на днѣ, гдѣ находятся части скелета, туда втыкаютъ острогу, и по деревку ея спускается во воду человѣкъ съ веревкой, конецъ которой привязываетъ къ той или другой кости, чтобы вытащить ее наружу.

Постоянно здѣсь идетъ процессъ не только размыванія и обнаженія костей, но и заноса ихъ вновь смытыми породами, т. е. обратнаго погребенія.

Рѣка завѣдомо богата ими на протяженіи свыше 15 верстъ отъ заимки Милетія Рукосуева. Трудно даже приблизительно опредѣлить то количество костей, какое можно было бы получить при раціональномъ способѣ добычи этого матеріала, очень цѣннаго въ экономическомъ и въ научномъ отношеніи. Крайне печально, что все, добытое до сихъ поръ, продано по крайне низкимъ цѣнамъ, чуть-ли не по одному рублю за пудъ, и совершенно ускользнуло отъ научныхъ изслѣдованій, обогативъ лишь нѣсколькихъ кулаковъ; переселенческій чиновникъ Б., купившій клыкъ ископаемаго животнаго тоже по „хорошей цѣнѣ“, почему-то до сихъ поръ молчитъ...

Послѣ открытія цѣнной находки Курносовъ и Калико отправились дальше по р. Чадобцу и Ангарѣ до Бугучанъ,

куда, надо замѣтить, Курносовъ ѣхалъ для лѣченія, съ установленнымъ пропускомъ отъ Яркинскихъ властей.

Въ Бугучанахъ Курносовъ зашелъ въ канцелярію станового пристава и засталъ тамъ смѣну „сатраповъ“. Бывшій приставъ Церещиковъ сдавалъ дѣла новому приставу изъ столопачальниковъ уѣзднаго полицейскаго управленія. Когда Курносовъ заявилъ о своей находкѣ у заимки М. Рукосуева и просилъ принять мѣры къ охранѣ цѣнныхъ ископаемыхъ, то получилъ отвѣтъ:

— Ага! наукой заниматься вздумали...

— Зачѣмъ пришелъ—семь сутокъ каталажки!—воскликнулъ Церещиковъ.

— Лучше ихъ драть!—возразилъ новый „баринъ“, принесъ уставъ о ссыльно-поселенцахъ и сталъ читать статьи о примѣненіи тѣлеснаго наказанія къ ссыльно-поселенцамъ.

— Приди завтра утромъ—получишь заслуженное!—сказалъ онъ Курносову.

— За что же?!—воскликнулъ юноша.—Я вѣдь съ разрѣшеніемъ въ лѣчебницу!..

— Я кротокъ, но самолюбивъ!—ни къ селу, ни къ городу отвѣтилъ „баринъ“.

Очень понятно, что Курносовъ плюнулъ на свое лѣченіе и заявленіе о находкѣ и на утро двинулся въ обратный путь...

Такимъ образомъ, въ одну поѣздку по рѣкамъ Чадобцу и Ангарѣ политическіе ссыльные сдѣлали два открытія: у заимки Рукосуева нашли большія залежи костей допотопныхъ животныхъ, а въ с. Бугучанахъ—образцы современныхъ раритетовъ...

Иркутскъ (*Ревизія полиціи*). Новый генералъ-губернаторъ, г. Князевъ, назначилъ ревизію мѣстныхъ полицейскихъ учрежденій и предоставилъ право ревизіонной коммиссіи принимать къ разсмотрѣнію всякого рода жалобы на неправильныя дѣйствія полиціи.

Объ этомъ напечатано въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, это перепечатано мѣстными газетами, но что изъ этого выйдетъ,—одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Правда, въ городѣ не мало уже циркулируетъ слуховъ среди обывателей о доступности новаго генералъ-губернатора, о его намѣреніяхъ заняться чисткою Авгіевыхъ конюшенъ, но слухи—слухами, а

обыватель такъ напуганъ практиковавшимся до пріѣзда г. Князева управленіемъ, что врядъ ли при военномъ положеніи (а оно все еще существуетъ) найдется много жалобщиковъ, которые рискнули бы принести свои челобитныя въ ревизіонную коммиссію.

Полицеймейстеръ Бойчевскій, произведенный въ этотъ санъ губернаторомъ Граномъ, былъ вывезенъ изъ Ярославля. Невѣжественный и грубый, онъ изумлялъ всѣхъ своими по языку полуизвозчичьими и безграмотными приказами, которые всѣхъ и каждаго убѣждали, что на посту полицеймейстера—грубый хожалый. Не „убѣждался“ въ этомъ только г. Гранъ, пользовавшійся донесеніями и свѣдѣніями, составленными руками невѣжественнаго человѣка. Это отношеніе губернатора къ полицеймейстеру Бойчевскому породило въ городѣ легенду, что Бойчевскій и Гранъ—родственники, легенду крѣпко держащуюся и теперь. Нѣкоторые факты потворства губернатора Грана полицеймейстеру способствовали укрѣпленію этой легенды. Такъ, полицеймейстеръ Бойчевскій усиленно принималъ „пожертвованія“ отъ содержателей кинематографовъ, принималъ ихъ подъ видомъ субсидіи для оборудованія 5 полицейской части г. Иркутска. Пожертвованія собирались сначала келейно, но когда объ этомъ заговорили во всеуслышаніе, то имъ придали характеръ легальности: завели чуть-ли не „шнуровыя“ книги, а въ мѣстныхъ газетахъ стали даже появляться списки жертвователей поименно, почти сплошь заполненные именами... *содержателей* домовъ терпимости.

Шевельнулась по этому поводу, надо полагать, прокуратура, кое-какіе робкіе шаги сдѣлалъ судебный слѣдователь, но, видимо, только робкіе, такъ-такъ притокъ „пожертвованій“ продолжался, и Бойчевскій остается на своемъ мѣстѣ.

Сибирякъ—бойкій, смышленный и виды видавшій, узрѣвшій, что беззаконія можно совершать полицеймейстеру на глазахъ высшихъ властей совершенно открыто,—сразу присмирѣлъ и „приспособился“. А это „приспособленіе“ обывателя къ полиціи привело къ полной распущенности послѣдней. Въ результатѣ же всего—нескончаемое количество судебныхъ дѣлъ о полицейскихъ злоупотребленіяхъ. Хроника мѣстныхъ газетъ такъ и пестритъ жирными заголовками: „превышеніе власти“, „взятка“, „избіеніе“, „на $1^1/_2$

года въ арестантскія отдѣленія", „Арцыбашевъ и Гургенидзе", „приставъ Фигуровскій" и т. д., а мѣстный присяжный повѣренный Разумовскій чуть-ли не по два раза въ недѣлю выступаетъ въ качествѣ защитника по дѣламъ полицейскихъ чиновъ.

Личный составъ полицейскихъ чиновъ, подобранныхъ Бойчевскимъ (онъ пересоставилъ весь свой „кабинетъ") достаточно ярко можетъ характеризовать послѣдняя замѣтка газеты „Сибирь" (№ 244).

„Нѣкто Лаврентьева, находясь по какому-то дѣлу 18 апр. 1909 г. въ конторѣ бюро похоронныхъ процессій Поднебесныхъ, вывела чѣмъ-то изъ себя г-на Поднебесныхъ, который бросилъ въ нее прессъ-бюваромъ. Лаврентьева, выбѣжавъ на улицу, подняла крикъ. Явилась полиція, и Поднебесныхъ былъ арестованъ. Ему не дали одѣться и отвели въ полицейскую часть, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ продержали въ каталажкѣ.

По этому поводу, по жалобѣ Поднебесныхъ, было произведено предварительное слѣдствіе. Все сказанное въ жалобѣ нашло себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей-очевидцевъ.

Арестовавшій Поднебесныхъ помощникъ пристава Лагутинъ былъ преданъ суду. Дѣло о немъ разсматривалось иркутскимъ окружнымъ судомъ 26 октября.

Обвиненіе поддерживалъ въ предѣлахъ обвинительнаго акта тов. прокурора Лятосковичъ.

Защитникъ (по назначенію) прис. повѣр. Титковъ просилъ, въ виду *полнаго невѣжества подсудимаго, о снисхожденіи.*

Резолюціей суда Лагутинъ приговоренъ къ 3 недѣлямъ ареста при тюрьмѣ".

Защитникъ говорилъ о „невѣжествѣ", но во что обходится это „невѣжество" обывателямъ,—объ этомъ говорить хотя бы дѣло просто Фигуровскаго. Фигуровскій обвинялся въ вымогательствѣ. На судѣ Фигуровскій сваливалъ всю вину свою на помощника пристава, но тутъ же было установлено, что помощникъ пристава не могъ совершить въ означенное время этого преступленія, такъ какъ въ *это именно время онъ растлилъ арестованную при 1-ой полицейской части дѣвочку 13 лѣтъ.*

Та же полиція и тотъ же Гранъ умудрились пренебречь воплями обывателей и, что всего удивительнѣе, совершенно игнорировали протестъ всего иркутскаго духовенства противъ открытія дома терпимости рядомъ съ церковно-приходской школой для дѣвочекъ. Школьная вывѣска на Сарайной улицѣ вечеромъ ярко освѣщается краснымъ фонаремъ. Жалоба высшаго духовенства и жалоба преосвященнаго Тихона въ Петербургѣ уже года два покоится безъ движенія, и „позорный возъ“ понынѣ тамъ.

Чашу обывательскаго терпѣнія переполняетъ дѣло Баженова. Звѣрски убитъ былъ молодой лавочникъ и его приказчикъ. За два дня до убійства покойный Баженовъ явился въ 5-ю полицейскую часть и заявилъ, что подъ лавку его ведется подкопъ. По поводу этого заявленія приставомъ Симагинымъ *ровно ничего не было сдѣлано*, а черезъ два дня былъ убитъ Баженовъ и его работникъ.

По поводу этого происшествія смѣлый и храбрый отъ горя отецъ убитаго, старикъ Баженовъ, принесъ жалобу г. Князеву. По ней теперь ведется разслѣдованіе.

Кажется, нужно именно отчаяніе Баженова-отца, чтобы рѣшиться на принесенія жалобъ комиссіи, ревизующей теперь полицію. *«Ревизоръ»*.

Владивостокъ (*Бывшій „Сахалинскій Орфей“*). Нашъ Дальній Востокъ,—говоритъ корреспондентъ „Рѣчи“,—дѣйствительно, страна чудесъ. Теперь здѣсь шумитъ извѣстный камчатскій концессіонеръ Краморенко.

Краморенко здѣсь хорошо помнятъ еще по... Дорошевичу!

Этотъ юркій и пронырливый искатель счастья свою дѣятельность здѣсь началъ... гармонистомъ. Онъ неожиданно появился на „островѣ печали и злобы“ и началъ потѣшать тамъ публику своими „концертами“. За два рубля Краморенко игралъ на Сахалинѣ цѣлый свадебный вечеръ.

По скоро дѣятельность его значительно расширилась: юркій гармонистъ и на этомъ проклятомъ островѣ умѣлъ найти путь къ обогащенію, и спустя нѣкоторое время Сахалинъ зналъ Краморенко уже въ качествѣ... поставщика пищевыхъ продуктовъ на тюрьмы.

Когда же каторжныя твердыни Сахалина пали, то его

„Орфей“, уже успѣвшій за это короткое время опериться, двинулся на Камчатку.

Вѣдь открытіе Камчатки сулило такія широкія перспективы!

Однако, Краморенко скоро хорошо понялъ, что дальневосточное счастье надо ловить не здѣсь, а въ Петербургѣ. И вотъ Краморенко читаетъ въ Петербургѣ докладъ о „нуждахъ камчатской рыбопромышленности“, требуетъ изгнанія изъ Камчатки японцевъ, взываетъ къ національному...

Конечно, все это имѣло для него благіе результаты...

Онъ получаетъ баснословныя по цѣнности лѣсныя концессіи, „Новое Время“ вручаетъ ему корреспондентскій билетъ, а академія наукъ даетъ открытый листъ съ просьбой къ мѣстной администраціи помочь г. Краморенко въ собираніи этнографическихъ коллекцій...

Тогда Краморенко спокойно возвращается на Камчатку и начинаетъ здѣсь дѣйствовать.

Прежде всего, онъ перепродаетъ свои лѣсныя концессіи. А затѣмъ является къ камчатскому губернатору, рекомендуется корреспондентомъ столичной газеты и проситъ новыхъ льготъ.

Но вмѣсто ожидаемыхъ льготъ появилось въ хабаровской газетѣ „Пріамурье“ обширное письмо камчатскаго губернатора Перфильева съ фактическими данными, разоблачавшее молодого концессіонера...

Оказалось, что, къ довершенію всего, этотъ ярый „національстъ“ работаетъ на Камчаткѣ исключительно японскими рабочими, какъ болѣе дешевыми.

Послѣ этого письма Краморенко какъ будто бы затихъ, но затихъ, однако, ненадолго: возвратившіеся недавно съ Камчатки промышленники разсказываютъ, что онъ, въ концѣ концовъ, сумѣлъ использовать и академическій листъ.

Называясь повсюду „ученымъ членомъ академіи наукъ“, онъ неоднократно выписывалъ себѣ на Камчатку громадныя количества безъакцизнаго спирта, якобы необходимаго ему для этнографическихъ коллекцій...

Таковъ портретъ одного изъ дальневосточныхъ дѣльцовъ.

Изъ Омской жизни.

(Замѣтки обывателя).

Лѣтней поѣздкѣ Е. О. Шмидта я посвятилъ прошлую замѣтку. Теперь для полноты картины упомяну только о духовенствѣ.

Гнусная роль выпала на его долю въ побѣдоносномъ шествіи начальника края. Затертое, забитое „консисторскими“, наше сельское духовенство всегда носитъ подъ рясой ярмо раба, а при такомъ экстраординарномъ случаѣ, какъ „встрѣча“, не стѣсняясь, надѣваетъ его и поверхъ рясы. Надо видѣть деревенскаго попика въ дни передъ пріѣздомъ сановника, чтобы понять всю горечь его положенія. Какъ встрѣчать, и чѣмъ встрѣчать? Сказать-ли „слово“, и какъ сказать? Въ результатѣ рабьимъ языкомъ бываетъ сказано такое „слово“, какого отъ здороваго, уравновѣшеннаго человѣка нельзя ожидать ни въ какомъ случаѣ. Со Шмидтомъ же дѣло осложнялось особенно. Еще заранѣе священники деликатно предупреждались атаманомъ отдѣла, что его превосходительство „любитъ встрѣчи“, а это уже значитъ: „не выдай, батя, поддержись“. Кажется, чего бы проще, послалъ трапезника на колокольню трезвонить до одурѣнія, и дѣло въ шляпѣ: масломъ каши не испортишь,—но мѣшаетъ уставъ. Въ уставѣ показано, кому слѣдуетъ звонить, кому — нѣтъ. И, вотъ, на этой почвѣ произошелъ рядъ инцидентовъ, вполнѣ характеризующихъ взаимоотношенія служителей церкви и свѣтской власти.

Въ прошломъ году священникъ Вахрамѣевъ при проѣздѣ Шмидта черезъ Кокчетавскій уѣздъ имѣлъ дерзость не организовать „подобающей“ встрѣчи, а стоялъ смирненько около церкви и ожидалъ, такъ сказать, естественнаго теченія событій.

Изумленный и обиженный генералъ не могъ стерпѣть такой антипатріотической демонстраціи.

— Почему же это вы, батюшка, не потрудились встрѣтить меня, какъ подобаетъ? Вѣдь вы же знали, кто васъ долженъ посѣтить...

— Я готовъ, ваше высокопревосходительство, и жду приказаній... Если угодно прослушать краткое молебствіе...

— Что?! Вы готовы? Но у васъ нѣтъ даже флаговъ... Почему не распорядились звонить?..

— По уставу краснымъ звономъ я могу встрѣчать только особъ царствующаго дома и своего владыку, а украшать храмъ флагами не имѣю права...

— Вотъ какъ?

И тутъ же, обращаясь къ толпѣ, громогласно заявилъ:

— Нынче же у васъ не будетъ этого священника.

И, дѣйствительно, не стало. По возвращеніи въ Омскъ, Шмидтъ сообщилъ архіерею о преступленіи о. Вахрамѣева, конечно, съ „просьбой“ привести въ исполненіе данное имъ обѣщаніе. Надо сказать, преосвященный Гавріилъ питаетъ особенное, быть можетъ, даже болѣзненное почтеніе къ генералъ-губернатору, и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить предупредительность владыки. Немедленно же онъ распорядился о наложеніи строжайшаго наказанія на дерзкаго священника, но резолюція эта была опротестована консисторіей въ виду того, что въ поступкѣ о. Вахрамѣева не было состава преступленія и до сихъ поръ онъ былъ на хорошемъ счету. Какъ будто жертва завязла въ зубахъ Молоха, но, оказалось, не надолго, хотя пострадавшій и не зѣвалъ. Чуя грозу, о. Вахрамѣевъ, донесъ о всемъ происшедшемъ оберъ-прокурору св. синода и просилъ защиты, такъ какъ отъ мѣстной духовной власти, зная ея положеніе, ожидать поддержки не могъ. Несмотря на всю щекотливость задѣтаго вопроса, центральное вѣдомство, хотя и съ оговорками (можно ли безъ нихъ!), констатировало правоту упрямаго священника и поставило о томъ въ извѣстность предсѣдателя совѣта министровъ. Послѣдній запросилъ генерала Шмидта.

Что могъ отвѣтить Шмидтъ и удовлетворилъ-ли кого-нибудь данный имъ отвѣтъ—вопросъ совершенно праздный: въ самомъ дѣлѣ, стоило ли изъ-за какого-то провинціальнаго священника поднимать столько шуму? Достаточно уже того, что было написано нѣсколько бумагъ. Въ результатѣ о. Вахрамѣевъ переведенъ въ другой, хотя и не худшій, приходъ. И волки сыты, и овцы почти цѣлы: и генеральское слово не вылетѣло на вѣтеръ, да и священнику дано понять, что противъ него положительно ничего не имѣютъ, но... „повинуйся, баля, власти предержащей и учись балансировать

между ея самодурствомъ и церковными уставами, — однимъ словомъ, приспособляйся къ жизни"...

Немудрено, что большинство болѣе или менѣе удачно приспособлялось ко вкусамъ Евгенія Оттовича. Были и такіе, что помимо приспособленія сумѣли слабость генерала направить въ свою пользу. Одинъ священникъ Петропавловскаго уѣзда вышелъ далеко за село съ крестнымъ ходомъ и, подъ торжественный звонъ колоколовъ, разразился пространнымъ „словомъ". Растроганный генералъ тутъ же обѣщалъ представить его къ „Аннѣ" и представилъ, но, оказалось, „примѣрный" священникъ состоитъ подъ судомъ и даже мечтать объ „Аннѣ" пока не можетъ. Подоплека рвенія этого „бати" прозрачна до безстыдства.

Подавляющее большинство духовенства въ краѣ съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдило за дѣломъ о. Вахрамѣева и надѣялось на ограниченіе высшей инстанціей рабьей политики епископа Гавріила, но напрасно.

Ревизіонная волна докатилась и до Войсковаго правленія Сибирскаго казачьяго войска. Но будетъ ли какой толкъ изъ этой ревизіи, сказать трудно. Пока не слыхать ничего, все „шито-крыто". Если и произойдетъ какая-нибудь перетасовка въ личномъ составѣ правленцевъ, то радости отъ того немного, такъ какъ вся система управленія войскомъ требуетъ коренной реформы. Казачье войско, это -государство въ государствѣ, бьется въ тискахъ нищеты, невѣжества и феноменальной инертности, а его центральный административно-хозяйственный органъ, войсковое правленіе, все топчется на бумажныхъ холмахъ, надъ которыми теперь предстоитъ столько работы сенатору Медему. Подъ казачьими бумажными курганами схоронено благосостояніе громаднаго края. Все войско въ его настоящемъ видѣ есть ни что иное, какъ пережитокъ начала XVIII вѣка—времени его первоначальной организаціи. Несложный и грубый механизмъ военно-пограничныхъ поселеній съ шпицрутенами и грозой-маіоромъ на первомъ планѣ, въ главныхъ своихъ частяхъ почти не обновленъ и давно уже трещитъ по всѣмъ колесикамъ подъ тяжестью соціально-экономическихъ факторовъ послѣдняго времени, но по инерціи механизмъ еще работаетъ, хотя даетъ больше шуму и вредной безтолковщины,

чѣмъ пользы. Станичникъ временъ „покоренія“ киргизъ оставилъ глубокій слѣдъ въ характерѣ потомства, и это одна изъ главныхъ причинъ лѣни и безпечности казака. Благодатное было житье! Ни пашни, ни покоса, ни дома, ни хозяйства: начальство обязано накормить. Позднѣе, когда начальство отказалось отъ своей обязанности, казакъ *) сталъ отговариваться передъ собственной совѣстью неуро) жаями и кобылкой и отговаривался до тѣхъ поръ, пока хищническимъ способомъ не переловилъ всю „рыбку“ въ Иртышѣ и не высосалъ послѣднихъ соковъ изъ „собаки“-киргиза. Когда эти устои его благополучія окончательно подгнили, по необходимости пришлось взяться за соху и, не взирая на кобылку, бороздить свои поля желѣзомъ... Но что это за пашня! Интеллектуально болѣе грубый крестьянинъ въ вопросѣ примитивной обработки земли передъ казакомъ показался бы профессоромъ. И, дѣйствительно только теперь, въ періодъ наплыва россійскаго крестьянина, коренной казакъ болѣе или менѣе ориентировался въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, учась у пришельца тѣмъ пріемамъ, которые, казалось, онъ долженъ былъ бы выработать самъ столѣтіе назадъ. Явленіе это краснорѣчивѣе всякихъ историческихъ справокъ подтверждаетъ, что изоляція и даже заброшенность казака привела его къ обнищанію и отсталости. Силою историческихъ событій цѣлое сословіе изъ строго военнаго положенія было переведено въ разрядъ обывателей и, однако, оно до сихъ поръ продолжаетъ управляться военнымъ начальствомъ. Офицеръ, обучающій новобранца пріемамъ „колоть“ и „рубить“ и классической военной „словесности“, является его пѣстуномъ и въ домашней жизни, но вѣдь ни шашкой, ни пикой, ни нагайкой хозяйства не оборудуешь, а дальше этихъ инструментовъ познанія офицера-строевика не идутъ. Трагикомизмъ положенія усугубляется еще тѣмъ, что высшее начальство неукоснительно требуетъ отъ станичника хозяйственности. Требуетъ съ пѣной у рта, возмущается, кричитъ и никакъ не можетъ найти причины поразившей его запущенности и безалаберности, но, оказывается, лѣсъ скрывается всего только за дѣревьями.

*) Мы говоримъ о коренномъ казакѣ. Вступившіе въ войско позднѣе—въ большинствѣ крестьяне—принесли съ собой и привычки земледѣльца.

Откуда быть хозяйственности? Откуда; когда нѣтъ системы, нѣтъ хотя бы обыкновеннаго казеннаго агронома, нѣтъ хозяина руководителя, когда лѣса горятъ и на корню, и на пароходахъ, безмысленно уничтожаются безъ всякой надобности, когда нѣтъ надзора за рыбалкой, когда всѣ богатства края эксплуатируются хищническимъ способомъ и нѣтъ этому варварству ни границъ, ни узды. Какой-то дикій разгулъ съ грабежемъ и разрушеніемъ!

Школы? Уже вишнимъ своимъ видомъ казачья школа наводитъ такое уныніе, что хочется обойти ее какъ можно дальше, а ея внутренняя организація имѣетъ всѣ признаки хроническаго рахитизма. Не такъ давно казачій учитель получалъ 10—12 рублей, и только за послѣднее время его мѣсячный окладъ доведенъ до „нормальной“ цифры въ 18 рублей. За степень нормальности требованій педагога казачье начальство, какъ видно, беретъ возможность поддерживать жизнь на столько, чтобы не распухнуть отъ голоду (о голодѣ духовномъ разговору не бываетъ). Характерная „норма“! Что-то вродѣ нуля при измѣреніи температуры. Нѣтъ въ школахъ въ достаточномъ количествѣ и во-время ни учебниковъ, ни канцелярскихъ принадлежностей, нѣтъ правильнаго инспекторскаго надзора, такъ какъ школьнымъ дѣломъ завѣдуетъ опять-таки военное начальство, а министерскій инспекторъ заглядываетъ въ школу на столько рѣдко, что значеніе его посѣщеній сводится къ нулю. Правда, въ этой области намѣчены реформы, но когда и, главное, какъ будутъ проведены онѣ въ жизнь?

Не лучше, если не хуже, обстоитъ дѣло съ постановкой медицинской помощи, являющейся показателемъ культурности нисколько не въ меньшей степени, чѣмъ постановка образованія. Изъ оффиціальнаго отчета за 1908 годъ видно, что одинъ врачъ приходится на 52.559 душъ обоего пола всего населенія и одна повивальная бабка на 18.331 душу женскаго пола.

Все войско, занимающее пространство равное Франціи, раздѣлено только на девять врачебныхъ участковъ...

Все ползетъ по швамъ, все рушится. А войсковое хозяйственное правленіе продолжаетъ свою политику хищнической эксплуатаціи, не задумываясь о результатахъ такого пріема. Войсковыя земли, разбитыя на участки, сдаются въ

аренду крупнымъ и мелкимъ предпринимателямъ, среди которыхъ есть немало способныхъ образцово поставить свое хозяйство. Казалось бы, порожденіе культурныхъ оазисовъ въ области съ первобытнымъ укладомъ жизни нужно только горячо привѣтствовать и всячески способствовать ихъ образованію, но правленцы разсудили иначе. Прикинувши на счетахъ, они сообразили, что краткосрочная аренда дастъ больше прибыли, чѣмъ существовавшая раньше, долгосрочная, и, не раздумывая, замѣнили первую послѣдней. Протестъ арендаторовъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и, хотя Главное Управленіе казачьихъ войскъ нашло повышеніе арендной платы произвольнымъ, съ протестантовъ все-таки взыскали по новой таксѣ.

При такихъ условіяхъ, когда хозяинъ не чувствуетъ подъ собой почвы, въ любой моментъ ожидая повышенія платы или выдворенія, невозможно веденіе хозяйства и никто не станетъ затрачивать капиталъ, не имѣя впереди надежды вернуть его. Не мудрено, что на арендованныхъ земляхъ хозяйства носятъ крайне-экстенсивный характеръ. Къ хищничеству казаковъ прибавилось хищничество постороннихъ, еще болѣе жестокое...

Только земство, даже какое-нибудь специфически-казачье, можетъ спасти край отъ раззоренія. Земства ждетъ вся Сибирь, но казакамъ оно нужно сугубо, потому что нигдѣ такъ тяжело не давитъ и не душитъ обывателя военный укладъ, какъ въ войскѣ. Нужно кричать, нужно требовать: „земства, земства и земства“!

Очерки сибирской жизни.

„Тарабаганья“ чума, какъ называли ее для собственнаго успокоенія, не выказываетъ пока ни малѣйшаго намѣренія вернуться въ тарабаганьи норы. Даже совсѣмъ наоборотъ: число зачумленныхъ мѣстъ все увеличивается.

Нѣкоторыя газеты склонны винить въ этомъ администрацію Китайско-Восточной дороги, установившую карантинъ для пассажировъ-китайцевъ, дезинфекцію багажа и почты, отправляемыхъ со станціи Манчжурія, лишь 29 октября, т. е. послѣ того, какъ тамъ было уже свыше ста смертныхъ случаевъ.

Оправдывать дорогу, конечно, не приходится: разумѣется, съ мѣрами предосторожности слѣдовало поторопиться. Но главная-то вина все-таки лежитъ не на ней. У желѣзнодорожной администраціи есть свои прямыя обязанности, и дѣлать ее отвѣтственной за развитіе эпидемій столь же неосновательно, какъ за смѣну хвойныхъ породъ лиственичными, хотя лѣсоводы и ставятъ это въ зависимость отъ прокладки новыхъ путей. Правда, Китайско-Восточная дорога пользуется исключительными правами, но изъ этого можетъ быть только одинъ выводъ: предоставленіемъ прерогативъ отдѣльнымъ группамъ, при безправіи всего населенія, общаго благополучія не создать.

Управленіе Забайкальской—проявило гораздо больше энергіи, но одно изъ его мѣропріятій, по единогласному мнѣнію какъ сибирской, такъ и столичной печати, можетъ привести къ совершенно противоположнымъ результатамъ, чѣмъ желали: начальникъ дороги инженеръ Кноррингъ приказалъ уволить съ линіи всѣхъ китайцевъ, которые, въ поискахъ заработка, разбрелись по Забайкалью, и, конечно, локализовать теперь очаги заразы будетъ уже затруднительно.

На Сибирской дорогѣ дальше бумажныхъ циркуляровъ дѣло не пошло: грязь станціонныхъ помѣщеній и вагоновъ' особенно IV класса, по-прежнему не поддается описанію.

Еще горше положеніе отдѣльныхъ городовъ. Напримѣръ, въ Верхнеудинскѣ, говоритъ „Восточная Заря", зашевелились лишь послѣ того, „когда умеръ въ полиціи отъ чумы китаецъ".

Но какъ „зашевелились"? Да „голова распорядился приготовить холерные бараки, отапливать ихъ, а также отапливать анатомическій театръ". Чѣмъ это больше—принимая во вниманіе смертность на станціи Манчжурія въ 100%—простой заготовки достаточнаго количества гробовъ? Ничѣмъ, и понятно, что обыватели охвачены паникой.

О выпискѣ противочумной сыворотки позаботился раньше другихъ, кажется, только одинъ Иркутскъ. Что же касается увеличенія медицинскаго персонала, то съ нимъ, повидимому, придется „погодить". Какъ телеграфировали „Русскому Слову", на всемъ пространствѣ отъ Иркутска до Владивостока пѣтъ свободныхъ врачей. Правленіе Китайско-

Восточной дороги, на просьбу о командированіи 20 врачей и 30 фельдшеровъ, отвѣтило, что можетъ прислать первыхъ только—5, послѣднихъ — 15. Между тѣмъ, одинъ Харбинъ, съ его грязнымъ китайскимъ пригородомъ Фудзядяномъ, не сегодня-завтра потребуетъ цѣлую армію санитаровъ. Тамъ было уже нѣсколько смертныхъ случаевъ и одинъ изъ нихъ—въ фудзядянской тюрьмѣ, при чемъ находившіеся съ больнымъ заключенные не только не подверглись изоляціи, но часть ихъ уже находится на свободѣ и разыскана быть не можетъ. Какъ установлено, всѣ умершіе отъ чумы въ Фудзядянѣ прибыли со станціи Манчжурія до установленія карантина.

Относительно положенія несчастныхъ обитателей этой станціи въ № 286 „Новой Жизни“ приводятся любопытныя выдержки изъ заявленія, поданнаго санитарнымъ коммиссаромъ управляющему гражданскою частью Китайско-Восточной дороги.

„Первымъ дѣломъ,—пишетъ онъ—оцѣпили домъ Фу-ли-зи, гдѣ жило около 60 китайцевъ, изъ которыхъ многіе умерли отъ чумы. Оцѣпленіе—мѣра вполнѣ разумная, но бѣда въ томъ, что о продовольствіи оставшихся въ домѣ Фу-ли-зи китайцевъ позабыли и только на 8 день, когда умирающіе отъ голода и холода напали и обезоружили часового, только тогда поняли, что здѣсь царитъ царь голодъ, а не чума. Говорятъ, что отъ голода въ домѣ Шардакова тоже бунтовали закарантированные китайцы, прося пищи; 17-го октября были избраны санитарные коммиссары, которымъ администраціей вкратцѣ были изложены ихъ обязанности и обѣщано болѣе подробныя инструкціи сообщить на слѣдующій день. Но, вотъ, сегодня 25-е октября, а инструкцій все нѣтъ“...

„Тарабаганья“ чума, переходящая на людей, для Забайкалья не новость, но, благодаря какой-то счастливой случайности, она ни разу еще не принимала размѣровъ нынѣшняго года. Дезинфекція тарабаганьихъ шкурокъ, по словамъ „Новаго Времени“, всегда производилась крайне небрежно: ихъ поливали растворомъ сулемы уже на возахъ,—что значитъ, сверху попадетъ, то и ладно. Въ послѣдніе-же годы, говоритъ „Сибирская Жизнь“, дезинфекція иногда и вовсе отмѣнялась.

Каждому извѣстно, какъ обеззараживались холерные дома и квартиры здѣсь, въ столицѣ. Откуда же явится увѣренность, что на станціи Манчжурія, гдѣ по 8 дней забываютъ кормить, за всѣмъ усмотрятъ, все сдѣлаютъ по правиламъ науки, а не пришлютъ намъ чуму съ той са-

мой „Новой Жизнью“, съ корреспонденціей, съ тарабаганьей шкуркой и прочимъ? Безпечность по истинѣ изумительная, если вспомнить, что мы уже имѣемъ намѣченные очаги чумы — Одессу, Уральскую и Акмолинскую области, къ которымъ за послѣдніе дни присоединилась еще Астраханская губернія. Много ли у насъ спеціалистовъ по чумѣ, чтобы они успѣли поспѣть своевременно съ одесской эпидеміи на манчжурскую, съ манчжурской на астраханскую и такъ далѣе? Про мѣстныхъ врачей смѣшно даже подумать: они и съ обычными-то заболѣваніями, по своей малочисленности, не могутъ справиться. Ихъ борьбу съ эпидеміями „Восточная Заря“ совершенно справедливо приравниваетъ къ передѣлкѣ Тришкина кафтана.

Напримѣръ, въ Хочинскомъ и Мархинскомъ улусахъ, Вилюйскаго округа, давно уже прочно засѣлъ тифъ, а затѣмъ появилась корь. Когда фельдшеровъ командируютъ въ улусы, корь начинаетъ безбоязненно разгуливать по городу. „И такъ каждый годъ“. При 75-ти тысячномъ населеніи, на весь Вилюйскій округъ всего одинъ врачъ и трое фельдшеровъ. Они и доскакать-то не успѣютъ, какъ половину заболѣвшихъ снесутъ уже на погостъ.

Всѣ города Дальняго Востока охвачены тревогой, а у жителей манчжурскихъ желѣзнодорожныхъ поселковъ еще вдобавокъ „пищевой кризисъ“. Такъ какъ главные поставщики продуктовъ тамъ китайцы, то, говорятъ „Сибирскіе Отголоски“ (переименованные съ ноября въ „Сибирское Слово“), русскіе теперь покупаютъ съ большой опаской даже овощи и зелень; отъ мяса же и молока, а тѣмъ болѣе, тарабаганины, по возможности воздерживаются.

Въ Вилюйскій округъ чума, конечно, врядъ ли заберется, но тамъ довольно и другихъ опасностей: корь, тифъ, оспа, сибирская язва. Скрываніе заболѣвшихъ животныхъ, пишетъ „Восточная Заря“, — является среди инородцевъ „обычнымъ правиломъ, изъ котораго почти нѣтъ исключенія. Болѣе того: павшая скотина весьма часто съѣдается якутами“, даже павшая отъ сибирской язвы!

При такомъ-то положеніи дѣлъ администрація рѣшила, что ветеринарный надзоръ не нуженъ: съ нынѣшняго года ветеринарная амбулаторія и должность окружнаго врача въ

Вилюйскѣ упраздняются, и на весь огромный скотоводческій районъ останется одинъ ветеринарный фельдшеръ.

Если мы не дорожимъ инородцами, то не мѣшало бы вспомнить хоть о томъ, что Вилюйскій округъ—главный поставщикъ мяса на олекминскіе и витимскіе пріиски. Разъ эпизоотіи въ немъ не прекращаются, такъ естественнѣе бы, кажется, усилить надзоръ, а не сводить его на одну проформу.

Въ Западной Сибири къ непрекращающимся падежамъ прибавилась еще полная безкормица. Послѣдствія ея, читаемъ мы въ „Голосѣ Прикамья", уже на лицо: представители союза сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей жалуются „на поголовную продажу молочнаго скота членами-артельщиками".

Сибирь неустанно, въ теченіе ряда лѣтъ, твердила о необходимости защитить ея скотоводство и, оказывается, „ветеринарный институтъ былъ бы давнымъ давно открытъ въ Томскѣ согласно запискѣ совѣта томскаго университета, со всѣхъ сторонъ освѣтившей данный вопросъ", но рѣшеніе дѣла, какъ заявилъ, по словамъ „Сибирской Жизни" представителямъ города начальникъ главнаго ветеринарнаго управленія, г. Нагорскій,—„тормазилось отрицательнымъ отзывомъ г. попечителя западно-сибирскаго учебнаго округа".

Этотъ г. Лаврентьевъ прямо какой-то вездѣсущій: куда ни обернись,—все онъ...

Падежи особенно тяжелы для окраинъ, гдѣ требуется столько усилій, чтобы завести и сохранить скотъ. Камчатка, напр., безъ того была бѣдна имъ, а съ тѣхъ поръ, какъ стали заботиться объ ея процвѣтаніи, ему угрожаетъ опасность и совсѣмъ исчезнуть: то казенное судно завезетъ эпизоотію, то разные гешефтмахеры подведутъ.

Передъ самымъ закрытіемъ навигаціи, разсказываетъ „Океанскій Вѣстникъ" (№ 368), владивостокскія войсковыя части отказались принять доставленный мѣстными скупщиками овесъ, такъ какъ онъ оказался „пьянымъ".

Потерявъ надежду сбыть эту отраву во Владивостокѣ, скупщики рѣшили отправить ее въ Камчатку. Если ихъ намѣреніе удалось,—остатки камчадальскаго скота обречены на гибель. Откуда же, въ самомъ дѣлѣ, взяться тамъ зимой другому овсу?

Большую непріятность причинили камчатскимъ аборигенамъ также присланные нынѣшнимъ лѣтомъ лѣсоразводители. Небрежное обращеніе изыскательскихъ партій съ огнемъ сдѣлалось причиною нѣсколькихъ лѣсныхъ пожаровъ, при чемъ погибло не только много лѣса, но, конечно, и звѣря. Этого въ Камчаткѣ еще не бывало, и камчадалы подали жалобу губернатору, прося, по словамъ „Далекой Окраины", „защитить и ихъ, и лѣса".

Не принесетъ большой пользы Камчаткѣ даже послѣднее слово науки—безпроволочный телеграфъ.

Сперва съ нимъ происходили все какія-то неудачи: что-то валилось, срывалось бурею, но потомъ—технически, наконецъ, наладилось. Такъ опять новая бѣда: некому принимать телеграммы. Ленты для нихъ записи у камчатскаго телеграфа нѣтъ, онъ разсчитанъ на „слухачей", а таковыхъ среди присланныхъ изъ Петербурга чиновъ не оказалось. Во владивостокскомъ почтово-телеграфномъ округѣ, пишетъ „Приамурье", находились лица, „великолѣпно принимающія депеши на слухъ", но они не согласились ѣхать въ Камчатку, такъ какъ всѣ служебныя преимущества достались бы петербуржцамъ, имъ же бы выпали на долю только трудъ да лишенія. Однимъ словомъ, повторилась давно знакомая сибирякамъ исторія: извѣстно вѣдь, что они почему-то всегда должны посторониться, дать дорогу россіянамъ...

Постоянная зависимость Сибири отъ чужихъ людей, отъ чиновниковъ, которые гораздо больше заботятся о своей служебной карьерѣ, чѣмъ объ удовлетвореніи ея нуждъ, создаетъ безвыходное положеніе. Дѣла кругомъ по горло и есть его кому дѣлать, но оно стоитъ, а мѣстныя силы пропадаютъ даромъ, размѣниваются на мелочи, на борьбу съ закулисными вліяніями какихъ-нибудь господъ Голосовыхъ, Лаврентьевыхъ и т. п.

Изъ Сибири стараются выкроить вторую Россію, совершенно не считаясь при этомъ ни съ ея климатическими, ни съ бытовыми особенностями. Огромная, непокладистая, она никакъ не хочетъ втиснуться въ мертвыя бюрократическія формы: ей даютъ экспедицію камергера Гондатти, отруба, хутора, всезнающихъ переселенческихъ чиновниковъ, а она упрямо твердитъ все про свое: „дайте мнѣ земство, такъ я справлюсь и сама".

Участіе земствъ въ переселенческомъ дѣлѣ признано, наконецъ, не только допустимымъ, но даже желательнымъ, полезнымъ. Уже одно это обстоятельство должно бы, кажется, натолкнуть на мысль о необходимости прислушаться также къ голосу мѣстныхъ людей и въ Сибири. Она вѣдь не чужая имъ, они вѣдь лучше знаютъ свою страну, чѣмъ россійскіе земцы, которымъ надо еще изучать ее, что называется, съ азовъ. Наконецъ, переселеніе затрагиваетъ личные интересы сибиряковъ, которые нельзя совершенно игнорировать, потому что они тѣсно связаны съ интересами всего края. И, вотъ, такой первостепенной важности вопросъ разрѣшается, кѣмъ угодно, только не ими.

Конечно, и казенныя экспедиціи имѣютъ свою цѣнность, если въ нихъ участвуютъ научныя силы. Безъ казеннаго номерка правительство вѣдь не вѣритъ въ истины, ставшія для сибиряковъ избитыми. Оно, скажемъ, давно озабочено насажденіемъ въ Сибири фабрично-заводской промышленности, а между тѣмъ это невозможно при обязательной постройкѣ заводовъ и фабрикъ на арендованной землѣ и относительной краткосрочности арендныхъ договоровъ. Ну, вотъ, экспедиція г. Гондатти теперь удостовѣрила эту невозможность...

Но правительственныя изслѣдованія, особенно, когда они ведутся подъ руководствомъ чиновниковъ, всегда приходятъ именно къ тому, что требовалось доказать. Если сегодня въ ходу порто-франко, можете быть увѣрены, что всѣ данныя окажутся безусловно въ его пользу. И съ такимъ же успѣхомъ вамъ не далѣе, какъ на другой день, изготовятъ докладъ съ обратными цифрами.

Пригоденъ ли къ колонизаціи районъ Амурской дороги, какое вліяніе оказываетъ „вѣчная мерзлота“? На эти вопросы существуетъ столько же отвѣтовъ, сколько человѣкъ соприкасалось съ ними. Желѣзнодорожный техникъ, проработавшій безвыѣздно два года на постройкѣ Амурской линіи, приходитъ, по увѣренію читинскаго корреспондента „Сибирской Жизни“, къ самымъ неутѣшительнымъ выводамъ: „непроходимая тайга, болота, безконечная зима, жалкая пародія на лѣто“, при которомъ „почва оттаиваетъ не болѣе, какъ на аршинъ, а дальше идетъ вѣчная мерзлота“. Пробовали, говоритъ техникъ, сажать картофель, но что по-

лучилось? Картофельная ботва выросла въ 2 — 3 вершка высоты, „да и то чахлая, блѣдная“, а клубень далъ „счетомъ 3—4 картошки“, изъ которыхъ самая крупная была съ грецкій орѣхъ. Та же печаль постигла остальныя овощи и ячмень.

Ну, а попробуйте спросить у Н. Л. Гондатти? Такъ онъ „скромно“ отвѣтитъ, какъ отвѣтилъ интервьюеру „Далекой Окраины“ (№ 1027), что, во 1-хъ, его экспедиція обслѣдовала полосу Амурской дороги „такъ, какъ ни одна экспедиція до этого обслѣдовать не могла“, и во 2-хъ, что благопріятная особенность амурской тайги — „ея податливость дренажу“. Будто бы даже „простыя канавы, вырытыя по обѣимъ сторонамъ переселенческаго типа дороги, на столько быстро осушали мари, что въ одно лѣто заболоченныя мѣста превращались въ очень недурные сѣнокосы“. Если все это такъ, то почему же не осушили самое полотно желѣзной дороги? почему на колесной дорогѣ чуть не до оглобель засасываетъ лошадей, валяются разбитыя телѣги и проч., и проч., о чемъ говорятъ и пишутъ какъ простые смертные, такъ и высокопоставленные чиновники? Боимся, не оттого ли, что годъ на годъ не приходится, что лѣто бываетъ разное —то дождливое, то засушливое и, главное, что лѣто -одно дѣло, а осень—другое? Иначе чего бы и горевать: выкопать „простыя канавы“—работа не мудрящая. Но, очевидно, что-то тутъ не такъ и ужъ, во всякомъ случаѣ, далеко не вполнѣ такъ...

Л. К.

Хроника.

— Любопытныя пренія въ судебной коммиссіи Государственной Думы вызвалъ законопроектъ министерства юстиціи **объ устройствѣ въ Петропавловскѣ камчатскаго окружнаго суда**. Сколько дѣлъ будетъ въ Камчаткѣ и для чего тамъ нуженъ окружный судъ, — министерство юстиціи и само не знаетъ. До сихъ поръ ему извѣстно только, что въ новый окружный судъ можетъ поступить 11 дѣлъ въ году, но, исходя изъ того, что правосудіе есть одна изъ первыхъ культурныхъ потребностей населенія, министерство юстиціи, въ цѣляхъ, якобы, колонизаціи, желаетъ создать для 11 дѣлъ въ Петро-

павловскѣ окружный судъ, на постройку однихъ зданій котораго потребуется 180.000. Коммиссія, тѣмъ не менѣе, приняла проектъ.

— 18 ноября въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената, подъ предсѣдательствомъ сенатора Варварина, заслушано было извѣстное дѣло **„о вооруженномъ возстаніи** противъ правительствомъ установленныхъ властей и воинской силы", оказанномъ крестьянами на земляхъ, принадлежащихъ Кабинету, въ Бійскомъ уѣздѣ, Томской губ.

Въ концѣ 1906 года въ предѣлахъ Верхне-Ануйской и Паутовской волостей Бійскаго уѣзда, мѣстные крестьяне производили массовую порубку лѣсовъ, принадлежащихъ Кабинету. Въ виду этого, въ помощь лѣсной стражѣ, оказавшейся безсильной, съ разрѣшенія томскаго губернатора, становымъ приставамъ поручено было сформировать конно-полицейскіе отряды изъ проживающаго въ предѣлахъ Бійскаго уѣзда казачьяго населенія. Отряды эти предполагалось размѣстить въ селѣ Быстрые Истоки. Между тѣмъ еще до прихода отряда въ Быстрыхъ Истокахъ распространился слухъ, что крестьяне рѣшили не пускать казаковъ, къ которымъ они всегда относились враждебно, въ село, и что тѣ же крестьяне хотятъ перебить или выгнать всѣхъ чиновниковъ и сжечь домъ лѣсного смотрителя. Слухи эти понудили бійскаго исправника просить губернатора о присылкѣ воинской силы и, во исполненіе этой просьбы, въ Быстрые Истоки и сосѣднее село Завьялово командирована была конно-охотничья команда Барнаульскаго полка изъ 50 человѣкъ солдатъ подъ командой штабсъ-капитана Краспльникова. Это окончательно вывело крестьянъ изъ себя, и они напали какъ на казаковъ, такъ и на солдатъ. Выгнавъ изъ избъ, гдѣ они были расположены на постой, крестьяне избивали ихъ дубинами, отбирали ружья и т. д., а затѣмъ подожгли домъ лѣсного смотрителя. Когда казаки и солдаты пытались усмирить безпорядки и разогнать толпу, крестьяне произвели въ нихъ нѣсколько залповъ изъ ружей, при чемъ рядовой Барышевъ былъ убитъ и нѣсколько солдатъ и казаковъ ранено, былъ раненъ и командиръ отряда штабсъ-капитанъ Красильниковъ.

Томскому окружному суду по этому дѣлу предано было 37 человѣкъ крестьянъ. Разобравъ дѣло, окружный судъ двадцать человѣкъ оправдалъ, двоихъ приговорилъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ каждаго, 9 человѣкъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 2 года каждаго, а 6 человѣкъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 4 мѣсяца каждаго.

Въ правительствующемъ сенатѣ доводы кассаціонныхъ жалобъ осужденныхъ поддерживалъ присяжный повѣренный А. Ф. Керенскій.

Правительствующій сенатъ призналъ жалобы незаслуживающими уваженія.

— Неурожай травъ въ Сибири захватилъ довольно широкое пространство, и въ районахъ сибирскаго маслодѣлія, между прочимъ, въ Курганскомъ уѣздѣ.

По слухамъ, достигающимъ оттуда въ Петербургъ, мѣстами крестьяне распродаютъ скотъ, не надѣясь его прокормить до весны, много скота угоняется къ сѣверу за сотни верстъ на зиму.

Положеніе дѣла ухудшилось еще раннимъ наступленіемъ зимы, заставившимъ поставить скотъ во дворы на зимній кормъ.

О мѣрахъ, примѣняемыхъ администраціей, отождествляющей собою земство въ Сибири, къ облегченію населенію перенести тяжелую зиму и сохранить скотъ — ничего не слышно.

За дѣло это, какъ совершенно естественно, взялись существующія вольныя общественныя организаціи. Курганскій биржевой комитетъ возбудилъ ходатайство передъ министерствомъ путей сообщенія объ установленіи льготнаго тарифа на перевозку сѣна по желѣзной дорогѣ въ испытывающіе нужду районы. Ходатайство это поддерживается передъ главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія, министерствомъ путей сообщенія и финансовъ сибирскими депутатами отъ Тобольской губерніи.

Союзъ маслодѣльныхъ артелей, руководимый А. Н. Балакшинымъ и кредитующійся для развитія своихъ операцій въ сибирскомъ торговомъ банкѣ, вошелъ въ соглашеніе съ банкомъ о расширеніи кредита со спеціальной цѣлью содѣйствовать артельщикамъ заготовить запасы сѣна.

Съ этою-же просьбою въ сибирскій банкъ обратился спеціалистъ молочнаго хозяйства по Тобольской губерніи В. Ѳ. Сокульскій, указывая на желательность оказать краткосрочный кредитъ на покупку кормовъ группамъ крестьянъ изъ артельщиковъ, объединившимся круговымъ ручательствомъ за исправный возвратъ ссуды. Размѣръ ссуды опредѣленъ въ 7 р. на корову, но не болѣе 70 р. на одного хозяина.

Сибирскій банкъ охотно пошелъ на встрѣчу этому пожеланію и сдѣлалъ распоряженія управляющему Курганскимъ отдѣломъ объ открытіи этого кредита при условіи посреднической помощи въ этомъ дѣлѣ банку инструкторовъ маслодѣлія.

— Директоръ правленія союза маслодѣльныхъ артелей въ Западной Сибири А. Н. Балакшинъ велъ переговоры съ директоромъ департамента земледѣлія графомъ П. Н. Игнатьевымъ о желательности правительственной поддержки союзу для осуществленія имъ и агрономической помощи населенію. Самъ союзъ безъ всякой помощи извнѣ издаетъ газету, имѣетъ четырехъ инструкторовъ маслодѣлія.

Графъ Игнатьевъ, заинтересовавшись постановкой дѣла союза и артелей, выразилъ полную готовность оказать союзу содѣйствіе на такихъ же условіяхъ, на какихъ это содѣйствіе оказывается сельско-хозяйственнымъ обществамъ. Нѣкоторая сумма союзу на приглашеніе инструкторовъ обѣщана имъ уже изъ кредита 1911 года, а болѣе серьезная поддержка можетъ быть оказана изъ смѣты 1912 года.

— Въ отвѣтъ на пожеланіе Государственной Думы о представленіи министерствомъ путей сообщенія подробныхъ объясненій причинъ дефицитности Забайкальской желѣзной дороги съ указаніемъ принимавшихся правительствомъ мѣръ и достигнутыхъ результатовъ въ смѣтѣ министерства путей сообщенія на 1911 годъ даны такія свѣдѣнія.

За промежутокъ времени съ 1906 года по 1909 годъ доходы и расходы Забайкальской желѣзной дороги составляли:

	въ 1906 году	въ 1909 году
денежный доходъ	8.900.473	7.536.857
„ расходъ	38.002.090	18.542.910
„ дефецитъ	29.101.617	11.006.053

Такимъ образомъ, дефецитность Забайкальской желѣзной,

дороги уменьшается. Главными причинами дефицитности дороги являются: 1) слабая работа дороги, 2) значительность пассажирскаго движенія по отношенію къ общимъ размѣрамъ работы дороги, 3) дороговизна матеріаловъ и рабочихъ рукъ.

Въ то время, какъ на дорогахъ Европейской Россіи пробѣгъ осей вагоновъ на версту протяженія составлялъ въ 1909 г.—407.000 осе-вагоновъ, на Закавказскихъ дорогахъ—305.000, на Сибирской—431.000, на Азіатской—240.000, на Забайкальской онъ выразился въ 170.000 верстъ.

Очевидно, что тѣ расходы, размѣръ коихъ почти одинаковъ при всякомъ размѣрѣ движенія, падаютъ на Забайкальской желѣзной дорогѣ большимъ бременемъ на единицу работы, чѣмъ на другихъ дорогахъ.

Пассажирское движеніе, окупающее себя на весьма немногихъ дорогахъ, особенно неблагопріятно отражается на Забайкальской, куда попадаетъ пассажиръ дальняго слѣдованія, т. е. платящій, по сравненію съ тѣмъ разстояніемъ, какое проѣзжаетъ, по относительно низкимъ тарифнымъ ставкамъ. Даже пассажиры скорыхъ поѣздовъ не приносятъ Забайкальской желѣзной дорогѣ дохода.

— 29 октября состоялось первое общее собраніе учредителей „Общества взаимопомощи сибиряковъ въ г. Кіевѣ". Общество содѣйствуетъ умственному и моральному развитію, обезпеченію матеріальныхъ интересовъ участниковъ и улучшенію ихъ бытоваго положенія, а также ознакомленію мѣстнаго населенія съ исторіей, бытомъ и жизнью Сибири. Райономъ дѣятельности Общества является г. Кіевъ. Въ составъ избраннаго собраніемъ правленія вошли: предсѣдатель Общества І. І. Березницкій, товарищъ предсѣдателя Г. М. Осокинъ, члены: С. В. Козьминъ, П. А. Лисецкій, Д. М. Буйвидъ, П. І. Березницкій и Е. П. Герасимова.—За всякими справками и корреспонденціей на имя правленія надлежитъ обращаться къ секретарю правленія Николаю Іосифовичу Березницкому—г. Кіевъ, Большая Владимірская, д. 51.

Въ С.-Петербургскомъ Сибирскомъ Собраніи.

24 ноября состоялось общее собраніе членовъ с.-петербургскаго сибирскаго клуба. Заслушанъ былъ докладъ В. И.

Анучина: „Почему сибиряки любятъ Сибирь"... Блѣдный и самъ по себѣ мало интересный (можетъ быть, вслѣдствіе неудачно выбранной темы), докладъ этотъ вызвалъ среди собравшихся оживленныя преніа. Докладу была противопоставлена мысль, что прошло время лирическихъ гаданій на тему: „почему сибиряки—Сибирь любятъ" (большой вопросъ, любятъ ли!), и что насталъ моментъ, когда нужно освѣтить всесторонне и глубоко другой, несравненно болѣе важный вопросъ о томъ, почему теперь именно Сибирью нужно интересоваться, ее изучать и познавать. И интересъ этотъ, по мнѣнію оппонентовъ, долженъ теперь зарождаться и крѣпнуть независимо отъ любви или антипатіи къ Сибири, даже среди лицъ, съ Сибирью, казалось бы, ничѣмъ не связанныхъ.

Вѣдь тамъ—въ Сибири дѣлается сейчасъ попытка разрѣшить нашъ аграрный вопросъ, тамъ теперь будутъ насаждать „сильныхъ и крѣпкихъ" по чудодѣйственному рецепту 14 іюня 1910 г., тамъ долженъ видѣть затронутыми свои интересы и аграрій центра, и промышленникъ юга Россіи.

Присутствовавшіе на докладѣ члены Государственной Думы. В. П. Дзюбинскій и А. Г. Мягкій указывали, что рядъ самыхъ жгучихъ вопросовъ Сибири ждетъ сейчасъ своего разрѣшенія, настойчиво требуетъ его, а между тѣмъ надъ Сибирью повисла новая бѣда. „Молодые министры" наши съѣздили въ Сибирь,—„Сибирь открыли" и въ качествѣ Колумбовъ смѣло вѣщаютъ міру, что за Ураломъ все идетъ прекрасно, что земства тамъ вводить не нужно,—„тамъ прежде всего нѣтъ собственниковъ земли, на которыхъ возможно было бы возложить и тяготу, и права земскаго самообложенія, нѣтъ и прочно установившагося, распредѣленія населенія, *безъ чего трудно разсчитывать на правильное выясненіе имъ самимъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей*", (стр. 61 „Записки") что, наконецъ, чуть ли не вся бѣда Сибири въ томъ, что нѣту тамъ того благодѣтельнаго и высоко-культурнаго элемента населенія, который въ свое время столь замѣтно потрудился надъ благосостояніемъ и благополучіемъ центральной Россіи—въ Сибири нѣтъ благороднаго, помѣстнаго, россійскаго дворянства.

Къ ознакомленію съ выводами министерской Записки

приглашалъ членъ Государственной Думы В. П. Дзюбинскій собравшихся, подчеркивая, что выводы эти заслуживаютъ самой внимательной и строгой провѣрки, послѣ которой большая часть ихъ падаетъ сама собою.

А. Х.

Два доклада объ Якутской области.

Якутской области повезло насчетъ докладовъ: въ теченіе одной недѣли въ Географическомъ обществѣ сдѣлано два сообщенія: г. Пекарскаго о „разселеніи якутовъ“ и г. Островскихъ „Новыя данныя по Якутской области“. Если докладъ г. Пекарскаго и страдаетъ тенденціозностью и нѣкоторой необоснованностью, то во всякомъ случаѣ о немъ можно серьезно спорить. Тенденціозность сказывается въ самой мысли разселенія, т.-е. удаленія съ искони насиженныхъ мѣстъ, съ богатыхъ пастбищъ, изъ районовъ съ болѣе мягкими климатическими и почвенными условіями на сѣверъ, къ вѣчнымъ льдамъ, на промыслы, полные риска, но бѣдные добычей, на вѣчную мерзлоту съ жалкой растительностью. Конечно, разселеніе выгодно съ точки зрѣнія современной политики: освободившіяся угодья можно пустить подъ колонизацію, о которой такъ усердно хлопочетъ окраинная администрація. Якуты такіе энергичные, богатые иниціативой и самодѣятельностью и вдругъ сидятъ по своимъ долинамъ, водятъ скотъ, да бабятся! Надо не дать погибнуть этимъ цѣннымъ качествамъ инородца, необходимо использовать ихъ путемъ приложенія въ борьбѣ съ холодомъ, льдами, полуголодной жизнью. А разъ это энергичное племя само почему-то не стремится на сѣверъ Якутія, хотя тамъ природныхъ богатствъ непочатый уголъ, то надо придти на помощь, какъ это дѣлается по отношенію другихъ инородцевъ Сибири — заставить разселиться, а тамъ, volens-nolens, примутся за эксплуатацію „дремлющихъ“ богатствъ. Конечно, значительный процентъ погибнетъ въ борьбѣ за существованіе, но безъ жертвъ ни одно великое дѣло не свершалось. За то ужъ, кто выйдетъ побѣдителемъ, тотъ станетъ прочной ногой въ ледяной пустынѣ.

Сообщеніе г. Островскихъ положительно опереточное. Сводится оно къ слѣдующему: до 1907 г. г. Якутскъ пред-

ставлялъ собой сплошную „мерзость запустѣнія“: грязныя улицы, скудное керосиновое освѣщеніе, армія нищихъ, державшая обывателя въ осадномъ положеніи, бродяжничество ссыльныхъ, развитая поліандрія, жалкіе домишки, дикари—гласные городской думы. Съ 1907 г., когда Якутская область „получаетъ новаго администратора въ лицѣ И. И. Крафта, человѣка энергичнаго“ (присутствующій на докладѣ г. Крафтъ скромно опускаетъ глаза), картина сразу рѣзко мѣняется. Правда, грязныя улицы таковыми и остаются, но за то скудное керосиновое освѣщеніе проектируютъ замѣнить электричествомъ, для нищихъ устроена богадѣльня („и теперь въ Якутскѣ нѣтъ ни одного нищаго!“ — патетически заявилъ докладчикъ), бродяжничество уничтожено прикрѣпленіемъ ссыльныхъ къ землѣ, дикари-гласные понемному оцивилизовались; разбитъ паркъ („виноватъ — скверъ“—поправляется докладчикъ) имени И. И. Крафта, строится музей-библіотека, казначейство, реальное училище, проектируется желѣзная дорога. Словомъ, съ 1907 г., заканчиваетъ докладчикъ, „для г. Якутска и вообще для Якутской области настала новая эра, эра возрожденія и пріобщенія къ общеевропейской культурѣ“. Для иллюстраціи своего доклада г. Островскихъ послалъ въ публику десятка два фотографическихъ снимковъ, на которыхъ довольно часто фигурируетъ якутскій губернаторъ Крафтъ въ шубѣ на распашку, въ шубѣ запахнутой, въ губернаторскомъ сюртукѣ и т. д.

Курьезнѣе всего то, что г. Островскихъ, какъ доказалъ одинъ изъ оппонентовъ, бывшій секретарь иркутскаго статистическаго комитета, пользовался данными 1906 г., разработанными имъ, оппонентомъ, а потому „эра возрожденія“ началась до пріѣзда г. Крафта; самое-же главное, эти данныя довольно устарѣли, и богодѣльня, напр., на которой докладчикъ такъ долго остановился, на половину сгорѣла. Откуда г. Островскихъ получилъ свѣдѣнія о поліандріи—оппонентъ не знаетъ, но и докладчикъ съ губернаторомъ не удовлетворили его любопытство.

Оппонентъ-инженеръ, а также и другіе указывали на полную необоснованность проектируемыхъ докладчикомъ подъѣздныхъ путей. На первый-же вопросъ, какими грузами можетъ быть обезпечена будущая якутская дорога,

докладчикъ отвѣтилъ: „нѣкоторыми“, что, конечно, вызвало улыбки. П. И. Крафтъ пытался дать болѣе опредѣленное указаніе насчетъ „нѣкоторыхъ“ и „дремлющихъ“ богатствъ, которыми можетъ быть обезпечена дорога, но дальше мяса не пошелъ. Поэтому большинство оппонентовъ пришло къ заключенію, что прежде чѣмъ говорить, а тѣмъ болѣе настаивать на скорѣйшемъ проведеніи желѣзной дороги, необходимо имѣть опредѣленныя свѣдѣнія о тѣхъ надземныхъ и подземныхъ цѣнностяхъ Якутской области, которыя могли-бы обезпечить грузъ будущей дорогѣ. Въ настоящее же время Якутская область во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ собой terram incognitam. Якутскій губернаторъ Крафтъ возражаетъ тѣмъ, что свѣдѣнія есть, и онъ можетъ ихъ сообщить въ любой моментъ. На это одинъ изъ оппонетовъ замѣчаетъ, что не губернаторскіе отчеты и не „Областныя Вѣдомости“, свѣдѣнія которыхъ нуждаются въ большой и большой провѣркѣ, могутъ дать полную картину современнаго экономическаго положенія Якутской области, а свободная мѣстная печать. „Къ сожалѣнію, послѣдняя плохо прививается въ Якутскѣ и именно съ 1907 года“— заканчиваетъ оппонентъ. На послѣднее заявленіе г. Островскихъ ничего другого не нашелъ сказать, какъ только: „желающіе могутъ издавать“... Издавали, г. Островскихъ, на послѣдніе гроши, работали, не покладая рукъ, да съ момента наступленія „эры возрожденія“ вынуждены были прекратить газету.

Въ общемъ впечатлѣніе отъ доклада г. Островскихъ получилось такое, что, во-первыхъ, онъ самъ точно не бывалъ въ Якутскѣ, а докладывалъ по чьимъ-то чужимъ матеріаламъ (можетъ быть, по губернаторскимъ отчетамъ?), а во-вторыхъ, нужно было, въ силу какихъ-то мотивовъ, подчеркнуть „культурно-просвѣтительную“ дѣятельность П. И. Крафта, получившую на страницахъ сибирской прогрессивной печати далеко нелестную оцѣнку.

Обозрѣніе русской жизни.

Жизнь Россіи еще не вошла въ свою колею, все кругомъ еще полно Толстымъ: телеграммы, письма, замѣтки, воспоминанія, отчеты о засѣданіяхъ въ его честь, описаніе похоронъ, избіеніе учащейся молодежи за „вѣчную память“, бе-

зобразныя выходки „черной сотни“ — оттѣсняютъ на задній планъ нужды дня.

Послѣднія мысли великаго писателя были прикованы къ одному изъ самыхъ тягостныхъ явленій русской дѣйствительности—къ смертной казни. Отмѣна ея была его завѣтной мечтой, и онъ оставилъ эту мечту въ наслѣдіе своимъ современникамъ.

Совершенно естественно, что, когда въ Государственной Думѣ поднялся вопросъ о наиболѣе достойномъ способѣ увѣковѣченія памяти Толстого, немедленно же раздались голоса: „отмѣнить смертную казнь“.

Но „нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ“...

Этою фразой и началъ свою рѣчь Терситъ третьей Думы, Пуришкевичъ, обвиняя „господъ недоповѣшенныхъ“ въ тайномъ намѣреніи поднять вокругъ имени Толстого общественные и студенческіе безпорядки. Остальные Терситы, конечно, его поддержали, — законопроектъ оппозиціи былъ отклоненъ большинствомъ 161-го голоса противъ 131-го. Съ меньшинствомъ голосовали польское коло, мусульмане и трое октябристовъ.

Такъ же цинично признавался въ своемъ „терситствѣ“ г. Замысловскій при запросѣ о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ старшаго предсѣдателя новочеркасской судебной палаты и судебнаго слѣдователя г. Лыжина по дѣлу такъ называемый „новороссійской республики“.

Онъ не отрицалъ, что Лыжинъ дѣлалъ собственныя вставки въ протоколахъ свидѣтельскихъ показаній, но не находилъ въ этомъ ничего особеннаго, такъ какъ, по его словамъ, „это бываетъ сплошь и рядомъ“. Въ порядкѣ же вещей кажется ему и отказъ въ возстановленіи сроковъ обжалованія лишь на томъ основаніи, что на распорядительныя засѣданія суда, разсматривающія такого рода просьбы, адвокатъ не допускается, а прокуроръ можетъ развивать свою мотивировку.

Совѣсть Замысловскихъ не смущается такими дѣлами, какъ дѣло о „новороссійской республики“ или иркутское о 14-ти лицахъ, обвинявшихся въ принадлежности къ соціалъ-демократической партіи, при чемъ двое изъ оправдан-

ныхъ нынѣ уцѣлѣли въ 1905 г. лишь потому, что не были разысканы. Не смущается она и казнями гимназистовъ.

Еще, понятно, развязнѣе чувствуютъ себя эти господа тамъ, гдѣ можно приплести „духовно-нравственное“ воздѣйствіе, этотъ якорь спасенія тонущаго авторитета оффиціальныхъ представителей этическихъ началъ. Но якорь слишкомъ тяжелъ, а цѣпь коротка, и утлое суденышко заливаютъ волны протеста: принадлежащій къ фракціи націоналистовъ крестьянинъ Амосенокъ говорилъ противъ церковной школы очень рѣзко; Гулькинъ началъ съ обѣщанія „никого не обидѣть“, но, постепенно воодушевляясь, отрицалъ какія-либо права духовенства на школу: „Спаситель далъ имъ право надъ духами нечистыми, чтобы очищать и исцѣлять народъ отъ всякой грязи. Этого они не дѣлаютъ, потому что они сами во многихъ отношеніяхъ съ нечистой силой. Картежная игра, пьянство, ловеласничество и куреніе — дѣла отъ нечистой силы. А въ большинствѣ случаевъ наши батюшки этого не изгоняютъ, а сами въ этомъ упражняются“...

Но всѣ слова напрасны: предопредѣленное самымъ составомъ октябристской Думы докатится до конца — народъ получитъ ту самую школу, окончивъ которую, ученикъ „не можетъ прочитать отцу повѣстки изъ суда“.

Безнадежность борьбы, безплодность работы—становятся очевидными даже для оптимистовъ, даже у самыхъ дѣятельныхъ, энергичныхъ депутатовъ начинаютъ опускаться руки.

Все мало-мальски цѣнное, что дала третья Дума, вытравляется въ Государственномъ Совѣтѣ, „посчитаться“ съ которымъ обѣщалъ при первомъ избраніи А. И. Гучковъ. Теперь объ этомъ нѣтъ уже и рѣчи. За-то поговариваютъ о довременной, добровольной кончинѣ. Но это, конечно, только такъ, ради приличія...

Для поднятія тонуса общественной жизни подхваченъ пущенный банками въ обращеніе проектъ интернаціональнаго „Великаго индійскаго пути“.

Французскіе капиталисты, пишетъ „Русское Слово“, не выказываютъ желанія пускаться въ рискованныя предпріятія, и попытки привлечь ихъ къ участію въ этомъ дѣлѣ остались безплодны. Англія, какъ наиболѣе заинтересованная сторона, отнеслась внимательнѣе, но кошелька еще не вынимала.

Изъ русскихъ газетъ ярымъ сторонникомъ проектируемой

линіи явилось, конечно, „Новое Время“. Возраженіе „Рѣчи“, что рельсовый путь въ Индію откроетъ персидскій рынокъ для англійскихъ товаровъ, оно парируетъ бездоказательнымъ утвержденіемъ, будто это будутъ „не тѣ товары, которые мы доставляемъ въ Персію“. Разсчеты на „преимущества“, создаваемыя нашей близостью къ этой странѣ, также довольно странны. Точно мы не были „близки“ къ Монголіи, къ Китаю? Но вѣдь это же не помѣшало намъ потерять ихъ, какъ рынки. Да и въ той же самой Персіи къ чему свелась наша роль, хотя мы жительствуемъ съ нею бокъ-о-бокъ съ испоконъ вѣковъ: ситцы да сахаръ, вотъ и все.

Московское совѣщаніе, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, отнеслось „съ рѣзкимъ осужденіемъ какъ къ плану дать выходъ Багдадской дорогѣ въ глубь Персіи, такъ и къ плану соединенія Баку съ Индіей“: „мы сами только нарвемъ розги, которыми насъ будутъ сѣчь“.

Г. А. Крестовниковъ и В. П. Рябушинскій возражали особенно горячо, указывая при этомъ и на возможныя политическія осложненія.

Мало еще, видно, насъ били въ Манчжуріи, что не отпала охота заводить новыя авантюры... Сами сидимъ безъ дорогъ, а выстроили для китайцевъ съ японцами, теперь будемъ строить ужъ и для персіанъ, и для нѣмцевъ съ англичанами?

Не слишкомъ ли это щедро?

Но, по общимъ отзывамъ, отношеніе кабинета къ „Великому Индійскому пути“ „безусловно сочувственное“, и проектъ, вмѣстѣ съ вопросомъ о правительственной гарантіи, будетъ разсматриваться въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій совѣта министровъ.

Не выяснилось еще, какъ отнесется правительство къ другому, еще болѣе грандіозному проекту—„О возстановленіи русской морской силы на внутренней базѣ“, изложенному въ докладѣ предсѣдателя отдѣла техническаго общества. Юмористическому сочетанію словъ въ этомъ названіи соотвѣтствуетъ и самая сущность.

Основныя положенія доклада—возстановленіе „органической связи“ между возрожденіемъ флота и „творческими силами страны“. До тѣхъ поръ, говоритъ докладчикъ, пока она реально не возстановится, народъ будетъ тяготиться

расходами на флотъ. Но привлеките его къ непосредственному участію въ дѣлѣ,—„устройте верфи въ Нижнемъ или Казани“, и онъ „охотно понесетъ на него свои сбереженія“.

Почему только тогда „охотно“, когда верфи будутъ въ Казани или Нижнемъ, а не въ Петербургѣ и Севастополѣ, докладчикъ не объясняетъ. Надо полагать потому, что „морское“ судостроеніе на волжскихъ перекатахъ,—въ родѣ „Телячьяго Брода“, славившагося своей неодолимостью лѣтъ двадцать тому назадъ (въ плесѣ Нижній—Казань),—потребуетъ огромныхъ добавочныхъ работъ по углубленію, шлюзованію рѣкъ и постройкѣ каналовъ. Надъ стоимостью таковыхъ докладчикъ долго не задумывается. Хотя онъ сторонникъ судовъ мелкаго типа, но все же приспособленіе наличныхъ водныхъ путей для вывода такой флотиліи въ Балтійское или Черное море потребуетъ, по подсчету „Русскихъ Вѣдомостей“, совсѣмъ, можно сказать, „пустяковъ“: „какихъ-нибудь 250 милліоновъ“...

Но даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о стоимости, когда, интересно узнать, закончится хотя бы только „приспособленіе“ волжскихъ перекатовъ?

Отдаленность этого срока до нѣкоторой степени предохраняетъ отъ возможности увлечься соблазнительной перспективою убить сразу двухъ зайцевъ: пріобрѣсти военный флотъ и сплошной водный путь отъ Финскаго залива до Азовскаго моря.

Экзотическія фантазіи банковъ представляютъ для русскихъ финансовъ болѣе серьезную угрозу въ виду предстоящей реформы 2-го департамента Государственнаго Совѣта, которая предполагаетъ изъять изъ обсужденія законодательныхъ учрежденій дарованіе желѣзнодорожнымъ обществамъ правительственныхъ гарантій.

Чуть было не состоявшееся вмѣшательство Европы въ дѣло оздоровленія Россіи, выпудило, наконецъ, правительство задуматься надъ нимъ.

Общее руководство, объединеніе мѣръ—давно и настоятельно необходимы, но это достижимо и безъ дорого стоющаго министерства, на которомъ остановились, по принятому издавна шаблону.

Изъ практики послѣднихъ лѣтъ выяснилось, что съѣзды представителей различныхъ отраслей промышленности мо-

гутъ играть значительную роль для выработки всевозможныхъ мѣропріятій, равно какъ и оказывать давленіе не только на рабочихъ, но и на самое законодательство. Изъ временныхъ, выбранныхъ на опредѣленный короткій срокъ, „совѣты съѣздовъ“ превратились въ постоянные, и, напр., на Кавказѣ,—въ Баку, Черномъ Городкѣ, Балаханахъ,—мы видимъ то школы, то больницы—„совѣта съѣздовъ нефтепромышленниковъ“, „совѣта съѣздовъ марганцепромышленниковъ“ и т. д.

Стремленіе земствъ къ съѣздамъ тоже намѣчалось уже давно. Почему бы не воспользоваться этимъ стремленіемъ, не объединить въ вопросахъ народнаго здравія и деревню, и городъ, и отдѣльныя вѣдомства, дѣйствующія теперь за собственный страхъ? Если на международныхъ конференціяхъ можно рѣшать запутанные вопросы внѣшней политики, устанавливать общія для всѣхъ государствъ санитарныя мѣры, то почему не прибѣгнуть къ тому же способу и внутри ихъ.

Министрамъ хорошо предписывать — надо, вотъ, такъ, а не этакъ, но въ приложеніи къ дѣйствительности самыя разумныя предписанія оказываются по большей части не выполнимыми. Вѣдь прежде, чѣмъ лѣчить нашу деревню, нужно ее накормить, обмыть, дать ей сносное жилище. Безъ этой единственно цѣлесообразной реформы не помогутъ даже съѣзды. Они сослужатъ службу въ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, а корень зла останется.

„Отвѣтственность за народное здравіе“, которая, по мнѣнію „Новаго Времени“, будто бы явится лишь съ появленіемъ особаго министра,—конечно, только иллюзія. Точно у насъ не было до сихъ поръ „отвѣтственныхъ вѣдомствъ“, но вѣдь они не помѣшали ни Цусимѣ, ни интендантскимъ, ни прочимъ панамамъ.

Единственное, отъ чего, быть можетъ, гарантируетъ отдѣльное министерство, это — отъ вмѣшательства невѣждъ, въ родѣ одесскаго генерала Толмачева.

То же „Новое Время“ разсказываетъ объ интересномъ фактѣ изъ чумной практики этого самозваннаго бактеріолога. Когда командированные въ Одессу врачи осматривали дезинфекціонную камеру, ихъ вниманье привлекли въ ней

какія-то „странныя манипуляціи“. „Вслѣдствіе неизвѣстныхъ побужденій,—говоритъ газета, — одесскіе дезинфекторы помѣщали формалиновую лампу въ паровую камеру“, но такъ какъ послѣдняя закрывается герметически, то лампа моментально тухла и... „вещи чумныхъ выходили не продезинфецированными“.

„Оздоровленіе“ входитъ въ моду. Такъ, союзъ Михаила Архангела совмѣстно съ правыми Государственной Думы собирается „оздоровлять“ репертуаръ русской сцены вообще и императорскихъ театровъ въ частности.

На дняхъ по этому вопросу въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ компаній состоялся докладъ, въ которомъ указывалось, что всѣ пьесы, идущія за послѣднее время, исключительно направлены къ революціонизированію зрителей, а Пуришкевичъ, по поводу какой-то предположенной къ постановкѣ въ Александринскомъ театрѣ вещи, предлагалъ даже внести запросъ въ Государственную Думу.

Ректоръ черниговской духовной семинаріи, по словамъ „Кіевскаго Утра“, занялся тоже очисткою—ученической библіотеки отъ такихъ авторовъ-революціонеровъ, какъ Щедринъ, Шпильгагенъ, Глѣбъ Успенскій, Златовратскій и пр. Воспитанники подали петицію ректору, въ которой указываютъ, что книги пріобрѣтались на ихъ личныя деньги и, слѣдовательно, должны быть имъ возвращены. Въ Россіи этотъ аргументъ мало убѣдителенъ...

Толстой въ письмахъ.

(Письма Л. Н. Толстого 1848 — 1910 гг.—Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко).

Да, онъ именно таковъ въ своихъ письмахъ, какимъ ожидаешь его найти.

Глубокая, напряженная личная жизнь и полное равнодушіе ко всему „эпическому“, какъ „постороннему“. Постоянное усиліе найти себя, опредѣлить свое окончательное „я“, и отсюда постоянныя перемѣны, „фазы“, при немѣняющемся основномъ ядрѣ, въ сущности чуждомъ какой-либо эволюціи, и лишь снимающемъ съ себя постоянно наросta-

ющія оболочки, „шелуху“ творчества, великаго для насъ и точно досадливаго для самого творца.

„Видно уже моя судьба всегда находится въ какой нибудь фазѣ“,—пишетъ онъ брату Сергѣю еще изъ-подъ Севастополя, въ 1855 г. — „Все это только планы, которые я, быть можетъ, не осуществлю, по причинѣ моего измѣнчиваго настроенія, за которое вы меня справедливо упрекаете, дорогая тетушка“ (къ Ергольской, 1857 г.).

Онъ самъ рано понялъ и опредѣлилъ границы этой измѣнчивости. Той же Ергольской онъ пишетъ еще въ 1852 г. (годъ „Дѣтства“), всего 24-хъ лѣтъ отъ роду: „я очень перемѣнился нравственно и это со мной уже было столько разъ... Чѣмъ болѣе живешь, тѣмъ болѣе мѣняешься; вы человѣкъ опытный, скажите, вѣдь это правда? Я думаю, что недостатки и качества, основы характера остаются тѣ же, но взгляды на жизнь, на счастье должны измѣняться съ годами“.

На сколько велика была амплитуда колебаній въ этой необыкновенной жизни—всего непосредственнѣе дастъ почувствовать сопоставленіе перваго письма сборника (къ брату Сергѣю, 1848 г.) съ послѣднимъ, къ крестьянину М. П. П—ву отъ 24 октября 1910 г. Но эта послѣдняя просьба объ „отдѣльной и теплой хатѣ“ еще слишкомъ всѣмъ намъ памятна, и она останется навсегда связанной съ мыслью о Толстомъ... А вотъ начало перваго письма: „Сережа! я пишу тебѣ это письмо изъ Петербурга, гдѣ я и намѣренъ остаться навѣки... Я рѣшился здѣсь остаться держать экзаменъ и потомъ служить; ежели же не выдержу (все можетъ случиться), то и съ 14 класса начну служить, я много знаю чиновниковъ 2-го разряда, которые не хуже и васъ перворазрядныхъ служатъ. Короче тебѣ скажу, что петербургская жизнь на меня имѣетъ большое и доброе вліяніе“ и т. д.

Левъ Толстой—петербургскій чиновникъ XIV класса, остающійся „навѣки“ въ Петербургѣ, который имѣетъ на него „доброе“ вліяніе“! Можетъ ли быть болѣе странное представленіе? болѣе контрастирующее съ образомъ яснополянскаго старца? болѣе анти-толстовское? Это вѣдь то же, что „сѣвшій на землю“ Сперанскій или Наполеонъ-„непротивленецъ“. Поистинѣ, въ молодости человѣкъ есть terra incognita для самого себя!

И въ томъ же письмѣ онъ еще оговаривается: „Я зналъ, что ты никакъ не повѣришь, чтобы я перемѣнился, скажешь: „это ужъ въ двадцатый разъ и все изъ тебя пути нѣтъ“, „самый пустяшный малый“,—нѣтъ, я теперь совсѣмъ иначе перемѣнился, чѣмъ прежде мѣнялся“ и т. д.

Сколько-сколько воды утекло прежде, чѣмъ эти „перемѣны“ вошли въ свое закопное русло, и „самый пустяшный малый“ обратился въ величайшаго изъ современниковъ!

Удивительно долго смущали Льва Толстого и сбивали съ его дороги ложные призраки чуждыхъ „призваній“. Чрезвычайно интересно удостовѣриться наглядно по его письмамъ, какъ много кажущейся „случайности“ и неожиданнаго „диллетантизма“ въ біографіи кровнаго литературнаго гепія. Пушкинская антитеза Моцарта и Сальери остается вѣчной реальностью жизни! Менѣе всего, начиная свою жизненную дорогу, думалъ Левъ Толстой сдѣлаться великимъ писателемъ. Не только и тѣни литературной профессіональности не было у него никогда, но даже самое обращеніе къ литературѣ и постепенное, очень медленное увлеченіе ею сложились какъ-то точно случайно, непроизвольно, „сами собой“, и среди другихъ, долго казавшихся „главными“ занятій.

Если съ мечтой о XIV классѣ будущій „великій писатель земли русской“ разстался сравнительно скоро, то мечта военнаго призванія преслѣдовала его еще долго. Еще въ годъ Севастополя онъ пишетъ все той же тетушкѣ, что поступаетъ въ военную академію: „я становлюсь тщеславенъ; не то, что тщеславенъ, но мнѣ хочется дѣлать хорошее, а для этого мало быть подпоручикомъ“.

Тутъ же упоминаются впервые, какъ нѣчто самостоятельное, „литературныя занятія“, которыя онъ „не хотѣлъ бы бросать“. Это было въ моментъ созданія „севастопольскихъ разсказовъ“, которыми сразу стала зачитываться вся Россія.

Если въ 50-хъ годахъ онъ сперва военный, и только потомъ писатель, то въ 60-хъ на первомъ планѣ — сельское хозяйство. Онъ отвѣчаетъ Фету (1863 г.): „я живу въ мірѣ столь далекомъ отъ литературы и критики, что, получая такое письмо, какъ ваше, первое чувство мое — удивленіе. Да кто-же такой написалъ „Казаковъ“ и „Поликушку“? Да

и что разсуждать о нихъ? Бумага все терпитъ, а редакторъ за все платитъ и печатаетъ. Но это только первое впечатлѣніе, а потомъ вникнешь въ смыслъ рѣчей, покопаешься въ головѣ и найдешь тамъ гдѣ-нибудь въ углу, между старымъ, забытымъ хламомъ, найдешь что-то такое неопредѣленное, подъ названіемъ художественное. И, сличая съ тѣмъ, что вы говорите, согласишься, что вы правы, и даже удовольствіе найдешь покопаться въ этомъ старомъ хламѣ и въ этомъ когда-то любимомъ запахѣ. И даже писать захочется".

Вотъ оно—„настоящее" искусство, „нужное", „идущее отъ Бога" искусство, которое послѣ онъ будетъ стараться „опредѣлить" въ большихъ книгахъ и „научить людей" тому, чему его самого никто не училъ...

Самъ онъ былъ и оставался въ этомъ искуствѣ „Моцартомъ" — такимъ, какъ въ первомъ бѣгломъ упоминаніи о своей литературѣ (письмо къ Ергольской 1851 г.): „помните, добрая тетенька, совѣтъ, который вы мнѣ разъ дали—писать романы? Такъ вотъ, я слѣдую вашему совѣту, и занятія, о которыхъ я вамъ писалъ, состоятъ въ литературѣ". Сквозь всѣ соблазны и уклоненія дороги, внутренняя „пружина" (письмо къ Фету, 1866 г.) вела его куда слѣдуетъ, и совѣтъ „доброй тетеньки" оказался рѣшеніемъ жизни. Но какъ понятны дѣлаются теперь его позднѣйшіе „переходы" къ философіи, критикѣ, морали, новой религіозной проповѣди: онъ никогда и не бралъ себя только, какъ „литератора по призванію". Въ наши дни усиленной „профессіональности" и тщательнаго разграниченья по „спеціальностямъ", соотвѣтственно дипломамъ и „призваніямъ" того или другого Сальери,—эта характерная черта біографіи послѣдняго нашего Моцарта говоритъ особенно много...

Но все-таки онъ правъ: „основы характера остаются тѣже" на протяженіи всей жизненной дороги, несмотря на бѣгучесть внѣшнихъ формъ творчества. Въ противоположность послѣднимъ, эти основы обозначились у Льва Толстого необычайно рано. Всегда онъ тотъ-же: тяготѣющій къ семейной жизни, къ тихому домашнему уюту—будущему уюту Ясной Поляны. Броженій молодости, ея неопредѣленныхъ порывовъ и мечтаній „объ Америкѣ" у него почти не было. Уже на Кавказѣ, въ длинныхъ, необыкновенно горячихъ

письмахъ, все къ той-же „доброй тетенькѣ“ Ергольской (замѣнявшей ему мать), онъ только и мечтаетъ о милой, родной, съ дѣтства „своей“ Ясной Полянѣ, какъ другіе въ эти годы мечтаютъ объ Антильскихъ островахъ. Вотъ какъ онъ „представляетъ себѣ“ счастье, „которое меня ожидаетъ“— счастье Константина Левина:

„Послѣ нѣкотораго количества лѣтъ, не молодой, не старый, я въ Ясной Полянѣ, дѣла мои въ порядкѣ, у меня нѣтъ ни безпокойства, ни непріятностей. Вы также живете въ Ясной. Вы немного постарѣли, но еще свѣжи и здоровы. Мы ведемъ жизнь, которую вели раньше,—я работаю по утрамъ, но мы видимся почти цѣлый день. Мы обѣдаемъ. Вечеромъ я вамъ читаю что-нибудь интересное для васъ. Потомъ мы бесѣдуемъ, я разсказываю вамъ про кавказскую жизнь, вы мнѣ разсказываете ваши воспоминанія о моемъ отцѣ, матери; вы мнѣ разсказываете „страшныя“, которыя мы прежде слушали съ испуганными глазами и разинутыми ртами. Мы вспоминаемъ людей, которые намъ были дороги, и которыхъ больше нѣтъ. Вы станете плакать и я тоже, но эти слезы будутъ успокоительны; мы будемъ говорить о братьяхъ, которые будутъ къ намъ пріѣзжать время отъ времени. О дорогой Машѣ, которая также будетъ проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ Ясной, которую она такъ любитъ, со всѣми своими дѣтьми. У насъ не будетъ знакомыхъ, никто не придетъ намъ надоѣдать и сплетничать. Это чудный сонъ. Но это еще не все, о чемъ я себѣ позволяю мечтать. Я женатъ, моя жена тихая, добрая, любящая; васъ она любитъ такъ же, какъ и я; у насъ дѣти, которыя васъ зовутъ бабушкой; вы живете въ большемъ домѣ наверху, въ той же комнатѣ, которую прежде занимала бабушка. Весь домъ содержится въ томъ же порядкѣ, какой былъ при отцѣ, и мы начинаемъ ту же жизнь, только перемѣнившись ролями. Вы замѣняете бабушку, но вы еще лучше ея, я замѣняю отца, хотя я не надѣюсь никогда заслужить эту честь. Жена моя замѣняетъ мать, дѣти—насъ. Маша беретъ на себя роль двухъ тетокъ, исключая ихъ горе; даже Гаша замѣняетъ Прасковью Ильиничну...“ (1852 г.).

Эта одна страница больше говоритъ о Львѣ Толстомъ, чѣмъ многія книги. Вотъ сущность его натуры, сердцевина его личности; вотъ откуда развился весь „пафосъ“ его твор-

чества—вдохновеніе „интимности“, создавшее лучшія страницы „Войны и Мира“, и величайшій изъ романовъ—„Анну Каренину“ (настоящее названіе которому „Константинъ Левинъ“) Онъ продолжаетъ:

„Если-бы меня сдѣлали русскимъ императоромъ, если-бы мнѣ дали Пэру, однимъ словомъ, если-бы волшебница пришла ко мнѣ съ своей палочкой и спросила меня, чего я желаю,—я, положа руку на сердце, отвѣтилъ-бы, что желаю, чтобы эти мечты могли стать дѣйствительностью“.

Онѣ стали дѣйствительностью двѣнадцать лѣтъ спустя,—и тогда пышно расцвѣло и наполнило собою весь міръ его великое творчество.

Онъ плачетъ каждый разъ, когда касается этой мечты, и самъ съ полу-досадой улыбается тогда надъ собой: „я всегда былъ Лёва-рёва“. Даже „на батареѣ около Севастополя“ (письмо № 23), среди ужасовъ войны, онъ не забываетъ все того же: „Одно безпокоитъ меня: я четвертый годъ живу безъ женскаго общества; я могу совсѣмъ загрубѣть и не быть способнымъ къ семейной жизни, которую я такъ люблю“. И за границей онъ все тотъ же: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше; особенно уже въ мои годы, такъ и тянетъ домой къ Вамъ подъ крылышко“. Это письмо (къ той же „тетенькѣ“) изъ Люцерна въ 1857 г., когда ему не было еще и 30 лѣтъ. Но для „основы“ его натуры, какъ это бываетъ всегда, не существовало времени.

Теперь цѣнишь еще выше его послѣдній порывъ, его борьбу послѣднихъ лѣтъ... Поистинѣ никогда, можетъ быть, человѣкъ не дѣлалъ надъ собой такого гигантскаго усилія—не старался такъ „переломить себя“! Константинъ Левинъ, бѣгущій отъ левинскаго, яснополянскаго счастья, въ глухую, темную ночь на открытой площадкѣ поѣзда... Сколько бы ни прожило человѣчество, оно не забудетъ этого образа, вызывающаго содроганіе! Какъ досадны всѣ теперешнія попытки объяснить послѣднюю трагедію великаго писателя (и еще болѣе великаго человѣка) семейными недоразумѣніями и раздорами! Но вѣдь сами эти недоразумѣнія выросли на почвѣ того же „перемоганія себя“, и не будь этой борьбы самоотрицанія въ великой душѣ—левинское, яснополянское счастье цвѣло бы мирно и тихо до „полноты дней“. Какъ не видѣть, что все второ-

степенно, все мелко, сравнительно съ этимъ основнымъ „раздоромъ", этимъ самовозстаніемъ гепія, усиливавшагося пересилить самаго себя!

Самыя интересныя письма Толстого—письма его молодости, именно потому, что они рисуютъ намъ, даютъ ощутительно понять „основы" его души. А это есть, конечно, „главное"—тотъ „ключъ" къ человѣку, который разгадываетъ для насъ его, какъ индивидуальную загадку. Весь кругъ личности Толстого становится ясенъ, когда найдена центральная точка. Становятся ясны и основанія его моральной проповѣди, вполнѣ отвѣчающія „основамъ" творца, — такія же лично-интимныя, берущія человѣка, какъ изолированное лицо, замѣняющія всѣ реально-историческія связи однимъ „интимнымъ" завѣтомъ „любви къ ближнему". „Левинство", раздвинутое на весь міръ—но *только* левинство въ своихъ глубинахъ и границахъ.

Вторая половина сборника -письма послѣднихъ десятилѣтій—самая обильная, но и самая общеизвѣстная. Это то же, что мы уже читали столько разъ. И когда, читая теперь, удивляешься снова внезапной сухости и мучительной напряженности тона, такого жизненнаго, такого горячаго въ письмахъ первой половины,—вспоминаешь, что это пишетъ Левинъ, борющійся съ самимъ собою. Еще въ 1880 году у него однажды вырвалось: „Теперь лѣто и прелестное лѣто, и я, какъ обыкновенно, ошалѣваю отъ жизни и забываю свою работу. *Нынѣшній годъ долго я боролся, но красота міра побѣдила меня.* И я радуюсь жизни и больше почти ничего не дѣлаю."

Онъ кончилъ тѣмъ, что побѣдилъ въ себѣ и для себя „красоту міра", но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—ушелъ отъ жизни... Что узналъ онъ о ней въ тѣхъ предѣлахъ, къ которымъ такъ стремился и въ которыхъ хотѣлъ найти объясненіе и послѣднее, завершающее звено всѣхъ своихъ „перемѣнъ"?

Петръ Толгскій

Любопытная встрѣча и любопытный разговоръ.

— Иванъ Ивановичъ!..

— Петръ Петровичъ!..

Мы стояли съ распростертыми по направленію другъ къ другу руками и, не смущаясь нарядной толпой Невскаго, громко расцѣловались.

— Откуда?

— Изъ своей области, а вы?

— Изъ Барнаула... А въ данную минуту куда?

— Хочу позавтракать и ищу компаніона... Очень радъ васъ видѣть...

У Альберта мы заняли угловой столикъ, заказали завтракъ и повели мирную бесѣду.

— Частенько же вы оставляете свое воеводство, Иванъ Иванычъ! Кажется, и года не пробыли послѣ своего перваго возвращенія?

Иванъ Ивановичъ засмѣялся тѣмъ нутренымъ смѣхомъ, который поразительно походилъ на токованіе тетерева.

— Безъ малаго годъ просидѣлъ у себя, да и то нахожу испытаніемъ,—проговорилъ онъ.

— Ну, а какъ же управленіе областью?

— Видите-ли, я держусь взгляда, что гораздо правильнѣе управлять такой областью, какъ моя, отсюда, изъ центра... Признаться вамъ, я и соотвѣтствующій проектецъ готовлю...

— Это весьма любопытно...

— Нѣтъ, не шутя, необходимо отказаться отъ узкаго взгляда, что губернаторы окраинныхъ областей должны жить въ центрѣ своихъ сатрапій. Это коренная ошибка. Представте себѣ мой край. Ну, какого чорта я буду въ немъ торчать безвыѣздно, что мнѣ дастъ это отсиживаніе? Изучать мѣстныя нужды и соотвѣтственнымъ образомъ удовлетворять ихъ?! Для этого вполнѣ достаточно періодическихъ наѣздовъ. Пріѣдешь на 3—5 мѣсяцевъ, чтобы собрать необходимыя данныя, и съ Богомъ въ центръ. Для дѣла это въ тысячу разъ полезнѣе. Если бы всѣ ходатайства и вообще вопросы, касающіеся области, я посылалъ почтой, то годами-бы дожидался на нихъ отвѣта: пока оттуда въ Петербургъ дойдетъ, пока здѣсь разсмотрятъ и обсудятъ, да на обратное путешествіе бумаги нуженъ двухмѣсячный срокъ—смотришь, годъ-два пройдетъ; и если до-

полнительныя свѣдѣнія понадобятся, либо пустыя справки потребуется, то и всѣ 3—4 года. А живя здѣсь, я могу, сочинивъ проектецъ, быстро провести его черезъ всѣ департаментскія щели.

Раньше было одно серьезное препятствіе—это затруднительность полученія дополнительныхъ свѣдѣній и справокъ, а теперь, когда я добился телеграфа, и оно устранено. Чуть-что—сейчасъ по проволокѣ, и въ недѣлю я имѣю все необходимое, знаю, что творится у меня въ области.

— Ну, а какъ же здѣшнее начальство смотритъ на ваши постоянныя отлучки изъ области?—спросилъ я.

— Очень просто: по служебной надобности... Лишь только пріѣзжаю къ себѣ, сейчасъ сочиняю какой-нибудь съ ногъ сшибательный проектъ, въ родѣ великаго сибирскаго пути черезъ Беринговъ проливъ или о колонизаціонной емкости области, и заявляю, что „къ сожалѣнію, на бумагѣ нельзя обрисовать всю важность возбуждаемаго мною вопроса, не только важнаго для края, но и для всей Россіи, а потому“...—понимаете?

— Откровенно признаюсь, не понимаю, какъ можно управлять губерніей на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ!—отвѣтилъ я.

— Да очень просто. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о переселеніи въ мою область. Для того, чтобы рѣшить его въ положительномъ смыслѣ...

— Скажите лучше, желательномъ для здѣшняго начальства,—перебилъ я.

— Ну, хорошо—въ желательномъ смыслѣ, необходимо вычислить площадь свободныхъ земель, а для этого существуютъ цифры плотности населенія. Сейчасъ эта плотность въ моемъ краѣ ничтожная, а потому и можно ее удвоить, а если нужно, то и удесятерить.

— Но вѣдь удобныхъ-то для колонизаціи земель не такъ много и всѣ онѣ сплошь заняты туземнымъ населеніемъ.

— Мой проектъ все предусматриваетъ, онъ составленъ такъ, чтобы и капиталъ былъ пріобрѣтенъ, и не-

винность соблюдена, конечно, въ отношеніи меня... Да-съ... Спросите, милѣйшій, какъ это я сдѣлаю? Очень просто. „Туземное населеніе исконно тяготѣетъ къ разнаго рода предпріятіямъ торговаго характера, къ ремесламъ изъ предметовъ охоты и скотоводства, а потому стремится къ сѣверу на окраины области. Стремленіе это заслуживаетъ полнаго вниманія и широкаго содѣйствія правительства, ибо, съ одной стороны, освобождаются земли, вполнѣ пригодныя къ заселенію ихъ русскимъ пришлымъ элементомъ, а съ другой—приходя въ соприкосновеніе съ полудикими племенами кочующихъ на сѣверѣ области инородцевъ, коренное населеніе повыситъ жизнеспособность этихъ племенъ и тѣмъ самымъ выполнитъ крупную колонизаціонную работу въ обширной и занимающей почти $^{3}/_{4}$ Европы по пространству, но чрезвычайно малонаселенной области“... Какъ вы находите?

Иванъ Иванычъ залпомъ выпилъ стаканъ вина и, сощуривъ глаза, хитро смотрѣлъ на меня.

— Хитроумно, но неужели этотъ проектъ пройдетъ? Вѣдь, между нами говоря, туземному населенію крахъ при такомъ разселеніи...

— Что пройдетъ—за это ручаюсь, почва уже подготовлена, такъ какъ теперь самое модное желаніе въ министерствѣ—переселеніе и колонизація. Если бы я сочинилъ проектъ выселенія туземцевъ на сѣверный полюсъ, то и онъ бы прошелъ. Гдѣ это—въ Италіи или въ Испаніи, исторіи-то я вѣдь не училъ,—народъ все кричалъ: „хлѣба и зрѣлищъ“! Ну, а у насъ сейчасъ каждый департаментъ вопитъ: „земли, земли, земли“!!! Кто хочетъ карьеру сдѣлать, добывай этой самой земли. Ну, а судьба разселяемыхъ туземцевъ ни меня, ни министерства не интересуетъ, ибо противъ природы не попрешь: инородцы должны всѣ выродиться, одни раньше, другіе позже. Такъ не лучше ли ускорить это вырожденіе и дать мѣсто другому, болѣе сильной и болѣе культурной народности.

— Ну, а общество, печать? Вѣдь съ ними вамъ придется считаться!—схватился я за послѣдній аргументъ contra.

— Хо-хо-хо... Наивный же вы, милѣйшій! Что знаетъ общество про край вѣчной мерзлоты, до котораго въ три года не доскачешь? Оно знаетъ только то, что мы, администраторы, да наши друзья изъ вольныхъ людей повѣдаютъ про него...

Съ печатью же у насъ просто: не желаешь писать по нашей указкѣ -хлопъ-съ и готово!

— За вашъ администраторскій талантъ, за изобрѣтательный умъ, Иванъ Иванычъ!

Мы выпили, расплатились и вышли на Невскій.

— —

Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.

15 марта, при разсмотрѣніи смѣты лѣснаго департамента, произнесъ рѣчь **Ѳ. Н. Чиликинъ.**

Господа. Я не надолго задержу ваше вниманіе, во всякомъ случаѣ, не болѣе, чѣмъ на десять минутъ. Г. Главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ при обсужденіи настоящей смѣты въ бюджетной коммиссіи назвалъ отношеніе бюджетной коммиссіи и Государственной Думы благожелательнымъ къ лѣсному дѣлу. Эта благожелательность народнаго представительства, между прочимъ, выражается въ томъ, что оно щедрой рукой ассигнуетъ деньги на лѣсоустроиство и на организацію правильнаго хозяйства въ казенныхъ дачахъ, а также на изслѣдованіе, предварительное приведеніе въ извѣстность цѣлыхъ сотень милліоновъ лѣсныхъ пространствъ. Какъ вамъ извѣстно, уже составленъ планъ устройства лѣсовъ въ Россіи Европейской и Азіатской. Между прочимъ, въ Сибири и Приамурьѣ предполагается произвести правильное устройство на площади 13.000.000 дес., а изслѣдованіе—на площади 412.000.000 дес. Вотъ, относительно постановки лѣсоустроительныхъ работъ въ Сибири и Приамурьѣ я и хотѣлъ бы высказать нѣкоторыя соображенія предъ гг. членами Государственной Думы.

Въ представленіи, такъ сказать, обывательскомъ Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Приамурье рисуются изобилующими такимъ количествомъ лѣсовъ, что, казалось бы, и тамъ вопроса о недостачѣ гдѣ-нибудь лѣсныхъ матеріаловъ быть не можетъ. А между тѣмъ, еще 15 лѣтъ тому назадъ статсъ-секретарь Куломзинъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о путешествіи по Сибири уже констатируетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ лѣсопотребленіе дошло до того, что населеніе вынуждено было переходить отъ деревянной постройки къ земляной. То же самое подтверждалъ и министръ земледѣлія Ермоловъ въ 1897 г, возвратившись изъ Сибири. Въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ Тобольской и Томской губ. малолѣсье достигло уже до такихъ предѣловъ, что бук-

вально чувствуется недостатокъ не только въ подѣлочномъ матеріалѣ, но даже въ топливѣ. Между прочимъ, у насъ въ Приамурьѣ и Уссурійскомъ краѣ есть цѣлыя волости, которыя вслѣдствіе исчезновенія лѣсовъ вынуждены также довольствоваться суррогатомъ древеснаго топлива и переходятъ на отопленіе соломой, кизякомъ и даже торфомъ. Сплошь и рядомъ, чтобы получить оглоблю, ѣдутъ въ деревню или въ городъ на базаръ, или въ дачу за 60 или 80 вер. Этотъ процессъ обезлѣсенія, который наблюдается въ Сибири и Приамурьѣ, въ заселенныхъ районахъ, между прочимъ, дополняется картиной разоренія лѣсныхъ таежныхъ богатствъ—грандіозными пожарами. Теперь изслѣдованіемъ уже установлено, что тайга, такъ сказать, вырождается, что цѣнныя хвойныя лѣсныя насажденія, встрѣчаемыя раньше, смѣняются или малоцѣнными лиственными, каковы береза, осина и т. д., или просто заболотившимися прогалинами. Мнѣ лично пришлось наблюдать, какъ вслѣдствіе пожаровъ или, такъ называемыхъ, паловъ лѣса Приамурья обезцѣниваются. Во всякомъ случаѣ, представленіе о лѣсныхъ богатствахъ Приамурскаго края далеко отъ дѣйствительности. И вотъ, при такихъ то условіяхъ лѣсное вѣдомство приступаетъ къ осуществленію своего плана, разсчитаннаго на 20-лѣтній срокъ, къ изслѣдованію лѣсныхъ пространствъ въ Сибири: съ одной стороны, вырождающаяся, обезцѣнивающаяся тайга; съ другой стороны, констатированное малолѣсье нѣкоторыхъ районовъ и выяснившееся тамъ экономическое значеніе казенныхъ дачъ. Третье условіе это—констатируемый вѣдомствомъ въ настоящее время недостатокъ таксаторовъ, лѣсныхъ съемщиковъ. Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ казалось бы, энергію лѣсоустройства нужно направить, прежде всего, на наиболѣе важное: въ первую очередь пустить тѣ дачи, тѣ лѣса, экономическое значеніе которыхъ уже опредѣлилось, а затѣмъ уже приступать къ изслѣдованію болѣе или менѣе отдаленныхъ районовъ, въ которыхъ, повторяю, гуляютъ пожары, что тамъ картина постоянно мѣняется. По выраженію изслѣдователя Сибири, Миддендорфа мѣняется „бытъ природы“ вслѣдствіе огня. Между тѣмъ, когда мы обращаемся къ смѣтѣ, то видимъ, что на изслѣдованіе въ этомъ году Якутской области предполагается послать вновь восемь чиновъ, а въ Амурскую и Приморскую всего двухъ, на Камчатку—семь. Однако, значеніе Якутской области и ея лѣсовъ характеризуется въ оффиціальномъ „Ежегодникѣ“ министерства земледѣлія такъ: „Якутская область находится въ такихъ естественныхъ условіяхъ, что на экспортъ лѣса нѣтъ основанія надѣяться въ близкомъ будущемъ“. Когда настанетъ далекое будущее, то можно съ увѣренностью сказать, что тамъ картина лѣсовъ на столько измѣнится, что изслѣдованіе потеряетъ всякое свое значеніе, и придется уже такъ сказать, дѣлать не только ревизію, а начинать изслѣдованіе сызнова. Въ то же время въ областяхъ Амурской и Приморской значеніе лѣсовъ характеризуется въ той же статьѣ такимъ образомъ: При-

амурскій край находится въ благопріятныхъ условіяхъ для отпуска лѣса, не только для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей лѣсныхъ, но и для экспорта на заграничный рынокъ. И вотъ, такое предпочтеніе Якутской области передъ Приамурьемъ мнѣ кажется весьма нецѣлесообразнымъ. Разъ не хватаетъ техниковъ, то нужно не разсѣивать эти силы, а сконцентрировать ихъ на наиболѣе важномъ. Вотъ первый мой выводъ.

Второй выводъ будетъ касаться слѣдующаго положенія. Въ настоящее время мы видимъ, что народное представительство очень щедро ассигнуетъ деньги вообще на изслѣдованіе нашихъ далекихъ окраинъ. Въ настоящее время въ Приамурье отправляется цѣлый рядъ экспедицій: экспедиціи переселенческаго управленія, затѣмъ мѣстныя экспедиціи, такъ сказать, домашнія экспедиціи переселенческаго управленія, геологическія экспедиціи и спеціальныя экспедиціи въ районахъ желѣзной дороги, работавшія въ прошломъ году. Затѣмъ, отправляются новыя экспедиціи лѣсныя,—и вотъ получается пестрота и необединенность дѣла. Мнѣ кажется, что въ интересахъ наиболѣе всесторонняго изслѣдованія окраинъ, и даже экономіи и большого успѣха, всѣ эти экспедиціи необходимо объединить, необходимо привести въ извѣстную систему. Напр., нельзя отрывать отъ колонизаціонныхъ работъ изслѣдованіе лѣса. Я, напр., убѣжденъ, что изслѣдованіе Восточной Сибири и Приамурья должно быть объединено съ партіями и экспедиціями, работающими надъ изслѣдованіями этихъ окраинъ въ колонизаціонныхъ цѣляхъ. Внѣ колонизаціонныхъ задачъ нельзя разсматривать интересы лѣсного дѣла. И вотъ, это-то объединеніе, тѣсное объединеніе лѣсныхъ изслѣдованій съ колонизаціонными работами я и желалъ бы видѣть въ интересахъ успѣховъ самаго дѣла. Затѣмъ я заканчиваю утвержденіемъ, что всякая забота и большее проявленіе ихъ по отношенію къ лѣсному хозяйству въ Сибири всегда окупится. Сибирь и Приамурье, несомнѣнно, отвѣтятъ на такія затраты большимъ повышеніемъ доходности лѣсовъ (*Голоса*: браво).

---

16 марта, при обсужденіи проекта Государственной росписи расходовъ на 1910 г. по смѣтѣ переселенческаго управленія, произнесъ рѣчь **А. А. Войлошниковъ.**

Гг. члены Государственной Думы. По порученію соціалъ демократической фракціи, я второй разъ вышелъ высказать отрицательное отношеніе фракціи къ смѣтѣ Главнаго переселенческаго управленія, и вотъ по какимъ мотивамъ. Въ прошломъ году мнѣ приходилось останавливать ваше вниманіе на характерѣ работъ того откачивающаго аппарата, который называется главнымъ переселенческимъ управленіемъ. Правительству потребовалось, въ интересахъ 130.000 помѣщиковъ, откачать въ Сибирь на окраины наиболѣе безпокойный элементъ, наименѣе состоятельные слои русской деревни. Аппаратъ былъ приведенъ въ дѣйствіе, и въ теченіе трехъ лѣтъ—1906, 1907 и 1908 гг. за Уралъ было пере-

брошено 1.552.439 душъ обоего пола, наполовину нищихъ, завлеченныхъ правительственной рекламой въ невѣдомые края, обреченныхъ на произволъ судьбы. Изъ нихъ устроилось—какъ пишетъ переселенческое управленіе—564.041 чел., вернулось обратно 284.984 души обоего пола. Такимъ образомъ, извѣстно по свѣдѣніямъ переселенческаго управленія о 849.025 чел. Куда же дѣвались остальные? Гдѣ же тѣ 703.414 чел.? Гг., правительство отлично знаетъ объ ихъ горькой участи, но оно объ нихъ не скажетъ; часть изъ нихъ приписалась къ старожильческимъ деревнямъ, часть пополнила ряды сибирскаго пролетаріата и ходитъ съ протянутой рукой. По громадной части правительство устроило дорогіе похороны, и вотъ почему правительство умалчиваетъ объ нихъ.

Предсѣдательствующій. Прошу васъ не употреблять подобныхъ выраженій.

А. А. Войлошниковъ. Такъ обстояло дѣло въ 1906, 1907 и 1908 гг. Не лучше оно обстоитъ и теперь, и все сказанное мною въ прошломъ году остается непреложной истиной и въ настоящее время. Въ объяснительной запискѣ переселенческое управленіе утѣшаетъ насъ мыслью, что обратно изъ-за Урала вернулось не такъ ужъ много: только 132.000 чел. за 11 мѣсяцевъ. Но можетъ ли сказать переселенческое управленіе, сколько переселенцевъ скитается по Сибири, побросало свои участки и съ горечью вспоминаетъ тѣ зазывающія рекламы, которыя обѣщали имъ въ Сибири молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ? Нѣтъ, не можетъ, потому что фактически устроившихся переселенцевъ почти что нѣтъ (*Голосъ справа*: невѣрно). Есть только на бумагѣ, а если это невѣрно, то я вамъ сейчасъ докажу.

Предсѣдательствующій. Покорнѣйше прошу не переговариваться.

А. А. Войлошниковъ. Кромѣ того, изъ офиціальныхъ же документовъ я покажу вамъ, какъ нарѣзываются переселенческіе участки, какъ они осматриваются ходоками, и какіе оказываются по качеству и проч. Вотъ что пишетъ чиновникъ—вы увидите, на сколько это невѣрно (*Читаетъ*): „Объѣзжая участки Туринско-Табаринскаго подрайона, я получилъ подтвержденіе безсистемности и неправильности веденія всего переселенческаго дѣла въ районѣ“ Вотъ вамъ невѣрно! (*Читаетъ*): „Такое положеніе вещей обязываетъ меня довести до вашего свѣдѣнія, что продолжать веденіе переселенческаго дѣла въ уѣздѣ на прежнихъ началахъ не представляется возможнымъ и требуется неотлагательное исправленіе всѣхъ фундаментальныхъ ошибокъ во избѣжаніе непоправимыхъ тяжелыхъ послѣдствій и тяжелой нравственной отвѣтственности“ (*Голосъ справа*: это частности). Я слышу голосъ справа, что это частности. Хорошія частности.

Предсѣдательствующій. Покорнѣйше прошу безъ переговоровъ.

А. А. Войлошниковъ. Такъ характеризуетъ переселенческую по-

литику лицо, близко стоящее къ этому дѣлу (*Голоса справа*: кто?). Ниже вы узнаете (*Читаетъ*): „Большинство участковъ нарѣзано въ урманныхъ мѣстахъ, безъ воды, безъ покосовъ, безъ выгона, и въ отношеніи землепользованія должны быть отнесены къ разряду земель, подлежащихъ свободному заселенію. Работы по образованію участковъ, какъ приходится убѣждаться, заключаются лишь въ обмежеваніи общей площади участка и въ нанесеніи лишь только на межевые планы усадебныхъ мѣстъ въ видѣ фантастическихъ кварталовъ и улицъ; изъ числа нарѣзанныхъ участковъ очень многіе были признаны негодными для заселенія, и, тѣмъ не менѣе, какъ занесенные въ свободный земельный фондъ, заселялись". Такъ, гг., характеризуетъ переселенческую политику чиновникъ особыхъ порученій переселенческаго управленія, завѣдывающій водвореніемъ переселенцевъ въ Туринскомъ у., Тобольской губ., отъ 3 іюля 1909 г. (**Марковъ 2**, *съ мѣста*: плохой чиновникъ).

Предсѣдательствующій. Прошу не дѣлать замѣчаній съ мѣстъ.

А. А. Войлошниковъ. Вы видите, гг., какіе участки нарѣзаются и какъ на нихъ сажаются переселенцы. А между тѣмъ правительство отъ насъ требуетъ на это дѣло по § 13 смѣты главнаго переселенческаго управленія 1.923.470 р. Гг., требуютъ такія деньги на фантистическіе кварталы и улицы. Можете ли вы быть увѣрены, что онѣ израсходуются правильно? Я убѣжденъ, что большинство Государственной Думы эти деньги съ легкимъ сердцемъ отпуститъ. Но, гг., отпуская ихъ, вы должны сказать странѣ, что мы эти деньги отпускаемъ для раззоренія крестьянъ-переселенцевъ, въ особенности самовольныхъ, ибо для самовольныхъ переселенцевъ, по высочайше утвержденному правилу комитета Сибирской желѣзной дороги отъ 27 апрѣля 1896 г., земли заготовлены безъ воды, безъ выгоновъ и безъ усадебныхъ мѣстъ. И что же получается? Изъ этой же бумаги мы видимъ слѣдующее (*читаетъ*): „Проживъ года два на такихъ участкахъ, выбрали ссуду въ максимальномъ размѣрѣ и, проѣвъ ее, бросили участки и либо возвращались въ Россію, либо начинали бродить съ участка на участокъ съ просьбой о причисленіи, или, наконецъ, отправлялись искать землю въ другихъ уѣздахъ. Создалось безпорядочное движеніе населенія, ищущаго земли и нуждающагося въ пропитаніи. Зло усугубляется тѣмъ, что ходоки и прежде, и въ особенности теперь, при введеніи группового ходачества, не доходятъ до участка и зачисляютъ землю, не глядя, потому что путешествіе пѣшкомъ, отъ Тюмени до Табаровъ 250 вер., имъ совершенно не подъ силу и раззорительно. Зачисливъ заочно доли, ходоки возвращаются домой за семьями; распродавъ все имущество, израсходовавъ всѣ вырученныя деньги на проѣздъ и пропитаніе, они черезъ два-три мѣсяца являются для водворенія; являющимся для водворенія сообщался въ канцеляріи дальнѣйшій маршрутъ до участка и, предоставленные самимъ себѣ, они отпра-

лялись искать въ урманѣ безъ дорогъ межевые знаки, обозначающіе ихъ участокъ".

Гдѣ же, гг., дороги, гдѣ тѣ проводники, на которыхъ въ прошломъ году по смѣстѣ переселенческаго управленія отпущены были колоссальныя деньги въ 2.325.375 р.? (*Читаетъ*): „Ранѣе пришедшіе захватывали лучшія мѣста, вслѣдствіе чего создалась полная неурядица въ пользованіи долями, въ отводѣ усадебныхъ мѣстъ вновь прибывающимъ; создалась благопріятная почва для безчисленныхъ споровъ между собою переселенцевъ одного участка и между сосѣдями". Изъ сказаннаго вы видите, гг., съ какою цѣлесообразностью и продуктивностью расходовались всѣ эти деньги, которыя были отпущены въ 1909 г. Нѣтъ никакого основанія даже думать, что и въ нынѣшнемъ 1910 г. деньги будутъ расходоваться цѣлесообразно; можно съ положительностью сказать, что и въ 1910 г. переселенцы точно такъ же будутъ разыскивать безъ дороги и безъ проводниковъ свои участки, точно такъ же будутъ предоставлены самимъ себѣ, безъ проводниковъ; а, между тѣмъ, на проводниковъ въ прошломъ году были отпущены деньги. И проводники оказались точно такъ же на бумагѣ и на словахъ переселенческаго управленія. Можетъ ли переселенческое управленіе сказать положительно точно такъ же и то, въ какой мѣрѣ упрочивается хозяйственное домообзаводство переселенцевъ,—до сихъ поръ мы на этотъ счетъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Правда, намъ говорятъ, что размѣръ ссуды на хозяйственное устройство въ 1908 — 1909 гг. значительно повысился, до 80 р. противъ 60 р., по сравненію съ 1906 г., до Байкала и отъ 150 р. до 200 р. за Байкаломъ. Но это повышеніе, гг., прежде всего ничтожное, а затѣмъ оно само по себѣ ничего еще не говоритъ объ обезпеченіи новоселовъ. Вотъ что говоритъ о ссудахъ этотъ же завѣдывающій (*читаетъ*): „Ссудное дѣло совершенно утратило свой характеръ домообзаводственнаго значенія: размѣръ ссудъ самъ по себѣ слишкомъ малъ для оказанія существенной домообзаводственной помощи. Установившійся порядокъ выдачи ссудъ обратилъ это дѣло въ чистѣйшую филантропію: обзавестись и прокормиться годъ — два на 150 р. ссуднымъ денегъ невозможно. Давать ссудныя деньги, предназначенныя на домообзаводство, завѣдомо на не домообзаводство, безвозвратно, представляется нелѣпостью, — это говоритъ тотъ же самый завѣдывающій,—и недопустимо по смыслу закона и всѣхъ относящихся до этого дѣла инструкцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ на дѣлѣ это такъ. Таковъ взглядъ какъ выдававшихъ ссуды, такъ и пользующихся ими. Лицамъ, ничѣмъ, являющимся для водворенія съ единственною цѣлью получить открытый листъ, какъ право на „способіе", я въ ссудѣ буду отказывать и полагаю вполнѣ цѣлесообразнымъ отказывать и въ водореніи". Не нужно, гг., къ этому никакихъ коментарій, чтобы сказать: деньги, отпущенныя по § 12 смѣты главнаго переселенческаго управленія въ размѣрѣ 10.723.500 р., будутъ точно такъ же выброшены на вѣтеръ, и бѣдные пересе-

ленцы какъ были нищими, точно такъ же и останутся нищими. Страшно подумать о тѣхъ несчастныхъ переселенцахъ, которымъ откажутъ въ водвореніи,—вѣдь ихъ ожидаетъ голодная смерть.

Переселенческое управленіе признается, что повышеніе расходовъ по смѣтѣ переселенческаго управленія вызвано тѣмъ, что съ теченіемъ времени приходится обращаться все къ болѣе и къ болѣе отдаленнымъ участкамъ, и нужны большія усилія для того, чтобы привести эти участки въ болѣе или менѣе культурный видъ. Напр., затраты на одну версту дорожныхъ сооруженій съ 1906 — 1908 гг. возросли съ 854 до 997 р., т. е. на 17%. Затраты на дороги по разсчету на одну душевую долю увеличились за это время еще болѣе, съ 23 р. 44 к. до 40 р., тогда какъ въ 1903—1905 гг. онѣ равнялись всего 8 р. 4 к. Увеличеніе же размѣра ссуды на домообзаводство равняется 33%. Такимъ образомъ, ясно, что это увеличеніе ссуды не находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ ростомъ трудностей, которыя приходится преодолѣвать переселенцамъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что кредитъ изъ сельско-хозяйственныхъ и лѣсныхъ складовъ относительно уменьшается, а увеличивается продажа за наличный разсчетъ. Въ 1905 г. было въ кредитъ отпущено 84% всей продажи, а въ 1908 г. мы уже встрѣчаемъ 67%; понятно, что условія переселенія, въ смыслѣ прочности обезпеченія новоселовъ, скорѣе ухудшаются, чѣмъ улучшаются. Вообще, въ переселенческомъ дѣлѣ царитъ полная неразбериха и полный хаосъ: я бы сказалъ больше: въ переселенческомъ дѣлѣ въ нынѣшнемъ году замѣчается полный крахъ. Кашу заварило правительство съ помѣщиками, а расхлебывать заставило мужика и окраинное населеніе.

Теперь я хочу остановить ваше вниманіе еще на двухъ существенныхъ обстоятельствахъ, которыя все больше и больше окрашиваютъ всю переселенческую политику правительства. Періодъ переселенческой горячки, когда массы выселялись, не зная куда, лишь бы только выселить побольше, приходитъ къ концу; наступаетъ, видимо, то, что должно было наступить, и правительство бьетъ отбой и заявляетъ намъ, что въ нынѣшнемъ 1910 г. нужно отказаться отъ новаго количественнаго расширенія переселенія. Оно не справилось, да и не могло справиться, съ той задачей, которую ставило переселенческой политикѣ; оно не вынесло и не могло вынести той тяжести, которую такъ преступно и легкомысленно взяло себѣ на плечи,—разрѣженіе деревни отъ безпокойнаго нищаго элемента. Послѣ двухъ лѣтъ откачиванія переселенцевъ въ Сибирь правительство столкнулось съ роковымъ фактомъ. Нельзя перебрасывать людей, какъ мертвый грузъ, не зная куда. Оправдывая пріостановку расширенія переселенія, правительство заявляетъ о недостаткѣ провозоспособности желѣзныхъ дорогъ, о недостаткѣ межевыхъ и техническихъ силъ и, между прочимъ, полагаетъ, что наши азіатскія владѣнія пока представляютъ собою еще безграничный просторъ, на которомъ будетъ

возможно прочное земельное устройство милліоновъ стремящагося туда народа. Можетъ быть, это и такъ, можетъ быть, наши азіатскія владѣнія безграничны, если считать болота, заболоченную тайгу, тундры, Кабинетскія земли и если не считаться съ правами и нуждами старожильскаго населенія. Но вѣдь и для колонизаціи годныхъ пространствъ нашему правительству недостаетъ и никогда недоставало того, что требовалось бы для разумной колонизаціи. Наше правительство могло лишь опекать и раззорять собственный народъ, благодѣтельствовать гг. помѣщиковъ и покровительствовать гг. промышленникамъ за счетъ народа, но раціональная, государственная экономическая политика ему всегда была чужда. Переселенческое управленіе, а сегодня и главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ заявилъ, что при отрѣзываніи у старожилъ земель „всемѣрно заботятся объ ихъ интересахъ и избѣгаютъ сколько-нибудь рѣзкаго потрясенія стараго уклада хозяйственной жизни сибирскихъ старожиловъ и кочевниковъ". Такое лицемѣрное заявленіе, гг., свойственно только русскому правительству.

Предсѣдательствующій. Будьте добры быть осторожнѣе въ вашихъ выраженіяхъ. Призываю васъ къ порядку.

А. А. Войлошниковъ. Всѣмъ вамъ хорошо извѣстно, что съ конца 90-хъ годовъ работаетъ цѣлый рядъ экспедицій, которыя задались цѣлью какъ можно больше урѣзать у киргизовъ земли для переселенцевъ; между тѣмъ, не руководствуясь никакими научными данными, предлагаютъ одинаково произвольныя нормы, которыя съ послѣднее время уже воплощаются въ жизнь. Мало того, поле обиранія все болѣе и болѣе расширяется — начали съ киргизовъ, перешли къ бурятамъ и, не произведя надлежащихъ изслѣдованій жизни и быта кочевниковъ, приступили прямо къ рѣзкой и коренной ломкѣ всего строя отношеній бурятскаго населенія, при чемъ заставляютъ ихъ перейти внезапно къ земледѣльческому хозяйству, не считаясь съ вѣковымъ укладомъ ихъ скотоводческаго хозяйства. И все это производятъ въ то время, когда тутъ же на глазахъ у старожильческаго населенія имѣются громадные запасы Кабинетскихъ земель, при чемъ земли эти до сего времени не использованы ни въ интересахъ старожиловъ, ни въ интересахъ переселенцевъ. Я говорю въ данномъ случаѣ о Забайкальской обл., гдѣ эти земли по большей части пригодны для земледѣлія. Между тѣмъ, самымъ грубымъ образомъ отрѣзываются земли у старожильческаго населенія, которое само нуждается во многихъ случаяхъ въ прирѣзкѣ или же на границѣ къ этому. Напр., если взять Забайкальскую обл., гдѣ волости Перчинско-Заводская, Шилкинская и др. совершенно не имѣютъ своей земли, а живутъ на кабинетскихъ земляхъ и платятъ Кабинету бѣшеныя деньги за пахотную, выгонную и сѣнокосныя земли (*Голосъ справа:* напримѣръ?).

Предсѣдательствующій. Прошу не дѣлать замѣчаній съ мѣста.

А. А. Войлошниковъ. Въ волостяхъ Перчинско-Заводской и

Шилкинской, я громко говорю. Развѣ при такихъ условіяхъ мыслимо поднятіе сельскаго хозяйства? Конечно нѣтъ, и правительство должно немедленно надѣлить эти волости тои землей, которой они пользуются сейчасъ. Возьмите, напр., Иркутскую губ., гдѣ въ Оекской вол. на душу приходится по 4 дес. удобной земли, гдѣ въ Алзамайской вол., въ с. Бирюстинскомъ въ надѣлъ вошли болота и даже рѣки, а пригодныя земли пошли подъ переселеніе. Въ Томской губ., въ Алтайскомъ окр., въ волостяхъ: Октевской, Ново-Шульбинской, Ново-Георгіевской и др. приходится около 6 дес. на душу.

Теперь вы видите, гг., на сколько безграничны наши сибирскія пространства и на сколько правильно рисуетъ ихъ наше правительство. Я вовсе не хочу этимъ сказать, что въ Сибири нѣтъ свободныхъ земель подъ переселеніе. Онѣ есть, но я говорю, что, распредѣляя эту землю, прежде всего должны обезпечить старожиловъ и кочевниковъ-инородцевъ, въ особенности инородцевъ, потому что, переводя кочевниковъ на малые земельные надѣлы, тѣмъ самымъ вы обрекаете ихъ уже на раззореніе.

Итакъ, правительство, не уяснивъ себѣ положенія дѣла, по прежнему не будучи знакомо съ бытомъ и нуждами мѣстнаго населенія, отнимаетъ у старожиловъ часто нужныя имъ земли и вмѣстѣ съ тѣмъ, вводя свои шаблонныя земельныя мѣропріятія, не справляется или даже не интересуется мнѣніемъ заинтересованныхъ лицъ. Напр., шли землеотводныя работы въ волости Удинское поселье, Забайкальской обл., гдѣ довѣренный отъ этой волости, защищая интересы своего общества, не былъ согласенъ съ нѣкоторыми членами землеустроительной коммиссіи, и крестьянскій начальникъ прогналъ его и приказалъ избрать другого. Скажу болѣе, правительство тайно, за спиной старожильческаго населенія, спѣшитъ какъ можно болѣе у послѣдняго отрѣзать земли подъ переселеніе. Примѣромъ такого чуткаго отношенія къ голосу старожильческаго населенія можетъ служить инструкція, выработанная переселенческимъ управленіемъ для производителей работъ, въ которой говорится слѣдующее (*читаетъ*): „Производитель работъ при переговорахъ съ населеніемъ, землепользованіе котораго въ сельскохозяйственномъ отношеніи весьма низкаго качества, долженъ имѣть въ виду ст. 10 главныхъ основаній 23 мая 1896 г., по которой въ исключительныхъ случаяхъ въ надѣлъ крестьянамъ и инородцамъ оставляются излишнія сверхъ нормы земли, безъ допрнятія на нихъ новыхъ членовъ". Внизу этого въ скобкахъ есть нѣсколько строчекъ, которыя сводятъ эту ст. 10 главныхъ основаній совершенно на нѣтъ; эти строчки вотъ какого содержанія (*читаетъ*): „Съ содержаніемъ этихъ статей не слѣдуетъ знакомить населеніе". Это ли не яркій примѣръ, гг., лицемѣрныхъ заявленій правительства о заботахъ и о сохраненіи интересовъ старожилаго населенія? Прежде правительство, какъ я уже сказалъ, своими рекламами и зазываніями погнало сотни тысячъ нищихъ и бунтующихъ крестьянъ въ Сибирь,—тѣхъ пре-

стьянъ, которые въ своихъ требованіяхъ „земли и воли“ громко заявили свои права на помѣщичьи земли; въ настоящее же время, т. е. въ 1910 г., правительство увидѣло, что оно достаточно придавило безпокойное крестьянство и частью создало разрѣженіе вокругъ гг. помѣщиковъ; къ тому же Государственная Дума въ достаточномъ количествѣ увеличила на всякій случай и стражниковъ, и послѣ этого правительство цинично заявляетъ намъ, что... (*Шумъ справа*),

Предсѣдательствующій. Членъ Государственной Думы Войлошниковъ. Если вы позволите себѣ еще разъ неподходящее выраженіе, я лишу васъ слова.

А. А. Войлошниковъ. Главная и коренная задача переселенческаго дѣла—прочное устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, а отнюдь не разрѣженіе населенія на его родинѣ. Я уже показалъ вамъ, на сколько прочно и хорошо переселенцы устраиваются на новыхъ мѣстахъ, и что покровительство неизмѣнно оказывается крѣпкимъ и сильнымъ на счетъ слабыхъ; это видно на каждомъ шагу всей правительственной политики (*голосъ справа*: правильно), и чѣмъ дальше мы отходимъ отъ тѣхъ дней, когда давали обильныя обѣщанія слабымъ на ихъ требованія, тѣмъ все болѣе и болѣе мы видимъ заботу о крѣпкихъ и сильныхъ. Особенную заботу въ этомъ проявляютъ землеустроительныя коммиссіи, которыя всегда готовы выселить слабыхъ и безпокойныхъ крестьянъ какъ можно подальше отъ гг. помѣщиковъ. Вотъ что говоритъ относительно этихъ землеустроительныхъ коммиссій опять-таки лицо оффиціальное (*читаетъ*): „Землеустроительная коммиссія образуетъ партіи совершенно нищихъ, нуждающихся съ мѣста въ путевомъ пособіи, въ ссудѣ не на домообзаводство, а на прокормленіе, но если, какъ исключеніе, и встрѣчается переселенецъ съ небольшимъ денежнымъ запасомъ, то онъ весь расходуется на проѣздъ и на прокормленіе“.

Я скажу еще нѣсколько словъ о переселенческихъ пунктахъ. На Срѣтенскомъ переселенческомъ пунктѣ завѣдывающій любезно показалъ мнѣ весь пунктъ и, между прочимъ, бараки. Въ одномъ изъ барачковъ, въ которомъ находились переселенцы, я обратилъ вниманіе на одну плачущую женщину и обратился къ ней съ разспросами. Она отвѣтила: „какъ же мнѣ не плакать, я схоронила пять человѣкъ дѣтей и вотъ шестой болѣетъ, а мужъ пошелъ разыскивать землю?“. Ну, конечно, послѣ этого съ другими мнѣ не пришлось бесѣдовать, я поспѣшилъ уйти въ больницу; осматривая больничное отдѣленіе, я тамъ не нашелъ изолированнаго помѣщенія для заразныхъ больныхъ, нѣтъ помѣщеній для роженицъ. Въ этотъ моментъ, хотя оно и было устроено, но исключительно усиліями врача, въ какомъ-то помѣщеніи не то бывшей прачешной, не то кухни, которое угрожало не сегодня—завтра разрушиться. Нѣтъ отдѣльнаго барака для тифозныхъ больныхъ: есть баракъ среди другихъ. Конечно, при этихъ условіяхъ изоляція совершенно немыслима. Для такихъ заразныхъ

больныхъ были приспособлены однорядныя палатки, которыя защищали отъ солнечныхъ лучей, но не защищали отъ дождя. Оказывается, тифозные больные находились безъ защиты подъ дождемъ. Дезинфекціонная камера представляетъ собою что-то ужасное, въ родѣ пародіи, и это понятно, такъ какъ она строилась не спеціалистомъ, а чиновникомъ, завѣдывающимъ пунктомъ. Нѣтъ достаточнаго количества необходимыхъ хирургическихъ инструментовъ,—это говорилъ самъ врачъ. Вы видите, гг., что ожидаетъ переселенцевъ на этихъ пунктахъ, въ случаѣ ихъ болѣзни. Приведу еще одинъ примѣръ. Гг., это примѣръ уже не изъ личныхъ наблюденій, а опять-таки изъ оффиціальныхъ документовъ другого чиновника. Этотъ чиновникъ былъ командированъ въ мѣстность, охваченную тифомъ; и вотъ, описывая всѣ ужасы тифа, онъ останавливается далѣе на слѣдующемъ (*читаетъ*): „Послѣ тифа, не меньшіе размѣры приняла здѣсь цынга: почти во всѣхъ поселкахъ, во всѣхъ избахъ есть больные этой болѣзнью, или кандидаты къ ней. Часто въ одной избѣ лежатъ больные тои и другой болѣзнью. На участкѣ Окуръ-Шасскомъ мнѣ пришлось видѣть такую картину: хозяинъ дома лежитъ въ тифѣ въ періодѣ шелушенія, его беременная жена крайне слаба отъ недостатка питанія; сынъ мальчикъ лѣтъ 12, съ опухшими железами и цынгой; сестра жены въ цынгѣ, ходить не можетъ, у нея грудной ребенокъ; ея десятилѣтній сынъ въ цынгѣ, кровохарканіе изъ носа и слабость въ ногахъ, и только ея мужъ здоровъ изъ всей семьи. За цынгой и тифомъ слѣдуетъ куриная слѣпота. Можно встрѣтить поселки, въ которыхъ буквально всѣ переселенцы, безъ исключенія, слѣпы. Группы участковъ по р. Емнѣ образованы изъ сплошного урмана, гдѣ нѣтъ ни пашни, ни сѣнокосовъ, и за два-три года новоселы едва могли разработать свои усадьбы и построить жалкія избенки. О своемъ хлѣбѣ не могло быть и рѣчи; питались исключительно ссудой, и когда послѣдняя была использована, ощутился страшный недостатокъ въ хлѣбѣ; многіе буквально голодали. Къ недостатку хлѣба надо прибавить полный недостатокъ питьевой воды". Обращаю ваше вниманіе, гг., именно „полный недостатокъ питьевой воды". Въ прошломъ году по смѣтѣ переселенческаго управленія на гидротехническую часть было отпущено 1.113.000 р., но куда эти деньги пошли? Участокъ населенный и въ немъ нѣтъ ни одного колодца. Предоставляю судить вамъ объ израсходованіи этихъ денегъ. Какую же вы можете имѣть увѣренность, что и въ нынѣшнемъ году деньги, испрашиваемыя въ большомъ количествѣ, именно—1.248.844 р., израсходуются правильно и продуктивно? Я увѣренъ, что эти деньги точно такъ же пойдутъ неизвѣстно куда, и переселенцы будутъ пить ту воду, о которой вы составите представленіе изъ слѣдующаго документа(*читаетъ*): „Протекающая здѣсь р. Емна зимой промерзаетъ и воду можно достать или въ глубокихъ мѣстахъ (колдобинахъ), или путемъ таянія снѣга. Первая бываетъ похожа на навозную жижицу, на вкусъ кислая и слизистая".

Вотъ какіе ужасы приходится переживать переселенцамъ, оставшимся въ живыхъ. А между тѣмъ, на ихъ родинѣ имѣется громадный запасъ монастырскихъ, помѣщичьихъ и другихъ земель, владѣльцы которыхъ живутъ, я бы сказалъ, припѣвающи, и правительство въ это же самое время заявляетъ: частная собственность неприкосновенна (*Голосъ справа*: конечно).

Есть еще одна характерная черта въ новѣйшей переселенческой политикѣ, и эта черта съ благословенія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы все болѣе и болѣе начинаетъ усиливаться: я говорю о внесеніи націоналистической тенденціи въ дѣлѣ переселенія (*Голосъ слѣва*: правильно; *голосъ справа*: не нравится). Здѣсь, какъ и всюду, чѣмъ болѣе вы убѣждаетесь въ неспособности правительства организовать экономическую жизнь страны, тѣмъ сильнѣе вы видите его стремленіе отвлечь вниманіе въ сторону разжиганія націоналистическихъ страстей. Усиленіе русскаго элемента по соображеніямъ политическимъ становится центральнымъ пунктомъ переселенческой политики. Это практиковалось среди киргизовъ и теперь практикуется среди бурятъ и, въ особенности, на Кавказѣ, гдѣ правительство, разжигая національную вражду, въ это же самое время безцеремонно отбираетъ у туземныхъ крестьянъ и ту землю, въ которой они сами нуждаются. На Кавказѣ по политическимъ соображеніямъ правительство ведетъ колонизацію, тогда какъ само кавказское населеніе скорѣе всего нуждается въ разселеніи (Чхеидзе, *съ мѣста*: правильно, совершенно правильно).

Я скажу еще нѣсколько словъ относительно націоналистической политики правительства среди бурятъ Иркутской губерніи и Забайкальской обл. Переводя кочевниковъ на осѣдлое положеніе, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ внѣдряетъ среди нихъ русскій православный элементъ и тѣмъ самымъ еще больше усугубляетъ тяжелое переходное время для бурятскаго населенія изъ кочевого въ осѣдлое состояніе. И теперь понятно, гг., почему правительство лишило какъ бурятъ, такъ и киргизовъ ихъ представителей въ третьей Государственной Думѣ. Они, вѣроятно, больше бы мѣшали, чѣмъ кто-либо другой въ этой дѣятельности.

Итакъ, гг. члены Государственной Думы, послѣ всего вышесказаннаго невольно возникаетъ вопросъ, даже напрашивается: что же дѣлаетъ правительство съ тѣми бѣдными крестьянами, которымъ оно устроило массовую высылку въ Сибирь? Отвѣтъ одинъ: варварскую казнь (*Слѣва рукоплесканія и голоса*: правильно).

(Стенографическій отчетъ).

Отъ редакціи журнала „Сибирскіе Вопросы".

Сибирскія студенческія организаціи, такъ называемыя, землячества, возникаютъ въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ

минувшаго столѣтія. Первое сибирское землячество было основано здѣсь по иниціативѣ Г. Н. Потанина въ 1860 г. Эта первая попытка важна и интересна, какъ по составу членовъ, входившихъ въ землячество (изъ его рядовъ вышли Г. Н. Потанинъ, Н. М. Ядринцевъ, С. С. Шашковъ, П. В. Федоровъ-Омулевскій, Н. И. Наумовъ и др.), такъ и по тѣмъ цѣлямъ и задачамъ, которыя ставило себѣ первое землячество: именно здѣсь окрѣпли высокіе принципы беззавѣтнаго служенія родинѣ, здѣсь впервые ясно сознали нужды Сибири и правильно намѣтили разрѣшеніе этихъ нуждъ. Въ 1862 г. землячество закрылось, но брошенная мысль не умерла. Сибирское землячество съ тѣхъ поръ стало почти постоянно дѣйствующей организаціей въ Петербургѣ.

Эти землячества представляютъ глубоко-интересное, отошедшее въ исторію, явленіе. Развивавшіяся подъ непрестаннымъ давленіемъ администраціи, несмотря на нелегальное положеніе, сохранившія удивительную жизненность и проявлявшія оживленную дѣятельность,—сибирскія землячества того времени, въ противоположность землячествамъ существующимъ, превратившимся въ кассы взаимопомощи, постоянно жили и развивались подъ вліяніемъ идей, заложенныхъ первымъ сибирскимъ землячествомъ.

Сибирскія землячества, помимо интереса для сибирскаго изслѣдователя, даютъ богатый матеріалъ для изученія вообще студенческихъ организацій. Являясь типичными представителями этихъ организацій, представителями, добавимъ, наиболѣе яркими, наиболѣе упорными въ борьбѣ и протестѣ, сибирскія землячества всегда принимали горячее участіе въ общеполитической борьбѣ и играли видную роль въ студенческомъ движеніи.

Несмотря, однако, на указанную важность изученія сибирскихъ землячествъ въ Петербургѣ, исторіи этихъ организацій до сихъ поръ нѣтъ, какъ нѣтъ вообще исторіи студенческаго движенія въ Россіи. А между тѣмъ полученіе нужныхъ матеріаловъ для подобной работы становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Старые сибиряки, послѣдніе очевидцы минувшихъ событій, сходятъ со сцены, письменные документы затериваются, и, такимъ образомъ, пройдетъ годъ-другой, и вся эта важная и интересная полоса въ жизни студенчества быльемъ порастетъ.

Руководствуясь изложенными мотивами, редакція журнала „Сибирскіе Вопросы", по иниціативѣ Сибирскаго научнаго кружка при С.-Петербургскомъ университетѣ, задалась цѣлью собрать и издать сочиненія и матеріалы по исторіи сибирскихъ студенческихъ организацій, существовавшихъ въ С.-Петербургѣ съ 1860 по 1905 г. Обращая особенное вниманіе сибиряковъ на эту важную и интересную тему, редакція проситъ присылать сочиненія по исторіи сибирскихъ землячествъ, какъ охватывающія ихъ жизнь во всемъ ея объемѣ, такъ и воспоминанія, пріуроченныя къ извѣстному періоду жизни этихъ организацій, различные матеріалы, касающіяся сибирскихъ землячествъ въ С.-Петербургѣ, переписку, дневники, фотографическія карточки и проч.

Для пріема и разсмотрѣнія сочиненій и матеріаловъ, посвященныхъ сибирскимъ землячествамъ въ С.-Петербургѣ, редакція „Сибирскихъ Вопросовъ" пригласила слѣдующихъ лицъ: С. П. Бельденинова, А. П. Зеленскаго, И. А. Кирилова, К. Ф. Ковригина, П. П. Малыхъ, А. Е. Хохрякова, М. Б. Файнберга, М. Г. Флееръ и П. Н. Шендрикова. Сочиненія, всѣ относящіеся къ исторіи сибирскихъ землячествъ матеріалы, запросы—должны быть адресованы: *С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 7, кв. 3, Матвѣю Густавовичу Флееръ.*

Считаемъ не лишнимъ указать, что, въ связи съ этимъ обращеніемъ, частными лицами установлены для сочиненій по исторіи сибирскихъ землячествъ денежныя преміи. Подробности о соисканіи и присужденіи этихъ премій высылаются авторамъ по первому требованію по вышеуказанному адресу.

Издатель В. П. Сукачевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

XV г. изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1911 ГОДЪ

XV г. изданія.

на ежедневную общественную литературную и коммерческую

„СИБИРСКУЮ ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ“

издающуюся въ г. ТЮМЕНИ. (Тобольск. губерн.)

Газета обращаетъ большое вниманіе на общественную и экономическую жизнь страны: всѣ выдающіеся факты и явленія ея въ Сибири, на Уралѣ и Дальнемъ Востокѣ находятъ себѣ мѣсто и освѣщеніе въ многочисленныхъ сообщеніяхъ, помѣщаемыхъ изъ разныхъ мѣстностей Сибири; обширный отдѣлъ „Русской Жизни“ знакомитъ читателей со всѣми выдающимися явленіями жизни въ Россіи. ● Обращено особое вниманіе на торговый и промышленный отдѣлы. Въ газетѣ помѣщаются разсказы, стихи, фельетоны на злобы дня.—Обширный отдѣлъ „Смѣси“ даетъ интересный и остроумный матеріалъ. ☛ Печатаются отчеты о засѣданіяхъ Государств. Думы и Совѣта, а также разныя извѣстія, близко касающіяся дѣятельности этихъ законодательныхъ учрежденій. Въ теченіи 1910 г. были помѣщаемы **Письма депутатовъ** Тобольской губерніи Н. Л. Скалозубова и В. И. Дзюбинскаго, а также рѣчи напр. Некрасова, Скороходова и другихъ Сибирск. депутатовъ. ☛

Подписная цѣна: на 1 годъ 5 руб.; за ½ года 3 рубля, на 4 мѣсяца 2 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 50 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1910 г.

XVIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1911 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ ГАЗЕТУ

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

ИЗДАВАЕМУЮ въ г. ТОМСКѢ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Сибирская Жизнь“ отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа—крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ, живущихъ личнымъ трудомъ и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельнаго устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редакція будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея повседневной жизни и давая имъ освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адріановъ, Д. В. Алексѣевъ, В. И. Анучинъ, Г. Б. Бантовъ, М. Р. Бейлинъ, Ив. Бійскій, А. Н. Букейлановъ, Борисъ Ф. (псевд.), прив.-доц. П. В. Бутягинъ, Г. А. Виткинъ, П. В. Вологодскій, членъ Государ. Думы Герасимовъ, Ю. О. Горбатовскій, Г. Гребеньщиковъ, В. Ю. Григорьевъ. И. П. Гавровскій, Е. Г. (псевд. П. Юж—инъ), В. С. Ефремовъ, проф. Е. Л. Зубашевъ, Ф. К. Зобининъ, А. С. Кочаровская, А. Б. Клюге, Е. А. Колтоновская, В. М. Крутовскій, М. О. Курскій, Д. Е. Лаппо, П. П. Лантевъ, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, Митричъ (псевд.), Е. В. Никитинъ, членъ Госуд. Думы проф. П. В. Некрасовъ, Нав. Николаевъ (псевд.), проф. В. А. Обручевъ, Г. Н. Потанинъ, проф. П. Н. Розинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, М. М. Сізовъ, член. Госуд. Думы И. Л. Скалозубовъ, проф. М. Н. Соболевъ П. В. Соколовъ, П. И. Тачаловъ, проф. В. А. Уляницкій, А. Н. Ушаковъ, Ф. Ф. Филимоновъ, П. Е. Шерръ, А. И. Шипицынъ и др.

Редакція газеты имѣетъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ Государственной Думы: П. Л. Скалозубова, А. М. Колюбакина, Вержежскаго, Герасимова и Изгоева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Съ доставкой въ Томскѣ или пересылкой въ гор. Россіи .	6 р.	4 р. 75 к.	3 р. 50 к.	10 р. 80 к.	—р.60 к.
За границу . . .	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1р.20 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголъ Дворянской улицы и Ямского пер., собств. домъ) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. Томскъ, въ контору газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторъ **Г. Б. Бантовъ.**
Издатель **Сибирское Товарищество Печ. Дѣла.**

Годъ изданія III-й. Годъ изданія III-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ. на 1911 годъ.

на прогрессивную, большую, ежедневную, общественно-литературную и экономическую газету

„Омскій Вѣстникъ“

издающуюся въ гор. Омскѣ.

Газета обслуживаетъ интересы обширнаго Степного края и съ этой цѣлью имѣетъ въ разныхъ его городахъ и селеніяхъ своихъ собственныхъ корреспондентовъ.

Подписная цѣна: съ доставкой въ г. Омскѣ и пересылкой во всѣ мѣста Россіи:

На 1 годъ – 6 руб., 9 м. – 4 р. 75 к., 6 м – 3 р. 25 к. 3 м.—1 р. 75 к., 1 м.—60 к.

Для народныхъ учителей, волостныхъ и сельскихъ управленій подписная плата 4 р. въ годъ.

Подписавшіеся на годъ и внесшіе годовую плату сполна, въ декабрѣ мѣсяцѣ газету **„ОМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“** будутъ получать

БЕЗПЛАТНО.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ.

„ЭХО“

ежедневная (кромѣ понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней)

БЕЗПАРТІЙНАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ ГАЗЕТА,

выходящая въ Благовѣщенскѣ, Амурской области.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1 годъ	9 руб.	съ доставкой и пересылкой	
1/2 „	5 „	„	„
1 мѣс	1 „	„	„

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

На 1 стран.	за строку петита	для	городск.	рекламодат.		20 к.
„	„	„	„	иногород.	„	30 к.
„ 4	„	„	„	городск.	„	10 к.
„	„	„	„	иногород.	„	20 к.

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ ГРАФСКАЯ УЛИЦА, ДОМЪ ДУНИСЪ

Редакторъ-Издатель *Н. Ф. Губановъ.*

СИБИРСКІЕ ВОПРОСЫ.

1910 г.

Съ Ноября 1910 года выходитъ

новая ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ общественно-педагогическая

ГАЗЕТА

„ШКОЛА и ЖИЗНЬ“

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ число сотрудниковъ газеты вошли, между прочимъ, нижепоименованныя лица:

Айхенвальдъ, Ю. И.
Алчевская, Х. Д.
Ананьинъ, С. А.
Анзиміровъ, В. А.
Анучинъ, Д. Н., акад.
Балаевъ, Н. В.
Балталонъ, Ц. П.
Барановъ, В. Г.
Батюшковъ, Ф. Д., проф.
Бередниковъ, С. Г.
Берентштейнъ, А. Н.
Бехтеревъ, В. М., акад.
Бодуэнъ де Куртенэ, И. А., проф.
Бодуэнъ де Куртенэ, Р. Р.
Боргманъ И. И., проф.
Бороздинъ, А. К., проф.
Буниннъ, Ю. А.
Быкова, А. Ф.
Быковъ, А. Н.
Бѣлоконскій, И. П.
Вагнеръ, В. А., проф.
Вартановъ, В. И., проф.
Васильевъ, А. В., проф.
Вахтерова, Э. О.
Вахтеровъ, В. П.
Великопольскій, А. А. (Арк. Велскій),
Венгеровъ, С. А., проф.
Вернадскій, В. И., акад.
Владиславлевъ, А. В.
Волькенштейнъ, О. А.
Вольтеръ, Э. А.
Галабутскій, Ю. А.
Гартвигъ, А. Ф.
Гатлихъ, А. Ф.
Генкель, А. Г.
Герверъ, А. В., проф.
Гердъ, В. А.
Гермоніусъ, А. К.
Глинка, И. В.
Голубевъ, В. С.
Гориневскій, В. В.
Градовскій, Г. К.
Гревсъ, И. М., проф.
Гредескулъ, Н. А., проф.
Грибоѣдовъ, А. С.
Григорьевъ, Г. М.
Гриммъ, Д. Д., проф.
Гриммъ, Э. Д., проф.
Грузинскій, А. Е.
Гуревичъ, Я. Я.
Диксонъ, К. И.
Дриль, Д. А., проф.
Душечкинъ, Я. И.
Дьяконовъ, М. А., акад.
Езерскій, Н. Ф.
Елачичъ, Е. А.
Журавская, З. Н.
Звягинцевъ, Е. А.
Знаменскій, С. Ф.
Золотаревъ, С. А.
Зѣлинскій, Ѳ. Ф., проф.
Ивановскій, В. В., проф.
Игнатьевъ. В. Е.
Исаевъ, А. А., проф.
Кабановъ, Н. А.
Каблуковъ, Н. А., проф.
Калантаръ, А. А.
Каптеревъ, П. Ф., проф.
Карѣевъ, Н. И., проф.
Кизеветтеръ, А. А., проф.
Ковалевскій, М. М., проф.
Колюбакинъ, А. М.
Кольцовъ, Н. К.
Кони, А. Ф., акад.
Коробка, Н. И.
Костромина, В. С.
Котельниковъ, В. Г.
Котляревскій, Н. А., акад.
Котляревскій, С. А., проф.
Крогіусъ, А. А.
Кузьминъ-Караваевъ, В. Д., проф.
Ланге, Н. Н., проф.
Лапшинъ, И. И.
Лебедевъ, А. И.
Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ю., проф.
Левицкій, С. А.
Левшинъ, Д. М.
Линдъ, В. Н.
Липовскій, А. Л.
Лозинскій, Е. Е.
Лосскій, П. О.
Лучицкій, И. В., проф.
Мазингъ, К. К.
Максимова (Зенькович), З. І.
Малиновскій, Н. А.
Малыгинъ, П. П.
Мальчевскій, П. Л.
Мацкевичъ, Н. И.
Мертваго, А. П.
Метальниковъ, С. П.
Мижуевъ, П. Г.
Милюкова, А. С.
Милюковъ, Н. К.
Милюковъ, П. Н.
Мириманова, С. С.
Мировичъ, З. С.
Михайловъ, Н. Ф.
Муринова, А. М.
Муриновъ, В. Я.
Нечаевъ, А. П., проф.
Овсянико-Куликовскій, Д. Н., акад.
Озеровъ, И. Х., проф.
Ольденбургъ, С. Ф., акад.
Ольденбургъ, Ф. Ф.
Орловъ, П. А., проф.
Острогорская (Малкина), А. Я.
Острогорскій, А. Н.
Павловъ, И. П., акад.
Пантелѣевъ, Л. Ф.

Петражицкій, Л. І., проф.
Петрищевъ, А. Б.
Петрункевичъ, И. И.
Погодинъ, А. Л., проф.
Покровскій, В. И.
Половцевъ, В. В., проф.
Полянскій, И. И.
Поповъ, И. И.
Посниковъ, А. С., проф.
Поссе, В. А.
Поссе, К. А., проф.
Приселковъ, М. Д.
Пропперъ, А. Н., проф.
Реформатскій, А. Н., проф.
Родичевъ, Ф. И.
Россолимо, Г. И.
Рубакинъ, Н. А.
Рубашкинъ, В. Я.
Рудневъ, В. В.
Румянцевъ, Н. А.
Русова, С. Ф.
Фонъ-Рутценъ, Л. И.
Рѣпина, Е. П.
Саккетти, Л. А., проф.
Самсоновъ, И. В.
Сахаровъ, И. Н.
Святловскій, В. В., проф.
Севрукъ, Л. С.
Скворцовъ, Н. А.
Смирновъ, В. А.
Смирновъ, С. Г.
Смирновъ, С. Д.
Соболевскій, В. М.
Соколова, М. Д.
Стаховичъ, А. А.
Стаховичъ, М. А.
Сыромятниковъ, Б. И.
Сѣрополко, С. О.
Тарле, Е. В., проф.
Тихомировъ, Д. И.
Тихомировъ, М. Ф.
Толстой, И. И. графъ.
Тугань-Барановскій, М. И., проф.
Тулуповъ, Н. В.
Тыркова, А. В.
Тютрюмовъ, А. М.
Улановъ, В. Я.
Фальборкъ, Г. А.
Фортунатовъ, А. Ф., проф.
Франкъ, С. Л., проф.
Хижняковъ, В. В.
Хлопинъ, Г. В., проф.
Цитронъ, М. А.
Чарнолуская, Е. М.
Чарнолускій, В. И.
Чехова, М. А.
Чеховъ, Н. В.
Чижевскій, П. И.
Шахматовъ, А. А., акад.
Шестаковъ, П. М.
Шимкевичъ, В. М., проф
Шингаревъ, А. И.
Шорохъ-Троцкій, С. И.
Щегловъ, А. Л.
Щерба, Л. В.
Эрнъ, Ф. А.
Якобсонъ, А. Е.
Яковенко, В. И.
Яковлевъ (Богучарскій), В. Я.
Янжулъ, Е. И.
Янжулъ, И. И., акад.
Янсонъ, А. К.
и мн. др.

„Школа и Жизнь" названіе одной изъ незабвенныхъ статей П. Ф. Лесгафта, столѣтіе дня рожденія котораго мы чествуемъ въ этомъ году, и мы съ благоговѣніемъ заимствуемъ это названіе для нашей газеты; нашъ лозунгъ—основная мысль этой статьи: „школа и жизнь есть одно неразрывное цѣлое". Прогрессъ нашей сложной жизни немыслимъ безъ школы, школа строится совокупностью условій жизни. Въ частности, наша школа можетъ быть организована лишь совмѣстными усиліями общества и педагоговъ.

Наша цѣль—заставить самые широкіе круги общества признать первенствующее и рѣшающее значеніе образованія для всей дальнѣйшей судьбы нашей родины. Для этого у общей печати нѣтъ въ достаточной мѣрѣ ни мѣста, ни времени, ни сконцентрированныхъ силъ, и изданіе съ этою цѣлью спеціальной общественной газеты намъ кажется вполнѣ обоснованнымъ и своевременнымъ.

Могущественнѣйшее средство для всемѣрнаго распространенія и развитія образованія мы усматриваемъ въ единствѣ школы, въ преемственной связи всѣхъ ея трехъ ступеней, и подъ этимъ знаменемъ мы вступаемъ въ жизнь.

Школа есть достояніе и явленіе культуры и, какъ таковая, должна стоять внѣ партій и политики, поэтому и наша газета будетъ строго безпартійной. Признаніе права всѣхъ національностей на свой родной языкъ въ школѣ мы считаемъ существеннѣйшимъ признакомъ здороваго національизма, и національная школа въ этомъ широкомъ смыслѣ встрѣтитъ въ насъ горячихъ защитниковъ.

Въ предстоящей работѣ по организаціи школы совершенно необходимо ознакомленіе общества съ матеріалами, накопившимися въ наукѣ и въ опытѣ всемірной школьной жизни. Это ознакомленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно развивать интересъ къ школѣ и дѣлать самую работу по ея организаціи и болѣе интенсивной, и болѣе плодотворной.

Принципъ неразрывности школы и жизни предрѣшаетъ и вопросъ о подчиненности школы; она должна находиться въ зависимости отъ общественныхъ организацій и, прежде всего, отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія; мы признаемъ и чрезвычайное значеніе частной иниціативы какъ въ школьномъ, такъ и во внѣшкольномъ образованіи.

Признавая для высшей школы безусловную необходимость автономіи,

подъ руководствомъ профессорской корпораціи, мы будемъ всемѣрно защищать и проводить эту идею во имя интересовъ науки и нашей родины.

Наконецъ, послѣдовое освѣщеніе получатъ въ нашей газетѣ и всѣ текущіе вопросы педагогики, методики обученія, психологіи и философіи.

Этими основными положеніями мы будемъ руководиться въ предстоящей намъ работѣ и въ этомъ направленіи открываемъ у себя самый широкій просторъ всякому честному и искреннему слову.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Руководящія статьи, по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики.

2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія.

3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризирующій различныя стороны знанія.

4) Обзоръ общей печати.

5) Хроника образованія, въ которой первое мѣсто будетъ удѣлено дѣятельности законодательныхъ учрежденій, правительства, мѣстнаго самоуправленія и т. д.

6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей.

7) Обозрѣніе спеціальной литературы русской и иностранной.

8) Справочный отдѣлъ, съ подъотдѣломъ отвѣтовъ редакціи на запросы подписчиковъ.

9) Объявленія.

Въ ежемѣсячныхъ книжкахъ, объемомъ въ 6—7 печатныхъ листовъ каждая, будутъ помѣщаться, по возможности, законченныя произведенія русскихъ и иностранныхъ авторовъ, по вопросамъ образованія и педагогики и соприкасающихся съ нею наукъ.

Газета будетъ выходить въ Петербургѣ и въ мѣстностяхъ на разстояніи 24-хъ часовъ почтоваго сообщенія отъ него—по понедѣльникамъ.

Подписная цѣна на газету и приложенія къ ней съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другія мѣста Имперіи — 6 рублей въ годъ, 3 рубля въ 6 мѣс. и 2 руб. въ 3 мѣс.

Для учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ допускается разсрочка по 1 руб. за каждые два мѣсяца.

Цѣна отд. № въ розничной продажѣ (безъ приложеній)—5 коп.

Лица, подписавшіяся до 1 января 1911 года, получатъ всѣ №№ газеты за 1910 г., начиная со дня подписки.

Адресъ редакціи и главной конторы: СПБ. Кабинетская ул., домъ Губернскаго Земства, № 18.

Редакторъ **Г. А. Фальборкъ.**

Издатели: **Н. В. Мѣшковъ** и **Г. А. Фальборкъ.**

„ОБСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

прогрессивная и внѣпартійная газета.

Выходитъ въ Новониколаевскѣ, Томской губ., ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой.

Въ Новониколаевскѣ на годъ	4 р.	на 6 м. 2 р. 25 к.,	на 3 м. 1 р. 15 к.,	на 1 м. 40 к.
Въ другихъ городахъ „ „	5 р.,	„ 2 р. 75 к.,	„ 1 р. 45 к.,	„ 50 к.
Для сельскаго духовенства и для народныхъ учителей . . . . „ „	4 р.,	„ 2 р. 25 к.,	„ 1 р. 15 к.,	„ 40 к.

V-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1911 годъ
на большую ежедневную (кромѣ понедѣльниковъ) прогрессивную внѣпартійную газету
„СИБИРЬ"

Издаваемую въ г. Иркутскѣ. подъ редакціей А. К. Бингеръ.

Въ „Сибири" принимаютъ участіе видныя силы сибирской и столичной прессы.

Собственные корреспонденты: въ Петербургѣ, Москвѣ, за границей и по всей Сибири.

Въ „Сибири" помѣщаются письма депутата Иркутской губерніи Т. О. Бѣлоусова.

„Сибирь" удѣляетъ особое вниманіе внутренней жизни, Государственной Думѣ и Совѣту.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Внутри Имперіи:		За границу:	
На годъ	9 руб.	На годъ	14 руб.
„ полгода . . .	5 руб.	„ полгода . . .	8 руб.
„ ¼ года . . .	3 руб.	„ ¼ года . . .	5 руб.
„ одинъ мѣсяцъ	1 руб.	„ одинъ мѣсяцъ	2 руб.

Перемѣна адреса 40 коп. (При перемѣнѣ адреса необходимо прилагать или указывать прежній адресъ).

Иногородная подписка принимается только съ 1-го числа и адресуется **въ главную контору газеты «Сибирь», въ Иркутскѣ** (Большая ул., д. Зицерманъ, № 17), городская – съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Цѣна объявленій за строку петита 20 к. впереди текста и 10 к. послѣ текста.

Издатель С. М. СОКОЛОВЪ.

Пробные номера газ. „Сибирь" высылаются безплатно.

Отъ редакціи.

Редакція полагаетъ, что всѣ лица и общественныя учрежденія, кому дорого независимое слово въ борьбѣ за лучшее будущее Сибири, могутъ оказать журналу существенную поддержку, присылая статьи и корреспонденціи на темы, какія въ данный моментъ наиболѣе интересуютъ сибирское населеніе.

Съ просьбой о такомъ содѣйствіи редакція обращается ко всѣмъ сибирякамъ, кто хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями журнала своими мыслями о текущихъ вопросахъ, явленіяхъ и фактахъ сибирской жизни.

Всѣ статьи и корреспонденціи оплачиваются.

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№ 44

30 ноября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **На пути.** Наброски съ натуры. *Ф. Зобнина.*
2. **Къ переселенческому вопросу.** *Л. К.*
3. **Маленькая поправка къ недостатку въ „механизмѣ“.** *В. К.*
4. **Земская реформа въ Сибири и канцеляріи.** *В. К.*
5. **Тавричане, Сибирь и казна.**
6. **Очерки сибирской жизни.** *Л. К.*
7. **Сибирскія письма:** 1) Тюкалинскъ, 2) Томскъ. 3) Благовѣщенскъ, 4) С. Амга.
8. **Обозрѣніе русской жизни.**
9. **Письмо въ редакцію.** *Эд. Некарскаго.*
10. **Опроверженіе.**
11. **Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.**
12. **Объявленія.**

БИБЛІОТЕКА ТЮМЕНСКАГО ПРИКАЗЧИЧЬЯГО КЛУБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„Сибирскіе Вопросы"

ВЪ 1911 г. (СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ),

издаваемый **В. П. Сукачевымъ** подъ редакціею **А. И. Иванчина-Писарева.**

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕНЪ РАЗРАБОТКѢ МѢСТНЫХЪ ВОПРОСОВЪ и при участіи **ПРЕЖНИХЪ СОТРУДНИКОВЪ** будетъ выходить **КАЖДУЮ НЕДѢЛЮ** въ размѣрѣ трехъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна:

Годъ 6 руб., 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 50 коп., отдѣл. №—15 к.
За границу: годъ 8 р., ½ года 4 р.

Подписка принимается

ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ СИБИРИ и РОССІИ

по цѣнѣ редакціи безъ всякой надбавки. Въ пріемѣ денегъ подписчику выдается безплатно расписка.

Кромѣ того, въ Сибири подписка принимается и продаются отдѣльные номера журнала въ книжныхъ магазинахъ: въ **Томскѣ**—Посохина и Макушина, въ **Иркутскѣ**—Макушина и Посохина, въ **Тюмени**—О. Ф. Невской, въ **Тобольскѣ**—А. С. Суханова, въ **Красноярскѣ**—М. Ш. Григоровской, въ **Читѣ**—гг. Цепелева и Борисова.

Сборники „Сибирскіе Вопросы" за 1905 г.: № 1-й (400 стр.)—2 р. и № 2-й (330 стр.)—1 р. 50 к.; всѣ шесть книгъ журнала „Сибирскіе Вопросы" за 1906 г. (700 стр.)—3 р., 3 ежемѣсячныхъ и 36 еженедѣльныхъ номеровъ 1907 г. (2000 стр.)—4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1908 г.—4 р.; 52 еженедѣльныхъ номера за 1909 и 1910 года—по 6 рублей.

Частныя лица, подписавшіяся безъ разсрочки на 1911 годъ, могутъ получить любой годъ журнала **БЕЗПЛАТНО**, принявъ на себя стоимость пересылки наложеннымъ платежомъ, а библіотеки при соблюденіи тѣхъ же условій, сразу всѣ года журнала, съ 1905 по 1910 г. включительно.

Адресъ редакціи, куда просятъ направлять корреспонденціи и статьи, **С.-Петербургъ, Сергіевская ул., 3.**

Сибирскіе Вопросы

Шестой годъ.

№ 44

30 ноября 1910 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

		стран.
1.	На пути. Наброски съ натуры. *Ф. Зобнина.*	3—13
2.	Къ переселенческому вопросу. *Л. К.*	13—16
3.	Маленькая поправка къ недостатку „въ механизмѣ“. *В. К.*	16—19
4.	Земская реформа въ Сибири и канцеляріи. *В. К.*	19—22
5.	Тавричане. Сибирь и казна.	22—24
6.	Очерки сибирской жизни. *Л. К.*	24—30
7.	Сибирскія письма: 1) Тюкалинскъ, 2) Томскъ, 3) Благовѣщенскъ, 4) с. Амга.	30—44
8.	Обозрѣніе русской жизни.	44—49
9.	Письмо въ редакцію. *Эд. Пекарскаго.*	49—50
10.	Опроверженіе.	—51
11.	Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.	51—64
12.	Объявленія.	

ОМЕНСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Н. Альтшулера. Фонтанка, 96.
1910.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ въ почтовыхъ конторахъ или въ книжныхъ магазинахъ — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Сергіевская ул., д. 3.*

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при уплатѣ дополнительныхъ взносовъ **необходимо прилагать адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены почтовыя марки.

2) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи. Авторы, не согласные на сокращенія и передѣлки, должны оговорить это на самой рукописи.

3) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

На пути.

Наброски съ натуры.

I.

Изъ Тартасихи повезъ меня „настоящій, натуральный и гонёбный ямщикъ“... Такъ, по крайней мѣрѣ, отрекомендовалъ его мнѣ десятникъ въ Тартасихѣ, густо обросшій рыжею бородою, плотный и прямо сложенный сибирякъ, лѣтъ сорока.

— У насъ, вашбродь, не сумлѣвайся! Ямщикъ у насъ, одно словно!.. натуральной!!. Гонебной!—ретиво рапортовалъ онъ, вкладывая, казалось, всю свою душу въ эту нелицепріятную хвалу...

Лошадки „гонебнаго“, миссію котораго отправлялъ въ этомъ году Поликарпъ Залетайкинъ, дѣйствительно, бѣжали бойко, а правилъ Поликарпъ артистически, какъ будто оправдывая лестную аттестацію десятника.

По обыкновенію, ѣхали мы „гусемъ“: дороги узкія да и тѣ забросаны суметами отъ вчерашней мятели. Править при такихъ условіяхъ не такъ-то легко. Поликарпъ умѣстился на передкѣ, но не сидѣлъ, а больше торчалъ на колѣнкахъ, напряженно держа въ рукахъ четыре веревочныхъ возжечки, по двѣ въ каждой рукѣ, отъ гусевой лошади и коренника. Черезъ плечо, на длинной веревочной петлѣ, висѣлъ у него пятиаршинный, веревочный же, кнутъ, змѣйкой бѣжавшій по правую сторону кошевки, по рыхлому снѣгу. Время отъ времени Поликарпъ „пужалъ“ имъ лошадей, направляя ударъ на гусевую, но удавался этотъ ударъ очень рѣдко: гусевая и безъ него хорошо знала свои обя-

занности. Поэтому ямщицкіе окрики раздавались въ морозномъ воздухѣ гораздо чаще, чѣмъ хлопанье и шуршанье веревочнаго кнута по упряжи...

— Эй, вы, Боговы!.. Ну-ка, вы!!. По-валивай... Эй вы, малые!!!.

День склонялся къ вечеру. Погода стояла ясная, тихая. Сколько свѣта, блеска, простора!.. Какъ легко дышется въ этомъ безбрежномъ привольи! Сидишь, а въ груди сами собою зарождаются какія-то сокровенныя силы. Въ душѣ выпрямляются какія-то забытыя-забытыя крылья. Пробуждаются посреди этой чистой снѣговой равнины новыя неясныя чувства, дремавшія въ четырехъ стѣнахъ городской квартиры...

— Эй, вы, повалывай!..

Скрипятъ и раскатываются полозья. Кони прибавляютъ бѣга. Тартасиха все отплываетъ назадъ. Бѣло-снѣжная равнина Барабы все больше и больше развертывается въ своемъ алмазномъ блескѣ. Кой гдѣ мелькаютъ причудливыя купы березъ, опушенныхъ сверкающими кристаллами куржака. Что-то сказочное шепчутъ эти родныя березки и гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, поднимается мысль о далекомъ, невозвратно минувшемъ дѣтствѣ, когда глаза довѣрчиво видѣли только то, что видѣли, и уши слышали только то, что слышали...

II.

Но коротокъ зимній день. Вотъ уже солнце придвинулось къ западу. Вотъ ужъ оно вилотную прижалось къ линіи горизонта. Ярче стали багряныя краски заката. Еще минута - и кроваво-красные отблески дневного свѣтила постепенно стушевываются. Выступаетъ одна широкая красная полоса, обнявшая треть горизонта. Съуживаясь вправо и влѣво отъ точки заката, она кажется повязкой на челѣ исполина, обратившаго свои взоры на землю изъ неизмѣримой бездны пространства.

Спускаются едва уловимыя тѣни. Плоская круглая площадь, на всемъ своемъ пространствѣ занесенная снѣгомъ, дѣлится теперь на двѣ неравныя части. Одна часть съ красочными приманками—къ западу. Другая—къ востоку. Тамъ все сѣро, не ясно, мглисто и гро-

зить призраками, привидѣніями сумерекъ, страхами полуночи...

Время идетъ. Исполинъ сбросилъ уже повязку:западъ потухъ. Загорѣлись звѣзды по всему небосводу... И была уже полная ночь, когда мы подъѣхали къ потаскаевской земской „фатерѣ“, гдѣ оставалось только заночевать.

III.

Поликарпъ такъ громко произнесъ свое „тпру-у!“ у воротъ потаскаевской земской квартиры, какъ будто мы съ нимъ, проѣхавъ станокъ, одержали Богъ вѣсть какую побѣду... Отъ лошадей шелъ паръ, и обѣ онѣ стояли, понуря головы. Коренникъ втряхивался всѣмъ тѣломъ и гулко гремѣлъ колокольчиками...

Съ помощью ямщика и нащупываній въ потьмахъ рука попадаетъ на скобку двери въ темныхъ и длинныхъ сѣнцахъ, и мы входимъ, наконецъ, въ земскую горницу съ сухимъ горячимъ воздухомъ отъ раскаленной „желѣзки“. Не успѣлъ я высвободиться отъ запиндевѣвшихъ мѣховыхъ покрововъ, какъ въ горницу вошла здоровая молодуха-хозяйка и въ выраженіи ея глазъ я уже прочелъ:

„Чай, тебѣ самоварчикъ поставить надо?“

По опыту извѣстно, что у всѣхъ хозяекъ земскихъ квартиръ твердое убѣжденіе, что всякій проѣзжій страдаетъ неутолимой жаждой. И утромъ рано, и вечеромъ поздно, въ какую бы пору ночи и дня вы ни пріѣхали,—неизбѣжно хозяйка спрашиваетъ:

– Поди, вамъ самоварчикъ надо согрѣть?

Отказъ выслушивается, какъ причуда путешественника, который вдругъ чаю и того не пьетъ...

— Самовара,—говорю я,—не надо...

— А больше-то у насъ ничего и нѣтъ!..—занимаетъ словоохотливая хозяйка пріѣзжаго, осматривая его до корней волосъ...—У васъ въ городу-то все сладко ѣдятъ—чаи да сахары! А у насъ мужики, они больше хлебать норовятъ. Ну и къ чаю-то мы тоже привышны! Со стола вонъ не сходитъ!

— Спать думаю. Какъ у васъ тутъ, спокойно?.. Клоповъ нѣтъ?

Хозяйка потупляетъ глаза.

— Не жалуются. Ну, да вѣдь опять кто ихъ знаетъ— сами мы здѣсь не спимъ. А ты, видно, ночевать хочешь?

— Дѣло есть... Надо...

— Ну, да вѣдь какъ тоже: день-то намаешься, на дворѣ студено. Скучно тебѣ покажется... А вотъ что... молчи-ка, я тебѣ одну штуку скажу...— И глаза молодухи загорѣлись какимъ то лукавымъ огнемъ...

— Господа у насъ забавляются,—усмѣхаясь, сказала она:—вонъ тамъ на божничкѣ фершальскій маршлутъ лежитъ—почитай! Онамеднись урядникъ тутъ ночевалъ... Такъ и поржалъ же онъ, батюшки свѣты,— какъ этотъ маршлутъ читалъ. Читалъ, читалъ, потомъ мужиковъ давай распрашивать: откуль да какъ эта книга взялась на божничкѣ? До третьихъ пѣтуховъ прошарашился... Начитался да за водкой посылалъ, да еще тутъ кое-что было... закуралесилъ... а утромъ до полденъ провалялся, опоздалъ... Сколько у насъ смѣху надъ имъ было!..

— Да что это за маршрутъ такой?

— А кикимора его знаетъ, какой онъ такой, пошто онъ его оставилъ... Всѣ говорятъ: „маршлутъ да маршлутъ“... другой годъ ужъ валяется... Лонись еще фершалъ оставилъ, позабылъ, а съ тѣхъ поръ и не ѣдетъ!.. Почитай, слышь, почитай!..—сказала молодуха, захлопывая дверь.

IV.

Каково же было мое удивленіе, когда я, протянувъ руку къ божничкѣ, изъ-за иконы Неопалимой Купины вытащилъ толстую книгу въ четверку писчаго листа, въ сафьяновомъ корешкѣ съ кисельнаго цвѣта корками. Тщательно, каллиграфически выведенный заголовокъ на первомъ листѣ гласилъ:

„Дневникъ медицинскаго фельдшера Павла Аполлоновича Кудряшкина за 190... годы его бытія“...

Да, это было ни что иное, какъ книга судебъ медицинскаго фельдшера Кудряшкина—забытый имъ и покинутый на земской квартирѣ дневникъ, а, по выраженію хозяйки, маршрутъ странствованія его въ сей юдоли скорбей и плача, служившій теперь сред-

ствомъ разсѣянія скуки пребывающихъ на земской квартирѣ урядниковъ, акушерокъ, фельдшеровъ, акцизниковъ, мировыхъ...

По нѣкоторымъ почтовымъ станціямъ заботами мѣстныхъ архипастырей разосланы евангелія подъ печатными ярлыками: „для чтенія проѣзжающихъ N—ской почтовой станціи". На всѣхъ почти станціяхъ есть полныя и комизма, и драматизма книги сибирскихъ скорбей, такъ называемыя, жалобныя книги. А въ такихъ глухихъ мѣстахъ, какъ эта потаскаевская земская „фатера", нашелся вотъ этотъ фельдшерскій дневникъ...

Шелъ-шелъ этотъ дневникъ, интимный, стыдливый, скромный и подъ конецъ усталъ, завялъ и скончался. Недописанныя страницы его заняла:

„Разносная карта коллежскаго регистратора П. А. Кудряшкина на 190... годъ", съ записями:

„Аргаяльскому сельскому врачу Губерту Менкъ съ 23 руб. по наружности. Расписка въ полученіи: пакетъ и деньги принялъ сельскій староста Гнухинъ»... Далѣе „№ 39 становому приставу, съ 10 колбочками испорченнаго детрита по наружности. Принялъ помощникъ волостного писаря Слезкинъ", и т. д., и т. д.

V.

Разносная карта Кудряшкина на протяженіи одного-двухъ лѣтъ обходила съ разсыльными по многимъ мѣстамъ. Валялась она и въ сторожкѣ при больницѣ, и въ прокопченыхъ табачнымъ дымомъ волостныхъ правленіяхъ, въ передней станового пристава, у полицейскаго урядника,—однимъ словомъ, ходила и валялась гдѣ попало, пока не застряла вотъ здѣсь, на потаскаевской земской квартирѣ...

И не однѣ, а уже многія любопытныя руки держали эти скрижали сердца Кудряшкина, скрижали, надъ которыми даже владѣлецъ ихъ самымъ наглядным образомъ поставилъ крестъ, измѣнивъ форму своихъ изліяній и придавъ ей названіе „разносной карты" вмѣсто устарѣвшаго вылинявшаго названія „дневникъ".

VI.

„190... года, 27 сентября. Прибылъ въ Турсукъ.

28. Вечеромъ ходилъ къ дьячку въ гости. Пошли

на вечерку и произвели наружную инспекцію (по нѣмецки wychtchupali) всѣхъ дѣвицъ. Для начала недурно. Sapienti sat.

30. Ѣздилъ въ Лялькино, есть больные и цынгой, и чесоткой, и чѣмъ хотите, у этихъ новоселовъ. Испортилъ нимы: въ землянкѣ растаялъ самородный полъ, и я вляпался въ грязь... И такъ-то живутъ люди!..

1. У Березиныхъ на вечеру; игры, пыль, фанты; знакомство. Пили съ батькой Кустодійскимъ взапуски — кто кого перепьетъ. Я въ концѣ-концѣ сдрейфилъ. Поздно разошлись, еле можаху.

3. Всѣ эти дни съ Покрова батька пьетъ безъ просыпу и дурацки куралеситъ. Въ деревнѣ Губкиной его крестьяне отдули... Да! это того... попъ! За вѣнчанье беретъ по 75 руб. и ужъ не меньше 15 руб. Да!..

4—7. Пребывалъ дома и прививалъ оспу.

8. Былъ въ кумовьяхъ. Драбалызнули. На зубокъ положилъ рублевку—знай нашихъ! Повитуха кормила кашей—далъ двугривенный. Всѣ ѣли кашу съ масломъ и сахаромъ, а отцу дали съ солью и перцомъ. Говорятъ обычай. Иванъ Петровичъ смѣшно морщился, но ѣлъ. Мы хохотали.

9—11. Такъ себѣ. Холодные дни.

12. У Киршвассера въ гостяхъ; изученье шаконь и падеспань. Фигли. Мигли. Шурка...

13. Ѣздилъ въ Безграмотную: три семьи угорѣло.

14. Ѣздилъ въ Камышевую—знахарь выжегъ глазъ азотной кислотой, бѣльмо снималъ. О, sancta simplicita!

16—18. Путь—никуда! Ѣздилъ по деревнямъ: Лущеной, Брюхатовой, Голоножкиной, Савраськово Путо—вездѣ новоселы, землянки, грязь, смрадъ, гниль. Болѣютъ и мрутъ. Смертность, надо полагать, отъ тифа.

18—28. Ждалъ доктора, не пріѣхалъ.

29. Дома. Именины у Анастасіи. Состязаніе съ Кустодійскимъ. Велъ—стыдно сказать.

30—31. То да се.

1. Проведеніе блаженной ночи въ Сарваськовыхъ Путахъ. Sat.

2. Продалъ саквояжъ.

3. Купилъ у батьки графинъ.

4. На свадьбѣ у Лутошиныхъ. Молодымъ рубль на столъ. Да-съ!

5. Доктора все нѣтъ.

6. То да се.

7. Уѣхалъ въ Березкину. Земская квартира съ семиградуснымъ тепломъ. Брр...

8. Ярмарка. Купилъ за 7 р. 50 к. новые пимы.

9. Взяли нашего учителя Ивана Ипатыча, книжки читалъ крестьянамъ объ искуственномъ удобреніи... Жаль! Sic transit!..

10. Проведеніе блаженной ночи. Striapca Fecluscha...

11—15. Все по старому. Докторъ проѣхалъ. Зима.

16. Морозитъ. Опять три семьи угорѣло.

17. Вьюга. Дороги сравняло съ крышами.

18. Получилъ сегодня письмо отъ Феклуши, хохоталъ до упаду. Записываю его во всей первобытной прелести:

„Литы писмо туда игдѣ ахъ мой любезнинькай живетъ, милай душенька, што тибе не вижу, а ты нидешь, тиранишь, какъ люблю тебя падлица, а ты надсмѣшкой кочевряжишься, зачѣмъ сердце пахитилъ дамское нѣжное, а самъ надсмихаешься, а я тибѣ нюжли-жъ нюблажала фтвое удовольствіе и фуфайку и пирчатки и каклеты господскіе завсегда жралъ (это она все вретъ, ей-Богу... Примѣчаніе П. Кудряшкина) семгу всю сказала господамъ кошка съѣла, грѣхъ на душу взяла и фсе, а ты губитель праминялъ на Дуняжку разлушницу, какъ люди мнѣ сказали и у гадалки была, што какъ ее музыкой утѣшаешь, и самъ взгляды ей алюсные подлой запущаешь и мыльны слова говоришь, а меня нещасную губишь, тае хто увлекса тобой. Надыть бы балалайку на башкѣ твоей изломать. Пріижжай“.

19. На вечеру у Бродькиныхъ, играли въ фанты. Читалъ письмо Феклуши. Смѣялись до упаду. Учительница Ольга Ивановна славная барышня.

21. Въ альбомъ Ольгѣ Ивановнѣ написалъ стихи Губера, а сказалъ, что самъ для нея спеціально сочинилъ! Военная хитрость. Прекрасные стихи:

Умри, заглохни страсть мятежная,
Души печальной не волнуй,—
Не для тебя надежда нѣжная,
Любви горячій поцѣлуй. и т. д.

Ольга Ивановна такъ на меня посмотрѣла, такъ посмотрѣла... Славная барышня!..

21—25. Ѣздилъ въ Тартасиху. Декамероновскія похожденія. Въ будущемъ году думаю газету выписывать. Ребята, какъ мухи, мрутъ у этихъ новоселовъ..

27. Опять съ Кустодійскимъ на именинахъ Пьетъ и безобразничаетъ безъ мѣры и предѣла.

29. Вчера урядникъ заарестовалъ учителя въ Дурандайкиной. Говорятъ за то, что пѣсню пѣли: „Ахъ ты воля, моя воля, золотая ты моя! Воля соколъ поднебесный, воля свѣтлая заря“... У насъ въ Турсукѣ смѣются.

30. Ѣздилъ въ Чернавкину, по случаю скарлатины. Ночевалъ... Горничная... Утромъ сложились обстоятельства такого рода, что пришлось дать рекруту полтину на водку... Куда мы идемъ? О, tempora! o mores!..

2. Дома. Ольга Ивановна все учительствуетъ. Хорошая барышня, только попу не нравится: не по нему, серьезная, на глупости не пойдетъ.

10. Въ сельской школѣ затѣвается елка. Ольга Ивановна хлопочетъ съ утра до ночи. Даже я коробочки клеилъ съ ней.

15. День статистики: сегодня подсчиталъ свой районъ, и въ вѣдѣніи моемъ оказалось 119 деревень. Сто девятнадцать!.. Отто персона! Я одинъ, а урядниковъ пятеро! Часто меня принимаютъ то за инспектора, то за петербургскаго ревизора. Да-съ! Persona grata!

17. Зима суровая. Въ 5 волостяхъ моего района за зиму замерзло 9, умерло угаромъ 13, зарѣзано 6. Новоселовъ и ребятъ въ то число не кладу.

19—20. Поѣхалъ въ Бородавкину. Интимныя предпріятія съ нарядчикомъ и ихъ благопріятный финалъ. Восторги блаженства...

23. Елку въ училищѣ совсѣмъ нарядили. Ольга Ивановна утомилась до того, что и на себя непохожа.

25. Ради праздника не ночевалъ на квартирѣ. Хо-

зяпнъ пьянствуетъ, перебилъ мать, жену. Къ утру урядникъ посадилъ его въ каталажку.

28. Елка въ училищѣ разстроилась: волостной писарь запретилъ, говоритъ: безъ разрѣшенія высшаго начальства нельзя, не полагается. Вечеромъ собрались у Ольги Ивановны знакомые. Пѣли, играли. Къ утру на стѣнѣ нашли афишу: „Публичный домъ"! Всѣ говорятъ, что рука Кустодійскаго...

1. Встрѣчали новый годъ. Ольга Ивановна все плачетъ. Говоритъ: съѣстъ меня Кустодійскій... Мнѣ ее жаль!..

4. Ольга Ивановна училась въ епархіальномъ, папаша ея дьячокъ въ 70 верстахъ отсюда. Ей всего 17 лѣтъ. Бѣленькая, худенькая, въ чемъ душа держится. Не выжить ей тутъ!..

6—19. Ждали доктора—не ѣдетъ. Мужики сильно ропщутъ: не охота мертвыя тѣла караулить.

27. Докторъ проѣхалъ.

31. Познакомился съ новымъ ветеринарнымъ фельдшеромъ Павломъ Андреичемъ. Пріѣхалъ на службу изъ Россіи, теперь чуму караулитъ и на чемъ свѣтъ нашу Сибирь ругаетъ, не-мшоной зоветъ ее. Ни дорогъ, говоритъ, у васъ нѣтъ, ни почты, ни пунктовъ, ни школъ... Главное дѣло, ежели бы земство намъ. Все же оно, можетъ быть, что нибудь и устроило бы. А то вѣдь дѣйствительно, какъ раздумаешься, пропасть, а не житье... Мы то тутъ околтались, а вотъ со стороны то и видно, что худо... Охъ, худо есть!..

. . . . . .

VII.

Въ такомъ же родѣ дневникъ Кудряшкина тянется еще года два. Было бы черезчуръ скучно передавать здѣсь содержаніе его по порядку: все одно и то же, одно и то же... Скучно да и безполезно.

На дворѣ глухая ночь. Тоска. Встаютъ изъ-за прочитанныхъ, нерѣдко какъ бы и фривольныхъ, строкъ дневника знакомыя картины деревенскаго житья-бытья... Встаютъ и, какъ живыя, стоятъ передъ глазами—жутко смотрѣть!..

Утомили онѣ, повидимому, и жизнерадостнаго Ку-

дряшкина, и онъ сталъ искать себѣ опоры. Перваго января 190... года онъ торжественно заноситъ въ свои лѣтописи новый фактъ:

„Сегодняшній день есть день величайшаго торжества: было мое обрученіе съ крестьянскою дѣвицею Матреной Силантьевной Куроносовой села Шубно-Курнинскаго той же волости Черно-Шубинскаго уѣзда. Пришлось отдать за невѣсту 50 руб. деньгами, выправить платье и тому подобное, на что еще ухнуло 43 руб. Первые переговоры мои были еще въ началѣ декабря прошлаго года. Пили чарующій волшебный напитокъ — шипсъ! Поѣхали кататься съ дѣвицами и вывалились изъ кошевы... 25 января было бракосочетаніе. Прогуляли 6 дней...“

Чѣмъ дальше, тѣмъ записи Кудряшкина становились короче и короче и дѣлались имъ совсѣмъ рѣдко, только въ высокоторжественныхъ случаяхъ семейнаго и патріотическаго характера. Очевидно, для него наступило новое время, и онъ пѣлъ новыя пѣсни. Февраля 2-го отмѣчена мобилизація по случаю нашей войны, при чемъ ремарка: „намъ, русскимъ, ужасно не везетъ: вездѣ насъ побѣждаютъ“! Годъ спустя, въ апрѣлѣ зарегистрировано рожденіе сына, еще годъ—рожденіе дочери, и т. д. Кудряшкинъ былъ на прямой и вѣрной стезѣ. Переходъ на слѣдующей страницѣ отъ „дневника“ къ „разносной картѣ“ въ сущности являлся естественнымъ: это былъ простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ. *Карта* по праву заняла свое мѣсто.

Что еще? Желая оградить читателя отъ безполезныхъ терзаній, мы намѣренно пропустили тѣ мѣста дневника, гдѣ описывались похороны. Въ маѣ, среди возрождающейся, ликующей природы, хоронили 18-лѣтнюю сельскую учительницу Ольгу Ивановну. Одинъ эпизодъ сильно запечатлѣлся въ памяти Кудряшкина, и онъ записалъ его въ дневникъ: „какая то сердобольная простая женщина, когда гробъ молчаливо пронесли на голое деревенское кладбище, неожиданно для всѣхъ вдругъ заголосила надъ покойницей:

— Чистой бѣленькой цвѣточекъ, да ты зачѣмъ рано повялъ!?

За словами послѣдовалъ интервалъ рыданій, а за нимъ слова:

— Чистый бѣленькій цвѣточекъ, да ты зачѣмъ рано повялъ!?

Еще рыданія и опять тѣ же слова... Въ концѣ концовъ всѣ зарыдали, и кончина учительницы была деревней оплакана". „А это не часто бываетъ"—прибаляетъ отъ себя Кудряшкинъ...

Оставшаяся часть ночи прошла безпокойно. Что то тяжелое, какъ туча, повисло въ воздухѣ потаевской земской квартиры и давило своей тяжестью. Сонъ былъ тревожный и нисколько не возстановлялъ потраченныхъ силъ. Еще не разсвѣло, а я уже требовалъ себѣ лошадей и отъ всего сердца радовался, видя въ пути восходящее солнце, переливныя краски восточнаго неба, бѣлоснѣжную скатерть степи съ ея заманчивой, многообѣщающей далью... Душу охватывала наивная, чисто дѣтская радость, когда въ головѣ всплывала мысль:

— А вѣдь Потаскаиха-то осталась тамъ, позади! Ямщикъ оживленно покрикивалъ:

— Эй вы, повалива-а-ай!—

Сани бойко летѣли впередъ, скрипя полозьями. Дорога тянулась на востокъ. И не было никакой возможности не вѣрить, и сердце вѣрило, что дальше *на пути*, будетъ и свѣтлѣе, и лучше... А разсудокъ назойливо и упрямо твердилъ свое... Черезъ три часа ямщикъ привезетъ меня въ Новую Потаскаиху...

Ф. Зобнинъ.

Къ переселенческому вопросу.

Въ началѣ осени появились въ газетахъ вѣсти о томъ, что переселенцы прошлаго года въ Минусинскомъ округѣ находятся въ крайне затруднительномъ положеніи. Весна и лѣто были засушливы. — Подобныя явленія нерѣдкость на верхнемъ Енисеѣ. Бываютъ и другіе казусы: иногда во время цвѣтенія хлѣба начинаютъ падать инеи, и хлѣбъ пропадаетъ совсѣмъ. Хотя Минусинскій округъ и считается житницей Енисейской губерніи, но старожиламъ извѣстны только двѣ мѣстности, на правомъ берегу Енисея, гдѣ ни-

когда не побивало хлѣба инеемъ. Что касается инея, то здѣсь нельзя впередъ угадать, будетъ ли онъ въ данной мѣстности или нѣтъ. Поэтому стараются распахивать пашни на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ. Но и тамъ иногда въ сырое лѣто портятся хлѣба. Другое дѣло засуха. Противъ нея есть средства; но переселенческое управленіе вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ стародавнему способу проводить ирригаціонныя канавы, вырыло только колодцы около предположенныхъ поселковъ. Колодцы же могутъ только поить людей и скотъ.

Въ сущности Минусинскій уѣздъ по своему орографическому и гидрографическому устройству представляетъ собою мѣстность, самой природой предназначенную для искусственнаго орошенія. На сѣверѣ уѣзда проходитъ отрогъ Кузнецкаго Алатау, упирающійся въ Енисей и перекидывающійся на правый берегъ его. Спускаясь съ Кузнецкаго Алатау, мы встрѣчаемъ долину Абакана, самую низменную часть округа, а за Абаканской долиной появляются предгорья могучаго хребта Саянъ. Такимъ образомъ съ сѣвера и съ юга отъ Абакана въ горныхъ хребтахъ громадные запасы текучей воды. На самой границѣ Томской губерніи въ Абаканъ впадаетъ Джебашъ и притоки его Чеханъ и Карасиба, затѣмъ Табатъ и Бея. Съ сѣвера границей Томской губерніи служитъ рѣка Таштыпъ длиною не менѣе полутораста верстъ, затѣмъ рѣки Тея и Сея и самый большой лѣвый притокъ Абакана—Аскызъ, а потомъ Уйбатъ и притоки его верховій.

Такія удобства для ирригаціи, казалось, должны бы навести на мысль о пользованіи рѣками для орошенія засѣянныхъ полей и сѣнокосовъ.

На это можно отвѣтить, что искусственное орошеніе въ Минусинскомъ округѣ существовало уже давно, хотя и не въ незапамятныя времена, а въ VIII вѣкѣ, когда тамъ жилъ народъ Хагасы, которыхъ пробовали отождествлять съ киргизами. Свѣдѣнія объ этомъ народѣ мы получили отъ китайскаго посольства, отправленнаго на дальній сѣверъ, чтобы заключить съ нимъ союзъ. Китайскій посолъ сообщаетъ, что хагасы—народъ храбрый, воинственный и трудолюбивый. Они проводили ирригаціонныя канавы для орошенія полей. Сѣяли они просо, гималайское жито и яч-

мень. На сколько значительны были ирригаціонныя сооруженія хагасовъ, указываютъ остатки магистральныхъ канавъ, достигающихъ протяженія пятидесяти верстъ. На сколько плотно было населеніе Минусинскаго округа того времени, достаточно сказать, что его обыватели могли въ случаѣ надобности выставить шестьдесятъ тысячъ войска.

Теперь же тамъ только въ двухъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ дѣйствительную искусственную ирригацію: въ селѣ Бійскомъ и въ деревнѣ Субботиной. Послѣдняя деревня, называвшаяся раньше Обѣтованной, заселена была сектантами. Тогда она была кругомъ охвачена инородческими землями. Извѣстный ученый Чихачевъ, изслѣдовавшій восточный Алтай, перешелъ черезъ вершины рѣки Апы и, вступивъ въ Минусинскій округъ, осмотрѣлъ селеніе Обѣтованное. Ученый изслѣдователь былъ пораженъ тѣмъ умѣньемъ, какое обнаружили жители села Обѣтованнаго при устройствѣ искусственнаго орошенія своихъ полей.

Впрочемъ, встрѣчаются иногда и у мѣстныхъ инородцевъ оросительныя канавы для покосовъ; но эти сооруженія попадаются сравнительно рѣдко. Повидимому, искусство орошенія луговъ теперь у инородцевъ находится въ упадкѣ. Когда какая нибудь группа инородцевъ задумаетъ оросить свои поля, она начинаетъ разыскивать, нѣтъ ли гдѣ остатковъ „чудскихъ арыковъ“. Очевидно, древніе обитатели долины Енисея обладали большой опытностью въ устройствѣ искусственной ирригаціи.

Всякій внимательный наблюдатель, знакомый съ Сибирью, легко можетъ убѣдиться въ томъ, что искусственное орошеніе существуетъ не въ одномъ Минусинскомъ уѣздѣ. Оно извѣстно мѣстнымъ жителямъ на Алтаѣ, но наиболѣе развита искусственная ирригація въ Забайкальской области. Во всѣхъ мѣстностяхъ, начиная съ Онона и Аги, постоянно встрѣчаются водяные арыки. Эта система практикуется въ восточномъ Забайкальѣ, такъ какъ тамъ, въ крайне сухой мѣстности, невозможно выращивать траву безъ орошенія.

Подвигаясь отъ степей къ Яблоновому хребту, гдѣ начинается лѣсная растительность, на склонахъ горъ, на полянахъ проводятъ арыки съ горныхъ склоновъ для того, чтобы нѣсколько осушить заболоченныя долины. Здѣсь практикуется уже не ирригація, а дренажъ.

Перебираясь въ систему рѣки Хилка, гдѣ среди лѣсовъ начинаются сухія долины, встрѣчается удобреніе луговъ.

Дальше, ниже впаденія Хилгасона и Ханкасана, долина Хилка расширяется. Здѣсь, кромѣ сѣнокошенія, уже начинается хлѣбопашество. На Ононѣ и въ верховьяхъ Хилка огораживаютъ сѣнокосы, а на нижнемъ и среднемъ теченіи его начинаютъ огораживать посѣвы хлѣбовъ.

Въ этой мѣстности буряты нашли остатки древнихъ арыковъ, подобные тѣмъ, которые имѣются въ Минусинскомъ уѣздѣ. Разница между остатками древней ирригаціи въ Минусинскомъ округѣ и въ Забайкальѣ заключается въ томъ, что въ долинѣ Енисея пользуются водой только для орошенія, тогда какъ за Байкаломъ практикуютъ и дренажъ.

Самымъ интереснымъ примѣромъ примѣненія искусственнаго орошенія является ирригаціонное сооруженіе у бурятъ, верстахъ въ двадцати отъ Петровскаго завода. Живущіе въ этой мѣстности буряты соорудили магистральную канаву, изъ нея распустили по склону горы цѣлую сѣть арыковъ и распредѣлили между собою поливныя луга, а на открытыхъ мѣстахъ распахали землю, огородили ее заборомъ и засѣяли пшеницей.

Обращаясь снова къ Минусинскому округу, мы должны признать нынѣшнюю засуху бѣдствіемъ экстраординарнымъ. Въ нынѣшнемъ году обмелѣли не только небольшія рѣки, но и Енисей. Встрѣтились затрудненія въ судоходствѣ на Енисеѣ. Но если бы тамъ заблаговременно, вмѣсто колодцевъ, обратились къ расчисткѣ старыхъ арыковъ, бѣдствіе было бы не такъ ужасно, какъ теперь.

Д. К.

Маленькая поправка къ недостатку въ „механизмѣ“.

Одной изъ маленькихъ ошибокъ „механизма“ у насъ въ Сибири всегда была недостаточность медицинской помощи населенію. Благодаря отсутствію въ Сибири земскихъ учрежденій вся забота о медицинской помощи падала на администрацію.

Но, какъ показала практика, администрація всегда тя-

нется въ хвостѣ нуждъ и потребностей мѣстнаго населенія, и, благодаря сложности механизма, всѣ реформы и мѣропріятія съ этой стороны идутъ съ весьма сильнымъ запозданіемъ.

Напримѣръ, потребовалось 14 лѣтъ, чтобы убѣдиться въ недостаточности штатовъ медицинской помощи мѣстному населенію, введенныхъ съ 1897 г. И только теперь эти штаты нѣсколько расширены, хотя и теперь безусловно недостаточны.

Но если организація медицинской помощи сельскому населенію была въ Сибири всегда недостаточной, то послѣднее обстоятельство особенно заставляло себя чувствовать по отношенію переселенцевъ.

Съ наплывомъ переселенцевъ и образованіемъ массы новыхъ поселковъ, часто далеко въ таежныхъ мѣстахъ, существовавшая медицинская организація оказалась вполнѣ недостаточной.

Между тѣмъ переселенцы, явившись изъ земскихъ губерній, привыкли уже у себя на родинѣ обращаться за помощью не къ знахарямъ и лѣкаркамъ, а къ фельдшерамъ, врачамъ и въ лѣчебницы.

Переселенцы особенно были чувствительны къ недостатку медицинской помощи, и тѣмъ болѣе важно было удовлетворить ихъ потребность въ этомъ отношеніи, что и заболѣваемость, и смертность среди нихъ были значительно повышены.

Переселенческое управленіе все это хорошо понимало.

Однако, зная, на сколько неподвижны и инертны всякаго рода казенныя организаціи, переселенческое управленіе не пыталось обращаться куда бы слѣдовало съ предложеніемъ по мѣрѣ заселенія губерніи расширять постепенно сѣть медицинскихъ пунктовъ, а нашло лучшимъ, и совершенно правильно, создать свою медицинскую организацію по пути слѣдованія переселенцевъ и на мѣстахъ ихъ водворенія. При подвижности своихъ кредитовъ все это можно было сдѣлать скоро и хорошо.

Такъ и было сдѣлано. И, вотъ, на мѣстахъ появились двѣ параллельныя организаціи медицинскаго характера. Сельская врачебная помощь для мѣстнаго кореннаго населенія и врачебно медицинская помощь для переселенцевъ.

По обычаю создался антагонизмъ между вѣдомствами и

даже соперничество. Врачебные отдѣленія старались подчинить себѣ новыя медицинскія учрежденія, но послѣднія держались самостоятельно и обособлено.

Во всей этой исторіи самымъ печальнымъ было то, что переселенческія медицинскія организаціи понимали черезчуръ буквально свою роль, а именно, оказывать медицинскую помощь только переселенцамъ, и отказывали въ послѣдней старожиламъ.

Конечно, въ этомъ отношеніи многое зависѣло отъ взгляда на дѣло и отъ личности завѣдывавшихъ врачей, но въ очень многихъ мѣстахъ старожильческое населеніе не могло пользоваться ничѣмъ отъ медицинскихъ организацій переселенческаго управленія. Въ амбулаторіи старожиловъ не принимали, по ихъ вызову къ больнымъ медицинскій персоналъ не являлся и даже за помѣщеніе въ переселенческія больницы со старожиловъ взималась особая плата.

Само собою разумѣется, что подобное обособленіе переселенческихъ медицинскихъ организацій отъ мѣстнаго старожильческаго населенія было вполнѣ ненормальнымъ и, наконецъ, обратило на себя вниманіе.

„Лучше поздно, чѣмъ никогда"!

И вотъ не особенно давно завѣдующимъ переселеніемъ и землеустройствомъ въ Енисейской губерніи изданъ нижеслѣдующій циркуляръ за № 1389, какъ будто полагающій конецъ медицинскому антагонизму двухъ вѣдомствъ.

„Мною неоднократно разъяснялось завѣдывающимъ медицинскими переселенческими пунктами,—говоритъ онъ,—что на этихъ пунктахъ должна быть оказываема безплатная медицинская помощь не только переселенцамъ, но и старожиламъ. Между тѣмъ отъ времени до времени до меня доходятъ свѣдѣнія, что будто-бы это требованіе не всегда исполняется. Хотя и можно предположить, что означенныя свѣдѣнія не отличаются достаточной достовѣрностью, но, тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, на будущее время считаю необходимымъ настоящимъ циркуляромъ освѣдомить завѣдывающихъ медицинскими пунктами Енисейскаго района о томъ, что персоналъ этихъ пунктовъ подобно тому, какъ персоналъ участковыхъ больницъ, обязанъ оказывать медицинскую помощь безъ различія и старожиламъ, и переселен-

цамъ, точно также обязанъ оказывать медицинскую помощь не только переселенцамъ, но и старожиламъ.

Въ этихъ видахъ въ частности прошу завѣдующихъ переселенческими больницами: 1) принимать въ своихъ амбулаторіяхъ и переселенцевъ, и старожиловъ одинаково, не дѣлая между ними никакого различія.

2) Выѣзжать въ подлежащихъ случаяхъ по вызовамъ не только для оказанія медицинской помощи на мѣстахъ къ переселенцамъ, но и къ старожиламъ.

3) Въ случаяхъ наличности свободныхъ коекъ принимать безпрепятственно на излѣченіе въ больницы и старожиловъ; въ случаяхъ же, когда на свободныя койки являются требованія и со стороны переселенцевъ, и старожиловъ, принимать на эти койки тѣхъ больныхъ, независимо отъ того, переселенцы они или старожилы, кои наиболѣе нуждаются въ больничномъ лѣченіи или безъ него обходиться не могутъ".

Мы не знаемъ, на сколько жизнь подчинится циркулярамъ и какъ теперь пойдетъ дѣло подачи медицинской помощи населенію, безъ дѣленія его на старожиловъ и переселенцевъ и при обращеніи вниманія лишь на наличность заболѣванія.

Во всякомъ случаѣ начало сдѣлано и хорошо уже то, что принципіально дѣленіе населенія на двѣ группы устранено.

Теперь отъ медицинскаго персонала будетъ зависить примѣненіе этого принципа на практикѣ.

В. К.

Земская реформа въ Сибири и канцеляріи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Сибирской Жизни" депутатъ Государственной Думы Н. Л. Скалозубовъ сообщаетъ о своемъ посѣщеніи департамента общихъ дѣлъ и о разговорѣ съ директоромъ этого учрежденія о сибирскомъ земствѣ.

Полученныя имъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ по вопросу о введеніи земскихъ учрежденій въ Сибири безусловно вполнѣ неутѣшительны.

Во 1-хъ, съ 1905 г, когда послѣдовалъ высочайшій ре-

скрипт на имя иркутскаго генералъ-губернатора о распространеніи земскихъ учрежденій въ Сибири, до сихъ поръ въ департаментѣ еще не собраны нужныя свѣдѣнія и матеріалы.

Во 2-хъ, въ департаментѣ нѣтъ лицъ, близко и хорошо знающихъ Сибирь, и работать въ этомъ направленіи некому.

Въ 3-хъ, какъ будто во время своей поѣздки по Сибири минувшимъ лѣтомъ министры лично убѣдились, что для Сибири еще не насталъ моментъ, удобный для введенія земскихъ учрежденій, и эта реформа считается для Сибири преждевременной.

Само собою ясно, на сколько всѣ эти реляціи несущественны, не серьезны и даже комичны. Напр., первая. До сихъ поръ, т. е. въ теченіе 5 лѣтъ не собраны матеріалы. Но кто же въ этомъ виноватъ? Не Сибирь же и не сибиряки. Вѣдь такимъ образомъ эти матеріалы могутъ быть не собраны и въ теченіе 50 лѣтъ.

Послѣднее обстоятельство характеризуетъ лишь наши министерскія канцеляріи со стороны ихъ трудоспособности и того легкомысленнаго отношенія къ столь серьезному дѣлу, какимъ, казалось бы, нужно было считать судьбы земства въ Сибири.

Огромная область давно уже ждетъ, какъ манны небесной, земской реформы и задыхается въ цѣпкихъ, дореформенныхъ объятіяхъ сибирской администраціи, а въ департаментѣ за 5 лѣтъ еще не удосужились приступить къ собранію матеріаловъ.

Хорошъ и другой доводъ. Въ департаментѣ нѣтъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ Сибирью.

Но вѣдь если ихъ нѣтъ въ департаментѣ, то вѣдь это еще не значитъ, что такихъ лицъ совсѣмъ нѣтъ. Мы знаемъ, что лицъ, хорошо знающихъ Сибирь, достаточно. Изъ нихъ есть много такихъ лицъ, которыя съ величайшимъ усердіемъ отдали бы свои силы, знанія и труды на такую работу, какъ выработка положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Сибири.

Почему бы этимъ лицамъ не поручить этого дѣла, почему бы не пригласить ихъ къ этому труду? Или только

потому нельзя, что большинство подобныхъ лицъ безъ чиновъ, орденовъ и мундира.

И теперь является вопросъ, когда же въ департаментѣ появятся лица, знакомыя съ Сибирью, или когда самъ г. директоръ изучитъ Сибирь?

Впрочемъ, вѣдь если бы явилась охота, то съ точки зрѣнія департаментскихъ мыслителей, все это сдѣлать очень легко. Департаментскіе чиновники усваиваютъ всякія спеціальности изъ оконъ вагоновъ. Мы это видимъ по исторіи недавней поѣздки въ Сибирь министровъ. Прокатились—и все узнали, написали докладъ въ 80 страницъ убористой печати.

Достаточно послать лѣтомъ способнаго чиновника департамента прокатиться въ поѣздѣ экспрессъ до Владивостока и обратно, и департаментъ имѣлъ бы своего спеціалиста по знакомству съ Сибирью.

„Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно“!

Да грустно, потому что до крайности возмутительно подобное игнорированіе насущныхъ интересовъ и потребностей столь обширной области, какъ Сибирь.

Но есть вѣдь и другая точка зрѣнія. И съ этой послѣдней, казалось бы, должны считаться даже директора министерскихъ департаментовъ. Вѣдь высочайшій рескриптъ на имя иркутскаго генералъ-губернатора 3 апрѣля 1905 года долженъ же къ чему нибудь обязывать? И неужели же съ опубликованіемъ этого рескрипта все уже сдѣлано и можно сложить руки и даже оставить заботу о собираніи матеріаловъ?

Намъ кажется, что подобная медлительность, подобное бездѣйствіе не допустимы и даже преступны; мы можемъ лишь удивляться такой „халатности“ въ столь важномъ и серьезномъ дѣлѣ.

Въ этомъ отношеніи удивляютъ насъ и гг. сибирскіе депутаты. Одинъ изъ нихъ занятъ все время вопросами переселенческаго дѣла, другой всецѣло ушелъ въ сферу духовныхъ дѣлъ, третій занятъ путями сообщенія и пр.

Конечно, все это—важные вопросы, насущные, и ихъ нельзя игнорировать, но еще болѣе, по нашему, важнѣе во-

просъ о введеніи земства въ Сибири, такъ какъ съ его рѣшеніемъ будутъ рѣшены сами собою и многіе другіе.

Вотъ поэтому то, казалось бы, возможно требовать отъ сибирскихъ депутатовъ, чтобы они всегда и вездѣ неустанно кричали и требовали выполненія рескрипта 3 апр. 1905 г.

Мы думаемъ, что со стороны сибирскихъ депутатовъ было бы вполнѣ своевременнымъ внести въ Государственную Думу запросъ по этому поводу.

Вѣроятно, изъ этого запроса ничего не выйдетъ въ практическомъ смыслѣ, но, по крайней мѣрѣ, министру внутреннихъ дѣлъ придется такъ или иначе высказаться, и Сибирь будетъ освѣдомлена, чего она можетъ для себя ожидать отъ этого рескрипта.

В. К.

Тавричане, Сибирь и казна.

Послѣ долгихъ слезныхъ просьбъ, при заступничествѣ разныхъ вліятельныхъ персонъ, кавказскіе овцеводы, извѣстные подъ кличкой „тавричанъ“, получаютъ, наконецъ, субсидію въ 350 тысячъ рублей на покрытіе расходовъ по переселенію ихъ въ Сибирь. Итакъ, кавказскіе хищники, въ теченіе полувѣка эксплуатировавшіе почти даромъ прекрасныя пастбища, нажившіе за счетъ казацкой халатности и лѣни, за счетъ неряшливаго веденія областного хозяйства, сотни тысячъ рублей, получаютъ отъ казны, т. е. съ того же населенія, пособіе, на которое можно бы открыть сотню народныхъ школъ. Получаютъ—и за что же? За то, что не сумѣли въ теченіе пятидесяти лѣтъ поставить свое хозяйство на болѣе прочныхъ основаніяхъ, не могли организовать правильнаго сбыта, завоевать прочнаго рынка. За то, что на протяженіи ряда лѣтъ расхищали цѣлинныя богатства степи, занимались въ извѣстной своей части сбытомъ фальшивыхъ кредитокъ, вымогательствомъ подъ угрозой нападенія. Получаютъ—и для какой цѣли? Для того, чтобы перенести цѣликомъ свои эксплуататорскіе пріемы въ новый край, еще богатый тѣми мутными водами, въ которыхъ ловкіе аферисты съ успѣхомъ ловятъ рыбу. Для того, чтобы дѣвственныя пастбища Алтая, Минусинска, Заиртышья, такъ

необходимые для туземнаго скотовода, попали въ руки таврпчанъ за совершенный безцѣнокъ.

Конечно, не жалко было бы этихъ 350 тыс. рублей, если бы дѣйствительно переселеніе тонкорунпаго овцеводства возродило эту промышленную отрасль до прежнихъ размѣровъ, когда, помимо удовлетворенія нуждъ внутренняго рынка, на десятки милліоновъ выбрасывалось шерсти въ иностранныя государства. Но дѣло въ томъ, что деньгп будутъ брошены на вѣтеръ. Тонкорунное овцеводство немыслимо въ Сибири: въ этомъ начинаютъ убѣждаться сами овцеводы, успѣвшіе уже переселиться и урвать по дешевой цѣнѣ десятки тысячъ десятинъ. Такъ, извѣстная московская фирма Алексѣева заарендовала въ Минусинскомъ округѣ 60.000 дес. и перевела до 5.000 испанскихъ овецъ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ довѣренный этой фирмы, нѣкто С. Четвериковъ, въ довольно мрачныхъ краскахъ описываетъ современныя условія сибирскихъ степей. Оказывается, что суровый климатъ вредно вліяетъ на качество шерсти: она дѣлается грубѣе, слѣдовательно, понижается въ своей цѣнности. Самое же главное—нѣтъ воды и поэтому, заявляетъ Четвериковъ, „пока правительство не озаботится устройствомъ достаточной сѣти обводнительныхъ бассейновъ—никакое овцеводство немыслимо“. Слѣдовательно, разъ правительство желаетъ возродить погибшую въ Европейской Россіи отрасль животноводства, оно должно затратить милліоны рублей на обводненіе сибирскихъ степей для господъ овцеводовъ, а тамъ видно будетъ, привьется тонкорунное овцеводство въ этихъ мѣстахъ или нѣтъ. Иначе говоря, переселеніе овцеводовъ въ Сибирь—затѣя безпочвенная, и тратить на нее 350 тысячъ рублей—значитъ бросить крупную сумму на дѣло, завѣдомо неудачное. Тѣмъ болѣе отпускъ данной суммы неоснователенъ, что, по словамъ того же Четверикова, сами овцеводы не имѣютъ понятія, куда переселяться, такъ какъ совершенно отсутствуетъ освѣдомленность насчетъ пустующихъ и непригодныхъ для земледѣлія пространствъ.

Въ общемъ вождѣленія таврпчанъ сводятся сейчасъ къ слѣдующему: помимо отпуска 350 тыс. рублей, необходимо выяснить пространства, которыя могутъ быть отведены подъ овцеводство, а самое главное, они должны быть обводнены.

Не густо ли будетъ для васъ, господа тавричане, набившіе карманы за счетъ народной темноты, а главное, не стыдно ли вамъ, чуть не милліонерамъ, урывать изъ народныхъ грошей солидный кушъ?

Народнымъ представителямъ не мѣшало бы подумать надъ этой статьей расхода, хотя овцеводы самодовольно заявляютъ, что они „уже заручились поддержкой въ Думѣ“...

Очерки сибирской жизни.

Странныя вещи случаются иногда на свѣтѣ и особенно—въ Сибири...

Недавно, со словъ „Уссурійской Окраины“, мы передавали, какъ никольскъ-уссурійскій околоточный надзиратель Новицкій, отстраненный отъ должности по случаю судимости, при сдачѣ дѣлъ и денегъ, удержалъ послѣднія при себѣ.

И вдругъ, въ № 226 той же газеты, теперь читаемъ, что, послѣ оправданія его владивостокскимъ судомъ, военный губернаторъ назначилъ г. Новицкаго на прежнее мѣсто.

А какъ же „экспропріація“-то? Куда же дѣвался протоколъ о ней, „многочисленные свидѣтели“ и пр.? Или г. Новицкій только „пошутилъ“? Должно быть, что не иначе... Но все-таки изумленію обывателей, вѣроятно, нѣтъ границъ. Въ самомъ дѣлѣ: сейчасъ надо было кричать—„караулъ“, а сейчасъ—опять величай „его благородіемъ“.

Сибиряковъ, впрочемъ, трудно удивить—они всякое видали на своемъ вѣку. Ничѣмъ, напр., не лучше г. Новицкаго драгунскій священникъ въ с. Раздольномъ, выкосившій захватнымъ порядкомъ 30 десятинъ луга крестьянъ деревни Кипарисовой. Хозяева луговъ, чуть ли не цѣлымъ сходомъ, говоритъ „Океанскій Вѣстникъ“, застали его уже за уборкою сѣна. Но „батя“, вмѣсто того, чтобы скопфузиться, ихъ же выругалъ за неблагодарность. Однако, присутствіе среди кипарисовцевъ старосты—какъ никакъ все же должностное лицо—должно быть, подѣйствовало немножко: драгунскій священникъ „вынулъ клочекъ бумажки и карандашомъ написалъ росписку“ на 140 руб., обязавшись уплатить ихъ „по первому требованію“. Но, когда дѣло дошло до суда, онъ предъявилъ встрѣчный искъ въ 240 руб. и то же — за сѣно. Хорошъ и священникъ ст. Ханьдаохедзы, ухитрившійся,

было, какъ разсказываетъ та же газета, сохранить права собственности на корову, хотя она перешла отъ него уже въ третьи руки. Пользуясь неграмотностью этого третьяго лица, онъ подсунулъ для подписи его сожительницѣ документикъ, обязывающій новаго владѣльца доставлять Крахмалеву ежедневно по 2 бутылки молока и сколько потребуется остальныхъ продуктовъ „по день его отъѣзда изъ Ханьдаохедзы“. Баба, въ простотѣ душевной, очень радовалась, что Богъ послалъ имъ такого хорошаго покупателя, а когда она явилась черезъ мѣсяцъ за деньгами, священникъ выразилъ крайнее удивленіе: „Какія деньги? За что?.. вы должны носить мнѣ безплатно, или я по суду отберу у васъ корову“. Однако, отвѣтчикъ представилъ на судѣ другой документъ, удостовѣряющій, что корова пріобрѣтена совсѣмъ не у „батюшки“, и въ искѣ Крахмалеву было отказано.

Хабаровскій соборный староста г. Гоголевъ, тоже подъ покровомъ „благочестія“, торговалъ контрабандпымъ спиртомъ. Въ его надворныхъ постройкахъ. по словамъ вышеупомянутой газеты, обнаружено свыше 300 ведеръ этой драгоцѣнной влаги, до 80 пустыхъ „банокъ“ и ливеръ для переливанія въ бочки. Относительно принадлежности г. Гоголеву всего найденнаго сомнѣній быть не можетъ, такъ какъ ключъ отъ пакгауза находился лично у него.

„Гонялись за мухой съ обухомъ“, ловили бутылку водки, фунтъ чая, пудъ кэты, а цѣлые винные склады выростали почему-то невидимо.

Кстати, кэта снова принята въ русское „подданство“. Какъ сообщаетъ „Далекая Окраина“, начальникъ приамурскаго таможеннаго округа разъяснилъ, наконецъ, что, при условіи засолки въ нашихъ предѣлахъ и нашими промышленниками, „происхожденіе“ кэты безразлично.

Конечно, „лучше поздно, чѣмъ никогда“, но все же жаль, что не торопятся съ разъясненіями, столь существенными для тѣхъ, кому дорога каждая копѣйка.

Не важно идутъ дѣла въ Манчжуріи и съ русской лѣсопромышленностью, развитіе которой казалось вполнѣ возможнымъ. Въ Никольскъ-Уссурійскѣ, пишетъ „Уссурійская Окраина“, „настойчиво говорятъ, что со дня на день ожидается крахъ цѣлаго ряда русскихъ лѣсныхъ предпрія-

тій". А японцы почему-то и по сейчасъ отправляютъ лѣсъ цѣлыми транспортами въ Америку, въ Австралію.

Чума, разумѣется, не можетъ способствовать улучшенію торговыхъ оборотовъ. Поэтому, если оправдаются пессимистическія ожиданія, если профессору Заболотному, приглашенному, наконецъ, Китайско-Восточной дорогою, не удастся уже пріостановить дальнѣйшее распространеніе заболѣваній, то можно предвидѣть впереди еще и не то.

Временное ослабленіе эпедиміи, какъ утверждаютъ врачи, не знаменуетъ собою близкаго ея конца. Мы, петербуржцы, знаемъ это по четырехлѣтнему опыту съ холерою, да и на примѣрѣ Одессы. Единственный изъ владивостокскихъ вольнопрактикующихъ врачей, согласившійся ѣхать на манчжурскую чуму и предупреждавшій телеграммою въ столичныя газеты о бѣдѣ, которая грозитъ всей Россіи, г. Беньяшъ, заболѣлъ этой ужасной болѣзнью черезъ недѣлю же по прибытіи на мѣсто. Харбинская „Новая Жизнь" поднимаетъ даже вопросъ: слѣдуетъ ли намъ хлопотать о китайцахъ, всячески уклоняющихся отъ нашей помощи, и не лучше ли Фудзядянъ совершенно отрѣзать, а всѣхъ не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій китайцевъ эвакуировать съ полосы отчужденія.

Во второй своей части—рецептъ почти невыполнимый. Вѣдь мало эвакуировать, — нужно еще поставить преграду обратному вселенію. А какъ же это сдѣлать, если городъ не можетъ услѣдить даже за тѣмъ, чтобы фудзядянцы не подбрасывали ему по ночамъ своихъ чумныхъ покойниковъ?

Въ борьбѣ съ чумою, кромѣ самой себя, Сибири не на кого пока надѣяться, что и подтвердилъ отказъ Новониколаевску на его ходатайство объ устройствѣ обсерваціоннаго пункта для пассажировъ, слѣдующихъ съ Дальняго Востока. Управленіе Сибирской дороги отвѣтило, что пунктъ ей не нуженъ и, вслѣдствіе этого, просьба города можетъ быть исполнена лишь при согласіи его ассигновать на сей предметъ по 500 руб. ежемѣсячно. Министръ путей сообщенія про деньги ничего не упомянулъ, но тоже нашелъ обсервацію излишнею—за отдаленностью Новониколаевска отъ очаговъ заразы и достаточностью мѣръ, принятыхъ на Забайкальской дорогѣ.

Новониколаевская дума, не считая себя вправѣ пола-

гаться на одни увѣренія, рѣшила возбудить новое ходатайство о разрѣшеніи съѣзда въ Томскѣ представителей сибирскихъ городовъ, для неотложной выработки плана совмѣстной борьбы „съ надвигающейся съ Востока чумой".

Омское, Томское, Барнаульское, Маріинское и Колыванское городскія управленія уже отвѣтили согласіемъ.

Выражая увѣренность, что томская дума „сдѣлаетъ все возможное отъ нея, чтобы съѣздъ этотъ прошелъ въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ", „Сибирское Слово" отмѣчаетъ назрѣвшую потребность въ съѣздахъ сибирскихъ городовъ *вообще*, указывая и очередные вопросы для ближайшихъ совѣщаній.

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ, конечно, вопросъ „о способахъ воздѣйствія на скорѣйшее введеніе въ Сибири земскихъ учрежденій"; затѣмъ, идутъ: „о сибирскомъ поземельномъ банкѣ", „о муниципализаціи городскихъ земель и предпріятій" и т. д.

Совершенно новое явленіе для Сибири — „безработные" тоже нашли бы тутъ мѣсто. Кадры ихъ все растутъ: въ одномъ только Владивостокѣ, по словамъ „Харбинскаго Вѣстника", „цифра русскихъ безработныхъ для зимнихъ мѣсяцевъ опредѣляется въ 3,000 человѣкъ". Нужда вездѣ такъ велика, что ея не пугаетъ никакой трудъ.

Когда городской совѣтъ Харбина началъ производить наемку въ летучіе санитарные отряды по чумѣ, то, разсказываетъ „Текущій День", желающихъ попасть въ санитары явилось до ста человѣкъ. Большинство оказалось изъ безработныхъ — ужасъ „безпріютной и полуголодной жизни", очевидно, страшнѣе самой смерти...

Владивостокское Морское Общество ждетъ, что съ закрытіемъ иностраннаго паруснаго каботажа заработки населенія увеличатся. Это безспорно такъ бы и было, не существуй способовъ обходить законъ. Предполагать какой-то особый патріотизмъ у судовладѣльцевъ нѣтъ основаній: почему имъ выдѣляться изъ ряда другихъ предпринимателей, пользующихся дешевымъ трудомъ желтыхъ, напр., съ помощью прописки ихъ по русскимъ паспортамъ? Надзоръ за выполненіемъ закона подразумѣвается во всемъ и всегда, но вѣдь это не значитъ, будто онъ осуществимъ вездѣ и всюду, а тѣмъ болѣе на Дальнемъ Востокѣ. Въ точ-

номъ примѣненіи его администрація лично не заинтересована: при множествѣ лежащихъ на ней обязанностей, ей подъ силу выбирать только самыя настоятельныя, самыя важныя, или даже лишь считаемыя таковыми по соображеніямъ данной минуты и высшаго начальства.

Совершенно другое дѣло—принадлежитъ ли этотъ надзоръ тѣмъ, на комъ лежитъ забота о матеріальномъ благополучіи населенія. Правительству все равно, что въ Петербургѣ на какомъ-нибудь Горячемъ полѣ, въ навозныхъ кучахъ, проводятъ зиму сотни человѣкъ. И администраціи все равно: она только обязана „не допускать“ такихъ „противозаконныхъ“ поселковъ, поэтому навозные жители извлекаются изъ своихъ норъ при посредствѣ дрессированныхъ полицейскихъ собакъ. Но городу не можетъ быть „все равно“: онъ прекрасно знаетъ, что если можно искать „сугрѣву“ въ навозѣ, то питаться имъ все же нельзя, и что „навозный человѣкъ“ неизбѣжно долженъ обшаривать чьи нибудь карманы или квартиры. Эта печальная неизбѣжность, несмотря на всѣ недостатки нынѣшняго городового положенія, вынуждаетъ наши муниципалитеты отъ времени до времени проявлять нѣкоторыя заботы о бездомныхъ людяхъ.

Какъ же бы не проявили они и большей энергіи, чѣмъ администрація, въ надзорѣ за примѣненіемъ закона, разъ это избавляетъ отъ расходовъ, отъ безпокойнаго элемента? Хуже, во всякомъ случаѣ, не было бы, а лучше — весьма возможно, особенно, принимая во вниманіе проснувшійся интересъ къ городскимъ дѣламъ.

Важность участія мѣстнаго населенія въ переселенческомъ дѣлѣ столь очевидна, что, по словамъ читинской газеты „Думы“, даже, наконецъ, „камни возопили“. Забайкальская переселенческая организація, говоритъ газета, все „продолжаетъ путаться“ съ воображаемыми „излишками“: то откромсаетъ ихъ тамъ, гдѣ излишковъ вовсе нѣтъ, то откроетъ ихъ въ „мѣстностяхъ“, совершенно для заселенія непригодныхъ, тратя огромныя суммы на безполезныя экспедиціи. Сколь иногда онѣ продуктивны, видно изъ факта, приводимаго „Омскимъ Вѣстникомъ“ относительно Атбасарскаго уѣзда. Въ одномъ изъ его районовъ въ прошломъ году было нарѣзано 2.000 долей, якобы „вполнѣ годныхъ“ для заселенія. А нынче, при осмотрѣ но-

вою коммиссіей, изъ этихъ 2,000 было забраковано ни болѣе, ни менѣе, какъ 1,200 долей, т. е. 60%!

Безпомощность, агрономическая безпризорность сибирскихъ хлѣбопашцевъ дошла, напримѣръ, до того, что въ роли агрономовъ выступаютъ... начальники губерній.

Такъ, семипалатинскій губернаторъ Тройницкій, по сообщенію, кажется, „Сибирскаго Слова", открылъ способъ улучшить урожайность „перепашкою снѣга" на поляхъ.

Очень можетъ быть, что въ „открытіи" г. Тройницкаго и заключена нѣкоторая доза истины. Вслѣдствіе перепашки, снѣгъ, возможно, лежитъ болѣе ровнымъ слоемъ, не такъ сдувается вѣтрами, медленнѣе таетъ и пр., о чемъ утвердительно или отрицательно можетъ говорить только спеціалистъ. Среди губернаторовъ они, конечно, большая рѣдкость, вродѣ какъ бѣлые слоны, а между тѣмъ—опыты г. Тройницкимъ уже производятся, при чемъ на нихъ удѣляется изъ скудныхъ средствъ (всего-то 100 тыс. рублей), ассигнованныхъ для продовольственной помощи. Пусть это даже не повліяетъ на размѣры ея (можетъ быть, „перепашка" организована въ формѣ общественныхъ работъ? У насъ нѣтъ подъ руками подлинной замѣтки), но не служитъ ли самый фактъ доказательствомъ неотложности введенія земства?

Въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ, предположимъ, напалъ на удачную мысль; но какъ онъ, спрашивается, можетъ провѣрить ее на рядѣ опытовъ, когда для этого не существуетъ ни денегъ, ни людей, ни контролирующаго аппарата? „Перепахалъ снѣгъ" въ прошломъ году и собралъ обильную жатву. Но вѣдь еще не доказано, потому ли она обильна, что произведена была перепашка снѣга, или же потому, что имѣлись на лицо благопріятныя условія вообще, т. е. хорошія сѣмена, своевременные дожди и солнышко, не слишкомъ большіе морозы и пр?..

Если „открытіе" г. Тройницкаго ничего не стоитъ, то „перепашка снѣга" такая же „полезная" общественная работа, какъ, напримѣръ, толченіе воды въ ступѣ. И тогда этотъ видъ помощи, по терминологіи самихъ же представителей власти, явится „развращающимъ" населеніе. Если же, повторяемъ, въ немъ скрыты крупицы блага, то онѣ пропадутъ, разсыплются въ ничѣмъ не провѣренномъ, не доказанномъ опытѣ одного голоднаго года. Попробуйте-ка увѣрить потомъ му-

жика, что пахать снѣгъ такъ же производительно, какъ землю.—„Паши ее безъ сѣмянъ-то, сколько хочешь,—отвѣтитъ онъ, пожалуй, со смѣхомъ,—а все равно ничего не соберешь. Такъ гдѣ-жъ, хотя бъ и губернатору, собрать урожай со снѣга?“

Не менѣе тяжела зависимость сибирскихъ крестьянъ отъ кулаковъ. Кредитныя товарищества, къ которымъ сибиряки имѣютъ большую склонность, далеко не вездѣ осуществимы, а, кромѣ того, именно безъ земства-то и трудно поставить ихъ на твердую почву. Кто научитъ, заведетъ правильную отчетность? Некому — и созданное дѣло всегда рискуетъ рухнуть.

Кулаки въ Сибири, оказывается, дадутъ впередъ сто очковъ своимъ зарубежнымъ собратіямъ. Вотъ, напримѣръ, какую расписку выдалъ одинъ крестьянинъ Куналейской волости нѣкоему Г. М. Зубицкому („Сибирь“, № 251), въ обезпеченіе своего долга въ 22 руб.: „подписываю ему, Зубицкому, одну десятину съ четвертью насѣвка яричнаго хлѣба“... При чемъ еще съ обязательствомъ выжать его и свезти прямо на гумно къ заимодавцу.

Представимъ себѣ, что по какой-либо причинѣ долгъ въ назначенный день не уплаченъ, что заимодавецъ умышленно отсутствовалъ, уклонился какимъ-нибудь способомъ отъ получки его,—и десятина съ четвертью идетъ *за 22 рубля!*.. Грабежъ, какъ на большой дорогѣ.

Л. К.

Сибирскія письма.

Тюкалинскъ (*Безправное положеніе сельскихъ учителей*). Въ небольшомъ селѣ нашего уѣзда Ново-Троицкомъ имѣется одноклассная сельская школа. Уже третій годъ въ этой школѣ работаетъ молодая дѣвушка, учительница г-жа Поспѣлова. Чуждая политики, она всецѣло была поглощена дѣлами своей школы. Для своего дѣла она не жалѣла ни силъ, ни здоровья. Такъ, въ нынѣшнемъ году, когда нельзя было принять всѣхъ желающихъ учиться, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ въ школѣ, г-жа Поспѣлова рѣшила принять всѣхъ, чтобы никого не лишить возможности учиться. А такъ какъ всѣ сразу не могли вмѣститься въ школу, то учитель-

ница раздѣлила учениковъ на двѣ группы и занималась съ каждой отдѣльно. Съ первой занималась съ утра до обѣда, со второй съ обѣда до 5—6 час. вечера.

Видя такое отношеніе къ дѣлу, крестьяне съ уваженіемъ относились къ учительницѣ и въ постоянной ссорѣ ея съ священникомъ всегда принимали ея сторону.

Дѣла въ школѣ шли хорошо, учительница была довольна.

Вдругъ 31-го октября къ ней является нѣкая г-жа Чепина и заявляетъ:

— Иванъ Ивановичъ велѣлъ вамъ сдать школу мнѣ!..

Какъ громъ, поразила эта вѣсть учительницу. Однако она рѣшила ничего не предпринимать, пока сама не получитъ оффиціальнаго увѣдомленія отъ инспектора. Недолго пришлось ей томиться ожиданіемъ, такъ какъ 2-го ноября она получила отъ инспектора народныхъ училищъ Ив. Ив. Соловьева отношеніе за № 5985 отъ 15-го октября с. г., въ которомъ было сказано:

„Вы отчисляетесь, для пользы службы, отъ должности учительницы Ново-Троицкаго однокласснаго училища съ 1-го ноября“.

Не оставалось больше сомнѣній. — ее среди зимы прогнали со службы, лишили куска хлѣба. А за что?!.. По какой причинѣ? Она такъ и не могла понять.

„Для пользы службы“ —гласитъ отношеніе; но чьей?

Если понимать слова инспектора такъ, что учительница увольняется „для пользы дѣла“, то кажется страннымъ, откуда г. инспекторъ, въ теченіе трехлѣтнихъ занятій г-жи Поспѣловой въ Ново-Троицкой школѣ ни разу не посѣтившій школу, вдругъ узналъ, что старая учительница хуже новой г-жи Чепиной, которая до этого служила у инспектора въ канцеляріи переписчицей.

Можетъ быть, г-жа Чепина обнаружила въ канцеляріи инспектора особенныя педагогическія способности?..

Не зная за собой вины, скорѣе склонная подозрѣвать, что инспекторъ И. И. Соловьевъ просто хочетъ устроить своего человѣка на мѣстѣ,—учительница возбудила противъ него жалобу передъ попечителемъ западно-сибирскаго учебнаго округа.

Много времени пройдетъ, пока будетъ разобрано ея дѣло, а пока—сиди безъ куска хлѣба.

Инспекторомъ Соловьевымъ очень многіе недовольны, очень многихъ онъ и раньше удалялъ безъ всякой причины. На него жаловались въ училищный совѣтъ, но онъ не обращаетъ вниманія и продолжаетъ свое дѣло. Вотъ еще примѣръ его дѣятельности.

Учительница двухкласснаго сельскаго училища въ селѣ Баженовскомъ О. и учительница сельской школы поселка Козырлинскаго Б. получили предписаніе о томъ, чтобы онѣ подали къ 15 ноября прошеніе объ увольненіи, въ противномъ случаѣ онѣ будутъ уволены безъ прошенія.

Учительницы рѣшили самимъ не оставлять должность до объясненія или до оффиціальнаго увольненія, въ надеждѣ узнать причину увольненія, а также, чтобы имѣть возможность жаловаться на распоряженіе инспектора Соловьева.

Снова очутятся два человѣка, можетъ быть, по капризу г. Соловьева, безъ куска хлѣба!.. *Филиппов.*

Томскъ (*Затхлая атмосфера. Люди въ футлярѣ. Смерть на посту*). „Затхлая атмосфера“ — такой отзывъ о министерствѣ народнаго просвѣщенія далъ недавно въ Томскѣ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Дѣло происходило такимъ образомъ. Былъ ветеринарный съѣздъ въ Томскѣ съ участіемъ начальника главнаго ветеринарнаго управленія В. Ф. Нагорскаго. Обсуждался, между прочимъ, вопросъ объ учрежденіи въ Сибири ветеринарнаго института. Три города спорили за честь быть мѣстомъ открытія института: Омскъ, Томскъ и Красноярскъ. Томская городская дума постановила: возбудить ходатайство объ открытіи ветеринарнаго института въ Томскѣ, отвести подъ помѣщенія института десять десятинъ городской земли и ассигновать на постройку зданія его сто тысячъ рублей. Избрана была особая депутація для поддержанія ходатайства передъ главнымъ начальникомъ ветеринарнаго управленія г. Нагорскимъ. Въ составъ депутаціи вошли гласные: ректоръ томскаго университета, проф. Базановъ, бывшій ректоръ проф. Курловъ, проф. Кащенко и др. Депутаты изложили тѣ соображенія, въ силу которыхъ предпочтеніе должно быть отдано Томску. Въ Томскѣ институтъ могъ бы быть открытъ, какъ отдѣльный факультетъ университета или отдѣленіе медицинскаго факультета. Въ такомъ случаѣ расходы по открытію института и его содержанію значительно

бы сократились: отпали бы общіе расходы по управленію; многіе профессора университета могли бы читать лекціи и на ветеринарномъ отдѣленіи; нѣкоторыя учебно-вспомогательныя учрежденія университета могли бы обслуживать и ветеринарное отдѣленіе; въ особенности важное значеніе для будущихъ ветеринаровъ имѣлъ бы существующій уже при томскомъ университетѣ единственный въ Сибири бактеріологическій институтъ. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что въ Томскѣ уже есть два высшихъ учебныхъ заведенія, является въ высшей степени благопріятнымъ условіемъ, способствующимъ поднятію научнаго духа, развитію научныхъ интересовъ среди будущихъ преподавателей и слушателей ветеринарнаго института. Наконецъ, скотоводство имѣетъ наибольшее распространеніе именно въ Томской губерніи...

В. Ф. Нагорскій выслушалъ депутатовъ и замѣтилъ, что всѣ эти доводы ему уже извѣстны. Вѣдь нѣсколько лѣтъ тому назадъ совѣтъ томскаго университета возбуждалъ ходатайство объ открытіи ветеринарнаго отдѣленія. Ходатайство сопровождалось обстоятельной и очень убѣдительно составленной запиской. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что ветеринарный институтъ долженъ быть открытъ именно въ Томскѣ и именно въ видѣ отдѣленія медицинскаго факультета.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— А за тѣмъ, что г. попечитель учебнаго округа далъ отзывъ, неблагопріятный ходатайству совѣта университета.

— Но какія же возраженія могъ представить г. попечитель?

— Г. попечитель находилъ, что благодаря двумъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ въ западной Сибири слишкомъ много *„бродячихъ элементовъ“* (?!). Нѣтъ надобности ихъ увеличивать.

Далѣе зашла рѣчь на тему о томъ, есть ли надежда, что все таки вопросъ рѣшенъ будетъ въ пользу открытія института въ Томскѣ. По этому поводу любопытное соображеніе высказалъ одинъ изъ чиновниковъ ветеринарнаго управленія.

— Конечно,—сказалъ онъ,—гораздо легче открыть инсти-

тутъ въ Томскѣ, чѣмъ, напримѣръ, въ Омскѣ. Но, правду сказать, боимся мы Томска...

— Почему?—поинтересовался узнать ректоръ университета, проф. Базановъ.

— А потому, что новый ветеринарный институтъ, открытый въ Омскѣ, будетъ въ нашемъ вѣдомствѣ, а въ Томскѣ—въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія.

— Что же вы имѣете противъ министерства народнаго просвѣщенія?—настаивалъ представитель университета,

— Затхлая у васъ атмосфера, профессоръ.

Затхлая атмосфера въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія! Затхлая атмосфера тамъ, гдѣ нѣтъ свѣта, воздуха, движенія, гдѣ мракъ, темнота, могильный покой.

Но въ томъ вѣдомствѣ, которое руководитъ дѣломъ просвѣщенія народа, можетъ ли быть затхлая атмосфера?

Не должна быть, но можетъ быть. Не станетъ отрицать этого тотъ, кто знакомъ съ порядками, господствующими въ нашемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія и, въ частности, въ Западно-Сибирскомъ учебномъ округѣ.

Профессоръ Базановъ ничего не возразилъ чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ какъ бы предвидѣлъ, что ему самому собственными дѣяніями предстоитъ въ недалекомъ будущемъ подтвердить мнѣніе петербургскаго чиновника.

Шли подготовленія къ пироговскимъ торжествамъ. Готовился университетъ. Готовились различныя общественныя организаціи (общество врачей, педагогическое общество, студенческое пироговское общество, общество попеченія о народномъ образованіи и другія). Возникъ вопросъ о томъ, не цѣлесообразно ли было бы устроить совмѣстное чествованіе памяти Пирогова университетомъ и другими общественными организаціями г. Томска?

Казалось бы, отвѣтъ на поставленный вопросъ ясенъ. Пироговъ высоко ставилъ университеты, университетскую науку, университетскихъ дѣятелей. Пироговъ самъ былъ выдающимся ученымъ и профессоромъ.

Но въ то же время Пироговъ былъ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Онъ указывалъ на необходимость тѣсной органической связи между университетомъ и обществомъ. Онъ говорилъ, что взаимодѣйствіе между универси-

тетомъ и обществомъ безусловно необходимо и въ интересахъ университета, и въ интересахъ общества. А если такъ, то наилучшій способъ достойно почтить память Пирогова заключается въ устройствѣ совмѣстнаго чествованія университетомъ и общественными организаціями.

На такую точку зрѣнія стали представители всѣхъ томскихъ обществъ и многіе профессора. Но на другую точку зрѣнія стали другіе профессора во главѣ съ ректоромъ Базановымъ и профессоромъ Тиховымъ. Послѣдній благодаря случайному стеченію обстоятельствъ примазался къ имени Пирогова. Профессоръ Тиховъ въ томскомъ университетѣ занимаетъ ту каѳедру госпитальной хирургіи, которую нѣкогда въ Петербургѣ занималъ великій Пироговъ. На этомъ сходство прекращается. Что же касается идеаловъ Пирогова, то, какое отношеніе имѣетъ къ нимъ профессоръ Тиховъ, видно изъ многочисленныхъ корреспонденцій изъ Томска, напечатанныхъ въ „Сибирскихъ Врачебныхъ Извѣстіяхъ“. Достаточно сказать, что слухъ о томъ, что профессоръ Тиховъ выступитъ ораторомъ на пироговскомъ торжествѣ, вызвалъ чувство негодованія среди томскихъ врачей. Профессоръ Тиховъ понималъ, что программа совмѣстнаго чествованія памяти Пирогова будетъ выработана путемъ соглашенія представителей профессорской коллегіи съ представителями различныхъ обществъ; а въ такомъ случаѣ невозможно разсчитывать на то, что въ программу включена будетъ его рѣчь о Пироговѣ. И вотъ профессоръ Тиховъ ухватился за жупелъ, который всегда пугалъ и будетъ пугать педагоговъ изъ категоріи Чеховскихъ людей въ футлярѣ: „какъ бы чего не вышло“. Въ „затхлой атмосферѣ“ жупелъ оказалъ магическое дѣйствіе. Ректоръ Базановъ и его единомышленники оказались убѣжденными сторонниками самостоятельнаго выступленія университета по принципіальнымъ соображеніямъ!! Въ совѣтѣ, когда обсуждался вопросъ, они составили случайно большинство (одного или двухъ голосовъ) и постановили: устроить чествованіе памяти Пирогова самостоятельно.

Представители обществъ вступили въ переговоры съ ректоромъ, соглашались на всевозможныя уступки, приводили различные доводы, просили созвать экстренное засѣданіе совѣта для пересмотра вопроса... Но ректоръ былъ глухъ и нѣмъ, потому что „какъ бы чего не вышло“.

Вечеромъ 13 ноября состоялось одновременно два чествованія памяти Пирогова: университетское въ общественномъ собраніи и общественное въ желѣзнодорожномъ собраніи. Была публика и въ общественномъ собраніи, но не такъ, чтобъ очень много; въ частности, очень мало было профессоровъ и студентовъ. А желѣзнодорожное собраніе было биткомъ набито: многіе возвращались по домамъ, ибо не могли попасть въ залу засѣданія. Въ общественномъ собраніи былъ цвѣтъ томской бюрократіи во главѣ съ управляющимъ губерніей т. сов. Извѣковымъ; въ желѣзнодорожномъ собраніи,—цвѣтъ томской интеллигенціи: много профессоровъ, студентовъ, учителей среднихъ и низшихъ школъ, врачей, адвокатовъ и др. Въ общественномъ собраніи чествованіе началось чтеніемъ съ туманными картинками проф. Тихова, потомъ слѣдовали академическія рѣчи: царила официальная скука. Въ желѣзнодорожномъ собраніи чувствовался подъемъ общественнаго настроенія. Вѣрная нота дана была открывшимъ собраніе предсѣдателемъ организаціоннаго комитета по устройству чествованія бывшимъ членомъ первой Думы докторомъ А. И. Макушинымъ, предложившимъ почтить вставаніемъ память Л. Н. Толстого и С. А. Муромцева. За симъ, по предложенію А. И. Макушина, предсѣдателемъ собранія избранъ былъ популярный профессоръ Томскаго университета, предсѣдатель студенческаго пироговскаго общества, А. Е. Смирновъ. Послѣ 3—4 рѣчей, въ которыхъ дана характеристика жизни и дѣятельности Пирогова, слѣдовалъ длинный рядъ коротенькихъ привѣтствій: отъ городского управленія, технологическаго института, различныхъ обществъ—ученыхъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, студенческихъ кружковъ самообразованія, редакцій двухъ томскихъ прогрессивныхъ газетъ: „Сибирской Жизни“ и „Сибирскаго Слова“. Въ этихъ привѣтствіяхъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вѣрная картина общественнаго настроенія.

Торжество въ желѣзнодорожномъ собраніи окончилось къ половинѣ двѣнадцатаго ночи. Публика начала расходиться. Предсѣдатель собранія проф. Смирновъ, объявивъ засѣданіе закрытымъ, оставался нѣкоторое время на эстрадѣ; дѣлился впечатлѣніями съ участниками торжества. Затѣмъ, сказавши: „усталъ же я сегодня“ сѣлъ на мягкое кресло,

и минуты черезъ 2 — 3 скончался отъ паралича сердца. Красивая, завидная смерть: безъ мученій, страданій, на своемъ посту!

Покойный, какъ ученый, пользовался заслуженной извѣстностью одного изъ лучшихъ гистологовъ въ Россіи; его перу принадлежитъ до 40 цѣнныхъ научныхъ работъ. Послѣднія 15 лѣтъ жизни проведены имъ въ Томскѣ. И эти 15 лѣтъ всецѣло посвящены были научной работѣ. Профессора Смирнова всегда легко было найти: съ утра онъ уже въ своей лабораторіи въ кругу своихъ вѣрныхъ друзей микроскоповъ. Какъ членъ профессорской корпораціи, покойный былъ убѣжденнымъ защитникомъ академической автономіи. Свои взгляды онъ смѣло и энергично проводилъ въ совѣтскихъ и факультетскихъ засѣданіяхъ. Какъ изслѣдователь, профессоръ Смирновъ пользовался большими симпатіями слушателей и слушательницъ. И это понятно. Чувствовалось, что профессоръ Смирновъ влюбленъ въ свою науку; эта любовь передавалась и студентамъ. Съ другой стороны, чувствовалось и на каждомъ шагу подтверждалось, что профессоръ Смирновъ — не чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія, что это—прежде всего человѣкъ чистаго сердца, прекрасной души. До послѣдняго времени покойный стоялъ въ сторонѣ отъ общественной жизни, всецѣло поглощенный научными и преподавательскими занятіями. Всего лишь годъ тому назадъ онъ нарушилъ свое научное уединеніе, согласился взять на себя обязанности предсѣдателя общества попеченія о народномъ образованіи.

Весной текущаго года студенческое пироговское общество при томскомъ университетѣ устроило торжественное чествованіе проф. Смирнова по поводу 25-лѣтія его научной дѣятельности. Чествованіе отличалось большой сердечностью.

Въ рѣчахъ, посвященныхъ характеристикѣ юбиляра, между прочимъ, подчеркивалась его вѣрность завѣтамъ великаго Пирогова. Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ. Наступило пироговское торжество. Недавній юбиляръ избирается предсѣдателемъ многочисленнаго собранія и умираетъ, закрывъ собраніе. Славная смерть!

Томскій.

— (*„Полнота власти“... союза русскаго народа*). Въ нашемъ городѣ „полнота власти“ принадлежитъ, несомнѣнно, союзу русскаго народа,—говоритъ корреспондентъ „Рѣчи“.

Въ № 46 мѣстнаго органа союзниковъ „Сибирской Правды“ помѣщена была слѣдующая замѣтка:

„Нападеніе гимназистовъ на кіоскъ союза русскаго народа. Вечеромъ, 7 ноября, нѣсколько гимназистовъ подошли къ кіоску союза русскаго народа, находящемуся около дома Кухтевина, по Нечаевской улицѣ, и требовали закрыть кіоскъ, прекратить торговлю по случаю смерти Льва Толстого; но сидѣлица въ кіоскѣ на это не согласилась. А такъ какъ постоянно былъ народъ около кіоска, то гимназисты ушли. 8-го же числа, часа въ 3 дня, они вновь пришли большой толпой и снова потребовали прекращеніе торговли. Получивъ снова категорическій отказъ, ученики-хулиганы силою стали запирать и хотѣли взять газеты; но, встрѣтивъ сопротивленіе, одинъ изъ этихъ хулигановъ ударилъ сидѣлицу-женщину камнемъ, а затѣмъ ушли; камнемъ разшиблена голова у сидѣлицы“.

Это—въ разсказѣ «Сибирской правды», на самомъ же дѣлѣ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ:

Въ субботу, 6-го ноября (а не 7-го), днемъ (а не вечеромъ) къ кіоску подошло нѣсколько гимназистовъ, которые начали разглядывать вывѣшенныя открытыя письма. Сидѣлица съ грубой руганью, въ которой преобладало слово «жидъ», погнала ихъ прочь. Уходя, одинъ изъ гимназистовъ стукнулъ кулакомъ по стѣнкѣ кіоса. Ясно, что гимназисты не могли требовать закрытія кіоска по случаю смерти Л. Толстого, такъ какъ это происходило 6-го, когда еще вся Россія надѣялась на выздоровленіе великаго писателя. 8-го ноября въ 12 ч. дня (а не въ три), къ кіоску подошли три гимназиста (а не «большая толпа» «Сибирской Правды») и попросили сидѣльцу продать имъ телеграммы о смерти Толстого. Такая явная насмѣшка заставила сидѣльцу разразиться потокомъ брани. Гимназисты отвѣтили ударомъ въ стѣнку кіоска.

Спрашивается, на сколько соотвѣствуетъ правда—«Сибирской Правдѣ»?!

15-го или 16-го ноября попечитель западно-сибирскаго

округа прислалъ бумагу въ гимназію, предлагая «очистить немедленно гимназію отъ этихъ м...»

Послушный совѣтъ гимназіи исключилъ этихъ трехъ гимназистовъ—учениковъ IV класса, дѣтей несостоятельныхъ родителей—безъ права поступленія въ средне-учебныя заведенія.

Ну, чѣмъ не „полнота власти“? Въ субботу, 13 ноября замѣтка появилась, черезъ недѣлю ученики уже исключены.

Благовѣщенскъ (*Кто насъ охраняетъ*). Въ Благовѣщенскѣ третій годъ уже существуетъ сыскное отдѣленіе. По словамъ корреспондента „Рѣчи“,—во главѣ его стоитъ бывшій жандармскій унтеръ-офицеръ Ермаковъ, а въ числѣ агентовъ состояли и состоятъ слѣдующія лица: Ракитскій—отбылъ 15 лѣтъ каторги въ 1908 году; Петръ Ивановъ—отбылъ 12 лѣтъ каторги въ 1905 году; Вано Шашашвили—отбылъ 4 года каторги въ 1909 году; Иванъ Дудниковъ—отбылъ 12 лѣтъ каторги въ 1905 году; Проненко—отбылъ 10 лѣтъ каторги въ 1904 году. Всѣ они ссыльно-поселенцы, лишенные правъ, но въ протоколахъ и какъ свидѣтели въ судѣ фигурируютъ подъ видомъ крестьянъ и мѣщанъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія у насъ сыскного отдѣленія былъ ограбленъ въ своей квартирѣ нѣкто Данчинъ. Грабители проникли въ домъ подъ предлогомъ обыска, при чемъ нѣкоторые были въ полицейской формѣ.

Данчинъ, жена его и квартирантка Ермакова (однофамилица начальника сыскного отдѣленія) признали въ двухъ изъ грабителей агентовъ сыскного отдѣленія Корабовича и Дзевялтовскаго. Корабовичъ—бывшій читинскій приставъ, уволенный со службы за какіе-то проступки.

Начальникъ сыскного отдѣленія, не вѣря въ виновность своихъ подчиненныхъ, арестовалъ нѣсколько лицъ (Жабинова, Куныкова, Обухова, Юшкова и др.) и неоднократно предъявлялъ ихъ потерпѣвшимъ, утверждая, что именно эти лица, какъ ему доподлинно извѣстно, произвели грабежъ.

Потерпѣвшіе оказались людьми упрямыми и, кромѣ Корабовича и Дзевялтовскаго, никого не хотѣли признать. Продержавъ арестованныхъ въ тюрьмѣ 9 мѣсяцевъ, ихъ выпустили. Корабовичъ и сейчасъ арестованъ при полиціи, что же касается Дзевялтовскаго... то онъ выпущенъ на поруки и состоитъ письмоводителемъ при Ермаковѣ.

1910 годъ подарилъ насъ крупнымъ дѣломъ.

2 марта 1910 года нѣсколько корейцевъ были ограблены въ своей квартирѣ, при чемъ у нихъ отобрано было около 150 руб. денегъ и 8 фунтовъ золота (вынесеннаго съ пріисковъ). Ограбленные корейцы признали грабителей въ лицѣ агента сыскного отдѣленія Вано Шашашвили и нѣкоего персидскаго подданнаго Ассана, состоявшаго при отдѣленіи „сотрудникомъ". На квартирѣ у Шашашвили найденъ былъ револьверъ, отобранный при ограбленіи у корейцевъ.

Оба эти лица были арестованы приставомъ 2-го участка и переданы сыскному отдѣленію, откуда Ермаковъ ихъ немедленно освободилъ. Только по жалобѣ ограбленныхъ корейцевъ военному губернатору Амурской области Шашашвили и Ассанъ были вновь арестованы при полиціи, гдѣ и содержатся по настоящее время.

Затѣмъ постепенно корейцами были опознаны и арестованы грузины Голошвили и Курту и русскій Брюковъ. Оказавшійся сильно скомпрометтированнымъ агентъ сыскного отдѣленія Пропенко—скрылся, какъ только корейцы стали опознавать участниковъ грабежа.

Между тѣмъ, выяснилась причастность агента сыскного отдѣленія Дудникова къ покушенію на ограбленіе Михайловскаго почтоваго отдѣленія въ ночь на 26 іюня 1909 года. Во время нападенія начальникъ отдѣленія Нижегородцевъ стрѣлялъ въ грабителей, ранилъ одного изъ нихъ и обратилъ въ бѣгство. По этому дѣлу было арестовано много лицъ, которыя просидѣли въ тюрьмѣ разные сроки. Одинъ изъ нихъ—Марченко—просидѣлъ 14 мѣсяцевъ и былъ освобожденъ за отсутствіемъ уликъ.

Почти черезъ годъ, въ ночь на 25-е іюня 1910 года, Михайловское почтовое отдѣленіе вновь подверглось нападенію, казенныя деньги въ суммѣ 26,000 руб. были похищены, а чиновникъ Нижегородцевъ запертъ въ казенномъ сундукѣ, гдѣ хранились посылки.

Послѣ безплодныхъ поисковъ истинныхъ виновниковъ ограбленія, приставъ Рингсъ, начальникъ сыскного отдѣленія Ермаковъ и производившій слѣдствіе мировой судья 5-го участка Кухаренко удовольствовались арестомъ чиновника Нижегородцева и сторожа Путинцева, обвиняя ихъ въ ограбленіи. Нижегородцевъ—человѣкъ незапятнанной репу-

таціи, получившій за отбитіе нападенія въ прошломъ году благодарность начальства (при этомъ онъ былъ тяжело раненъ), а Путинцевъ—простоватый казачій подростокъ. Оба сидятъ въ тюрьмѣ уже пятый мѣсяцъ, несмотря на полное отсутствіе какихъ-либо уликъ.

Во время этого подневольнаго сидѣнья Нижегородцевъ призналъ среди арестантовъ одного изъ участниковъ прошлогодняго нападенія, Степена Шустова, арестованнаго по другому дѣлу. Допрошенный слѣдователемъ, Шустовъ сознался въ участіи въ покушеніи и указалъ на сообщниковъ: нѣкоего Мельникова и агента сыскного отдѣленія Ивана Дудникова. Дудниковъ, страннымъ образомъ, оказался предупрежденнымъ, и скрылся прежде, чѣмъ его собрались арестовать, а Мельниковъ находится неизвѣстно гдѣ.

Немногаго сказаннаго достаточно, чтобы дать понять, какія руки охраняютъ жизнь и имущество населенія въ Благовѣщенскѣ.

С. Амга, Якутской области (*О насажденіи пьянства*). Съ невѣроятнымъ усердіемъ насаждается пьянство въ Якутской области. Количество распродаваемой водки казенными монополіями растетъ съ каждымъ годомъ. Чтобы не быть голословными, приведемъ цифры хотя бы одной Амгинской казенной винной лавки.

Въ 1909 году въ нее было доставлено 1264 ящика (3792 ведра); а въ 1910 г. *только съ* 1-го января по 28-е сентября 1174 ящика (3522 ведра). Это за 9 мѣсяцевъ. Въ серединѣ октября ожидалась доставка еще 100 ящиковъ. Цифры весьма внушительныя сами по себѣ, но если привести статистическія данныя о населеніи, среди котораго разливается это казенное „просвѣщеніе“, то получится нѣчто чудовищное.

Резиденція Амгинской монополькн выбрана со вкусомъ, съ большимъ политическимъ смысломъ и стратегическимъ талантомъ—въ центрѣ населенныхъ пунктовъ и на тракту, такъ чтобы всякій, кто имѣетъ слабость къ монополизированному просвѣщенію, не проѣхалъ мимо. Мало того, для большей привлекательности эта винная лавка находится близко отъ церкви и церковно-приходской школы, надъ которой красуется надпись: „Ученье свѣтъ, а неученье тьма“. Одинъ изъ кабатчиковъ острилъ по поводу этой надписи такъ: „эта надпись и заведеніе для малыхъ, а для взрослыхъ тоже

что-нибудь да надо... Разумѣется, „просвѣщеніе“. Вѣдь здѣшніе взрослые крестьяне—дѣти. И я ихъ учу“. Этотъ циникъ-острякъ теперь подъ судомъ, но съ деньгами.

Вернемся къ цифрамъ. Амгинскую слободу, пріютившую у себя казенную лавку, окружаютъ слѣдующіе крестьянскіе поселки:

	Число дворовъ.	Число душъ мужского пола.	Число душъ женскаго пола.	Разстоянія отъ винной лавки.
Верхняя деревня .	21	41	46	3 версты
Нижняя „	23	36	33	2 „
Новопокровская .	16	54	42	30 „
Балагурская . .	9	8	5	23 „
Булунъ	6	18	21	7 „
Арылахское . . .	8	19	18	8 „
Петропавловское .	29	31	27	около 200 в.
Усть-Майское . .	10	22	20	„ 203 „
Троицкое	10	14	10	„ 210 „
И въ самой Амгѣ	59	104	112	—

Всего 661 или около 700 съ небольшимъ, считая и пришлый элементъ—ссыльныхъ. Если къ этимъ цифрамъ прибавить еще якутское населеніе (разбросанное по амгинской дорогѣ и окружающимъ улусамъ), которое, надо замѣтить, часто привозитъ водку изъ города прямо, то получится максимальная цифра тысячъ въ 20—25. Исключивъ отсюда дѣтей и женщинъ, получится на каждаго взрослаго чуть ли не по ведру для одурманиванія и безъ того темныхъ головъ крестьянъ и якутовъ. Чтобы парализовать вредное вліяніе монополькн, нужна не амгинская церковно-приходская школа съ ея полуграмотнымъ учителемъ, а нѣчто другое.

Взрослое населеніе названныхъ селеній почти все безграмотное, но за то почти въ каждомъ дворѣ найдется пьющій, т. е. получившій и продолжающій получать „просвѣщеніе“ изъ казенной винной лавки въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нѣкоторые, просвѣтившись въ должной степени, избиваютъ своихъ женъ до полусмерти.

— Кому польза отъ этихъ монополекъ? Только одинъ вредъ!—восклицаютъ амгинцы, даже пьющіе.

— Польза-то есть и большая, но не всѣмъ...—не двусмысленно отвѣчаютъ освѣдомленные.

Одинъ изъ послѣднихъ въ поясненіе своихъ словъ при-

велъ такой разговоръ между однимъ изъ сидѣльцевъ и урядникомъ:

— Какъ это вы ухитряетесь жить такъ роскошно?—наивно спросилъ урядникъ монопольщика.

— А что?—изумился послѣдній.

— Какъ что? Ваше жалованье почти такое же, какъ и мое, 50—60 рублей. Мнѣ одному едва хватаетъ прожить. А вы съ женою, съ дѣтьми... У васъ три прислуги. Каждый праздникъ у васъ вечера... съ винами да закусками. За урокъ десятку платите. Вѣдь этакъ и 100 рублей мало.

Монопольщикъ политично промолчалъ.

Надо отдать справедливость этимъ современнымъ помѣщикамъ. Большинство изъ нихъ живутъ здѣсь, какъ настоящіе помѣщики. Для обывателей трудная ариѳметическая задача—ухитриться на небольшое жалованье жить и широко, и роскошно. Но на это способны почему-то только монопольщики—сидѣльцы. Правда, нѣкоторые изъ нихъ,—не въ примѣръ чуду Христа въ Капѣ Галлилейской,—умѣютъ вино превращать въ воду и попадаютъ подъ судъ. Такъ случилось съ предшественникомъ амгинскаго сидѣльца, который, какъ говорятъ, торговалъ чистой водой, мотивируя будто бы тѣмъ, что онъ—сторонникъ распространенія трезвости, и нажилъ порядочную сумму на этой „благородной“ идеѣ, хотя пьянства не уменьшилъ ни на одну бутылку. Наоборотъ, его преемникъ торгуетъ водкою еще бойчѣе... проживая столько, что амгинцы только ахаютъ. Ревизія у него бываетъ. И какъ же безъ ревизіи. По всей Россіи провѣряютъ интенданства... Чѣмъ же якутская область счастливѣе остальной Россіи!

Недавно ревизовали здѣсь вѣсы и гири у мѣстныхъ торговцевъ. У троихъ нашли недочеты въ гиряхъ и неправильности въ вѣсахъ. Сгоряча было цѣлое дѣло затѣяли: отобрали гири, бумаги написали... но... потомъ возвратили по принадлежности... Мѣстное купечество успокоилось и продолжаетъ отвѣшивать (нѣкоторые употребляютъ слово обвѣшивать. Это лучше знать тѣмъ, кто ревизовалъ вѣсы и гири) на прежнихъ вѣсахъ со стершимися гирями.

Мѣсяца полтора тому назадъ у одного якута нашли пустую воровапную бутылку изъ монополькн. Одну только бутылку пустую! И якута отдали подъ судъ. Несчастному грозитъ тюрьма только за пустую бутылку.

У другого якута, купившаго водку въ монополіи, отобрали эту водку, на томъ де основаніи, что нашли въ не узаконенномъ количествѣ. Спрашивается: почему же сидѣлецъ продалъ въ такомъ количествѣ? Вѣдь кто-кто, а онъ-то долженъ знать, въ какомъ размѣрѣ можно отпускать одному лицу водку.

Вообще, казенныя винныя лавки сыграютъ въ Якутской области свою роль: онѣ развратятъ и раззорятъ населеніе и ускорятъ вырожденіе его.

В.

Обозрѣніе русской жизни.

Разсмотрѣніе законопроекта въ Думѣ о всеобщемъ обученіи хотя и продолжается, но, по существу, его можно уже считать законченнымъ. Принятый съ тѣми или другими поправками, онъ все равно, какъ безошибочно предсказываетъ г. Марковъ-2-й, выйдетъ изъ думскаго зала „только на очень короткое время, чтобы прогуляться въ Маріинскій дворецъ", гдѣ и погибнетъ.

Г-нъ Марковъ-2-й, конечно, въ этомъ отношеніи человѣкъ освѣдомленный. Но исходъ дѣла ясенъ и безъ Марковыхъ, разъ правительство заявляетъ, что оно не можетъ гарантировать опредѣленной суммы на расходы по всеобщему обученію.

Это ошеломляющее заявленіе было сдѣлано въ одномъ изъ засѣданій бюджетной коммиссіи.

Законопроектъ принадлежитъ самому министерству, и въ немъ вполнѣ опредѣленно указывалось, что на введеніе всеобщаго обученія будетъ ежегодно прибавляться по 10 милліоновъ рублей.

Министерство признавало, что при такихъ мизерныхъ ассигнованіяхъ всеобщей грамотности надо ждать еще долгіе годы, но оправдывалось бюджетными соображеніями. И Россія, скрѣпя сердце, покорилась неизбѣжности: ну, что дѣлать—еще потерпимъ, лучше постепенно, чѣмъ никогда.

А теперь и десять милліоновъ куда-то исчезли, хотя, по заявленію министра финансовъ, „свободная наличность" на 1 января 1911 года опредѣлится, вѣроятно, въ 200 милліоновъ рублей. „Господа,—совершенно резонно спрашивалъ

одинъ изъ правыхъ крестьянъ,—почему же крестьянство молчало, когда васъ образовывали? На это деньги были, а когда о крестьянствѣ, то ужъ говорятъ, что денегъ нѣтъ".

Выступитъ ли въ этой части на защиту законопроекта министерство народнаго просвѣщенія? Вѣдь оно не просто же „сболтнуло", посуливъ десять милліоновъ, были же у него какія-нибудь реальныя основанія, потому что иначе получается невѣроятный конфузъ.

Неоднократно возбуждавшійся въ печати вопросъ о роли Государственнаго Совѣта теперь почти не сходитъ со страницъ газетъ. Такъ, октябристскій „Голосъ Москвы" начинаетъ уже сомнѣваться: вѣрно ли, что это „законодательная инстанція", а не просто „тормазъ"?

Въ текущую сессію Государственный Совѣтъ старательно поддерживаетъ эти основательныя сомнѣнія. Думскіе законопроекты выходятъ изъ согласительныхъ коммиссій до того общипанными, что ихъ мать родная не узнаетъ, и недалеко даже отъ того, что ихъ просто перестанутъ и вовсе разсматривать, какъ, напримѣръ, уже случилось съ законопроектомъ „о переустройствѣ статистической части въ Имперіи", который дальше совѣтской коммиссіи не пошелъ. Если бы коммиссія хоть указала какіе-нибудь мотивы, говоритъ „Голосъ Москвы", это было бы все же понятно, но „проектъ признается просто вреднымъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій—и только".

Справедливость требуетъ прибавить, что Государственный Совѣтъ не щадитъ и самого себя.

Такъ, выработанный имъ законопроектъ объ отмѣнѣ правоограниченій для бывшихъ священнослужителей совершенно неожиданно снятъ съ очереди.

По свѣдѣніямъ „Рѣчи", это объясняется не желаніемъ отложить его въ „долгій ящикъ", а недостатками и пробѣлами, обнаруженными уже послѣ того, какъ онъ считался вполнѣ законченнымъ.

Конечно, всякое дѣло рукъ человѣческихъ не можетъ претендовать на абсолютную безукоризненность, но отъ той инстанціи, которая такъ строга къ чужому труду, невольно ждешь большой осмотрительности.

Но, видно, и для Государственнаго Совѣта „la critique est aisée et l'art est difficile"...

Изъ нѣсколькихъ давно наболѣвшихъ вопросовъ русской жизни поставленъ на очередь вопросъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ. Въ совѣтѣ министровъ онъ, вѣроятно-пройдетъ, но такъ же, какъ законопроектъ о старообряд, цахъ, въ дальнѣйшемъ наткнется на свой подводный камень. Со временъ Побѣдоносцева въ синодѣ мало что перемѣнилось и, какъ слышало „Новое Время", оберъ-прокуроръ намѣренъ оказать самый энергичный отпоръ этому „посягательству" на таинство брака, хотя фактически оно существуетъ столь же незыблемо, какъ и самъ синодъ.

Въ серьезъ занялись, наконецъ, вопросомъ о борьбѣ съ фальсификаціей пищевыхъ продуктовъ.

Но и тутъ, само собой разумѣется, безъ „протестантовъ" дѣло не обошлось. Биржевые комитеты, за исключеніемъ ростовско-донского и одесскаго, пытаются доказать, что черезчуръ строгія кары за поддѣлку, храненіе и продажу фальсифицированныхъ или негодныхъ къ употребленію продуктовъ отразятся на торговлѣ и промышленности „весьма неблагопріятно".

Принимая въ разсчетъ выгодность превращенія, напримѣръ, одного пуда масла съ помощью маргарина въ два или три, предполагаемыя карательныя статьи надо признать даже слабыми: прибавленіе „несвойственныхъ продуктамъ примѣсей" будетъ наказываться всего-на-всего „арестомъ на срокъ отъ одной недѣли до трехъ мѣсяцевъ или штрафомъ отъ 20 до 300 руб." Правда, суду предоставится право лишать виновныхъ права на производство торговли срокомъ отъ 1 года до 5-ти лѣтъ, но на что же существуютъ жены, сестры, родственники вообще: какъ теперь, „ломая рубль", вывозятъ товаръ въ другое помѣщеніе, такъ и тогда будутъ переписывать лишь вывѣску.

Для того, чтобы новый законъ не остался мертвой буквою, въ городахъ съ населеніемъ свыше 20 тысячъ вводится обязательное устройство спеціальныхъ городскихъ лабораторій; наблюденіе за доброкачественностью пищевыхъ веществъ будетъ, вообще, возложено на общественныя управленія.

Еще не внесенъ ни въ совѣтъ министровъ, ни въ Государственную Думу, но имѣетъ всѣ шансы быть внесеннымъ, законопроектъ относительно обмундированія на казенный

счетъ „потѣшнаго“ войска. „Новое Время“ уже приводило по этому поводу авторитетное мнѣніе различныхъ генераловъ: разумѣется, всѣ они высказываются въ одинъ голосъ за принятіе его на средства казны. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, останавливаться, такъ сказать, на полдорогѣ...

О мнѣніи малышей, несомнѣнно, тѣшившихся вначалѣ новой забавой, никто, конечно, уже не спрашиваетъ, хотя, напримѣръ, во Владивостокѣ оно должно радикально измѣниться.

Какъ телеграфировали отъ 12 ноября „Русскому Слову“, тамъ произошелъ съ двумя изъ „потѣшныхъ“ пренепріятный инцидентъ.

Они сидѣли въ кондитерской на Свѣтланской улицѣ и вели себя несоотвѣтственно „воинскому званію“... Краткость телеграфной передачи не позволяетъ установить,—въ чемъ, собственно, выразилось это „несоотвѣтствіе“: ногами ли они болтали, или вытерли перепачканныя вареньемъ руки объ голову, но, однимъ словомъ, присутствовавшій тутъ же генералъ, сдѣлавъ замѣчаніе „потѣшнымъ“ какъ за это поведеніе, такъ и за то, что они позволили себѣ сидѣть „въ его, генерала, присутствіи“, „приказалъ имъ удалиться изъ кондитерской“. Тѣ приказа не исполнили, и, по распоряженію генерала, были отвезены однимъ изъ бывшихъ въ кондитерской офицеровъ „на гауптвахту подъ арестъ на три дня“.

Недаромъ въ старину старухи-няньки говорили, что „игра никогда не доводитъ до добра“...

Пока еще соберутся сшить „потѣшные“ казенные мундиры, а протоіерей Восторговъ уже выкроилъ изъ своихъ невостребованныхъ адресатами брошюръ спеціальный журнальчикъ того же наименованія и теперь хлопочетъ объ обязательной выпискѣ его въ „потѣшныя“ роты.

Необыкновенно предпріимчивый іерей! „Вѣрность“, издаваемая имъ для войскъ, окупается, вѣроятно, болѣе, чѣмъ сторицею, да глядишь, перепадетъ ему еще „на молочишко“, или на постное масло, сколько-нибудь и „отъ дѣтишекъ“.

Покажется мало,—такъ можно прибавить любое: „Благочестіе“, „Цѣломудріе“, „Нестяжательность“.

За названьями дѣло не станетъ, а перемѣнить обложку расходъ пустяковый.

Рядомъ съ этимъ типичнымъ представителемъ своей

эпохи средневѣковая фигура саратовскаго Гермогена кажется даже чуть ли не трогательной. На сколько Восторговъ оборотистъ, на столько же Гермогенъ -дикъ, фанатиченъ, нелѣпъ.

„Дополнительный“ докладъ этого епископа синоду о „Неоязыческихъ писателяхъ“ разросся болѣе, чѣмъ въ 100 печатныхъ страницъ большого формата.

Епископъ не полѣнился перечесть множество книгъ, выбрать рядъ цитатъ, доказывающихъ „безбожность и антихристіанское направленіе“ современной отечественной литературы. Отъ его безпощаднаго суда не ушли даже профессора духовныхъ академій, не говоря объ остальныхъ.

По его подсчету,—родись онъ испанцемъ во времена инквизиціи, — костру подлежало бы минимумъ 135 человѣкъ. Но, увы и ахъ!—онъ всего русскій монахъ, имѣющій возможность хлопотать лишь о сожженіи ихъ писаній.

Развѣ можно представить себѣ такую „дикость“ со стороны протоіерея Восторгова?

Конечно, нѣтъ: Восторговъ бы просто продалъ книги съ пуда и выручилъ бы порядочную сумму. Вѣдь рѣчь идетъ о произведеніяхъ 135 русскихъ писателей, - это же цѣлая гора бумаги. А нелѣпый Гермогенъ спичкой чиркаетъ, полѣшки подкладываетъ, бересту заправляетъ, совсѣмъ не думая ни о постномъ маслѣ, ни, тѣмъ паче, о „молочишкѣ“. Какъ хотите, неосновательный человѣкъ...

Это призналъ, кажется, и синодъ, не согласившись съ его предложеніемъ насчетъ аутодафе.

„Дѣльныхъ людей“ вездѣ не такъ ужъ много, какъ бы желательно. По увѣренію же „Новаго Времени“, въ провинціи они и вовсе перевелись: нѣтъ ни „хорошихъ грамотныхъ волостныхъ старшинъ“, ни даже писарей.

Спрашивается: да когда же они были? Откуда имъ взяться-то, если народъ грамотѣ не обученъ, а интеллигенты въ писаря не допускаются?

Но жизнь съ политикой не считается: „честные свѣдующіе люди“ нужны деревнѣ до зарѣзу, и она, къ большому огорченію газеты, вновь прибѣгаетъ „къ услугамъ дѣятелей смутнаго времени“. Какъ только, разсказываетъ она со словъ одного провинціала, въ какой то губерніи чрезвычайную охрану замѣнили усиленной, такъ сейчасъ же вер-

нулись „товарищъ Ефимъ“ и старшина И—скій, „отправленный въ ссылку прямо изъ волостного присутствія“. Вернулись и—сейчасъ за дѣла: бывшаго старшину, по крайней мѣрѣ, отправили, какъ довѣренное лицо, вести какія-то хлопоты въ Петербургѣ.

Къ этому можно прибавить только одно: „что посѣешь, то и пожнешь“...

„Московскія Вѣдомости“ отмѣчаютъ другой любопытный фактъ: образованіе хуторскихъ „союзовъ“. Чѣмъ шире раскинулось хуторское владѣніе, тѣмъ сильнѣе стремленіе къ союзамъ. Пока объединяются на почвѣ хозяйственныхъ нуждъ: такъ, одинъ изъ союзовъ, уже близкій къ осуществленію, намѣтилъ страхованіе отъ огня, покупку на кооперативныхъ началахъ сельско-хозяйственнаго инвентаря, общую мельницу, общее молочное хозяйство и пр., и пр. Союзъ хочетъ привлечь какъ можно больше хуторовъ, чтобы увеличить оборотныя средства и, въ случаѣ надобности, имѣть большій кредитъ. Духовныя нужды тоже не забыты: въ ближайшемъ будущемъ рѣшено позаботиться и о нихъ.

Эти поиски новыхъ формъ объединенія лучше всего показываютъ, насколько еще крѣпки устои, казалось бы, въ конецъ разрушенной общины.

Письмо въ редакцію.

Въ № 42 — 43 „Сибирскихъ Вопросовъ“, въ анонимной статьѣ „Два доклада объ Якутской области“ отведена страничка моему докладу въ Географическомъ обществѣ на тему „о разселеніи якутовъ по Якутской области“, при чемъ приписана ему такая „тенденціозность“, противъ которой я вынужденъ горячо протестовать.

„Тенденціозность,—говорится въ статьѣ,—сказывается въ самой мысли разселенія, т. е. удаленія съ искони насиженныхъ мѣстъ, съ богатыхъ пастбищъ, изъ районовъ съ болѣе мягкими климатическими и почвенными условіями на сѣверъ, къ вѣчнымъ льдамъ, на промыслы, полные риска, но бѣдные добычей, на вѣчную мерзлоту съ жалкой растительностью“. И далѣе рѣчь ведется въ такомъ тонѣ и въ такихъ выраженіяхъ, какъ если бы я, дѣйствительно, развивалъ въ докладѣ чудовищную мысль о принудительномъ

разселеніи якутовъ, что-де „выгодно съ точки зрѣнія современной политики“, и о необходимости „заставить“ ихъ разселиться, „разъ это энергичное племя само почему-то не стремится на сѣверъ Якутіи“.

Сомнительно, чтобы кто-либо изъ присутствовавшихъ на докладѣ, среди которыхъ были также и якуты, усмотрѣлъ въ немъ подобнаго рода „тенденціозность“. Для того, чтобы вывудить изъ моего доклада мысль насильственнаго разселенія якутовъ, надо было не присутствовать на самомъ докладѣ, или не слышать его, или просто не понимать того, что слышишь. Вѣроятнѣе всего, что авторъ статьи построилъ всѣ свои соображенія на основаніи неправильно истолкованнаго имъ заглавія моего доклада, предположивъ, что темою его былъ вопросъ о томъ, какъ разселять якутовъ, между тѣмъ какъ въ немъ говорилось о томъ, какъ разселялись и разселяются якуты сами. Основываясь на приводимыхъ Сѣрошевскимъ, въ его книгѣ „Якуты“, данныхъ и иллюстрируя ихъ якутскими преданіями, я вкратцѣ изложилъ историческій ходъ естественнаго разселенія якутовъ по области подъ вліяніемъ разныхъ экономическихъ факторовъ и, въ заключеніе, указалъ на замѣчавшееся издавна стремленіе якутовъ заселять, колонизовать окраинныя части области, даже уходить за ея предѣлы, распространяя всюду свою собственную культуру. Такимъ образомъ, якуты значительно облегчаютъ доступъ на окраины и русскому элементу, расчитая путь для будущей русской колонизаціи этихъ окраинъ.

Болѣе мною ничего не было сказано, сказанное же было отмѣчено газетами „Рѣчь“ и „Современное Слово“ и другими. Замѣчательно, что ни одна изъ газетъ, давшихъ отзывъ о моемъ докладѣ (даже „Новое Время“ и „Правит. Вѣстникъ“), не сдѣлала изъ него того вывода, какой позволилъ себѣ сдѣлать авторъ указанной замѣтки, оказавшійся въ данномъ случаѣ слишкомъ ужъ проницательнымъ чтецомъ чужихъ мыслей.

Повторяю, что я горячо протестую противъ приписываемой мнѣ, выражаясь мягко, „тенденціозности“...

Эд. Пекарскій.

Опроверженіе.

Печатается на основаніи п. 11 прил. къ ст. 114 Уст. о ценз. и печати (по продол. 1906 г.).

Въ № 37—38 журнала „Сибирскіе Вопросы“ за текущій годъ, въ отдѣлѣ „Сибирскіе письма“ помѣщена корреспонденція изъ г. Тобольска (*Каторжный централъ*), въ которой сообщаются или завѣдомая ложь, или умышленно преувеличенные и искаженные факты, касающіеся режима, установленнаго въ тобольской каторжной тюрьмѣ на точномъ основаніи дѣйствующихъ законоположеній. Такъ, напримѣръ, завѣдомою ложью представляется сообщеніе о шести случаяхъ самоубійства арестантовъ: не только за послѣднее время, но и за послѣдніе два года не было ни одного такого случая. Вообще упомянутая корреспонденція, въ полномъ своемъ объемѣ, заключаетъ въ себѣ явные признаки преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго п. 3 ст. 1034[4] Улож. о наказ. угол. и испр. по прод. 1906 г., почему мною вмѣстѣ съ симъ сообщается прокурору С.-Петербургской судебной палаты о привлеченіи виновнаго къ уголовной отвѣтственности.

Тобольскій губернаторъ *Д. Гагманъ.*

Рѣчи сибирскихъ депутатовъ въ Государственной Думѣ.

При обсужденіи смѣты переселенческаго управленія 16 марта, произнесли рѣчи А. И. Шило и И. К. Волковъ.

А. И. Шило. Прежде всего я долженъ успокоить тѣхъ депутатовъ, которые обвиняютъ сибиряковъ въ томъ, будто бы они, не желая имѣть у себя переселенцевъ, съ цѣлью запугиванія, рисуютъ всегда ужасныя картины переселенческой жизни. Это, гг., невѣрно. Я скажу какъ разъ наоборотъ: для Дальняго Востока, чѣмъ больше къ намъ будетъ ѣхать переселенцевъ, тѣмъ лучше; только не бросайте ихъ, какъ бросаютъ негодный хламъ въ помойную яму. А теперь я начну съ слѣдующихъ словъ. Представитель переселенческаго вѣдомства всегда говоритъ, что переселенцы въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ пребыванія на новыхъ мѣстахъ успѣваютъ обзавестись хозяйствомъ, и что даже въ этотъ періодъ они имѣютъ уже свои продукты. Посмотримъ, на сколько вѣрно это утвержденіе.

Въ доказательство того, что съ переселенцами на Дальнемъ Востокѣ не совсѣмъ благополучно, я сошлюсь на оффиціальныя свѣдѣнія, имѣющіяся въ переселенческомъ управленіи. Эти свѣдѣнія

добыты слѣдующимъ образомъ: въ Хабаровскомъ районѣ Приморской области чинами переселенческаго управленія о состояніи хозяйства переселенцевъ, прибывшихъ въ край съ 1906 г., была произведена анкета въ концѣ 1908 г., въ которой опрошено было 6.000 семей, при чемъ оказалось, что 41% не имѣлъ своихъ жилищъ, у 70% не было рабочаго скота, а у 94% не было никакихъ сельскохозяйственныхъ орудій. Это, гг., тѣ переселенцы, которые уже получили ссуду. Теперь вы можете себѣ представить, каково положеніе этихъ переселенцевъ, которые уже не имѣютъ надежды получить ссуду и не успѣли обзавестись хозяйствомъ.

Второе доказательство ненормальнаго переселенія слѣдующее: въ 1908 г. изъ Приамурской области изъ числа прибывшихъ переселенцевъ поѣхало обратно около 11.000 человѣкъ; цифра эта равняется 1/6 переселенцевъ. И это громадное число обратныхъ переселенцевъ оправдывалось тогда тѣмъ, будто бы это было стихійное переселеніе, и что для такового не успѣвали нарѣзать участки, на которыхъ можно бы было разселять этихъ переселенцевъ; это будто и послужило причиной громаднаго обратнаго переселенія. Пусть будетъ такъ, но почему же въ прошломъ году изъ числа прибывшихъ въ Приморскую область поѣхала обратно пятая часть? Здѣсь мы ясно видимъ, что число обратныхъ переселенцевъ съ каждымъ годомъ увеличивается: я думаю, мы въ правѣ сказать и настаивать даже, что такая игра съ живымъ народомъ недопустима. По поводу этого обратнаго бѣгства многіе депутаты, въ особенности помѣщики и нѣкоторые изъ духовенства, говорятъ, что переселенцы не хотятъ на участкахъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, а бѣгутъ въ городъ, будто бы соблазняясь большимъ заработкомъ. Я спрашиваю: знаютъ ли эти депутаты тѣ условія, въ которыхъ находятся разбросанные въ Амурской тайгѣ переселенцы? Я приведу вамъ маленькую картину тѣхъ условій, въ которыя попадаетъ переселенецъ. Если переселенецъ получитъ даже 150 руб. ссуды, о размѣрахъ которой я скажу ниже, онъ покупаетъ пару лошадокъ, покупаетъ провизію, является на участокъ; заготовилъ лѣсъ, приступаетъ къ постройкѣ избы. Захватываетъ его зима изба не окончена. Хлѣбъ копченъ, денегъ нѣтъ, своего посѣва не было. Что остается дальше дѣлать? Чтобы избѣжать голодной смерти, онъ бѣжитъ въ городъ или же вовсе изъ Приморской области. Я укажу еще вамъ на слѣдующій фактъ. Въ прошломъ году въ Иманскомъ участкѣ было продолжительное наводненіе, отъ котораго многимъ пришлось пострадать; многія селенія этимъ наводненіемъ были совершенно отрѣзаны отъ Иманскаго посада, гдѣ единственно можно было достать продукты и найти медицинскую помощь. На участкахъ же продовольственныхъ запасовъ не было, народъ голодалъ и дѣти поголовно заболѣвали отъ истощенія. Народъ, видя безвыходное положеніе, приходилъ въ отчаяніе. Я знаю, что на этотъ вопросъ мнѣ возразятъ и скажутъ, что это стихія была дана природой, что этого никто не могъ предвидѣть. Я скажу, что объ этой стихіи, объ этой природѣ мѣстная администрація не должна

забывать, такъ какъ это—природа, прирожденная на Иманѣ: подобныя наводненія бываютъ тамъ почти каждый годъ.

Какъ видите, на положеніе переселенцевъ обращается очень слабое вниманіе. Администрація старается какъ можно скорѣе водворить переселенцевъ на участки, а тамъ хоть завтра погибай. Въ доказательство такого невниманія позвольте мнѣ процитировать телеграмму, полученную мною третьяго дня отъ переселенцевъ съ этого самаго несчастнаго Имана. Вотъ что мнѣ телеграфируютъ. Я прочту телеграмму, какъ она есть (*читаетъ*): „Циркуляромъ чиновника переселенческаго управленія, завѣдывающимъ Иманскимъ подрайономъ, 26 февраля по селеніямъ уѣзда объявлено, что переселенцы, не имѣющіе хлѣба для ѣды и посѣвовъ, имѣютъ прибыть въ Имань, гдѣ будетъ выдано пособіе, съ разсчетомъ, чтобы его хватило на полтора мѣсяца, такъ какъ по обилію снѣговъ ожидается сильный разливъ воды, почему дороги непроходимы два мѣсяца. Согласно циркуляру, мы, въ числѣ 83 человѣкъ нуждающихся, выѣхали въ Имань 2 марта и узнали, что пособіе будетъ выдано девятаго марта. Девятаго объявлено на десятое, а десятаго сказано: нѣтъ ничего, отправляйтесь домой. Мы оказались въ безвыходномъ положеніи, прожили по харчевнямъ Имана послѣднее, ожидая пособія восемь дней. За долгъ за харчи снимаютъ у насъ кожухи и сермяги, коихъ и такъ по одной на плечахъ“ (*голосъ справа*: это въ телеграммѣ?). Да, въ телеграммѣ. „Причинъ, по которымъ отказано намъ въ пособіи, не объясняютъ, просто гонятъ вонъ: нѣтъ вамъ ничего, вы испытаете участь дер. Таваласъ, жители коей на $^2/_3$ перемерли отъ голода и холода за неполученіемъ пособія. Слезно молимъ придти намъ на помощь, положить конецъ произволу переселенческаго чиновника, приказать выдать намъ пособіе на пропитаніе и посѣвъ, безъ чего семьи наши ждетъ голодная смерть. Большинство изъ насъ запасовъ не имѣютъ, поля, оставшись незасѣянными, хлѣба не дадутъ, и смерть всѣхъ насъ неизбѣжна. Довѣренные крестьянъ села Ракитнаго, Веденской волости, Иманскаго уѣзда, Приморской области Семенъ Дмитріевъ, Кузьма Заболотневъ“.

Вотъ, гг., тѣ условія, которыя заставляютъ переселенцевъ бѣжать съ участковъ и вообще изъ Приморской области. Затѣмъ я имѣю телеграмму отъ цѣлаго волостного схода, имѣю другой приговоръ отъ другого волостного суда. Эти люди живутъ въ Амурскомъ районѣ; они собираются бѣжать, если имъ не будетъ дана помощь. Подробностей я не касаюсь: слишкомъ много потребуется времени; если надо будетъ, я, конечно, представлю подлинникъ (*шумъ справа; звонокъ Предсѣдательствующаго*). Можете справиться о телеграммѣ, мною ли она сдѣлана или нѣтъ. Я укажу на случай какъ невнимательно относятся нѣкоторые изъ переселенческихъ администраторовъ. Наприм., изъ г. Никольскъ-Уссурійска въ Анучинскій подрайонъ, за 200 верстъ отъ перваго, была послана партія муки, которую тамъ ждали съ нетерпѣніемъ, но мука оказалась гнилой, совершенно непригодной

къ употребленію, какъ признали врачи; благодаря вниманію чиновника этого участка, мука была отправлена обратно для замѣны хорошей мукой. Дальше я не буду говорить объ этихъ фактахъ, хотя ихъ такъ много, что ихъ трудно даже перечислить; но я скажу, что чѣмъ больше мы раскрываемъ здѣсь эти язвы, тѣмъ больше злоупотребляютъ и воруютъ на мѣстахъ. Я считаю все же нелишнимъ сказать также нѣсколько словъ о переселенцахъ-сторожилахъ. Агрономическая помощь въ Приморской области совершенно отсутствуетъ; новыя земли послѣ 10 урожаевъ даютъ только одинъ сорныя травы; урожай на старыхъ земляхъ съ каждымъ годомъ понижается; въ пшеницѣ получается сорныхъ травъ до $^1/_3$ съ сажени, населеніе ищетъ помощи и нигдѣ ея не находитъ. И вотъ, слѣдовало бы обратить особое вниманіе на это печальное явленіе.

А теперь я хотѣлъ бы возразить на слова, сказанныя представителемъ переселенческаго вѣдомства. Онъ говорилъ, что ссуды выдаются въ 150 р. и въ 165 р., а на Дальнемъ Востокѣ въ 200 р.; я скажу, что на Дальнемъ Востокѣ есть ссуды даже болѣе 200 р. Но кому въ прошломъ году были выданы ссуды въ 200 р.? Только тѣмъ переселенцамъ, которые пострадали отъ этого наводненія и, заснмъ, тѣмъ, у которыхъ палъ скотъ. Эти факты — этого наводненія и этой ссуды — подтверждаетъ въ своемъ отчетѣ чиновникъ особаго порученія г. Шликевичъ.

Затѣмъ представитель вѣдомства, возражая депутату Виноградову, говоритъ, что отчеты о переселенческой дѣятельности печатаются, и что всѣ ихъ читаютъ. Да, конечно, они печатаются. и всѣ ихъ читаютъ, но я знаю еще другіе отчеты; представляются два экземпляра: одинъ отчетъ печатается, который, конечно, намъ доступенъ, а другой отчетъ, рукописный, намъ недоступенъ.

Затѣмъ, къ тому, что уже было сказано для укрѣпленія и успѣха колонизаціи на Дальнемъ Востокѣ, я еще отъ себя укажу на нѣкоторыя мѣры. Если вы дѣйствительно заинтересованы не только въ переселеніи изъ Россіи безземельныхъ батраковъ. но и въ созданіи крѣпкой окраины, которую хотите видѣть сильной и о которой вы такъ много говорите, но ничего не дѣлаете, кромѣ того, что вводите въ ней полицейскій режимъ, то необходимо колонизовать ее такими переселенцами, которые могли бы на собственныя средства обзавестись хозяйствомъ, не прибѣгая къ помощи правительства, или же надо увеличить размѣры выдаваемыхъ ссудъ до такой нормы, чтобы переселенцы въ первый же годъ могли обзавестись всѣмъ необходимымъ. Кромѣ того, я считаю наиболѣе важнымъ, наиболѣе полезнымъ, чтобы вторымъ переселенцамъ, т. е. тѣмъ, которые будутъ получать денежныя ссуды, правительство пришло на помощь натурой, а именно, чтобы тамъ, гдѣ это потребуется, была произведена корчевка лѣса, были распаханы по три десятины на каждый дворъ съ выдачей одновременно сѣмянъ: надо, чтобы переселенцы въ первый же годъ получили свой урожай. Только этимъ способомъ, гг., вы обяжете

переселенца остаться на участкѣ и избавите его отъ напрасной затраты многихъ годовъ на непосильную ему борьбу съ дѣвственной тайгой. А пока, гг., вы этого не сдѣлаете, пока не откажетесь отъ той политики, которая основана на общемъ шаблонѣ, пока вы будете выражать довѣріе этимъ колоннамъ (*голоса справа*: что такое? что онъ говоритъ? это дерзость).

Предсѣдательствующій. Членъ Государственной Думы Шило. Я не разслышалъ, что вы сказали. Покорнѣйше прошу васъ повторить то, что вы сейчасъ сказали.

А. И. Шило. Я сказалъ: этимъ колоннамъ.

Предсѣдательствующій. Что это значитъ? (*Голоса справа*: безсмыслица; *смѣхъ*).

Н. К. Волковъ. Въ своей бюджетной рѣчи 12 февраля сего года предсѣдатель бюджетной коммиссіи сказалъ слѣдующее (*читаетъ*): „дѣло заключается не въ томъ, чтобы перебросить за Уралъ съ насиженныхъ мѣстъ большую массу населенія, а дѣло заключается въ томъ, чтобы на этихъ новыхъ мѣстахъ это новое населеніе создало настоящія, самостоятельныя, хозяйственныя единицы, чтобы оно тамъ осѣло, чтобы оно явилось живой силой, которая въ своемъ обиходѣ, въ своемъ антуражѣ имѣла такую обстановку, въ которой удовлетворялись бы его матеріальныя и духовныя потребности". Я подписываюсь подъ этими словами и думаю, что подъ ними подпишется всякій, кто стремится къ правильной колонизаціи нашихъ окраинъ. Посмотримъ теперь, какъ смотритъ на дѣло переселенія само правительство. На стр. 18 объяснительной записки къ смѣтѣ 1910 г. читаемъ слѣдующее (*читаетъ*): „слѣдуетъ, казалось бы, избѣгать всякихъ мѣропріятій, способныхъ увеличить число недостаточныхъ переселенческихъ семействъ, малопригодныхъ для прочнаго заселенія окраинъ, являющагося главной цѣлью правительственнаго содѣйствія переселенію". И еще далѣе, на стр. 26 той же записки (*читаетъ*): „ставя главной и коренной задачей переселенческаго дѣла прочное устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, а отнюдь не разрѣженіе населенія на ихъ родинѣ..." и т. д. Итакъ, „прочное заселеніе" и „прочное устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ"—вотъ тѣ задачи, которыя въ дѣлѣ переселенія, якобы, ставитъ себѣ наше правительство и, въ частности, то вѣдомство, смѣту котораго мы сейчасъ разсматриваемъ. Эта точка зрѣнія прямо противоположна той, которая еще недавно высказывалась представителями правительства. Такъ, въ первой Государственной Думѣ премьеръ-министръ Горемыкинъ и главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ Стишинскій указывали на переселеніе, какъ на одно изъ средствъ борьбы съ обостреніемъ аграрнаго вопроса. Еще предшественникъ нынѣшняго главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ кн. Васильчиковъ въ своемъ циркулярномъ письмѣ къ сибирскимъ губернаторамъ въ концѣ декабря 1906 г. писалъ буквально слѣдующее. Онъ просилъ губернаторовъ (*читаетъ*): „оказать возможно широкое содѣйствіе успѣшному ходу переселенческаго дѣла, на которое

обращено особое вниманіе правительства, въ виду исключительной его важности въ настоящее время, когда аграрное движеніе среди сельскаго населенія въ Европейской Россіи можно въ значительной степени ослабить отъ выселенія излишковъ населенія въ азіатскія окраины Имперіи". Слѣдовательно, всего еще три года тому назадъ переселенческому дѣлу ставилась совершенно противоположная задача—добивались выселенія излишка изъ Европейской Россіи въ цѣляхъ борьбы съ аграрнымъ вопросомъ. Итакъ, намъ теперь говорятъ, что вѣдомство стремится къ „прочному заселенію окраинъ", а еще недавно говорили, что главная цѣль переселенія есть борьба съ аграрнымъ движеніемъ. Что же происходитъ въ дѣйствительности? Какъ ведется переселеніе на самомъ дѣлѣ? Имѣемъ ли мы колонизацію, т. е. прочное заселеніе окраинъ, или выселеніе только излишковъ? Вѣдь, при правильной колонизаціи, все вниманіе должно быть обращено на качественную сторону дѣла, на дѣйствительно прочное устройство переселенцевъ на новомъ мѣстѣ, тогда какъ при борьбѣ съ аграрнымъ движеніемъ, при выселеніи излишковъ населенія важна только одна количественная сторона. И, вотъ, дѣйствительность приводитъ меня къ убѣжденію, что мы, по прежнему, имѣемъ дѣло только съ выселеніемъ излишковъ, а не съ правильной колонизаціей нашихъ окраинъ. Справедливость этого утвержденія я и постараюсь сейчасъ доказать и свои доказательства буду черпать, главнымъ образомъ, изъ практики переселенческаго дѣла на Дальнемъ Востокѣ, какъ потому, что дальневосточныя области мнѣ болѣе знакомы, такъ и потому, что правильная колонизація Дальняго Востока признается и правительствомъ, и Государственной Думой дѣломъ первостепенной, не только экономической, но и политической, важности. Здѣсь, казалось бы поэтому, дѣло должно вестись наиболѣе хорошо, должно вестись прямо образцово, и вотъ посмотримъ, какъ оно ведется въ дѣйствительности.

По вопросу о колонизаціи Дальняго Востока накопился въ послѣднее время довольно обширный матеріалъ. Появились и оффиціальныя изданія: я имѣю въ виду отчетъ по поѣздкѣ въ 1908 году товарища главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ, сенатора Иваницкаго, на Дальній Востостокъ, и отчетъ ревизора землеустройства Чиркина по поѣздкѣ его въ Забайкальскую область въ 1909 г. Кромѣ того вышелъ недавно въ печати и такой обширный трудъ, посвященный Дальнему Востоку, какимъ является изданная сотрудниками общеземской организаціи книга „Приамурье". Этими трудами я и буду, главнымъ образомъ, пользоваться. Прежде всего, какъ великъ колонизаціонный фондъ нашего Дальняго Востока? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ отчетѣ сенатора Иваницкаго, котораго, въ виду его оффиціальнаго положенія, въ излишнемъ пессимизмѣ заподозрить нельзя. Вотъ какія въ этомъ отчетѣ приводятся данныя. Въ Амурской области, на протяженіи всей линіи будущей Амурской желѣзной дороги, было обслѣдовано въ 1908 году

3.800.000 десятинъ; изъ нихъ земель, годныхъ для заселенія, оказалось всего 1.400.000 десятинъ, или на 143.000 души обоего пола. Внѣ же полосы Амурской желѣзной дороги изъ обслѣдованныхъ 2.500.000 десятинъ было найдено годныхъ земель не болѣе какъ на 58.000 душъ обоего пола. Итакъ, въ Амурской области на обширномъ обслѣдованномъ пространствѣ въ 6.300.000 десятинъ было найдено годныхъ для заселенія около 2.000.000 дес., т. е. не болѣе, какъ на 100.000 душъ мужского пола. О качествѣ же этихъ земель сенаторъ Иванцкій говоритъ слѣдующее: „изыскапныя для переселенія земли, въ значительной ихъ части, явятся трудными для заселенія, такъ какъ открытыя степныя пространства, непосредственно годныя подъ распашку, составляютъ незначительный процентъ, большая часть земель представляетъ или площади, поросшія густымъ лѣсомъ, и, слѣдовательно, трудныя для разработки или же заболоченныя, кочковатыя мари". Правда, есть и кромѣ этого въ предѣлахъ Амурской области еще свободныя земли: такъ, на 1910 годъ, по даннымъ отчета сенатора Иванцкаго, было намѣчено къ обслѣдованію еще 4.400.000 дес., но это пространства, лежащія еще дальше на сѣверѣ, еще болѣе удаленныя отъ центровъ заселенія и, слѣдовательно, еще менѣе благопріятныя для колонизаціи. За исключеніемъ этихъ земель, уже обслѣдованныхъ и подлежавшихъ обслѣдованію въ 1909 году, остается еще 17.000.000 дес. пустынныхъ земель, но это уже земли, расположенныя на самомъ сѣверѣ Амурской области, сплошь заполненныя горами, и, слѣдовательно, едва ли годныя подъ заселеніе. Не лучше обстоитъ дѣло и въ Приморской области. Въ Приморской области изъ обслѣдованныхъ въ 1907 году 3.200.000 дес. въ колонизаціонный фондъ, по даннымъ отчета сенатора Иванцкаго, поступило не больше 560.000 дес., или $18^0/_0$ обслѣдованнаго запаса, и при этомъ больше половины этихъ земель находится въ районахъ, не доступныхъ пока для переселенцевъ за отсутствіемъ путей сообщенія, устройство которыхъ потребуетъ затраты значительныхъ средствъ. Для дальнѣйшаго обслѣдованія въ Приморской области намѣчено было въ 1909 году 5.800.000 дес., не очень привлекательныхъ въ виду ихъ отдаленности отъ центровъ заселенія и сѣвернаго мѣстоположенія, и кромѣ того 5.000.000 д. горныхъ пространствъ, о которыхъ въ самомъ отчетѣ говорится, что на пригодность ихъ для заселенія трудно разсчитывать. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что колонизаціонный фондъ Дальняго Востока очень не великъ, а главное, является весьма труднымъ для заселенія. Что же касается сосѣдней съ дальневосточными областями—области Забайкальской, заселеніе которой, по словамъ того же сенатора Иванцкаго, имѣетъ первостепенное политическое значеніе, какъ базы нашихъ дальневосточныхъ владѣній, то относительно ея колонизаціонной емкости имѣются указанія въ отчетѣ ревизора по землеустройству г. Чиркина. По даннымъ этого отчета колонизаціонная емкость всего Забайкалья опредѣ-

ляется въ 120.000 душевыхъ долей въ предѣлахъ свободныхъ пустопорожнихъ земель и въ такомъ же количествѣ — 120.000 душевыхъ долей въ старожильческой полосѣ, такимъ образомъ, всего можетъ быть 240.000 душевыхъ долей, т. е. около 3.500.000—4.000.000 дес. Я нахожу эти цифры преувеличенными, даже слишкомъ преувеличенными, въ особенности въ той ихъ части, которая относится къ полосѣ заселенной, но даже если считать ихъ правильными, то и тогда фондъ окажется весьма невеликъ, и при томъ, по словамъ г. Чиркина, использованъ онъ можетъ быть въ теченіе не менѣе 10—12 лѣтъ. Болѣе же быстрому использованію этого фонда препятствуетъ: необорудованность путей сообщенія, отсутствіе рынковъ сбыта для колонизуемыхъ районовъ, суровый климатъ Забайкалья и т. д. Изъ сказаннаго видно, что уже самыя природныя и экономическія условія нашего Дальняго Востока выдвигаютъ на первый планъ необходимость обратить особенное вниманіе на количественную сторону дѣла

Какъ же велось дѣло до сихъ поръ, и какъ оно ведется теперь? Какъ велось?—На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ указанный мною трудъ „Приамурье". Вотъ что въ этомъ трудѣ пишутъ его авторы, сотрудники общей земской организаціи: переселенческое движеніе послѣднихъ лѣтъ—въ частности въ восемь разъ усилившееся въ 1907 году движеніе въ Уссурійскій край — было, несомнѣнно, искусственно вздуто администраціей мѣста выхода, очевидно, выполнявшей, хотя, можетъ быть и слишкомъ усердно, указанія высшаго правительства. Въ этомъ убѣждаютъ авторовъ „Приамурья" отчасти оффиціальныя данныя, а отчасти отзывы самихъ переселенцевъ. Такъ, переселенцы 1907 г. неоднократно говорили имъ, что „ихъ вывели изъ Россіи земскіе начальники"; другіе утверждали, что ихъ „выслало начальство", будто бы увѣрявшее, что въ Приморской области денегъ не нужно, что ѣхать туда могутъ самые бѣдные, что правительство позаботится о нихъ. Такія завѣренія крестьянъ подтверждаютъ отчасти и оффиціальныя данныя. Вотъ что читаемъ мы въ отчетѣ завѣдывающаго Приморскимъ переселенческимъ райономъ за 1907 г. (*Читаетъ*): „На основаніи многочисленныхъ распросовъ переселенцевъ, изъ жалобъ, нареканій и недовольства, а также по отзывамъ всѣхъ завѣдывающихъ подрайонами и другихъ агентовъ переселенческой организаціи, можно съ увѣренностью утверждать, что установленіе особаго порядка переселенія на Дальній Востокъ создало среди населенія главнѣйшихъ россійскихъ губерній выхода переселенцевъ твердое убѣжденіе, будто бы всѣмъ, переселяющимся въ Приморскую область, предоставляются большія преимущества и льготы, совершенно отличныя отъ оказываемыхъ переселенцамъ западной Сибири, состоящія не только въ признаніи права свободнаго выбора земель по своему усмотрѣнію и обязательной выдачѣ домообзаводственныхъ ссудъ по нѣсколько сотъ рублей, но и въ снабженіи новоселовъ казенными лошадьми,

скотомъ и земледѣльческими орудіями, въ даровомъ продовольствіи въ теченіе перваго года устройства и т. д.". Эти данныя съ несомнѣнностью подтверждаютъ, что переселеніе 1907 года было, дѣйствительно, искусственно вздуто администраціей мѣста выхода. Между тѣмъ, переселенческая организація на Дальнемъ Востокѣ къ этому движенію оказалась совершенно неподготовленной. Перевозка переселенцевъ, врачебная и ссудная помощь оказались совершенно неорганизованными. Такъ, перевозка производилась крайне неудовлетворительно. Самымъ легкимъ и удобнымъ и для переселенцевъ, и въ организаціонномъ отношеніи нужно считать желѣзнодорожное движеніе. И вотъ это движеніе авторы „Приамурья" характеризуютъ самымъ печальнымъ образомъ: даже движеніе 1908 года, когда оно упало почти въ три раза, происходило въ слѣдующихъ условіяхъ. Большинство переселенцевъ, почти 90%, ѣхало въ вагонахъ-теплушкахъ съ особыми поѣздами. Теплушки эти обладаютъ крупнѣйшими недостатками. Огромныя выдвижныя двери при открываніи на остановкахъ быстро понижаютъ температуру въ вагонахъ; закрывать эти двери плотно невозможно: внизу вагона температура ниже, чѣмъ наверху, что особенно ощутительно въ холодныя весеннія ночи: въ нихъ отсутствуетъ искусственная вентиляція, въ результатѣ чего является дурной спертый воздухъ. Но къ обычнымъ недостаткамъ теплушекъ добавляются еще недостатки, которые происходятъ отъ неисправнаго ихъ содержанія. Такъ, изъ 900 вагоновъ, зарегистрованныхъ въ Иркутскѣ, въ 100, т. е. въ 11%, оказались неисправными печи и трубы; въ 193—21%—протекала крыша; въ 38—неисправная дверь и въ 97—11%—отсутствіе постоянной сходни и замѣна ея какой-нибудь переносной доской. Ко всему этому вагоны эти были страшно переполнены: въ нихъ помѣщалось въ среднемъ около 20 переселенцевъ въ каждомъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было до 30 и даже болѣе. Къ тому добрая треть вагоновъ обычно была занята переселенческимъ багажемъ. Благодаря такой тѣснотѣ вагоны эти оказывались страшно загрязненными, загрязненными, какъ остатками пищи, мусоромъ, щепой, кусочками угля, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря большому количеству дѣтей, отсутствію клозетовъ, трудности выхода при остановкѣ вагоновъ—мочей и экскрементами. Вообще на станціи Маньчжурія загрязненныхъ вагоновъ было обнаружено 82%, а при обратномъ—89% и въ томъ числѣ 4% загрязненныхъ экскрементами и мочей. Въ результатѣ такой обстановки движенія развиваются среди переселенцевъ въ пути всевозможныя заразныя болѣзни: такъ наблюдались корь, скарлатина, дифтеритъ, брюшной тифъ, оспа, а у обратныхъ даже и цынга. Но это передвиженіе по желѣзной дорогѣ, несмотря на все сказанное мной, въ глазахъ переселенцевъ является наиболѣе удобнымъ и легкимъ путемъ. Гораздо труднѣе считается передвиженіе по водѣ на пароходахъ и на подводахъ по грунтовымъ дорогамъ. Относительно движенія на

судахъ авторы „Приамурья" сообщаютъ слѣдующее (*читать*): „Переполненіе судовъ живымъ грузомъ достигало такихъ размѣровъ, что у водныхъ властей возникалъ вопросъ о неизбѣжности составленія протоколовъ, а среди переселенцевъ раздраженіе нерѣдко грозило вылиться въ самыя грубыя формы".—Самыя суда были плохо приспособлены къ перевозкѣ людей. — „Въ общемъ вся организація и посадки переселенцевъ на суда и перевозки ихъ по Амуру въ 1907 и 1908 гг. носила довольно хаотическій характеръ". Что же касается движенія на подводахъ, то оно находится въ прямой зависимости отъ устройства грунтовыхъ дорогъ. Переселеннамъ приходилось пользоваться, главнымъ образомъ, дорогами, которыя расположены между старожильческими селеніями, а за предѣлами этихъ селеній дорогъ, по крайней мѣрѣ въ 1907 г., почти не было, а тѣ, которыя были, находились въ зачаточномъ состояніи. Переселенцамъ во многихъ мѣстахъ даже тамъ, гдѣ дороги были, приходилось предпочитать ѣхать по цѣлинѣ, такъ какъ на цѣлинѣ было меньше грязи. Переправы черезъ рѣки и горные ручьи были въ большинствѣ случаевъ въ неисправномъ состояніи. Двигались нерѣдко очень медленно, иногда по 3 версты въ день. Даже въ 1908 г. переправы черезъ болота и нѣкоторыя рѣки въ глухихъ мѣстахъ были въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Напливъ переселенцевъ въ 1907 г. въ Приморскую область засталъ мѣстную переселенческую организацію неподготовленной и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, въ Никольскъ-Уссурійскѣ (*читать*): „не было заготовлено ни помѣщеній, ни больницъ, ни достаточнаго персонала, какъ административнаго, такъ и медицинскаго. Пришлось со второй половины апрѣля мѣсяца размѣщать переселенцевъ, число которыхъ доходило нерѣдко до 3.000 человѣкъ въ сутки, въ палаткахъ".

Санитарныя условія жизни этихъ переселенцевъ были ужасны. Для характеристики достаточно указать, что на Никольскъ-Уссурійскомъ пунктѣ на 53 родившихся было зарегистрировано 229 умершихъ: на этомъ пунктѣ были зарегистрированы всевозможныя заразныя болѣзни, за исключеніемъ только холеры и чумы. Для борьбы съ этими болѣзнями находились только одинъ врачъ и три лица фельдшерскаго персонала, между тѣмъ бывали дни, когда амбулаторный пріемъ достигалъ 300 человѣкъ, больницу, разсчитанную вначалѣ на 12 кроватей, пришлось въ концѣ концовъ развернуть до 150. Еще тяжелѣе были условія жизни на другомъ переселенческомъ пунктѣ, на Иманѣ. Здѣсь больныхъ клали въ госпиталѣ въ два-три яруса. То же почти происходило и на третьемъ пунктѣ въ Срѣтенскѣ (*читать*): „Здѣсь даже въ 1908 г.—пишутъ авторы „Приамурья"—условія медико-санитарной помощи производили впечатлѣніе полной дезорганизаціи".

Посмотримъ теперь, какова обстановка жизни переселенцевъ на мѣстахъ водворенія. На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ томъ же трудѣ. „Многіе участки, заселенные въ 1907 г., оказа-

лись неудовлетворительными въ санитарномъ отношеніи". Въ бассейнѣ рр. Хора и Кіи. Приморской области, цѣлыя ряды поселковъ построены на болотѣ; еще болѣе заброшенные поселки встрѣчаются въ бассейнѣ рр. Вака и Имана, здѣсь встрѣчаются даже селенія, гдѣ въ маѣ мѣсяцѣ невозможно было безъ болотныхъ сапогъ перейти изъ одной хаты въ другую, а во многихъ землянкахъ на полу стояли лужи. Несмотря на такое обиліе воды, водоснабженіе въ этихъ поселкахъ крайне неудовлетворительно. Такъ, въ селеніяхъ по рр. Хору и Кіѣ приходится пользоваться питьевой водой изъ болотныхъ рѣчекъ, изъ протоковъ съ медленнымъ теченіемъ, вода въ которыхъ лѣтомъ сильно нагрѣвается и пріобрѣтаетъ непріятный болотный привкусъ, а зимой затухаетъ и становится негодной для питья. Подобныя условія водоснабженія встрѣчаются и въ Амурской области, въ особенности по берегамъ болотныхъ „озеръ". Въ этихъ „озерахъ" вода портится на столько, что оказывается негодной не только для питья, но даже и для скотины. Въ виду такихъ выяснившихся недостатковъ водоснабженія мѣстныя переселенческія организаціи съ весны 1908 г. начали рыть колодцы, но тутъ оказывалось, что одни колодцы пришлось бросить за невозможностью преодолѣть песчаныя осыпи, въ другихъ вода была на такой глубинѣ—13—14 сажень—что вычерпываніе ея сопряжено съ большимъ трудомъ. Да и въ этихъ колодцахъ, благодаря ихъ плохому устройству, благодаря плохому уходу за ними со стороны переселенцевъ, вода скоро портилась и дѣлалась мало пригодной для питья. Съ другой стороны, многіе изъ поселковъ оказались нарѣзанными въ таежныхъ мѣстахъ, въ особенности въ Уссурійскомъ краѣ. Здѣсь приходилось употреблять массу труда на раскорчевку пней. Встрѣчались поселенія, гдѣ даже черезъ годъ послѣ водворенія по улицамъ нельзя было ни проѣхать, ни пройти, благодаря пнямъ и валежнику. А жилища новоселовъ? Достаточно сказать, что большинство даже зажиточныхъ переселенцевъ довольствуется временно сколоченными изъ тонкихъ бревенъ хижинами, землянками или мазанками. Во всѣхъ такихъ помѣщеніяхъ наблюдаются крайняя тѣснота, неустройство и грязь. Въ результатѣ такой тяжелой обстановки жизни среди переселенцевъ развивались въ большихъ размѣрахъ заразныя болѣзни. Между тѣмъ „для борьбы съ ужасающей заболѣваемостью - пишутъ авторы „Приамурья"— переселенческая организація не располагала ни достаточно организованными лѣчебницами, ни соотвѣтствующимъ персоналомъ!.. Смертность достигала въ среднемъ среди переселенцевъ въ Амурской и Приморской областяхъ 120 на 1.000, т. е. была въ четыре раза больше нормальной: были поселки, гдѣ смертность была прямо поражающей: такъ, въ дер. Смирновкѣ на 169 душъ населенія обоего пола было зарегистровано 45 смертей, т. е. 266 на 1.000, а въ поселкѣ Тавалазѣ 85 смертей на 388 душъ населенія, т. е. 219 на 1.000. Гг., вѣдь эти цифры прямо поражающія. И вотъ, въ результатѣ такой постановки дѣла

начало быстро развиваться обратное переселеніе. По даннымъ авторовъ „Приамурья“, изъ переселенцевъ 1907 г. за два года ушло изъ Амурской обл. 13% и изъ Приморской — 19,8%. Но, скажутъ мнѣ, все это было въ 1907—1908 г.г., все это теперь прошло, все это было результатомъ только временной неподготовленности переселенческаго управленія, что въ настоящее время вѣдомство исправило крупнѣйшіе изъ дефектовъ и что теперь обращено вниманіе и на движеніеие реселенцевъ, и на устройство переселенцевъ на мѣстахъ, что теперь устраиваются и необходимыя дороги въ мѣстахъ водворенія, что обращено вниманіе и на лучшее водоснабженіе, что теперь переселенцамъ предоставляется достаточная врачебная помощь и т. д. Такъ ли это? На этотъ вопросъ отвѣтъ дадутъ вамъ тѣ цифры, которыя я буду имѣть честь вамъ привести. Прежде всего, остановлюсь на вопросѣ о постройкѣ дорогъ въ заселяемыхъ районахъ. Изъ предыдущей части моей рѣчи уже можно было видѣть, какое важное значеніе имѣетъ правильная постановка дорожнаго дѣла въ дальневосточныхъ областяхъ. На это же указываетъ и сенаторъ Иваницкій въ своемъ отчетѣ. Такъ, на стр. 34 онъ говоритъ: „кредиты на дорожное строительство слѣдуетъ отпускать въ строгомъ соотвѣтствіи съ размѣрами землеотводныхъ работъ“. Между тѣмъ, что же мы наблюдаемъ? По плану дорожныхъ работъ, составленному мѣстными переселенческими организаціями, въ областяхъ Амурской, Приморской и Забайкальской, какъ сообщаетъ само вѣдомство въ своихъ отвѣтахъ на поставленные переселенческой комиссіей вопросы, предполагалось въ 1910 г. построить 1.654 вер. новыхъ дорогъ, на что испрашивается около 1.500.000 р.; вѣдомствомъ же внесена въ смѣту на 1910 г. постройка только 926 вер., на сумму 851.000 р., т. е. почти вдвое меньше. И это въ то время, когда само вѣдомство на стр. 18 своихъ же отвѣтовъ говоритъ, что для участковъ, уже образованныхъ въ предѣлахъ этихъ трехъ областей, потребуется провести 2.680 вер. новыхъ дорогъ, а вѣдь въ 1910 г. предполагается еще нарѣзать здѣсь новыхъ 85.000 душевыхъ долей. И одновременно съ этимъ заготовку долей вѣдомство не только не уменьшаетъ, а увеличиваетъ. Такъ, въ Забайкальской обл. мѣстная организація предполагала заготовить 20.000 душевыхъ долей, вѣдомство предписываетъ заготовить 25 000 долей—на 5.000 больше—и повышаетъ соотвѣтственные кредиты на межевыя работы. Но, можетъ быть, усиленная заготовка долей вызывается крайней необходимостью, можетъ быть, дѣйствительно, тамъ нѣтъ готовыхъ долей, некуда сажать переселенцевъ? Ничуть не бывало: въ своемъ печатномъ отвѣтѣ на соотвѣтствующій вопросъ переселенческой комиссіи вѣдомство само сообщаетъ, что свободный фондъ въ областяхъ Амурской, Забайкальской и Приморской опредѣлялся къ 1 сентября 1909 г. въ 33.389 долей и сверхъ того должно было поступить отъ работъ полевого періода 1909 г. около 70.000 долей, а въ дѣйствительности, какъ выяснилось позднѣе, поступило даже 74.000 долей,—итого тамъ имѣется къ 1910 г. свободный фондъ

въ 107.000 душевыхъ долей, это не считая 58.000 душевыхъ долей, зачисленныхъ ходоками, но еще фактически не занятыхъ. Тамъ, гдѣ уже и такъ много свободныхъ долей, предписывается все-таки усиленная заготовка новыхъ долей, а дорожный кредитъ урѣзывается. Что же это такое? Или это намѣренная заготовка мертваго фонда, или это надежда на то, что, авось, переселенцы какъ-нибудь доберутся до этихъ бездорожныхъ участковъ и будутъ тамъ отрѣзаны отъ всего міра, по прежнему болѣть и вымирать? Въ размѣрѣ дорожнаго строительства вѣдомство не только не прогрессируетъ, но, по моему, даже дѣлаетъ шагъ назадъ; такъ, если судить по смѣтамъ 1908 и 1909 гг., въ Приамурьѣ строилось дорогъ по разсчету одна верста на 63—64 новыхъ заготовляемыхъ доли, а въ 1910 г.—одна верста на 92 новыхъ доли, т. е. кредитъ на постройку дорогъ сокращается противъ прежнихъ лѣтъ въ полтора раза. Далѣе, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, на гидротехническія работы въ Забайкальской обл. испрашивалось около 150.000 р., а вѣдомство вноситъ въ смѣту 21.349 р., т. е. въ семь разъ меньше, и это въ то время, когда заготовка долей, напротивъ, увеличивается. На врачебно продовольственную часть мѣстная Забайкальская переселенческая организація испрашивала болѣе 100.000 руб., вѣдомствомъ же вносится въ смѣту всего 75.000 руб., т. е. въ полтора раза меньше, чѣмъ требуется; на агрономическую часть испрашивалось 35.000 р.— по смѣтѣ вносится 24.000 р., опять-таки въ полтора раза меньше. И это дѣлается для той области, которой, по докладу на недавно состоявшемся въ Полтавѣ съѣздѣ областной южной земской организаціи агента этой организаціи по Забайкальской области г. Лазарева, посвящены слѣдующія слова: „Климатическія условія района со своими рѣзкими переходами отъ тепла къ холоду, неравномѣрнымъ распредѣленіемъ атмосферныхъ осадковъ, короткимъ вегетаціоннымъ періодомъ и незначительнымъ количествомъ тепла, дѣлаютъ весьма сомнительнымъ созрѣваніе хлѣбовъ, воздѣлываемыхъ въ Европейской Россіи. Использованіе района въ земледѣльческомъ отношеніи возможно только при условіи созданія разновидностей хлѣбныхъ растеній, которыя требуютъ для своего развитія меньшаго вегетаціоннаго періода и меньшаго количества тепла. До полученія вышеупомянутыхъ хлѣбныхъ растеній земледѣліе, безъ другихъ занятій, не можетъ обезпечить существованія тамъ переселенцевъ". Что же, спрашивается, здѣсь, въ петербургскихъ канцеляріяхъ, будутъ вырабатывать эти разновидности хлѣбныхъ растеній, если такъ безпощадно урѣзываютъ и безъ того ничтожный кредитъ, испрашиваемый на агрономическія мѣропріятія мѣстной переселенческой организаціей? Этотъ кредитъ малъ для Забайкалья, но еще меньше для Амурской и Приморской областей, такъ какъ въ смѣту по обѣимъ этимъ областямъ вносится только 19.925 р., вдвое меньше, чѣмъ по смѣтѣ прошлаго года, когда было внесено 40.000 р. Приведенныя мною цифры, я думаю, говорятъ съ достаточной убѣдительностью, что

нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что дѣло колонизаціи Дальняго Востока въ дальнѣйшемъ пойдетъ правильно, что оно будетъ вестись лучше, чѣмъ велось въ 1907 и 1908 гг. По прежнему будутъ нарѣзаться тамъ участки среди неосушенныхъ болотъ, по прежнему недостаточно будетъ водоснабженіе на нихъ, по прежнему недостаточна будетъ врачебная помощь и по прежнему не будетъ, особенно необходимой въ этихъ трудныхъ районахъ, достаточной агрономической помощи. Я не буду останавливаться на организаціи ссудной помощи (*голосъ справа*: довольно), потому что это потребуетъ много времени, скажу только два слова о необходимости организаціи для переселенцевъ правильнаго мелкаго кредита: дѣло это нелегкое, организовать его трудно, но не невозможно. Не надо забывать, что и теперь переселенцы все равно кредитуются у старожиловъ, и всякому понятно, какъ бываетъ тяжелъ этотъ кредитъ: платятся огромные проценты, но безъ этого кредита не обходятся; рѣдкій переселенецъ безъ этого кредита былъ бы въ состояніи даже окончательно устроиться на новомъ мѣстѣ. Но подробно говорить объ этомъ я не буду, а прямо перейду къ заключительной части своей рѣчи. Что дѣло колонизаціи Дальняго Востока по прежнему ведется плохо—объ этомъ говорятъ цифры обратнаго переселенія. Такъ, по отчету самаго переселенческаго управленія, обратное движеніе въ 1909 г. возросло по всѣмъ районамъ до цифры 9,6%, но это же обратное движеніе для Дальняго Востока въ 1909 г. выражается: для Приморской области цифрой 18,8%, а для Забайкальской даже цифрой 22,1%. Вѣдомство объясняетъ высокій процентъ обратнаго переселенія тѣмъ, что обратно бѣгутъ, главнымъ образомъ, самовольные переселенцы, но вотъ на Дальнемъ Востокѣ даже среди переселенцевъ, ушедшихъ туда легально, среди разрѣшенныхъ переселенцевъ процентъ обратныхъ для Приморской области составлялъ въ 1909 г. 17½%, для Забайкальской—13½%. Итакъ, почти $^1/_5$ часть переселенцевъ 1909 г. въ эти двѣ области бѣжала обратно. Это цифры грозныя, онѣ должны были бы заставить задуматься вѣдомство, онѣ должны были бы показать, что дѣло ведется плохо, что дѣлу колонизаціи нашего Дальняго Востока грозитъ серьезная опасность, и наступитъ, несомнѣнно, скоро крахъ этого дѣла, и не особыми комитетами заселенія Дальняго Востока можно избѣжать этого краха; есть только одно средство этого избѣжать, это—окончательно отказаться отъ переселенія, какъ одного изъ способовъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, и перестать сокращать кредиты, необходимые для прочнаго устройства переселенцевъ на мѣстахъ. Если же, по бюджетнымъ соображеніямъ, кредиты должны быть сокращены, то сокращайте лучше на заготовку долей, но не сокращайте ту часть кредитовъ, которая необходима для прочнаго устроенства на мѣстахъ, иначе, гг., крахъ неминуемъ (*Рукоплесканія слѣва*).

(Стенографическій отчетъ).

Издатель В. П. Сукачевъ. Редакторъ А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

Съ Ноября 1910 года выходитъ

новая ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ общественно-педагогическая

ГАЗЕТА

„ШКОЛА и ЖИЗНЬ“

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ число сотрудниковъ газеты вошли, между прочимъ, нижепоименованныя лица:

Айхенвальдъ, Ю. И.
Алчевская, Х. Д.
Ананьинъ, С. А.
Анзиміровъ, В. А.
Анучинъ, Д. Н., акад.
Балаевъ, Н. В.
Балталонъ, Ц. П.
Барановъ, В. Г.
Батюшковъ, Ф. Д., проф.
Бередниковъ, С. Г.
Беренштейнъ, А. Н.
Бехтеревъ, В. М., акад.
Бодуэнъ де Куртенэ, И. А., проф.
Бодуэнъ де Куртенэ, Р. Р.
Боргманъ И. И., проф.
Бороздинъ, А. К., проф.
Буниннъ, Ю. А.
Быкова, А. Ф.
Быковъ, А. Н.
Бѣлоконскій, И. П.
Вагнеръ, В. А., проф.
Вартановъ, В. И., проф.
Васильевъ, А. В., проф.
Вахтерова, Э. О.
Вахтеровъ, В. П.
Великопольскій, А. А. (Арк. Велскій),
Венгеровъ, С. А., проф.
Вернадскій, В. И., акад.
Владиславлевъ, А. В.
Волькенштейнъ, О. А.
Вольтеръ, Э. А.
Галабутскій, Ю. А.
Гартвигъ, А. Ф.
Гатлихъ, А. Ф.
Генкель, А. Г.
Герверъ, А. В., проф.
Гердъ, В. А.
Гермоніусъ, А. К.
Глинка, И. В.
Голубевъ, В. С.
Гориневскій, В. В.
Градовскій, Г. К.
Гревсъ, И. М., проф.
Гредескулъ, Н. А., проф.
Грибоѣдовъ, А. С.
Григорьевъ, Г. М.
Гриммъ, Д. Д., проф.
Гриммъ, Э. Д., проф.
Грузинскій, А. Е.
Гуревичъ, Я. Я.
Диксонъ, К. И.
Дриль, Д. А., проф.
Душечкинъ, Я. И.
Дьяконовъ, М. А., акад.
Езерскій, Н. Ф.
Елачичъ, Е. А.
Журавская, З. Н.
Звягинцевъ, Е. А.
Знаменскій, С. Ф.
Золотаревъ, С. А.
Зѣлинскій, Ѳ. Ф., проф.
Ивановскій, В. В., проф.
Игнатьевъ, В. Е.
Исаевъ, А. А., проф.
Кабановъ, Н. А.
Каблуковъ, Н. А., проф.
Калантаръ, А. А.
Каптеревъ, П. Ф., проф.
Карѣевъ, Н. И., проф.
Кизеветтеръ, А. А., проф.
Ковалевскій, М. М., проф.
Колюбакинъ, А. М.
Кольцовъ, Н. К.
Кони, А. Ф., акад.
Коробка, Н. И.
Костромина, В. С.
Котельниковъ, В. Г.
Котляревскій, Н. А., акад.
Котляревскій, С. А., проф.
Крогіусъ, А. А.
Куьминъ-Караваевъ, В. Д., проф.
Ланге, Н. Н., проф.
Лапшинъ, И. И.
Лебедевъ, А. И.
Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ю., проф.
Левицкій, С. А.
Левшинъ, Д. М.
Линдъ, В. Н.
Липовскій, А. Л.
Логинскій, Е. Е.
Лосскій, Н. О.
Лучицкій, И. В., проф.
Мазингъ, К. К.
Максимова (Зенькович), З. І.
Малиновскій, Н. А.
Малыгинъ, П. П.
Мальчевскій, П. Л.
Мацкевичъ, Н. И.
Мертваго, А. П.
Метальниковъ, С. И.
Мижуевъ, П. Г.
Милюкова, А. С.
Милюковъ, Н. К.
Милюковъ, П. Н.
Мириманова, С. С.
Мировичъ, З. С.
Михайловъ, Н. Ф.
Муринова, А. М.
Муриновъ, В. Я.
Нечаевъ, А. П., проф.
Овсянико-Куликовскій, Д. Н., акад.
Озеровъ, И. Х., проф.
Ольденбургъ, С. Ф., акад.
Ольденбургъ, Ф. Ф.
Орловъ, П. А., проф.
Острогорская (Малкина), А. Я.
Острогорскій, А. Н.
Павловъ, И. П., акад.
Пантелѣевъ, Л. Ф.

Петражицкій, Л. І., проф.
Петрищевъ, А. Б.
Петрункевичъ, И. И.
Погодинъ, А. Л., проф.
Покровскій, В. И.
Половцевъ, В. В., проф.
Полянскій, И. И.
Поповъ, И. И.
Посниковъ, А. С., проф.
Поссе, В. А.
Поссе, К. А., проф.
Приселковъ, М. Д.
Пропперъ, А. Н., проф.
Реформатскій, А. Н., проф.
Родичевъ, Ф. И.
Россолимо, Г. И.
Рубакинъ, Н. А.
Рубашкинъ, В. Я.
Рудневъ, В. В.
Румянцевъ, Н. А.
Русова, С. Ф.
Фонъ-Рутценъ, Л. Н.
Рѣпина, Е. П.
Саккетти, Л. А., проф.
Самсоновъ, Н. В.
Сахаровъ, И. Н.
Святловскій, В. В., проф.
Севрукъ, Л. С.
Скворцовъ, Н. А.
Смирновъ, В. А.
Смирновъ, С. Г.
Смирновъ, С. Д.
Соболевскій, В. М.
Соколова, М. Д.
Стаховичъ, А. А.
Стаховичъ, М. А.
Сыромятниковъ, Б. И.
Сѣрополко, С. О.
Тарле, Е. В., проф.
Тихомировъ, Д. И.
Тихомировъ, М. Ф.
Толстой, И. И. графъ.
Туганъ-Барановскій, М. И., проф.
Тулуповъ, Н. В.
Тыркова, А. В.
Тютрюмовъ, А. М,
Улановъ, В. Я.
Фальборкъ, Г. А.
Фортунатовъ, А. Ф., проф.
Франкъ, С. Л., проф.
Хижняковъ, В. В.
Хлопинъ, Г. В., проф.
Цитронъ, М. А.
Чарнолуская, Е. М.
Чарнолускій, В. И.
Чехова, М. А,
Чеховъ, Н. В.
Чижевскій, П. И.
Шахматовъ, А. А., акад.
Шестаковъ, П. М.
Шимкевичъ, В. М., проф.
Шингаревъ, А. И.
Шорохъ-Троцкій, С. П.
Щегловъ, А. Л.
Щерба, Л. В.
Эрнъ, Ф. А.
Якобсонъ, А. Е.
Яковенко, В. И.
Яковлевъ (Богучарскій), В. Я.
Янжулъ, Е. Н.
Янжулъ, И. И., акад.
Янсонъ, А. К.
и мн. др.

„Школа и Жизнь"—названіе одной изъ незабвенныхъ статей Н. И. Пирогова, столѣтіе дня рожденія котораго мы чествуемъ въ этомъ году, и мы съ благоговѣніемъ заимствуемъ это названіе для нашей газеты; нашъ лозунгъ—основная мысль этой статьи: „школа и жизнь есть одно неразрывное цѣлое". Прогрессъ нашей сложной жизни немыслимъ безъ школы; школа строится совокупностью условій жизни. Въ частности, наша школа можетъ быть организована лишь совмѣстными усиліями общества и педагоговъ.

Наша цѣль—заставить самые широкіе круги общества признать первенствующее и рѣшающее значеніе образованія для всей дальнѣйшей судьбы нашей родины. Для этого у общей печати нѣтъ въ достаточной мѣрѣ ни мѣста, ни времени, ни сконцентрированныхъ силъ, и изданіе съ этою цѣлью спеціальной общественной газеты намъ кажется вполнѣ обоснованнымъ и своевременнымъ.

Могущественнѣйшее средство для всемѣрнаго распространенія и развитія образованія мы усматриваемъ въ единствѣ школы, въ преемственной связи всѣхъ ея трехъ ступеней,—и подъ этимъ знаменемъ мы вступаемъ въ жизнь.

Школа есть достояніе и явленіе культуры и, какъ таковая, должна стоять внѣ партій и политики; поэтому и наша газета будетъ строго безпартійной. Признаніе права всѣхъ національностей на свой родной языкъ въ школѣ мы считаемъ существеннѣйшимъ признакомъ здороваго національнаго, и національная школа въ этомъ широкомъ смыслѣ встрѣтитъ въ насъ горячихъ защитниковъ

Въ предстоящей работѣ по организаціи школы совершенно необходимо ознакомленіе общества съ матеріалами, накопившимися въ наукѣ и въ опытѣ всемірной школьной жизни. Это ознакомленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно развивать интересъ къ школѣ и дѣлать самую работу по ея организаціи и болѣе интенсивней, и болѣе плодотворной.

Принципъ неразрывности школы и жизни предрѣшаетъ и вопросъ о подчиненности школы; она должна находиться въ зависимости отъ общественныхъ организацій и, прежде всего, отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія: мы признаемъ и чрезвычайное значеніе частной иниціативы какъ въ школьномъ, такъ и во внѣшкольномъ образованіи.

Признавая для высшей школы безусловную необходимость автономіи,

подъ руководствомъ профессорской корпораціи, мы будемъ всемѣрно защищать и проводить эту идею во имя интересовъ науки и нашей родины.

Наконецъ, посильное освѣщеніе получатъ въ нашей газетѣ и всѣ текущіе вопросы педагогики, методики обученія, психологіи и философіи.

Этими основными положеніями мы будемъ руководиться въ предстоящей намъ работѣ и въ этомъ направленіи открываемъ у себя самый широкій просторъ всякому честному и искреннему слову.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Руководящія статьи, по вопросамъ: а) организаціи школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики.

2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія.

3) Фельетонъ, характеризующій по преимуществу внутреннюю жизнь школы или популяризирующій различныя стороны знанія.

4) Обзоръ общей печати.

5) Хроника образованія, въ которой первое мѣсто будетъ удѣлено дѣятельности законодательныхъ учрежденій, правительства, мѣстнаго самоуправленія и т. д.

6) Хроника школьной жизни въ Россіи и за границей.

7) Обозрѣніе спеціальной литературы русской и иностранной.

8) Справочный отдѣлъ, съ подъотдѣломъ отвѣтовъ редакціи на запросы подписчиковъ.

9) Объявленія.

Въ ежемѣсячныхъ книжкахъ, объемомъ въ 6—7 печатныхъ листовъ каждая, будутъ помѣщаться, по возможности, законченныя произведенія русскихъ и иностранныхъ авторовъ, по вопросамъ образованія и педагогики и соприкасающихся съ нею наукъ.

Газета будетъ выходить въ Петербургѣ и въ мѣстностяхъ на разстояніи 24-хъ часовъ почтоваго сообщенія отъ него—по понедѣльникамъ.

Подписная цѣна на газету и приложенія къ ней съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другія мѣста Имперіи — 6 рублей въ годъ, 3 рубля въ 6 мѣс. и 2 руб. въ 3 мѣс.

Для учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ допускается разсрочка по 1 руб. за каждые два мѣсяца.

Цѣна отд. № въ розничной продажѣ (безъ приложеній)—5 коп.

Лица, подписавшіяся до 1 января 1911 года, получатъ всѣ №№ газеты за 1910 г., начиная со дня подписки.

Адресъ редакціи и главной конторы: СПБ. Кабинетская ул., домъ Губернскаго Земства, № 18.

Редакторъ **Г. А. Фальборкъ.**

Издатели: **Н. В. Мѣшковъ** и **Г. А. Фальборкъ.**

„ОБСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

прогрессивная и внѣпартійная газета.

Выходитъ въ Новониколаевскѣ, Томской губ., ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой.

Въ Новониколаевскѣ	на годъ 4 р.	на 6 м. 2 р. 25 к.,	на 3 м. 1 р. 15 к.,	на 1 м. 40 к.
Въ другихъ городахъ	„ „ 5 р.,	„ 2 р. 75 к.,	„ 1 р. 45 к.,	„ 50 к.
Для сельскаго духовенства и для народныхъ учителей	„ „ 4 р.,	„ 2 р. 25 к.,	„ 1 р. 15 к.,	„ 40 к.

V-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1911 годъ
на большую ежедневную (кромѣ понедѣльниковъ) прогрессивную внѣпартійную газету

„СИБИРЬ"

Издаваемую въ г. Иркутскѣ. подъ редакціей А. К. Бингеръ.

Въ „Сибири" принимаютъ участіе видныя силы сибирской и столичной прессы.

Собственные корреспонденты: въ Петербургѣ, Москвѣ, за границей и по всей Сибири.

Въ „Сибири" помѣщаются письма депутата Иркутской губерніи Т. О. Бѣлоусова.

„Сибирь" удѣляетъ особое вниманіе внутренней жизни, Государственной Думѣ и Совѣту.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Внутри Имперіи:		**За границу:**	
На годъ	9 руб.	На годъ	14 руб.
„ полгода . . .	5 руб.	„ полгода . . .	8 руб.
„ 1/4 года . . .	3 руб.	„ 1/4 года . . .	5 руб.
„ одинъ мѣсяцъ	1 руб.	„ одинъ мѣсяцъ	2 руб.

Перемѣна адреса 20 коп. (При перемѣнѣ адреса необходимо прилагать или указывать прежній адресъ).

Иногородная подписка принимается только съ 1-го числа и адресуется **въ главную контору газеты «Сибирь», въ Иркутскѣ** (Большая ул., д. Зицерманъ, № 17), городская—съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца.

Цѣна объявленій за строку петита 20 к. впереди текста и 10 к. послѣ текста.

Издатель С. М. СОКОЛОВЪ.

Пробные номера газ. „Сибирь" высылаются безплатно.

XV г. издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1911 ГОДЪ

XV г. издания.

на ежедневную общественную литературную и коммерческую

„СИБИРСКУЮ ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ“

издающуюся въ г. ТЮМЕНИ. (Тобольск. губерн.)

Газета обращаетъ большое вниманіе на общественную и экономическую жизнь страны: всѣ выдающіеся факты и явленія ея въ Сибири, на Уралѣ и Дальнемъ Востокѣ находятъ себѣ мѣсто и освѣщеніе въ многочисленныхъ сообщеніяхъ, помѣщаемыхъ изъ разныхъ мѣстностей Сибири; обширный отдѣлъ „Русской Жизни“ знакомитъ читателей со всѣми выдающимися явленіями жизни въ Россіи. ● Обращено особое вниманіе на торговый и промышленный отдѣлы. Въ газетѣ помѣщаются разсказы, стихи, фельетоны на злобы дня.—Обширный отдѣлъ „Смѣси“ даетъ интересный и остроумный матеріалъ. ☞ Печатаются отчеты о засѣданіяхъ Государств. Думы и Совѣта, а также разныя извѣстія, близко касающіяся дѣятельности этихъ законодательныхъ учрежденій. Въ теченіи 1910 г. были помѣщаемы **Письма депутатовъ** Тобольской губерніи Н. Л. Скалозубова и В. И. Дзюбинскаго, а также рѣчи напр. Некрасова, Скороходова и другихъ Сибирск. депутатовъ. ☞

Подписная цѣна: на 1 годъ 5 руб.; за ½ года 3 рубля, на 4 мѣсяца 2 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 50 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1910 г.

XVIII ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Открыта подписка на 1911 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ ГАЗЕТУ

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

ИЗДАВАЕМУЮ въ г. ТОМСКѢ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Сибирская Жизнь“ отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа—крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ, живущихъ личнымъ трудомъ и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельнаго устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редакція будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея повседневной жизни и давая имъ освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адріановъ, Д. В. Алексѣевъ, В. И. Анучинъ, Г. Б. Бантовъ, М. Р. Бейлинъ. Ин. Бійскій, А. П. Букейхановъ, Борисъ Ф. (псевд.), прив.-доц. П. В. Бутягинъ, Г. А. Виткинъ, П. В. Вологодскій, членъ Государ. Думы Герасимовъ, Ю. О. Горбатовскій, Г. Гребеньщиковъ, В. Ю. Григорьевъ. И. П. Гавровскій, Е. Г. (псевд. П. Юж—нинъ), В. С. Ефремовъ, проф. Е. Л. Зубашевъ, Ф. К. Зобининъ, А. С. Кочаровская, А. В. Клюге, Е. А. Колтоновская, В. М. Крутовскій, М. О. Курскій, Д. Е. Лаппо, И. П. Лаптевъ, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, Митричъ (псевд.), Е. В. Никитинъ, членъ Госуд. Думы проф. Н. В. Некрасовъ, Пав. Николаевъ (псевд.), проф. В. А. Обручевъ, Г. Н. Потанинъ, проф. П. Н. Розинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, М. М. Сіязовъ, член. Госуд. Думы Н. Л. Скалозубовъ, проф. М. Н. Соболевъ, Н. В. Соколовъ, Н. И. Тачаловъ, проф. В. А. Уляницкій, А. Н. Ушаковъ, Ф. Ф. Филимоновъ, Н. Б. Шерръ, А. Н. Шипицынъ и др.

Редакція газеты имѣетъ спеціальныхъ корреспондентовъ изъ Государственной Думы: Н. Л. Скалозубова, А. М. Колюбакина, Вергежскаго, Герасимова и Изгоева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.	На 1 м.
Съ доставкой въ Томскѣ или пересылкой въ гор. Россіи .	6 р.	4 р. 75 к.	3 р. 50 к.	10 р. 80 к.	—р.60 к.
За границу . . .	10 р.	8 р. — к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1р.20 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголъ Дворянской улицы и Ямского пер., собств. домъ) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. Томскъ, въ контору газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторъ Г. Б. Бантовъ.
Издатель Сибирское Товарищество Печ. Дѣла.

Годъ изданія III-й. Годъ изданія III-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ. на 1911 годъ.

на прогрессивную, большую, ежедневную, общественно-литературную и экономическую газету

„Омскій Вѣстникъ“

издающуюся въ гор. Омскѣ.

Газета обслуживаетъ интересы обширнаго Степного края и съ этой цѣлью имѣетъ въ разныхъ его городахъ и селеніяхъ своихъ собственныхъ корреспондентовъ.

Подписная цѣна: съ доставкой въ г. Омскѣ и пересылкой во всѣ мѣста Россіи:

На 1 годъ—6 руб., 9 м. -4 р. 75 к., 6 м.—3 р. 25 к. 3 м.—1 р. 75 к., 1 м.—60 к.

Для народныхъ учителей, волостныхъ и сельскихъ управленій подписная плата 4 р. въ годъ.

Подписавшіеся на годъ и внесшіе годовую плату сполна, въ декабрѣ мѣсяцѣ газету **„ОМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“** будутъ получать

БЕЗПЛАТНО.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ.

„ЭХО“

ежедневная (кромѣ понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней)

БЕЗПАРТІЙНАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ ГАЗЕТА,

выходящая въ Благовѣщенскѣ, Амурской области.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

1 годъ 9 руб. съ доставкой и пересылкой
½ „ 5 „ „ „
1 мѣс 1 „ „ „

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

На 1 стран. за строку петита для городск. рекламодат. 20 к.
„ „ „ „ иногород. „ 30 к.
„ 4 „ „ „ „ городск. „ 10 к.
„ „ „ „ иногород. „ 20 к.

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ ГРАФСКАЯ УЛИЦА, ДОМЪ ДУНИСЪ

Редакторъ-Издатель *Н. Ф. Губановъ.*

При каждомъ № „НИВЫ" подписчики получатъ по одной книгѣ, всего въ годъ — **52 книги.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1911 ГОДЪ
(42-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ" получатъ въ теченіе **1911** года:

52 №№ еженедѣльнаго художественно-литературнаго журнала „НИВА": романы, повѣсти и разсказы; снимки съ картинъ, рисунки, фотоэтюды и иллюстраціи современныхъ событій.

52 КНИГИ, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ": романы, повѣсти, разсказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, задачъ и игръ.

дополнительныя **12 КНИГЪ** КЪ ПОЛНОМУ СОБРАНІЮ СОЧИНЕНІЙ **Ант. П. ЧЕХОВА.**

То, что получатъ наши подписчики на 1911 годъ, представляетъ большое литературное наслѣдіе — *болѣе трехсотъ разсказовъ Чехова*, отдѣльно не изданныхъ и обнимающихъ собою значительный періодъ его творческой дѣятельности. Намъ удалось найти все это послѣ многихъ лѣтъ неустанныхъ тщательныхъ поисковъ, и подписчики „Нивы" на 1911 годъ, прибавивъ ихъ къ „Собранію сочиненій Чехова", данному „Нивой" въ 1903 году, будутъ имѣть дѣйствительно „Полное собраніе сочиненій Чехова".

остальныя **20 КНИГЪ** ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.**

Въ эту вторую часть „Полнаго Собранія Сочиненій А. Ѳ. Писемскаго" войдутъ его знаменитые большіе романы: „Люди сороковыхъ годовъ", „Въ водоворотѣ", „Массоны" и драматическія произведенія, среди которыхъ особенно извѣстны: „Горькая судьбина", украшеніе и гордость русской сцены,—„Самоуправцы", „Ваалъ", „Финансовый геній"—и др.

8 КНИГАХЪ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ **Льва Алекс. МЕЯ.**

Мей, давшій русской поэзіи „Царскую невѣсту" и „Псковитянку", давно уже поставленъ критикой рядомъ съ великими авторами „Бориса Годунова" и „Смерти Іоанна Грознаго". Знаніе народной русской жизни, сокровенныхъ ея началъ и завѣтныхъ вѣрованій народа ярко сказалось и въ его поэмахъ, былинахъ и пѣсняхъ, а также въ его повѣстяхъ и разсказахъ. Владѣя въ совершенствѣ стихомъ, Мей на ряду со своими оригинальными произведеніями создалъ на русскомъ языкѣ цѣлую переводную литературу лучшихъ образцовъ міровой поэзіи.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ". До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльн. и выпильн. работъ и выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральн. величину.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ" на **1911** годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" со всѣми приложеніями на годъ.

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки. **6 р. 50 к.** съ доставкой . **7 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, у Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе" — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи. . . . . 8 р.
За границу — **12 р.**

Подписчики, желающіе получить также **первыя 18 книгъ Писемскаго 1910 г., доплачиваютъ:** 1) Безъ доставки въ СПБ — **2 руб.**, въ Москвѣ и Одессѣ—**2 р. 25 к.**; 2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи— **2 р. 50 к.**; 3) За границу 3 руб.

Подписчики, желающіе получить **первые 16 томовъ соч. Чехова 1903 г., доплачиваютъ:** 1) Безъ доставки: въ СПБ. — **4 руб.**, въ Москвѣ и Одессѣ—**4 р. 25 к.**; 2) Съ дост. и перес. во всѣ мѣста Россіи— **4 р. 50 к.**; 3) За границу—5 руб.

Допускается разсрочка платежа за „Ниву" и за книги соч. Чехова 1903 г. и Писемскаго 1910 г. въ 2, 3 и 4 срока.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **безплатно.**

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА", улица Гоголя, № 22.

III годъ изданія. III годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ОБЩЕСТВА СИБИРСКИХЪ ИНЖЕНЕРОВЪ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ.

Редакціонный комитетъ: Профессора инж.-техн. Е. Л. Зубашевъ, горн. инж. В. А. Обручевъ, инж.-мех. А. М. Крыловъ, горн. инж. Л. Л. Тове. Преподаватели: инж. п. с. С. А. Введенскій, инж.-техн. П. В. Гутовскій, инж.-техн. А. А. Левченко, инж.-техн. А. В. Угаровъ, Горн. инж. П. П. Гудковъ, инж.-техн. Е. П. Ивановъ, горн. инж. Н. С. Пеннъ, инж. п. с. К. Г. Трубинъ, инж.-техн. В. Ф. Юферевъ.

Редакторы: { Инж. п. с. **К. Г. Трубинъ.**
Инж.-техн. **В. Ф. Юферевъ.**

Цѣна журнала для лицъ, не состоящихъ членами Общества, 3 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой. Для гг. студентовъ 2 рубля.

Подписка на журналъ принимается: въ редакціи журнала, Томскъ, Технологическій Институтъ, Физическій корпусъ; въ редакціи газеты „Сибирская Жизнь", Томскъ, Дворянская, соб. д. и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина: Томскъ: Благовѣщенскій, соб. д.

Адресъ для заказовъ на объявленія: г. Томскъ, Технологическій Институтъ, Физическій Корпусъ, Редакціи Журнала О-ва Сибирскихъ Инженеровъ.

Годъ изданія I. Годъ изданія I.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ

ГАЗЕТУ

Сибирское Слово

ВЫХОДЯЩУЮ ЕЖЕДНЕВНО въ Г. ТОМСКѢ.

Газета ставитъ своей задачей давать возможно полное освѣщеніе русской, заграничной и особенно сибирской жизни, на основахъ демократическихъ принциповъ. Имѣя въ различныхъ пунктахъ Сибири своихъ корреспондентовъ, газета, кромѣ того, вводитъ особый отдѣлъ провинціальной хроники, дабы дать возможность и тѣмъ населеннымъ пунктамъ, гдѣ нѣтъ собственныхъ газетъ, слѣдить за интересами своей общественной жизни и быть въ курсѣ своихъ мѣстныхъ событій.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На 1 годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Въ Томскѣ .	6 руб.	3 р. — к.	1 р. 50 „	50 к.
Въ другихъ городахъ . .	6 „	3 „ — „	1 „ 70 „	60 к.
Для учащихъ и учащихся	5 „	2 „ 50 „	1 „ 30 „	45 к.
За границу	10 „	6 „ — „	3 „ 50 „	1 р. 20 к.

Подписавшіеся на годъ и внесшіе годовую плату сполна въ декабрѣ мѣсяцѣ газету „Сиб. Слово" **получаютъ безплатно.**

Адресъ конторы и редакціи: Ямской пер., д. Н. И. Орловой.

ГОРОДЪ ХАРБИНЪ

3-й годъ изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1911 ГОДЪ НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ 3-й годъ изд.

„ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ЖИЗНЬ НА ДАЛ. ВОСТОКѢ".

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна:

На годъ . . . . . 6 руб.—коп.
На ½ года . . . . 3 „ — „
На 1 мѣс. . . . . — „ 50 „

Плата за объявленія:

За строку петита впереди текста—25 к. стр., позади текста—15 к. строка. Въ страницѣ 2 столбца 200 строкъ.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Въ Харбинѣ подписка принимается: въ редакціи—Аптекарская ул.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

Торговый Домъ Л. и Э. Метцль и К°

Петербургъ: Морская ул., домъ 11.
Москва: Мясницкая ул., д. Сытова.
Варшава: Маршалковская ул., 130.

Отдѣльные № высылаются за двѣ 7 коп. марки.

Будутъ напечатаны статьи: "Обалдѣніе" (исторія затѣвавшагося въ 1905 г. движенія арміи походнымъ порядкомъ отъ Харбина до Самары и проектъ захвата дорогъ К. В. Забайкальской, Сибирской и Самаро Златоуст. въ военныя руки), Рудокопа. „Изъ недавняго прошлаго Забайкалья" (Забастовка на Заб. ж. д. по документальнымъ даннымъ, карательныя экспидиціи Меллеръ-Закамельскаго и Ренненкампфа). Н. А. Усова. Подробности Сенаторской ревизіи на Сибирск. ж. д.—Сибирскія ж. д. (Сибирск., Забайкальск. и Кит. Вост.) Во время войны (Воспоминанія участниковъ). „Намъ никого не надо" (Эпизодъ изъ проѣзда А. П. Куропаткина на Д. В. въ 1903 г.).

Годовымъ подписчикамъ (безъ разсрочки) въ январѣ въ видѣ преміи будетъ выслана брошюра **„ХУНХУЗЫ ВОСТОЧНОЙ МОНГОЛІИ"**, (размѣръ 1½ печатныхъ листа). Новый очеркъ инженера **В. Н. Бутузова.**

Редакторъ-Издатель Н. А. Усовъ (бывш. нач. 2 отд. службы движ. Заб. ж. д.).

(Годъ изданія четвертый)

Открыта подписка на 1911 годъ

на

СИБИРСКУЮ

ВРАЧЕБНУЮ ГАЗЕТУ,

издающуюся въ г. Иркутскѣ подъ редакціей

П. И. Федорова.

Ближайшее участіе въ газетѣ принимаютъ слѣдующія лица:

Багашевъ И. А. (Москва), **ф.-Вергманъ Г. А.** (Иркутскъ), **Прив.-доц. Бутягинъ П. В.** (Томскъ), **Борманъ В. Л.** (Благовѣщенскъ), **проф. Вершининъ Н. В.** (Томскъ), **Делекторскій Н. И.** (Томскъ), **проф. Добромысловъ В. Д.** (Кіевъ), **Ельяшевичъ Б. А.** (Иркутскъ), **Жученко Н. С.** (Иркутскъ), **прив.-доц. Зиминъ А. Н.** (Томскъ), **Каршинъ А. А.** (Иркутскъ). **Кирилловъ Н. В.** (Приморская обл.), **прив.-доц. Кисель А. А.** (Москва), **Козьминъ М. О.** (Красноярскъ), **Корелинъ В. В.** (Томскъ), **Крутовскій В. М.** (Красноярскъ), **проф. Левашевъ И. М.** (Томскъ), **проф. Лобановъ С. В.** (Томскъ), **Михайловскій И. П.** (Иркутскъ), **Мухадзе В. М.** (Томскъ), **Никольскій Д. П.** (Петербургъ), **Пескинъ Я. А.** (Иркутскъ), **Пешковскій Н. Я.** (Иркутскъ), **проф. Покровскій М. М.** (Томскъ), **Софотеровъ С. К.** (Томскъ), **Спасскій Н. С.** (Томскъ), **прив.- доц. Сухановъ С. А.** (Петербургъ), **Соколовъ Н. В.** (Томскъ), **проф. Тиховъ П. И.** (Томскъ), **Франкъ-Каменецкій З. Г.** (Иркутскъ), **Фрайфельдъ А. О.** (Иркутскъ), **Чистяковъ П. И.** (Томскъ) и мн. другіе.

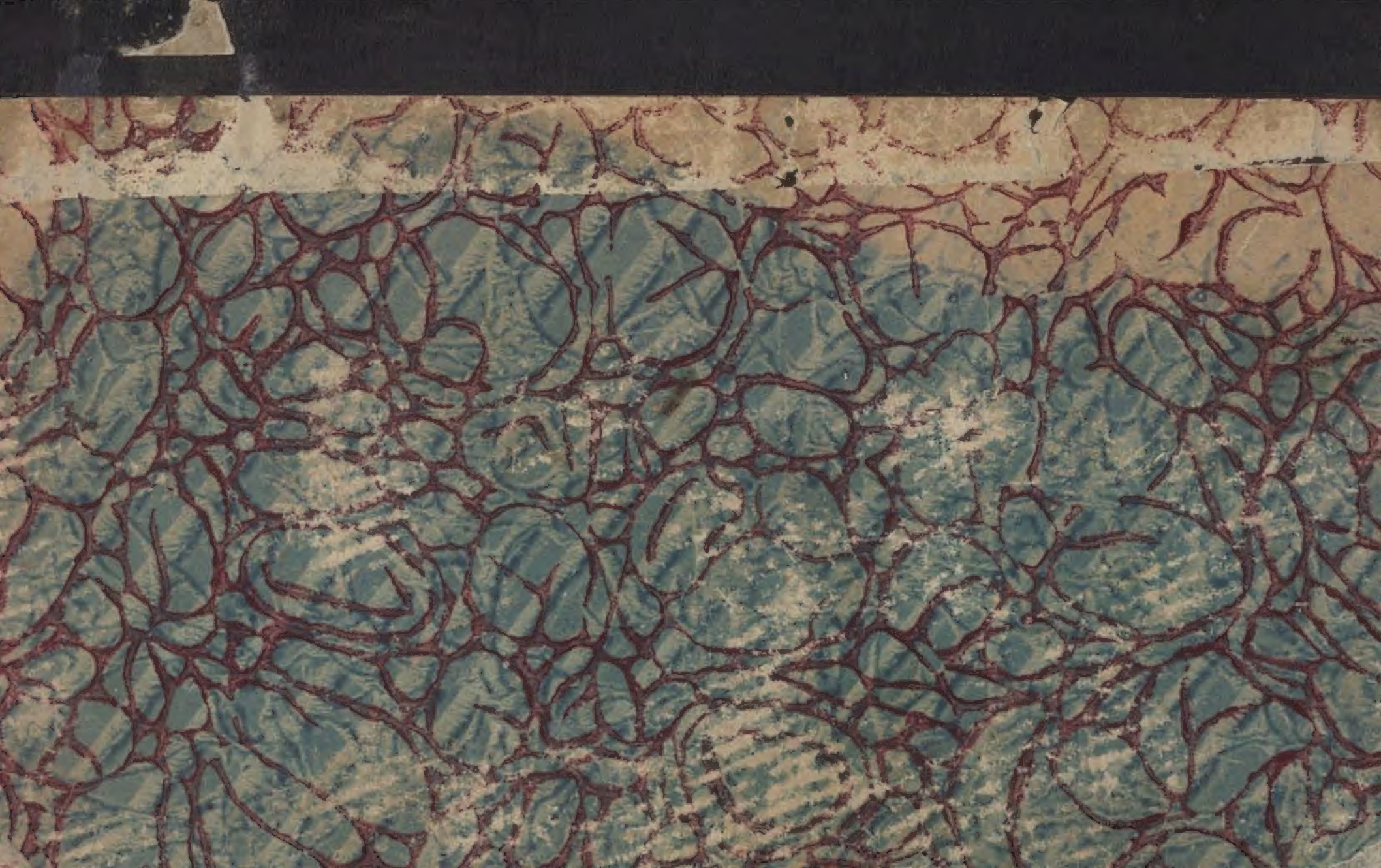
„СИБИРСКАЯ ВРАЧЕБНАЯ ГАЗЕТА", какъ и въ предыдущіе годы, главное свое вниманіе будетъ обращать на разработку вопросовъ врачебнаго дѣла въ Сибири и, являясь въ то же время обще-медицинскимъ органомъ, будетъ удѣлять мѣсто всѣмъ отдѣламъ научной и практической медицины и смежныхъ съ нею областей знанія.

Подписка: Въ годъ **7 руб.** Допускается разсрочка— при подпискѣ **4 руб.** и къ **1-му іюля 3 руб.**

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: **Иркутскъ, Баснинская, 27.**

Отъ редакціи.

Редакція полагаетъ, что всѣ лица и общественныя учрежденія, кому дорого независимое слово въ борьбѣ за лучшее будущее Сибири, могутъ оказать журналу существенную поддержку, присылая статьи и корреспонденціи на темы, какія въ данный моментъ наиболѣе интересуютъ сибирское населеніе.

Съ просьбой о такомъ содѣйствіи редакція обращается ко всѣмъ сибирякамъ, кто хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями журнала своими мыслями о текущихъ вопросахъ, явленіяхъ и фактахъ сибирской жизни.

Всѣ статьи и корреспонденціи оплачиваются.